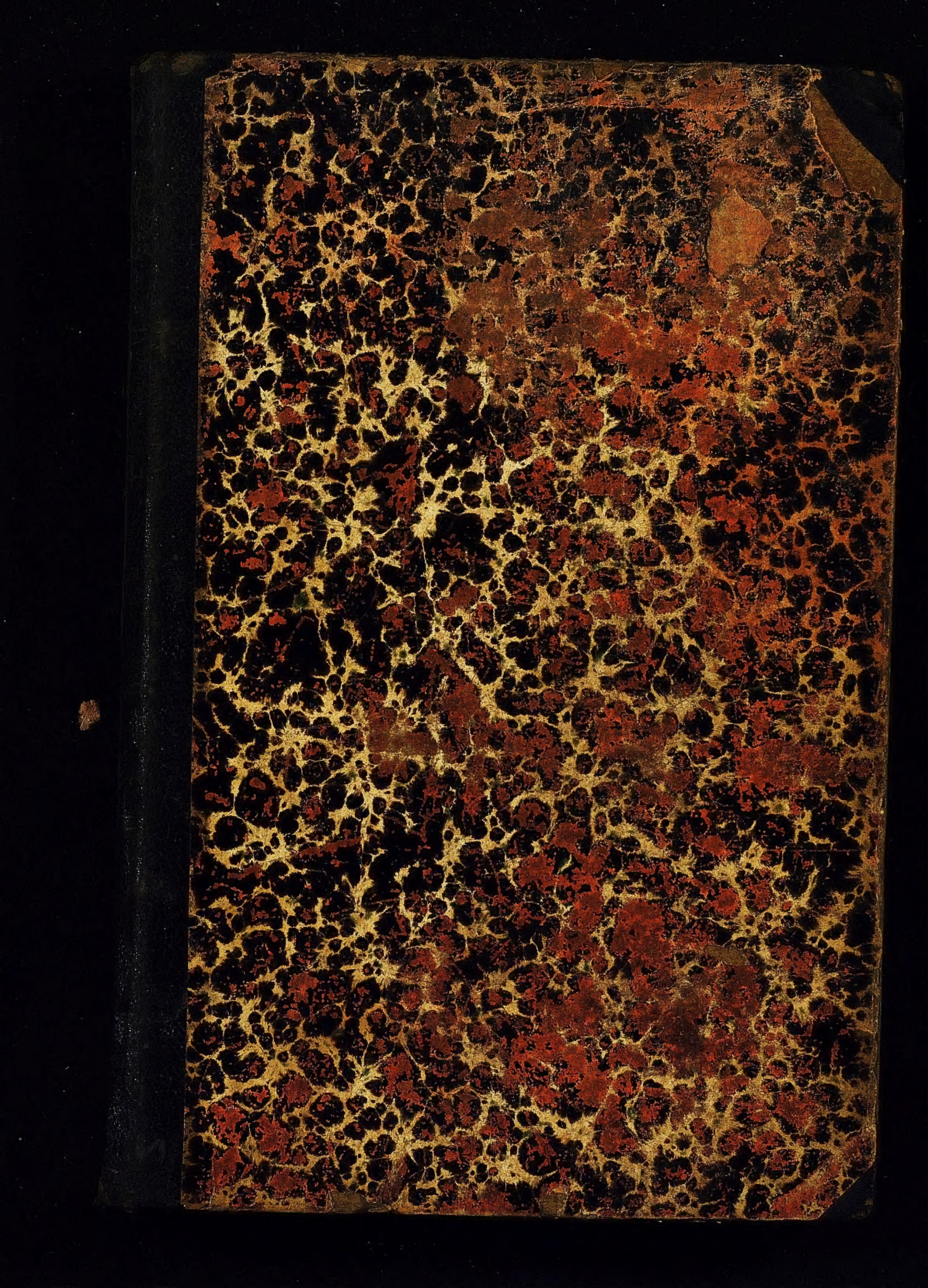

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

Общественн. библиотека. Вологодского уѣзднаго земства.

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

22561
49 г.

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

МАРТЪ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1913 г.

(Сорокъ-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА** и **Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА - КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою **1 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса. поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній, уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.—МАРТЪ.

СТРАН.

I. ВѢРА.—**Ивана Бунина** 5
II. СТАРЫЕ ПОРТРЕТЫ.—Стихотворенія.—**Валентина Кривича** 13
III. КНЯЗЬ ВО КНЯЗЬЯХЪ.—**Ивана Бунина**. 15
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Бориса Садовского** 25
V. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.—Романъ (Продолженіе).—**А. Тырковой** 26
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Т. Ефименко** 83
VII. ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ, ПЕРЕДЪ САМЫМИ ДНЯМИ РАЗСЧЕТА.—(Простые очерки). — I. Злыя и добрыя силы. II. Какому же богу молиться? III. 12 страстей захолустья.—**А. Дивильковскаго** 84
VIII. УТѢШЕНІЕ НОЧИ (Изъ Людвига Якобовскаго). Стихотвореніе.—**Анатолія Доброхотова** 123
IX. ЛѢСНЫЯ МОГИЛЫ (Изъ жизни финскихъ кирковщиковъ).—**К. и О. Ковальскихъ** 124
X. ВТОРАЯ РЕСТАВРАЦІЯ БУРБОНОВЪ И «БЕЗПОДОБНАЯ» ПАЛАТА.—**В. Бутенко** 138
XI. СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЯ ОБЩИНЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. — **М. Туганъ-Барановскаго** 170
XII. УГОЛОВНОЕ РАБСТВО ВЪ ЮЖНЫХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ.—**П. И. Люблинскаго** 194
XIII. КЛЯТВА СТЕФАНА ГУЛЛЕРА. — Романъ Голлендера (Продолженіе).—Съ нѣмецкаго, перев. **З. Журавской** 219
XIV. ХРОНИКА. — СРЕДИ КАТОРЖАНЪ.—**П. П. Ю.** 265
XV. ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.—**Л. Юровскаго** 286
XVI. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О В. Е. ЯКУШКИНѢ.—**А. Пругавина** 297
XVII. ДАРГОМЫЖСКІЙ И ЗНАЧЕНІЕ ЕГО ТВОРЧЕСТВА.—(Къ столѣтію со дня его рожденія)—**Григорія Тимофеева** 303
XVIII. ПЕРВОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЛОПЕ-ДЕ-ВЕГА НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ. Т. I-й.—**Максима Ковалевскаго** 310
XIX. ИЗЪ НАУЧНОЙ ЛѢТОПИСИ 1912 ГОДА. — I. Отповѣдь виталистамъ. **К. Тимирязева** 317
XX. НОВАЯ КНИГА О ТЕОРІИ ЦѢННОСТИ.—**В. Желѣзнова** 334
XXI. ПРЕЗИДЕНТСКІЙ ВОПРОСЪ ВО ФРАНЦІИ.—**Л. Слонимскаго** 341
XXII. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ростъ провинціальной печати.—Газеты, какъ политическая школа для воспитанія массъ.—Репрессіи, осыпающія провинціальную печать.—Борьба противъ незаконно воскресшей цензуры.

стран.

Безаконныя дѣйствія администраціи въ борьбѣ съ печатью.—Упованіе начальства на правую печать и разочарованіе въ ней земцевъ и дворянъ въ Саратовѣ. — Преслѣдованіе обществъ, лекцій и рефератовъ.— Усмотрѣніе внѣ логики и закона. — Тщетность борьбы съ общественнымъ духомъ.—**И. Жилкина** 348

XXIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Р. Григорьевъ. «На ущербѣ». Романъ.— Кн. В. В. Барятинскій. Царственный мистикъ. (Императоръ Александръ I—Ѳедоръ Кузьмичъ). — **Е. Колтоновской.** — Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. — **Ч. В—скаго.** — E. Duchesne. M. I. Lermontov. Sa vie et ses oeuvres.—**Н. Котляревскаго.**— Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи. № 49.—**Н. Л.**— В. Н. Сперанскій. Общественная роль философіи. Введеніе въ исторію политическихъ ученій. — **П. Е. Михайлова.**—Однодневная перепись начальныхъ школъ въ имперіи, произведенная 13 января 1911 года. Подъ ред. В. И. Покровскаго.—N. N.—Практическая школьная энциклопедія. Подъ общей ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. — Е. Кувшинская. Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи.— **В. В.**—Н. О. Лосскій. Введеніе въ философію. Ч. I. Введеніе въ теорію знанія.—**П. Е. Михайлова.**— W. Zombart, Luxus und Kapitalismus.—**П. Юшкевича.**—David Koigen. Die Kultur der Democratie.—**А. Т.** 359

XXIV. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. Адріанова** 386

XXV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Программа новаго президента во Франціи— Новые военные проекты въ Германіи. — Рѣчи Вильгельма II и его канцлера.—Разные виды военнаго спорта.—Сельско-хозяйственный докладъ императора и инцидентъ съ арендаторомъ. Парламентскія пренія по внутреннимъ вопросамъ.—Революція въ Мексикѣ 392

XXVI. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Скука въ Таврическомъ дворцѣ.— Гдѣ вершаются законодательныя дѣла?—Что осталось въ компетенціи Думы? — Обязательное постановленіе о борьбѣ съ хулиганствомъ. — Циркулярная экспропріація имущества земства.—Привѣтствіе Л. А. Полонскому.—А. И. Новиковъ и И. И. Глазуновъ †. 404

XXVII. ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ 21-го ФЕВРАЛЯ.—**К. К. Арсеньева** 417

XXVIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. 421

XIX. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 426

XXX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 429

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: К. К. Арсеньева — по субботамъ отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ ч., а Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ВѢРА.

Въ лунный осенній вечеръ, сырой и холодный, Стрешневъ приказалъ осѣдлать лошадь.

Лунный свѣтъ полосой голубого дыма падалъ въ продолговатое окошечко темнаго денника, самоцвѣтнымъ камнемъ зажигая глазъ верхового мерина. Работникъ накинулъ на него узду и тяжелое, высокое казацкое сѣдло, вытащилъ его за поводъ изъ конюшни, узломъ закрутилъ ему хвостъ. Меринъ былъ покоренъ. Только глубоко, раздувая ребра, вздохнулъ, когда почувствовалъ, что застегиваютъ подпруги. Одна подпруга была оборвана. Работникъ едва вдѣлъ ее въ пряжку и затянулъ зубами.

Кургузый, подъ сѣдломъ, меринъ сталъ щеголеватѣй. Доведя его до дома, до крыльца, работникъ замоталъ поводъ вокругъ гнилого столба и ушелъ. Меринъ долго щеплялъ, грызъ желтымъ зубомъ столбъ. Иногда дулся, нылъ и ревѣлъ нутромъ. Въ лужѣ возлѣ него зеленовато отражалась неполная луна. Въ рѣдкомъ саду осѣдалъ прозрачный туманъ.

Стрешневъ, держа въ рукѣ арапникъ, вышелъ на крыльцо. Горбоносый, съ маленькой, откинутой назадъ головой, сухой, широкоплечій, онъ былъ тоже высокъ и по охотничьи щеголеватъ въ коричневой поддевкѣ, перетянутой по тонкой таліи ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ, въ казачьей шапкѣ съ краснымъ верхомъ. Но и при лунѣ было видно, что ему подъ сорокъ, что у него поблекшее, обвѣтренное лицо, жесткая кудрявая борода съ просѣдью и жилистая шея, что длинные сапоги его а ры, на полахъ поддевки—темныя пятна давно засохшей крови, которой прилипла заячья шерсть.

Въ темномъ окнѣ возлѣ крыльца открылась форточка. Робкій голосъ спросилъ:

— Андрюша, ты куда?

— Я не маленькій, мамаша,—сказалъ Стрешневъ, берясь за поводъ.

Форточка закрылась. Но въ сѣняхъ стукнула дверь. Шлепая туфлями, на порогъ вышелъ Павелъ Стрешневъ, одутловатый, съ запухшими глазами, съ зачесанными назадъ матово-сѣдыми волосами, въ бѣльѣ и старомъ лѣтнемъ пальто, какъ всегда, полупьяный и болтливый.

— Ты куда, Андрей?—хрипло спросилъ онъ.—Прошу передать мой душевный привѣтъ Вѣрѣ Алексѣевнѣ. Я всегда глубоко уважалъ ее.

— Кого ты можешь уважать?—отвѣтилъ Стрешневъ.—И какъ тебѣ не стыдно. Что ты лѣзешь постоянно не въ свое дѣло.

— А! Значитъ, я не далекъ былъ отъ истины,—сказалъ Павелъ.—На прощальное свиданіе спѣшитъ любовникъ молодой...

Стрешневъ, стиснувъ зубы, сталъ садиться. Какъ только нога его коснулась стремени, меринъ ожилъ, тяжело завертѣлся. Улучивъ минуту, Стрешневъ легко поднялся и грузно опустился на заскрипѣвшій арчакъ. Меринъ задралъ голову и, разбивъ копытами луну въ лужѣ, тронулъ бодрой иноходью.

Въ сырыхъ лунныхъ поляхъ тускло бѣлѣла полынь на межахъ. Большекрылыя совы безшумно, но неожиданно взвивались съ межъ—и лошадь всхрапывала, шарахалась. Дорога вошла въ мелкій лѣсъ, мертвый, холодный отъ луны и росы. Луна, яркая, но точно мокрая, мелькала по голымъ верхушкамъ, и голые сучья сливались съ ея влажнымъ блескомъ, исчезали въ немъ. Горько пахло осиновой корой, оврагами съ прѣлой листвой. Вотъ спускъ въ разлужья, какъ будто бездонныя, залитыя тонкимъ бѣлымъ паромъ. Бѣлымъ паромъ тяжело дышетъ и меринъ, пробираясь среди кустарниковъ, стеклянныхъ отъ росы. Хрустъ сучковъ подъ копытами отдается на той сторонѣ, въ высокомъ лѣсу, темнѣющемъ по скату горы. Вдругъ меринъ насторожилъ уши. Два плечистыхъ, толстогорлыхъ, тонконогихъ волка стояли въ свѣтломъ дыму разлужья, среди грязи и лужъ. Близко подпустивъ Стрешнева, они взметнулись и неуклюжимъ галопомъ пошли въ гору, по бѣлой отъ изморози, радужно сіяющей травѣ.

— А если она еще на день останется?—сказалъ Стрешневъ, откидывая голову, глядя прямо на луну.

Луна стояла надъ пустынными серебристо-туманными лугами направо... Осенняя печаль и красота!

— Если такъ,—сказалъ Стрешневъ,—если такъ...

Меринъ, скрипя арчакомъ, натуживаясь и ноя сильнымъ нутромъ, поднимался въ частый высокій лѣсъ по глубокой ложбинѣ размытой ручьями дороги и вдругъ, оступившись, чуть не рухнулъ на землю. Стрешневъ яростно перекосилъ лицо и со всей силы ударилъ его по головѣ арапникомъ.

— У, старая собака!—крикнулъ онъ съ тоскливой злобой на весь звонкій лѣсъ.

За лѣсомъ широко открылись пустыя поля. На огромномъ скатѣ, среди темныхъ гречишныхъ жнивій, стояла бѣдная усадьба, кое-какія службы, домъ, крытый соломой. За домомъ спускался къ пруду изсохшій садъ, низкія искривленныя яблони, голыя палки прививокъ. Какъ печальны и онѣ при лунѣ! Стрешневъ остановился. Казалось, что поздно, поздно,—такъ тихо было кругомъ. Онъ объѣхалъ домъ. Домъ былъ теменъ. Бросивъ поводъ, Стрешневъ соскочилъ съ сѣдла. Меринъ остался стоять съ покорно опущенной головой. На крыльцѣ, положивъ морду на лапы, калачикомъ свернулась старая гончая собака. Она не двинулась, только посмотрѣла, поднявъ брови, и съ слабымъ привѣтомъ постучала хвостомъ. Стрешневъ вошелъ въ сѣни, пахнущія изъ чулана старымъ отхожимъ мѣстомъ. Въ передней былъ сумракъ, стекла, въ холодномъ поту, золотились. Изъ темнаго корридора безшумно выбѣжала небольшая женщина, въ легкомъ свѣтломъ капотѣ. Стрешневъ наклонился. Она быстро и крѣпко обвила его сухую шею обнажившимися руками и радостно, тихо заплакала, прижимая голову къ жесткому сукну поддевки. Слышно было, какъ по дѣтски бьется ея уже немолодое сердце, чувствовался крестикъ на ея груди, золотой, бабушкинъ—послѣднее богатство.

— Ты до завтра?—быстрымъ шепотомъ спросила она.—Да? Я не вѣрю своему счастью!

— Я пойду, Вѣра, лошадь убрать,—сказалъ Стрешневъ, освобождаясь.—До завтра, до завтра,—сказалъ онъ, думая: «Боже мой, съ каждымъ днемъ все восторженнѣй, все ревнивѣй, все несноснѣй! А какъ она много куритъ, какъ неумѣренна въ ласкахъ! И жалко вретъ, думая возбудить во мнѣ зависть, разсказывая, что за ней ухаживаютъ... О!—подумалъ онъ, внезапно озлобляясь.—Видѣть не могу!»

Лицо Вѣры было очень нѣжно, бархатисто отъ пудры. Она тихо проводила щекой по его губамъ, потомъ крѣпко цѣ-

ловала въ губы мягкими губами. Крестъ блестѣлъ на ея раскрытой груди. Подъ капотъ она надѣла тончайшую сорочку—завѣтную, хранимую для самыхъ важныхъ моментовъ, единственную. Голыя бедра ея были холодны. «Какъ твердо зналъ я,—думалъ Стрешневъ, стараясь возбудить себя, вспомнить ее молоденькой дѣвушкой,—какъ я твердо зналъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, что отдамъ, ни минуты не колеблясь, пятнадцать лѣтъ жизни за одно свиданіе!»

Передъ разсвѣтомъ на полу возлѣ постели горѣла свѣчка. Стрешневъ, длинный, въ сапогахъ и шароварахъ, въ растегнутой косовороткѣ, спалъ на спинѣ, важно отклонивъ въ сумракъ маленькое горбоносое лицо, закинувъ за голову руки. Вѣра сидѣла возлѣ него, облокотясь на колѣно. Блестящія глаза ея были красны, опухли отъ слезъ. Она курила и тупо глядѣла въ полъ. Она положила ногу на ногу. Маленькая нога ея въ черномъ чулкѣ и легкой, дорогой ботинкѣ очень нравилась ей. Но боль сердца была слишкомъ сильна.

— Я для тебя всѣмъ пожертвовала,—тихо сказала она, и губы ея опять задрожали.

Стрешневъ уже тысячу разъ слышалъ это. Но въ голосѣ ея было столько нѣжности, дѣтскаго горя! Однако, открывая глаза, онъ важно, холодно спросилъ:

— Чѣмъ ты пожертвовала?

— Всѣмъ, всѣмъ. И прежде всего здоровьемъ, молодостью...

— Мы съ тобой не Богъ вѣсть какъ молоды.

— Какой ты грубый, не чуткій!—ласково сказала она.

— Во всемъ мірѣ, всѣ женщины говорятъ одно и то же. Любимое слово, только произносимое разно. Сперва съ восторгомъ, съ восхищеніемъ: «Ты такой умный, чуткій!» Потомъ: «Какой ты грубый, не чуткій!»

На этотъ разъ она не стала спорить. Тихо плача, она продолжала, какъ бы не слушая:

— Пусть изъ меня ничего не вышло. Но музыку я любила и люблю страстно и хоть немногого, но добилась-бы...

— Ахъ, не музыку. И какъ только Падарскій...

— Грубо, Андрюша... А теперь я—жалкая институтская таперша и гдѣ-же! Въ томъ самомъ проклятомъ городѣ, который я всегда такъ ненавидѣла, какъ ненавижу всѣ, всѣ эти бѣлые, пыльные губернскіе города! Каждый отпускъ мнѣ стоитъ столькихъ униженій, лжи, лести... Пойми—я два года не разговариваю съ родной матерью! Ты думаешь, она не знаетъ? А развѣ я не могла-бы и теперь еще найти человѣка, который

далъ-бы мнѣ покой, семью и любилъ и уважалъ-бы меня? Боже, какъ я страшно измѣнилась, поблекла! Гдѣ мой стыдъ, гордость!

Стараясь быть спокойнымъ, Стрешневъ закурилъ, сталъ отвѣчать медленно, раздѣляя слова.

— Вѣра, я не гожусь для романа. Я старикъ, мнѣ стыдно... Мы, русскіе, не умѣемъ любить. Это отрава для насъ, мы этого не переносимъ, какъ вотъ никотинъ нѣкоторыя натуры. И это я, а не ты, загубилъ себя. Пятнадцать, шестнадцать лѣтъ тому назадъ я пріѣзжалъ сюда каждый день и готовъ былъ ночевать у твоего порога. Мы, дворянскіе дѣти, поздно развиваемся. Я и тогда былъ еще мальчишка, восторженный и нѣжный дуралей. Я тебя любилъ еще подросткомъ. Подросткомъ я остался и въ двадцать четыре года...

Папироска потухла. Онъ далеко отшвырнулъ ее, уронилъ руку вдоль тѣла, глядя въ потолокъ.

— У дѣда изъ потайного ящичка бюро я укралъ женское золотое колечко—онъ, говорятъ, нашелъ его въ склепѣ, въ прадѣдовской могилѣ. Любовь прадѣдовъ, тѣхъ, что поблекли въ овальныхъ рамкахъ съ золотой бумажкой вокругъ синей, тѣхъ, огаревскихъ дней, когда «шиповникъ алый цвѣлъ, стояла темныхъ липъ аллея»... Образъ Гурія, Самона и Авива, покровителей нашихъ древнихъ семей, въ серебряномъ окладѣ черкасской работы... Кому, какъ не намъ съ тобой, назначалось это? Я, дуракъ, стихи писалъ...

Любя тебя, мечталъ я о мечтавшихъ,
Любившихъ здѣсь сто лѣтъ тому назадъ—
И по ночамъ сходилъ въ заглохшій садъ
При свѣтѣ звѣздъ, ихъ нѣкогда видавшихъ.

Онъ взглянулъ на Вѣру. Лицо ея показалось ему сухо. Онъ заговорилъ рѣзче:

— Зачѣмъ ты ушла—и за кѣмъ!—изъ своего рода, изъ своего племени? Мы должны умереть въ немъ. Будь мы трижды прокляты, но это такъ! Сколько сумасшедшихъ отъ любви въ нашихъ, дворянскихъ, лѣтописяхъ! Но это лучше, лучше—мы для теперешнихъ распутныхъ романовъ не годимся.

Онъ приподнялся и сталъ въ упоръ, злыми глазами глядѣть на ея черныя сухія волосы:

— Я о тебѣ, съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, только какъ о женѣ думалъ. А когда насъ свела судьба? Во время? И по чьей винѣ? И чѣмъ ты мнѣ стала? Женой развѣ? А была молодость, радость, чистота, темный румянецъ, батистовая ко-

соворотка... Пріѣзжать къ вамъ каждый день, видѣть твое платье, тоже батистовое, легкое, молодое,—видѣть твои голыя руки, почти черныя отъ солнца и отъ крови нашихъ предковъ, татарскіе сіяющіе глаза, не видящіе меня глаза, желтую розу въ угольныхъ волосахъ, твою тогда глупую, изумленную какую-то, но прелестную улыбку, даже то, какъ ты уходишь отъ меня по дорожкѣ сада, думая о другомъ, а притворяясь, что играешь, гонишь крокетный шаръ, слышать оскорбительныя фразы твоей матери съ балкона—это было для меня...

— Она, а не я во всемъ виновата,—съ трудомъ, но твердо сказала Вѣра.

— Все равно... Помнишь, какъ ты въ первый разъ уѣзжала въ Москву, собиралась, разсѣянно пѣла что-то, не видя меня, поглощенная своими мечтами, увѣренностью въ счастьи? Я васъ поѣхалъ провожать верхомъ, въ ясный холодный вечеръ... блестѣли яркія зеленя, розовѣли жнивья и занавѣска въ открытомъ окнѣ перваго класса... Вы, нищія, казались мнѣ тогда рюриковичами, ты самой богатой, самой высокорожденной дѣвушкой... Ахъ, будь они прокляты, эти Тургеневы!—сказалъ Стрешневъ и опять легъ на подушку.—Отъ твоей руки, чуть пахнувшей вербеной, остался запахъ и на моей рукѣ. Онъ смѣшался съ запахомъ сыромятнаго повода, сѣдла, пота лошади—и я цѣловалъ свою ладонь, ѣхалъ одинъ, въ сумеркахъ, по большой дорогѣ, цѣловалъ, чувствовалъ всю тебя, до послѣдняго изгиба тѣла, до малѣйшаго оттѣнка въ голосѣ—и плакалъ... Если ужъ кто пожертвовалъ всѣмъ, всей своей жизнью, такъ это я, старый пьяница, пошлѣйшій типъ!

И, чувствуя на губахъ соленыя слезы, катившіяся по щекамъ, по усамъ, Стрешневъ скинулъ съ постели сапоги и вышелъ вонъ изъ комнаты.

Луна садилась. Бѣлый рыхлый туманъ стоялъ подъ скатомъ, мертвенно синѣя. Далеко за нимъ занималась багряная заря. Далеко, въ холодномъ потемнѣвшемъ лѣсу, пѣлъ пѣтухъ въ сѣнцахъ караульщика.

Стрешневъ сѣлъ на ступеньки крыльца, чувствуя, какъ обливаетъ холодной сыростью его тѣло подъ тонкой рубашкой.

— А потомъ, конечно, роли перемѣнились,—сказалъ онъ тихо, съ отвращеніемъ.—Я ненавижу ее, какъ собаку! Лживое, пошлое краснорѣчіе! Ну, да теперь все равно. Конецъ.

Утромъ пили чай съ кренделями въ холодной прихожей, на огромномъ сундукѣ. Самоваръ стоялъ на немъ нечищеный, позеленѣвшій, давно потухшій. Холодный потъ, покрывавшій

окно, сошелъ съ верхняго стекла. Виденъ былъ въ него солнечный блескъ морознаго утра, корявое дерево въ безцвѣтной, кое-гдѣ уцѣлѣвшей зелени. Босая, опухшая отъ сна рыжая дѣвка вошла и сказала:

— Митрей пріѣхалъ.

— Подождетъ,—отвѣтилъ Стрешневъ, не поднимая глазъ.

Не поднимала глазъ и Вѣра. Лицо ея похудѣло за ночь, подъ глазами и вокругъ вѣкъ былъ коричневый налетъ. Черное платье дѣлало ее моложе и красивѣе, отъ черныхъ волосъ пудра на лицѣ казалась розовѣе. Сухое, жесткое лицо Стрешнева было мертвенно-покойно, откинуто назадъ. Сквозь жесткую, курчаво-сѣрую бороду глядѣлъ большой кадыкъ.

На дворѣ слѣпило низкое солнце. Но все крыльцо было сѣдое отъ мороза. Морозъ солью лежалъ на травѣ, на сизо-зеленыхъ раковинахъ капустныхъ листьевъ, раскиданныхъ по двору. Мужикъ съ оловянными глазами, пріѣхавшій къ крыльцу въ телѣгѣ, набитой соломой, тоже заиндевѣвшей, ходилъ вокругъ телѣги, уминалъ солому, держа въ зубахъ трубку, и черезъ плечо его тянулся сиреневый дымъ. Вѣра вышла на крыльцо въ дорогой и легкой, но уже ветхой старомодной шубкѣ и въ лѣтней шляпкѣ изъ черной соломы съ жесткими, ржаво-атласными цвѣтами.

Проводилъ ее Стрешневъ по отпотѣвшимъ проселочнымъ дорогамъ до большой дороги. Ѣхалъ за телѣгой. Меринъ тянулся къ соломѣ. Онъ стегалъ его по мордѣ арапникомъ, меринъ задиралъ голову и трудно хрипѣлъ нутромъ. Плелись шагомъ и молчали. Сзади бѣжала увязавшаяся за Стрешневымъ старая гончая собака. Низкое солнце пригрѣвало, небо было легкое, ясное.

Возлѣ большой дороги мужикъ неожиданно сказалъ:

— А я, барышня, опять пригоню на лѣто къ вамъ своего мальчишку. Я его опять къ вамъ въ пастушата предназначилъ. Скажите за ради Бога мамашѣ. Онъ хушь малъ, а денежки все покалбываетъ да и покалбываетъ.

Вѣра обернулась съ застѣнчивой улыбкой. Стрѣшневъ снялъ шапку, наклонился съ сѣдла, взялъ ея руку и поцѣловалъ долгимъ поцѣлуемъ. Она прильнула губами къ его сѣдѣющей головѣ, тихо сказала:

— Будь здоровъ, дорогой. Не поминай лихомъ.

По большой дорогѣ мужикъ загремѣлъ телѣгой, поѣхалъ рысью. Стрешневъ повернулъ, поѣхалъ назадъ безъ дороги, по жнивьямъ. Собака издали сопровождала его, далеко и четко

видная среди золотыхъ полей. Онъ останавливался, грозилъ ей арапникомъ. Она тоже останавливалась, садилась.—«Куда-же я пойду?»—какъ бы спрашивала она. И какъ только онъ трогался, опять неспѣшной рысцей бѣжала за нимъ. Думалъ онъ о далекой станціи, блестящихъ рельсахъ, дымѣ уходящаго къ югу поѣзда...

Въ голыхъ, блѣдно-зеленыхъ, мѣстами каменистыхъ лугахъ, куда онъ спустился, было почти жарко. Беззвучно сіялъ осенній день голубымъ чистымъ небомъ надъ головою. Великая тишина стояла надъ пустыми полями, надъ оврагами, надо всей великой русской степью. Тихо плыла по воздуху вата съ татарокъ, съ изсохшихъ репьевъ. На репьяхъ сидѣли щеглы. Такъ они будутъ сидѣть цѣлый день, только изрѣдка перелетая, перенося свою тихую, прелестную, можетъ быть, счастливую жизнь.

Ив. Бунинъ.

СТАРЫЕ ПОРТРЕТЫ.

I.

Сѣдой тупей надъ гордымъ бѣлымъ лбомъ,
Упрямые глаза и стиснутыя губы...
Межъ двухъ колоннъ, на ярко-голубомъ
Крутыя облака безжизненны и грубы.

Платокъ въ сухой рукѣ, и бѣличій халатъ
Распахнутъ широко на шелковомъ жилетѣ.
Упрямые глаза такъ жутко ловятъ взглядъ,
Такъ жутко свѣтятся на крѣпостномъ портретѣ...

О, тайна, что хранятъ надменныя черты...
Тамъ воля дикая, и кровь, и смѣхъ, и стоны,
И плети, и Руссо, и нѣжныя мечты,
И покаянные въ глухую ночь поклоны...

Давно ушедшаго, судить его не мнѣ,
Потомку хилому желѣзныхъ поколѣній...
И близокъ мнѣ старикъ, застывшій на стѣнѣ,
И тянется душа къ забытой, грѣшной тѣни...

II.

Глаза печальные и синіе,
И въ косахъ бѣлые цвѣты...
Такъ строги дѣвственныя линіи,
Лица стариннаго черты...

Шаль на-полъ спущенная, длинная,
И на колѣняхъ, у платка,
Такая тонкая, старинная,
Такая милая рука...

И, мнится, взоръ ея потупленный
Подняться хочетъ,—чтобъ глазамъ
Печальнымъ о душѣ загубленной
Молиться старымъ образамъ...

III.

Па́левый чепчикъ, и круто, узломъ,
Черная прядь завита.
Нѣжны глаза, но такъ жѐстокъ изломъ
Тонкаго алаго рта...

Крестикъ на низко открытой груди,
Тонокъ откинутый станъ,
Сложены руки, а тамъ, позади
Вазы, цвѣты и фонтанъ.

Жмется левретка подъ правой рукой...
Плющъ балюстраду увилъ...

О, какъ ты страшенъ, замшѐнный покой
Этихъ забытыхъ могилъ!..

Валентинъ Кривичъ.

КНЯЗЬ ВО КНЯЗЬЯХЪ.

Лукьянъ Степановъ пріѣхалъ въ свѣтлый сентябрьскій день въ Галино, къ помѣщицѣ Никулиной. До хутора его верстъ пятнадцать, лошадьми онъ дорожитъ какъ зеницей ока. Значитъ, пріѣхалъ онъ по важному дѣлу.

Темно-гнѣдой жеребецъ, сверкая глазами, тяжело влетѣлъ во дворъ, къ сараю, гдѣ еще до сихъ поръ слѣзаютъ тѣ, что не рѣшаются слѣзать у крыльца. Лукьянъ Степановъ сидѣлъ на бѣговыхъ дрожкахъ, на голой доскѣ.

— Что-же это вы, Лукьянъ Степанычъ, безъ подушки-то?— улыбаясь, спросилъ его лицеистъ Сева, шедшій отъ конюшни.

— Погоди, разскажу,—отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ, привязывая жеребца къ телѣгѣ безъ передковъ.

Сева сталъ годить. Привязывалъ Лукьянъ Степановъ долго, основательно. Привязавъ, высморкался на землю, вытерся полою и, наконецъ, отвѣтилъ, протягивая руку:

— Вотъ оттого-то, у вашего брата, господъ, и нѣту ничего. Есть подушка—валяй ее и въ хвостъ, и въ голову!

Взявъ съ дрожекъ мѣшочекъ, набитый чѣмъ-то тяжелымъ, онъ пошелъ къ дому—большой, толстый отъ одежды. На немъ была теплая поддевка, сверхъ поддевки бараній тулупъ, голова подъ шапкой повязана по ушамъ краснымъ платкомъ, ноги обуты въ тяжелые сапоги.

Сева опять засмѣялся и сказалъ:

— А тепло вы одѣты!

— Мнѣ, братъ, восемьдесятъ съ тройкой,—отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ.—Доживи-ка до моего.

— Ну, а уши-то вы зачѣмъ-же завязали?

— Глухой быть не хочу—вотъ зачѣмъ. Отчего вы, господа,

глухіе-то всѣ? Все отъ этого. Выскочилъ въ чемъ попало, надуло ему въ уши—и готовъ.

Вышла въ залъ хозяйка, ея старшій сынъ Мика, лысый, усатый, близорукій, и дочь Люлю—блѣдная, женственная, задумчивая, постоянно кутающая плечи въ пуховой платочекъ и неожиданно, притворно взрагивающая. Хозяйка угощала Лукьяна Степанова водкой, копченой колбасой, бѣлымъ хлѣбомъ, наливала ему чаю, много говорила, дѣлая видъ, что очень освѣдомлена въ сельскомъ хозяйствѣ. Сева не спускалъ ласковыхъ, смѣющихся глазъ съ Лукьяна Степанова, съ его загорѣлаго, краснаго лица и носа, который отъ загара лупился, былъ лиловый, въ золотистой шелухѣ. Мика, наклонясь къ столу, курилъ, сбрасывая пепелъ въ пепельницу въ видѣ ладони и катalъ хлѣбные шарики, что всегда раздражало хозяйку и отвлекало ея вниманіе отъ бесѣды. Люлю сѣла съ ногами на диванъ, прижалась въ уголокъ, съежилась и, не моргая, глядѣла красивыми, печальными глазами въ большой ротъ Лукьяна Степанова: десны у него были розовыя, голыя, безъ единаго зуба. Всѣхъ томила загадка: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? А ну какъ приторговываться къ лѣсамъ или даже ко всему имѣнію? Ахъ, если бы далъ Господь! Хозяйка, очень тонко, какъ ей казалось, подводила разговоръ къ лѣсамъ, къ продажѣ имѣній, намекала на то, что, по нынѣшнимъ временамъ, и она охотно продала-бы:

— Ахъ, Лукьянъ Степанычъ, съ нашимъ народомъ по неволѣ придешь къ заключенію, что банкъ-то самое надежное мѣсто для капитала!

Но Лукьянъ Степановъ говорилъ только о своихъ лошадяхъ, объ умолотѣ, очень охотно ѣлъ бѣлый хлѣбъ, деликатно бралъ ложечку съ вареньемъ прямо изъ вазы, глубоко запускалъ ее въ ротъ, клалъ обратно и пилъ чай. Онъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ хозяйку, изумлялся самымъ простымъ вещамъ, хлопалъ себя по колѣну—и опять говорилъ только о себѣ, не давая говорить хозяйкѣ. Сидѣлъ онъ въ разстегнутой поддевкѣ, подъ которой была линючая ситцевая рубашка, вытиралъ лысѣющую голову и лицо платкомъ, снятымъ съ ушей. Совсѣмъ еще здоровый мужикъ!—думали всѣ.—Только борода сѣдая, да и то не совсѣмъ, еще видно, что она была рыжая; есть, конечно, и въ глазахъ что-то тусклое, старческое; животъ провалился... Наконецъ, онъ всталъ, принесъ изъ прихожей и развязалъ свой тяжелый мѣшочекъ, полный серебра въ перемежку съ золотыми. Оказалось, что онъ пріѣхалъ только затѣмъ, чтобы похвастаться.

«Да это еще что!—сказалъ онъ.—Развѣ это деньги? Такъ, запродалъ овсишко, ну, и взялъ маленько задатку»...

Вызвавъ удивленіе, зависть, почтеніе, онъ довольно и хитро засмѣялся, вѣрнѣе, засипѣлъ, открывая розовый ротъ, поблагодарилъ за чай, за угощеніе и пошелъ одѣваться:

— Нѣтъ, пора, пора,—сказалъ онъ, хотя никто не оставлялъ его.—И такъ припоздалъ. Лучше на Покровъ еще пріѣду.

Всѣ были разочарованы и ушли, не дожидаясь, пока онъ одѣнется. Въ прихожей остался одинъ Сева.

— Ну, вотъ вы, Лукьянъ Степанычъ, говорите, что вамъ восемьдесятъ съ тройкой,—началъ онъ, садясь на коникъ.—Ну, скажите откровенно: боитесь смерти? Часто о ней думаете?

— Погоди, разскажу,—отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ, одѣваясь.

И опять ничего не разсказалъ. Повязавъ уши, надвинувъ шапку по самыя брови, туго и низко подпоясавшись, онъ сталъ нанизывать на себя тулупъ. Справившись съ этимъ, онъ усталъ, задохнулся и тяжело сѣлъ рядомъ съ Севой:

— Смерти-то?—сказалъ онъ.—Кто-жъ ее не боится! Чудакъ-человѣкъ! Да вѣдь что-жъ исдѣлаешь? И умрешь, не откажешься... И богатства своего, братъ, съ собой не возьмешь!

— А вотъ вы съ деньгами такъ-то ѣздите: не боитесь, что убьютъ, ограбятъ?

— Что я съ деньгами, того никто не знаетъ. А и узнаетъ, не догонитъ. Такого жеребца, какъ мой, у твоего дѣда на свадьбѣ не было.

Усѣвшись на дрожки верхомъ, Лукьянъ Степановъ, шибко понесся со двора, но миновавъ церковь, гумно, всѣхъ, кто могъ его видѣть, потянулся шагомъ. А въ накуренномъ залѣ долго стоялъ столбами свѣтъ предвечерняго солнца. Сева открылъ піанино, въ тысячный разъ началъ Лунную Сонату, изъ которой зналъ только первую страницу. Хозяйка съ грустнымъ и важнымъ лицомъ несправедливо обиженной, но покорной своей судьбѣ женщины занялась мытьемъ и вытираніемъ чайной посуды, брезгливо отдавъ горничной вазу съ вареньемъ, изъ которой ѣлъ Лукьянъ Степановъ:

— Выкиньте это и вымойте горячей водою.

Люлю встала съ болѣзненной гримасой.—«Ахъ, ужъ эти доморощенные музыканты!»—сказала она и, выйдя изъ дому, медленно пошла по липовой аллеѣ, стараясь наступать на сухіе листья, золотые и розовые. «Осень, осыпается весь мой бѣдный садъ!»—высокимъ голосомъ запѣла она. Но оборвала пѣсню на

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

первыхъ словахъ, свернула на дорожку среди сиреневой заросли, сѣла на скамью и вдругъ зарыдала, подавляя рыданія, злобно закусывая край платка, чтобы не закричать отъ боли. Полоса яркаго вечерняго свѣта легла на сѣрый старый столъ возлѣ скамьи. Какая-то черноглазая птичка беззвучно слетѣла на вѣтку, съ вѣтки на столъ, туго, бочкомъ прыгнула раза два, съ любопытствомъ глядя на плачущую. На гумнѣ, куда, притворяясь хозяиномъ, шелъ Мика въ австрійской курткѣ и длинныхъ сапогахъ, ровно гудѣла молотилка. Ясный, равнодушный вечеръ былъ такъ тихъ, что она слышна была далеко въ полѣ—желтомъ, пустомъ, золотившемся шелковыми сѣтями паутины.

Черезъ нѣсколько дней подали къ крыльцу Никулинскаго дома тройку. Кучеръ надѣлъ плисовую безрукавку, шелковую канареечную рубаху и шляпу въ павлиньихъ перьяхъ. Барыня и барышня—трауръ: всегда есть какая-нибудь умершая дальняя родственница, а это вѣдь такъ удобно, если нѣтъ хорошихъ костюмовъ для вагона. Спустивъ вуали, надѣвая фельдекосовыя перчатки, онѣ ласково и грустно прощались съ прислугой, принимая зонтики, накидки, рыжій плэдъ покойнаго Никулина. Сева поѣхалъ верхомъ, на нервной худой кобылкѣ. До станціи всего двадцать верстъ, поѣздъ отходилъ въ семь, а выѣхали въ два. Можно было отстать. Сева отсталъ возлѣ хутора Лукьяна Степанова. Тройка скрылась въ степи, среди ржаныхъ жнивій, онъ повернулъ на перекопанную, заросшую полынью дорогу къ хутору.

Было жарко, вокругъ блестѣла сухая вспаханная земля на картофельныхъ обобранныхъ поляхъ. Вдали серебрились тополя. Навстрѣчу шелъ по пыли бѣлый толстый мальчикъ лѣтъ трехъ, въ грязной рубашечкѣ, въ большомъ черномъ картузѣ, похожій на старичка,—шелъ, положивъ голову на плечо, неизвѣстно куда. «Заблудится, зайдетъ къ чорту на кулички» — подумалъ Сева, смѣясь.

Былъ праздникъ, послѣобѣденное время—хуторъ казался необитаемымъ. Вотъ плетень и въѣздъ въ широкій дворъ. На дворѣ телѣги, сорока-ведерное каменное корыто, журавль давно высохшаго колодца, тѣнь отъ старыхъ амбаровъ подъ сизой соломенной крышей, съ навѣсомъ. Нарушая видъ степного мужицкаго гнѣзда, цинкомъ бѣлѣетъ за амбарами еще некрашенная желѣзная крыша новаго мѣщанскаго дома на высокомъ фундаментѣ. Дальше—какой-то черный исполинскій шалашъ, возлѣ котораго виситъ на шестѣ дохлый ястребъ. Впереди — мелкій прудъ, сверкающій на солнцѣ, глиняные берега въ гусиномъ

пуху. А по другую сторону двора — развалины варка, старинаго, еще тѣхъ временъ, когда хуторъ принадлежалъ барону Ачкасову: каменныя крѣпостныя стѣны, голый остовъ несокрушимыхъ стропилъ. Всѣ ворота настежь—виденъ навозъ, слежавшійся, спекшійся, наросшій за многіе годы подъ самые переметы.

Лукьянъ Степановъ одиноко и величаво стоялъ среди двора, безъ шапки, въ лиловой рубахѣ, опираясь на рогачъ. Невдалекѣ тихо сидѣлъ въ ведрѣ, забитый въ него, закутанный въ попонку блѣдный ребенокъ въ чепчикѣ. Другой, въ продранной на тугомъ животѣ рубашкѣ, криво и старательно заносилъ полную ножку, взбираясь на каменное крыльцо амбара. А вокругъ все было усѣяно спящими: одной семьи у Лукьяна Степанова шестнадцать человѣкъ, да еще гости, кумъ съ женой, пріѣхали. Всѣ ошалѣли, ослабѣли послѣ обѣда, повалились гдѣ попало и заснули. Одинъ Лукьянъ Степановъ не сдался: былъ еще во хмелю, красенъ, но стоялъ, стерегъ свои владѣнія бодро.

Когда Сева въѣхалъ во дворъ, Лукьянъ Степановъ, не спѣша, подошелъ, подалъ руку и осмотрѣлъ запотѣвшую подъ сѣдломъ кобылку.

— Въ Москву за пѣснями?—спросилъ онъ съ усмѣшкой.

Подъ навѣсомъ амбаровъ сидѣли на цѣпяхъ овчарки. Онъ погрозилъ имъ. Возлѣ нихъ, въ тѣни, крѣпко спалъ на спинѣ кумъ, мужикъ съ черно-шелковой бородой. На солнцѣ, въ телѣгѣ—баба въ зеленомъ платьѣ и старшій сынъ Лукьяна Степанова, въ атласной синей рубахѣ, въ кованыхъ сапогахъ съ выпущенными изъ-за голенищъ каемками шерстяныхъ чулокъ. Эти лежали ничкомъ, обнявшись. Прочіе спали прямо на травѣ. Бабы—прикрывшись отъ солнца фартуками, подолами.

— Яишинку? А?—спросилъ Лукьянъ Степановъ.

Сева, смѣясь, отказался:

— Мы только что отъ завтрака.

— Ну, чайку?

— Право, не хочется.

— А то ветчинки накрою?

— Нѣтъ, спасибо, ей-Богу, ничего не хочу. Да и на станцію боюсь опоздать.

— Значитъ, вѣрно—опять въ Москву?

— Да... Пора. Я и такъ пропустилъ уже много уроковъ.

— Жисть вамъ!—сказалъ Лукьянъ Степановъ какъ бы съ завистью, но не скрывая и насмѣшки.—Уроковъ! А я вотъ тысячъ на сорокъ имѣю, князь во князьяхъ, а все сижу. Въ Кіевъ и то

не соберусь никакъ. А понужнѣе твоихъ уроковъ. Пойдемъ, домъ покажу.

Возлѣ дома, на рвани ватнаго одѣяла, сушилось просо.—Кшъ, пропасти на васъ нѣту!—сказалъ Лукьянъ Стапановъ, махнувъ рогачемъ на высокихъ худыхъ цыплятъ, бѣгавшихъ по просу, и первый поднялся на крыльцо, вошелъ въ сѣни, дѣлившія домъ на двѣ половины. Пола въ сѣняхъ еще не настилали. Навалены были тутъ разсыпавшіяся колеса, разсохшіяся кадушки, кирпичи, известка. Въ отворенныя двери глядѣли пустыя комнатки, кафельныя печки, мѣдныя отдушники, стѣны въ голубенькихъ обояхъ.

Сева спросилъ, оглядываясь:

— А что-же вы его не додѣлываете?

— Это кого? Домъ-то?

— Да.

— Капиталу, братъ, не хватаетъ. Это вѣдь у тебя одна забота—уроки учить, задачи рѣшать, да диктовку гнать.

— Нѣтъ, безъ шутокъ? И не додѣлываете, и не переходите... Вѣдь вы, говорятъ, подъ шалашомъ, въ землянкѣ живете...

— Она землянка, а лучше всякой избѣ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ.—А не перехожу, это правда. Третій годъ не перехожу, оттого и не додѣлываю. Дай ребятенки подойдутъ, выровняются.

— Какіе ребятенки?

— А внуки. Ихъ у меня числа нѣтъ. Пусти-ка ихъ! Живо всѣ шпалеры обдерутъ.

Въ задней комнатѣ, въ залѣ, какъ назвалъ ее Лукьянъ Степановъ, сидѣла на полу босая баба, миловидная, очень смирная на видъ, и рубила косаремъ зеленую траву.

— Это кому-же?—спросилъ Сева.

— Свиньямъ кушанье готовитъ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ.—Пойдемъ. Тутъ жарко.

— А я все таки избу вашу хотѣлъ-бы посмотрѣть?

— И въ избу сведу.

Подъ громаднымъ, чернымъ отъ старости шалашомъ толстый потолокъ изъ бревенъ и навозу, залитого глиной, покрывалъ громадную землянку. Спустились внизъ по земляннымъ стертымъ ступенькамъ. Внизу было мрачно, темно—свѣтъ проходилъ только въ два крошечныхъ окошечка подъ самымъ потолкомъ. Сева увидалъ нары человѣкъ на двадцать, опять таки заваленные старьемъ—попонами, лотками, ошметками лаптей, люльками; оглядѣлъ разсѣвшуюся кирпичную печь, полати, столъ, занимав-

шій чуть не половину избы, щербатые чугуны на мокромъ земляномъ полу возлѣ печки,—въ нихъ, въ водѣ съ золой выпаривались портки и рубахи.

— Но это ужасно!—сказалъ онъ, смѣясь.—Какъ-же вы тутъ живете! Вѣдь васъ шестнадцать человѣкъ. И цѣлую зиму спите всѣ вмѣстѣ...

— Ничего тутъ нѣту ужаснаго,—отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ, что-то внимательно оглядывая подъ печкой, и вдругъ махнулъ рогачомъ: изъ подъ печки, раздувая золу, вылетѣлъ больной голубь.—Ничего тутъ нѣту, братецъ ты мой, ужаснаго. Девять лѣтъ прожилъ, какъ дай тебѣ Богъ прожить. Ни разу не угорѣли. Диво, а не изба. А теплынь какая! Зимой прямо хоть рубаху скидавай... Мы, братъ, люди земляные.

— Но сыро, должно быть, ужасно?

— Наладилъ! Сыро, это правда... дюже сыро. Пойдемъ, свою охоту покажу.

Охота Лукьяна Степанова, его знаменитые на всю округу чернопѣгіе битюки помѣщались въ особомъ дворѣ, въ каменной, крытой тесомъ пристройкѣ къ новому дому. Отомкнули замки на высокихъ тесовыхъ воротахъ, вошли въ уютный квадратъ изъ денниковъ и амбарчиковъ съ крылечками и маленькими желѣзными дверками.

— Вотъ буду жить въ новомъ домѣ, проснусь такъ-то ночью, гляну, анъ мнѣ изъ залу все видно,—сказалъ Лукьянъ Степановъ, показывая на окошечко, глядѣвшее изъ дома во дворъ.—Понялъ? Умно придумано? Истинно, какъ Адамъ въ раю, живу! Истинно, князь во князьяхъ!

Глаза его стали блестѣть. Денники тоже были на замкахъ. Отмыкая ихъ, онъ распахивалъ дверь, смѣло шелъ прямо къ заду лошади, оглаживалъ его и шелъ къ головѣ.

— Ты не ходи, не ходи!—кричалъ онъ изъ денника.—На порожкѣ постой. На-смерть убьетъ! Меня только одного подпускаютъ...

Страшныя траурныя лошади вздрагивали всей кожей, шарахались, храпѣли, косили огненными глазами. Гривы у нихъ были черныя, густыя, чуть не до земли. Раскормлены онѣ были на удивленіе, до желобовъ на спинахъ и крупахъ.

— А? Что? Каково?—глухо кричалъ Лукьянъ Степановъ изъ темноты.—Видалъ? А то Москва-а... Болѣ ста лѣтъ въ нашемъ роду этотъ самый заводъ, такой масти ни у кого во всей губерни нѣту. Стану помирать, накажу цѣльную тройку запречь въ самую первую телѣгу,—тройкой гробъ помчатъ...

Потомъ, нагнувшись, переступилъ порогъ маленькаго денничка, гдѣ стояла ладная перламутровая кобылка:

— А это моя любимица! Земчужная лошадка называется. У, матушка! Любишь? Любишь?—Любитъ, чтобъ ей носикъ чесать, страсть любитъ,—сказалъ онъ съ восторгомъ, оборачиваясь къ соскучившемуся гостю.

Все осмотрѣвъ и затворивъ, замкнувъ, онъ обрѣлъ самое прекрасное, ровное и ласковое расположеніе духа.

— Погоди, дурачекъ, погоди, поспѣешь!—говорилъ онъ, удерживая гостя.—Пойдемъ чай пить. Ну, а не хочешь, давай такъ посидимъ, побалакаемъ...

Онъ сходилъ въ избу, принесъ скамью, сѣлъ; глубоко и довольно вздыхая, усадилъ Севу рядомъ съ собой.

— Эй, бабка!—закричалъ онъ на весь дворъ.—Старуха!

Толстая, сутулая старуха въ шерстяныхъ чулкахъ, въ очкахъ, съ паглинкомъ и спицами въ рукахъ, показалась изъ-за шалаша.

— Княгиню-то мою еще не видалъ?—спросилъ Лукьянъ Степановъ, кивая на нее.—За одно ужъ и ее погляди. Ума палата! Она у меня тоже при дѣлу. За избой сидитъ, макъ стережетъ.

Старуха подошла и низко поклонилась.

— Ну, какъ?—спросилъ Лукьянъ Степановъ.—Сидишь? Никого не видать?

— Пока, слава Богу, никого. Да вѣдь знаютъ, что есть караулъ.

— Маку немножко для потѣхи посѣялъ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ, не дослушавъ ее и обращаясь къ гостю.—Я этихъ тамъ маковъ, подсолнуховъ ни по чемъ не уважаю—для потѣхи только сѣю по малости, абы, абы ребятишкамъ хватило. Какъ сѣяли дѣды-прадѣды ржицу, такъ и намъ Богъ велѣлъ. Они только ее одные, матушку, знали, а цыгарки изъ трехрублевокъ вертѣли. Я, братецъ ты мой...

Старуха стояла и блестѣла мелькающими спицами, слушала, глядя изподлобья, изъ-за очковъ. Лукьянъ Степановъ слегка нахмурился.

— Ну, будя, послухала,—сказалъ онъ и махнулъ на нее рукой.—Что приглядываешься? На мнѣ узоровъ нѣту. Ступай, ступай отцеда...

Вечерѣло. Галки, болтая, усаживались на рѣшетчатые колпаки на трубахъ новаго дома. Стали просыпаться спавшіе. Одинъ за однимъ прошли мимо, на прудъ, умываться, сыновья Лукьяна Степанова—угрюмые, густоволосые, крѣпкіе мужики.

Ребенокъ, сидѣвшій въ ведрѣ, повалился вмѣстѣ съ ведромъ и кричалъ на весь дворъ. Сева простился.—«Ну, во святой часъ, сказалъ Лукьянъ Степановъ, подюжѣй учись»,—и, Сева вскочивъ на свою нервную кобылку, поѣхалъ по плотинѣ пруда. Вечерняя прохлада и тишина сходили на степь. Воробьи осыпали горѣлую, голую лозинку на плотинѣ сплошнымъ трескомъ, вечернимъ, уютнымъ. Желтоватая жидкая вода кишѣла возлѣ плотины мельчайшими вшами. Умывшійся мужикъ сидѣлъ на глиняномъ берегу распояской, отражался подъ берегомъ и глядѣлъ на оранжевое солнце, садившееся за степью, за неоглядной равниной, въ молочно-голубомъ, сухомъ туманѣ. Жнивья были лимонныя. Пастушенокъ, съ раздутой губой, въ бараньей шапкѣ, медленно гналъ по нимъ стадо овецъ: «Рррь!.» Онѣ двигались скопомъ, на ходу докармливаясь, съ шумомъ дыханія. Сева, отъѣхавъ отъ хутора, взглянулъ на его миръ и уютъ съ завистью, ударилъ плеткой по лошади и понесся вскачь, оставляя за собой столбъ пыли. Столбъ этотъ протянулся на версту и не опадалъ долго, долго, пока не стемнѣло...

Въ Москвѣ всю осень шли дожди. Мика не писалъ и не слалъ денегъ изъ деревни—опять съ любовницей связался. Мама хворала,—по крайней мѣрѣ, не принимали никого, говоря, что она хвораетъ. Принимали только одного Жедринскаго, стараго театрала, бритаго, очень полнаго и удивительно размытаго, страдавшаго одышкой, славившагося своими остротами на весь городъ. Въ ноябрѣ Люлю, неожиданно для всѣхъ, вышла за него замужъ. Теперь уже валилъ снѣгъ, ночью вверхъ по Тверской одна за одною неслись, гремя глухарями, тройки. Жедринскій, очень подружившійся съ Севой, какъ всегда проводилъ ночи съ компаніями въ Стрѣльнѣ и бралъ его съ собою. Куря на морозѣ сигару, сидя въ дохѣ между женою и маленькой знаменитой артисткой, Жедринскій все наклонялся къ ней и остротами вполголоса заставлялъ ее хохотать до упаду и бить его по рукамъ. Люлю, въ дорогихъ легкихъ мѣхахъ, въ средневѣковомъ бархатномъ беретѣ, печальными, молящими глазами, уткнувъ лицо въ муфту необыкновенной величины, смотрѣла на сидящаго напротивъ молоденькаго сумскаго офицера. Его сосѣдъ, знаменитый пѣвецъ, съ лицомъ екатеринскаго вельможи, стриженный въ скобку, по мужицки, но въ цилиндрѣ и медвѣжьей шубѣ, дѣлалъ лѣнивые, безстрастные глаза: ревновалъ. Люлю грустно думала:

— Я гадкая, гадкая...

Жизнь въ Стрѣльнѣ, у Яра только начиналась. Весело было

входить туда, въ огни, тепло, блескъ зеркалъ, теплый воздухъ, пахнувшій сигарами, шампанскимъ и жареными рябчиками, отряхивать бертолетовую соль морознаго снѣга съ мѣховъ, кидать ихъ на руки ловкихъ людей въ поддевкахъ и помогать дамамъ, шуршащимъ шелкомъ юбокъ, раскраснѣвшимся и сіяющимъ съ мороза, разстегивать ботики!

А Лукьянъ Степановъ, мирно ночевавшій со всѣмъ своимъ многочисленнымъ потомствомъ и телятами въ теплой земляной берлогѣ, уже третій разъ просыпался въ эту пору и босой выходилъ на верхъ, на скрипучій снѣгъ, подъ черно-синее небо и звѣзды.

Ив. Бунинъ.

* *
*

Въ вечернемъ лѣсу о тебѣ я мечталъ,
Въ вечернемъ лѣсу, утомленномъ зарей,
Я сосенъ смолистую сладость впивалъ:
Безмолвныя сосны дышали тобой.

Въ вечернемъ лѣсу я прилегъ подъ сосной
На ложе душистое желтой хвои
И вижу: дрема на полянѣ лѣсной
Алѣетъ и млѣетъ, какъ губы твои.

И вотъ ты со мной въ наплывающемъ снѣ.
Мнѣ голосъ твой слышится въ пѣніи птицъ.
Стрѣльчатыя вѣтви склонились ко мнѣ,
Какъ длинныя тѣни стыдливыхъ рѣсницъ.

Борисъ Садовскій.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.

(*Продолженіе*)[1]).

IX.

Ея мужъ подружился съ тестемъ. Общее было въ нихъ неумѣніе и нежеланіе заглядывать дальше внѣшняго облика вещей и людей, и понимали они другъ друга отлично

— Мы, конечно, разныхъ убѣжденій съ твоимъ отцемъ... Но онъ все-таки почтенный человѣкъ,— снисходительно говорилъ Рябовъ.

Къ концу лѣта, которое они вмѣстѣ со старикомъ провели въ Павловскѣ, Рябовъ началъ волноваться, сравнивая свою карьеру съ карьерой Крутикова. Мысль о томъ, что онъ пострадалъ за идеи, что онъ человѣкъ принципа, а не чинушка, ушла куда-то далеко. Время пришло такое, когда затихли и оскудѣли идейные споры, когда русская жизнь вдругъ остановилась, обѣднѣла. Всякій жилъ своими дѣлишками, зарабатывалъ, изворачивался, если умѣлъ, копилъ, если не умѣлъ кутилъ. Горизонты сдвинулись и потускнѣли, какъ въ непогожій осенній день. Разсѣялся кружокъ, среди котораго Рябовъ красовался. Одинокимъ, брошеннымъ, неоцѣненнымъ чувствовалъ онъ себя.

Повседневная жизнь напоминала, что надо бороться за кусокъ хлѣба, работать локтями, пробиваться. Денегъ всегда не хватало. Грубый, необразованный и жадный человѣкъ, подъ

---

[1]) ль, стр. 80.

начальствомъ котораго Рябовъ служилъ, мало по малу сталъ для него живымъ символомъ всѣхъ удачниковъ, всѣхъ, съ кѣмъ онъ, Рябовъ, не могъ по настоящему состязаться, потому что былъ по ногамъ и рукамъ связанъ тѣмъ, что считалъ своимъ міровоззрѣніемъ.

— Вѣдь вотъ этотъ Воскресенскій, котораго за пьянство изъ семинаріи выгнали, лѣзетъ себѣ и лѣзетъ въ гору,—злобно говорилъ онъ за обѣдомъ,—а почему? Только потому что мошенникъ. Зато у него ужъ и дачи въ Лугѣ есть. Скоро навѣрное домъ на Пескахъ купитъ.

— Ну и пусть покупаетъ,—равнодушно отвѣчала Лиза.

Ея отецъ и мужъ обмѣнивались снисходительнымъ взглядомъ. Всѣ женщины такія. Развѣ онѣ что-нибудь понимаютъ? Привыкли жить на готовомъ.

Къ концу лѣта Крутиковъ предложилъ устроить Рябова на государственную службу. Рябовъ заволновался, всталъ, зашагалъ по комнатѣ.

— Не знаю, Иванъ Корниловичъ... Для меня это своего рода катастрофа. Вы вѣдь знаете мои убѣжденія. Я, принципіально, противъ политики нашего правительства. Я вѣдь отъ васъ, Иванъ Корнилычъ, и не скрывалъ этого, когда просилъ руки вашей дочери. Но съ другой стороны я знаю, что я обязанъ заботиться о будущемъ моей семьи. Вѣдь у насъ же могутъ быть дѣти.

Крутиковъ пустилъ дымъ отъ сигары и спокойно сказалъ:

— Полноте, Аполлонъ Максимычъ, вы же человѣкъ умный, точно вы не знаете, что въ банкѣ, да еще частномъ, еще больше компромиссовъ, чѣмъ на государственной службѣ. Посмотрите на дѣло съ другой стороны. Вы недовольны правительствомъ? Отлично. Вы думаете, я не вижу, сколько у насъ пробѣловъ? Но какъ съ этимъ бороться? Неужели только революціей? Я не хочу пускаться съ вами въ споръ, но вѣдь вы же сами видите, что ничего изъ вашей революціи не вышло. Такъ попробуйте съ другого конца. Пусть люди умные, образованные, принципіальные сами понемногу войдутъ въ ряды правительства. Это, конечно, придется сдѣлать постепенно, не круто, но вѣдь мы же съ вами не дѣти, мы понимаемъ, что Россія слишкомъ велика, чтобы ее можно было въ 24 часа перестроить.

Эти слова, а главное, дружескій, довѣрчивый ихъ тонъ поразили Рябова. Разстроеннымъ, размягченнымъ голосомъ онъ отвѣтилъ:

— Иванъ Корнилычъ, я при всѣхъ обстоятельствахъ цѣнилъ ваше отношеніе, повѣрьте мнѣ...

Этотъ разговоръ происходилъ въ отсутствіе Лизы. Когда мужъ разсказалъ ей, что ему предлагаютъ, она пыталась его отговорить, а онъ разсердился.

— Удивительно, какъ вы, женщины, совершенно неспособны понять мужскую психологію. Неужели ты не видишь, что я прямо пропадаю въ этомъ гнусномъ банкѣ, гдѣ каждый поповичъ надо мной измывается. Вѣдь есть же у человѣка самолюбіе... И потомъ у меня есть потребность къ работѣ. Мы переживаемъ такой періодъ реакціи, когда приходится отказаться отъ широкихъ задачъ, переломить себя, браться за то малое, что возможно осуществить. Это наша обязанность...

Онъ повторялъ то, что утромъ слышалъ отъ ея отца, но Лиза думала, что это его собственныя мысли. Ей было больно и горько, и она еще разъ попыталась возразить:

— Аполлонъ, я боюсь, что ты самъ пожалѣешь. Съ твоими принципами трудно идти на компромиссъ. Помнишь, мы съ тобой давно, еще до свадьбы, говорили, что вдвоемъ намъ легче будетъ понять, какъ надо жить...

Онъ засмѣялся, высокомѣрно и непріятно.

— Пожалуйста, не учи меня. Я полагаю, что въ твердости моихъ убѣжденій никто не станетъ сомнѣваться. Кажется, я достаточно доказалъ это на дѣлѣ. Но вѣдь я женатый человѣкъ. Я обязанъ заботиться о семьѣ. Вѣдь насъ съ тобой никто не станетъ содержать. Ты какъ полагаешь?

Нижняя, красная губа выдвигалась впередъ, какъ всегда съ нимъ бывало въ минуты раздраженія или возбужденія. Изъ подъ мягкихъ вѣкъ глаза смотрѣли сердито. А щеки круглились надъ бородой и было въ нихъ что-то жадное и сытое. Острѣе зашевелилось въ молодой женщинѣ недоброжелательство къ мужу, притупившееся, точно задремавшее подъ тяжестью двухъ большихъ утратъ, подъ которыми гнулась оскудѣвающая безъ любви душа Лизы.

Она сдѣлана еще одну попытку удержать его и тихо сказала:

— Если ты дѣлаешь это для меня, то напрасно. Мнѣ ничего не надо.

— Что же ты—ангелъ? Будешь жить небесными дарами?—язвительно спросилъ Рябовъ.—Однако, когда нужна новая шляпка, вѣдь долженъ деньги дать я.

Лиза вспыхнула и встала.

— Ну да, я живу на твой счетъ. Ты это хочешь сказать? Но какъ же иначе? Хочешь я поступлю на службу? Или уроки буду давать? И вообще... Я давно хотѣла сказать...

Она остановилась. Сердце билось неувѣренно, точно ждало минуты освобожденія.

— Что сказать?—спросилъ Рябовъ, сердито и строго глядя на нѣжное, узкое, похудѣвшее лицо жены.

— Что намъ... Намъ лучше разойтись.

Она сдѣлала надъ собою усиліе и посмотрѣла ему прямо въ глаза, и съ отчаяніемъ почувствовала, что онъ несравненно сильнѣе ее, что будетъ такъ, какъ захочетъ онъ, а не она.

— Опять? Да, что ты, съума сошла?—спросилъ Рябовъ, искренно пораженный ея словами, и вдругъ густая краска поднялась къ его всегда блѣднымъ щекамъ. Онъ схватилъ Лизу за руку.

— Это что же... Ты другого нашла? Влюбилась? А? Говори ужъ прямо? Я все вынесу, кромѣ обмана...

— Нѣтъ. Ни въ кого я не влюбилась,—отвѣтила молодая женщина, и ея голосъ, печальный и тихій, убѣдилъ его сильнѣе словъ.

Отъ этого разговора въ душѣ Рябова осталось щемящее, затяжное ощущенье обиды и тревоги. То, что Лиза такъ просто, такъ непонятно для него, предложила ему разойтись, глубоко ранило его мужское самолюбіе. Впервые по настоящему понялъ онъ, что не удалось ему привязать къ себѣ Лизу, что несмотря на всѣ его ласки, на всю его влюбленность, она осталась далекой и внутренно чужой. Въ отвѣтъ на ея обороняющуюся враждебность женщины, не сумѣвшей выбрать того, кто нуженъ былъ ея тѣлу и душѣ, въ немъ поднялась не менѣе тяжелая мужская враждебность. Терять ее онъ не хотѣлъ. Она все также, быть можетъ, даже больше, чѣмъ раньше, нравилась ему.

Но тяжелое, слѣпое презрѣніе къ женщинѣ, недостаточно сильной, чтобы освободиться, наростало въ немъ. Пусть сердится, пусть молчитъ, а все-таки она его жена, и онъ будетъ дѣлать все, что хочетъ.

Все чаще происходили между ними тяжелыя, безобразныя сцены, одинаково унизительныя для обоихъ. Онъ осыпалъ ее упреками, грубыми и оскорбительными. Она, слишкомъ слабая, чтобы уйти отъ него, точно оберегая этимъ обломки униженнаго постылымъ сожительствомъ женскаго достоинства, старалась какъ можно прямолинейнѣе дать ему почувствовать, что если и остается съ нимъ, то только потому, что онъ, Рябовъ, настаиваетъ.

Но иногда, послѣ взрыва жестокихъ, безсмысленныхъ словъ,

онъ вдругъ опускался передъ ней на колѣни, и плакалъ ѣдкими, мужскими слезами, и просилъ прощенья, и говорилъ, что нѣтъ у него на свѣтѣ никого, кромѣ Лизы. Жалость обжигала ея усталое сердце. Какой-то проблескъ человѣчности брезжилъ тогда и надъ ними. Прижимая голову мужа къ своему обнаженному плечу, она тихо шептала:

— Ну хорошо, Аполлонъ... Ну я попробую... Ну пусть... Какъ нибудь проживемъ...

Онъ благодарно осыпалъ поцѣлуями ея руки. Прикосновеніе его горячихъ губъ, его еще мокраго отъ слезъ, лица вызывали въ ней и состраданье къ нему, и томительную, безысходную жалость къ самой себѣ. Все равно, все равно, стучалъ кто-то молотками въ ея головѣ. И когда мужъ, опьяненный запахомъ ея свѣжей кожи, крѣпче прижималъ ее къ себѣ, она подчинялась, отупѣвшая, безпомощная, жалкая.

Отвращеніе къ себѣ и къ жизни давило ее. Часы и дни ползли, пустые и ненужные. Солнце и дождь, утро и вечеръ, осень или зима, ей было все равно. Все обиднѣе, все непреоборимѣе становилось сознаніе своей слабости и ненужности. Собственная молодость, ощущеніе своей женской привлекательности, которое веселыми пѣснями отзывалось раньше въ ея дѣвичьей душѣ, теперь не тѣшили. А на смѣну имъ не выростали другіе, болѣе зрѣлые, болѣе человѣческіе интересы. Мужъ не умѣлъ заразить ее ими, да она и не хотѣла ничего брать отъ него. Оля кочевала гдѣ-то въ провинціи, изрѣдка посылая короткія письма, отъ которыхъ вѣяло жизнью безтолковой и веселой. Друзей у Лизы не было. Она жила въ громадномъ городѣ, среди громадной, разнообразной человѣческой толпы, но была несравненно болѣе одинокой и безпомощной, чѣмъ звѣрекъ въ темномъ лѣсу.

Самъ Рябовъ находилъ теперь облегченіе и забвеніе въ новой службѣ. То, что его домашняя личная жизнь стала такой безобразной и темной, еще сильнѣе толкало его къ работѣ. Его новый начальникъ, Нащокинъ, умный и насмѣшливый баринъ, для котораго честолюбіе было только одной изъ подробностей забавнаго праздника жизни, сразу оцѣнилъ Рябова. Въ большихъ комнатахъ департамента, гдѣ мебель стояла также твердо, какъ твердо были установлены отношенія не столько между личностями, сколько между тѣми, кому принадлежали кабинеты и мѣста, Рябова охватывало успокоительное ощущеніе налаженности и порядка. Живая ткань скрещивающихся человѣческихъ интересовъ, которую насильно вталкивали въ мертвую бѣлизну

исходящихъ и входящихъ бумагъ, неясно рисовалась ему. Догматическій, отвлеченный умъ удовлетворялся схемами и отлично справлялся съ ними. Рябовъ былъ умнѣе большинства чиновниковъ, привыкъ и любилъ думать, и среди этихъ лѣнивыхъ, не любопытныхъ ни къ чему людей, примостившихся на всѣхъ ступеняхъ департаментской лѣстницы, Рябовъ не только самъ чувствовалъ себя головой выше, но и другимъ скоро далъ это почувствовать.

Нащокину надо было заняться крестьянскимъ вопросомъ. Сынъ помѣщика, онъ съ дѣтства много жилъ въ деревнѣ, разговаривалъ съ мужиками, вставляя мѣстныя, мужицкія словечки, и думалъ, что отлично понимаетъ и знаетъ крестьянство. Но бумаги и все печатное вызывали въ немъ комическій ужасъ, который онъ даже не считалъ нужнымъ скрывать.

— Вы, Аполлонъ Максимычъ, теоретикъ, а я практикъ,— говорилъ онъ, передавая Рябову кипу синихъ обертокъ.—Я этой бумажности терпѣть не могу, признаюсь откровенно. Разбирайтесь сами. Мнѣ Крутиковъ говорилъ, что вы въ экономическихъ теоріяхъ собаку съѣли. Вотъ и великолѣпно. Вамъ и книги въ руки.

— Кое-что я, конечно, читалъ,—съ напускной скромностью сказалъ Рябовъ.

Онъ былъ вѣрный читатель Маркса и считалъ, что государство обязано дѣлать все для развитія фабрикъ. Чѣмъ скорѣе мужики пройдутъ черезъ нея, тѣмъ лучше. Когда онъ сталъ внимательнѣе читать принесенныя домой бумаги, изъ ихъ безтолковой хаотичности стали выдѣляться какія-то цифры, факты, обобщенія, раньше не приходившіе ему въ голову. Деревню онъ зналъ хуже, чѣмъ Нащокинъ, не имѣлъ никакого понятія ни о психологіи мужика, ни о положеніи крестьянства, но тѣмъ просторнѣе чувствовалъ себя въ области отвлеченныхъ выкладокъ.

Лиза этого не понимала.

— Какъ же ты хочешь заниматься крестьянскимъ вопросомъ, когда ты не можешь овесъ отъ ржи отличить?—насмѣшливо спрашивала она.

— Вотъ это совсѣмъ по женски! Ты воображаешь, что правительственная дѣятельность это вродѣ твоего хозяйства, нужно всѣ мелочи знать? Важнѣе всего установить общій взглядъ...

Она пожимала плечами. Служба мужа ее не интересовала. Она была слишкомъ поглощена собственными мыслями, моно-

тонными, тоскливыми, безысходными. А онъ не пытался вовлечь ее въ кругъ своихъ интересовъ. Ему было даже пріятно, что все, что дѣлалось, писалось, говорилось въ департаментѣ, было такъ далеко отъ домашней, нудной жизни. Правда, и тамъ чиновники любили сплетничать о товарищахъ, разсказывали, кто измѣняетъ женѣ, кому жена измѣняетъ, кто ссорится, кто кутитъ. Но Рябовъ держался въ сторонѣ и этой сдержанностью закрѣплялъ за собой репутацію дѣловитой учености.

Домой онъ перенесъ часть канцелярской опредѣленности. Съ тѣхъ поръ какъ его отношенія съ Лизой приняли тяжелый, больной характеръ, онъ началъ придираться къ ея неумѣнію считать деньги и вести хозяйство. Теперь онъ запиралъ все жалованіе въ свой большой письменный столъ и ключъ клалъ къ себѣ въ карманъ. Лизѣ выдавалось два рубля; каждую копѣйку она должна была записывать въ узкую, длинную приходо-расходную книгу. Она не была мотовкой, тратила очень мало на себя, но эту книгу ненавидѣла отъ всей души, какъ символъ своего рабства.

— Пелагея, не знаю куда мы съ тобой 33 копѣйки дѣвали?—съ раздраженіемъ спрашивала Лиза.

Старуха копошилась въ полумракѣ маленькой, чадной кухни и, сердито шарыхая щеткой по сковородѣ, сухо отвѣчала:

— А я почемъ знаю... Я свое все вамъ сказала, вотъ говядину купила, масло, крупу... Мое все тутъ на глазахъ... А ужъ вашихъ 33 копѣекъ мнѣ не надо...

— Какія ты глупости говоришь... Знаю, что не надо, я думала ты вспомнишь.

Лиза уходила къ себѣ. Въ пустой квартирѣ было тихо. Холодъ ползъ со стѣнъ, отъ обитаго зеленой матеріей дивана, отъ желтаго пейзажа въ золоченой рамѣ. Молодая женщина удивленно озиралась по сторонамъ. Зачѣмъ она здѣсь? Зачѣмъ она вообще живетъ на свѣтѣ? Кому она нужна?

X.

Пришла вторая беременность. Лиза встрѣтила ее безрадостно. Была больная связь между зарождающейся жизнью и тѣмъ мертвеннымъ униженіемъ, которое наполняло ее послѣ ласкъ мужа. Опять ребенокъ. Къ чему это? Для того, чтобы родилось еще одно существо, которое будетъ страдать, и тосковать, и тяжело тащить грузъ жизни? Упрямо и мрачно сопротивлялась она, когда первыя движенія ребенка вдругъ пробудили въ

ней сладкое предчувствіе материнства. Нѣтъ, нѣтъ. Ей этого не нужно. И вообще ничего не нужно.

Но когда мальчикъ родился, онъ понемногу вернулъ мать къ жизни. Конечно, это не Ирочка. Такого ребенка у нея никогда не будетъ. Но все-таки маленькія ручки, теребившія ея грудь, черные, блестящіе глазки, горячее дыханіе, тихо вылетавшее изъ маленькаго, мягкаго рта, каждая подробность жизни хрупкаго, нѣжнаго существа требовала, и звала, и радовала.

Зато самъ Рябовъ на этотъ разъ отдался гордому и страстному отцовскому чувству. Онъ какъ будто перенесъ на Васю ту влюбленность, которую не приняла Лиза, и восхищался своимъ сыномъ, какъ раньше восхищался своей невѣстой.

Мальчикъ росъ тихій, нешумливый. Въ глазахъ его, красивыхъ и темныхъ, была не ребяческая серьезность. Точно боль, и оскорбленія, и обиды, которыми такъ неудержимо обмѣнивались отецъ и мать передъ его зарожденіемъ, наложили суровый отпечатокъ на маленькую, еще не осознавшую себя душу.

Онъ росъ и росъ, и съ каждымъ днемъ бралъ отъ матери все больше вниманія и заботъ, именно этой требовательностью скрашивая ея жизнь.

Холодъ между ней и мужемъ все наросталъ. Временами ихъ вражда обострялась, сцены и объясненія становились чаще и грубѣе. И что-то скучное, мертвенное висѣло надъ домомъ, гдѣ они жили, чужіе другъ другу и, все-таки, скованные. Лиза хлопотала, заботилась, что-то устраивала, прилаживала, тратила время и вниманіе на маленькія подробности, которыя, иногда такъ красятъ жизнь. Но ничего не выходило. Даже чужіе испытывали у нихъ скуку, неловкость и торопились уйти.

Теперь у Рябовыхъ завелись официальныя знакомства. Но Лиза плохо умѣла ихъ поддерживать. Что-то было въ ней студенческое, какое-то прямолинейное отвращеніе къ условности, дѣлавшее для нее томительными и скучными дневные визиты, вечерніе чаи по приглашенію.

Лиза обрадовалась когда къ ней пришла Иванова. Она пріѣхала откуда-то съ Волги, гдѣ была учительницей при фабричной школѣ. Была она все та же, свѣтлая и простая. Лизѣ показалось, что на ея добрыхъ глазахъ блеснули слезы, когда она увидала Васю.

Весь день Иванова провозилась съ ребенкомъ. Ея неудовлетворенная женственность всегда тянулась къ дѣтямъ, а это вѣдь былъ сынъ Рябова.

Онъ пришелъ только къ обѣду и тоже обрадовался.

— Вы пріѣхали бы лѣтомъ къ намъ на Волгу, Аполлонъ Максимовичъ,—ласково сказала Иванóва.—У насъ дѣло кипитъ. Организація растетъ. Рабочіе такъ и тянутся къ намъ. Для васъ было бы громадное поле дѣятельности.

Лиза посмотрѣла на мужа. Онъ сразу сжался и молча, высокомѣрно прижалъ выдающуюся нижнюю губу къ верхней.

— Вѣдь Аполлонъ перемѣнилъ службу,—осторожно сказала Лиза.

Мужъ сердито остановилъ ее взглядомъ и тѣмъ свистящимъ голосомъ, которымъ когда-то громилъ противниковъ въ студенческомъ кружкѣ, заговорилъ:

— Знаете, Пелагея Сергѣевна, я не очень вѣрю всѣмъ этимъ утопіямъ объ организованныхъ рабочихъ. Все это дѣтскія забавы. Я кое-что перечиталъ и передумалъ за эти годы и думаю, что въ Россіи перемѣны пойдутъ сверху, а не снизу. Кто хочетъ сознательно участвовать въ историческомъ процессѣ, должны это понять и войти въ дѣло...

— Я не понимаю. Какое дѣло?

Иванóва подняла на него свѣтлые, лучистые глаза, красившіе некрасивое лицо и ждала объясненій. Что то въ этихъ глазахъ стѣсняло и потому сердило Рябова.

— Какое хотите, только не подпольное. Это все одно самоуслажденье. Наша государственность такъ крѣпко организована, а общественныя силы такъ дезорганизованы и жалки, что дѣйствовать можно только примыкая къ государственности.

— Да вѣдь не въ чиновники же идти?—усмѣхнулась Иванóва, даже на словахъ не допуская этого.

— А почему же нѣтъ?—вызывающе спросилъ Рябовъ.—Вотъ я пошелъ въ чиновники и нисколько этого не стыжусь. Сдѣлалъ это по убѣжденью и очень радъ что сдѣлалъ.

Иванóва посмотрѣла на него. Ей еще казалось, что онъ шутитъ. Но по лицу она поняла, что это не шутка и вся загорѣлась.

— Ну хорошо, пошли. Но почему вы этимъ такъ гордитесь? И при чемъ тутъ убѣжденья...

— Что же вы не договариваете? Говорите прямо, что я продалъ себя правительству.

— Я этого не говорю...

— Ну, такъ думаете?

— И не хотѣла бы думать,—сдержанно сказала Иванóва, опустивъ глаза.

— Вотъ это всегда у нашихъ радикаловъ: нетерпимость и прямолинейность, точно въ участкѣ,—злобно сказалъ Рябовъ,—даже попытки не сдѣлаютъ понять. Неужели вы не понимаете, что я не могу сидѣть сложа руки, что я долженъ дѣйствовать?

— Я это отлично понимаю,—спокойно и сухо остановила его Иванóва,—но то, какъ можно пойти къ врагу и дѣйствовать бокъ о бокъ съ нимъ, этого я не понимаю и никогда не пойму. Для меня всѣ правящіе классы враги, и на борьбу съ ними я всю свою жизнь кладу...

— Ну да, и ради чистоты своихъ бѣлыхъ одеждъ будете вести эту борьбу самыми невыгодными средствами? Такъ что-ли?

— Нѣтъ, не ради чистоты одеждъ, а ради чистоты идеи,—отвѣтила Иванóва.

Она подняла глаза. Все лицо ея горѣло внутреннимъ властнымъ свѣтомъ. Лизѣ хотѣлось встать, положить ей руку на плечо и сказать:

— Возьмите меня съ собой, уведите меня отсюда.

Но вмѣсто этого она только спросила:

— Положить вамъ еще пуддинга?

Вечеромъ Рябовъ долго молча ходилъ по кабинету. Въ головѣ проносились обрывки сарказмовъ и аргументовъ, которыя надо было сказать этой замаринованной старой дѣвѣ. Надо было дать ей понять, что онъ, Рябовъ, свободный человѣкъ и устраиваетъ свою жизнь какъ хочетъ. И потомъ надо было вбить въ ея глупую башку, что Россія сейчасъ не въ такомъ положеніи, чтобы услаждаться утопіями. Нужны трезвые люди и трезвые взгляды.

Невысказанныя слова давили и кололи. Рябовъ услыхалъ доносившійся изъ столовой стукъ машинки и пошелъ туда. Лиза шила и низко спущенная лампа освѣщала ея блестящіе, черные, пышные волосы.

Рябовъ остановился передъ ней и глядя какъ маленькія, бѣлыя руки проворно и ловко загибаютъ край мягкой, розовой фланельки, изъ которой она шила Васѣ рубашку, произнесъ:

— Тоже, хороша. Воображаетъ себя какимъ то верховнымъ судіей. Жизни не знаютъ, ничего не знаютъ. Посмотрѣли бы они на тѣ матеріалы, которые у насъ въ департаментѣ собраны...

Лиза молчала. Но въ этомъ молчаніи, въ самомъ наклонѣ ея головы, ему чудилось что то несогласное и недоброжелательное.

— Впрочемъ, что же я говорю,—язвительно спохватился онъ,—можетъ быть ты съ ней согласна? Можетъ быть, ты даже довольна, что всякая идіотка смѣетъ меня оскорблять?

Она подняла глаза и ея взглядъ еще больше задѣлъ его.

— Она тебя не оскорбляла. Она только высказала свое мнѣніе.

— Вотъ какъ... Мнѣніе... Вѣроятно, ты тоже считаешь, что я пошелъ на сдѣлку съ совѣстью? Что жъ, говори. Стоитъ ли стѣсняться съ такимъ негодяемъ, какъ я,—онъ захохоталъ непріятнымъ, дѣланнымъ смѣхомъ.

Лиза никакъ не могла привыкнуть къ тому, что мужъ не умѣетъ иначе смѣяться. Она смотрѣла на него и, Богъ знаетъ, въ который разъ спрашивала себя, почему этотъ далекій, непріятный ей человѣкъ ея мужъ? А онъ читалъ въ ея глазахъ враждебность и злоба его росла.

— Ну, что жъ ты молчишь?

— Что же мнѣ сказать?—отвѣтила Лиза.—Вѣдь ты же самъ знаешь, что при твоихъ прежнихъ убѣжденіяхъ, твоя служба компромиссъ. Иванóва не могла знать, что твои убѣжденія измѣнились.

— Откуда ты это взяла! Что жъ и ты тоже думаешь, что я измѣнилъ своимъ принципамъ?

Онъ подошелъ къ ней такъ близко, что она чувствовала его дыханіе, его запахъ. Теперь и въ ней поднималась острая злоба, желанье сказать ему, что то правдивое и безпощадное. Сдвинувъ брови, глядя прямо ему въ лицо, она сказала:

— Не знаю, измѣнилъ или перемѣнилъ. Но вѣдь ты же самъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, думалъ...

— Этого еще не доставало, чтобы ты теперь корила меня тѣмъ, что было. Я самъ отлично знаю весь ходъ своего внутренняго развитія. Но удивительно, что никто изъ васъ не понимаетъ, что у живого человѣка міровоззрѣніе подлежитъ эволюціи. Впрочемъ, что ты этого не понимаешь, это не удивительно. У тебя самой нѣтъ и никогда не будетъ никакого міровоззрѣнія. Но Иванóва раньше умѣла мыслить.

Лиза вся сжалась. Онъ правъ. Какое у нея міровоззрѣнье, когда ей всегда кажется, что она идетъ надъ пропастью по узкой колеблющейся доскѣ. Идетъ, прижимая къ груди маленькаго Васю, и только эта ноша даетъ ей силу и устойчивость, даетъ смѣлость смотрѣть впередъ. Конечно, нѣтъ у нея и никогда не будетъ міровоззрѣнья.

Ей и въ голову не пришло сказать этому человѣку, съ которымъ она связала свою молодую, туманную жизнь, который смотрѣлъ на нее какъ на неотъемлемую часть своего существованья:—А ты помоги мнѣ разобраться въ хаосѣ. Подѣлись со мной своимъ опытомъ, знаніемъ, мыслями, всѣмъ, что ты считаешь своимъ богатствомъ. Вѣдь, я твоя жена, мать твоего ребенка. Постарайся же понять, какъ мнѣ страшно, какъ мнѣ холодно жить...

Вмѣсто этого она сказала ему тѣмъ сухимъ, далекимъ голосомъ, который все чаще являлся у нея, когда она разговаривала съ мужемъ:

— Ну да, я глупая, я не умѣю мыслить, нѣтъ у меня міровоззрѣнья. Ты это и раньше зналъ. Но зачѣмъ же ты на мнѣ женился, если я глупая, а ты умный?

Онъ отвѣтилъ грубостью. И долго, сначала въ столовой, потомъ въ спальнѣ, звучали ихъ раздраженные, полные вражды голоса. Усталые, опьянѣвшіе отъ разроставшихся взаимныхъ упрековъ, они оба преувеличивали то, что накопилось въ душѣ, приписывали другъ другу все, что было труднаго или неласковаго въ жизни каждаго. Слова не облегчали, не разъясняли, а только выше громоздили стѣну непониманья. И казалось, что отъ ихъ ссоръ сѣрый туманъ расползался по квартирѣ, прилипалъ къ вещамъ, застилалъ окна, темнилъ лампы. Все становилось нескладнымъ и ненужнымъ. До самой дѣтской добирался онъ, колыхался надъ бѣлой кроваткой, гдѣ спалъ бѣлокурый Вася, тихо прокрадывался въ глубь черныхъ дѣтскихъ глазъ, откуда вопросительно смотрѣла недѣтская скука.

Послѣ разговора съ Ивановой, Рябовъ еще крѣпче привязался къ своимъ департаментскимъ бумагамъ. Самолюбіе ощетинилось противъ старыхъ товарищей и каждая встрѣча съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, углубляла пропасть между ними и Рябовымъ.

Онъ упрямо цѣплялся за новую работу, точно на зло кому то, стараясь доказать, что именно такимъ дѣломъ и должны заниматься всѣ разумные, трезвые, честные люди. Только безотвѣтственные утописты могутъ играть въ старыя бирюльки.

Рябовъ былъ изъ тѣхъ, кто всегда считаетъ себя правымъ, но все-таки, колючее и ноющее, осталось въ его душѣ двойственное чувство злобы къ непрошеннымъ судьямъ и мутное недовольство не собой, а жизнью, поставившей его въ такое трудное положеніе.

И на жену перенесъ онъ настороженное, недовѣрчивое

отношеніе, въ ней тоже ревниво чуялъ недостаточное уваженіе къ себѣ. Потухла, раздробилась, исказилась прежняя страстная любовь къ ней. На смѣну ей шла голая, физическая привычка считать ее своей собственностью. И даже то, что она была матерью Васи, на котораго Рябовъ перенесъ теперь всю свою способность къ нѣжности, не смягчало этого слѣпого, мужского цинизма.

А къ Лизѣ, къ той свѣтлой, темноглазой Лизѣ, которая когда-то взволновала его неповторимымъ волненіемъ глубокаго и искренняго чувства, уже была въ немъ не нѣжность, а жесткая пренебрежительность.

XI.

Жизнь текла и текла, мѣняя людей, ихъ лица, желанья, силы, незамѣтно и неуклонно мѣняя все кругомъ.

Каждый день стучался въ двери со своими требованіями, огорченіями или удачами. Маленькія, скоро забывающіяся, подробности загромождали безшумное движеніе годовъ. Казалось, что самое важное все еще впереди. И съ жалкой расточительностью слѣпцовъ, Рябовъ и его жена губили, калѣчили и туманили неповторимые, безцѣнные дни жизни.

Ни тепла, ни свѣта, ни радости не давали они другъ другу. Даже тѣ мелкія удачи, развлеченія, удовольствія, заботы, которыя, маленькими свѣтлыми точками, пестрятъ унылыя будни большинства людей, у нихъ всегда переживались врозь, отдѣльно, недружно.

Еще троихъ въ теченіе нѣсколькихъ однообразныхъ лѣтъ родила Лиза, но дѣти, появленіе которыхъ какъ будто говорило о чемъ то горячемъ, слитномъ, радостномъ, въ семьѣ Рябовыхъ не сближали отца и мать. Точно это были не ихъ общія дѣти, точно каждый изъ родителей самъ по себѣ имѣлъ отдѣльнаго ребенка.

И даже смерть дѣтей не вызывала въ Рябовѣ и Лизѣ желанія согрѣть другъ друга, поддержать, пожалѣть. Почти одновременно умерло отъ скарлатины двое, дѣвочка трехъ лѣтъ и

годовалый сынъ. Когда они умирали, мать мучилась ихъ мученіями, вся содрогалась отъ рыданій и съ тупымъ отчаяніемъ окружала цвѣтами маленькія, безжизненныя головки. Позже, на кладбищѣ, сидя около ихъ могилъ, она угрюмо думала, что теперь ея дѣти ограждены отъ страданій, отъ униженій, отъ разочарованій, отъ всего, чѣмъ полна жизнь. Тамъ имъ лучше.

Никакого «тамъ» для нея не было. Въ ихъ домѣ никогда не произносилось даже слово Богъ. Но у Лизы было такое чувство, что ея дѣти теперь гдѣ-то на другой планетѣ, гдѣ солнце тихо, тихо свѣтитъ.

Горечь потери еще обострила страстную, всепоглощающую любовь къ сыну и дочери, которыхъ судьба ей милостиво оставила.

Вася часто простужался, хворалъ, сразу становился слабый и жалкій, и все звалъ мать. Тиночка, та была другая. И лицомъ ни на кого не похожа. Развѣ только на сестру Олю. У дѣвочки тоже были сѣрые, смѣющіеся глаза и кудрявившіеся русые волосы. Черты были крупнѣе и грубѣе, чѣмъ у матери, но что то веселое и не сомнѣвающееся свѣтилось на ея лицѣ. Тиночка смѣялась громче и беззаботнѣе всѣхъ въ домѣ Рябовыхъ. Вѣрнѣе, она одна только и умѣла по настоящему смѣяться. Лиза улыбалась. Вася или хмурился, или какъ то странно, не по дѣтски хихикалъ. А отецъ изрѣдка хохоталъ непріятнымъ, несмѣющимся смѣхомъ, который такъ не любила его жена.

Болѣзни, и выговоры, и ученіе, всѣ большія и маленькія непріятности, наполняющія жизнь городскихъ дѣтей средняго круга, Тиночка переживала легко и весело. Но иногда изъ-за какого-нибудь пустяка, изъ-за мелкаго выговора или отказа, на-нее нападала ярость. Она бросалась на полъ, стучала руками и ногами, выкрикивала безсмысленныя, злобныя слова:

— Уходите, уходите... Гадкіе вы всѣ, противные... Я васъ всѣхъ ненавижу... Уйду, въ лѣсъ отъ васъ уйду... Мучители...

Лиза съ тоскливой болью прислушивалась къ этимъ дикимъ выкрикамъ, чуяла въ нихъ отголоски тоски, сродной съ той тоской, которая медленно опустошала ея душу. Ей казалось, что она въ чемъ-то безмѣрно, незамолимо виновата передъ своими дѣтьми. И еще съ большимъ самоотверженіемъ, съ напряженной заботливостью, хлопотала она обо всемъ, что касалось дома и дѣтей.

Работы было много, маленькой, одуряющей, неотложной.

Надо во что бы то ни стало все передѣлать самой. Съ утра напоить всѣхъ чаемъ, убрать комнаты, водить дѣтей гулять, шить, покупать, возиться съ бѣльемъ, съ ваннами, со всѣми требовательными мелочами дѣтской жизни. Весь день напряженно думать о нихъ. И все сама, все сама. Отчасти потому, что больше некому, отчасти и потому, что это ревнивое желаніе окутать дѣтей непроницаемой атмосферой своихъ любовныхъ заботъ, придавало Лизиной жизни и красоту, и тепло.

Единственное близкое къ Лизѣ существо, понимавшее это, была Пелагея. Она была темная, неграмотная, вѣяло отъ нея древней чащей глухого сѣвернаго уѣзда. И слова она всегда произносила деревенскія, темныя. А все-таки чуяла чужую душу, въ особенности бабью.

О томъ, что творится между бариномъ и барыней, она не могла не знать. Но никогда, ни однимъ словомъ не обмолвилась, ни жалостливымъ, ни укоризненнымъ. Суровая, часто грубая на словахъ, она какъ-то искоса смотрѣла своими бѣлесыми глазами на Лизавету Иванову, и не то просила, не то приказывала.

— Барыня, ну-ка погладь. Утюги ужъ у меня нагрѣты. Не справиться мнѣ съ глаженіемъ. Руку правую что-то ломитъ.

Лиза разстилала въ столовой толстый платокъ, покрывала его полотенцемъ, и скоро вся столовая наполнялась горькимъ, ѣдкимъ запахомъ горячаго пара, на который такъ ворчалъ Рябовъ, когда приходилъ со службы. Лиза старательно водила взадъ и впередъ тяжелымъ, горячимъ утюгомъ, и это механическое, повторяющееся, требующее вниманія движеніе вызывало рядъ простыхъ, заботливыхъ, тоже повторяющихся мыслей о томъ, что ночныя рубашенки Васи уже пронашиваются, что пора имъ шить лѣтніе костюмчики, чтобы потомъ не торопиться, что кажется у Егорова опять распродажа, можно подешевле купить драпъ на весеннее пальтишко Тиночкѣ.

Въ углу играли дѣти, и ихъ звонкіе, любимые голоса разгоняли то тягучее, униженное сознаніе своей незадачливости, съ которымъ Лиза просыпалась въ тѣсной, душной спальнѣ.

А старухѣ, и правда, все труднѣе было справляться съ Рябовскимъ хозяйствомъ. Таяла, подточенная годами, выносливая деревенская сила.

Все тяжелѣе подымалась Пелагея по черной крутой лѣстницѣ, все чаще присаживалась на табуретку и, вытянувъ вдоль острыхъ колѣнъ, торчавшихъ изъ-подъ ситцевой юбки, длинныя, жилистыя, узловатыя руки, съ печальнымъ недоумѣніемъ говорила:

— Ишь ты... Устала... Прежде бывало все на ногахъ,

все на ногахъ... Чего за день не передѣлаю. А теперь ужъ не то... Ушла моя силушка... Все ушло...

Въ прошломъ Пелагеи ничего не было кромѣ ряда трудовыхъ дней, а все-таки при воспоминаніи о чемъ-то, что ушло, лицо ея дѣлалось мягче и свѣтлѣе. Лиза жалѣла и берегла старуху. Общей жизнью жили онѣ, понимали другъ друга безъ словъ, были замкнуты въ общій кругъ женскихъ, маленькихъ неотступныхъ интересовъ и обязанностей. Самъ Рябовъ былъ внѣ этого круга. Но Пелагея, по какой-то особой психологіи, покоившейся на незыблемой увѣренности, что мужчина глава дома, что его воля священный законъ, а его характеръ стихійная сила, къ которой можно только прилаживаться, но отнюдь не бороться, не противодѣйствовать ей, всегда соразмѣряла свои поступки съ его интересами и привычками.

Только одного не могла она ему простить:

— Хоть бы когда лобъ перекрестилъ,—ворчала она, особенно хмурясь передъ большими праздниками.

Дѣтей Пелагея любила нѣжной, бабушкиной любовью, гордилась ими, любовалась, ласкала. По вечерамъ въ прибранной, чистой кухнѣ, при мерцающемъ свѣтѣ лампадки, зажженной передъ большими образами въ фольговыхъ окладахъ, она разсказывала имъ сказки. Она знала ихъ немного, но именно повтореніе знакомыхъ словъ особенно радовало дѣтей.

— Ты что, Васенька, не на свое колѣно забрался? Вѣдь ужъ знаешь порядокъ, на правомъ ты, на лѣвомъ Тиночка,— ворчливо говорила старуха.

Она пересаживала мальчика на правое колѣно, расправляла жесткой рукой его тонкіе, свѣтлые волосы и прижимала его къ костлявой груди.

— А я почемъ знаю, гдѣ правая, гдѣ лѣвая?—оправдывался Вася. Ну, Пелагея, сегодня про кого? Про попова работника?

— Нѣтъ, про Аленушку съ братцемъ,—перебивала Тиночка.

— Ну ужъ, твоя Аленушка... Никогда ее и не было.

— А поповъ работникъ былъ? Сказокъ никогда не было,— резонно отвѣчала дѣвочка.

— А вы не спорьте. Про все разскажу,—успокаивала Пелагея и начинала тихимъ, распѣвнымъ голосомъ.—Какъ и жили у нашего села, какъ у самой-то околицы, попъ да съ попадьей молодой...

Дѣти замирали. Гдѣ-то далеко грохоталъ громадный, забыв-

шій, презирающій старину городъ. Но въ пропахшей лукомъ и чадомъ, тѣсной кухнѣ, втиснутой въ неуклюжій, неразборчивый, многолюдный домъ, старая сказочница и два припавшихъ къ ней маленькихъ существа переносились душой въ далекіе, давно забытые края и царства и, подъ мѣрный ритмъ старинной рѣчи, переживали тѣ чувства, которыя въ теченіе многихъ столѣтій, по деревнямъ, и селамъ, и городамъ святой Руси будила эта рѣчь въ милліонахъ душъ.

Рябовъ разъ, случайно, наткнулся на эту вечернюю забаву и возмутился.

— Послушай, какъ ты это допускаешь? Что за разговоры съ глупой старухой? Пожалуйста, чтобы этого больше не было,— распорядился онъ.

— Почему? Что же тутъ дурного?—пробовала возразить Лиза.—Дѣти всегда любятъ, чтобы имъ разсказывали.

— Мало ли что любятъ... Я совсѣмъ не хочу, чтобъ моимъ дѣтямъ набивали головы дурацкими сказками. Я просто требую, чтобы больше этого не было,—рѣшительно заявилъ Рябовъ.

Это «я требую» все чаще и чаще раздавалось въ ихъ домѣ. Сначала Лиза возражала, сердилась, потомъ устала. Все равно его почти весь день нѣтъ дома. Между матерью и дѣтьми рано установилось молчаливое соглашеніе, что безъ папы жизнь идетъ иначе, чѣмъ при немъ. Онъ не понималъ и не замѣчалъ подробностей, мелкихъ привычекъ, изъ которыхъ складывается характеръ и жизнь, какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ, и могъ задѣть, разстроить, помѣшать мимоходомъ, совсѣмъ не думая объ этомъ. Оттого-то въ его отсутствіи и мать, и дѣти, и даже старуха Пелагея чувствовали себя проще и вольготнѣе.

Сидя на колѣняхъ у Пелагеи, дѣти научились не только сказкамъ, но и молитвамъ. Она была неграмотная, знала только Богородицу и Отче-нашъ, да и тѣ произносила какъ-то по своему. Но такъ внушительно, такъ убѣжденно звучалъ ея протяжный голосъ, когда она показывая на лампадку, говорила:

— Богъ все видитъ... Онъ подастъ. Владычица милостивая... Царица небесная...

Передъ носомъ Васи мелькала костлявая, темная рука. Медленно, со вздохомъ, трижды крестилась Пелагея. Мальчикъ терялъ равновѣсіе, хватался за передникъ, чтобы не упасть и съ любопытствомъ, блестящими глазенками смотрѣлъ туда, гдѣ чуть бѣлѣлъ неясный ликъ Небесной Царицы. По вечерамъ онъ становился на колѣни въ своей постели и добросовѣстно молился Богородицѣ.

Мать стояла рядомъ и слушала. Ее и смущала, и умиляла, и успокаивала молитва Васи. Точно отъ дѣтскаго голоса, шептавшаго:—Богородица, дѣва, радуйся... Благодатная Марія, Господь съ тобой,—вѣяло заклинаніемъ, посылавшимъ въ свѣтлую, дѣтскую душу миръ и покой.

Тиночка тоже молилась, но даже и въ молитву она вносила что-то непосѣдливое, неожиданное. Она вдругъ останавливалась посреди молитвы и, повернувъ къ матери круглое личико, спрашивала звонкимъ голосомъ:

— Мамочка, а отчего хлѣбъ нашъ, дождь нашъ? Развѣ дождь тоже нашъ?

Мать смѣялась и цѣловала ее, и объясняла ей, что это значитъ.

Если въ это время отецъ входилъ въ комнату, дѣти торопливо шмыгали подъ одѣяльца. Сначала Лизѣ это было больно, смутно кололо сознаніе, что это нехорошо, что надо бы такъ устроить, чтобы нечего было дѣтямъ утаивать или замалчивать.

Но какъ же это сдѣлать? Лизѣ было жалко отучать дѣтей отъ привычки, которая казалась ей не только безвредной, но и трогательной. Но развѣ Аполлона убѣдишь?

Вечеромъ, когда дѣти спали, Лиза садилась читать. Это были ея часы, это было то время дня, когда ея душа, ослѣпленная, оглушенная подробностями сѣраго, повседневнаго труда, распрямлялась и озиралась, тянулась къ краскамъ, къ яркости, къ радости, къ жгучимъ потрясеніямъ страстей, къ острымъ волненіямъ любви, къ благородному подъему героизма, ко всему небывалому и красивому, что озаряетъ жизнь какихъ-то другихъ, невиданныхъ, далекихъ людей.

Книжка, весь день тихо лежавшая въ углу этажерки, была щедрой волшебницей, раскрывавшей передъ молодой женщиной ворота въ невѣдомыя царства. Часто днемъ, торопливо переходя отъ одного дѣла къ другому, Лиза съ благодарностью поглядывала на обтрепанный корешекъ съ бѣлѣющимъ библіотечнымъ номеромъ и чувствовала то легкое замираніе сердца, съ которымъ пьяница смотритъ на неначатую бутылку.

Она читала только романы. Они уносили ее въ далекій, другой міръ, гдѣ то ласково синѣло, то грозно дыбилось безграничное, всегда чарующее, никогда не виданное ею, море, гдѣ горы вставали во всей своей неподвижной, измѣнчивой красѣ, шумѣли вершины южныхъ или сѣверныхъ лѣсовъ, гдѣ природа, то

прекрасная, то жестокая, разсыпала свои дары. Вереницы людей проходили черезъ маленькую, залитую тихимъ полумракомъ столовую. Довѣрчиво разсказывали они всю свою жизнь замирающей отъ любопытства, черноглазой женщинѣ. Она видѣла ихъ лица, слышала ихъ голоса, переживала глубину ихъ волненій, то вздымалась на вершины героизма, то летѣла внизъ, въ бездну паденія, позора, разврата. Сплетались событія, загорались и гасли страсти, счастье подходило, осѣняло своимъ крыломъ и опять улетало, насмѣшливое, неисчерпаемое въ своихъ соблазнахъ. Характеры сложные и глубокіе, низменные и жалкіе, нѣжные и пылкіе, коварные и благородные выступали съ бѣлыхъ страницъ книги и увлекали въ путаную сѣть никогда не бывшихъ переживаній, волновали своеобразнымъ безплотнымъ волненіемъ, исходящимъ изъ человѣческой выдумки, когда на нее хоть мимоходомъ упала свѣтлая тѣнь искусства.

Чѣмъ обыденнѣе, чѣмъ ближе къ жизни была книга, тѣмъ меньше она нравилась Лизѣ. Романъ только тогда овладѣвалъ ея душой, когда воображеніе автора уносило ее далеко отъ убожества и скудости ея собственной судьбы. О такихъ книгахъ Лиза еще долго вспоминала съ тихой, благодарной улыбкой и событія, пережитыя героемъ, а въ особенности героиней, своимъ отраженнымъ блескомъ озаряли тусклость ея будней.

Но больше всего любила она книги, гдѣ женщины являлись хозяйками своей и чужой жизни, высокомѣрными властительницами, у ногъ которыхъ, въ болѣе или менѣе безнадежной страсти, изнываютъ умные и глупые, нищіе и принцы. Легкая улыбка удовлетворенія змѣилась около ея сомкнутыхъ губъ, когда она видѣла, что красавица-героиня безжалостно творитъ свою волю, дерзко топчетъ своими маленькими, непремѣнно маленькими, ножками все, что идетъ вразрѣзъ съ ея желаніями, даже съ ея мимолетными капризами. Любовныя сцены волновали Лизу, но вызывали въ ней смутное горьковатое недоумѣніе, какъ у слѣпого разсказъ о краскахъ.

Увлекали ее также повѣсти о героическихъ подвигахъ. Прекрасный, смѣлый человѣкъ отважно бросался въ борьбу съ низкими, злыми, силами, спасалъ погибающихъ, иногда одинъ велъ за собой растерянную, жалкую толпу. Былъ ли это рыцарь, освобождающій нѣжную даму отъ недостойнаго плѣна, или революціонеръ, умирающій на баррикадѣ за благо униженныхъ и обиженныхъ, Лиза съ равной благодарностью провожала его въ то царство тѣней, куда уходила вся длинная вереница ея книжныхъ друзей.

Рябовъ пытался бороться съ этой непонятной и непріятной для него страстью къ романамъ:

— Можно ли такъ опускаться?—съ упрекомъ говорилъ онъ.—Ты всякую дрянь читаешь. Вѣдь есть же у меня серьезныя книги. Займись лучше ими. Ну почитай хоть по исторіи. Ты точно поручица какая-то...

— Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, не развивай меня. Какая есть, такая и есть,—съ неожиданной для него рѣшительностью возразила Лиза.

— Ну что ты находишь въ этихъ книгахъ,—скажи пожалуйста?—съ искреннимъ недоумѣніемъ сказалъ онъ и брезгливымъ жестомъ взялъ со стола двѣ книги. «Вторая жена» Марлита... Господи, какая старина... «Ученикъ» Бурже... Съ французскаго... Навѣрное порнографія? Ну разскажи, въ чемъ же тутъ дѣло?

Онъ сѣлъ напротивъ жены за столъ, за которымъ она сидѣла, и съ насмѣшливымъ видомъ экзаменатора, увѣреннаго, что ученица ничего не знаетъ, приготовился слушать. Лиза подвинула къ себѣ книги, раскрыла одну изъ нихъ и, сдерживаясь, сказала:

— Оставь, пожалуйста... Я вѣдь не сую носъ въ бумаги, за которыми ты сидишь каждый вечеръ. Не говорю, глупыя онѣ или умныя. Ну и ты оставь меня въ покоѣ.

— Тоже сравненіе!—вскипѣлъ Рябовъ,—у меня работа, серьезное изслѣдованіе... А ты набиваешь себѣ голову всякой пошлятиной.

Лиза встала, взяла книги и пошла въ дѣтскую, но на дорогѣ отвѣтила:

— Пошлятина... У тебя и Пушкинъ пошлятина... Самъ даже не читаешь романовъ... Что ты въ нихъ понимаешь?!

Это его окончательно возмутило. Конечно, онъ не читаетъ романовъ. Еще бы онъ сталъ такими глупостями заниматься. Довольно того, что онъ знаетъ исторію литературы и конечно знаетъ основательно, по лучшимъ источникамъ. А Лиза даже не понимаетъ различія между романами и литературой.

Нѣсколько разъ пробовалъ онъ убѣдить ее или, какъ онъ говорилъ, «пріохотить къ серьезному чтенію», но встрѣтилъ такое упрямое сопротивленіе, а главное такую, поразившую его, увѣренность въ своемъ правѣ читать вздоръ, который ей нравится, а не серьезныя книги, которыя онъ, Рябовъ, одобряетъ, что онъ съ демонстративной обиженностью заявилъ:

— Ну что жъ, какъ хочешь... Ты не маленькая... Если тебѣ хочется набивать мозги пустяками, пожалуйста... Я не мѣшаю...

Мнѣ только тебя жаль. Да и для дѣтей было бы полезнѣе, чтобы у нихъ была болѣе образованная мать.

Ее эти слова нисколько не задѣли. Ей казалось, что книги, которыя стоятъ у мужа въ кабинетѣ и тускло поблескиваютъ изъ-за стеклянной дверцы золотыми надписями, похожи на Рябова, что въ нихъ та же мертвая разсудочность, то же непониманіе всего живого и смѣющагося. И тѣмъ охотнѣе, точно отыскавъ наконецъ маленькую, призрачную лазейку для своего подавленнаго, но постоянно ощущаемаго протеста, уходила она въ безграничный, щедрый міръ небывальщины.

Порой, читая захватывающее, волнующее описаніе чужой любви, она вспоминала Струнскаго. Теперь онъ казался ей призракомъ, точно никогда и не было всего, что она пережила около лѣсного озера, что она испытала, когда синіе глаза пристально слѣдили за ея лицомъ. Какъ будто это все тоже было только написано въ свѣтлой, давно, давно прочитанной книгѣ.

XII.

Кромѣ книгъ былъ еще одинъ романтическій уголъ въ жизни Лизы,—сестра Оля, или Ольга Пѣнкина, какъ звалась она въ театрѣ. На казенную сцену Оля такъ и не попала, да уже и не хотѣла.

— Старый балаганъ. Развѣ тамъ артисты... Рутина,—пренебрежительно говорила она.

Стерлецкій уже давно какъ-то исчезъ изъ ея жизни. Но она пошла по пути, который онъ передъ ней расчистилъ.

Извѣстнаго успѣха и положенія въ театральномъ мірѣ Ольга Пѣнкина все-таки добилась. Играла зимой въ Москвѣ, въ большомъ частномъ театрѣ, считалась одной изъ самыхъ элегантныхъ женщинъ въ городѣ, жила весело и умѣла удержать равновѣсіе, не срываясь въ то угарное веселье, гдѣ актриса перестаетъ быть артисткой, а становится только объектомъ мужскихъ, а иногда и собственныхъ аппетитовъ. Въ ней, рядомъ съ завиднымъ легкомыслiемъ, жила какая-то лукавая трезвость, помогавшая ей и разбираться въ людяхъ, и переносить неизбѣжныя житейскія передряги.

Любовныя исторіи были необходимой и важной частью ея бродячей жизни, но она умѣла и въ нихъ вносить веселую беззаботность и жизнерадостность, которая по прежнему била въ ней ключомъ составляя главный секретъ ея обаянія. Бывало, что Ольга бросала любовниковъ, бывало, что любовники бросали ее. А

потомъ они опять встрѣчались друзьями, и въ сѣрыхъ глазахъ актрисы не было ни тѣни злопамятства, или недоброжелательства.

Для Лизы каждый пріѣздъ сестры былъ праздникомъ. Оля никогда не писала, появлялась, какъ вихрь, и даже въ медленное теченіе жизни Рябовыхъ вносила веселый гомонъ. Платья и прически у нея были такія, которыя только черезъ годъ начинали носить остальныя женщины. Послѣ ея визита всѣ комнаты, всѣ вещи, которыя она трогала, еще долго пахли острыми, крѣпкими духами. Она привозила всякіе пустячки, конфекты, охапки цвѣтовъ, и ихъ живая яркость казалась почти странной въ этой квартиркѣ, гдѣ на все уже легла густая пыль недружной жизни.

Дѣти любили тетю Олю, особенно Тиночка. Рябовъ былъ любезенъ и внимателенъ, а когда она уходила, подозрительно смотрѣлъ на пучекъ алыхъ гвоздикъ, воткнутыхъ ея бѣлой, звенѣвшей браслетами, рукой въ неуклюжую, зеленую вазу, доставшуюся ему отъ родныхъ и говорилъ:

— Все-таки странный образъ жизни ведетъ твоя сестра. Конечно, она актриса. Но развѣ актрисы такъ много получаютъ, чтобы столь роскошно одѣваться?

— Значитъ получаетъ, если одѣвается,—сухо отвѣчала Лиза, и то молодящее, свѣтлое настроеніе, которое всегда приносила ей сестра, уже было скомкано.

Оля въ свою очередь не любила зятя, подсмѣивалась надъ нимъ, давала ему прозвища. Наряжая Лизу въ свои хорошенькія, шелковыя блузки, по своему причесывая густые волосы сестры, она съ досадой говорила:

— Лизокъ, зачѣмъ ты ему поддаешься... Надо быть женщиной, надо ухаживать за собой, а то состаришься раньше времени, и никто тебѣ спасибо не скажетъ.

Лиза въ театрѣ смотрѣла на Ольгу Пѣнкину и ей казалось, что это не ея сестра, а какая-то другая, красивая, блестящая женщина, одна изъ тѣхъ, о существованіи которыхъ она знала только по романамъ. Интересныя и сложныя положенія, звонкія и значительныя слова, утонченно простыя или лубочно пышныя одежды все то, при помощи чего авторъ, режиссеръ и актеры въ теченіе цѣлаго вечера охотятся за вниманіемъ зрителя, дѣлало Олю значительной и непривычной.

Рябовъ также неодобрительно косился на театръ, какъ и на чтеніе романовъ:

— Твоя сестрица, конечно, играетъ только всякую декаденщину? Посмотрѣлъ бы я, какъ она справится съ Шекспиромъ или

даже съ нашимъ Островскимъ. Чтобы понять темное царство надо имѣть способность самой что-нибудь переживать, а не только пудриться, да шуршать шелковыми юбками.

Лиза чаще всего отмалчивалась. Она была довольна, что ходитъ въ театръ одна, что язвительная недоброжелательность мужа не отравляетъ ей этого удовольствія. Но иногда что-то въ ней вскипало:

— Почему ты знаешь, какъ она играетъ? Вотъ посмотри, что о ней сегодня написано въ «Новомъ Времени»...

— Извини пожалуйста... Я эту пакость стараюсь читать какъ можно меньше. Для тебя, конечно, г.г. Суворины авторитетъ. А для меня, къ счастью, нѣтъ. Я имѣю свои взгляды.

— Какіе же у тебя взгляды на театръ? Ты никогда и не бываешь въ театрѣ.

— Не бываю, потому что театръ опошлился. Но позволь мнѣ знать, что у меня и въ этой области есть кое какія обобщенія. И къ искусству, выразительницей котораго является твоя сестрица, я не могу отнестись иначе, какъ отрицательно...

— Ну и относись, какъ знаешь,—сердито отвѣчала Лиза.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ Ольгѣ Пѣнкиной посчастливилось сорвать съ Петербурга исключительный успѣхъ. Молодой авторъ написалъ для нея пьесу, гдѣ она могла развернуть всю свою уже окрѣпшую, осознавшую себя женскую силу. О пьесѣ и объ актрисѣ заговорили и въ печати, и въ гостинныхъ, и въ канцеляріяхъ. Рябовъ съ удивленіемъ прислушивался къ этому шуму мимолетной актерской славы.

— Это вы объ Ольгѣ Ивановнѣ Крутиковой говорите?— спросилъ онъ франтоватаго сослуживца, который, сидя на краю стола и закинувъ ногу за ногу, такъ какъ закидываютъ jeune premier'ы Михайловскаго театра, съ восторгомъ повторялъ:

— Русская актриса и такое бріо... Это прямо шампанское какое то. Такъ и пѣнится...

Jeune premier нетерпѣливо повернулся къ Рябову. Что онъ понимаетъ въ жизни и въ женщинахъ!

— Какая Крутикова? Я о Пѣнкиной говорю.

— Ну да... Она и есть Ольга Ивановна Крутикова,— обстоятельно объяснилъ Рябовъ,—вѣдь я же ее съ дѣтства знаю. Она сестра моей жены.

Франтоватый чиновникъ сразу вскочилъ и подбѣжалъ къ Рябову.

— Голубчикъ, да неужели? Вотъ счастливецъ! Познакомьте меня съ ней. Къ ней приступу нѣтъ. Не принимаетъ, да и только.

Всѣ кругомъ заговорили, засмѣялись, осыпали Рябова вопросами. Ему это льстило. Все-таки пріятно, когда можно о знаменитости говорить небрежнымъ тономъ родственника. По его разсказамъ можно было подумать, что они съ Ольгой Пѣнкиной настоящіе пріятели.

За обѣдомъ Рябовъ сказалъ Лизѣ:

— Ты сегодня въ театръ?

— Да,— сказала она, насторожившись, уже ожидая какой нибудь выходки противъ сестры.

Рябовъ замялся, потомъ сказалъ:

— Что-жъ, я, пожалуй, тоже пойду съ тобой...

Точно его кто-то очень просилъ объ этомъ.

Въ театрѣ онъ растерялся. Успѣхъ, мнѣніе и оцѣнка толпы всегда ему импонировали. Аплодисменты невольно тянули его за собой. И потомъ въ этой женщинѣ съ покатыми плечами и съ гибкими, искусно стѣсненными корсетомъ, боками было что-то дѣйствительно соблазнительное. Особенно, когда она, высоко поднявъ обнаженными, бѣлыми руками бокалъ съ виномъ, смѣясь произносила шутливый монологъ о вакхической дерзости.

— А мнѣ можно за кулисы?—неувѣренно спросилъ онъ въ антрактѣ жену.

— Отчего же нѣтъ, конечно можно—покровительственно отвѣтила Лиза.

Сторожъ зналъ ее. Онъ почтительно отворилъ передъ ними дверь, отъ которой только-что совсѣмъ непочтительно отогналъ двухъ студентовъ, пытавшихся прорваться за кулисы. Рябовъ почувствовалъ то самолюбивое удовлетвореніе, которое многіе испытываютъ отъ близости къ эстрадѣ.

Ольга Пѣнкина стояла передъ большимъ, въ тонкой бѣлой рамѣ, зеркаломъ и поправляла только-что надѣтое бальное свѣтло-зеленое, усѣянное блестками, платье. Набѣленныя плечи, и спина, и грудь были обнажены. Рыжій, въ завиткахъ, парикъ дѣлалъ лицо уже, а шею тоньше.

Рябовъ растерялся передъ этой нарядной русалкой съ чужимъ, накрашеннымъ лицомъ, на которомъ губы краснѣли какъ лепестки мака, а сѣрые, обведенные черноватой синевой глаза блестѣли, точно рѣчная заводь.

— Вотъ я хотѣлъ попросить у тебя объясненія, какъ ты смотришь на такой типъ, какъ этотъ генералъ, считаешь его отрицательнымъ или положительнымъ?—тягуче началъ онъ...

Она обернулась, черезъ плечо засмѣялась, показавъ ему чудесные, крупные зубы, казавшіеся еще бѣлѣе отъ нарумяне-

ныхъ губъ и тѣмъ же голосомъ, которымъ говорила на сценѣ, оборвала его:

— Да никакъ не смотрю... Какое мнѣ дѣло до чужихъ ролей! Лиза, позволь тебѣ представить, князь Кагановъ... Я тебѣ говорила о немъ. А это Нащокинъ, ну о немъ я тебѣ не говорила и говорить не хочу... Онъ не стоитъ. Мы все ссоримся. Господа, это моя сестра.

Она смѣялась кокетливая, вызывающая. Съ низкаго диванчика, обитаго такимъ же блѣдно голубымъ сатиномъ, какъ и стѣны уборной, торопливо поднялись двое: широкоплечій, бородатый, уже начинавшій полнѣть, офицеръ и Нащокинъ.

— Какъ я радъ, что съ вами познакомился,—тѣмъ же шутливымъ тономъ отвѣтилъ Нащокинъ, поднося къ губамъ руку Лизы,—пожалуйста, заступитесь за меня передъ Ольгой Ивановной.

Видно было, что между нимъ и актрисой установилась словесная война, часто прикрывающая начало влюбленности. Даже Рябовъ замѣтилъ, что въ глазахъ Нащокина, когда онъ смотритъ на Олю, изъ-за обычной насмѣшливости вспыхиваетъ еще что-то, острое и жадное.

Нащокинъ, съ увѣренностью свѣтскаго человѣка, спокойно взялъ Рябова за лѣвую руку, точно они вчера еще видались.

— Радъ встрѣтить васъ, Рябовъ. Еще больше радъ, что вы въ родствѣ съ этой опасной женщиной. Пожалуйста, поддержите и вы меня. Князь, позвольте васъ познакомить, Аполлонъ Максимовичъ Рябовъ. Человѣкъ строжайшихъ правилъ. Не чета намъ съ вами, князь. Если бы Рябовъ родился въ Англіи, быть бы ему давно министромъ.

— Министромъ?—опять оборачивая черезъ голое плечо свое смѣющееся липо, переспросила Оля.—Нѣтъ, нѣтъ пожалуйста... Я заступлюсь за нашего Аполлона. У него для министра спина недостаточно гибкая. И потомъ, онъ честный человѣкъ. Это очень невыгодно для моей сестры, но Аполлонъ, конечно, честный человѣкъ.

Сѣрые, казавшіеся отъ грима почти черными, глаза, мимоходомъ приласкали Рябова. Все, и люди, и обстановка, и разговоры, и та насмѣшливая простота, съ которой актриса обращалась съ Нащокинымъ, все волновало Рябова своей необычностью.

Дома онъ зашагалъ по столовой, потомъ остановился передъ женой:

— Лиза, ты ужасно небрежно относишься къ своимъ туалетамъ. Что это на тебѣ сегодня за платье было въ театрѣ? Такихъ никто не носитъ.

Она съ удивленіемъ взглянула на него:

— Откуда же мнѣ взять другое? У меня денегъ нѣтъ.

— То есть, какъ это нѣтъ? Ты вѣдь мнѣ не говорила, что тебѣ деньги нужны. Сколько же нужно на новое платье?

— Я не знаю,—сухо отвѣтила Лиза.—Я не думала объ этомъ.

Денежный порядокъ, воцарившійся въ ихъ домѣ, угнеталъ и раздражалъ ее. Рябовъ по прежнему давалъ опредѣленныя суммы на расходы и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы каждую мелочь заносили въ длинную, узкую книгу. На черно-зеленомъ переплетѣ книги была наклеена бѣлая этикетка, на которой Рябовъ своимъ круглымъ ровнымъ почеркомъ вывелъ:

«Расходо-приходная книжка»,

Приходъ выражался почти исключительно его жалованіемъ, но все-таки въ концѣ каждаго мѣсяца онъ собственноручно записывалъ на правой страницѣ:

Получено 225 р. 40 копѣекъ.

До слѣдующаго 20-го числа правыя страницы пустынно бѣлѣли, а слѣва тянулись колонки мелкихъ, скучныхъ записей.

Деньги выдавались Лизѣ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы хватало на хозяйственные расходы. Ея собственныя, личныя потребности, а тѣмъ болѣе желанія, не принимались во вниманіе. Рябову даже въ голову не приходило, что могутъ быть такія желанія, такія маленькія прихоти, которыя мимолетно красятъ жизнь, какъ краситъ ее букетъ цвѣтовъ, поставленный на столъ чьей нибудь дружеской рукой.

Онъ и на себя тратилъ мало. Платье носилъ долго и шилъ его у дешеваго портного. Не курилъ, не ходилъ по ресторанамъ, не покупалъ лишнихъ вещей и соблазнялся только книгами и журналами. Но все-таки тѣ немногія деньги, которыя оставались у нихъ за покрытіемъ неизбѣжнаго, Рябовъ тратилъ такъ, какъ ему хотѣлось, полный спокойной увѣренности человѣка, который расходуетъ деньги, имъ заработанныя, и никому не обязанъ давать въ этомъ отчета.

Лиза, напротивъ, всегда чувствовала, что каждый рубль принадлежитъ мужу, а не ей. Когда надо было идти въ его кабинетъ, чтобы сказать: «Аполлонъ, у меня всѣ деньги вышли»... она испытывала унизительное чувство просительницы и предпочитала ходить въ рваныхъ сапогахъ, перешивать и донашивать

старыя юбки, чѣмъ брать деньги не для дома или дѣтей, а для самой себя. Эта самолюбивая, до болѣзненности доведенная щепетильность усиливалась глубокой обособленностью отъ Рябова. Внутри, въ глубинѣ своего я, Лиза не чувствовала себя его женой, и то, что она вынуждена жить на его счетъ, было для нея униженіемъ и рабствомъ.

Иногда отецъ давалъ ей болѣе или менѣе крупную бумажку.

— Сколько у тебя тамъ, я запишу?—говорилъ мужъ, и Лизѣ. казалось, что она видитъ на его лицѣ жадность.

— Пятьдесятъ. Только, пожалуйста, не записывай.

— Это почему?—спрашивалъ Рябовъ.

— Потому что все равно я въ расходъ не запишу. Онъ мнѣ такъ и далъ, сказалъ: это на мои капризы.

— Пожалуйста, я не настаиваю... Это твои деньги, дѣлай, что хочешь,—съ иронической любезностью говорилъ Рябовъ и считалъ себя деликатно-сдержаннымъ, потому что не прибавлялъ, а только про себя думалъ:—Конечно, то, что я горбомъ зарабатываю, то ты можешь тратить на себя, а что тебѣ даютъ, то тоже для тебя.

Старикъ Крутиковъ завелъ горничную, круглолицую, съ бѣлой шеей и наглыми, безбровыми, бѣлесыми глазами. Она откровенно забрала его въ руки, и дочери стали брезгливо сторониться отцовскаго дома. Даже то, немногое, что онъ прежде давалъ имъ, онъ пересталъ давать. Зато Оля отъ времени до времени совала сестрѣ деньги или прямо покупала ей что-нибудь. Она рѣдко попадала въ домъ Рябовыхъ, но понимала всю трудность жизни сестры, и возмущалась, и жалѣла. По разному сложилась ихъ судьба, но въ сердцахъ жила откуда-то издалека, съ самаго дѣтства идущая, нетребовательная нѣжность. И если Оля давала ей десятокъ или два рублей, Лиза брала ихъ такъ-же просто и охотно, какъ брала отъ матери, и эти деньги считала своими. А деньги мужа были для нея чужія.

Да и мало ихъ было.

Несмотря на всю служебную преданность Рябова, ихъ денежныя дѣла улучшались медленнѣе, чѣмъ росли потребности. Нащокинъ поссорился съ министромъ и вышелъ въ отставку. Его замѣститель, тупой чиновникъ, выбившійся благодаря угодливости и усердію, не довѣрялъ бывшему радикалу и не поручалъ ему самостоятельной работы. Рябовъ чувствовалъ себя вдвойнѣ оплеваннымъ и опозореннымъ и, чтобы хоть чѣмъ-ни-

будь утишить и желаніе работать, и томительную боль несытаго самолюбія, онъ, уже не для службы, а для себя, продолжалъ изслѣдованіе, которое было когда-то поручено ему Нащокинымъ. Каждый вечеръ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ шуршалъ онъ бумагой, дѣлалъ выписки, что-то отмѣчалъ въ толстой тетради и выходилъ къ чаю, разсѣянный и погруженный въ свои мысли.

Лиза почему-то относилась къ его работѣ съ полнымъ равнодушіемъ и даже не старалась понять, въ чемъ она состоитъ. Иногда, когда болѣзнь или какіе-нибудь другіе экстренные расходы особенно крѣпко стѣсняли ихъ, она про себя корила мужа, что онъ не умѣетъ больше заработать. Но тотчасъ же старалась отогнать эти мысли, потому-что знала, что это дурныя, злыя мысли.

Потомъ вдругъ произошли въ чиновничьихъ кругахъ перемѣны. Это было во время сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Правительство замѣтило, что не все ладно. Стали искать новыхъ людей. Нащокинъ опять всплылъ, и, на этотъ разъ, сразу попалъ гораздо выше. Рябова онъ не забылъ.

— Неужели этотъ vieux gaga такъ васъ и гноитъ на прежнемъ мѣстѣ? Просто непростительно,—при первой же встрѣчѣ сказалъ Нащокинъ Рябову.—Ну, Аполлонъ Максимычъ, мы это все перемѣнимъ.

Рябовъ ожилъ, и даже въ разговорахъ съ Лизой у него иногда опять звучали прежнія ласковыя нотки.

Пришло повышеніе, а съ нимъ и деньги. Можно было даже перемѣнить квартиру, которая давно стала для нихъ слишкомъ тѣсной.

Когда пришли ломовые, чтобы уносить вещи, сердце Лизы сжалось. Ей вдругъ стало страшно. Она тихо обошла всѣ комнаты. Ей казалось, что въ старой квартирѣ останется какая-то самая лучшая часть ея самой.

Въ свѣтлой, опустѣвшей, дѣтской пятна на стѣнахъ, черные слѣды чернилъ на полу, все вызывало передъ глазами Лизы тѣ дорогія мелочи дѣтской жизни, изъ которыхъ плелась ткань ея собственнаго существованія. Вотъ тамъ стояли ихъ кроватки. Каждый вечеръ любовно наклонялась надъ ними мать, испытывая дающее силу жить, чувство тихой радости, что вотъ есть на свѣтѣ маленькое существо, которое не можетъ обойтись безъ нея, и безъ котораго она сама не можетъ жить. Порой къ изголовью кроватки приходила болѣзнь, и мать вступала съ ней въ отчаянную, напряженную борьбу. Любовь и страхъ дѣлали ее умной, зоркой, неутомимой. Но уже три раза въ этой свѣтлой, напи-

танной воспоминаніями, комнатѣ, смерть оказывалась сильнѣе любви, и мать тщетно цѣплялась за плащъ побѣдительницы, стараясь вырвать любимыхъ изъ ея жесткихъ рукъ. По слѣдамъ смерти шло время и сѣрой дымкой затягивало образъ ушедшихъ даже отъ ненасытившихся взоровъ матери. Но все же какая-то частица ихъ, свѣтлая и печальная, оставалась въ стѣнахъ, и Лизѣ было страшно, что не донесетъ она ее до новой квартиры.

Столовую ей тоже было жаль. Это была темноватая, плохо обставленная комната. Но, здѣсь, по утрамъ, дѣти, пока были маленькіе, играли, а когда подросли, стали заниматься съ матерью. А по вечерамъ, подъ лампой, бросавшей свой свѣтъ на покрытый клеенкой столовый столъ, Лиза раскрывала книгу и входила въ заколдованный міръ чужихъ и все же близкихъ ей волненій, страстей и наслажденій. Ей хотѣлось шопотомъ попрощаться съ кѣмъ-то невидимымъ, кто жилъ въ стѣнахъ, оклеенныхъ дешевыми желтоватыми, подъ дубъ, обоями, кто тихо двигался въ тускломъ, пропитанномъ запахомъ ѣды, воздухѣ.

Годы, пережитые въ душной, втиснутой, между узкой улицей и еще болѣе узкимъ дворомъ, квартирѣ, принесли Лизѣ немного свѣтлыхъ дней. Но, слабая и нетребовательная, она съ тревогой ждала новизны.

То, что стало далекимъ прошлымъ, съ нежданной рѣзкостью напомнило ей о неповторимости мгновеній. Оглядываясь назадъ, молодая женщина испытала смутное чувство виноватости передъ собой, передъ мужемъ, передъ всѣмъ, что было навсегда утеряно и разбито. Жалость къ себѣ и къ нему поднялась въ ней.

Она разыскала Рябова. Онъ стоялъ въ кабинетѣ и тщательно старался запереть на замокъ портфель, толсто набитый тетрадями и замѣтками. Ей хотѣлось подойти, взять его за руку и сказать:

— Аполлонъ, зачѣмъ мы такъ жили? Зачѣмъ мы изуродовали нашу жизнь?

Но слова не слетали съ языка. Когда они зазвучали въ душѣ, они были обращены къ кому-то другому. А этотъ человѣкъ, съ толстымъ животомъ, съ бѣлыми, пухлыми пальцами, кончавшимися широкими, плоскими ногтями, былъ чужой.

— Ты что?—не оборачиваясь, спросилъ онъ.

— У меня, кажется, денегъ на ломовыхъ не хватитъ, — отвѣтила она.

Больше она ничего не сказала. Уже не въ первый разъ потребность подойти ближе, вспыхивавшая въ ней въ отсутствіе мужа, сразу гасла отъ звука его голоса.

XIII.

Дѣти учились очень неровно. Вася понималъ туго, а за книги брался съ отвращеніемъ; отъ гимназіи у него болѣла голова, и онъ бродилъ по дому кислый и блѣдный. Лизѣ было жаль его, но она такъ искренно была увѣрена, что внѣ гимназіи нѣтъ спасенія. Она огорчалась и волновалась каждой отмѣткой, тѣмъ, что считала несправедливостью и пристрастіемъ учителей. Пока сынъ училъ формы аориста или горы Африки, или что-нибудь другое, для него ненужное и неинтересное, она неотступно стояла у него надъ душой. За счастье дѣтей она готова была жизнь положить, но, все-таки, безжалостно мучила Васю, втискивая его въ рамки школьныхъ требованій. Какъ же иначе? Всѣ дѣлаютъ такъ. Нельзя же оставить ребенка недорослемъ.

Рябовъ, тоже внимательно и ревниво слѣдилъ за ученіемъ дѣтей, въ особенности сына. Онъ былъ убѣжденъ, что его дѣти самые умные, самые способные, самые удивительные дѣти. Школьныя неудачи Васи раздражали и удивляли отца.

— Идіотская гимназія. Воображаю, что тамъ за преподаватели. Ископаемые какіе-нибудь...—злобно говорилъ онъ, не стѣсняясь присутствіемъ мальчика, и тѣмъ-же голосомъ дѣлалъ выговоръ женѣ:

— А ты что же смотришь? Это твоя обязанность пріучить ребенка заниматься. Мой сынъ долженъ умѣть работать...

Слово «долженъ» звучало вѣско и рѣшительно. Лиза кротко признавала ученость и книжность мужа, знала, что эти свойства для мужчины необходимы, и готова была все сдѣлать, чтобы сынъ проникся книжностью. Но какъ это сдѣлать? Сколько разъ, вечеромъ, вбивая Васѣ скучныя подробности учебниковъ, она видѣла въ его черныхъ, всегда невеселыхъ, глазахъ тупое, усталое отвращеніе. И острая жалость къ своему милому, любимому мальчику обжигала сердце матери.

Мало по малу гимназическая машина втянула его въ свои колесики, потащила его сквозь дебри школьной мудрости. Но дѣлалъ онъ это равнодушно, безъ проблеска напряженнаго самолюбія, обострявшаго работоспособность самого Рябова.

Съ Тиночкой все налаживалось проще, веселѣе и неожиданнѣе. Читать она научилась сама, по какимъ-то картинкамъ. Писать долго не соглашалась, потому что надоѣдало сидѣть

на мѣстѣ, держать перо такъ, какъ велятъ, и выводить не то что вздумается, а какіе-то скучные палочки и крючки. Когда попала въ гимназію, сразу завела подругъ, ходила къ нимъ въ гости и ихъ приводила къ себѣ. Терпѣть не могла, чтобы вмѣшивались въ ея ученіе, и сама отлично справлялась. За обѣдомъ Тиночка передразнивала учителей, разсказывала смѣшныя, классныя исторіи и первая хохотала, показывая ямочки на круглыхъ щекахъ. Эти ямочки, да очень тонкое, стройное тѣло только и унаслѣдовала она отъ матери.

Смѣхъ дѣвочки разгонялъ хмурость Рябова. Онъ смотрѣлъ на нее съ удивленной нѣжностью, точно недоумѣвая, что у него, такого умнаго, серьезнаго человѣка, такая хохотушка дочь.

Но возни съ Тиночкой было не меньше, если не больше, чѣмъ съ Васей. Стремительная и бурная, она ссорилась съ учителями, съ классными дамами, чего-то отъ нихъ требовала, изъ за чего-то кипятилась и протестовала. Изъ казенной гимназіи ее пришлось перевести въ частную, потому что дѣвочка въ классѣ крикнула учителю, который издѣвался надъ тихонькой, забитой ученицей:

— Вы не смѣете съ нами такъ разговаривать! Это гадость! Гадость!

Эта исторія въ теченіе мѣсяца держала въ нервномъ напряженіи весь Рябовскій домъ. Отецъ былъ удивленъ и обезпокоенъ, но гордился рѣшительностью своей дочки. Только въ немъ была смутная тревога, почему это бунтарскій духъ сказался въ дочери, а не въ сынѣ. Вѣдь онъ считалъ, что это отъ него по наслѣдству.

А мать съ слѣпой нѣжностью негодовала и обижалась, до чего учителя довели ея Тиночку.

По мѣрѣ того какъ дѣти росли, и ихъ интересы становились богаче, разнообразнѣе и требовательнѣе, сама Лиза все больше сжималась. Извнѣ, отъ общей сложной жизни, кипѣвшей и бившейся за стѣнами ея дома, къ ней не доходило никакихъ толчковъ. Всѣ сношенія съ этимъ міромъ были предоставлены мужу. Онъ ходилъ въ департаментъ, приносилъ оттуда и деньги, необходимыя для жизни семьи, и бумаги въ синихъ папкахъ, гдѣ сухими канцелярскими словами вязалась и развязывалась судьба разбросанныхъ по всей Россіи, неизвѣстныхъ Рябову людей. Департаментъ былъ для него мѣстомъ постояннаго общенія, постояннаго обмѣна. Оттуда приносили онъ отголоски всего, что творилось на свѣтѣ. Тамъ толковалъ

они о чужихъ удачахъ или неудачахъ, обостряя собственное желаніе проявляться, входить въ жизнь, хотя бы бумажной дорогой.

У Лизы даже этого не было. Ея поступки, ея энергія, ея находчивость, ея умѣніе работать отражались только на маленькомъ кругѣ семейныхъ дѣлъ. Внѣ этого круга она никому не была нужна, и ей никто не былъ нуженъ. Иногда какое-нибудь крупное событіе, желѣзнодорожная катастрофа, страшное преступленіе, большая стачка, террористическое покушеніе волновали и ее. Но все это было такъ-же далеко, такъ-же внѣ ея собственныхъ желаній и мыслей, ея добрыхъ или дурныхъ поступковъ, какъ то, что случалось съ героями романовъ.

Запасъ мыслей, отвлеченныхъ запросовъ и интересовъ, съ которыми она, простодушной, хорошенькой дѣвушкой, вошла въ домъ Рябова, съ годами не обогащался, а становился уже и тусклѣе. Росла въ ней только расплывчатая, неопредѣленная жалость къ людямъ, которая заставляла ее тянуться къ слабымъ, больнымъ, обиженнымъ и сжиматься передъ удачниками.

О себѣ она все меньше думала. Только чувствовала, что годы накладываютъ на нее свои свинцовыя тѣни. И еще больше отходила отъ людей, увѣренная, что не нужна она имъ, что никому не интересно, что она думаетъ, чего хочетъ, о чемъ тоскуетъ. Людей она любила и была счастлива, когда могла оказать кому-нибудь помощь, поддержку, даже простую услугу. Тогда лицо ея, тихое и застѣнчивое, молодѣло и свѣтлѣло. А походка становилась легче и стремительнѣе. Но это бывало такъ рѣдко.

Порой, на улицѣ, въ толпѣ, въ театрѣ, она радовалась смутной, волнующей радостью. Ей было пріятно ощущать около себя мелькающую человѣческую жизнь. Робко вглядываясь въ незнакомыя лица, она искала въ нихъ чего-то близкаго и роднаго. Веселый или печальный взглядъ всегда загадочныхъ чужихъ глазъ, складка губъ, темная линія бровей вдругъ вызывали въ ней туманныя мечты о какой-то возможной близости, дружбѣ, обо всемъ, чего ей такъ не хватало.

Лиза любила улицу, особенно зимой. Хорошо было идти по Невскому, смотрѣть какъ на алой, узкой полоскѣ неба вырисовывается неровный корридоръ крышъ, какъ въ глубинѣ золотится острая Адмиралтейская игла. Черный человѣческій потокъ казался еще чернѣе на желтоватомъ снѣжномъ покровѣ.

Голубыми жемчужинами загорались фонари. Казалось, улица приготовилась къ празднику, шумному и безпечному. Мелкія заботы, большія тревоги и грызущая неудовлетворенность, все тускнѣло, залитое веселой близостью чужой, торопливой, занимательной толпы. Лиза съ трудомъ сдерживала невольную улыбку, когда прохожіе мимоходомъ говорили ей любезности. Она не была занята собой, всю свою женственность отдала дѣтямъ, но все-таки и ея сердце билось скорѣе, когда чей нибудь взглядъ, чьи-нибудь слова, даже банальныя, напоминали ей, что и она женщина.

Это случалось все рѣже и рѣже. Въ ея фигурѣ уже не было прежней мягкой гибкости. Нарушилась, исчезла красивая линія, которая придавала ея покатымъ плечамъ, высокой груди и тонкой таліи такую своеобразную привлекательность. Лицо стало шире и проще. И темные глаза не казались такими большими, какъ прежде.

Лиза знала это. Народивъ дѣтей она считала себя старой, тяжелой, обезображенной и огорчалась этимъ. Но даже самой себѣ не признавалась, что огорчается.

Было это зимой. Морозъ тонкими иглами вышивалъ по стекламъ хрупкіе, невиданные цвѣты. Зори стояли красныя, праздничныя. Городъ хорошѣлъ, весь звонкій, напряженный, торопливый. Спрятались подъ снѣгомъ камни мостовой. Въ садахъ, по крышамъ, на карнизахъ, за оградой, всюду, гдѣ не грязнили его копыта лошадей и людскія подошвы, снѣгъ свѣтлѣлъ, точно гирлянды бѣлыхъ цвѣтовъ, все мѣняя, все скрашивая. Вопреки волѣ человѣка, природа врывалась въ жесткую, безцвѣтную размѣренность города, и грудь дышала вольнѣе и глубже. Ярче блестѣли глаза людей, алѣли безкровныя щеки городскихъ дѣвушекъ и женщинъ. Холодъ пьянилъ своимъ виномъ, игристымъ и жесткимъ.

Лиза шла изъ Гостинаго двора съ покупками. Извозчика не хотѣлось брать. И такъ много денегъ вышло. Дѣтей все равно еще нѣтъ дома. Такъ пріятно не торопясь идти, заглядывать въ освѣщенные магазины, разсматривать толпу, любоваться промелькнувшимъ красивымъ лицомъ.

— Вамъ, барынька, тяжело. Дайте я помогу,—раздался совсѣмъ близко надъ плечомъ веселый, мужской голосъ.

Лиза обернулась, увидала высокую, на-бекрень надѣтую, барашковую шапку, длинные, темные усы и смѣющіеся, безпечные глаза. Она прибавила шагу. И онъ прибавилъ:

— Ну вотъ, барынька, и испугались. Совсѣмъ напрасно,— все тѣмъ же веселымъ голосомъ продолжалъ прохожій.—Вѣдь я не волкъ. Просто скучно одному идти. Человѣкъ я пріѣзжій, провинціальный. Вижу лицо у васъ милое, доброе, а глаза хоть черные, да не веселые.

Лизѣ захотѣлось улыбнуться, но она притворно строгимъ голосомъ сказала, какъ полагается говорить въ такихъ случаяхъ:

— Пожалуйста, оставьте меня.

— А почему? Потому что насъ другъ другу не представили?—спросилъ господинъ и сбоку заглянулъ въ ея лицо.— Вѣдь это же пустая условность. Я увѣренъ, что вы женщина передовая. По глазамъ видно. Почему же вы такъ держитесь за предразсудки? Отчего мнѣ нельзя съ вами разговаривать? Мнѣ понравилось ваше лицо. Мнѣ даже кажется, что я знаю вашъ характеръ. Вы очень добрая и безвольная.

— Почемъ вы знаете?—сорвалось у Лизы, и она обиженно взглянула на него.

Господинъ съ длинными усами весело засмѣялся.

— Да по всему. По походкѣ, по тому какъ вы отворачиваете отъ меня голову, точно птица отъ коршуна. Хотя, увѣряю васъ, что я не хищникъ. Я очень добрый, славный малый. Но у меня есть одна странность. Я жалѣю женщинъ... Всѣхъ женщинъ... Просто потому, что онѣ женщины...

— Какой вздоръ. Развѣ это такъ худо быть женщиной?— спросила Лиза.

Они подходили къ Литейной. Надо было перейти черезъ улицу. Прохожій заботливо сказалъ:

— Пожалуйста, осторожнѣе. Вѣдь, вы, небойсь, разсердитесь, если я возьму васъ подъ руку. Если бы я былъ вашимъ мужемъ, я никогда не пускалъ бы васъ одну.

— Вотъ пустяки!—засмѣялась Лиза.—Развѣ я маленькая?

— Да, не совсѣмъ большая,—спокойно отвѣтилъ прохожій.

— Вы, можетъ быть всѣхъ женщинъ дѣтьми считаете? Оттого и жалѣете?—спросила Лиза.

— Нѣтъ, далеко не всѣхъ. Есть такія, которыя уже съ дѣтства носятся съ собой. Это подлыя бабы,—горячо и искренно опредѣлилъ онъ и прибавилъ: Но и ихъ мнѣ все-таки жаль.

— А ихъ-то почему?

— Да потому, что въ самомъ вашемъ женскомъ естествѣ есть что-то неладное, незадачливое.

— Что же, это вродѣ проклятія на насъ наложено?—съ усмѣшкой, но и съ невольнымъ любопытствомъ, спросила Лиза.

— Да, если хотите проклятіе. Только его все-таки можно разбить. Оно не изначальное. Его люди выдумали на свою погибель. А теперь никакъ не распутаться. Если бы только сами женщины поняли, тогда было бы легче. Но вѣдь вы, женщины, воспитаны нашимъ мужскимъ умомъ, живете нашими мужскими мыслями... И даже не понимаете, какъ это для васъ невыгодно... Попробуйте поумнѣть, и вся жизнь была бы въ вашихъ рукахъ...

Видно было, что онъ говорилъ для себя, говорилъ то, о чемъ думалъ давно и много. Толпа бѣжала вокругъ нихъ. Звякали звонки конокъ. Глухо стучали лошадиныя копыта. Лиза забыла, что это неизвѣстный человѣкъ, котораго слѣдуетъ отогнать. Его слова волновали ее, находили откликъ гдѣ-то въ глубинѣ. Она задумчиво отвѣтила:

— Все равно, ничего не выйдетъ, потому что мужчины просто не понимаютъ насъ. А потомъ дѣти...

— А вы заставьте себя понять... Откройте себя... Говорите, кричите! Что это за безсловесность какая-то!—съ раздраженіемъ сказалъ онъ.

— Говорите? Да развѣ словами можно все сказать?!—съ такимъ же раздраженіемъ возразила Лиза и вдругъ остановилась.

Ей почудилось, что онъ сразу догадается объ всемъ, чего нельзя выразить словами. Она смутилась, разсердилась и сухо сказала:

— Однако, это просто глупо. Съ какой стати я съ вами разговариваю.

Они уже были на Знаменской, близко отъ дома Рябовыхъ. За длинной рѣшеткой институтскаго сада снѣгъ лежалъ пухлый, еще не почернѣвшій отъ сажи. Старая нищенка сидѣла на каменномъ выступѣ и гнусаво просила подаянія. Прохожій досталъ изъ кармана монету, на ходу сунулъ ее въ синюю, трясущуюся отъ холода, корявую руку и укоризненно сказалъ:

— Ну какъ же вы можете преодолѣть судьбу, если васъ такъ связываетъ рутина? Если бы мы сидѣли съ вами въ вагонѣ, мы могли бы разговаривать, и это не было бы зазорно. А если меня на улицѣ потянуло заговорить, потому что мнѣ понравились ваши глаза, потому что мнѣ стало жалко, зачѣмъ у васъ такія покорныя губы,—это уже нельзя. Неприлично.

Опять въ его голосѣ зазвучала насмѣшливая ласка. Лиза несмѣло заглянула въ его лицо. Какое оно славное, открытое и привѣтливое... Съ неожиданной довѣрчивостью она повернулась къ нему:

— Ну да, можетъ, вы и правы. Можетъ, все это предразсудки. Такъ скажите же мнѣ... Что сдѣлать, чтобы быть счастливой? Говорите скорѣе! Сейчасъ мой домъ...

Онъ уловилъ въ ея голосѣ что-то печальное и трудное. Ему стало жаль ее. Хотѣлось сказать, что съ ея покорными губами поздно говорить о счастьи. Но вмѣсто этого онъ мягко отшутился:

— Не знаю... У меня вѣдь тоже мужскія мысли, мужская оцѣнка. Вы прислушайтесь къ женскому инстинкту, который въ васъ сидитъ, и поступайте какъ онъ велитъ...

Лиза разочарованно вздохнула:

— Развѣ это отвѣтъ? Прощайте.

Она вошла въ подъѣздъ, а прохожій повернулъ къ Невскому и быстро зашагалъ, унося въ душѣ чувство немного высокомѣрной симпатіи къ этой женщинѣ съ неувѣренной походкой, съ нѣжнымъ лицомъ и вопросительными черными глазами.

Нѣсколько дней Лиза была полна своей встрѣчей. Вспоминался веселый голосъ, ласковые глаза, а больше всего слова незнакомца. Былъ въ нихъ укоръ ея небогатой, робкой жизни. Точно она сама была виновата, что все такъ сложилось. Но вѣдь, если все вспомнить, то выходитъ, что иначе и быть не могло?

Она даже сердилась на этого прохожаго, мысленно подыскивая, что слѣдовало ему сказать. Почему онъ говорилъ о счастьи? Гдѣ онъ видѣлъ этихъ счастливыхъ людей? Надо было его спросить.

Мало по малу обычныя, настойчивыя, разнообразныя мелочи будней точно пескомъ затягивали всколыхнувшееся отъ случайныхъ рѣчей неизвѣстнаго человѣка сомнѣніе въ своей правотѣ.

Требовательный, безсознательный эгоизмъ дѣтей все покрывалъ. Надо дѣлать все, что имъ надо, и больше ничего.

XIV.

Когда Вася былъ еще совсѣмъ маленькій, Лиза нѣсколько разъ съ удивленіемъ видѣла, что онъ стоитъ на колѣняхъ въ полутемной кухнѣ передъ угломъ, гдѣ висѣли образа Лампадка снизу освѣщала Богородицу и маленькаго Спасителя міра. Блестѣлъ окладъ, желтѣла благословляющая рука. Мальчикъ припадалъ къ полу и что-то шепталъ. Пелагея, вытянувъ худыя руки вдоль костлявыхъ колѣнъ, тихо и протяжно вздыхала. Лиза осто-

рожно отходила отъ нихъ, удивленная и непонимающая. И никогда ни слова не говорила объ этомъ Васѣ, безмолвно признавая его право уходить въ недоступный ей молитвенный міръ. Потомъ онъ пересталъ молиться, и ей было немного тревожно, точно мальчикъ лишился чего-то цѣннаго.

Изъ школы онъ принесъ насмѣшливое отношеніе къ «батѣ», томившему ихъ скучнымъ закономъ Божьимъ. Понемногу это отношенье распространилось на все церковное, молитвенное, что такъ легко смѣшивается съ божественнымъ. Рябовъ былъ доволенъ и произносилъ передъ гимназистами длинныя тирады о клерикализмѣ, о поповскомъ обскурантизмѣ, о необходимости борьбы съ суевѣріями.

Вася слушалъ, внимательно глядя на отца черными, невеселыми глазами, а иногда вдругъ начиналъ изъ за какого нибудь анекдота громко хихикать. А Тиночка просто не слушала, ей не интересно было ни то, что говоритъ своимъ книжнымъ, разсудочнымъ языкомъ отецъ, ни то, что говорили и дѣлали, Богъ знаетъ когда, какіе-то неизвѣстные ей монахи, попы и императоры. Она любила говорить только о томъ, что было связано съ ней самой.

И вдругъ Васю опять потянуло къ религіи. Онъ былъ уже въ предпослѣднемъ классѣ, высокій, худенькій подростокъ, съ неувѣренными, нескладными движеніями, съ блѣднымъ, узкимъ, еще дѣтскимъ лицомъ, на которомъ темнѣли небольшіе, очень черные, не подѣтски серьезные глаза. Учился онъ теперь безъ труда и понуканія, точно надвигающаяся зрѣлость сняла съ его мозговъ какія-то застилавшія ихъ перепонки. И товарищи у него завелись. Изъ его комнатки все чаще доносились срывающіяся, какъ у молодыхъ пѣтуховъ, голоса. Лиза радовалась, ей казалось что ея мальчикъ понемногу выходитъ на общую дорогу, преодолѣваетъ ту недоумѣнную тоску, то печальное непониманіе жизни, которое она чуяла въ немъ. Чуяла, потому что сама никогда до конца не освободилась отъ нихъ. Ноетъ и ноетъ гдѣ-то въ глубинѣ. Иногда притупится, когда у дѣтей идетъ все гладко, когда дѣла въ домѣ много, мужъ очень занятъ и забываетъ о ней. Но чуть опомнится отъ ежедневной суеты,—и опять тоска приподымаетъ свою черную голову.

Съ Васей она никогда объ этомъ не говорила, но знала, что и онъ боленъ ея болѣзнью, знала, что передала любимому сыну самое тяжкое, что дала ей судьба: безсиліе души, не способной ни осмыслить, ни примириться, ни бороться съ непонятностью жизни.

Ее удивило и немного встревожило, когда она увидала у

сына сначала Евангеліе, потомъ богословскія книги, творенія Іоанна Златоуста, еще какихъ-то святыхъ. Она даже именъ ихъ никогда не слышала. Осторожно спросила она:

— Что это Вася?.. Откуда у тебя эти книги?..

— Отъ Вахрушиныхъ. Его отецъ мнѣ далъ. Онъ очень интересный, его отецъ.

— Онъ... религіозный?—съ нѣкоторой запинкой спросила мать, точно въ этомъ словѣ таилась опасность.

— Да,—сухо отвѣтилъ Вася и отвернулся.

Она поняла, что ему тяжело было разговаривать, и отошла, какъ отходила раньше, когда онъ, маленькій, стоялъ на колѣняхъ въ кухнѣ.

Какъ-то за обѣдомъ, въ тотъ единственный часъ, когда вся семья собиралась вмѣстѣ, Рябовъ пренебрежительно заговорилъ объ отцѣ Іоаннѣ.

— Ловкій человѣкъ. Отлично умѣетъ свои дѣла обдѣлывать... И вѣрятъ же ему люди. Сегодня я былъ такъ возмущенъ... У насъ есть столоначальникъ, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ... И вдругъ началъ умиленно повѣствовать намъ о чудесномъ исцѣленіи его жены... Этотъ попъ, издали, молитвой, будто бы вылѣчилъ ее... Вѣдь этакая отсталость. Прямо слушать было противно...

— Чѣмъ же она была больна?—равнодушно спросила Лиза.

Она видѣла, что жаркое перегорѣло, и это ее гораздо больше озабочивало, чѣмъ столоначальникъ и его жена.

— Да вѣроятно ничѣмъ, разъ поправилась отъ его молитвъ. Нѣтъ, подумай только, Вася, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и вѣритъ въ такую ерунду...

Въ разговорахъ Рябовъ теперь почти всегда обращался къ сыну или къ дочери. По мѣрѣ того какъ они росли, Лиза для него все болѣе стушевывалась, становилась незамѣтной. Все, что она дѣлала по дому, для дѣтей и для него самого, было необходимо. Но это необходимое онъ принималъ какъ что-то безличное, что шло не отъ нея, а такъ, само собой дѣлалось.

— А ты папа, собственно почему знаешь, что ерунда, а что не ерунда?—вспыхнувъ, до самого корня свѣтлыхъ, тонкихъ, коротко подстриженныхъ волосъ, тихо спросилъ Вася.

Отецъ опѣшилъ.

— То есть какъ? Что это за вопросъ? Я полагаю, что для этого у меня есть нѣкоторая логическая подготовка... Научное мышленіе...

— А, наука,—насмѣшливо протянулъ сынъ, и мать, встревоженно слѣдившая за ними, подмѣтила въ его голосѣ тѣ же язвительныя, высокомѣрныя нотки, которыя столько разъ кололи ее въ голосѣ мужа.

— Ну да, конечно, наука. Надѣюсь, что ты ее не отрицаешь?

— Не отрицаю,—равнодушно согласился мальчикъ.

— Такъ о чемъ же мы разговариваемъ, Вася? Ужъ не хочешь ли ты мнѣ сказать, что ты тоже вѣришь въ чудеса?

Краска сбѣжала съ лица мальчика. Что-то упрямое, затаенное и мучительное было теперь въ немъ. Съ трудомъ поднялъ онъ глаза на отца и, преодолѣвая себя, тихо произнесъ:

— Въ чудеса не вѣрю... Еще не вѣрю...

Изъ подъ припухшихъ вѣкъ на него съ изумленіемъ и раздраженіемъ смотрѣли отцовскіе глаза. Ротъ съ покраснѣвшей отъ ѣды, нижней губой былъ плотно замкнутъ, полныя щеки еще выше поднялись надъ густой, уже посѣдѣвшей, бородой. Кругомъ все было привычное, знакомое. Деревянный судокъ, съ простой, не стеклянной пробкой, затыкавшей уксусъ, побурѣвшее бронзовое кольцо внизу висячей, освѣщавшей столъ, лампы, стулья, буфетъ, этажерка, выступавшія около стѣнъ. Но сейчасъ все, а въ особенности отецъ, показалось Васѣ далекимъ, далекимъ.

Рябовъ повернулся къ женѣ и тѣмъ отрывистымъ голосомъ, которымъ говорилъ съ ней, когда въ хозяйствѣ бывали безпорядки, строго спросилъ:

— Это что такое? Откуда онъ этого набрался?

— Почему ты ее спрашиваешь? Я самъ могу отвѣтить,— быстро произнесъ Вася.—И ничего я не набрался. Просто нельзя же такъ жить...

— Какъ нельзя жить?—нетерпѣливо спросилъ отецъ.

Мальчикъ отвѣтилъ ему готовой чужой фразой:

— Религія занимаетъ такое большое мѣсто въ исторіи человѣчества. Почему же не изучать ее?

Для него самого эти слова прозвучали ненужно и скучно. Въ нихъ не было и намека на тѣ одинокіе, внутренніе толчки, на ту запутанную душевную печаль, которая заставляла его метаться и тосковать, и съ ужасомъ прислушиваться къ каждому ночному шороху. Но онъ зналъ, что отецъ никогда этого не пойметъ. Да и никто не пойметъ. Вася уже ясно ощущалъ ту неприступность, ту невозможность высказаться, которая замыкаетъ каждаго человѣка въ самомъ себѣ. Уже давно, съ пер-

выхъ проблесковъ своей сознательной жизни онъ не то, что понялъ, а ощущалъ свое одиночество, и не умѣлъ, не могъ ни свою душу открыть, ни заглядывать въ чужую. Когда товарищи завелись, онъ сперва ожилъ, а потомъ увидалъ, что и это не то.

— Ну да, если ты такъ смотришь,—уже успокоенный отвѣтилъ отецъ,—тогда другое дѣло.

Послѣ этого разговора онъ принесъ сыну нѣсколько книгъ по исторіи религіи и Ренана. Вася вѣжливо взялъ ихъ и положилъ на столъ. Но читалъ не ихъ, а Четьи-Минеи. Отецъ обстоятельно и книжно доказывалъ ему, что религія во всѣ времена тормозила развитіе человѣческаго духа. Вася, слушая, испытывалъ ту же томительную скуку, какъ и на урокахъ закона Божьяго.

— Что же ты Ренана не прочтешь?—нѣсколько разъ покорилъ онъ и Вася наконецъ взялся за жизнь Христа.

— Ну что?—съ гордостью за своего любимаго автора спросилъ Рябовъ.

— Мнѣ не нравится. Очень ужъ у него все просто,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну да, это и есть трезвый взглядъ на вещи. Развѣ на самомъ дѣлѣ все не просто?

Васю именно терзала неразрѣшимая сложность жизни, но говорить объ этомъ онъ считалъ лишнимъ и только снисходительно посмотрѣлъ на отца.

— Я этого не думаю.

Больше отецъ отъ него ничего не добился. Для Рябова это было тревожное время. Онъ гордился тѣмъ, что его сынъ еще подростокъ, а уже занятъ такими проблемами. И боялся, что вдругъ Вася не шутя станетъ религіознымъ. Ему это казалось настоящимъ нравственнымъ паденіемъ. Многое изъ своихъ прежнихъ идей растерялъ Рябовъ, сидя въ канцеляріи, но ненависть къ божественному хранилъ твердо, почти религіозно. И сыну надѣялся ее передать. Но чѣмъ настойчивѣе излагалъ онъ передъ юношей свои доводы, и соображенія, и мнѣнія, тѣмъ молчаливѣе и замкнутѣе становился Вася.

Лиза съ тревогой и волненіемъ слѣдила за ними. Со многимъ заставляла ее мириться та неуклюжая, лишенная проницательности, но искренняя нѣжность, которую мужъ проявлялъ къ дѣтямъ. Она казалась ей необходимой частью дѣтскаго существованія, какъ будто ограждала ихъ отъ внѣшнихъ лишеній, толчковъ и бурь. Въ чемъ состоятъ опасности этихъ внѣшнихъ силъ, мать не совсѣмъ отдавала себѣ отчета. Въ ней говорилъ

все тотъ-же смутный инстинктъ самки, который когда-то заставилъ ее оттолкнуть отъ себя Струнскаго и выбрать Рябова, потому что въ немъ ей чудился болѣе надежный хозяинъ жизни.

Она знала, что съ ней дѣти ближе, откровеннѣе, нѣжнѣе, чѣмъ съ отцомъ. Они втроемъ составляли одну половину дома, а въ другой оставался одинъ Рябовъ. Это казалось Лизѣ совершенно естественнымъ. Она никогда не жаловалась дѣтямъ на отца, не изливала передъ ними годами копившуюся противъ мужа враждебность. И наивно думала, что этого довольно, что дѣти не замѣчаютъ, не понимаютъ отношеній между отцомъ и матерью. Когда становилось очень тяжело, когда особенно явственно колола унизительность сожительства съ этимъ, все дальше и дальше отходившимъ отъ нея, человѣкомъ, Лиза глушила тоску и боль покорной мыслью о дѣтяхъ. Ради нихъ все можно вытерпѣть, все слѣдуетъ пережить.

Когда начались споры между Васей и отцомъ, на Лизу напало опасеніе, что Рябовъ и на сына перенесетъ слѣпую, жесткую раздражительность, которая скомкала ея, Лизину, неувѣренную въ себѣ душу.

Она попробовала даже остановить мужа, но съ первыхъ-же словъ встрѣтила рѣзкій отпоръ:

— Ну знаешь, этого еще не доставало. Я такъ и подозрѣвалъ, что ты этому потакаешь. Пожалуйста, не вмѣшивайся въ умственное воспитаніе моихъ дѣтей. Предоставь это мнѣ. Я и такъ вижу, что слишкомъ много оставлялъ ихъ въ твоемъ обществѣ. Вѣдь это все равно, что съ кухаркой оставить. Можетъ быть, это ты и вбила ему мысли о религіи? А? Признайся!

Она стояла среди его кабинета молча, точно виноватая.

Въ новой квартирѣ кабинетъ остался для нея самой чужой комнатой, гдѣ каждый стулъ, каждая книга на полкѣ корила ее умственнымъ превосходствомъ хозяина.

— Ничего я не вбивала... Но не лучше-ли предоставить Васѣ самому...

— Отличная теорія... Нѣтъ ужъ извини, это, можетъ быть, ты готова предоставить моихъ дѣтей самимъ себѣ, а я считаю своей обязанностью заботиться о нихъ, заботиться объ ихъ развитіи, о томъ, чтобы они выработали себѣ правильное міросозерцаніе. Это, конечно, проклятіе для нихъ и для меня, что у нихъ такая неразвитая мать, но что-жъ дѣлать. Ужъ я самъ приложу всѣ старанія, чтобы дать все, что могу...

Лиза уже давно не обижалась. У Рябова было только два способа разговаривать съ ней. Онъ или отрывисто спрашивалъ ее о чемъ-нибудь дѣловомъ, или разливался въ пространныхъ, укоризненныхъ, язвительныхъ рѣчахъ, гдѣ онъ выходилъ жертвой своей неосторожной женитьбы. Мужъ и жена никогда не обмѣнивались попросту, по-товарищески ни мыслями, ни впечатлѣніями, никогда, ни о чемъ не совѣтовались другъ съ другомъ. Даже здороваться и прощаться между собой по немногу перестали, точно они были не члены одной семьи, а случайные, временные дорожные спутники.

Разъ ночью Лиза услыхала легкій шумъ въ комнатѣ сына. Она встревожилась и осторожно пріотворила дверь. Вася въ бѣлой ночной рубахѣ лежалъ, распростертый, точно распятый, на полу и сдавленнымъ, страстнымъ шопотомъ, котораго она никогда у него не слыхала, не молился, а разговаривалъ съ Богомъ. Торопливо, смущенно мать затворила дверь и отошла. Въ столовой она опустилась въ свое любимое, еще отъ матери привезенное, кресло и глубоко задумалась. Собственная жизнь, неладная, безцвѣтная, на половину уже прожитая, проходила мимо. Когда то ждала она радости, тянулась къ теплу, а вмѣсто этого изъ года въ годъ сжималась отъ непрерывнаго холода. Неужели у всѣхъ такъ бываетъ? Неужели всегда жизнь такая? Можетъ быть, лгутъ книги, гдѣ пишутъ о счастьѣ, о подвигахъ, о чемъ-нибудь горячемъ, цѣльномъ, захватывающемъ? А можетъ быть, только она, Лиза, такая несчастная, такая жалкая и глупая, не сумѣла жить. Что если ея мальчикъ правъ, что если надо броситься на колѣни и обливаясь слезами умиленно тянуться къ кому-то, невидимому и вѣчному?

Недоумѣнно и печально радовалась она за Васю, хотя въ себѣ не ощущала ни умиленія, ни даже любопытства къ невидимому.

Лиза уже не была теперь тоненькой, робкой Лизой. И для другихъ, и для себя она понемногу становилась Елизаветой Ивановной. Отходило куда-то все прежнее, молодое, смутное, еще полное неопредѣленныхъ, ни на чемъ не основанныхъ надеждъ, которыя, точно морскія волны на солнцѣ, блестятъ въ душѣ человѣка при свѣтѣ молодости.

На смѣну имъ шло только медленное, будничное, тусклое. Чужія, яркія мысли, рождавшіяся въ творческихъ человѣческихъ умахъ, скользили мимо нея, на волнуя, и не пробуждая. Только черезъ тайныя пути чувства могли бы онѣ найти доступъ къ ея душѣ, разбудить, обогатить ее. Но вблизи не было никого,

кому хотѣлось бы вырвать изъ заколдованнаго круга отупляющихъ мелочей эту тихую, незамѣтно старѣющую женщину.—А сама она была слабая и робкая.

Рябовъ былъ къ ней все такъ-же нетерпѣливо требователенъ. Дѣти были ласковы, грѣли и радовали, но тоже только требовали, брали ее цѣликомъ, со свойственной всѣмъ дѣтямъ жадностью. Она была готова отдавать имъ себя всю, цѣликомъ. Но нерѣдко, особенно когда она оставалась одна въ квартирѣ, щемящее чувство одиночества сжимало ея сердце.

Тогда работой старалась она отогнать тоску, заглушить мысли о своей незадачливости, обо всемъ жестокомъ и безысходномъ, что чуялось ей въ жизни. Но по мѣрѣ того какъ Рябовъ подвигался по службѣ, и благосостояніе семьи росло, Елизавета Ивановна чувствовала свою работу, свою энергію все менѣе нужной. И это придавало ей еще большую неувѣренность въ себѣ, даже передъ прислугой.

Пелагеи уже не было. Она недолго прожила въ новой квартирѣ. Она состарилась, ноги у нея уставали отъ большихъ комнатъ, и руки не могли уже одолѣвать работу, но старуха не хотѣла въ этомъ признаваться и сердилась и на себя, и на молодыхъ горничныхъ. Съ барыней Пелагея опять начала разговаривать тѣмъ отрывистымъ, грубымъ тономъ, которымъ говорила съ ней, когда Лиза, много лѣтъ тому назадъ, тоненькой, бѣленькой, хорошенькой дѣвушкой приходила въ гости къ своему жениху. Даже съ дѣтьми старуха измѣнилась, была то ласкова, то груба. И успокоилась только тогда, когда рѣшила уйти.

Въ черномъ ситцевомъ платьѣ, высокая, костлявая, съ чернымъ платочкомъ на головѣ она вошла въ воскресеніе утромъ въ столовую, гдѣ всѣ Рябовы пили чай, стала у порога на колѣни и тѣмъ пѣвучимъ, протяжнымъ голосомъ, которымъ сказывала дѣтямъ сказки, произнесла:

— Барину съ барыней и съ дѣтушками поклонъ мой низкій на прощаньице. Благословите меня, сиротинушку, въ дорогу дальнюю, трудную... Что не такъ сказала, сдѣлала, за то простите—прощайте... лихомъ не поминайте, а я за васъ, моихъ благодѣтелей, Богу помолюся, владычицѣ Богородицѣ поклоны положу, святымъ угодничкамъ свѣчку затеплю...

Рябовъ думалъ, что старуха сошла съума. Дѣти смотрѣли на нее съ ожиданіемъ и любопытствомъ. А Елизавета Ивановна сразу поняла, что она хочетъ уйти въ манастырь. Слезы подступили къ ея глазамъ. Пелагею подняли, усадили, пробовали уговорить. Но ея грубое, нескладное лицо все свѣтилось радо-

стнымъ умиленіемъ и ожиданіемъ. Монастырь былъ для нея преддверіемъ чего-то еще болѣе свѣтлаго и важнаго, что ждетъ ее послѣ смерти въ другомъ, прекрасномъ мірѣ.

— Нѣтъ ужъ, батюшка баринъ, матушка барыня, дѣтушки мои милые, не отговаривайте вы меня, грѣшную. Чуетъ мое сердце, что пора мнѣ о другомъ свѣтѣ подумать, что къ концу идетъ жизнь моя здѣшняя...

И она улыбалась, тихо, впередъ радуясь этому концу, наслаждаясь заслуженнымъ, близкимъ отдыхомъ.

Съ уходомъ Пелагеи изъ дому ушло что-то крѣпкое, цѣльное. Заглохъ въ Рябовской квартирѣ послѣдній отголосокъ деревни. А Елизавета Ивановна почувствовала себя еще болѣе одинокой. Пелагея безъ словъ понимала многое, чего словами никогда бы ни барыня, ни она не захотѣли высказывать. При ней все хозяйство, кухня, стряпня, всѣ мелочи и распоряженія, носили не только болѣе осмысленный, но и теплый, домовитый, любовный характеръ. Тѣ женщины и дѣвушки, которыя, часто смѣняясь, занимали ея мѣсто въ кухнѣ, бывали хуже и лучше, умнѣе или глупѣе, толковѣе или безтолковѣе, но всегда оставались чужими. Это была только прислуга, только люди, вынужденные ради денегъ отдавать время, трудъ, заботы господамъ, до которыхъ въ сущности имъ не было дѣла. Въ жизнь Елизаветы Ивановны онѣ вносили тягостную, не свойственную ей, подозрительность. Она была нетребовательна, многое дѣлала сама, заботилась о прислугѣ, но всегда чувствовала ихъ болѣе или менѣе сдержанную враждебность. А когда приходило что-нибудь трудное, Пелагея вспоминалась, какъ далекій другъ.

И разлука съ ней была несравненно тяжелѣе, чѣмъ потеря отца. Его смерть прошла черезъ жизнь Елизаветы Ивановны какъ что-то формальное, ничего не измѣнившее. Близки дѣти никогда съ нимъ не были, а съ тѣхъ поръ, какъ хозяйкой въ домѣ Крутикова стала бѣлобрысая горничная, Елизавета Ивановна почти не бывала у отца. Этой женщинѣ онъ все оставилъ, даже мебель, даже вещи, когда-то служившія ихъ матери. Оля прислала изъ Кіева сестрѣ деньги, чтобы та выкупила хоть часть вещей. Устанавливая шифоньерку и туалетъ, и маленькій туалетный столъ въ своей спальнѣ, Елизавета Ивановна снова переживала смерть матери и непоправимую печаль потери. Теперь весь міръ сомкнулся для нея въ квартирѣ, гдѣ живетъ она, Рябовъ и дѣти.

XV.

Елизавета Ивановна торопилась домой. Она знала, что дѣти придутъ съ катка розовые и голодные. Она любила когда они катались на конькахъ. Ей передавалось ихъ веселое физическое возбужденіе, она любила смотрѣть на нихъ, чувствовать, какъ отъ нихъ идетъ холодный ароматъ мороза.

Прямо изъ передней прошла она къ дѣтямъ. Они оба были въ комнатѣ Васи. Тиночка сидѣла въ углу, на стулѣ, втиснутомъ между столомъ и окномъ. Вася стоялъ, прислонясь къ шкапику. Мать взглянула на нихъ и сразу спросила:

— Что случилось?

Тиночка шевельнула губами, хотѣла что-то отвѣтить, но маленькій ротъ только скривился въ безсильной гримасѣ.

— Тамъ на каткѣ, Вахрушинъ—хрипло произнесъ Вася, въ упоръ глядя на мать черными глазами, будто укоряя ее за что-то.

— Ну?..

— Мамочка, милая...

Дѣвочка сорвалась со стула, бросилась на колѣни, охватила мать руками и съ бурнымъ отчаяніемъ ребенка, впервые увидавшаго ужасъ жизни, истерическимъ, захлебывающимся голосомъ разсказывала:

— Мы всѣ катались... Знаешь, цѣпью, какъ всегда... Вахрушинъ, онъ сильный... Вотъ на поворотѣ... Мамочка... Вѣдь его оттого поставили на конецъ, что онъ сильнѣе всѣхъ...

Мать охватила дочь руками, съ неизбѣжнымъ эгоизмомъ материнства радуясь, что какая-то опасность, налетѣвшая тамъ на нихъ, пронеслась мимо ея дѣтей, не задѣвъ ихъ. Но сердце все-таки сжималось отвѣтной болью и тревогой.

— Что? расшибся?

— Совсѣмъ,—глухо сказалъ Вася.

— То есть какъ, совсѣмъ?...—не рѣшаясь произнести страшное слово, только взглядомъ договаривая его, спросила Елизавета Ивановна.

— Ну да!—кивнулъ Вася.

— Господи!

Слезы потекли по ея щекамъ. Она опустилась на кровать, прижала къ себѣ дочку и потянулась къ сыну. Но онъ стоялъ неподвижно и молча. Ему все еще чудилось, что, крѣпко держась за руку товарищей, несется онъ на конькахъ. Въ концѣ

поворотъ. Поворачиваетъ кадетъ Шмидтъ. Онъ отлично это дѣлаетъ. Но сосѣдъ Васи слѣва шатается. Вася дѣлаетъ движеніе, чтобы удержаться и его удержать. Въ это время рука Вахрушина срывается. Онъ летитъ черезъ весь катокъ и слышно, какъ тяжело стукается о ледъ его затылокъ. Красная, дымящаяся кровь льется изо рта Вахрушина на воротникъ, на сизый ледъ. Глаза широко открыты. Вася видитъ, что они уже неподвижны, видитъ удивленное, укоризненное выраженіе, застывшее на лицѣ товарища. Оно здѣсь, это лицо, оно передъ нимъ, оно совсѣмъ близко.

Слезами, словами, криками, яростными и безсвязными упреками кому-то облегчала Тиночка ужасъ, и горе, и отчаяніе, разрывавшія ея сердце. А Вася замолчалъ и ушелъ въ себя, точно сразу разучился говорить.

Вечеромъ всѣ Рябовы были на панихидѣ.

Отецъ Вахрушина былъ профессоръ, умный и мягкій человѣкъ, съ лучистыми, ко всѣмъ внимательными глазами. Мать, съ пѣвучимъ привѣтливымъ голосомъ москвички, находила время и для дѣтей и для какихъ-то просвѣтительныхъ обществъ, гдѣ работала много и съ увлеченіемъ. Что-то налаженное, дѣловое, хорошее, дружное было въ ихъ семьѣ. И казалось изощренной, безсмысленной жестокостью судьбы, что именно этимъ милымъ людямъ она послала такое жестокое испытаніе. Растерянные, отупѣвшіе отъ горя, стояли отецъ и мать, и братья, и сестры около мертваго мальчика. При видѣ ихъ, даже у чужихъ, далекихъ людей, только изъ вѣжливости явившихся на панихиду, сердце невольно сжималось малодушнымъ ужасомъ передъ жизнью.

Когда священники, свернувъ свои ризы, ушли и большая зала почти опустѣла, Вася нерѣшительно подошелъ къ Вахрушину.

— Александръ Александрычъ, мнѣ надо вамъ сказать...

Профессоръ повернулъ къ нему свою крупную, красивую голову и повидимому не сразу понялъ. Лицо его было мокро отъ слезъ, глубокая складка легла между густыми бровями.

— Ахъ это вы, Рябовъ. Ну что?..

Это было хорошо, что товарищи сына пришли. Но ихъ юныя лица—обостряли его горе.

— Мнѣ надо поговорить — повторилъ Вася.

Они прошли въ кабинетъ, гдѣ столько разъ Вася и его другъ рылись въ книгахъ. Теперь тутъ, какъ и во всемъ домѣ, было тихо.

— Я... я долженъ сказать вамъ,—съ отчаяннымъ усиліемъ

произнесъ Вася,—можетъ быть, это я... виноватъ... вѣдь онъ на каткѣ за меня держался...

Опять пронеслось передъ нимъ все, что произошло нѣсколько часовъ тому назадъ. Казалось, съ тѣхъ поръ прошла цѣлая вѣчность. Вася поднялъ глаза на Вахрушина и увидалъ на этомъ, всегда ясномъ, лицѣ такую безысходную скорбь, что слезы, съ утра ледяными каплями нароставшія въ сердцѣ мальчика, наконецъ хлынули, горячія и неудержимыя. Онъ опустился на колѣни, схватилъ руку Вахрушина и прижимаясь къ ней губами, всѣмъ лицомъ, повторялъ:

— Лучше бы мнѣ самому... Лучше бы я самъ... Александръ Александровичъ, что же это такое? Гдѣ же Богъ-то?

Профессоръ нагнулся къ мальчику, поднялъ его, положилъ свою крупную, умную голову, на узкую полудѣтскую грудь, гдѣ быстро, быстро стучало сердце, и, тоже весь сотрясаясь отъ слезъ, съ отчаяніемъ бормоталъ:

— Не знаю, Вася, не знаю... Ничего я не понимаю, ничего... Все потемнѣло...

Елизавета Ивановна не могла спать. Тоска давила душу. Жаль было веселаго, задорнаго мальчика, смѣхъ котораго такъ часто раздавался въ комнатахъ ея сына, жаль было всѣхъ, кто его любилъ. Но еще больше было жаль, что такъ близко, такъ вплотную заглянула смерть въ ребяческіе глаза Тиночки и Васи.

Елизавета Ивановна осторожно встала и подошла на цыпочкахъ къ комнатѣ дочери. Тамъ было тихо и темно. А изъ подъ Васиныхъ дверей ползла по полу корридора золотая полоска свѣта. Изъ его комнаты доносился рѣзкій шорохъ бумаги.

Мать стояла въ нерѣшительности. Что ей сказать ему, чѣмъ утѣшить, ободрить, когда у самой передъ знакомымъ лицомъ смерти сердце стало тяжелое, безсильное. Но все-таки она вошла.

Вася слышалъ, какъ мать стояла за дверьми, зналъ, что это она, и не обернулся. Передъ нимъ лежала на столѣ развернутая книга. Вокругъ бѣлыхъ листовъ краснѣлъ край переплета. Вася неторопливо разрывалъ на мелкіе кусочки листъ за листомъ, осыпая клочьями бумаги столъ, и полъ, и колѣни. Тѣмъ же страстнымъ шепотомъ, которымъ онъ когда-то твердилъ въ кухнѣ молитвы, онъ повторялъ теперь злобныя, проклинающія слова:

— Обмануть хотѣли... Алчущаго накормить, жаждущаго напоить... Вранье, все вранье... Ага... Такъ тебѣ и надо... Ха-ха... Знаю я теперь вашу истину... Хлопъ объ ледъ и нѣтъ ничего... Раздавили червяка ногой... Вотъ и вся ваша истина... Спасители міра...

Елизавета Ивановна въ ужасѣ протянула руки къ сыну. Ей чудилось, что это ребяческое кощунство привлечетъ невѣдомыя страшныя кары на голову Васи. Неразрѣшимость, трагичность, безжалостная слѣпота судьбы, все темное, безысходное, ужасное, что каждый разъ, когда умиралъ кто-нибудь близкій, смутными призраками толпилось въ ея душѣ, грозило послѣ этихъ словъ обрушиться на ея любимаго мальчика.

— Вася, что ты?.. Вася, не надо!—охвативъ его руками, повторяла она.

Юноша отклонился отъ матери, и было въ этомъ движеніи что-то жесткое и холодное, напомнившее ей напряженное, непослушное тѣло умирающей Ирочки.

— Оставь, мама. Такъ надо,—съ недѣтской суровостью сказалъ Вася и она увидала, что глаза у него сухіе, блестящіе и пустые.

Все тѣмъ же медленнымъ, повторяющимся жестомъ рвалъ онъ страницы, которыя еще недавно перечитывалъ съ такимъ жаднымъ умиленіемъ, и иногда его взглядъ падалъ на то, что было подчеркнуто его же карандашомъ.

Елизавета Ивановна сидѣла рядомъ, безсильно опустивъ голову на руки. Она чувствовала, что передъ ней уже не мальчикъ, и не знала, какъ подойти къ этому новому, постарѣвшему въ эти нѣсколько часовъ, Васѣ. Холодная пустота стлалась въ ея душѣ. Заражаясь вызовомъ, звучавшимъ въ голосѣ юноши, Елизавета Ивановна тоже корила кого-то далекаго, могучаго, не знающаго жалости. Но въ этомъ укорѣ былъ не гнѣвъ, а мольба.

XVII.

Тиночка пережила потрясеніе бурно и быстро. Въ ней было эгоистическое умѣніе стряхивать съ себя непріятное и тяжелое.

— Неужели ты на катокъ?—сердито и съ удивленіемъ спросилъ Вася, видя, что сестра, уже одѣтая, достаетъ въ передней съ гвоздика коньки.

— Да, на катокъ,—задѣтая его тономъ задорно отвѣтила дѣвочка.—А ты?

— Что я, дубина что ли?—презрительно произнесъ Вася, и въ его голосѣ были язвительныя, свистящія ноты, доставшіяся ему отъ отца.

Между нимъ и сестрой отношенія были грубоватыя, недружныя. Не подходили они другъ къ другу ни по настроенію, ни по всему темпу ощущеній, переживаній, мыслей, которыми опредѣляется человѣкъ.

Послѣ смерти Вахрушина Вася опустился и потухъ. Онъ ѣлъ, спалъ, готовилъ уроки. Дѣлалъ все, что обязанъ былъ дѣлать. Но съ каждымъ днемъ движенія его становились лѣнивѣе, а взглядъ черныхъ глазъ безразличнѣе.

Перемѣна такъ бросалась въ глаза, что даже Рябовъ замѣтилъ ее.

Онъ былъ очень поглощенъ работой, по вечерамъ часто уходилъ къ Нащокину, но возвращаясь усталый, озабоченный, разсѣянный, строго спрашивалъ жену:

— Ну, что же Вася? Надо же что-нибудь предпринять. Нельзя же это такъ оставить.

— Что же я-то могу сдѣлать? Попробуй, поговори съ нимъ.

Онъ пробовалъ. Но сынъ замыкался въ угрюмомъ молчаніи и Рябовъ не могъ ничего отъ него добиться.

— Послушай, Вася, я понимаю, что тебѣ тяжело. Такой хорошій былъ товарищъ. Ужасный случай. Но вѣдь надо имѣть мужество. Нельзя такъ поддаваться.

Вася вскользь взглядывалъ на отца и Рябовъ не успѣвалъ разсмотрѣть, что залегло въ мелькнувшихъ черныхъ глазахъ.

— Передъ тобой вѣдь еще цѣлая жизнь, и наука, и общественная дѣятельность, и все...

Вася усмѣхался, кривой, недоброй усмѣшкой и все-таки молчалъ.

— Чего ты смѣешься?—уже съ раздраженіемъ говорилъ отецъ.—Вѣдь есть же у тебя интересы, товарищи, наконецъ, семья. Мнѣ вѣдь тяжело на тебя смотрѣть. Неужели ты этого не понимаешь?

Онъ вопросительно глядѣлъ на сына. Но на блѣдномъ, осунувшемся, узкомъ къ низу, лицѣ была все та же упрямая, замкнутая печаль. Отецъ терялся, не зналъ что еще сказать.

— Наконецъ, книги. Твой интересъ къ отвлеченнымъ вопросамъ, къ религіи... Ты знаешь, какъ я къ этому отношусь... Но все-таки...

Юноша слегка отвернулся, прихватилъ нижней губой верхнюю и глухо сказалъ.

— Это все теперь... Къ чорту...

Больше отецъ отъ него ничего не добился, и тревожился, и терялся. Конечно, хорошо, что сынъ такъ быстро излѣчился отъ того, что Рябовъ считалъ суевѣріемъ. Но почему-то это исцѣленіе его не радовало.

Мать поступала иначе.

Она ни слова не говорила, ничего не спрашивала о томъ страшномъ, что непрестанно читала въ глазахъ сына, что чуяла въ его затемнившейся душѣ. Она только старалась мелкой заботливостью, взглядомъ, звукомъ голоса, легкимъ прикосновеніемъ къ его волосамъ дать ему почувствовать, что она здѣсь, съ нимъ, что ея любовь неотступно и нѣжно окружаетъ его. Вася не откликался, не отвѣчалъ ей, но она была увѣрена, что нужна ему, и готова была отдать всѣ свои силы, чтобы распрямить, оживить сердце своего мальчика, одервенѣвшее отъ нежданной встрѣчи со смертью. И съ отчаяніемъ видѣла, что все напрасно, что все ниже сгибается онъ подъ непосильной ношей тоски, и не знала, что дѣлать, чѣмъ помочь, какъ облегчить его.

Она даже Олѣ писала, прося совѣта. Сестры почти не переписывались, но Елизаветѣ Ивановнѣ не съ кѣмъ было подѣлиться своей тревогой, не съ кѣмъ посовѣтоваться.

На ея длинное, подробное письмо Оля отвѣтила изъ Москвы телеграммой:

«Какой ужасъ. Крѣпко, крѣпко цѣлую тебя и бѣднаго Васю, завтра напишу толкомъ».

Но такъ и не написала. Елизавета Ивановна на это не обидѣлась. Она никогда не обижалась ни на сестру, ни на дѣтей, потому что слишкомъ ихъ любила, такъ же какъ никогда не обижалась на мужа, потому что слишкомъ его не любила. Она знала, какъ Оля разрывается между репетиціями, спектаклями, портнихами, ужинами, выѣздами, разучиваніемъ ролей, между всѣмъ, что составляетъ ея сложную, интересную, утомительную жизнь актрисы. Но всетаки такъ хотѣлось получить обѣщанное письмо. Вообще хотѣлось, чтобы кто-то подошелъ и пригрѣлъ, и приласкалъ, и понялъ, что и ей, Елизаветѣ Ивановнѣ, не легко жить. Сквозь тревогу о сынѣ, сквозь собственную тоску о безсмысленности и жестокости жизни, мелькали обрывки рѣчей прохожаго, съ которымъ она когда-то встрѣтилась на улицѣ. Смутно вспоминались его веселые и умные глаза, его голосъ, настойчивый и мягкій. Вотъ если бы съ нимъ обо всемъ поговорить. Почему у него такая жизнерадостная, веселая улыбка? Неужели же онъ не понимаетъ, не видитъ, какъ страшно жить?

Какое-то недомоганіе спустилось на Елизавету Ивановну. Съ утра она вставала усталая. То спина болѣла, то бокъ, то животъ. Боли были отрывистыя и рѣзкія. Она на ходу останавливалась и съ удивленіемъ къ нимъ прислушивалась. Потомъ опять все проходило. Только ноги пухли, и трудно было утромъ обуваться. Лиза перемогалась, старалась не обращать вниманія, не хотѣла возиться съ собой.

Подходила весна. Надо было обшивать дѣтей. И хотя у нихъ была горничная и можно было взять въ домъ портниху, Елизавета Ивановна сама кроила и шила Тиночкѣ лѣтнія блузки.

Быстро, съ легкимъ гуломъ вертѣлось колесо швейной машины. Глаза внимательно слѣдили за строчкой, руки осторожно направляли кусокъ бѣлаго батиста, мысль, точно птица, неумѣющая летать, кружилась все около того же, около того, что мучило Васю. Но работа все-таки дѣлала свое дѣло, притупляла тоску, подсовывала, вмѣсто главныхъ, важныхъ тревогъ, маленькія, отрывистыя соображенія о кофточкахъ, о вышивкѣ, о томъ, какъ пригнать кокетку и гдѣ вставить кружевцо. Спина, и ноги, и руки устали, слегка ныли, а тѣло наливалось успокоительнымъ утомленіемъ. Только иногда приходилось вдругъ останавливаться. Острыя, рѣзкія боли пронизывали градомъ колющихъ иголокъ, разсыпались по животу, по груди по спинѣ, доходили до кончика ногъ и опять замирали.

Елизавета Ивановна перемогалась. Она знала уже, что стоитъ ей бросить шитье,—и опять стаей черныхъ вороновъ закружатся въ душѣ безысходныя мысли о смерти, о томъ, что рано или поздно всѣ, кого любишь, умрутъ. Только работой, однообразной и непрерывной, умѣла она отгонять этихъ черныхъ птицъ.

А припадки учащались и росли. Елизавета Ивановна хотѣла подняться, почувствовала, что силъ нѣтъ, и въ первый разъ холодное предчувствіе собственной смерти пробѣжало. Она всегда думала, что только чужая смерть страшна. Неужели и самой можетъ быть жаль разстаться съ жизнью?—мелькнула въ ея головѣ горькая мысль.

Въ этотъ вечеръ Рябовъ былъ у Нащокина. Теперь онъ все чаще бывалъ въ наслѣдственномъ нарядномъ Нащокинскомъ особнячкѣ, выходившемъ на Неву. Громадный кабинетъ, гдѣ мебель стояла не только вдоль стѣнъ, но какъ-то

хитро и уютно толпилась посерединѣ комнаты, теперь превратился въ настоящій рабочій кабинетъ. На большомъ, покрытомъ старой шалью, столѣ были сложены книги, брошюры, статистическія таблицы. Нащокинъ готовилъ сложный проектъ улучшенія положенія крестьянъ, и Рябовъ помогалъ ему. Вѣрнѣе было бы сказать, что проектъ готовилъ Рябовъ, а Нащокинъ только слушалъ, что тотъ набралъ въ книгахъ, и дѣлалъ свои, часто очень практическія, замѣчанія и выводы.

Электрическая лампа, прикрытая синимъ шелковымъ абажуромъ, мягко освѣщала письменный столъ и большой, раскрытый бюваръ и чернильницу стариннаго, саксонскаго фарфора съ гербомъ Нащокиныхъ, и аккуратно разложенный рядъ красивыхъ ножей, карандашей и вставокъ. Нащокинъ сидѣлъ за столомъ, Рябовъ сбоку, въ своей любимой позѣ, подобравъ подъ себя согнутую ногу. Они оба горячились. Сегодня надо было окончательно набросать основы проекта.

— Аполлонъ Максимычъ, то, что вы предлагаете, идетъ вразрѣзъ съ исконными нашими основами,—говорилъ Нащокинъ, поглаживая бѣлой рукой свою черную бороду, въ которой уже мелькало не мало сѣдыхъ волосъ.—И потомъ это врядъ ли практично. У насъ времени мало. Наши чиновники все проспали. Теперь надо торопиться, чтобы разрѣдить деревню. Переселеніе самое вѣрное, самое скорое средство. Вѣдь у насъ на Востокѣ необъятныя пространства незаселенной земли.

— Ну хорошо. Мы ихъ заселимъ. Развѣ отъ этого центральныя губерніи станутъ богаче или благоустроеннѣе? Предположимъ, что вы изъ Рязанской губерніи десятую долю мужиковъ сплавите въ Сибирь. Вѣдь не больше?

— Ну не больше,—соглашался Нащокинъ.—Что же изъ этого слѣдуетъ?

— Слѣдуетъ, что остальныя девять десятыхъ будутъ все такіе же малосильные, и безлошадные, и безтолковые... Надо во что бы то ни стало найти способъ, чтобы мужики выработали въ себѣ другое отношеніе къ борьбѣ за существованіе.

— А вы знаете такой способъ?—насмѣшливо спрашивалъ Нащокинъ и бралъ съ серебрянаго подносика длинную, тонкую папироску.

— Конечно, знаю,—отвѣчалъ Рябовъ съ той упрямой самоувѣренностью, которая у него была во всемъ, что касалось не житейскихъ, а кабинетныхъ вопросовъ.—Надо избавить ихъ отъ общины.

Вся его служба сводилась къ тому, что онъ подписывалъ

и самъ писалъ бумаги, рѣшавшія судьбу деревни, но онъ по прежнему зналъ ее только издалека, и тѣмъ проще и яснѣе представлялъ себѣ теоретическую деревню, какъ отдѣльное соціальное и экономическое явленіе. Помогала ему старая закваска марксиста, который могъ все размѣстить въ опредѣленныя, логическія клѣточки.

— Надо дать крестьянамъ возможность развивать личную иниціативу. Община—это искусственная поддержка слабыхъ. Если бы они были предоставлены самимъ себѣ, они давно бы бросили землю.

— Что жъ хорошаго? Куда-жъ бы они пошли?

— А куда хотятъ. Государство не обязано тянуть и вытаскивать неумѣлыхъ работниковъ. А потомъ для Россіи необходимо широкое развитіе промышленности. Безъ этого мы всегда будемъ плестись въ хвостѣ. Если перемѣнятся условія крестьянскаго землевладѣнія, появится масса свободныхъ рукъ, и это создастъ приливъ капиталовъ къ фабрикамъ. Россію спасетъ фабрика.

Нащокинъ слушалъ слегка сощуривъ наглые, уже усталые отъ житейскихъ удовольствій глаза. Ему не нравилось это увлеченіе фабриками.

— Неужели надо напустить на Россію всю эту орду кулаковъ, предпринимателей? Вѣдь они сожрутъ насъ всѣхъ.

Рябовъ чуть не сказалъ: «Ну и пусть сожрутъ». Уже не одинъ годъ дѣлалъ онъ вмѣстѣ съ Нащокинымъ общее чиновничье дѣло. Оба привыкли, и до извѣстной степени даже привязались другъ къ другу, но все-таки Рябовъ считалъ Нащокина бюрократомъ, а себя болѣе умственнымъ и болѣе безкорыстнымъ служителемъ народа.

— Почему же? Безъ нихъ пока не можетъ существовать ни одна культурная страна,—сказалъ онъ.—Конечно, пока не измѣнится форма производства.

— Если крестьяне станутъ фермерами, вѣдь ихъ не заманить будетъ на обработку помѣщичьихъ полей, — довольно откровенно сказалъ Нащокинъ.

Рябовъ усмѣхнулся.

— Ну, это напрасный страхъ. Напротивъ, тогда батраковъ еще больше будетъ. И зависимость ихъ отъ помѣщиковъ будетъ еще больше. Положимъ, это будетъ переходная зависимость. Но ее хватитъ и на вашъ вѣкъ, и на вашихъ дѣтей.

— Которыхъ у меня нѣтъ. По крайней мѣрѣ по законной линіи,—добавилъ Нащокинъ и весело засмѣялся.

Рябовъ шелъ по набережной, не замѣчалъ ни прохожихъ, ни

рѣки, ни хмурой, ломанной линіи крѣпости, ни зеленаго, высокаго мартовскаго неба, ни всего того просторнаго, красиваго, неожиданнаго, что влекло къ невскимъ берегамъ еще Пушкина. Мысленно онъ повторялъ, и развивалъ, и дополнялъ аргументы и соображенія, которыя только что высказывалъ въ громадномъ, напитанномъ запахомъ дорогой кожи, сигаръ и крѣпкихъ духовъ, кабинетѣ Нащокина. И находилъ все новые и новые доводы въ свою пользу и сердился на себя, зачѣмъ не нашелъ ихъ раньше, зачѣмъ не переубѣдилъ Нащокина. Вдругъ простая, но никогда еще не приходившая ему мысль блеснула. Да вѣдь Нащокинъ помѣщикъ, просто себѣ помѣщикъ, а ужъ потомъ тайный совѣтникъ. Ему никогда не понять того, что клонится къ перемѣнѣ деревни и землевладѣнія.

Рябовъ остановился и даже засмѣялся. Потомъ опять пошелъ дальше. А мысль работала и работала, все наполняя, все заглушая. Это была счастливая способность у Рябова, что когда онъ думалъ, когда какая-нибудь идея подхватывала его, онъ переставалъ чувствовать себя, переставалъ замѣчать другихъ. Счастливая, конечно, для него, а не для этихъ другихъ.

Дома сразу оборвались всѣ эти, волновавшія его, мысли и соображенія. Въ кабинетѣ сидѣлъ докторъ, молодой, красивый, съ длинной, холеной бородой. Онъ писалъ рецептъ и, не оборачиваясь объяснялъ Тиночкѣ:

— Такъ вотъ, барышня, компрессъ перемѣните черезъ четыре часа. Боли теперь врядъ ли повторятся. Дѣйствіе морфія еще будетъ продолжаться.

Онъ поднялъ глаза, увидалъ Рябова, понялъ, что это мужъ, и сказалъ:

— А, вотъ это хорошо... А то мнѣ съ молодежью трудновато разговаривать.

Ласковыми, бархатными глазами скользнулъ онъ по лицу Тиночки, и она поняла, что надо уйти. Какія-то тѣни пробѣжали по ея уже не дѣтскому, но еще и не дѣвичьему лицу. Въ сѣрыхъ, влажныхъ глазахъ мелькнуло недовольство. Зачѣмъ это? Неужели докторъ воображаетъ, что папа что-нибудь понимаетъ въ болѣзняхъ, да еще въ маминыхъ. Но спорить было неудобно, и дѣвочка ушла.

Безъ нея докторъ подробно, вставляя медицинскіе термины, объяснялъ Рябову, что у его жены воспаленіе. Можетъ быть даже уже слегка задѣта брюшина.

— Да неужели? Удивительно! Моя жена такая здоровая женщина,—растерянно бормоталъ Рябовъ.

— Ну, по моей части она не особенно здоровая,—возразилъ докторъ,—были нѣкоторыя неосторожности. Не берегла она себя. Послѣ родовъ и вообще...

— Вотъ это и я всегда говорилъ,—съ укоромъ и сердитой заботливостью подхватилъ Рябовъ,—удивительный народъ женщины: въ нихъ совсѣмъ нѣтъ благоразумія. Вѣдь сколько разъ я говорилъ.

Докторъ внимательно разглядывалъ одутловатое лицо Рябова, его бѣлый, умный лобъ, маленькіе глаза подъ толстыми вѣками, крупную нижнюю губу, виднѣвшуюся изъ-за густой русой, съ просѣдью, бороды. Не было на этомъ лицѣ ни страха, ни тревоги за жену, только досада на нее за то, что она по своей неосторожности больна и производитъ въ домѣ безпорядокъ и безпокойство. Докторъ былъ человѣкъ бывалый и наблюдательный, и быстро опредѣлялъ свойства семьи, гдѣ лечилъ.

— Во всякомъ случаѣ надо, чтобы ваша жена береглась. Надо ее беречь,—вѣско сказалъ онъ.

— Но сейчасъ-то вѣдь нѣтъ опасности?—вдругъ обезпокоился Рябовъ.

— Н-нѣтъ... я думаю, что нѣтъ,—осторожно сказалъ докторъ.—Я заѣду завтра днемъ.

Болѣзнь Елизаветы Ивановны затянулась. Выздоровленіе шло медленно, главнымъ образомъ, потому, что больную охватила какая-то странная, равнодушная усталость. Точно она обрадовалась, что можно не двигаться, не хлопотать, не заботиться, не думать, а лежать неподвижно, отдаваясь притупляющей дремотѣ.

— Барынька, да вѣдь такъ нельзя. Вы ужъ сами постарайтесь, подтянитесь,—шутливо корилъ ее докторъ.

Ему почему-то было жаль эту женщину, съ печальными черными глазами, съ усталой, виноватой улыбкой уже увядающихъ губъ. Тонкія, красиво очерченныя руки, кожа на плечахъ и на груди, все тѣло, было еще молодое и красивое. А лицо уже потускнѣло, не только потому, что стало шире, что линія подбородка раздалась и отяжелѣла, а потому что потухъ внутренній огонь. Это было лицо женщины, которая давно перестала чего-нибудь ждать отъ жизни.

— Надо торопиться. Вотъ уже весна на дворѣ,—пора о

весеннихъ туалетахъ думать,—смѣясь болталъ докторъ.—Развѣ вамъ не хочется скорѣе встать, нарядиться, пойти гулять?

— Не хочется,—откровенно признавалась Елизавета Ивановна.

— А чего же вамъ хочется?

— Ничего не хочется, докторъ.

— Какъ вамъ не стыдно въ этомъ признаваться?—упрекалъ докторъ.—Сколько вамъ лѣтъ?

— Очень много. Тридцать шесть.

— Ну, развѣ это много. Если не любите наряжаться, такъ вѣдь много другого хорошаго на свѣтѣ.

— Что же, докторъ?

— Ну, Господи, хотя бы общественная жизнь. Вѣдь сейчасъ кругомъ что-то начинается. Вы вотъ это когда-нибудь читали?

Онъ вытащилъ изъ кармана тонкій листокъ русской заграничной газетки.

— Нѣтъ, не читала. Оставьте мнѣ, я почитаю.

Когда докторъ ушелъ, Елизавета Ивановна попробовала читать листокъ. Слова были все хорошія, звучали горячо и умно. Но ей казалось, что она лежитъ глубоко въ сыромъ ущельи, а слова раздаются гдѣ-то высоко, высоко надъ ней. Можетъ быть, это все отлично, но при чемъ тутъ она?

Зато Рябовъ увидалъ листокъ и съ жадностью схватился за него, и потомъ долго спорилъ съ докторомъ.

— Какая намъ конституція,—язвительно раздавался въ кабинетѣ голосъ Рябова,—дай Богъ съ земствами справиться. Гдѣ у насъ люди, чтобы засѣдать въ парламентѣ? Какое можетъ быть народоправство въ неграмотной, нищей странѣ?

Вася входилъ и прерывалъ ихъ споръ вопросомъ о матери. Онъ и сестра ухаживали за ней съ заботливой страстностью, съ нѣжной тревогой. Болѣзнь матери обострила и углубила ихъ любовь къ ней. Елизавету Ивановну это трогало. Она старалась заставить себя хотѣть выздоровленія, заставить себя думать о томъ, какъ она нужна Васѣ и Тиночкѣ. Но и тѣло, и душа окунались въ болѣзнь, точно въ дурманъ, и такъ не хотѣлось выходить изъ этого дурмана, возвращаться на свою обычную жизненную тропу.

Весь домъ сталъ точно пустой. Стало ясно вдругъ, что мать, неговорливая, тихая, все сплачиваетъ, все скрѣпляетъ. Даже Рябовъ понялъ это и въ присутствіи дѣтей, сидѣвшихъ около кровати матери, съ неуклюжей ласковостью сказалъ ей:

— Лиза, что же это ты все валяешься? Пора вставать. Докторъ говоритъ, что въ тебѣ мало вкуса къ жизни и что оттого ты медленно поправляешься. Это вѣдь для насъ обидно. Правда, дѣти?

Онъ засмѣялся своимъ хихикающимъ, несмѣющимся смѣхомъ. Дѣти промолчали, а Елизавета Ивановна тихо отвѣтила:

— Да нѣтъ, докторъ преувеличиваетъ. Я скоро встану. Только вотъ слабость пройдетъ, и встану.

Чтобы перемѣнить разговоръ, она спросила:

— Вася, а какъ твои экзамены? Когда начнутся?

Вася, какъ разъ наканунѣ, придя изъ гимназіи, разсказалъ ей объ экзаменахъ, и то, что мать забыла все, что онъ говорилъ, укололо его сердце тревогой. Никогда этого съ ней не было. Она всегда такъ помнила всякую мелочь жизни дѣтей. Онъ взялъ маленькую, слабую руку и прижался къ ней щекой. Душа его горѣла еще неиспытанной, жалостливой любовью къ матери. Никогда ни раньше, ни позже не ощущалъ онъ эту любовь такъ глубоко и, вопреки тревогѣ, такъ радостно. Передъ нѣжностью этого чувства въ безсиліи отступило отъ его души черное, безысходное отчаяніе, навѣянное смертью Вахрушина. Вася взялъ себя въ руки, дѣловито и охотно исполнялъ все, что требовала отъ него жизнь гимназиста, зналъ, что дѣлаетъ это ради матери, и жизнь его развертывалась шире и яснѣе.

А. Тыркова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* *
*

Ужъ вѣтеръ осенній трубитъ въ одинокомъ ущельи,
Ужъ зябкія нимфы въ росистыя сходятъ долины,
Но въ праздникъ семейный, въ довольствѣ и мирномъ веселыи,
Виномъ запиваемъ мы хлѣбъ золотой и маслины.
Ужъ стынутъ пустыя на склонахъ обвѣтренныхъ лозы.
Окончена жатва. Обобраны груши. Нескоро
Подымется вьюга, но заперты въ изгородь козы —
Грядущее скрыто отъ робкаго смертнаго взора.
Я шкурами двери и тканями стѣны закрою,
Попрячу оливки въ кувшинахъ, широкихъ и красныхъ;
Дѣтей убаюкавъ, огонь мы притушимъ золою
И праздникъ нашъ мирный окончится въ ласкахъ не страстныхъ.

Т. Ефименко.

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ, ПЕРЕДЪ САМЫМИ ДНЯМИ РАЗСЧЕТА.

(Простые очерки).

I. Злыя и добрыя силы.

Константинъ Кременьковъ, коренной провинціалъ, но настроеній независимыхъ, переживалъ довольно невеселое время вмѣстѣ со своей малою семьей въ нѣдрахъ Кошкинскаго уѣзда, въ селѣ Сенькинѣ.

Прибылъ сюда Кременьковъ изъ «губерніи», убѣгая отъ силковъ казенной службы, отъ силковъ, разставленныхъ по всему лику нашей земли для людей грамотныхъ, но лишенныхъ капитала. Склонная ко всему явно-полезному, душа Кременькова не переваривала чиновничьяго «баловства». «Частная служба будетъ живѣе и серьезнѣе»—надумалъ онъ себѣ и вотъ нанялся довѣреннымъ къ своему кошкинскому троюродному дядюшкѣ. У дядюшки же были въ западной, лѣсной, половинѣ уѣзда порядочныя пустоша, гдѣ впрочемъ лѣсъ почти что не цѣнился—девяносто верстъ отъ сплавной рѣки и желѣзной дороги, — а зато цѣнились «гнѣзда» бураго желѣзняка, у самой почвы. Завѣдывать вывозкой этой руды и долженъ былъ довѣренный: возили на желѣзный заводъ въ другомъ концѣ того же дремучаго, Брынскаго лѣса. Проживалъ самъ Кременьковъ на лѣсномъ зимовьѣ, въ досчатомъ баракѣ; онъ и обличье пріобрѣлъ соотвѣтствующее—лѣсного приказчика. Ходилъ въ сѣрой поддевкѣ, шитой кошкинскимъ портнымъ, съ такою широкой «юбкой», съ такими роскошными складками на ней, что жена смѣясь звала эту одежду «Костинъ сарафанъ».

Жену свою съ двумя дѣтьми онъ помѣстилъ въ плохонькомъ подлѣсномъ селеніи Сенькинѣ. Тамъ за 4 рубля въ мѣсяцъ они снимали запущенную дворянскую усадьбу гг. Бѣлотѣльскихъ, господъ мелкаго разбора, кормившихся въ городѣ. Домъ стоялъ между церковной площадью, съ одной стороны, и избою 80-лѣтней старухи Бѣлотѣльской, матери хозяина, съ другой стороны. Старуха была когда то свирѣпой владычицей сенькинскихъ душъ, а теперь, на казнь себѣ, все не умирала среди развалинъ былого счастья.

Для пріѣзжихъ жить было бы пожалуй и совсѣмъ недурно: человѣкъ хозяйственный, Кременьковъ пріобрѣлъ для своего семейства сперва кошку, потомъ пару куръ съ пѣтухомъ, поросенка, наконецъ, и корову Пестрянку, черную, круторогую, съ бѣлыми ушами, съ бѣлымъ брюхомъ и хвостомъ; нанялъ распахать и унавозить огородъ, выровнялъ собственноручно гряды, выписалъ изъ Москвы сѣмянъ—даже невиданныхъ въ Сенькинѣ, какъ-то, тыквы и салату, рѣдиски и чесноку. Словомъ, зародышъ полнаго хозяйства. Но вотъ бѣда: съ конца мая настала убійственно-безоблачная и ясная погода. Для огорода это бы еще ничего. Только воды таскай побольше изъ рѣченки Мочи, бѣжавшей подъ огородомъ; но поля... Наѣзжая на недѣлѣ домой изъ лѣсу (верстъ за 25 отъ дому), Кременьковъ видалъ, какъ лѣнивѣй и лѣнивѣй земля растить траву и злакъ изъ своего усыхающаго тѣла, какъ яровые не поднимаются, какъ стоитъ зря, не хочетъ наливаться озимый колосъ. Только поздняя гречиха еще бойко пестрила красно-зелеными треугольничками молодыхъ листиковъ почву.

И было не по себѣ, потому что кругомъ у мужиковъ тревожныя лица. По зорямъ выходятъ хозяева въ поле, полюбуются на свои просящія пить полосы, съ робостью и надеждой оглядятъ безмятежно-лазурныя небеса и, понуря голову, бредутъ по домамъ. Тихо переговариваются, недоумѣло разводятъ руками. «Кабы Господь-отъ батюшка — дождика бы...» Нѣтъ дождика, и не будетъ.

Злой неурожай у воротъ.

Еще не пришелъ онъ, еще все можетъ поправиться—двинуться въ ростъ и заволноваться тяжелыми колосьями зеленая нива, и разгладиться, помолодѣть мужицкое лицо. Но уже угроза приступила вплотную къ деревенской межѣ и не отводитъ занесенной руки.

Кременьковъ не любилъ мѣшаться въ чужія дѣла. Поэтому, что, собственно говоря, было ему до деревни? У нихъ свои

заботы, у него—свои; каждый живетъ, насколько можетъ. Но какъ то такъ выходило: уткнись даже нарочно въ свою огуречную гряду, либо въ коровій хлѣвъ,—а нельзя не видѣть, хоть искоса, что дѣлается по сторонамъ. Кромѣ того—жена. Жена, по имени Зоя, была у него премилая, маленькая особа, съ карими глазами, съ темными кудряшками, со смѣшною, дружелюбной улыбкой ко всему на свѣтѣ. И она любила смотрѣть на не слишкомъ красивое, слегка калмыцкое лицо своего мужа и даже на его мочальнаго цвѣта волосы и бородку. Но она изъ города привезла городскую нервность, отзывчивость: какую обнаруживаетъ резонаторъ или, еще лучше, тѣ, извѣстныя въ физикѣ звука, газовыя «поющія пламена», которыя отвѣчаютъ трепещущимъ свѣтомъ и тономъ на малѣйшій звукъ кругомъ. Жена и не давала Кременькову схорониться отъ голосовъ жизни; а надо признаться, у него бывали къ тому побужденія. Женѣ помогало развитіе событій.

Корова Пестрянка и поросенокъ Чушка ходили въ сенькинское стадо; за нихъ было уплочено сенькинскому обществу, сколько полагалось по раскладкѣ съ двора,—2 рубля съ полтиной, да пастуху полбутылки и двугривенный. И Пестрянка съ Чушкой были, на удивленіе всему селу, красивые да умные. Съ поля бѣжали всегда впереди всего стада, какъ вожаки—качество, особо уважаемое въ деревнѣ. Впрочемъ дѣло понятное: оба хорошо знали, что дома ихъ ждетъ корыто съ кухонными помоями и соломенная рѣзка съ посыпкой. Другимъ же коровамъ и свиньямъ не представлялось къ ужину ничего, кромѣ чистой водицы. Хозяева ихъ—бѣдные, сами еще съ зимы живутъ впроголодь, рѣдкимъ и скуднымъ заработкомъ: кто возкой дровъ въ городъ изъ казенной дачи, кто—копкой той же руды, два-три жгли горшки въ самодѣльныхъ печахъ-ямахъ посреди просторной сенькинской улицы. И того едва хватало на покупку хлѣба насущнаго семейству; даже соломы яровой на «прикуску» скоту давно не было: не родилась солома прошлое лѣто.

Каждое утро четвероногіе товарищи обнюхивали и облизывали вкусно пахнущія морды у Пестрянки и Чушки, и понятно, что въ стадѣ порядкомъ таки имъ завидовали—кромѣ, впрочемъ, овецъ: тѣ просто ничего не понимали, ни лучшаго соціальнаго положенія кременьковскихъ животныхъ, ни даже все большаго оскудѣнія травы. Только бѣгали толпой по всему пару, служившему пастбищемъ, да блеяли. И сенькинскіе люди тоже завидовали новымъ «шабрамъ» и смотрѣли на нихъ больше

всего съ точки зрѣнія—«нельзя ли чѣмъ поразжиться». Пока Кременьковъ бывалъ дома, еще крестьяне «ему уважали»: звали его къ себѣ въ гости «объяснить насчетъ плантовъ», т. е., не захватили ли у нихъ земли—попъ или бывшій помѣщикъ? Или же сами приходили посовѣтоваться по разнымъ земскимъ и судебнымъ дѣламъ. Но когда «шаберъ» уѣзжалъ въ свой лѣсной промыселъ, начинались разныя обиды молодой «шабренкѣ»: то разсаду капустную повытащили у нея изъ грядъ, то гамакъ маленькой Сони изъ сада кѣмъ-то оказался унесенъ безъ слѣда, то кто то пустилъ въ садъ свинью, а за свиньей попрыгали глупыя овцы. Призванъ былъ на помощь длинноногій Андрюха, деревенскій пролетарій изъ горькаго сословія бывшихъ дворовыхъ; онъ долго гонялъ свинью съ овцами по саду, пока выгналъ. Тутъ было потоптано порядочно луку и салату, да все же Андрюха показалъ, что не даромъ беретъ плату отъ Кременькова за уходъ въ его отсутствіе за садомъ и огородомъ. Словомъ грядущія деревенскія бѣды и жестокія предчувствія словно рикошетомъ отражались, довольно чувствительно, на обитателяхъ усадьбы. Но эти мелкія укусы сами по себѣ еще не такъ волновали Зою. Она даже молчала большею частью про нихъ передъ мужемъ, сама же всегда какъ-то мало ощущала матеріальные ущербы. Ее гораздо болѣе давила та отчужденность, та какъ бы колючая проволока, которую она, казалось ей, чуть не рукою могла ощутить, между «ихъ» Сенькинымъ и ея домомъ. Ничего подобнаго Зоя все же не ждала, ѣдучи зимою изъ города, хотя и тогда инстинктомъ боялась деревни, и уговаривала Костю не ѣхать. И откуда эта проволока?

— Отчего это, Костя? Ты не знаешь?—спрашивала мужа Зоя Николаевна.—Отчего мужики такъ къ намъ враждебны?

— Э, пустяки все,—отвѣчалъ Костя.—Просто, безтолковый народъ, невѣжественный. Что ты отъ нихъ хочешь? Насолили имъ, конечно, когда-то бары, вотъ они на всякомъ чистомъ платьѣ до сихъ поръ вымѣщаютъ. Подожди, Зоя, привыкнешь. Ко всему привыкнуть можно.

— Да чѣмъ же, Костя, мы на баръ похожи? Живемъ просто. И вотъ наша Афросинья (у Кременьковыхъ была прислуга, солдатка)—вѣдь никто ее здѣсь не обижаетъ.

— Да, да, я хотѣлъ тебѣ сказать, Зоя. Слѣдовало бы тебѣ немножко построже быть съ Афросиньей. Она, правда, смирная, но, знаешь ли, необходимо. А то разлѣнится и командовать примется.

— Ну, вотъ ты всегда такой, Костя. Эта Афросинья такая

забитая, что смотрѣть жалко, а ты—командовать. Костя! Ужъ пусть это другіе деревнѣ душу выматываютъ, а мы съ тобой вѣдь не такіе... И Афросинья такъ хорошо ходитъ за Соней и Горенькой...

— Ахъ, Зоя, невозможно съ тобой разговаривать, съ досадой заключилъ мужъ: дитя ты настоящее.

А самъ сберегъ изъ разговора какую-то тайную искру, гдѣ-то тамъ, за порогомъ сознанія. Не то, чтобы онъ счелъ вѣрнымъ поступать по Зоиному, но вниманіе его въ значительной мѣрѣ потеряло способность скользить мимо многаго, что бродитъ и что зрѣетъ, и что вянетъ внутри деревни.

Вскорѣ, въ концѣ іюня начались въ Кошкинскомъ уѣздѣ всюду покосы, крестьянамъ некогда было возить руду изъ лѣсу на заводъ, и для Кременькова вышли вакаціи, онъ пріѣхалъ домой надолго, недѣли на три. Но тутъ-то колючая проволока еще больше ощетинила свои шипы. Дѣло въ томъ, что Зоя Николаевна, человѣкъ сообщительный, не находила, кому передавать избытокъ своихъ ѣдкихъ впечатлѣній отъ деревни. Мужъ былъ тутъ плохой собесѣдникъ, а отъ мѣстной «интеллигенціи» Кременьковы рѣшили подальше держаться. Еще въ началѣ ихъ пребыванія въ деревнѣ, весною, въ самую страстную пятницу «интеллигенція», въ лицѣ попа, дьячка и учителя—по наущенію впрочемъ земскаго начальника Бѣлотѣльскаго, племянника старухи (представлявшаго собою болѣе крупную вѣтвь фамиліи), устроила въ поповской квартирѣ такой громкій дебошъ съ разбитіемъ стеколъ и пѣніемъ пьяныхъ пѣсенъ, что отбила всякую охоту къ знакомству. Гуляли два дня, и опомнились пьяницы лишь подъ пасхальный звонъ. Да и то сгоряча принялись, вмѣсто всенощной, за панихиду по своимъ покойнымъ женамъ (земскій и дьячекъ были дѣйствительно вдовы, а у попа попадья ушла, изъ-за его пьянства). Только старикъ—сторожъ церковный усовѣстилъ отца Агафона, напомнивъ ему о свѣтломъ Христовомъ воскресеніи.

Оставалось Зоѣ писать лишь длинныя письма въ «губернію» своимъ друзьямъ, высланнымъ изъ Москвы студентамъ. Эти неблагонадежныя лица, по естественному порядку вещей, были близки къ мѣстному «Листку» и тиснули въ немъ, что имъ показалось особо любопытнымъ изъ писемъ Зои, съ прибавкомъ—столь опаснымъ!—«отъ собственнаго кошкинскаго корреспондента». Въ корреспонденціи рисовалась безпомощность деревни передъ природными и соціальными силами, и причина этой безпомощности—духовная глушь, темнота. Говорилось тутъ

и о сенькинскихъ чудесахъ и колдунахъ—впрочемъ безъ имени Сенькина. Какъ сенькинцы всѣмъ народомъ видали въ одни весеннія лунныя сумерки, на улицѣ, полетъ колдуна сѣрой птицей изъ банной трубы. Какъ сенькинцевъ эксплуатировалъ уже двадцать лѣтъ ихъ рыжій пастухъ, запугавъ ихъ своимъ искусствомъ «наводить сглазъ» на скотину.

И вотъ что вышло изъ этого въ Сенькинѣ. Разумѣется, здѣсь ни колдуны, ни прочіе жители «Листка» не читали: «ни къ чому». Но тутъ присоединились особыя обстоятельства внутренней политики села Сенькина. Старуха Бѣлотѣльская была обижена тѣмъ, что солдатку-де Афросинью Кременьковы переманили отъ нея; на самомъ же дѣлѣ, Афросинья сама ушла отъ тиранства «лихой Бѣлотѣлихи», которая никакъ не могла забыть, что еще Афроськинъ дѣдъ былъ ея рабомъ. Другой обиженный былъ земскій Бѣлотѣльскій или Володенька, какъ его звали на селѣ, по старой памяти; не сдѣлавъ ему по пріѣздѣ визита въ его усадьбѣ, находившейся въ верстѣ отъ села, Кременьковы грубо нарушили всѣ кошкинскія понятія о чести. И вотъ «благородная» тетка съ правительствующимъ племянникомъ воспользовались корреспонденціей «Листка» въ цѣляхъ возмездія.

Рыжій пастухъ-колдунъ, по имени Лаврёнъ, былъ молочный братъ Володенькѣ. Такъ въ уѣздахъ сложно перепутываются великіе съ малыми... Володенька по-братски пригласилъ однажды Лаврёна на чай къ тетушкѣ и здѣсь прочелъ ему, съ надлежащими комментаріями, какъ его Кременьковы «распечатали». Потому что некому больше было, всегда грамотные въ захолустьи вѣдь наперечетъ. Амбиція Лаврёна была ужалена, словно пчелой, а онъ былъ злопамятенъ. За диффамацію онъ рѣшился въ свою очередь отомстить... кременьковской коровѣ. Такіе окольные, странные пути—не правда ли?—глухое дрожанье Сенькина передъ судьбой изыскивало, чтобы отвести свою наболѣвшую душу.

И принялся Лаврёнъ колдовать.

Стали съ Пестрянкой происходить разные сюрпризы. Разъ въ разгарѣ ликующаго утра—совсѣмъ бы не во время—хозяева услышали передъ воротами усадьбы призывное «му-муу»! Что за причина? Почему красавица и умница явилась такъ рано со своего скуднаго пастбища? Животное крайне общественное, обычно она просто рвется въ стадо. Афросинья поспѣшила отворить. Видъ у Пестрянки былъ какой-то глупый и виноватый. Она съ недоумѣлой физіономіей вошла во дворъ, оглядѣлась направо, налѣво, ткнула мордой въ пустое корыто отъ пойла,

потомъ зачѣмъ-то подошла къ изгороди сада, и, обращаясь не то къ огурцамъ на грядахъ, не то къ виднѣвшейся за сиренями и вишнями церкви, трижды возопила: «му! му! му!» Была ли то ея слезная жалоба на злого пастыря доброму богу деревни? Такъ, или иначе, ясно было, что пастухъ по-просту прогналъ ее изъ стада.

Пришлось Кременькову наскоро подкосить въ саду крапивы и бурьяну для Пестрянки. Потомъ вдвоемъ съ Афросиньей они пошли на покосъ къ деревенскимъ старикамъ жаловаться на нарушеніе условій. Старики въ это время косили по низинкамъ, гдѣ трава сберегалась получше отъ засухи, но была все же мала и жидка. Угрюмые и лохматые старики остановили широкіе размахи своихъ косъ, выслушали не очень сочувственно упреки Кременькова и молвили: «Онъ еще вчерась на ночевкѣ-то грозился корову-ту прогнать: я молъ ему дамъ меня-то по всему-то по свѣту славить. Да что съ имъ, съ Лаврёномъ подѣлаешь. Боимся и мы его. Знаетъ... Ты-ка всего лучше выставь ему косушку-ту, може и пособитъ».

Кременьковъ увидѣлъ, что съ «обчества» нечего спрашивать. Не обращаться же за своею правдой къ непріятелю земскому! Скрѣпя сердце, ранымъ-рано, еще до зари, на другой день ждалъ онъ самъ у воротъ колдуна, держа на готовѣ косушку и хлѣбъ. Вотъ раздался красивый, носовой звукъ пастушьей жилейки, звукъ, всегда заставлявшій скотину сломя голову выбѣгать къ нему навстрѣчу. Колдунъ подошелъ къ воротамъ, косушку выпилъ, утерся рукой, хлѣбомъ закусилъ и Пестрянку взялъ въ стадо. Однако гнѣваться не пересталъ. Это былъ злой колдунъ. Да притомъ и старуха барыня, опираясь на Володенькины внушенія, его тоже поила и поджигала. Такъ они втроемъ и продолжали колдовство.

Корова пришла на другой вечеръ съ «килой» (огромнымъ волдыремъ) на вымени и ни за что не давалась доиться. Пришлось посылать Андрюху въ городъ за фельдшеромъ. Черезъ нѣсколько дней она вдругъ совсѣмъ разболѣлась, перестала ѣсть и пить, и лишь жалобно посматривала огромными глазами.

— Испортилъ проклятый-отъ колдунъ животную,—шепотомъ объявила Афросинья.

— Испорчена-съ, это вѣрно-съ,—изрекъ и случившійся тутъ Андрюха,—и безграничная вѣра въ могущество нечистой силы отражалась на двухъ испитыхъ, преждевременно старческихъ лицахъ солдатки и бывшаго дворовaго. Они сокрушенно качали головами и вздыхали, и, пошептавшись, рѣшительно,

наконецъ, объявили хозяину, что теперь ничего не остается, какъ позвать другого колдуна—Василья.

— Это еще что за Василій?

— А Василій Цыганъ—отъ ему прозвище, — сказалъ Андрей. По отцу-то онъ Садовниковъ, а по уличному-то—Цыганъ. Потому черный весь. И Андрюха снова шепотомъ прибавилъ: колдунъ онъ тоже, только добрый-съ. Все-то тебѣ съ молитвой да со Христомъ-съ.

Бѣдный горожанинъ совсѣмъ заблудился посреди деревенскаго волшебства. Онъ послалъ было опять Андрюху за фельдшеромъ; тотъ уѣхалъ надолго по уѣзду. А корова, грустная, стояла въ хлѣву сонно и неподвижно, и кожа у ней подъ шерстью была блѣдная, холодная на ощупь. Хозяйская сердечная боль подрывала у Кременькова упорство его здраваго смысла, и онъ готовъ былъ вновь уступить «средствіямъ» деревни.

— Что же, Зоя, пошлемъ что ли за этимъ Василіемъ?— сказалъ онъ женѣ.

— Вотъ ужъ ты, Костя!—возмутилась жена. Просто я тебя не понимаю. Насъ деревня всячески выкуриваетъ, а ты надѣешься умилостивить ея идоловъ своими поклонами.

— И нѣтъ, матушка ты моя, вмѣшалась Афросинья, ничего Василій-отъ онъ не окуриваетъ, а это вѣрно: кланяется Богу-то да крестится и мигомъ всякій сглазъ отыматъ. Ужъ спасибо скажете. А то ишь Пестрянушка-та сердечная—ажъ слезы-те у ней текутъ...

— Ну что же, Зоя, право, можетъ быть, онъ какимъ-нибудь, знаешь... домашнимъ, тамъ, лекарствомъ... не все ли равно, что они приговариваютъ?

— Скажи лучше: симпатическимъ средствомъ... И Зоя пожала плечами и ушла въ комнаты. — Зови Василья, велѣлъ Кременьковъ Андрюхѣ.

Скоро среди желтѣющей, полусгорѣвшей и вытоптанной муравы двора появился черный, курчавый, большой мужикъ съ огромной бородой.

— Здорово хозяинъ,—и блеснулъ зубами и бѣлками глазъ.

Дочка Кременьковыхъ напугалась и убѣжала въ домъ къ матери. Младенецъ Горенька раскричался на рукахъ няньки.

Но колдунъ съ чувствомъ перекрестился «на четыре вѣтра» и пошелъ въ кухню молиться. Молился долго, кладя земные поклоны, потомъ пошелъ въ хлѣвъ. У Афросиньи страхъ и благоговѣнье перехватили дыханье, Андрюха, втянувъ длинную шею въ плечи, застылъ, словно цапля въ созерцаніи, а Кременьковъ

съ безпокойствомъ прислушивался со двора, не натворилъ бы еще этотъ колдунъ чего съ животнымъ. Въ хлѣву долго слышно было Васильево бормотанье: «Пречистая матушка... отъ сходняго да отъ заходняго... на море, на окіянъ...» да его глубокіе вздохи. Слышно было, какъ корова потомъ съ мычаніемъ тяжело повалилась наземь... Невѣдомо, что колдовалъ Василій, только вышелъ изъ хлѣву, блѣдный и утомленный, со словами:

— Ничего, хозяинъ. Будетъ жива. Это ничего.

Къ удивленію, за волшебство свое не взялъ ни гроша. «Какъ можно, «Божье дѣло». Только выпилъ чаю и за чаемъ оказался пресмирнымъ и предобрымъ мужичкомъ. Дѣтей онъ сейчасъ же какъ-то приласкалъ, приручилъ, и на прощанье Горенька снова благимъ матомъ ревѣлъ, не хотѣлъ выпускать изъ ручекъ чудную бороду Цыгана.

Корова и вправду сейчасъ же взялась за ѣду и быстро поправилась. Было ли тутъ и вправду какое-нибудь леченіе тайнымъ снадобьемъ, или же — странный опытъ деревенскаго «натуральнаго» гипнотизма, неизвѣстно. Только Кременьковы въ первый разъ почувствовали, что деревня, словно избушка на курьихъ ножкахъ, обернулась къ лѣсу задомъ, а къ нимъ передомъ. Значитъ, не вовсе еще томительная обыденщина высушила сердце мужика. Зоя первая обрадовалась этому открытію, простила Василію и его колдовство, и сталъ у нихъ Василій съ тѣхъ поръ за большого пріятеля.

Лаврёнъ однако не успокоился. Какъ темная тѣнь какая-то этой все растущей засухи, какъ ея мучимый жаждою духъ, онъ не могъ напоить своей мести. Онъ провѣдалъ о добромъ волшебствѣ Цыгана, но попробовалъ его «пересилить». Однажды, проснувшись вдругъ на разсвѣтѣ, Зоя увидала въ окно, какъ чья-то согнутая фигура въ саду возится близъ задняго крыльца. Мгновенная мысль о поджигателѣ мелькнула въ испуганномъ воображеніи. Зоя разбудила мужа, онъ, какъ былъ со сна,— въ садъ. Никого не нашелъ, только вѣтка куста смородины оказалась скручена въ большой узелъ. Еще что за подвохъ!—подумалъ онъ, приглядываясь: внутри узла—что такое?—торчитъ длинный, бѣлый коровій волосъ, вѣроятно изъ хвоста...

— Тьфу ты, да вѣдь это — «коровья смерть» — сказалъ онъ женѣ, глядѣвшей изъ открытаго окна: онъ вдругъ вспомнилъ этотъ сортъ мужицкой черной магіи. Но —чѣмъ бы смѣяться — онъ, со сна, съ досады, да съ хозяйскаго азарту, комично-поспѣшно развязалъ кустъ, выхватилъ волосъ и даже наступилъ на него ногой съ побѣдоноснымъ видомъ.

Зато громко разсмѣялась Зоя изъ окна.

— Смотри, Костя, поживемъ еще въ этомъ Сенькинѣ, и ты тутъ самъ, пожалуй, станешь колдуномъ. Да еще и вѣрить самъ себѣ будешь, какъ Василій съ Лаврёномъ!

Мужъ сконфуженно улыбался. Но тутъ же почувствовалъ приступъ возмущенія.

— Да, и оглупѣешь, и оглупѣешь отъ этихъ мелкихъ преслѣдованій. И все — изъ-за твоихъ этихъ пріятелей, газетчиковъ да студентовъ. Дѣлать имъ нечего, а тутъ вотъ расхлебывай... Тебѣ— смѣшно, конечно!

Зоя обидѣлась за студентовъ и газетчиковъ.

— По твоему, такъ и печатать ничего не надо. Самое лучшее—долой вовсе печать и— бей корреспондентовъ! Вотъ ты ужъ и разсуждать началъ, какъ твой Лаврёнъ.

— Само собой, гдѣ же намъ до свѣтилъ губернскаго прогресса! мы—больше о кускѣ хлѣба для семейства...

И т. д. въ этомъ же родѣ. Пошла семейная сцена между окномъ и садомъ, между мужемъ и женой въ легкихъ, утреннихъ костюмахъ. Вѣдь едва ли много исключеній изъ общаго правила нашей тѣсной, душной жизни: семейная сцена — родъ какого-то священнаго закона нашего брака, какъ и супружеская любовь, и родительскія заботы, и стряпанье щей къ обѣду. Люди могутъ очень любить другъ друга и прекрасно понимать нелѣпость своей словесной схватки, но спѣшатъ-спѣшатъ во что бы то ни стало разрядиться...

Словно навожденіе какое передалось супругамъ отъ этого коровьяго волоса, отъ этого оскорбленнаго пастуха, отъ этой сверхъ силъ терзаемой неизвѣстнымъ будущимъ деревни.

Потокъ взаимныхъ обвиненій, обидныхъ воспоминаній, нелѣпыхъ угрозъ... Кончилось, конечно, слезами Зои и отступленіемъ Кости въ свой кабинетъ. Отсюда, кое-какъ пріодѣвшись, онъ бѣжалъ чернымъ ходомъ черезъ рѣчку въ сосѣднюю рощу, принадлежавшую земскому. Попалъ въ тѣнистый оврагъ, сѣлъ тутъ на поваленную и обглоданную зайцами дочиста осинку и повторялъ безъ нужды:

— И пожалуйста, и чертъ съ вами со всѣми, и никого не прошу... Потомъ:

— У этихъ глупыхъ бабъ всегда—нервы...

Да, я долженъ признаться, онъ такъ и сказалъ: «глупыхъ бабъ». Не скрою: онъ не былъ ни лучше, ни хуже другихъ мужчинъ. Онъ только отличался способностью быстро приходить въ равновѣсіе. Тутъ успокоителемъ послужила... сыроѣжка. Сы-

роѣжка—грибъ неважный, но все же съѣдобный. Кременьковъ вдругъ замѣтилъ въ полѣ своего зрѣнія красную шляпку гриба, и мгновенная, превосходная идея: «набрать грибовъ для Зои» какъ будто сдунула все предыдущее съ его души. Онъ дѣйствительно набралъ грибовъ въ широчайшіе карманы своего сарафана, потомъ и земляники въ фуражку для маленькой Сони. Потомъ явился домой, какъ ни въ чемъ не бывало, къ утреннему чаю.

Соня была очарована земляникой, которой еще въ своей жизни никогда не ѣдала. Зоя изо всѣхъ силъ захлопотала съ грибами, хотя, вообще говоря, терпѣть не могла кухни. Миръ возстановился. О «коровьей смерти» рѣшили молчать, чтобы не перепугать на смерть Афросиньи.

Впрочемъ этотъ эпизодъ былъ и послѣднимъ въ «коровьей войнѣ», и по очень простой причинѣ: вся почти трава на паровомъ полѣ, гдѣ паслось стадо (за неимѣніемъ у крестьянъ отдѣльныхъ выгоновъ), была частью съѣдена, частью сгорѣла и была повытоптана скотиной. Пестрянку съ поросенкомъ хозяева сами перестали вовсе пускать въ стадо, пасли ихъ дома на надворной муравѣ, пока она еще сохранялась, да въ саду.

Однако этого далеко не хватало. Пришлось, наконецъ, нашему Кременькову, подъ давленіемъ обстоятельствъ, пойти съ визитомъ къ главному своему непріятелю — земскому въ его усадьбу. Лысый и тучный, одѣтый тоже въ поддевку, но изъ тонкаго, синяго сукна, взбалмошный Володенька встрѣтилъ гостя, хотя нѣсколько и съ похмелья, но милостиво. Видно было, что онъ, сенькинскій властелинъ, въ своемъ одиночествѣ, до крайности радъ посѣщенію гордаго чужака. Володенька тутъ же отдалъ за 1 рубль цѣлую большую полянку въ своей рощѣ для прокорма коровы и ни за что не хотѣлъ отпустить гостя безъ угощенья.

За стаканомъ краснаго вина онъ посвятилъ его въ тайны своего древняго родословнаго дерева, на которомъ онъ—по старшей линіи—оказывался послѣднимъ плодомъ, и сообщилъ слѣдующую цѣнную сентенцію:

— Правду вамъ сказать, тѣсно намъ, стариннымъ дворянамъ, въ рамкахъ вашей прозаической дѣйствительности. Мы вѣдь—природные люди меча, а не, тамъ, бумагъ всякихъ да торговли. Разбойничья въ насъ кровь, богатырская, а насъ запрягаютъ въ какія-то судейскія цѣпи, сажаютъ за зерцала... Чепуха все это.

Кременьковъ, главнымъ образомъ, отдѣлывался носовыми

звуками: «гм!»... «Нни-да-съ» и проч., угостился въ предѣлахъ вѣжливости и удалился. Дома же безпокойно гулялъ изъ угла въ уголъ да все отфыркивался, да отплевывался. Но какъ-никакъ враждебная сила была съ этой стороны смягчена. Для косьбы полянки договоренъ опять тотъ же, всегда досужный, Андрюха.

Укрощеніе Володеньки повело за собой любезности и со стороны старухи-барыни. Однажды, замѣтивъ изъ окна своей избы гуляющую по двору Зою, съ маленькимъ на рукахъ, она поманила ее къ себѣ и позвала на чашку чаю. Зоя, дѣлать нечего, пошла. Старая Бѣлотѣлиха жаловалась на свою горькую участь: «Жила въ хоромахъ; а нонче вотъ въ мужицкой избѣ»; жаловалась особенно на сына, хозяина усадьбы, гдѣ жили Кременьковы: «Совсѣмъ позабылъ мать; не вступится за нее; а мужичье да дѣвки ей дерзятъ. Ему что? И горя мало; служитъ себѣ экономомъ въ земской больницѣ—*что мышь въ крупѣ*»...

Тоска забрала молодую женщину отъ этихъ простаковскихъ рѣчей. Даже Горенькѣ что-то невыносимъ сталъ ядовитый звукъ голоса старухи. Онъ забормоталъ что-то сердитое на своемъ младенческомъ языкѣ и выразительно потянулся всѣмъ тѣльцемъ въ окно, на дворъ, гдѣ видны были ихъ трехцвѣтная кошка съ двумя котятами—бѣленькимъ и черненькимъ, и курица—Упастенькая съ цыплятами. Мать Гореньки собралась уходить, а барыня еще освѣдомилась: «Вотъ вы съ мужемъ люди ученые. Не знаете ли, какъ по писанію выходитъ? будутъ ли мнѣ по прежнему служить мои рабы на томъ свѣтѣ?»

Зоя съ нескрываемымъ ужасомъ отступила назадъ, поскорѣе попрощалась и чуть не бѣгомъ направилась домой. Въ первый разъ въ деревнѣ—да и въ ея жизни—и за нею въ свою очередь гнался по пятамъ какой-то суевѣрный страхъ. Вампиръ, казалось ей, не упившійся всласть кровью людской, все не хотѣлъ еще умирать здѣсь въ самомъ сердцѣ деревенскаго горя.

Бѣлотѣлиха глядѣла изъ окна вслѣдъ своей «шабренкѣ» и оборка ея чепца, одѣтаго спеціально для случая, тряслась. Но глаза ея, въ 80 съ лишнимъ лѣтъ, были такъ еще черны, такъ живы, будто она и совсѣмъ не собиралась помирать. Хоть сейчасъ еще гонять «хамовъ» на конюшню!

Зоя почувствовала, будто она погружается въ холодную, вязкую тину на днѣ жизни. Въ первый разъ молодому ея сердцу противно стало жить на свѣтѣ. Придя къ мужу и порывисто обнявъ его, она и на него успѣла навести свою тоску. Но онъ встряхнулъ своими свѣтлыми волосами и утѣшалъ ее: «Что же,

Зоюшка, мы съ тобой узнаемъ, по крайней мѣрѣ, реальную обстановку жизни. Трезвѣемъ».

Наконецъ, и съ попомъ сенькинскимъ состоялось знакомство. Кременьковы давно уже наблюдали его невзрачный бытъ, бытъ захолустнаго попика бѣднаго прихода. На огородѣ своемъ онъ часто возился въ портахъ и холщёвой рубахѣ, безъ шапки, почти ничѣмъ не отличаясь отъ рядового сенькинца. Только долгая грива, не заплетенная въ косу, досадно путалась въ попову работу. И на своемъ покосѣ онъ управлялся самъ, безъ работника. Впрочемъ, управляться было и не трудно съ травою—какъ жидкая щетинка. Попово хозяйство такъ же страдало отъ засухи, какъ и у всей деревни.

Когда его стряпуха отлучалась на село къ роднымъ, попъ одинъ оставался со своими ребятишками. Однажды его унылая, поблекшая фигура слонялась по широкой церковной площади съ полутора-годовалымъ младенцемъ на рукахъ (попадья покинула его не такъ давно). И онъ подошелъ къ забору и познакомился съ Кременьковыми. Ничего специфическаго, клерикальнаго не было ни въ его рѣчахъ, ни въ обращеніи. Онъ, вздыхая, поговорилъ лишь о хозяйствѣ, о маятѣ съ ребятишками да—«не знаете ли чѣмъ младенца лечить отъ животика»? Чистая деревенская баба... Только запойные отеки по его лицу напоминали, что въ этомъ кроткомъ существѣ живутъ и губительныя страсти. Онъ просилъ сосѣдей брать у него на прочтеніе старую «Ниву» да «Сынъ Отечества».

Въ ближайшіе дни однако попу выпала видная роль на селѣ. Каковъ бы ни былъ онъ сѣръ и немудренъ, да вѣдь онъ былъ представителемъ всеблагого Бога среди удрученнаго села Сенькина. Между тѣмъ къ этому времени засуха такъ уже обожгла кормилицу землю, что чуть не на аршинъ глубины здѣшняя супесчаная почва превратилась вся въ сухую, безотрадную пыль. Малѣйшій вѣтеръ подымалъ ее надъ преждевременно-желтыми нивами густымъ столбомъ и гналъ по всѣмъ раздорожьямъ въ видѣ игривыхъ вихрей: извѣстно, что въ центрѣ каждаго такого вихря балуется веселый «шутенокъ». Нечистой-то силѣ было весело—мужикамъ плохо. «Послѣднее приходитъ», говорили старики. И на деревнѣ шептались, что старики разъ ночью уже «молили» чернаго пѣтуха: вѣдь сенькинцы были отъ роду—идолопоклонники—мордва и лишь поколѣнія два назадъ «порусѣли». Не помогла жертва старымъ богамъ, которые уже самимъ молителямъ представлялись сродни нечистому же. Устыдились, созвали сходъ и позвали попа.

Сходъ созвали въ субботу вечеромъ у самаго жилища Кременьковыхъ, послали и за самимъ Кременьковымъ: вѣдь онъ тоже хозяинъ, и огородъ у него пропадаетъ съ тѣхъ поръ, какъ рѣчка Моча пересохла, и остались отъ нея лишь лужи поглубже: воды не натаскаешься. Но Кременьковъ, узнавъ про цѣль схода, не пошелъ. Очень огорчилъ сосѣдей.

Приговорили: завтра съ солнышкомъ идти кругомъ всей сельской межи, по солнцу, крестнымъ ходомъ, и ходить дотолѣ, пока не пошлетъ Всемилостивый тучекъ, полныхъ-полныхъ живою водицей. Разошлись, успокоенные, увѣренные. Крѣпко еще вѣрили эти люди земляные въ небесное Добро.

Въ ту ночь звѣзды глядѣли съ небесъ замѣчательно ясно, глубоко-философски. Казалось, по ихъ золотой вышивкѣ можно было прочесть всю захватывающе-прекрасную будущность людей. И въ то же время изъ-за лѣсныхъ горизонтовъ небеса перемигивались красными зарницами, словно радостно грезили о завтрашней новой жарѣ—о засухѣ, засухѣ безъ устали...

Небу было весело, землѣ тяжко.

II. Какому же богу молиться?

Въ то воскресное утро Кременьковъ какъ разъ собрался въ городъ. Косовицы кончились; назавтра ему предстояло ворочаться въ лѣсъ, а передъ тѣмъ надо было испросить дальнѣйшихъ инструкцій у кошкинскаго дядюшки. Да кстати онъ прихватилъ съ собою на воскресный базаръ и Афросинью—закупить разный провіантъ для семьи. Лошадь съ дрогами достали у Василія Цыгана, онъ же самолично и взялся отвезти; ему надо было повидаться съ сыномъ Петромъ, жившимъ въ работникахъ у исправника; больше всего поддержкою сына и держался старый Цыганъ со своею семьей.

Дочка Кременькова Соня тоже взята была въ это 12-верстное путешествіе. Съ колокольни съ разсвѣта раздавался по временамъ протяжный звонъ. Крестный ходъ, значитъ, ушелъ уже за околицу, и сторожъ церковный подкрѣплялъ молитвы «хресьянъ» пѣніемъ металла. Пока путешественники еще собирались, усаживались да прощались съ остающимися Зоей и Горенькой, со стороны площади все время слышался разговоръ нѣкоего недужнаго дяди Филиппа, стоявшаго подъ колокольней внизу,

со звонаремъ наверху (дядю Филиппа, должно быть, приставило сюда общество наблюдать за добросовѣстнымъ звономъ).

— Ну, какъ, Михайлычъ, тучки-то не посылаетъ ли Господь-отъ?

— Скать [1]) тучки-то? Тучки — скать чтой-то не видно.

Потомъ, послѣ паузы:

— А во-онъ, за лѣсомъ какъ бы словно высунуться что хочетъ.

— Высунуться, вишь?

— Да, этакъ бы, значитъ, разстилается.

— Изъ-за лѣсу?

— Изъ-за самаго и есть... Вѣрно, стелется оно. То ли-ге облачко, бѣленько, то ли—туманушкомъ бы этакъ оказывается.

— А ты, Михайлычъ, знай, звони, призывай его-то, значитъ, позвончѣй. Оно гляди и того... присунется. Ты не лѣнись, звони...

Черезъ моментъ:

— Може, косушку тебѣ подать туда для сукрѣпу-то, ась?

Ударъ колокола какой-то суровый, потомъ сухой кашель.

— Что жъ, Филя, оно-скать вѣрно: така засуха... Хемъ!.. Всю глотку вѣдь запылить можетъ.—Ударъ колокола еще строже.—Ты скать косушку-ту, Филя, ты ее... подай-ка.

Дроги тронули. Путники сквозь уличную пыль еще видали, какъ хворый Филя, спотыкаясь и тяжело дыша, тащилъ косушку на колокольню. Вотъ проѣхали и заперли за собой околицу, и лошадка затрясла рысцей. Тогда слышенъ былъ сзади новый звонъ, значительно бойчѣе, какъ будто колоколъ живѣе повѣрилъ въ тучу и обѣщался:

— Оо-ммъ! Вотъ мы е-е при-ве-демъ...

А налѣво за желтыми кудрями гороху, надъ желтыми клубами песка, надъ жаркими струями припочвеннаго воздуха, невидимыми руками неслись по полю хоругви и крестъ, и жалостное пѣніе доносилось. Словъ не было слышно, только слышенъ былъ ихъ смыслъ:

— Подай, Небушко, послѣдняя наша надежда, подай Господи—у тебя вѣдь всего много—намъ, безпомощнымъ, на эти погибающія нивы, подай намъ хоть каплю—о, хоть малую каплю—дождя!

Подай!

Ты вѣдь такъ всегда любилъ насъ!

---

[1]) Т. е. дескать или: сказать.

И мы такъ тебя просимъ! Ты вѣдь, Небушко, такъ безкрайно-велико!

Въ отвѣтъ они получали слѣпо-восторженную улыбку бога солнца, улыбку всещедро - всесожигающую. Несмотря на ранній утренній часъ, въ небѣ не было уже яркой синевы прошлыхъ дней; солнце выпило, проглотило всякую голубую влагу вверху, какъ и внизу. Небо было жарко-мутное, бѣлесоватое, словно глаза безнадежно больного, которыхъ уже не возбуждаетъ и лихоралка.

Проѣзжали рощи, гдѣ на опушкахъ деревья стояли полуобнаженныя, будто осенью, проѣзжали рѣчки и ручьи, отъ которыхъ, какъ и въ Сенькинѣ, оставались лишь кое-гдѣ стоячія лужицы—«зайцу не утопиться»; проѣзжали безъ конца грязно-бѣлесыя поля, съ торчащими, больными, худыми колосьями. Глотая клубы пыли, свѣсивъ ноги съ дрогъ, путники никакъ не могли отдѣлаться еще и отъ летучихъ враговъ—«паутовъ» (слѣпней), для которыхъ засуха оказалась истиннымъ праздникомъ. Всю почти дорогу пара этихъ огромныхъ, желтыхъ, злобныхъ мухъ осаждала лошадиный задъ, а Василій оборонялъ свою кобылку кнутомъ, и все же враги искровавили бѣднягу. Нападали они и на людей, выводя изъ себя своимъ радостнымъ гимномъ солнцу: «дззз-ззу!»... Въ сравненіи съ ними, прилипавшіе изрѣдка овода были безобидными мушками.

Наконецъ, изъ-за бугра вдругъ, будто изъ-подъ земли, показались долговязыя крылья двухъ-трехъ мельницъ, неподвижныя ради воскресенья. Внизу подъ ними предполагался городъ Кошкинъ. И вправду, онъ вдругъ вынырнулъ за поворотомъ дороги, весь скученный на днѣ невеликихъ размѣровъ ямы, которую прорѣзывала рѣчка Ерша, вся плѣшивая отъ песчаныхъ отмелей. Еле мерцая, серебрилась между плѣшинъ то тамъ, то сямъ струйка бѣгучей воды.

По мосту переѣхали рѣку и какъ-то внезапно, не успѣвъ и разглядѣть микроскопическаго городка, пріѣзжіе очутились посреди базара, посреди телѣгъ, калачныхъ и кумачныхъ лавокъ, говорливыхъ мужиковъ и бабъ, крикливыхъ телятъ и поросятъ. Маленькая Соня была внѣ себя отъ представившихся ея взору богатствъ и, восхищенная и ослѣпленная яркою пестротою бусъ, лентъ, пряниковъ, кричала: «Купи мнѣ, папа, и это купи, и это!..» Но почти въ тотъ же мигъ въѣхали въ постоялый дворъ, гдѣ и оставили телѣгу. Потомъ всѣ разошлись по дѣламъ. Соню пустили съ Афросиньей на базаръ, наказавъ нянѣ угостить дѣвочку на цѣлый пятакъ.

Кременьковъ отправился къ дядюшкѣ. Это былъ старинаго склада человѣкъ въ долгополомъ сюртукѣ, сухой и не очень краснорѣчивый. Всѣ его родственныя отношенія къ племяннику выражались лишь въ томъ, что онъ считалъ полезнымъ имѣть «свой глазокъ» въ отдаленномъ лѣсу. Зато ему и платилъ; но при этомъ желалъ ужъ каждую копейку свою получить обратно сугубымъ усердіемъ. Трудолюбіе Кременькова ему, какъ видно, нравилось, но онъ все что-то высматривалъ въ немъ изъ-подъ своихъ красныхъ вѣкъ и жидкихъ, свѣтлыхъ рѣсницъ: что-то высматривалъ, себѣ какъ бы чуждое, непокорное, лишнее—«модное», какъ обзывалъ онъ все, что не пахнетъ лишь кислымъ уѣзднымъ застоемъ.

— Ты, Костянтинъ, поглядывай... вотъ гляди, неурожай, спаси Господи, будетъ... Ты понимай, слышь, къ чему Господь это даетъ... Гляди, какъ мужикъ нынче на работу бросается... Нонѣшній базаръ сколько ко мнѣ набивалося!.. Ты это понимай... Ты гляди плату-то ему, того... придерживай... Скупись-ка ты вѣдь на плату... Онъ и такъ пойдетъ.

Константинъ молчалъ и слушалъ, только неловкость какую-то испыталъ: стоячій воротникъ поддевки, что ли, теръ ему шею, не то—отъ поту это, съ жары... Почему-то вспоминались наивно-испуганные Зоины каріе глаза, когда она вернулась отъ барыни.

Впрочемъ дядюшка одобрилъ его счеты и разсчеты и отпустилъ его съ благословеніемъ крестнымъ. Былъ онъ тайный кулугуръ (сектантъ), а въявь—усердный православный. Заднія комнаты у него были темныя, тѣсныя, по старинному обставленныя кругомъ узкими укладками и множествомъ черныхъ иконъ, передъ которыми висѣли черныя же кожаныя «лѣстовки» да еле брезжущія лампадки. И тамъ почти безвыходно, какъ въ терему, сидѣли въ заперти дядюшкины молчаливыя «бабы»: блѣдно-восковая жена да толстая старуха-мамашенька, да еще пара какихъ-то приживалокъ.

Свѣтъ и свобода весело ворвались въ душу Кременькова на улицѣ. Загроможденные возами улица и базаръ вдругъ показались необыкновенно красивы. Онъ пошелъ сперва толкаться по базару, договариваться съ подрядчиками; потомъ въ трактиръ при постояломъ дворѣ, такъ какъ тамъ условился встрѣтиться со спутниками.

Въ трактирѣ онъ нашелъ уже Афросинью съ Соней, вскорѣ пришелъ и Цыганъ въ сопровожденіи сына, веселаго и румянаго черноволосаго малаго. Оба они пришли уже сильно навеселѣ.—«Сынъ угостилъ. Ну что жъ, это ничего»—объяснялъ онъ, какъ

бы извиняясь. Извиняться же было совершенно не къ чему, ибо весь трактиръ былъ густо набитъ народомъ, столь же навеселѣ. Шелъ общій разговоръ, не разговоръ—безсвязный и разный галдежъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось бы новому человѣку. Въ дѣйствительности же, тема у всѣхъ была одна и та же: неурожай. Тутъ были и городскіе мѣщане, и крестьяне со всего уѣзда, вплоть до его отдаленной лѣсной периферіи, верстъ за сорокъ. И всѣхъ гипнотизировала одна идея: засуха.

Надо сказать, что кошкинскіе мѣщане почти ничѣмъ не выдѣлялись отъ наѣзжихъ крестьянъ. Та же боязнь голодной зимы, тѣ же упованія лишь на Небо—доброе Небо, владѣющее золотымъ замочкомъ погоды. Развѣ лишь съ виду мѣщане были немного прибористѣе. Всѣ они, въ количествѣ трехъ тысячъ, по всероссійской переписи, занимались земледѣліемъ, и городская земля была у нихъ, такъ сказать, муниципализирована, т. е. состояла въ общинномъ владѣніи и передѣлялась чрезъ каждые 12 лѣтъ. Ремесло сапожное, столярное, портняжное было у нихъ побочнымъ и невѣрнымъ заработкомъ, за скудостью кліентовъ.

Въ трактирной духотѣ, будто въ фокусѣ, сперлась, казалось, вся жаркая духота полей уѣзда. Гамъ говора, винные пары, назойливыя стаи мухъ, заразъ угнетали и раздражали непривычное чувство. Между тѣмъ потные, красные, полупьяные земледѣлы—если вслушаться въ каждый отдѣльный діалогъ,—все больше шутили... Въ одномъ мѣстѣ каркалейскіе мужики, недальніе сосѣди Сенькина, сообщали, что—молъ рожь да ячмень у нихъ—что Богъ дастъ, а сейчасъ плохи; зато гречиха такъ-то ли хороша, такъ хороша, что ужъ не выдастъ.

— Ну что жъ, это хорошо, съ кашей будемъ, утѣшалъ себя съ добродушной усмѣшкой старый каркалейскій дѣдъ.

Въ другой «бесѣдѣ», изъ другого конца, разсказывалось объ овсѣ:

— Овсы-те у насъ Богъ далъ—этакихъ-те овсовъ, братецъ ты мой, просто сказать, и у барина нашего—на что хитеръ—а не видывано. Ну, только ни тебѣ сѣномъ, ни хлѣбушкомъ, это ужъ грѣхъ сказать,—не вышло у насъ.

— Ваши гости, зовите насъ на блины, острилъ собесѣдникъ. Блины вамъ печи, вишь, выходитъ. Всю зиму вамъ—масляница.

Цыганъ съ сыномъ Петромъ и даже изрѣдка Афросинья принимали участіе въ обмѣнѣ чувствъ. Дочка Кременькова, покушавши и напившись чаю, уснула у него на колѣняхъ, держа

по большому сусальному пряннику въ каждой рукѣ. Отецъ отгонялъ отъ нея неотвязныхъ мухъ и думалъ:

— Сейчасъ на базарѣ также гудутъ и прочіе три его трактира. Сталкиваются, перетираются, роятся, словно встревоженныя пчелы, мужицкія чаянія и мнѣнія со всѣхъ угловъ уѣзда: съ черноземнаго востока и супесчанаго центра, съ глинистаго сѣвера и лѣсистаго запада, бродитъ и кристаллизуется мужицкое общественное мнѣніе. Настоящій уѣздный клубъ! А я сижу, чуждъ и одинокъ; и забочусь только о себѣ, только о себѣ, да еще о томъ, чтобы соблюсти интересъ моего дядюшки, подешевле набрать здѣсь рабочихъ и возчиковъ руды... Душно, что-то, право... Экій жаркій день!

Никогда еще не приходили въ голову Кременькову такія странныя мысли. Зудятъ въ ухо, словно тѣ же «пауты». Очень удивился конторщикъ и даже испугался.

— Что такое? Съ чего это я, право? Я зарабатываю себѣ своимъ горбомъ кусокъ хлѣба, и полно. Вѣдь не въ казенной палатѣ бездѣльничаю... Нѣтъ, ты, Василій, напрасно. Я, право, не виноватъ...

— Хо, хо, хо! смѣялся, тряся его за плечо Василій. Да ты, Иванычъ, никакъ заснулъ? Гляди, дочку уронишь. А я и то смотрю, задумался что-то нашъ Костянтинъ-отъ Иванычъ. А солнышко-то куды-ы за обѣды зашло. Пора намъ ѣхать; небось хозявушка-та дожидается, кабы не излаяла тебя-то.

И правда, пора была. Кременьковъ уже договорился обо всемъ съ подрядчиками, Василій тоже продалъ своихъ куръ и ягненка, Афросинья забрала по лавкамъ, что надо для кухни, да себѣ «французскаго ситцу» на кумачникъ и на голову новый платокъ. Дѣвочка настойчиво спрашивала: гдѣ мама? Отправились.

Проѣзжая повороть на большую дорогу, принуждены были остановиться, пропустивъ мимо себя—необычайное зрѣлище для Кошкина—три скачущихъ тройки, метнувшихъ на нихъ цѣлыя вороха пыли и унесшихся туда—по дорогѣ въ губернію.

Солидный Кременьковъ не стерпѣлъ, выругался:

— Кого это еще черти погнали?

Цыганъ ударилъ по лошади, чтобы поскорѣе выбраться на менѣе пыльное мѣсто, и сказалъ:

— Аль ты не слыхалъ? Вица-то - губернатора, знашь ты, провожаютъ. Два дня и онъ, вицъ-отъ, гостилъ, сказывалъ мнѣ сынъ мой; у нихъ-те, значитъ, у исправника-то и стоялъ. Насчетъ, слышь, неурожаю нашего, говоритъ, пріѣзжалъ, потому,

говоритъ, въ губернію-ту самъ министръ [1]) грозится побывать такъ любопытствуетъ-молъ онъ, какъ-молъ, отъ казны потребуется ли хлѣбное продовольствіе, либо нѣтъ.

— Ну что же рѣшили, не знаешь?

— Какъ не знать, вѣдь Петра-то за столомъ служилъ, все и слыхалъ. Какъ говоритъ вчерась прискакалъ съ Перкамасу-то, сейчасъ-это-за столъ (столъ-это говоритъ еще за сутки собрали, все ждали, въ печкѣ неугасимый огонь держали), ну, знамо, закусилъ порядно, выпилъ—все хорошо. И сейчасъ-это: какъ-молъ у васъ тутъ урожай этотъ будетъ? Ну, исправникъ и земскіе тутъ были, и нашъ Володенька, всѣ и говорятъ: урожай какъ быдто оказывать не оченно, не далъ молъ намъ Господь сей годъ, а только что—какъ дождикъ, такъ ужъ, какъ ни есть, а поправятся; и затѣмъ славу Богу, отъ казны ничего не потребуется,—потому (это Петра говоритъ, я такъ-таки двумя своими ушами-те и слышалъ)—потому мужику это дѣло не въ первой, а баловаться-то ему отъ казеннаго-то способія не къ чему.

— Ахъ, ты негодные какіе! отозвалась вдругъ всегда почти безучастная Афросинья. Она все время держала въ рукахъ свою покупку, новый платокъ, и не сводила съ него очарованныхъ глазъ. Платокъ былъ по ея выраженію: «земля-та зеленая, цвѣтки-те небесные», и это соединеніе повидимому скрывало для бѣдняги какую-то несказанную, символическую прелесть. Но тутъ вдругъ она словно проснулась отъ блаженнаго сна къ жесткому житейскому:

— Завидно, вишь, имъ-то на нашу-то бѣду. Сами вонъ чего лопаютъ, а хресьянамъ-те и хлѣбушка жалко. Не дастъ имъ, не дастъ за это Господь-отъ батюшка.

И даже кулачкомъ своимъ крохотнымъ постучала по дрогамъ. Желтыя, морщинистыя щечки вспыхнули ало-кирпичными пятнами. Безцвѣтные глазки блеснули.

Цыганъ обернулся на нее и усмѣхнулся. Хлопнулъ кнутомъ по лошади.

— Тебя-вотъ солдатка послать бы съ вицомъ-то разговаривать. А то молчишь все, что убитая. Чай, солдатъ вернется, ты ему страху-то задашь!

Всѣ засмѣялись.

Проѣхали мельницы, и городъ вдругъ нырнулъ въ свою яму и пропалъ. Необычайная у него была способность скрываться изъ виду на первомъ же поворотѣ. Словно слизнулъ его

---

1) Сипягинъ, объѣзжавшій тѣмъ лѣтомъ среднее Поволжье.

кто! Только мельница еще топорщила крылья, будто хвастая: «А вѣдь мнѣ онъ виденъ еще, Кошкинъ-то, городъ-то»...

— Ну, а что же вице-губернаторъ?—спросилъ конторщикъ.

— Вицъ-то? Онъ ничего, добрый баринъ, говоритъ мнѣ-ка сынъ-то. Далъ, говоритъ, мнѣ полтину за службу и «всѣмъ я говоритъ, тутъ у васъ доволенъ». А господамъ-те слово сказалъ: «будьте, говоритъ, спокойны, я и самъ сюды ѣхадши, не иначе, такъ и думалъ»—какъ они, значитъ, ему сказывали. «И наша, говоритъ, губернія есть по случаю неурожаю благополучная. Такъ-молъ и изъ Питера прописано». И скажи ты мнѣ, Иванычъ, обратился вдругъ Цыганъ къ Кременькову,—вотъ ты въ газетѣ все видишь; какъ имъ оно, значитъ, тамъ, въ Питерѣ-то то, министрамъ-то, даже напередъ все извѣстно? Книги, что ли, такія есть?

Лукавая усмѣшка выглядывала изъ глубины Цыгановыхъ усовъ и глазъ.

— Гадаютъ они больше на бобахъ,—отвѣчалъ Кременьковъ, слегка задѣтый словомъ «книги» и желая отпарировать «колдуна». Но сообщеніе Цыгана и его навело на недружелюбныя мысли. Въ «Листкѣ» онъ читалъ, что 15 губерній уже признано подверженными недороду. Здѣшняя же дѣйствительно не значилась въ ихъ числѣ. Между тѣмъ совсѣмъ не надо было быть агрономомъ, чтобы, даже проѣзжая по уѣзду въ почтовой телѣжкѣ или коляскѣ, видѣть почти уже неминучую, неотвратимую гибель полей. И Кошкинскій уѣздъ врядъ ли здѣсь былъ исключеніемъ. Что же въ тѣхъ губерніяхъ, если эта—благополучна?

Протяжный, жалостный голосъ прервалъ его размышленія. Кременьковъ оглянулся: никого не видно. Голосъ выходилъ какъ будто изъ самой груди полей. Грустный и одинокій среди молчащаго сѣро-желтаго простора, это какъ будто былъ совсѣмъ не человѣчій голосъ. Скорѣе, словно бы какой-то большой комаръ съ перерывами подавалъ свою дребезжащую и унылую ноту. И становилось отъ той ноты безотрадно на сердцѣ и безсильно.

Глядитъ Кременьковъ: Цыганъ снялъ шапку и перекрестился, за нимъ перекрестилась и Афросинья.

— Ходятъ,—тихо-таинственно сказалъ Цыганъ, и сталъ вдругъ снова похожъ на того черно-блѣднаго «добраго колдуна», какимъ видалъ его Кременьковъ, выходящаго отъ больной Пестрянки.

— Кто ходитъ? спросилъ конторщикъ, оглядываясь ослѣпленными солнцемъ глазами.

— Съ молебствіемъ ходятъ вѣдь,—напомнилъ Цыганъ.

Тогда лишь Кременьковъ увидалъ слѣва отъ дороги, за хребтомъ поля,—плывутъ будто въ невидимой лодкѣ крохотныя, казалось издали, церковныя знамена и талисманы-кресты. Невидимый хоръ пѣлъ. Это было неожиданно, ибо путники были еще далеко отъ Сенькинскихъ предѣловъ.

— Да развѣ это ваши попы здѣсь?—удивился конторщикъ,

— Каки-чай наши!—возразилъ Цыганъ. Это подгородни какіе, надо быть, черевахиньски.

— Черевахиньски и есть,—подтвердила Афросинья. Въ городу баяли ихніе-те, подымаютъ и они же сегодня образа.

Лилось и прерывалось пѣніе. Нестройность его скрадывалась широтою полей. Но слышна была, особенно когда набѣгали легкія волны вѣтерка, немалая разница отъ утренней молитвы сенькинцевъ. Замѣтна была усталость, робость, какъ будто даже—возможно ли?—недовѣріе... Черевахинцы, какъ видно, тоже съ утра бродили по жаждущей, горячей землѣ, они тоже давали обѣты—и все напрасно.

— Гдѣ же, гдѣ твое влажное милосердіе, о Небушко? Неужели же и его свѣжій ключъ усохъ, истощился?

— Не видать тучки-то... раздался тихій и сиповатый голосокъ Афросиньи. Цыганъ будто не слыхалъ, лишь бормоталъ что-то себѣ въ бороду—молитвы ли небесамъ, заклинанія ли далекимъ, чернымъ тучамъ.

— Что же дядя Василій, сказалъ Кременьковъ, какъ думаешь: помогутъ эти молебствія?

Внезапно рѣзкія черты Цыгана исказились страданіемъ. Кременьковъ замѣтилъ это, когда тотъ повернулъ къ нему свой профиль.

— Не глядитъ на насъ, не слышитъ Царь небесный. А, можетъ, и то: люди мы, господинъ, доложить тебѣ по всей по истинѣ, самые крайніе—живемъ просто на краю свѣта, подъ лѣсомъ, вотъ и забылъ онъ про кошкинскихъ-те... Цыганъ опустилъ лицо и молчалъ. И всѣ молчали.

— Что ему, право? продолжалъ Цыганъ. Мало ли у него и окромя жителевъ-те на рукахъ состоитъ? Всѣхъ ужъ никакъ не упасешь, нѣтъ, не упасешь... Взгляни-вонъ червяки эти, на дождь которые вылазютъ, вѣдь нонѣшній годъ пропали же всѣ; еще и на сѣмя-то, пожалуй, вовсе не осталось. А вѣдь тоже животная называется. Нѣтъ, куды ужъ тутъ намъ съ молебствіями! Вонъ вѣдь оно, каково накаливаетъ—ткнулъ онъ кнутовищемъ прямо въ лицо солнцу.

Было что-то похожее на бунтъ въ рѣчахъ вѣрующаго колдуна. Это былъ точно другой Василій, не тотъ кроткій, что съ глубокими вздохами вѣры въ Добро молился о «животной», о Пестрянкѣ.

— Я тебѣ вотъ про себя скажу, господинъ, вдругъ снова перемѣнилъ онъ струю разговора. 50 мнѣ годовъ ужъ, поболѣ. Живу, сказалъ бы, время-то немалое, бороду-ту эвкаку нажилъ (онъ собралъ бороду въ пукъ и съ негодованіемъ потрясъ ею), а—дуракъ дуракомъ. То есть, скажу тебѣ вотъ, какъ попу же на духу: ничего кругомъ не понимаю. Просто, дуракъ—ну такой и есть... Ты, твое здоровье, не смѣйся, что смѣешься? Вѣдь я какой былъ? Съ молоду—все за правдой, все вишь мнѣ правду эту подавай. Ну, женился. Вижу: ребята-те, что цыплята вылупливаются, а толку нѣтъ; не по правдѣ живу. Жена у меня—злющая (колдунъ вдругъ непроизвольно понизилъ голосъ и даже оглянулся), кругомъ грѣхъ одинъ... Бросилъ домъ, ушелъ этой правды искать. Ты думаешь, отъ чего у меня дворъ-отъ весь разоренъ? Отъ этого самаго. Отъ правды, значитъ. Ну, поступилъ на стеклянный заводъ въ той-то губерніи (онъ указалъ куда-то за лѣса). Ушелъ черезъ годъ: дюже жарко, работа денна-нощна, штрафъ да штрафъ, а денегъ послать домой нечего. Еще погулялъ по свѣту годика три—вернулся. Вездѣ грѣхъ и грѣхъ, нѣтъ правды. Сиди-ка Цыганъ; да рой, милый, землю-ту, не въ ей ли правда зарыта? Вотъ и живу этакъ. Кабы не сынъ нынче помогалъ, вовсе я бы всего рѣшился, а правда...

Цыганъ вдругъ остановилъ лошадь, всматриваясь изъ-подъ руки направо. Только что перевалили взгорбокъ дороги, недалека была и сенькинская межа. Кременьковъ тоже поглядѣлъ направо. Тутъ тянулась, вплоть до близкаго, внезапно обрѣзаннаго холмомъ горизонта, длинная полоса гороху. Замѣтны были тамъ и сямъ рѣдкіе стручья, изжелта-зеленоватые, еще молодые, но ужъ увядшіе. Больше ничего.

— Что ты это, дядя Василій? — спросилъ пассажиръ дрогъ.

— Вишь, озорные!..—отвѣтилъ Цыганъ. — Ужъ это, что хошь, мой-отъ Гараська занимается.

— Да кто, дядя, гдѣ?

— Да вишь—вонъ, гдѣ воробушки-те взлетываютъ. Воробьи дѣйствительно во множествѣ порхали и шуршали въ горохѣ, а въ одномъ мѣстѣ, подальше, то и дѣло испуганно шарахались кверху. Что-то тамъ ихъ пугало.

— Эй, Гараська, выходи-и-и!—закричалъ вдругъ сердито Цыганъ.

Виновное мѣсто гороха вдругъ такъ присмирѣло, что даже воробьи перестали отъ него летать. Тишина въ отвѣтъ.

Цыганъ вовсе осердился:

— Эй, Гараська, гляди-кась, приду-ка я съ кнутомъ то, узнаешь у меня по чужимъ-те горохамъ лазить! Выходь, бѣсенокъ, пока живъ!

Зашевелилось въ горохѣ. Вылѣзло оттуда цѣлыхъ два гороховыхъ существа: нельзя было даже разглядѣть, что оно такое, ибо оба были обвиты желтою ботвой, будто два живыхъ куста. Воробьи шумно снялись съ полосы, уносясь подальше. Существа прыгали по гороху и скоро прибѣжали къ дорогѣ. Гараською оказалось то изъ нихъ, у котораго изъ подъ ботвы торчали шапкою черные, какъ смоль, кудри, и ярко сверкали лукаво-испуганные черные глаза. За двумя мальчишками бѣжала еще собаченка Кутька, съ одной перебитой ногой.

— Сымай горохъ-отъ,—скомандовалъ Цыганъ.

Ребята съ явнымъ сожалѣніемъ поснимали стручковатый горохъ и бросили на полосу.

— А то вотъ увидитъ дядя Степанъ, отъ него и въ волостномъ не отдѣлаешься,—ворчалъ Гараськинъ отецъ.—Ну, теперя садись къ намъ,—прибавилъ онъ самымъ добродушнымъ тономъ.

Мальчики, уже со смѣхомъ, сѣли сзади, и дроги съ шестью пассажирами поплелись дальше. Кутька, не смотря на недостатокъ одной ноги, пребойко засѣменила бочкомъ на трехъ, у самыхъ ногъ пассажировъ.

— Ты-ка это что же, этакъ-то съ самаго солнышка тутъ-вотъ и промышляешь?—съ усмѣшкой освѣдомился Цыганъ.

— Нѣ, мы — въ картохѣ, — весело отвѣчалъ Гараська, сверкнувъ зубами и болтнувъ заразъ ногами.

— Въ земьскаго... — дѣловито прибавилъ его товарищъ, малый сухой, съ тонкою, какою-то голодною шеей. Подъ скулами у него ввалилось...

И онъ тутъ же вытащилъ изъ-за пазухи, въ горсти, пару свѣже-выкопаныхъ картошекъ, покрытыхъ землею. Пазуха вся отдувалась: тамъ былъ, видно, цѣлый запасъ. У Гараськи—тоже.

Отецъ оглянулся, поглядѣлъ, промолчалъ. А мальчишки, къ ужасу Кременькова, тутъ же запустили зубы въ сырыя картошки и принялись ихъ «хряпать».

— Дядя Василій!—воскликнулъ наивный горожанинъ,—да развѣ это можно позволять?

— Чего это?—оглянулся Василій.

— Да картофель сырой ѣсть?

Василій съ Афросиньей засмѣялись.

— Картошка-та...—силился говорить Гараська распираемымъ картошкою ртомъ,—она сладка...

Товарищъ могъ только одобрительно мотать головою.

— Эхъ, ты, ваше благородіе,—заговорилъ Цыганъ.—Не понимашь ты то, видно, у насъ, какъ есть, ничего! Ну, какъ ты ему не позволишь, коли дома-то ему ись нечего? Наши вѣдь ребятки-те, все, гляди, лѣто эдакъ, что зайцы, по полю да оврагамъ, по рощѣ смышляютъ себѣ все каку-ни-есть ѣду: корешки эти, свербичка зовутся, тоже—баранчики этаки есть, просвирки. Ѣдятъ съ богомъ, ничего.

— А намеднись мы-то—я да Гарась-отъ,—говорилъ мальчишка, одолѣвшій наконецъ свою «картошину»,—у монашекъ-ти яблукъ накрали.

— Гнались онѣ за нами съ крапивой-то,—подтвердилъ и Гарась.—Ну, убѣгли мы.

— Да вѣдь яблоки еще зеленыя, кислыя,—все еще не унимался Кременьковъ.

— Сладки...—твердили мальчуганы.

— Вона и наша церковь-та видна, — прибавилъ онъ; а наши-те хресьяна небось и по-сейчасъ по полю хороводятся. Эхъ, хе-хе... какъ бы въ заключеніе разговора сказалъ Цыганъ. Ужъ это истинно: самые мы несчастные жители, сенькинскіе. Взять бы вотъ каждаго нашего-то, да спросить: ты откудова есть?—Изъ Сенькина.—А, изъ Сенькина!—Хвать его головой-то о камень, и все тутъ. Никуда болѣ насъ ненадобно.

Жалость жгучая проникла въ крѣпкое сердце Кременькова, и, хотя лицо его посѣрѣло отъ слоя дорожной пыли, вы бы, навѣрное, прочли эту жалость, сквозь блестящіе очки, въ прекрасныхъ темно-синихъ его глазахъ. Она сидѣла, эта жалость въ тѣхъ теплыхъ блесткахъ его зрачка, которые такъ нравились всегда Зоѣ, но которыхъ значенія еще не знала ни она, ни тѣмъ болѣе ихъ обладатель. Жалость – къ однообразнымъ, давно не умывавшимся дождями небесамъ, къ рощицамъ, до времени блекнущимъ, къ обурѣваемымъ сомнѣніями деревенскимъ колдунамъ, къ «хороводамъ» на полѣ, безнадежно блуждающимъ, къ неумѣлому, заунывному пѣнію, къ прожорливымъ мальчишкамъ, къ изможденнымъ солдаткамъ. И—къ дочкѣ своей, снова уснувшей у него на колѣняхъ, на подушечкѣ, не зная того,

что и ей, можетъ быть,—жить когда-то среди этой же нищей и безвыходной обстановки.

Онъ шумно кашлянулъ, выплюнулъ черную пыль и, нахмурясь, сказалъ:

— Скорѣй поѣзжай, Василій, солнце вонъ скоро зайдетъ.

Лошадка не заставила просить себя, чуя домъ.

Когда подъѣзжали къ околицѣ, за деревней, надъ боромъ заходило красное солнце. Половина его уже погрузилась за синія сосны, но изъ другой, яркой половины гигантскіе лучи рвались побѣдоносными, безумно-радостными снопами. На огненномъ ихъ фонѣ силуэтъ околицы, силуэты избъ за околицей казались несоразмѣрно выросшими. Въ околицу бѣжало мелкое стадо, требожно блея и хрюкая. Худыя овцы и свиньи, поджарыя, тонконогія, тоже казались странно-высокими; чудныя овцы—вродѣ какихъ-то захудалыхъ кошекъ, чудныя свиньи—вродѣ собакъ.

Путники наши въѣхали въ стадо, въ густую пыль. Скорѣй промчавшись впередъ, мимо площади (сторожъ все сторожилъ тучу на колокольнѣ, но, должно быть, давно ужъ не звонилъ), поспѣшили завернуть въ ворота усадьбы.

Жена встрѣтила Кременькова съ ребенкомъ на рукахъ.

— Досадно смотрѣть,—сказалъ ей мужъ. Ходятъ, молятъ, колдуютъ. Люди земли, а отъ земли ничего добиться не умѣютъ. Вѣдь съ неба не упадетъ счастье...

Зоя отдала ребенка Афросиньѣ и хлопотала надъ проснувшейся Соней. Соня смѣшно таращила кругомъ глазки. Ей, видно, все еще грезились блескъ и богатство уѣзднаго базара. Зоя внимательно оглядывалась на мужа, чуя и видя въ немъ какую-то новую душевную работу. Василій носилъ покупки въ кухню.

— Господь-батюшка милостливый... начала Афросинья, глядя назадъ, въ поле. И не кончила. Ребенокъ торопился къ гостинцамъ, которые завидѣлъ.

Въ темнотѣ, въ 10 часовъ видно было—попы съ хоругвями вернулись. Молчаливыя тѣни отнесли грустно-опущенныя хоругви въ темную церковь. Молча расходились понурыя тѣни во мракѣ улицы.

III. 12 страстей захолустья.

На другой день Кременьковъ собрался опять въ лѣсъ, на желѣзняковыя копи. Зоѣ Николаевнѣ было какъ-то особенно грустно съ нимъ разставаться, она просила его пріѣхать поскорѣе. Но онъ не могъ вернуться ранѣе двухъ недѣль, въ субботу. Дѣти, насупившись, провожали отца. Они не одобряли этихъ непонятныхъ отлучекъ.

Въ эту ночь небосклонъ далеко на юго-западѣ зловѣще свѣтился. Вмѣсто привычнаго миганія зарницъ, это былъ ровный, тихій, медленно-разгорающійся свѣтъ и держался всю ночь. Зоя Николаевна не могла спать и все подходила къ окну. Афросинья передъ сномъ сбѣгала на деревню и принесла мнѣніе: должно быть въ сосѣдней губерніи лѣса удѣльные горятъ.

То же повторилось и на другой день. Учитель ѣздилъ въ городъ, въ управу за жалованьемъ и изъ газетъ узналъ, что дѣйствительно горятъ лѣса. Отъ страшной сухости почвы въ сосновыхъ лѣсахъ высохъ весь хвойно-мшистый покровъ, и пастухи гдѣ-то тамъ, за сотню верстъ, оставили непогасшій костеръ. И пошелъ горѣть по-низу падальникъ, обжигая и стволы и вѣтви деревъ. А лѣса вѣдь тянутся тутъ сплошною полосой чрезъ три губерніи, вплоть до матушки Волги. Можно было навѣрняка предвидѣть, что ничто не остановитъ набѣга огня на подготовленную небесами почву, пока пожаръ не дойдетъ до естественнаго своего предѣла—воды.

Зоя взволновалась, опасаясь за мужа тамъ, въ лѣсахъ. Она теперь вовсе не спала ночей, глядя на зарево лѣсного пожара, все расширявшагося. По утрамъ, невѣдомо откуда приносило на полумертвыя сенкинскіе поля длинные, блѣдные саваны какого-то сухого тумана съ запахомъ гари. Но днемъ они исчезали.

Между тѣмъ Зоя продолжала наблюдать и дѣятельность священнослужителей. Еще на другой день послѣ отъѣзда Кременькова, съ утра попъ съ дьячкомъ пошли обходомъ по деревнѣ собирать условленное вознагражденіе за труды. Долго ходили они, и слышно было, какъ у крыльца иной избы они «лаялись» съ бабами, не додававшими своей доли. Иныя вовсе не давали, несмотря на всяческія убѣжденія, даже угрозы. Никому не охота была платить расходы по неудачному предпріятію.

Къ обѣду тѣмъ не менѣе ворочались домой — попъ впереди, дьячекъ позади, у каждаго по ведру въ каждой рукѣ: въ правомъ ведрѣ—сметана, въ лѣвомъ—яйца; у попа по полному ведру того и другого, у дьячка — по полведра. Смѣшно и совѣстно было глядѣть на это шествіе, гдѣ божественнаго было ужъ слишкомъ мало. Василій-колдунъ—тотъ не бралъ ничего за «божье дѣло». Попъ впрочемъ и самъ, вѣрно, стыдился, ибо ворочалъ лицо въ сторону, проходя мимо усадьбы.

Въ слѣдующіе дни началась новая работа попамъ: «таскать» ребятишекъ на кладбище. Адская жара, «свербички», сырыя картошки не преминули оказать свое дѣйствіе и на привычные желудки деревенскихъ ребятъ. Что ни день—дѣтскіе похороны...

Глаза Зои расширялись, сердце сжималось, глядя какъ отецъ несетъ въ церковь гробикъ въ охапку, какъ мать ломаетъ руки съ причитаніемъ, ужасно похожимъ на клохтанье курицы, у которой ястребъ выхватилъ цыпленка; и сзади ребята со всего села бѣжали къ церкви, послѣ—до кладбища. Зоя съ тревогою прижимала къ сердцу своихъ маленькихъ, страшась и на ихъ личикахъ прочитать тѣнь смерти. Она бы съ охотой отдала все свое достояніе, чтобы уменьшить эти дѣтскія жертвы. Но понимала, что здѣсь не помочь ничѣмъ.

Скоро впрочемъ эти процессіи стали проще. Дѣтишки уже не сбѣгались, да и родители шли молча, даже матери не плакали. Зоя спросила однажды бабу, вчера похоронившую любимца Микишу:

— Да развѣ вамъ не жалко?

— Какъ чай не жалко, голубушка? Мать вѣдь и я тоже. Да вѣдя, знашь, и намъ-то да и ему-то легче. Развяза. Въ эдако-то люто время! Измаялись мы вовсе съ ними.

Деревня словно оглушена была скопившимися надъ ней горями. Но злой рокъ не уставалъ сыпать на нее свои непонятные сюрпризы.

Лѣсной пожаръ все также продолжалъ свѣтить каждую ночь своимъ заревомъ, но все шире и шире распространялся. Наконецъ, какъ-то урядникъ, торопливо проѣхавъ по селу, сообщилъ, что горитъ уже не дальше верстъ тридцати на полдень отъ Сенькина. Кременьковъ уѣхалъ на сѣверъ, и до него еще было далеко. При томъ же черезъ день онъ долженъ былъ уже вернуться.

Зоя полюбила гулять съ дѣтьми по направленію къ бору, за полуусохшей рѣчкой. Имъ казалось, что тамъ они ближе къ «папѣ», и, въ случаѣ чего, пожалуй, могутъ и придти къ нему

на помощь. Но въ лѣсъ не ходили: онъ былъ слишкомъ дремучъ и запущенъ, и въ немъ сейчасъ же облѣпляли васъ стаи комаровъ, и злые пауты привязывались неотвязно. Гуляли по вереску и песчанымъ холмамъ, гдѣ вмѣсто травы росли цѣлыя острова пахучихъ бѣлыхъ гвоздикъ.

Въ этотъ разъ, ворочаясь тропинкою къ дому, Зоя увидала—бредутъ навстрѣчу цѣлою вереницей мужики съ заступами на плечахъ. Всѣ одѣтые въ зипунахъ, будто въ ночное. Зоя посторонилась и рѣшилась спросить одного бородатаго:

— Куда это, дядя, идете?

Мужикъ остановился, погладилъ по головкѣ дѣвочку и съ усмѣшкой молвилъ:

— Гонитъ, вишь ты, насъ начальство воевать съ Богомъ—канавы копать, пожаръ не пускать. Ну что жъ, не нашъ грѣхъ.

— Да вы откудова?

— А черевахиньски мы, изъ-подъ городу. На насъ, слышь, это чередъ вышелъ.

Зоя еще никогда не слыхала, что, въ числѣ прочихъ тягостей, на деревняхъ лежитъ еще съ крѣпостныхъ временъ натуральная повинность — гасить лѣса. И очень удивилась, что людей «гонятъ» такъ далеко. «Харчъ» весь, конечно, свой, не казенный. Но еще больше изумлена была она, когда увидала, пройдя еще шаговъ двѣсти по тропинкѣ, согную въ три погибели старушенку, которая, туда же, старалась поспѣть за мужиками.

— Бабушка, да неужели и ты на пожаръ?

— Какъ же, какъ же, матушка,—отвѣчала старушеночка божья, крехтя и взбираясь по косогору, и упираясь, для вѣрности, кромѣ клюки въ одной рукѣ, еще и другой рукой о землю.

— Бабушка, да что же ты тамъ помочь можешь? Вѣдь тебѣ самой пособлять идти надобно.

— А не вѣдаю я, матушка моя, не знаю я этого. Сказали мнѣ: вашему двору чередъ по наряду, а коли не пойдете—штрахъ. А сынъ-отъ со внукомъ со старшимъ-то, оба ушли руду возить на заводъ. Вотъ и вышло мнѣ... да не въ мочь мнѣ, болѣзная ты моя, ужъ не чаю и добрести.

Но, боясь потерять изъ виду переднихъ, она заторопилась, заохала... Долго смотрѣла ей Зоя вслѣдъ, не вѣря глазамъ своимъ.

Въ тотъ же вечеръ Зоя ждала своего «добытчика» (какъ выражаются въ Сенькинѣ) домой. Вечеръ былъ полонъ ужаса. Весь почти горизонтъ объятъ былъ кольцомъ огня. Даже на

востокѣ, въ той сторонѣ, гдѣ днемъ глазъ не видѣлъ ничего, кромѣ безпредѣльной равнины, тамъ, за Кошкинымъ, далеко-далеко, горѣли лѣса. Невѣдомо было, что же—въ лѣсахъ, откуда ѣдетъ Костя?

Вечеръ прошелъ, ночь настала и прошла. Нѣтъ его. Женщина почти обезумѣла отъ тревоги. Съ вечера на землю палъ густой, горѣлый туманъ. Обманчивые ночные звуки поля, казалось, звенѣли сквозь туманъ то почтовыми колокольчиками, то тихимъ хохотомъ надъ надѣющейся...

Кременьковъ же дѣйствительно къ вечеру ѣхалъ домой и благополучно выѣхалъ изъ лѣсу въ поле. Возница у него былъ молодой, босоногій малый, попавшій на промыселъ изъ другихъ мѣстъ уѣзда, подальше, но знавшій по его словамъ, «усѣ-те дороги наскрозь». Верстъ за десять до дому, туманъ и темь ничего не позволяли видѣть. Кременьковъ ужъ хотѣлъ переночевать въ знакомомъ селѣ по дорогѣ, но возница увѣрилъ его, что проѣдутъ «дюже хорошо». И поѣхали. Ѣдутъ съ часъ.

— Эй, паренекъ, далеко ли еще?—спрашиваетъ послѣ долгаго дорожнаго молчанія сѣдокъ.

— Дя тутъ-то всего-то версты съ три, не болѣ должно быть,—отвѣчаетъ ямщикъ.—Да вишь ты, перекрестка-то что-то не видать. Чай, проглядѣлъ я. Надо, чай, свернуть вправо.

И свернулъ по какой-то ложбинкѣ, по покосу.

— Сюда и есть, вонъ и роща-та ихняя, надо быть, чернѣется.

Дѣйствительно показались деревья. Нашли дорогу, поѣхали рощей. Но вотъ роща все темнѣетъ да темнѣетъ, кругомъ изъ тумана выросли огромныя, густыя ели. Ямщикъ придержалъ лошадей, потомъ свернулъ влѣво. Еще того хуже: стало совсѣмъ бѣло отъ тумана, идущаго понизу, невѣдомо откуда. Ямщикъ снова свернулъ. Туманъ—дымными клубами; и вотъ—пахнуло откуда-то такимъ добрымъ, будто избянымъ тепломъ, и ѣдкая гарь закусала глаза. Волосъ сталъ дыбомъ у Кременькова. «Вѣдь ѣдемъ прямо на лѣсной пожаръ»,—сообразилъ онъ.

Ямщикъ остановился. «Не ладно дѣло, твоя милость. Прости меня, сбился я...» Между тѣмъ поздняя луна взошла гдѣ-то невидимо, и стала играть своимъ колдовскимъ свѣтомъ съ дымными призраками лѣса. Сквозь колышущуюся дымно-лунную ткань лѣсъ казался весь пересѣченъ дорогами и дорогами. Ямщикъ снова тронулся и свернулъ въ первый же поворотъ налѣво, потомъ направо, опять налѣво... Тепло пронизывало все явственнѣе ночную прохладу. Ямщикъ вовсе потерялъ голову.—

«Бѣда, твоя милость, лѣшій путаетъ...» И самъ путалъ и путалъ, безъ толку ворочая лошадей.

Кременьковъ увидалъ, что нужно спасать и себя, и этого бѣднаго малаго. Съ силою вырвалъ у него возжи и пересадилъ его назадъ, несмотря на его сопротивленіе. Потомъ постоялъ, послушалъ. Они находились теперь на довольно большой лѣсной полянкѣ. Откуда-то издалека—направленія нельзя было уловить—доходилъ легкій трескъ и гулъ. Тамъ горѣло. Поглядѣлъ на небо: тамъ было чище и яснѣе, чѣмъ внизу. Будто черезъ кисею, глядѣли частыя звѣзды.

Онъ вспомнилъ положеніе звѣздъ въ это время года и ночи. Онъ всегда любилъ этимъ заниматься. Нашелъ Полярную, Кассіопею, нашелъ направленіе Востока. Въ восточной сторонѣ, онъ зналъ, лежитъ граница этого зачарованнаго лѣса. И пустилъ лошадей шагомъ на востокъ. Ямщикъ—было слышно—бормоталъ какія-то безпомощныя слова и пристукивалъ зубами.

Еще черезъ часъ медленной ѣзды снова поpѣдѣлъ дымъ, стало прохладно. Лошади насторожили уши, сильнѣе потянули постромки. Кременьковъ рѣшилъ предоставить теперь ихъ чутью то, что началъ—мимо пугающихъ привидѣній животнаго страха—со спокойнымъ компасомъ знанія. Лошади шли по дорогѣ, сперва осторожно, потомъ скорѣй и скорѣй...

Лунный свѣтъ тамъ будто раздался, между еловыхъ стволовъ. Ели уменьшились въ ростѣ. Ямщикъ наконецъ встряхнулся, перекрестился и пересѣлъ на облучекъ.

Проѣхалъ послѣднія деревья, воткнулись прямо въ какой-то плетень и навѣсъ. Стоя еще въ тѣни лѣса, нельзя было разобрать, что тутъ. Ямщикъ спрыгнулъ и пошелъ ощупывать.

— Овинъ это. Ахъ ты, Господи-владыко, прямо къ задамъ куды-то насъ-те выперло.

— Ну, пойди, спроси кого... сказалъ Кременьковъ.

Ямщикъ вернулся вскорѣ съ какимъ-то старикомъ, не безъ робости шедшимъ къ невѣдомымъ выходцамъ изъ лѣсу.

— Каркалеи это,—сказалъ ямщикъ.

— Каркалеи!—съ изумленіемъ повторилъ сѣдокъ. Да вѣдь это 10 верстъ за Сенькинымъ!

— 10 и есть,—говорилъ старикъ, освобождая вмѣстѣ съ ямщикомъ оглобли телѣги, застрявшія въ плетнѣ.—Ну, спасъ же васъ-отъ Господь.

Выбравшись на улицу, увидали, что луна уже уходитъ за горизонтъ, а востокъ свѣтлѣетъ: было часа 3 ночи. Въ избѣ старикъ зажегъ лампочку, и тогда Кременьковъ призналъ въ немъ

того самаго каркалейскаго дѣда, что острилъ въ трактирѣ надъ своей нуждой: «съ кашей-де будемъ». Дѣдъ его тоже узналъ, оживился и принялся заботливо устраивать на ночлегъ его и ямщика, среди своихъ сонныхъ домашнихъ. Кременьковъ заключилъ изъ его оживленія, что, кажется, въ уѣздномъ клубѣ о немъ составилось довольно благопріятное мнѣніе. И тутъ же онъ заснулъ, какъ ключъ ко дну пошелъ.

На утро его разбудилъ сынъ дѣдовъ, Семенъ, здоровый, благообразный мужикъ съ рыженькой бородкой. Онъ сообщилъ, что ямщикъ еще «чуть солнышко» уѣхалъ къ себѣ домой, и платы не хотѣлъ дожидаться, а отвезетъ гостя онъ, Семенъ. «Только дай—вотъ приведетъ мой парнишка коней изъ ночного. Далеко это». Тѣмъ временемъ Семенъ снарядилъ самоваръ и, попросивъ гостя въ лѣтнюю избу, сталъ поить его чаемъ.

Кременьковъ обратилъ вниманіе, что домъ не изъ плохихъ, изба свѣтлая, уютная, вездѣ все чисто прибрано. «Казенные вѣдь мы были», пояснилъ Семенъ, въ отвѣтъ на вопросъ Кременькова: «не то, что ваше-то Сенькино, никогда въ душахъ (крѣпостными) не состояли».

И старикъ тоже подтвердилъ: «За казной вовсе даже ладно было житье; на счетъ лѣсу, примѣрно, и—и горюшка это не не знали! весь нашъ былъ, хочешь—въ печкѣ жги, хочешь—стройся. Нынѣ не то, нынѣ лѣсу-то у насъ ни сучка, все отъ казны его покупай, да вѣдь *за деньги*!»—прибавилъ онъ, съ оттѣнкомъ ужаса въ голосѣ.

Старикъ былъ уже слабъ и не работалъ въ домѣ. Семенъ былъ здѣсь настоящимъ хозяиномъ, но едва ли бы все же и ему удалось «управить» свое хозяйство и не малое семейство, если бы онъ не былъ печникомъ и маляромъ, работа котораго славилась далеко вплоть до Кошкина и даже еще за Кошкинымъ. Это дѣлало изъ него типъ, противоположный деревенскому «сидню», типъ мужика бывалаго по свѣту, предпріимчиваго. Онъ даже бралъ случайные подряды отъ прасоловъ по доставкѣ на парѣ своихъ лошадей разнаго мѣстнаго кустарнаго издѣлія (веревки, гвоздей) въ «губернію». Къ тому же былъ грамотенъ. За чаемъ онъ удивилъ Кременькова:

— Нѣтъ, братъ, не въ томъ мужицкая бѣда, что дождя нѣту, а въ томъ бѣда: мозговъ-те нѣту. Чего они примѣрно въ земствѣ смыслютъ? Земство, говоритъ,—это подати отдавай, и все тутъ. А того не возьметъ въ разсчетъ, что земство-то—*народное есть избраніе*! Ты, братъ, ухватись за него всѣмъ-то народомъ—будетъ тебѣ и дождь, и хлѣбъ, и что хошь.

Кременьковъ разсмѣяся надъ этой твердой вѣрой въ земство. Но Семенъ ни мало не смущаясь, прибавилъ и еще:

— Помѣщикъ тутъ есть одинъ, Селиверстовъ, почитай, вовсе лишенный ума, а добрый баринъ. Книжки мнѣ даетъ, книгъ у него полонъ ротъ. Газетъ тоже много получаетъ, но отъ газетъ, говоритъ, все злое на свѣтѣ (чудакъ такой); такъ онъ всякій день, что почта приходитъ, до обѣда сидитъ да все ихъ рветъ, газеты-то, все рветъ на полоски, потомъ на клочки, пока всего не изорветъ. Да что, полуумный... А одна книжка отъ него есть у меня—такъ ужъ книжка! Читалъ я ее три раза, а все...

Семенъ перебилъ самъ себя, порылся въ какомъ-то укромномъ уголкѣ и вытащилъ сильно растрепанную книжку безъ переплета. Съ торжествомъ поднесъ ее Кременькову:

— Господинъ Кулишъ сочинялъ. «Черная рада» зовется.

Глаза Семена свѣтились, щеки весело зарумянились. «Ахъ, книжка»! повторялъ онъ. «Вотъ ежели-бъ намъ, чернымъ мужикамъ, этакъ же, по-хохлацкому, по-казацкому, позвать бы всѣхъ самыхъ главныхъ къ отвѣту: какъ вы-ка нашимъ государствомъ блюдете? Давайте-ка намъ сюда всѣ отчеты, да, гляди, безъ утайки!»

Кременьковъ молчалъ, пораженный. Во-1-хъ Кулиша онъ не читалъ, да, правду сказать, про него и не слыхивалъ. Во-2-хъ, онъ встрѣтился съ явленіемъ, существованія котораго онъ прежде рѣшительно не допускалъ: живымъ интересомъ къ политическимъ вопросамъ среди неподдѣльной мужицкой глуши. Онъ вѣдь всегда былъ увѣренъ, что такіе вопросы—искусственное созданіе людей, не занятыхъ существенною работой, людей отвлеченныхъ, кабинетныхъ, т. е. близкихъ родственниковъ той же канцелярской бюрократіи. А тутъ...

— Кони-те, батюшка, стоятъ запряжены,—прервалъ его размышленія 17-лѣтній сынъ Семена, заглянувъ въ избу.

Тутъ Кременьковъ вдругъ сразу ярко вспомнилъ о семьѣ, о женѣ, о безпокойствѣ, которое они, навѣрное, переживаютъ по поводу его отсутствія, и заторопился. Скоро они съ Семеномъ уже ѣхали чистымъ полемъ по дорогѣ къ Сенькину. «Чистымъ полемъ», но поля они совсѣмъ не видѣли. Въ сплошномъ молочномъ туманѣ рисовался лишь тотъ обрывокъ дороги, которымъ они сейчасъ ѣхали, и только опытность Семена не позволяла имъ снова сбиться въ сторону.

Семенъ съ передка все продолжалъ излагать свои политическія идеи: должно быть, радъ былъ «понимающему» слушателю, и немного, видно, ихъ ему здѣсь попадалось.

— Нѣтъ, ты посмотри вотъ, какой вѣдь у насъ народъ,— говорилъ Семенъ. Вотъ тебѣ парнишка, который тебя-то къ намъ привезъ: говоритъ, господинъ этотъ (это, значитъ, ты) есть колдунъ. Лѣшему говоритъ даже глаза отвелъ, по звѣздамъ знаетъ, оттого и изъ лѣсу мы-молъ спаслись. Вѣдь оттого онъ и не повезъ тебя далѣ-то. Испугался-вишь. А я, видишь ли, вотъ какъ думаю: на счетъ звѣздъ, тамъ, мнѣ неизвѣстно, а только вижу, что не оставилъ ты своего разума въ лѣсу, натянулъ ты его крѣпко, какъ возжею,—вотъ и понялъ, какъ выбраться. Такъ бы оно и съ народомъ... Неурожай тутъ, зимой обязательно заголодаемъ, сколько люду перемретъ, что скотины растеряемъ! А мы—пѣтуховъ молимъ, тучу съ колокольни звонимъ. Братцы вы мои, голубчики! Разуму вы своему помолитеся, вѣдь много ихъ, разумовъ-то, у всего у народа. Соберите вы всѣ свои умы-то вмѣстѣ—да тогда вотъ ужъ хоть и зазвоните. Эхъ, горе мое!..

Городской человѣкъ слушалъ и—учился. И когда въѣзжали въ Сенькино, мимо первыхъ полуразваленныхъ, крытыхъ дерномъ землянокъ, сосредоточившихся на этомъ концѣ села, Кременьковъ, какъ кажется, былъ уже далеко не прежнихъ мнѣній о превратныхъ идеяхъ «студентовъ и газетчиковъ». Не то, чтобы онъ пересталъ нѣсколько свысока относиться къ извѣстнымъ ему экземплярамъ этой породы, но именно *идеи* ихъ представлялись ему теперь словно старыми знакомыми, его собственными. И, приближаясь къ дому, онъ въ то же время ощущалъ не безъ удовольствія, что и внутри себя онъ чрезвычайно приблизился къ своей Зоѣ.

Пріѣздъ домой былъ похожъ на тріумфъ побѣдителя. Жена, дѣти, Афросинья встрѣчали его, словно съ того свѣта вернувшагося. А когда стало извѣстно, какъ онъ плуталъ по горящему лѣсу, то и сосѣди приходили поглядѣть на него и подивиться. Пожаръ уже и здѣсь былъ такъ близокъ, что дыханіе перехватывало, и солнце багровымъ фонаремъ едва рисовалось въ небѣ—словно въ затменіе.

Хозяйство маленькое, оказалось, тоже сошло почти на нѣтъ. Огородъ давно не поливался, сами пили не воду—какой-то бурый настой. Все въ саду посохло. И Чушка, и Пестрянка исхудали, какъ отъ нехватки пищи, такъ и отъ моральныхъ причинъ—тоски по стаду. Кременьковъ, глядя на все это, чувствовалъ, что желчь у него пролилась на сердце. Зоя же только животныхъ жалѣла. И супруги уже подумывали, какъ бы перебраться въ городъ.

Въ это время прибавились еще новыя напасти. Отъ неза-

памятной сухости пошли по уѣзду пожары деревень. Сперва приходили вѣсти о пожарѣ издалека, потомъ среди обычнаго ночного отсвѣта горизонта вырывалось снопомъ близкое, яркое и красивое зарево, или же въ недалекомъ селѣ звонила колокольня и сенькинцы бѣжали спасать тамошнихъ родныхъ.

Кременьковъ не ворочался въ лѣсъ, ожидая, пока тамъ «прогоритъ». И вотъ, въ одну скверную ночь, загорѣлось въ концѣ Сенькина. Едва Кременьковъ проснулся и поспѣшно одѣлся,—уже горѣла половина села вплоть до площади. Въ окно слышны были отчаянные вопли и плачъ, заглушаемые буйнымъ шумомъ пламени. Видно было, какъ попъ, простоволосый, метался вокругъ огня своего дома бросаясь къ огню и отскакивая.

Кременьковъ тоже побѣжалъ на пожаръ. Жена съ Афросиньей, захвативъ дѣтей и бумаги, поспѣшили въ садъ. «Пусть горитъ наше все, говорила Зоя, ничего не жалко». Кременьковъ до утра спасалъ мужицкіе «потроха»: укладки съ приданымъ деревенскихъ невѣстъ, разную старую одежду, сбрую. Мужики же больше всего хлопотали о скотинѣ.

Нечего было и думать гасить огонь. Самъ погасъ. Дошелъ до площади, не хватило силъ перебраться «черезъ», и остановился. Погорѣльцы кучами, семьями, безъ силъ и безъ словъ, сидѣли посреди широкой улицы противъ своихъ пепелищъ. Другіе съ уцѣлѣвшаго конца какъ-то безтолково толпились возлѣ и недоумѣло утѣшали. Попъ съ ребятами, оборванный и обгорѣлый, не зналъ, куда ткнуться. Кременьковъ увелъ ихъ и помѣстилъ въ волостномъ правленіи. Потомъ развели и остальныхъ, кого куда, по роднымъ, по сватьямъ.

Кременьковъ, тоже закопченный и обожженый, былъ мраченъ, какъ лѣсъ. Жена его глядѣла на все помертвѣлыми глазами. Сидѣть въ этой, караемой небесами за грѣхи—чьи?—деревнѣ стало положительно невыносимо. Въ городъ—одно оставалось. Сперва Кременьковъ самъ туда поѣхалъ, чтобы сыскать квартиру и снова къ дядюшкѣ на отчетъ.

Дядюшка на сей разъ отчетомъ остался очень недоволенъ. Какъ? Его конторщикъ платитъ за день копки руды рабочему съ лошадью по рублю,—когда среди этого моря несчастій пойдутъ за шесть гривенъ, а то и за полтинникъ?.. Въ плохую минуту Кременьковъ затѣялъ этотъ отчетъ. Чувствуя еще боль отъ ожеговъ, нося еще запахъ пожара въ своихъ волосахъ, далеко не забывъ жалобнаго напѣва гибнущихъ полей,—онъ не способенъ былъ, сколь ни былъ самъ крѣпокъ сердцемъ, войти въ «хозяйственный» строй дядюшкиныхъ мыслей.

— Міроѣды вы!—крикнулъ онъ весьма несдержанно и для себя совсѣмъ нечаянно. Дядюшка, человѣкъ старый и хворый, покачнулся на ногахъ отъ страху и воздѣлъ руки ко многочисленнымъ образамъ, украшавшимъ стѣны, будто утопая и хватаясь за единственно вѣрный предметъ. Но онъ такъ ничего и не понялъ, когда племянникъ, задыхаясь и не глядя въ его благочестивое лицо, попросилъ немедленнаго разсчета.

— Христосъ съ тобой, голубчикъ мой, Христосъ съ тобой,— твердилъ онъ растерянно. Но разсчиталъ тутъ же довольно исправно и даже съ утаеніемъ 1 рубля 50 копеекъ.

Трудно было отставному конторщику уплатить долги и выѣхать за 300 верстъ съ семьей на полученныя деньги. Онъ распродалъ кое-что изъ имущества, продалъ поросенка и любезную Пестрянку, но сколоченной суммы все еще не хватало на переѣздъ. Пришлось написать друзьямъ и ожидать ихъ помощи. Когда Пестрянка уходила со двора, уводимая новымъ хозяиномъ, городскимъ мясникомъ, вся семья провожала ее словно человѣка. Дѣвочка плакала о своей вѣрной кормилицѣ, самъ Кременьковъ чувствовалъ: мясникъ уводитъ что-то навсегда изъ его жизни, что-то до сихъ поръ—первое, что-то коренное въ немъ, наслѣдственное. Онъ вышелъ за ворота поглядѣть и сказалъ: «Прощай, Пестрянушка».

Но Пестрянка, увы, даже не оглянулась. Коровамъ недоступна тонкая чувствительность царя природы. А прочемъ—вѣдь она уходила къ мяснику.

Дней за пять передъ отъѣздомъ Кременьковымъ пришлось еще повидать окончаніе засухи. Къ этому времени лѣсной пожаръ ушелъ уже куда-то подальше, и во дворѣ и въ полѣ стало сравнительно сносно дышать; только солнце все еще оставалось такимъ же раскаленно-туманнымъ пятномъ. Кременьковы пошли всей семьей погулять въ рощу въ послѣдній разъ. И не замѣтили за деревьями, что собрались съ запада черныя тучи—такія именно, о какихъ давно молили сенькинцы,—и давно уже погромыхиваетъ дальній громъ. Когда оглядѣлись, ужъ полъ неба было одѣто громадными, словно горы, быстро выбѣгающими изъ-за лѣса, красно-освѣщенными, облаками. Особенно одно—неслось, будто туго-надутый парусъ, и развертывалось, заслоняя всѣ другія. Отъ него, чувствовалось, шла струя холоднаго вѣтра, все крѣпчающаго. Было страшно глядѣть на это облако.

Кременьковъ взялъ дѣтей на обѣ руки, и онъ съ женой быстро пошли къ дому. Послѣ двухъ мѣсяцевъ жаровъ (было

уже начало августа) можно было бояться большого дождя... Страшное облако уже опускало свои разметавшіяся бахромы надъ рощей и надъ селомъ. Сразу какъ-то заметались черезъ все темное небо дико-яркія молніи, холодный вихръ заревѣлъ по рощѣ, и полился ливень, и загрохоталъ тяжелый громъ.

Бѣжали уже полемъ, когда вдругъ неслыханно-бѣшенный взрывъ ослѣпилъ, оглушилъ ихъ и пригвоздилъ къ мѣсту, чуть не свалилъ на землю. Зоя, дрожа, ухватилась за мужа, дѣти спрятали личики подъ одежду отца. Почудилось, что прямо на Сенькино спустился широкій потокъ огня и пожралъ все. Когда дали себѣ отчетъ, что всѣ цѣлы, побѣжали дальше. Подъ аккомпаниментъ другихъ такихъ же ударовъ добѣжали до дому, мокрые, какъ утопленники. Афросинью нашли забившеюся на кухонную печь, почти безъ сознанія.

Гроза разразилась такая, какія знаетъ лишь россійская равнина, да еще развѣ тропики. Словно обезумѣвшее божество вдругъ вырвалось изъ долгаго плѣна и рѣшило вылить на міръ заразъ всю накопленную злобу. Все небо будто шаталось и рвалось въ судорогахъ, и по немъ тяжко и яростно прыгали колоссальныя тѣни. Рѣки воды лились на землю, забывшую давно, что такое влага. Безполезныя теперь уже рѣки...

Съ горестнымъ недоумѣніемъ прятался сенькинецъ въ свою убогую хижину. Что тамъ приключилося въ небѣ? Перемѣшались всѣ шестерни и валы мірового порядка? Прорвало плотину божественнаго мірозданія?.. До утра ревѣла погода. На утро въ одной изъ землянокъ на краю села хватились «бабочки», ушедшей въ самую грозу загонять теленка съ поля; поискали—поискали, нашли лежащую въ полѣ, убитую молніей. Ее убилъ какъ разъ тотъ первый ударъ, что такъ напугалъ Кременьковыхъ. И лежала она лишь шагахъ въ 300 отъ мѣста, гдѣ они въ тотъ моментъ проходили.

Волостное начальство сейчасъ же приставило къ ней стражу, запретивъ трогать впредь до пріѣзда полиціи. Вся деревня перебывала у ея тѣла, съ ужасомъ дивясь силѣ небесной злобы и оставляя на погребеніе мѣдныя копейки—послѣднія—на землѣ рядомъ съ покойницей. Пошелъ поглядѣть и Кременьковъ. Ужасенъ былъ видъ ея. Молнія содрала съ нея платокъ, волосы съ головною кожей, рубаху и, сжегши въ уголь лицо, спустила кожу съ груди вплоть до пояса. Лапти и посошекъ, бывшій у нея въ рукѣ, растерзаны были въ мелкіе дребезги и разметаны, на двадцать саженъ кругомъ. Молнія вошла въ землю рядомъ, двумя дырами, такими глубокими, что палка Кременькова не достала дна.

На лицахъ деревни Кременьковъ видѣлъ что-то нехорошее. Искоса посматривали люди другъ на друга, стараясь, повидимому, и не могши скрыть другъ отъ друга, дикихъ, новыхъ идей. «А вѣдь какая славная была бабочка-та», шептались иные: «добрая да тихая». Это послѣднее проявленіе нелѣпаго, непонятнаго ожесточенія со стороны неба словно доканчивало собою образъ, навязывавшійся каждому вѣрующему сенькинцу всею этою засухой, этой смертью всего растущаго, этими пожарами по всему горизонту, словно наканунѣ Страшнаго суда...

Кременьковъ угадывалъ слѣды этого душевнаго процесса на всѣхъ встрѣчныхъ лицахъ,—у кого острѣй и сознательнѣй, у кого блѣднѣе, но, можетъ быть глубже. У Афросиньи разладъ души выразился тѣмъ, что она вдругъ стала настойчиво проситься ѣхать съ Кременьковыми въ «губернію». «Ужъ опостылѣло мнѣ все здѣсь-то, такъ-то опостылѣло—глаза бы не глядѣли». Желаніе бѣгства отъ родного мѣста такъ странно искажало ея мелкія морщинки! Но желаніе это не могло получить удовлетворенія. Уже хозяева согласились взять ее, уже она хлопотала въ волостномъ о паспортѣ, какъ вдругъ (по доносу старухи-барыни) грозный Володенька рѣшительно заявилъ, что онъ не позволитъ мужней женѣ отлучаться такъ далеко. Кременьковъ научилъ родителей Афросиньи, хлопотавшимъ за нее у земскаго, сослаться на сенатскій указъ о свободѣ отдѣльныхъ паспортовъ для женъ—Володенька объявилъ, что «въ его участкѣ» этотъ указъ не имѣетъ дѣйствія. Тѣмъ и кончились хлопоты.

Бродили и створаживались слабые «хресьянскіе» мозги. А дальнѣйшія вѣсти будто нарочно подбавляли хмелю въ броженіе. Врачъ, пріѣзжавшій на вскрытіе, сообщилъ, что въ уѣздѣ за три дня грозы, она 3 дня бушевала съ равной силой, всего было убито 17 человѣкъ: убитъ отецъ шести ребятъ, у которыхъ мать умерла; ребенокъ на рукахъ у матери и проч.

Замѣчательно: тѣ люди, что составляли тогда диспозиціи, вычеркивавшія голодъ изъ той или иной губерніи, совершенно просмотрѣли это броженіе деревенской души, деревенской *вѣры*, совершавшееся тогда въ весьма широкихъ размѣрахъ. А вѣдь оно-то и дало себя знать въ слѣдующіе годы.

Кременьковы же близко видали и слыхали происходящее. Вотъ отчего ночью, наканунѣ отъѣзда, они не могли уснуть и въ постели вели тихій и тревожный разговоръ. Константинъ говорилъ:

— Зоя, я вижу фактъ неоспоримый: на глазахъ нашихъ готова погибнуть наша родина. Надо забыть о постройкѣ для

себя своего маленькаго уюта. Все равно онъ, недоконченный, развалится. Можно работать только для спасенія всего народа. Можно только за это бороться.

— Ты правъ, Костя. Я и сама тебѣ вѣдь такъ говорила, только доказать не умѣла. Теперь же мы оба убѣдились ясно. Но слушай, милый: а дѣти-то какъ же будутъ?

— О, Зоя, это такой вопросъ! Что я могу сказать тебѣ? Ты знаешь сама. Я же знаю только одно: если наши дѣтки не выдержатъ нашей новой жизни, ну что-жъ, вѣдь все равно, во всеобщей бѣдѣ, и безъ того никто не можетъ быть увѣренъ въ своемъ сохраненіи. Я буду защищать ихъ, я буду учить ихъ: останутся цѣлы, докончатъ наше дѣло, коли мы не успѣемъ.

Зоя тихо плакала, припавъ къ нему на грудь.

— Не плачь же, Зоинька, будь умница. Слушай лучше меня: клянусь впередъ каждую мысль отдать только для нашего дѣла.

Кременьковы рѣдко клянутся. Быть можетъ, разъ въ жизни. Зато, давши слово, держатся.

Твердо и спокойно готовили они все окончательно къ отъѣзду. За часъ до отъѣзда — дѣло было утромъ—пришла къ нимъ на дворъ толпа мужиковъ. Между ними—добрый колдунъ Василій.

— Что вы, хозяева?—спросилъ Кременьковъ.

— Погорѣлые мы всѣ, уходимъ въ губернію побираться; а черные его кудри и борода крѣпко посѣдѣли и были все еще опалены, глаза же—опухли и покраснѣли и отъ огня, и отъ горькихъ слезъ.—Прощаться съ тобой, Иванычъ, хотимъ и съ твоей бабой. Поглядѣли мы на васъ,—добрые вы люди, простые, ну,—приведетъ ли Богъ-отъ свидѣться?... Простите и прощайте, ты и твое семейство!

— Простите и прощайте!—молвили и другіе, всѣ съ котомками за плечами, всѣ съ клюками въ рукахъ, всѣ заплаканные и какіе-то торжественно-печальные.

До глубины души тронуты были мужъ и жена этимъ прощаніемъ. Все безграничное горе деревни словно само пришло прощаться и навѣки запечатлѣть себя въ ихъ душѣ. Со всѣми они перецѣловались, всѣмъ тискали руки и пожелали успѣха. Дали имъ на дорогу рубль серебра—все, что могли дать.

Черезъ часъ сами уѣхали на почтовыхъ.

А. Дивильковскій.

УТѢШЕНІЕ НОЧИ.

(Изъ Людвига Якобовскаго).

I.

Нѣжною, мягкой рукою
Ночь прикоснулась ко мнѣ:
«Спи, золотистой толпою
Грезы слетятся во снѣ!»
Гладитъ печальныя очи:
«Полно, не плачь, дорогой...»
Шепотъ спасительной ночи
Сладокъ больному душой.
Шелкъ ея пышнаго платья
Слышу опять въ полуснѣ...
Сладостны ночи объятья,
Радостно грезится мнѣ...

II.

Она сходитъ ко мнѣ и подарки даритъ —
Лучезарные сны, незабвенные сны...
Въ волосахъ у нея дорогой хризолитъ,
Мнѣ милѣе она ароматной весны.
Но когда я тоскую и плачу порой,
И гнететъ мою грудь устрашающій мракъ,
Она сыплетъ влюбленною блѣдной рукой
На лицо мое сонный, цѣлительный макъ...

Анатолій Доброхотовъ.

ЛѢСНЫЯ МОГИЛЫ.

(Изъ жизни финскихъ кирковщиковъ).

I.

Все лѣса и лѣса. Нѣтъ имъ конца.

Когда всходишь на холмъ—они раскидываются во всѣ стороны сине-лиловымъ моремъ и верхушки елей вздымаются въ небѣ какъ зубчатыя мачты огромныхъ шкунъ, спустившихъ зеленые паруса. Когда спускаешься внизъ—со всѣхъ сторонъ наступаютъ деревья, тѣснятся могучей ратью, обдаютъ терпкимъ запахомъ хвои и листьевъ. А между частыми стволами вьются одинокія песочныя дороги, бѣлѣютъ круглыя поляны, поросшія пуховыми цвѣтами, и лежатъ торфяныя болота, гдѣ подъ сѣро-зелеными кочками упруго таится маслянистая, никогда не убывающая вода и скользятъ струйки потайныхъ ручьевъ, блестя змѣиной чешуей.

И въ лѣсахъ тихо и важно, въ лѣсахъ глухо, развѣ только, иногда, сливаясь съ ударами дятла, прозвучитъ вдалекѣ топоръ дровосѣка, прозвенятъ колокольцы пасущихся коровъ, да бѣлка на-лету хрустнетъ вѣткой.

Если свернуть съ большого почтоваго тракта Серкьярви и пройти мимо имѣнія Ванилла, съ его богатыми дачами и тѣнистыми парками, то выйдешь на старую полевую дорогу, ведущую къ озеру. Она будетъ подниматься все дальше, все въ гору, между сѣрыми заборами и кружевными рябинами, мимо корявыхъ ольховыхъ рощицъ и бѣдныхъ полей, на которыхъ въ печальной и короткой радости цвѣтетъ клеверъ и дикая, смуглая гвоздика, пахнущая на зарѣ такъ нѣжно и сладко. А когда до-

рога упрется въ синее небо и въ бѣлыя облака,—увидишь деревню. На крутомъ берегу стоитъ она и смотритъ на озеро, а озеро лежитъ передъ ней, какъ сказка, которую можно слушать каждый день и все по новому. И оттого, что сказка такъ красива, маленькая деревушка кажется праздничной, хотя сама она бѣдна, какъ человѣкъ, едва прикрывшій наготу свою, и такъ одинока, точно, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ на краю свѣта. Кругомъ одни камни: крѣпколобые, упрямые, похожіе на черепа допотопныхъ чудовищъ. Ихъ не стоитъ сдвигать и взрывать, потому, что ихъ здѣсь слишкомъ много; такъ и лежатъ они отъ вѣка до вѣка, а мимо все проносятъ покойниковъ въ далекую церковь; когда свѣтитъ солнце дѣти взбираются на самыя большія глыбы, и тогда кажется, что на мертвомъ гранитѣ расцвѣтаютъ голубые и розовые цвѣты.

Дѣтей въ нагорной деревнѣ много: гдѣ бѣдность, тамъ и дѣти, такъ устроилъ Господь, ибо: «несущему да удвоится ноша». А земли мало: въ каждомъ дворѣ хватаетъ мѣста лишь на то, чтобы посадить двѣ, три грядки картофеля, да немножко овса, да мѣру брюквы. Коровъ угоняютъ въ чужіе лѣса на пастбище, а чахлыя покорныя овцы щиплютъ траву на придорожныхъ канавахъ. Значитъ, нужно искать работы, а вотъ это самое трудное. По близости нѣтъ фабрикъ, нѣтъ желѣзныхъ дорогъ и большихъ городовъ. Остаются озера и лѣса. Если они перестанутъ кормить, придется заколотить досчатые дома, запереть двери и бросить насиженное мѣсто, какъ пчелы бросаютъ опустѣвшій улей, потому что сѣрые камни не сжалятся; даже, если мимо нихъ пронесутъ всю деревню, они не сдвинутся съ мѣста и не обратятся въ черную землю.

Но пока есть въ озерѣ рыба, а въ лѣсахъ годные на корчевку деревья—можно жить и надѣяться на свои руки.

II.

Каждый день Микко и Петеръ уходятъ на работу, въ казенные лѣса. А день начинается рано. Еще клубятся надъ озеромъ, свиваясь и развиваясь бѣлымъ дымомъ, ночные туманы, еще на томъ берегу влажны и темны чащи, еще тяжелы травы отъ росы и чутко спитъ въ оградахъ прилегшій на зарѣ скотъ, когда Микко поднимается съ скрипучей досчатой постели, надѣваетъ поверхъ фланелевой рубахи синюю блузу, пропитанную запахомъ торфа и пота, стягиваетъ покрѣпче ременной поясъ и

просовываетъ ноги въ тяжелые старые сапоги съ оттопыренными голенищами. Плохо слушаются руки: болятъ и ноютъ на нихъ, въ этотъ ранній часъ, всѣ мозоли; плохо разгибается, точно перешибленная, поясница; слипаются вѣки и голова не работаетъ совсѣмъ: заснуть бы еще только часокъ; уткнуться лицомъ въ теплую подушку, натянуть повыше одѣяло, чтобы свѣтъ не билъ въ лицо и опять погрузиться въ темную глубокую воду! Отъ одной этой мысли сладкая зѣвота сводитъ челюсти Микко, но еще упрямѣй натягиваетъ онъ голенища и рыжіе усы его сердито сдвигаются, какъ у таракана: сегодня часокъ, завтра часокъ, а тамъ, гляди, и совсѣмъ не встанешь. Что разъ заведено, то заведено и должно идти, не останавливаясь, какъ машина. Разъ, два, три и баста.

И уже совсѣмъ стряхнувъ съ себя проклятую тяжесть, Микко пригибается къ окну: еще рано будить Петера, край солнца не вышелъ и только розовая дымчатая полоса загорѣлась надъ зубчатою каймой лѣса. Вотъ, сейчасъ Микко зажжетъ огонь, благо щепа наготовлена съ вечера; намажетъ пожирнѣй масломъ два куска хлѣба и, когда кофе закипитъ, разбудитъ парня. Конечно, туго ему приходится, но что же дѣлать! Въ его годы Микко тоже ходилъ кирковать и тоже спалъ по дорогѣ, качался на ногахъ, какъ отъ вѣтра, а потомъ ничего, привыкъ, обломался. Когда нибудь начинать нужно. Отъ отцовскаго ремесла никуда не уйдешь! Только здоровьемъ и ростомъ не вышелъ Петеръ: въ шестнадцать лѣтъ онъ, Микко, былъ молодцемъ: у него кирка не плясала въ рукахъ и послѣ второго дерева онъ не ложился на землю. А Петеръ?.. Да—Петеръ!

Вынимая чашки изъ шкапа, Микко озабоченно смотритъ на сына. Мальчикъ лежитъ навзничь на лавкѣ, гдѣ ему стелютъ на ночь постель.

Въ мутномъ и блекломъ полусвѣтѣ лицо его, съ раскрытымъ ртомъ и заостреннымъ носомъ, кажется совсѣмъ сѣрымъ; безпорядочными прядями прилипли бѣлокурые волосы къ впалымъ вискамъ и свѣсившіяся руки длинны и тонки, какъ слабая хворостинка.

И Микко чувствуетъ, какъ вдругъ у него начинаетъ першить въ горлѣ и тоскливо сосать гдѣ то, тамъ, подъ сердцемъ. Да! Не крѣпкаго сына родила ему Каролина. Правду говорилъ отецъ:

— «Смотри, Михайло! Что лошадь, что жену нужно выбирать по росту. На маленькой кобылѣ далеко не уѣдешь!..» Ну, старикъ зналъ, что говорилъ... Всю жизнь Каролинѣ было

тяжело мѣсить хлѣбы и рожать дѣтей... Но, что же дѣлать? Они честно прожили тридцать лѣтъ, и прошлаго не вернуть... Конечно, лучше было бы взять кузнецовскую Марью, но кто же зналъ?!. У Каролины были такіе красивые голубые глаза, и такіе пышные золотые волосы; она такъ звонко пѣла и хорошо училась въ школѣ... Они не думали, что всю жизнь проживутъ въ бѣдности. Виноваты дѣти... Не слѣдовало совсѣмъ имѣть ребятъ... Но что же дѣлать, когда они родятся?!. Съ самаго начала, въ первые годы у нихъ родилось двое, теперь старшему было бы двадцать шесть лѣтъ!..

Рука Микко съ кофейникомъ внезапно опускается, глаза изъ-подъ мшистыхъ бровей смотрятъ туда, гдѣ за свѣтлымъ квадратомъ окна плывутъ предъутренніе туманы. Словно, вдругъ, гуще они стали: не проглянуть... И украдкой, что то смахнувъ съ рѣсницъ, Микко бережно достаетъ съ полки кофе... Что можетъ быть лучше чашки крѣпкаго кофе утромъ! Лавочникъ Тюопаненъ честный человѣкъ, онъ отпускаетъ хорошій товаръ: вонъ, какъ запахло на всю комнату!.. Да, были бы теперь сыновья большіе, какъ деревья въ лѣсу: крѣпкіе, видные. Но у каждаго послѣдній часъ вписанъ въ книгу живота. Тѣ—большіе, дружные—умерли:—Пекко поранилъ себѣ палецъ пилой, и когда позвали доктора было уже поздно: въ страшныхъ мученіяхъ, въ жару и бреду умеръ онъ. Отъ ржавой пилы! Отъ глупой, никому не нужной вещи! А на слѣдующее лѣто преставился Эллисъ. Этого свалила лихорадка, болотная невѣста, что такъ любитъ молодыхъ парней... Старые, корявые «пойки» вродѣ Микко, ей не нужны; она выбираетъ тѣхъ, кто покрасивѣе, да постройнѣй. Во время самой жары, когда усталый кирковщикъ ложится отдохнуть на землю и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ, она выползаетъ изъ чащи и впивается въ его губы своими желтыми зубами и жадно пьетъ горячую кровь. Сначала ничего не почувствуетъ человѣкъ, а когда вскочитъ на ноги, то начинаетъ дрожать, точно его окатили изъ ведра ледяной водой. Ну, а потомъ, къ вечеру у него начинаютъ блестѣть глаза и щеки румянятся, какъ у пьянаго. Невѣста добрая, вино ея крѣпкое: сначала веселитъ, а потомъ съ ногъ валитъ. И ужъ кто ей полюбится, того она не легко отпускаетъ, держитъ цѣпко, какъ трава болотная: виситъ на шеѣ цѣлый день свинцовой тяжестью и оттого у парня кирка валится изъ рукъ, подкашиваются ноги и болитъ поясница; а ночью, вмѣстѣ съ туманомъ, она вползаетъ въ избу черезъ самыя маленькія щели и пробирается подъ одѣяло. Она приноситъ съ собой раскаленные угли, острыя иглы, ледяные

саваны и пытаетъ человѣка до самаго утра, а когда онъ проснется, лицо его бѣлѣе мѣла и вокругъ глазъ спаяны черные круги. По этимъ кругамъ-кольцамъ узнаютъ жениховъ страшной невѣсты... Уходятъ съ каждымъ днемъ силы, и въ концѣ концовъ парень становится слабѣе самаго маленькаго ребенка, слабѣе срѣзанной травы. Нѣкоторые оправляются, а другіе... Много ихъ лежитъ въ старой киркѣ подъ черными крестами, не перечесть! Да... Старшіе умерли, остались вотъ эти: молодая поросль; опять цѣлая тройка. Вѣдь, нельзя же уйти отъ нихъ на край свѣта или спрятаться въ лѣсъ. Они, какъ птенцы раскрываютъ рты и просятъ пропитанія и близки, и больны, какъ свое собственное тѣло. Если Микко и Петеръ сложатъ руки—зимой въ очагѣ не будетъ дровъ, Тюопаненъ перестанетъ отпускать кофе и мальчишкамъ не въ чемъ будетъ ходить въ школу. Нужно, значитъ—баста! И, рѣшительно звякнувъ кофейникомъ, Микко подходитъ къ сыну.

— Петеръ, вставай, пора! Ужъ солнце на дворѣ, Петеръ!

И, какъ бы подтверждая эти слова, изъ-за крутого берега по ту сторону озера взлетаютъ первыя золотыя стрѣлы, вонзаются въ круторунныя облака и облака обливаются пышно-алой кровью. Червонно-золотая пыль дрожитъ на стеклѣ окна и окрашиваетъ щеки Петера страннымъ румянцемъ. Съ минуту, совсѣмъ пьяный, сидитъ мальчикъ на лавкѣ и клонится весь, какъ хмель безъ тычины, и силится раскрыть тяжелыя, слипшіяся вѣки. Но Петеръ послушный парень. Покорно встаетъ онъ, натягиваетъ куртку, застегиваетъ пуговицы, плещетъ себѣ въ лицо холодной водой. А потомъ, молча, съ отцемъ они пьютъ горячій кофе, подтягиваютъ ремни и, взявъ сумки съ провизіей и инструментомъ, выходятъ изъ дому.

III.

Разъ, два... разъ, два... Четко и гулко гремятъ тяжелые сапоги по твердой дорогѣ, убѣгающей бѣлой змѣей къ темнымъ лѣсамъ. Такъ шагаютъ они—старый и малый, а за спинами ихъ серебрянными лунами сверкаютъ лезвія отточенныхъ кирокъ, за поясами синѣетъ сталь острыхъ топоровъ и большая пила, какъ зеркало, отражаетъ алое утро, издавая при каждомъ движеніи Микко легкій, веселый звонъ.

А воздухъ крѣпокъ и свѣжъ, какъ та ключевая вода, что рождаясь въ глубинѣ лѣсныхъ чащъ, звонкой струей бьетъ у

мшистыхъ корней старыхъ сосенъ. Да, воздухъ не хлѣбъ, за который нужно платить и которымъ бѣдному человѣка до-сыта никогда все равно не наѣсться. Этимъ воздухомъ можно надышаться вволю. И Микко дышетъ, широко расправляя грудь, втягивая въ себя, какъ вино пряные и терпкіе запахи утра. Цвѣтетъ на поляхъ сѣрая рожь, на лугахъ кашка и клеверъ, тимофеевка и ромашка; цвѣтетъ между сѣрыхъ камней цѣпкая дикая малина и у заборовъ молодая жимолость; съ озера тянетъ чуть-чуть прѣлымъ запахомъ камыша и водорослей, а изъ нѣдръ лѣсовъ влажной волной доносится дыханіе хвои и вереска, сладкая гарь болотъ.

— Ну, прибавь шагу, Петеръ. Не вѣшай головы. Развѣ такъ долженъ идти парень въ твои годы? Въ твои годы я выходилъ и приходилъ съ пѣсней и откладывалъ четыре километра въ часъ. Проснись, мальчикъ! Въ гробу наспимся!

На минуту расправляетъ парень спину, встряхиваетъ сумкой, перекладываетъ съ плеча на плечо кирку и звонче отбиваетъ ногами: разъ, два... Но опять черезъ минуту сѣрой блѣдностью подергиваются его щеки, низко склоняется лицо, и ноги устало загребаютъ тонкую, бѣлую пыль. Нѣтъ, не радуетъ его этотъ воздухъ: острыми, холодными иглами ранитъ его тщедушное тѣло, пробирается по хребту медленными струйками, заставляя дрожать всѣми внутренностями. Онъ туманитъ голову и застилаетъ глаза. Петеру кажется, что надъ полями и озеромъ, надъ далекими лѣсами, всюду на облакахъ и травѣ лежитъ черно-багряная тусклая пелена, влажная и липкая, какъ вода болотъ; отъ сладкаго запаха гари подступаетъ къ горлу тошнота и точно далеко-далеко гудятъ колокола.

Но не идти нельзя, нельзя не передвигать ногъ. И тупо глядя на блестящіе гвозди отцовскихъ каблуковъ, Петеръ съ трудомъ тащитъ свои тяжелые сапоги и слушаетъ, какъ гдѣ-то поютъ невидимые, густые колокола, точно въ киркѣ... Но нѣтъ, кирка далеко и это не звонъ маленькаго колокола, веселый какъ пѣснь жаворонка. А, можетъ быть, то вѣтеръ гуляетъ по верхушкамъ сосенъ? Но утро на диво тихое—значитъ это тамъ внутри, въ головѣ, точно шумитъ и переливается темная вода, затыкаетъ уши, стоитъ передъ глазами. Да, что-то съ головой неладно у Петера, съ самой весны, съ того самаго времени, какъ стаялъ снѣгъ и прошли первые ручьи; да и къ рукамъ точно привязаны тяжелые камни, такъ опустилъ бы ихъ и не поднималъ весь день... Вчера дѣвушки смѣялись надъ нимъ. Собрались всѣ у воротъ барскаго двора и танцы завели; сначала къ

нему подходили, и въ кругъ тащили, зазывали, а потомъ дразнить стали...

— Петеръ боится, ворота упадутъ—вотъ онъ ихъ и подпираетъ. Смотри Петеръ въ землю не врости!.. И гармонія была, и Эдвардъ, сынъ лавочника всѣхъ лимонадомъ угощалъ, а ему не было ни чуточки весело, ни даже, вотъ, ни капельки... Ничего ему не нужно! Не нужны ни дѣвушки, ни танцы... Вотъ только бы пить каждый день лимонадъ... Красный, сладкій, прохладный лимонадъ... Малиновый, припасть бы къ стакану и глотать безъ конца. Сухимъ языкомъ Петеръ обводитъ потрескавшіяся губы. Ахъ, какъ мучаетъ эта проклятая жажда, точно тамъ внутри насыпанъ горячій песокъ и не залить его никакой водой.

Сегодня во снѣ онъ ледъ грызъ, чистый, крѣпкій синій ледъ и хорошо было, прохладно, а потомъ ледъ стекломъ сталъ, и стекло изрѣзало ему глотку и десны... И большая Улла снилась... вчера она дразнила его вмѣстѣ съ другими и танцовала лучше всѣхъ, сверкая своими синими глазами, а ночью пришла въ одной рубашкѣ и лицо у нея было зеленое, какъ трава на болотѣ; схвативъ Петера, она стала кружиться съ нимъ, пока у него не занялся духъ... Отчего сны стали такіе страшные?!..

Убѣгаетъ бѣлой змѣей дорога, медленно отходятъ назадъ красные столбы съ дощечками километровъ и озеро остается вправо. Высокой стѣнкой надвигается лѣсъ, весь еще влажный, весь полный ночными тѣнями и, какъ изъ глубины соленаго моря, тянетъ изъ чащи его извѣчной прохладой. Вотъ, сейчасъ, распахнутся зеленыя чащи и поглотятъ кирковщиковъ со всѣми ихъ думами и заботами.

IV.

Жжетъ солнце! Оно стоитъ надъ болотомъ въ самой серединѣ неба и пышетъ огнемъ, словно раскаленная до бѣла печь. А кругомъ лѣсъ сомкнулся кольцомъ и загородилъ дорогу всѣмъ четыремъ вѣтрамъ. Теперь болото похоже на огромный котелъ, въ которомъ бурлятъ и вскипаютъ душные пары. Разопрѣли кочки и, если запустить руку въ торфъ—онъ горячѣе губки, насыщенной кипяткомъ.

И каждая лужа, каждый пластъ перепрѣвшей земли выдыхаютъ, какъ ротъ мертвеца, сырой, приторный запахъ гнили.

Съ кирковщиковъ давно сошелъ первый потъ, тотъ, что

бѣжитъ ручьями по лицу, пропитываетъ насквозь одежду и холодитъ тѣло; теперь выступилъ второй; скудный, липкій, онъ точно вываривается изъ костей и они становятся мягче вареныхъ хрящей. Но Микко и Петеръ упрямо машутъ кирками. Когда они заносятъ ихъ вверхъ—имъ кажется, что промежъ лопатокъ вонзаются два острыхъ гвоздя; боль идетъ внизъ по ребрамъ, до самаго пупка, и сбѣгается тамъ тяжелымъ колющимъ комкомъ; когда, напряженіемъ всѣхъ мускуловъ, они отрываютъ корневища—что-то хруститъ въ поясницѣ и отдается жгучей ломотой въ колѣняхъ. Но это ничего, эти тупыя, привычныя, гдѣ-то тамъ внутри таящіяся боли—ихъ можно забыть на минуту, а вотъ проклятая сонливость: если поддаться ей, она свалитъ ударомъ дубины по головѣ, прямо на сырой, гніющій торфъ, сядетъ на грудь и будетъ крѣпко держать, пока изъ болота не выползетъ лихорадка. Нѣтъ, нѣтъ! Лучше перетерпѣть часокъ другой, пока не спадетъ жара, пока не перестанутъ бродить болота: тогда пройдетъ сонъ и кончится проклятое колдовство.

— Ну-ка, Петеръ! Возьмемся за ту большую ель, прикончимъ съ ней, а тогда можно и закусить! Вонъ какая красавица! Раскинула зеленыя лапищи, макушку къ самому небу вынесла, какъ колокольню тонкострунную... Стоитъ нарядная, вся въ шишкахъ наливныхъ, точно свѣчами и яблоками къ Рождеству разубранная, стоитъ и видитъ все окрестъ: озера, поле и дороги.. А радость ея уже кончена: и человѣку и звѣрю, каждому дереву и злаку, на землѣ растущему, вписанъ послѣдній часъ въ книгу живота... Заходи, Петеръ!...»

Разставивъ ноги и плюнувъ въ ладони, Микко рѣшительно поднимаетъ топоръ и р...разъ! вонзается острая сталь въ самую древисину, наноситъ первый глубокій порѣзъ: обнажается бѣлосочащаяся рана, и отъ жестокости ударовъ стонетъ дерево грозно и глухо... У-ухъ! отдается въ груди и Микко, какъ будто тамъ разлетается что-то въ щепки.

Работаетъ и Петеръ, обрубая корни, тугіе и скрученные, какъ якорные канаты. А, когда дерево надсѣчено, оба берутся за пилу. Ручка у нея, отполированная временемъ, чище костяной, зубья—острые, щучьи; она разомъ запускаетъ ихъ глубоко въ живую влажную рану и медленно въѣдается въ самую сердцевину, туда, гдѣ таятся соки. Кирковщики чувствуютъ, какъ зыбкой дрожью колеблется дерево, содрогается отъ корней до самой макушки. Въ смятеньи колышатся вѣтки, точно хотятъ убѣжать и не могутъ... Замираютъ и ждутъ.

Ударъ плеча! Одно колебаніе, одно мгновеніе...

И, вдругъ, все быстрѣе дерево падаетъ, несется въ черную, бездонную пропасть.

А-ахъ!.. Точно упавшій съ кручи въ озеро камень—шумный всплескъ нарушаетъ тишину болотъ.

Стремительный воздухъ шевелитъ волосы кирковщиковъ. Они отбѣгаютъ назадъ и стоятъ, и смотрятъ на то, что за минуту передъ тѣмъ было деревомъ, а теперь годно лишь на то, чтобы распилить на дрова... Гулкими, частыми ударами бьется сердце, колѣни подгибаются и грудь работаетъ чаще кузнечныхъ мѣховъ. Свалить такое чудище—не легко: можно и отдохнуть.

Путаясь отяжелѣвшими ногами въ цѣпкомъ верескѣ, хлюпая по кочкамъ, Микко и Петеръ идутъ на опушку ольховой рощицы, гдѣ земля посуше и трава помягче. Тамъ лежатъ ихъ сумки, а въ сумкахъ обѣдъ. Пять часовъ поработали они почти безъ передышки, и желудки пусты какъ мѣшки, изъ которыхъ высыпали муку... Зубы сжимаются, готовые разорвать быка, но въ котомкахъ, какъ всегда, припасено только кислое молоко и хлѣбъ съ масломъ. Ополоснувъ руки, вытеревъ потные лбы, Микко и Петеръ чинно садятся за ѣду. Для того, кто наработался за день, ѣда—отдыхъ, ѣда—радость, дающая минуты успокоенія. Пока челюсти медлительно и равномѣрно пережевываютъ хрусткій хлѣбъ, а въ желудокъ, пріятно наполняя его, спускается кисленькая жижа—полное успокоеніе охватываетъ утомленные члены и разливается по тѣлу сладкой истомой.

Но Петеръ ѣстъ сегодня плохо, нехотя, точно каждый глотокъ доставляетъ ему боль: плетьми повисли руки и мутные тусклые глаза уперлись въ землю—не сдвинутся.

— Ты что же не ѣшь, пойка *)?

— Не хочется! Жарко!

Языкъ ворочается у него тяжелый, вялый, какъ будто съ каждымъ словомъ прилипая къ пересохшей гортани.

— Дай мнѣ куртку, отецъ, я прилягу!..

— Не засни, смотри!..

— Нѣтъ!

И положивъ куртку подъ голову, Петеръ ложится на спину, прикрывъ лицо картузомъ, чтобы комары не кусали. Жадные и назойливые, они такъ и липнутъ къ человѣческому поту.

Ну, пусть заснетъ парень! Какъ только солнце пойдетъ на убыль, Микко разбудитъ его, не пропуститъ!

О, Господи, силы небесныя, какъ припекаетъ! Быть грозѣ!

*) Юноша, мальчикъ.

Щуря глаза, Микко смотритъ на небо, туда, гдѣ изъ-за черно-зеленаго полукруга лѣса, въ пыльной, какъ асфальтъ, лазури набѣгаютъ и сбиваются въ гряды такіе же пыльныя, бѣлесыя облака.

Какъ первыя чайки—буревѣстницы набѣгаютъ они откуда то издалека и несутъ тревогу...

А хорошо бы дождику! Картофель у всѣхъ пересохъ, да и овсы не идутъ.

Медлительно доставъ трубку, Микко выколачиваетъ ее объ носокъ сапога, потомъ высѣкаетъ огонь и съ полнымъ удовольствіемъ втягиваетъ въ себя острую струю махорки. Баловство—табакъ, а все—никакъ не отстанешь. Закуривши—мысли какъ то сразу проясняются, пойдутъ своей чередой, одна къ одной. Только можно подумать за трубкой, а то недосугъ: чтобъ думать, нужно время; другую мысль бываетъ тяжелѣй перевернуть, чѣмъ камень, а другая засядетъ въ головѣ такъ, что ее не выбить коломъ. А подумать есть о чемъ; еще бы! Во первыхъ о коровѣ. Безъ коровы дольше обойтись невозможно:. корова напоитъ, накормитъ и навозу дастъ; навозъ будетъ, можно брюкву посадить, свинью завести. А со свиньей не пропадешь, это уже дѣло сдѣланное; если весной купить—къ Рождеству зарѣзать можно; буженины и сала хватитъ на всю зиму... Въ Холмсѣ поросята продаются—пятерка штука—можно парочку купить, приплодъ будетъ... Всѣ морщины на лицѣ Микко расплываются, стягиваютъ глаза въ узкую щель; губа, сосущая трубку, совсѣмъ отвисаетъ.

— Котухъ можно будетъ устроить у самаго дома: зимой только тепла прибавится, а помои нужно-бы покупать въ Ваниллѣ, на барскомъ дворѣ... Корова—она, пожалуй дорогонька, не справишься, а свиней хоть сейчасъ покупай. Пора, очень пора понемножку своимъ хозяйствомъ обзаводиться, не весь вѣкъ кирковать! Много онъ повалилъ этого лѣсу, не перечесть. Тамъ, гдѣ онъ, Микко, прошелъ со своей киркой—пахарь можетъ пустить плугъ, на мѣстѣ вязкихъ топкихъ болотъ, на мѣстѣ корявыхъ елей могутъ зрѣть тучные колосья... Да, много чужихъ полей очистилъ онъ своими руками, много далъ хлѣба другимъ, а у самого изба стоитъ голой сиротой среди камней и обдуваютъ ее со всѣхъ сторонъ вѣтры... Вотъ о чемъ не любитъ думать Микко. Отъ этихъ мыслей въ немъ поднимается такая горечь, точно въ сердцѣ выростаетъ горькая, тошная полынь. Микко не носитъ въ петлицѣ красной гвоздики, онъ, вообще не носитъ никакихъ цвѣтовъ: для этого онъ слишкомъ старъ и осто-

роженъ, но, ей Богу, правы тѣ, которые говорятъ, что если бы всѣми полями и лѣсами владѣлъ народъ, то была бы земля раздѣлана, какъ райскій садъ и не было бы въ странѣ голытьбы, которой приходится проклинать своихъ дѣтей, только за то, что они родились...

Ну, да, вотъ, когда выростетъ Эллисъ... то бишь, Петеръ, они съ Каролиной уйдутъ на покой, заарендуютъ гдѣ нибудь по сосѣдству кусочекъ земли и сдѣлаются настоящими торпарями: будетъ у нихъ и рожь, и капуста, пышная, какъ лопухъ, и крупный, дробный овесъ... Пусть-ка тогда приходитъ колючая, трескучая зима, пусть-ка ударитъ клюкой о стѣны: не пробить ей во вѣкъ толстыхъ бревенъ, не забраться въ крѣпкій домъ, что сложилъ Микко Пайю съ сыновьями... Трехъ сыновей родила ему Каролина—молодецъ къ молодцу: всѣ статные, сильные, голубоглазые... Пекка, Эллисъ, Петеръ... Пусть-ка горе попробуетъ зайти на дворъ стараго кирковщика, они свалятъ его, да посмѣются: иди, горе, гулять въ темные лѣса, а насъ оставь въ сторонѣ!.. Да...

Уже давно выпала погасшая трубка изъ ослабѣвшей руки и низко опустилась плѣшивая голова къ колѣнамъ... Тишина кругомъ: птица не шевельнетъ крыломъ, бѣлка не хрустнетъ вѣткой. Только все быстрѣй, все гуще сбѣгаются бѣлесыя облака и уже то не облака, а дымно-грозная, набухающая синевой туча—устремляющая жало свое къ солнцу. И уже тревожно кивають вверху кресты елей, а внизу испуганно припадаютъ, колышатся бѣлые пуховые цвѣты. Гдѣ-то въ чащѣ лѣса—глухо и смутно—нарождается ропотъ, точно изъ устъ въ уста летитъ странная, жуткая вѣсть. И тусклымъ, мутнымъ, раскаленнымъ окомъ смотритъ солнце на душное болото, съ вывороченными пнями, съ мертвыми деревьями, поваленными въ душную, вязкую топь, на которой такіе же мертвые отъ усталости спятъ измученные, обезсиленные люди.

Хочетъ Микко поднять голову, открыть пудовыя вѣки и не можетъ... Хочетъ крикнуть, пошевелить рукой и только слабо топорщитъ корявые, мозолистые пальцы.

Близко, совсѣмъ близко что-то стоитъ, шепчетъ въ самые уши, вздыхаетъ, наполняетъ грудь смертельной тоской...

И, вдругъ, совсѣмъ ясно, точно съ тѣхъ поръ не прошло пяти долгихъ лѣтъ,—Микко видитъ передъ собой Эллиса. И отъ радости, отъ бурной внезапной радости сердце начинаетъ биться, какъ сумасшедшее, и между плотно сжатыми вѣками выступаютъ острыя, жгучія слезинки... Точно! Это Эллисъ: на немъ голубая фланелевая рубашка и сѣрая фуражка сдвинута

на глаза. Онъ лежитъ, запрокинувшись навзничь въ траву, и тихонько посмѣивается изъ-подъ тонкихъ бѣлокурыхъ усовъ.

«Ну, здравствуй, Эллисъ!—говоритъ Микко, тщетно стараясь набрать воздухъ полной грудью.—Ты, что же того... значитъ, пришелъ помочь намъ? Это хорошо, Эллисъ; за это спасибо!...» Откашлянувшись, Микко ждетъ, что скажетъ Эллисъ, но тотъ загадочно молчитъ и только,—Микко видитъ совсѣмъ ясно,—шевелятся усы и правая сторона лица, не закрытая фуражкой, скашивается улыбкой...

Теперь Микко успѣваетъ разглядѣть и сапоги, торчащія изъ травы, и сѣрые панталоны, тѣ, новые, которые Эллисъ сшилъ себѣ къ Троицѣ и въ которыхъ его хоронили...—Гм... хоронили... Ну, да, снесли въ кирку, въ чистомъ, бѣломъ сосновомъ гробу и опустили въ могилу; на три метра, не глубже, и вода стояла уже на четверть... мѣсто тамъ сырое, низкое... Ну, вотъ почему и штаны, и сапоги Эллиса покрыты этой липкой, рыжей грязью...

— Ты-бы, того, почистился, Эллисъ!—хочетъ сказать Микко и не можетъ выдавить изъ себя ни слова... А издалека, то наростая, то уходя и затихая, явственно доносится протяжный женскій плачъ. Такъ плакала Каролина, когда сравняли могилу. Она сѣла на свѣжую землю, сняла свой бѣлый платокъ и—всегда такая тихая, молчаливая—вдругъ завыла.—Что же выть? Развѣ она не знаетъ, что сынъ вернулся? Вотъ, сейчасъ Микко встанетъ, разбудитъ его и вмѣстѣ они пойдутъ по звонкой дорогѣ домой. Пусть Каролина готовитъ окуневую похлебку и пироги съ картофелемъ. Слышишь, Каролина, сынъ вернулся!

— Того, братъ, вставай!—говоритъ Микко, и ждетъ...

Но такъ же загадочно молчитъ Эллисъ и, шатаясь, какъ пьяный, вростая съ каждымъ шагомъ въ землю, Микко идетъ къ сыну. А съ нимъ идетъ весь лѣсъ, всѣ деревья; колышется и зыблется все топкое болото, опускаясь внизъ медленнымъ кругообразнымъ движеніемъ... И уже не одинъ, а цѣлый хоръ голосовъ плачетъ и воетъ въ ушахъ, какъ огромный погребальный органъ.

— Охъ, бѣжимъ, Эллисъ! Бѣжимъ, сынокъ! Не лежи, родной, на землѣ,—въ гробу наспимся.

— Не могу, отецъ.

— Почему?

— Посмотри на мои руки: видишь, изъ нихъ трава растетъ? посмотри на ноги: на нихъ пудовая мокрая глина... Развѣ ты не видишь, что черви источили мои глаза?

...Холодѣя отъ ужаса, наклоняется Микко надъ сыномъ и видитъ: вмѣсто улыбки—кишащіе черви, вмѣсто синихъ глазъ—зловѣщія, темныя дырья... Глубоко въ могилѣ, въ лѣсной топкой могилѣ, лежитъ Эллисъ и не встать ему изъ нея никогда... А гдѣ-то раздается стонъ, протяжный, жалобный, тягучій. И не знаетъ Микко, кто стонетъ: лѣсъ-ли, мертвецъ-ли или его задыхающаяся, стѣсненная грудь... А стонъ ближе, яснѣй, прерываемый грознымъ грохотомъ, похожимъ на рычаніе.

— Ой!..

Полоснуло, точно ножемъ, рвануло за сердце. Сразу, какъ упавшая лошадь, вскочилъ Микко на ноги.

Стоитъ, дико озирается отъ дикаго сна, набѣжавшій вѣтеръ поднялъ дыбомъ сѣдыя космы, пахнулъ въ лицо кислой гарью болотъ... Шумитъ лѣсъ грозно, раскачивая верхушками, какъ мачтами, и въ черно-лиловомъ небѣ ухаютъ медленные, глубокіе удары...

— Ой, отецъ, умираю!..

Какъ то дерево, въ которое съ размаху вонзается топоръ, Микко вздрагиваетъ съ головы до пятъ, стоитъ, смотритъ и не вѣритъ...

Не Эллисъ, а Петеръ, сидитъ прислонившись къ березкѣ и рветъ скрюченными пальцами воротъ и глядитъ передъ собой ничего невидящими, страшными глазами. А губы посинѣли, точно вымазанныя черникой, и между полосой оскаленныхъ зубовъ бьетъ бѣлая пѣна...

— Господи, Матерь Божія... Отче нашъ...—шепчетъ Микко и охватываетъ сына руками, чтобы унять, остановить эту жестокую дрожь, эти судороги, сводящія тщедушное тѣло. Съ кѣмъ-то борется онъ, кого-то отталкиваетъ въ смертельномъ ужасѣ, кого-то силится и не можетъ одолѣть.

Но она сильнѣй—проклятая, болотная вѣдьма, зеленая сатана съ ядовитыми зубами! Какъ проглядѣлъ ты, старый пойка, старая каналья, старая никому ненужная кляча? Какъ могъ ты заснуть, негодяй, когда она не спитъ и караулитъ свою добычу, точно хорекъ птицу. И чувствуетъ Микко, какъ у груди его, у его сердца холодѣетъ тѣло сына, какъ нѣмѣютъ сведенные истомой члены.

Вотъ, лежитъ онъ болѣе слабый, чѣмъ трупъ зяблика, и часами будетъ продолжаться это забытье, и неоткуда ждать помощи человѣческой, потому что кругомъ одни болота и нѣмыя деревья,—лѣсныя могилы, въ которыхъ замираетъ живой крикъ. Никого кругомъ, ни души, одинъ Онъ тамъ на небѣ.

Не вставая съ колѣнъ, Микко поднимаетъ голову и смотритъ въ черно-сѣдое небо: мечутся тамъ, клубясь и свиваясь, грозныя волны, рычитъ громъ—свирѣпо и глухо.

...Если Онъ есть тамъ на небѣ, то пусть будетъ милосерднѣе, немного милосерднѣе къ нему, Микко Пайю. Вѣдь кто-же нибудь долженъ оглянуться на него, кто нибудь долженъ оглянуться на бѣдныхъ людей! Не можетъ Онъ взять у Микко послѣдняго сына... Пусть лучше беретъ его самаго, старую, изношенную ветошь... Изъ рукъ Эллиса ростетъ трава и черви выѣдаютъ его молодые глаза, не можетъ же онъ, отецъ, снести третьяго сына въ могилу! Его, Господина всемогущаго, Отца небесъ, проситъ Микко! Его, сущаго на небесахъ и на землѣ...

И какъ подрубленное дерево, валится Микко на траву, лежитъ и бьется плѣшивой головой о корни и сучья: «если Онъ есть тамъ—пусть сжалится!»...

А надъ гремящимъ, какъ бурное море, лѣсомъ дико и вольно, черными парусами рвутся тучи, изъ края въ край валами ходитъ громъ и острыя, блѣдныя молніи чертятъ въ бездонности облачныхъ пропастей таинственныя, жестокія письмена.

. . . . . .

Уже слышится издалека идущій дождевой шквалъ, глухо барабанитъ, крупный и холодный, какъ градъ.

И схватывается Микко съ колѣнъ, издаетъ звѣриный крикъ и съ размаху поднимаетъ сына съ земли.

Взваливаетъ Петера, свѣсившаго блѣдную голову на бокъ, словно подстрѣленная птица, взваливаетъ сына на плечи и подгибаясь подъ его тяжестью, увязая между кочекъ, бѣжитъ въ темноту лѣса, вспыхивающую короткимъ синимъ пламенемъ...

К. и О. Ковальскіе.

ВТОРАЯ РЕСТАВРАЦІЯ БУРБОНОВЪ И „БЕЗПОДОБНАЯ“ ПАЛАТА. [1])

Первый періодъ второй реставраціи Бурбоновъ во Франціи ознаменовался бурной роялистической реакціей. Во время первой реставраціи большинство роялистовъ соглашалось мириться съ нѣкоторыми уступками духу времени; но возвращеніе Наполеона съ о. Эльбы, разрушившее возстановленную монархію Бурбоновъ, какъ карточный домикъ, и завершившееся разгромомъ французской арміи при Ватерлоо, озлобило ихъ до послѣдней крайности. Какъ только бѣжавшая отъ Наполеона Королевская династія вернулась во Францію, они громко стали требовать при-

1) Главными источниками для настоящей статьи послужили отчеты о засѣданіяхъ «безподобной» палаты, напечатанные въ Archives Parlementaires Мавидаля и Лорана, періодическая печать и брошюры, современныя излагаемымъ событіямъ, и неизданная административная переписка за 1815—1816 гг., хранящаяся въ парижскомъ національномъ архивѣ. Нѣкоторыя любопытныя данныя для характеристики періода роялистической реакціи даютъ въ своихъ мемуарахъ Vitrolles, Villèle, Pasquier, Guizot, Barante, Broglie и другіе современники. Изъ общихъ трудовъ по исторіи реставраціи особое вниманіе «безподобной» палатѣ удѣляютъ Vaulabelle (Histoire de deux Restaurations) и Nettement (Histoire de la Restauration). Исторія Волабелля, написанная съ либерально-демократической точки зрѣнія, даетъ подробное изображеніе соціально-политической реакціи и содержитъ въ себѣ обильный матеріалъ для характеристики, «бѣлаго террора». Неттеманъ, какъ убѣжденный роялистъ, старается, наоборотъ, реабилитировать «безподобную» палату и доказать, что разсказы либеральныхъ писателей объ ужасахъ «бѣлаго террора» сильно преувеличены. Гораздо безпристрастнѣе оцѣниваютъ дѣятельность «безподобной» палаты два другіе историка эпохи реставраціи: Duvergier de Hauranne (Histoire du gouvernement parlementaire en France) и Viel-Castel (Histoire de la Restauration). Для исторіи «бѣлаго террора» въ узкомъ смыслѣ слова интересно сочиненіе Ern. Daudet, «La terreur blanche». Болѣе подробныя указанія на литературу по эпохѣ реставраціи можно найти въ статьѣ автора: «Очеркъ изученія эпохи реставраціи во французской исторіографіи», напечатанной въ XVII томѣ «Историческаго Обозрѣнія».

мѣрной расправы со всѣми, кого они считали виновниками послѣдней авантюры Наполеона.

Правительство Людовика XVIII-го не спѣшило удовлетворить ихъ желанія. Дѣло въ томъ, что весь періодъ стодневнаго владычества Наполеона носилъ либерально-демократическій характеръ. Палата представителей, которую Наполеонъ созвалъ незадолго до Ватерлоо, смѣло подняла знамя принциповъ 1789 г. Правда, дѣятельность ея не оставила никакихъ практическихъ слѣдовъ и была прекращена насильственнымъ способомъ. Но пока свѣжи еще были воспоминанія о политическомъ движеніи времени ста дней, пока не начались въ департаментахъ сцены «бѣлаго террора» и роялистической реакціи, пока не состоялись новые выборы, давшіе большинство крайнимъ реакціонерамъ, за исчезнувшей палатой оставался нѣкоторый моральный авторитетъ, какъ за народнымъ представительствомъ, и ея либерально-демократическая программа не могла не отразиться на первыхъ шагахъ вновь реставрированнаго правительства Бурбоновъ. Оно чувствовало себя еще слишкомъ непрочнымъ и старалось привлечь симпатіи населенія либеральными обѣщаніями.

Во время пребыванія королевской фамиліи въ Гентѣ, гдѣ Людовикъ XVIII нашелъ себѣ убѣжище въ эпоху ста дней, при дворѣ его боролись за вліяніе представители двухъ политическихъ направленій: крайніе реакціонеры (Дамбрэ, Кларкъ, еще недавно бывшій военнымъ министромъ Наполеона, Блака) и умѣренные роялисты (Таллейранъ, Луи, Бёньо), регулярно сносившіеся съ находившимися въ Парижѣ Пакье и Ройе-Колларомъ и еще до Ватерлоо получившіе поддержку въ лицѣ пріѣхавшаго въ Гентъ Гизо. Личныя симпатіи Людовика XVIII-го были на сторонѣ перваго теченія; вступивъ въ предѣлы Франціи, онъ опубликовалъ изъ Като-Камбрези 25 іюня прокламацію, въ которой сообщалъ о своемъ возвращеніи во Францію, благодарилъ «своихъ союзниковъ» за ихъ «могучія усилія», разсѣявшія «сателлитовъ тирана», и обѣщалъ вознаградить «добрыхъ» (les bons) и примѣнить законы по отношенію къ «виновнымъ».

Настойчивые совѣты лорда Веллингтона заставили, однако, Людовика XVIII призвать къ власти Таллейрана. Таллейранъ прочиталъ въ засѣданіи королевскаго совѣта публичную отповѣдь брату и наслѣднику Людовика XVIII, графу д'Артуа, за его реакціонныя стремленія, настоялъ на отставкѣ королевскаго любимца Блака и убѣдилъ короля принять программу умѣренныхъ роялистовъ. Изъ Камбрэ была опубликована 28 іюня новая

прокламація, говорившая совсѣмъ другимъ языкомъ. Въ ней король прежде всего подчеркивалъ свое національное чувство и обращалъ вниманіе своихъ подданныхъ на то, что онъ не позволилъ никому изъ принцевъ королевскаго дома стать въ ряды непріятелей. Онъ допускалъ, что его правительство дѣлало ошибки, но обѣщалъ, что «опытъ не будетъ забытъ». Дальше онъ говорилъ, что «разумная свобода» можетъ существовать только на основѣ легитимизма, обѣщалъ немедленно созвать палаты и установить единство министерства. Самымъ рѣшительнымъ образомъ онъ опровергалъ слухи о возстановленіи старыхъ порядковъ и сословныхъ привилегій, обѣщалъ амнистію за все, происшедшее во Франціи со времени его отъѣзда, и исключалъ изъ этой амнистіи только «подстрекателей и виновниковъ ужаснаго заговора», предоставляя опредѣленіе ихъ обѣимъ палатамъ. За исключеніемъ этой послѣдней оговорки, представлявшей уступку требованіямъ роялистовъ, прокламація дышала примирительнымъ духомъ и давала прямое обѣщаніе продолжать либеральную политику, которая намѣчалась въ послѣдніе дни первой реставраціи.

Дальнѣйшія мѣры правительства клонились къ выполненію обѣщаній прокламаціи. Ордоннансъ 9 іюля осуществлялъ одинъ изъ пунктовъ либеральной программы, создавая объединенный общей политической программой кабинетъ министровъ. Его составъ, въ свою очередь, указывалъ на направленіе, котораго собирался держаться король. Только одинъ незначительный портфель министерства двора былъ отданъ эмигранту, герцогу Ришелье. Остальные портфели были распредѣлены между лицами, занимавшими отвѣтственные посты во время имперіи, но бывшими въ сторонѣ отъ политическихъ событій или эмигрировавшими вмѣстѣ съ Людовикомъ XVIII въ Гентъ во время ста дней. Это были Таллейранъ, получившій титулъ предсѣдателя совѣта министровъ, Луи, Пакье, Жокуръ и маршалъ Гувинъ-Сенъ-Сиръ. Самой характерной чертой новаго министерства было присутствіе въ его составѣ бывшаго члена конвента, «цареубійцы» [1]) Фуше, сохранившаго за собой портфель министерства полиціи, путемъ сложной и запутанной политической игры. Ведя эту игру, Фуше преслѣдовалъ только свои личныя цѣли, но въ данную минуту, благодаря совпаденію обстоятельствъ, онъ являлся воплощеніемъ надеждъ представителей либерализма. Его роль во время первой реставраціи, его близость къ редакціи либеральной газеты Indépendant, его поведеніе во время столкно-

[1]) «Цареубійцами» (régicides) назывались члены коннента, подавшіе голосъ за казнь Людовика XVI.

венія между Наполеономъ и палатой—все это вмѣстѣ взятое, въ минуту, когда главнѣйшіе вожди либерализма оказались въ фальшивомъ положеніи по отношенію къ династіи Бурбоновъ, невольно выдвигало его впередъ въ качествѣ вождя партіи. Уступчивость правительства по отношенію къ либераламъ шла такъ далеко, что существовалъ даже проектъ назначить членами государственнаго совѣта Бенжамена Констана и Манюэля.

Послѣдовавшій за ордоннансомъ 9 іюля ордоннансъ 13 іюля представлялъ изъ себя еще болѣе крупное явленіе. Онъ объявлялъ палату депутатовъ распущенной и назначалъ новые выборы на 14 и 22 августа. За отсутствіемъ избирательнаго закона, обѣщаннаго хартіей, правительство прибѣгало къ избирательнымъ коллегіямъ временъ имперіи [1]), но, въ отличіе отъ выборовъ во время ста дней, предоставляло окружнымъ коллегіямъ только выставлять кандидатовъ. Депутатовъ выбирали однѣ департаментскія коллегіи, и при этомъ только половину числа депутатовъ, положеннаго на каждый департаментъ, они обязаны были брать изъ числа кандидатовъ, намѣченныхъ окружными коллегіями. Одновременно ордоннансъ измѣнилъ нѣкоторыя статьи хартіи: число депутатовъ увеличивалось съ 258 до 402 человѣкъ, и возрастный цензъ понижался для избирателей до 21 года, а для избираемыхъ депутатовъ—до 25 лѣтъ. Такимъ образомъ ордоннансъ оказывался новымъ проявленіемъ учредительной власти короля, но, чтобы устранить возможныя обвиненія въ попыткѣ воскресить абсолютизмъ, ордоннансъ мотивировалъ всѣ эти мѣры, какъ вызванныя крайней необходимостью и вдобавокъ временныя, которыя получатъ полную силу только послѣ утвержденія ихъ вновь созываемыми палатами. Въ добавокъ король обѣщалъ предложить палатамъ пересмотръ статей хартіи, касающихся законодательной иниціативы, права поправокъ, имущественнаго и возрастнаго ценза, необходимаго для осуществленія избирательнаго права, числа депутатовъ, порядка избранія президента палаты депутатовъ и президентовъ избирательныхъ коллегій, а также ежегоднаго обновленія палаты на $^1/_5$ ея состава.

Ордоннансы 20 іюля и 8 августа уничтожили предварительную цензуру для печатныхъ произведеній вообще и, въ видѣ временнаго исключенія, сохранили ее только для газетъ. То же стремленіе привлечь на свою сторону общественныя

[1]) Во время имперіи въ каждомъ департаментѣ и въ каждомъ округѣ (arrondissement) существовали постоянныя избирательныя коллегіи, состоявшія изъ пожизненныхъ избирателей, выбранныхъ кантональными собраніями.

симпатіи можно было наблюдать въ ордоннансѣ 26 іюля, назначавшемъ предсѣдателей избирательныхъ коллегій. Во время ста дней Наполеонъ предоставилъ ихъ выборъ самимъ коллегіямъ. Правительство Бурбоновъ рѣшило, наоборотъ, сохранить за собой это право и назначеніемъ предсѣдателей коллегій выставить своихъ офиціальныхъ кандидатовъ или по крайней мѣрѣ показать политическое направленіе, въ какомъ должны произойти выборы. Списокъ, появившійся въ Moniteur'ѣ 30 іюля, носилъ примирительный характеръ, и какъ бы старался объединить подъ эгидой вновь возстановленной династіи всѣ существовавшія во Франціи политическія партіи. Въ немъ можно было встрѣтить и крайнихъ роялистовъ (Шатобріанъ, канцлеръ Дамбрэ, вандейскій вождь Отишанъ), и умѣренныхъ конституціоналистовъ (Барбе-Марбуа, Бёньо, Моле, Камиллъ Жорданъ), и наполеоновскихъ маршаловъ (Мармонъ, Макдональдъ, Удино, Викторъ), и, наконецъ, завѣдомыхъ либераловъ (Фложергъ, Ланжюинэ, Дюпенъ, генералы Тіаръ и Фуа, фабрикантъ Терно).

Это стремленіе привлечь къ себѣ либеральныя симпатіи сказалось отчасти и на тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергся составъ палаты пэровъ. 29 членовъ, входившихъ въ составъ палаты пэровъ во время первой реставраціи, были назначены въ палату пэровъ Наполеона. Хотя хартія 1814 г. и признала права пэровъ пожизненными, правительство не считало возможнымъ допустить ихъ снова въ палату, и ордоннансъ 24 іюля объявилъ ихъ исключенными изъ палаты, такъ какъ, принявъ назначеніе отъ Наполеона, они тѣмъ самымъ отказались отъ своего званія. Но, давъ такимъ образомъ удовлетвореніе роялистамъ, правительство спѣшило одновременно пойти навстрѣчу либераламъ. Къ ордоннансу была присоединена оговорка, что его дѣйствіе не будетъ распространено на тѣхъ, которые докажутъ, что они «не засѣдали или не хотѣли засѣдать въ такъ называемой палатѣ пэровъ», и такимъ образомъ увольняемымъ пэрамъ открывался путь къ возвращенію. Затѣмъ ордоннансъ 17 августа назначалъ въ палату пэровъ 94 новыхъ члена и, выбирая ихъ преимущественно среди представителей старыхъ аристократическихъ фамилій, включалъ въ то же время въ ихъ число маршала Виктора, несовершеннолѣтнихъ сыновей маршаловъ Бертье, Ланна и Бессьера и двухъ пэровъ ста дней, Буасси д' Англа и Моле. Наконецъ, ордоннансъ 19 августа исполнилъ другое требованіе либеральной программы. Ст. 27 хартіи сохраняла за королемъ право по своему усмотрѣнію давать пэрамъ званіе пожизненно или наслѣдственно, удерживая такимъ обра-

зомъ въ рукахъ правительства сильное средство воздѣйствія на верхнюю палату. Это было сдѣлано съ спеціальной цѣлью не допускать принципа наслѣдственности по отношенію къ бывшимъ сенаторамъ имперіи. Теперь Людовикъ XVIII объявлялъ всѣхъ уже назначенныхъ пэровъ наслѣдственными и на будущее время отказывался отъ своей прерогативы, устанавливая для всей палаты принципъ наслѣдственности.

Совокупность этихъ мѣръ правительства ясно указывала, что, несмотря на всѣ уступки роялизму, оно намѣрено, въ общемъ, держаться политики умѣреннаго либерализма. Но въ самомъ непродолжительномъ времени курсъ правительственной политики рѣзко измѣнился, подъ вліяніемъ обошедшей страну волны роялистической реакціи, которая вылилась въ такъ называемый «бѣлый терроръ».

Роялистическое движеніе началось на югѣ Франціи сейчасъ же послѣ сраженія при Ватерлоо и отреченія Наполеона, но до средины іюля, пока не сдѣлалось извѣстнымъ возвращеніе Людовика XVIII въ Парижъ, оно не принимало грозныхъ размѣровъ и находило противовѣсъ въ дѣятельности такъ называемыхъ федерацій — революціонно-демократическихъ организацій, возникшихъ въ эпоху ста дней. Послѣ второй реставраціи роялисты почувствовали себя вполнѣ безнаказанными и дали полный просторъ своему озлобленію и чувству мести. Въ южныхъ департаментахъ началась кровавая расправа съ революціонерами и бонапартистами, принимавшая иногда не только политическій, но и религіозный характеръ. Въ Марсели были перерѣзаны мамелюки, въ Нимѣ и его окрестностяхъ безпощадной расправѣ было подвергнуто многочисленное протестантское населеніе, и противъ него былъ организованъ настоящій погромъ, унесшій массу жертвъ. Нѣсколько позднѣе жертвами разъяренныхъ роялистическихъ шаекъ пали маршалъ Брюнъ въ Авиньонѣ и генералъ Рамель въ Тулузѣ. Въ западныхъ департаментахъ дѣло не доходило до кровопролитія, но вооруженныя толпы роялистовъ терроризировали мѣстное населеніе и держали его подъ вѣчнымъ страхомъ кровавой расправы. На сѣверѣ и на востокѣ не было признаковъ «бѣлаго террора», но это объяснялось не столько отсутствіемъ тамъ роялистовъ, сколько тѣмъ, что весь сѣверъ и востокъ Франціи были заняты союзными арміями.

Выборы, происходившіе 14 и 22 августа, дали полное торжество крайнимъ роялистамъ, и будущая палата обѣщала быть реакціонной par excellence. Если нѣкоторые изъ назначенныхъ правительствомъ предсѣдателей избирательныхъ коллегій и

обращались къ избирателямъ съ рѣчами въ примирительномъ духѣ, то громадное большинство, наоборотъ, поспѣшило поддаться реакціи и высказывалось въ духѣ крайняго роялизма. Съ легкой руки Шатобріана, который былъ предсѣдателемъ избирательной коллегіи въ Орлеанѣ и обратился отъ имени своей коллегіи къ королю съ просьбой «закончить свое дѣло и поднять мечъ» для наказанія виновныхъ, избирательныя коллегіи одна за другой призывали короля къ суровой расправѣ съ лицами, замѣшанными въ возвращеніи Наполеона.

Этотъ неожиданный взрывъ роялизма (его не ожидали ни министерство Таллейрана, ни представители союзныхъ державъ, предполагавшіе скорѣе, что на выборахъ одержатъ побѣду либералы) немедленно отразился на настроеніи придворныхъ сферъ. Знатные представители Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, которые до тѣхъ поръ принуждены были заискивать у «вѣроотступника» Таллейрана и «цареубійцы» Фуше, почувствовали себя сильной политической партіей, пользующейся сочувствіемъ среди народныхъ массъ, и стали добиваться отставки министерства и призыва къ власти представителей исключительнаго роялизма.

Министерство, чтобы сохранить свое положеніе и спасти страну отъ крайностей реакціи, сочло нужнымъ сдѣлать новыя уступки роялистамъ. Уже 24 іюля былъ опубликованъ ордонансъ, который исключалъ изъ будущей амнистіи 57 человѣкъ: 19 изъ нихъ предавались немедленно военному суду, 38 остальныхъ отдавались подъ надзоръ полиціи, при чемъ дальнѣйшую судьбу ихъ король предоставлялъ рѣшить палатамъ. Списокъ лицъ, подвергшихся проскрипціи, былъ составленъ Фуше. Онъ съ свойственнымъ ему цинизмомъ не постѣснился включить туда цѣлый рядъ лицъ, рука объ руку съ которыми онъ дѣйствовалъ на службѣ у Наполеона. Такимъ образомъ въ списокъ попали Карно, только что бывшій товарищемъ Фуше во временномъ правительствѣ, и Бенжаменъ Констанъ, котораго самъ Фуше всего двѣ недѣли назадъ предлагалъ назначить въ государственный совѣтъ. Точная цифра лицъ, внесенныхъ имъ въ первоначальный проектъ, неизвѣстна. Одни источники опредѣляютъ ее приблизительно въ 100 человѣкъ, другіе—въ 300. При обсужденіи этого списка совѣтомъ министровъ значительная часть лицъ, въ него внесенныхъ, была вычеркнута (въ томъ числѣ Бенжаменъ Констанъ, Коленкуръ, писатель Этьеннъ, генералы Себастіани и Гренье), и списокъ оказался сведеннымъ къ 57 именамъ. Громадное большинство лицъ, подвергшихся проскрипціи, принадлежало или къ ближай-

шимъ сотрудникамъ Наполеона (маршалы Ней и Сультъ, генералы Лабедойеръ, братья Лаллеманы, Лефевръ-Денуэттъ, Эксельманъ, Клозель, Камброннъ, Ламаркъ, Вандаммъ, Савари, гражданскіе сановники Маре, Лавалеттъ, Реньо, Булэ, Дефермонъ, Мерленъ изъ Дуэ), или къ лицамъ, извѣстнымъ своимъ участіемъ въ событіяхъ революціи (Карно, Тибодо, Бареръ, Гарро, Гарнье изъ Сента, Меге де Латушъ, Феликсъ Лепеллетье). Нѣкоторыя лица попали въ списокъ только потому, что были лично непріятны Фуше, и онъ спѣшилъ свести съ ними счеты (Дюрбакъ, Депортъ, Бори-Сенъ-Венсанъ). Вслѣдъ за опубликованіемъ ордонанса, одинъ за другимъ были арестованы Лавалеттъ, братья Фоше, генералъ Лабедойеръ, маршалъ Ней. Начался рядъ процессовъ въ военныхъ судахъ, и первой жертвой палъ Лабедойеръ, разстрѣлянный 19 августа. Одновременно посыпались удары и на либеральную печать; всѣ видные органы этого направленія должны были прекратить свое существованіе.

Правда, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ продолжало пытаться противодѣйствовать роялистической реакціи, и Фуше въ своей перепискѣ съ префектами энергично имъ внушалъ необходимость бороться съ эксцессами роялизма. Но всѣ эти старанія имѣли мало успѣха, и тогда Фуше, чтобы спастись отъ неминуемой отставки, рѣшился на смѣлый шагъ. Онъ прочелъ въ засѣданіи совѣта министровъ одинъ за другимъ два доклада, которые представляли собой своего рода манифестъ либеральной партіи.

Въ первомъ изъ нихъ онъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изображалъ разореніе Франціи союзными арміями, доказывалъ всю несправедливость ихъ поведенія, разъ онѣ вели войну съ Наполеономъ, а не съ Франціей, и грозилъ новой революціей, если притѣсненія всякаго рода доведутъ населеніе до полнаго отчаянія. Второй докладъ, написанный еще болѣе смѣлымъ языкомъ, давалъ характеристику внутренняго состоянія Франціи. По словамъ Фуше, положеніе королевскаго правительства было въ высшей степени непрочно. Правительство можетъ разсчитывать на подчиненіе сѣверныхъ и центральныхъ департаментовъ, если оно будетъ держаться конституціонной политики. Но на востокѣ преобладаетъ по отношенію къ династіи прямо враждебное настроеніе. А на западѣ и особенно на югѣ, хотя повидимому и господствуетъ роялизмъ, но возмутительныя жестокости, которыя совершаются подъ флагомъ преданности династіи (Фуше не жалѣлъ красокъ для того, чтобы ихъ заклеймить) подвергаютъ королевскую власть грозной опасности. Громадное большинство населенія органически предано принципамъ свободы

и равенства, освященнымъ революціей, и малѣйшая попытка вернуться къ старому порядку будетъ стоить возстановленной династіи престола. Въ данную минуту лишь одни роялисты представляютъ партію, преданную династіи, но ихъ поведеніе приноситъ ей только вредъ. Вдобавокъ о преобладаніи роялистовъ можно говорить самое большее въ 10 департаментахъ, а въ остальной Франціи они не могутъ разсчитывать ни на какой успѣхъ. Что касается республиканцевъ, то, не будучи въ данную минуту враждебны принципу монархіи вообще, они полны недовѣрія къ Бурбонамъ, такъ какъ не вѣрятъ въ то, что старая династія согласится забыть прошлое, отказаться отъ своихъ прежнихъ притязаній и вступить на путь конституціи. Конституціоналисты, наоборотъ, готовы были въ 1814 г. привѣтствовать возстановленіе легитимной монархіи, но ошибки, сдѣланныя правительствомъ первой реставраціи, до такой степени ихъ разочаровали, что послѣ отреченія Наполеона они были готовы на какую угодно комбинацію, только бы не допустить новой реставраціи Бурбоновъ. При такомъ настроеніи страны, если правительство короля станетъ держаться программы роялистовъ, достаточно будетъ удаленія изъ Франціи союзныхъ армій, чтобы вызвать новую революцію и новое паденіе династіи. Поэтому единственно возможнымъ для правительства выходомъ является либеральная политика. Оно должно принять программу конституціоналистовъ, образовать единое отвѣтственное министерство, предоставить палатамъ право законодательной иниціативы, бороться съ стремленіями «ультра-роялистовъ» и защищать принципы свободы и равенства отъ всякихъ покушеній со стороны приверженцевъ стараго порядка. Только тогда оно можетъ разсчитывать на поддержку со стороны конституціоналистовъ и бывшихъ республиканцевъ и упрочить свое положеніе въ странѣ.

Читая эти два доклада, столь не похожіе на обычные доклады министровъ, Фуше выступалъ въ качествѣ защитника оскорбленнаго національнаго чувства и приверженца либеральныхъ идей. Поэтому его выступленіе только тогда могло бы имѣть значеніе, если бы содержаніе его докладовъ вышло за предѣлы обстановки, въ которой они были прочитаны, и, получивъ широкое распространеніе, создало бы ему поддержку общественнаго мнѣнія. Несмотря на категорическое запрещеніе Людовика XVIII, онъ поспѣшилъ тайно распространить свои доклады въ обществѣ. Успѣхъ ихъ былъ громадный: они сдѣлались единственной темой разговоровъ и въ Парижѣ, и въ департаментахъ. Всѣ общественные элементы, напуганные роялисти-

ческой реакціей, возлагали на программу Фуше свои послѣднія надежды. Но, несмотря на пробужденный интересъ, однихъ докладовъ было мало, чтобы создать необходимое для Фуше политическое движеніе. Фуше, подобно палатѣ представителей эпохи ста дней, переоцѣнилъ силу либеральнаго общественнаго мнѣнія: оно слишкомъ было напугано реакціей для того, чтобы оказать ему серьезную поддержку. Поэтому его доклады не помогли ему, а, наоборотъ, повредили. Они оттолкнули отъ него Веллингтона и другихъ иностранныхъ дипломатовъ, которые считали его до тѣхъ поръ необходимымъ человѣкомъ, и окончательно погубили его въ глазахъ той партіи, которую онъ самъ удачно окрестилъ именемъ «ультра-роялистовъ» и которая продолжала торжествовать въ развивавшемся роялистическомъ движеніи. По мѣрѣ того, какъ въ Парижъ начинали съѣзжаться вновь избранные депутаты, и выяснялось ихъ политическое настроеніе, все болѣе очевидной становилась невозможность совмѣстной работы будущей палаты и министерства Таллейрана-Фуше. Людовикъ XVIII страшно тяготился своимъ министерствомъ съ самаго момента его возникновенія. Опираясь на успѣхи роялизма, онъ поспѣшилъ воспользоваться первымъ предлогомъ, чтобы отдѣлаться сначала отъ Фуше, а затѣмъ и отъ Таллейрана и его товарищей. Умѣренно-либеральное министерство Таллейрана уступило мѣсто откровенно-реакціонному министерству Ришелье.

Такъ какъ, годъ спустя, нѣсколько преобразованное министерство Ришелье сыграло крупную прогрессивную роль, то историки эпохи реставраціи (особенно Дювержье-де-Гораннъ) стараются смягчить краски при характеристикѣ его политики въ моментъ его назначенія. Между тѣмъ, въ первый моментъ своего существованія новое министерство было несомнѣнно крайне реакціоннымъ. Самъ Ришелье, морской министръ Дюбушажъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Вобланъ, военный министръ Кларкъ были убѣжденными и крайними роялистами. Деказъ, занявшій постъ министра полиціи и уже сдѣлавшійся фаворитомъ Людовика XVIII, находился еще подъ вліяніемъ графа д'Артуа и ультра-роялистовъ. Нѣсколько болѣе умѣренны по своимъ взглядамъ были министръ финансовъ Корветто и министръ юстиціи Барбе-Марбуа, но оба они не играли первенствующей роли. Такимъ образомъ, въ лицѣ министерства Ришелье, власть переходила въ руки представителей роялистической реакціи, и министерство Таллейрана унесло съ своей отставкой послѣднія надежды либераловъ, совершенно сходившихъ теперь съ по-

литической сцены. Это ясно сказалось въ отзывѣ объ его отставкѣ единственнаго уцѣлѣвшаго либеральнаго органа печати, Courrier. Онъ съ грустью отмѣчалъ, что для отставки министерства не было никакихъ основаній, такъ какъ оно было предано конституціонному режиму и обнаружило достаточно смѣлости и благоразумія. Во всякомъ случаѣ оно сдѣлало достаточно для того, чтобы «оправдать довѣріе короля и заслужить уваженіе гражданъ».

Новая палата, политическое настроеніе которой заставило еще до открытія сессіи передать власть въ руки представителей роялистической реакціи, по своему составу представляла полную противоположность наполеоновской палатѣ представителей. Тамъ въ большомъ числѣ были представлены политическіе дѣятели предшествующихъ эпохъ. Здѣсь громадное большинство депутатовъ было политическими новичками, мелкими провинціальными дворянами, впервые выступавшими на политической сценѣ. Тамъ политическое преобладаніе принадлежало либераламъ. Здѣсь господство было въ рукахъ ультра-роялистовъ. Изъ министровъ были избраны Пакье, Луи и Фуше; изъ близкихъ министерству лицъ прошли Деказъ, Барантъ, Ройе-Колларъ и Лэне. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ проходили на выборахъ крайніе роялисты, и въ ихъ рукахъ оказалось больше $^3/_4$ состава палаты. Изъ числа 386 депутатовъ [1]) группу оппозиціоннаго меньшинства составили 85 человѣкъ. Если попробовать примѣнить къ составу этого меньшинства классификацію болѣе поздняго времени, то окажется, что на 85 человѣкъ приходилось только 10 представителей будущей лѣвой и 31 представитель будущаго лѣваго центра; остальные 44 принадлежали собственно къ правому центру и оказались отброшенными въ оппозицію только тогда, когда вполнѣ обнаружилась политическая физіономія господствующей партіи.

Выборы въ палату представителей въ маѣ 1815 г. и въ «безподобную» палату въ августѣ того же года происходили въ однѣхъ и тѣхъ же избирательныхъ коллегіяхъ. Чѣмъ же объяснить такой разительный контрастъ въ ихъ результатахъ? Наиболѣе авторитетные историки эпохи реставраціи (Волабелль, Дювержье де Гораннъ, Вьель-Кастель) видятъ главную причину побѣды ультрароялистовъ въ національной особенности французовъ—въ ихъ готовности привѣтствовать выраженіемъ своихъ симпатій всякое

[1]) Ордоннансъ 13 іюля предписывалъ избрать 402 депутата, но въ нѣкоторыхъ департаментахъ было избрано неполное число депутатовъ и, кромѣ того, 8 депутатовъ было избрано сразу въ 2 департаментахъ.

политическое теченіе, если только оно кажется одержавшимъ побѣду; побѣжденныя партіи уходятъ съ политической сцены, а индифферентная масса спѣшитъ присоединиться къ побѣдителямъ. Что касается современниковъ, то они обыкновенно объясняли побѣду ультра-роялистовъ совершенно исключительной степенью давленія на избирателей со стороны администраціи. Ни то, ни другое при ближайшемъ разсмотрѣніи не оказывается основной и главной причиной явленія: ее нужно искать въ составѣ избирательныхъ коллегій. Историки эпохи реставраціи не обратили вниманія на то обстоятельство, что на самомъ дѣлѣ порядокъ выборовъ въ «безподобную» палату былъ нѣсколько измѣненъ сравнительно съ порядкомъ выборовъ въ палату представителей ста дней. Во время ста дней окружныя коллегіи пользовались правомъ избранія наравнѣ съ департаментскими. Теперь, согласно ордоннансу 13 іюля, окружныя коллегіи намѣчали только кандидатовъ, а настоящее избирательное право принадлежало лишь департаментскимъ коллегіямъ. Кандидатуры, предлагаемыя окружными коллегіями, при этомъ мало стѣсняли департаментскихъ избирателей, такъ какъ, во-первыхъ, число кандидатовъ отъ каждаго округа было равно числу депутатовъ полагающихся отъ цѣлаго департамента, и, слѣдовательно, сфера выбора депутатовъ оказывалась довольно широкой; а во-вторыхъ, департаментскія коллегіи обязаны были только половину будущихъ депутатовъ выбирать изъ кандидатовъ, представленныхъ окружными коллегіями. Что же касается состава департаментскихъ коллегій, то ихъ члены должны были, согласно закону X-го года, непремѣнно принадлежать къ числу 600 человѣкъ, платившихъ въ данномъ департаментѣ наивысшую сумму налоговъ. Выборы во время ста дней показали, какъ значительно было число дворянъ между этими въ числѣ этихъ 600 les plus imposés, и какъ враждебно было отношеніе большей части департаментскихъ избирателей къ правительству Наполеона во время ста дней. Поэтому уже самый составъ избирателей предрѣшалъ теперь побѣду крайнихъ роялистовъ.

Къ этой основной причинѣ присоединялся рядъ второстепенныхъ. Префектамъ было предоставлено право пополнять избирательныя коллегіи. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ они воспользовались этимъ для того, чтобы включить въ коллегіи лицъ, славившихся крайностью своего роялизма. Парижскій префектъ сообщалъ, напримѣръ, очень откровенно министру, что въ своемъ выборѣ онъ руководился не буквой, а духомъ ордоннанса, и поэтому остановилъ свой выборъ на людяхъ, зарекомендовавшихъ

себя «*здоровыми убѣжденіями* въ политикѣ и морали», а не на лицахъ, прославившихся «крупными заслугами», но страдающихъ «экзальтаціей» или чрезмѣрнымъ честолюбіемъ. Немногочисленные либералы и бонапартисты, входившіе въ составъ коллегій, предпочли уклониться отъ участія въ выборахъ, и повидимому это произошло не безъ энергичнаго воздѣйствія мѣстныхъ властей, какъ о томъ можно судить, напримѣръ, изъ доклада префекта департамента Мааса.

Самые выборы происходили подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ разыгрывавшихся сценъ бѣлаго террора. Въ Нимѣ, напримѣръ, гдѣ временно наступило успокоеніе, выборы снова вызвали кровопролитіе. Когда разбѣжавшіеся по окрестностямъ протестанты стали, по приглашенію властей, возвращаться, чтобы принять участіе въ выборахъ, шайки роялистовъ возобновили грабежи и убійства, и послѣ трехъ дней террора кандидаты ультра-роялистовъ оказались избранными единогласно. Въ Тулузѣ шайка ультра-роялистовъ поставила передъ окнами дома, который занималъ предсѣдатель избирательной коллегіи, висѣлицу и заставила его отказаться отъ предсѣдательства. Въ Мандѣ помѣщеніе избирательной коллегіи окружила вооруженная толпа, заявившая предсѣдателю коллегіи, что онъ не выйдетъ живымъ, если его выберутъ въ депутаты.

На востокѣ, гдѣ не было сценъ террора, на выборы вліяла иностранная оккупація, сильно мѣшавшая безпрепятственному съѣзду избирателей. Въ Ліонѣ, напримѣръ—жалуется префектъ,—очень трудно разсчитывать, чтобы на выборы явилось достаточное количество избирателей. Вслѣдствіе присутствія въ городѣ и департаментѣ союзныхъ армій, мэры и значительная часть мелкихъ землевладѣльцевъ всецѣло заняты доставкой имъ провіанта. Въ департаментѣ Верхнихъ Альпъ австрійскія войска прямо противодѣйствовали собранію избирателей.

Но какъ ни сильно было въ отдѣльныхъ случаяхъ вліяніе всѣхъ перечисленныхъ условій, въ общемъ итогѣ выборовъ, за исключеніемъ пополненія коллегій ультра-роялистами, оно не имѣло замѣтныхъ результатовъ. И уклоненіе либераловъ и бонапартистовъ, и сцены бѣлаго террора на югѣ, и военная оккупація на востокѣ—все это должно было привести къ воздержанію части избирателей отъ голосованія. Между тѣмъ во многихъ случаяхъ мы видимъ обратное явленіе: избирателей является на выборы не только несравненно больше, чѣмъ въ маѣ мѣсяцѣ, во время выборовъ въ палату представителей, но даже больше, чѣмъ годъ спустя, во время выборовъ въ палату 1816 г.

когда вліяніе всѣхъ причинъ, которыя мы назвали второстепенными, вовсе не должно было замѣчаться. Въ майскихъ выборахъ 1815 г. участвовало всего 45,1% избирателей, въ выборахъ осенью 1816 г.—66,4%, въ выборахъ въ «безподобную» палату—70,7%, т. е. больше двухъ третей общаго состава избирательныхъ коллегій. Цыфры сдѣлаются еще болѣе краснорѣчивыми, если, пользуясь данными, опубликованными въ Moniteur'ѣ отъ 22 сентября 1815 г. и содержащимися въ Національномъ архивѣ въ серіяхъ F^{1c} II и F^{1c} III, мы сопоставимъ не общее число избирателей, а число избирателей въ однѣхъ департаментскихъ коллегіяхъ. Во время ста дней здѣсь проявлялся рѣзкій абсентеизмъ; къ урнамъ явилось только 35,2% избирателей, при чемъ всего въ 17 департаментахъ присутствовало больше половины избирателей. Теперь, наоборотъ, въ 84 департаментахъ изъ общаго числа 20.255 избирателей приняло участіе въ выборахъ 14.533 человѣка, т. е. 71,7%. Нѣкоторое пониженіе числа явившихся избирателей въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходили выборы, замѣчалось въ восточныхъ департаментахъ (Aisne—51,1%, Ardennes—55,2%, Meuse—62,4%, Bas-Rhin—66,5%, Saône-et-Loire—60,5%, Vosges—62,4%) и въ тѣхъ изъ южныхъ департаментовъ, гдѣ особенно чувствовалось вліяніе сценъ бѣлаго террора (Bouches-du-Rhône—64%, Gard—56,9%, Var—50,7%, Vaucluse—66,9%). Но въ остальныхъ департаментахъ повсюду цифра голосовавшихъ превышаетъ $^2/_3$ состава коллегіи, подымаясь иногда до $^3/_4$ и даже до $^9/_{10}$ (Aude—75,6%, Corrèze—82,8%, Côtes-du-Nord—79,9%, Loir-et-Cher—81,1%, Maine-et-Loire—80,1%, Rhône—80,3%, *Seine—92,2%*, Seine Inférieure—81%, Somme—83,4%).

Это сопоставленіе наглядно доказываетъ, что, какъ бы ни было сильно въ отдѣльныхъ департаментахъ вліяніе чрезвычайныхъ обстоятельствъ, главной и основной причиной побѣды ультра-роялистовъ былъ самый составъ коллегій, только что показавшій свое враждебное отношеніе къ либеральной имперіи, а теперь обнаруживавшій сочувствіе тенденціямъ крайняго роялизма. Сравненіе этихъ цыфръ обнаруживаетъ, что разочарованіе и озлобленіе по поводу кризиса, пережитаго во время ста дней, и новаго вторженія союзныхъ армій сыграли въ данномъ случаѣ меньшую роль, чѣмъ это обыкновенно думали.

Первые шаги новой палаты отличались относительной умѣренностью. Первымъ кандидатомъ въ свои президенты она выбрала Лэне, хотя и зарекомендовавшаго себя во время ста

дней энергичнымъ протестомъ противъ узурпаціи, но принадлежавшимъ по своимъ убѣжденіямъ скорѣе къ правому центру, чѣмъ къ крайней правой. Въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь палата дала просторъ своему реакціонному настроенію. Адресъ говорилъ о чрезмѣрности королевскаго милосердія, о необходимости подвергнуть преслѣдованію виновниковъ возстанія въ пользу Наполеона и ввѣрять управленіе только «честнымъ рукамъ» (очевидный намекъ на Фуше). Но это не мѣшало палатѣ пока выражать полное удовлетвореніе составомъ новаго министерства, и въ первое время она такъ охотно шла навстрѣчу всѣмъ желаніямъ правительства, что Людовикъ XVIII поспѣшилъ окрестить ее именемъ, которое за нею сохранила и исторія: «безподобная палата» (une chambre introuvable).

Очень скоро настроеніе палаты перемѣнилось, и дальнѣйшій ходъ событій показалъ, что палата дѣйствительно была «безподобной», но только не въ томъ направленіи, которое было желательно для правительства. Въ Парижѣ въ это время существовала религіозная ассоціація, возникшая еще во время консульства и называвшаяся «конгрегаціей Св. Дѣвы». Со времени реставраціи Бурбоновъ эта ассоціація приняла открыто политическій характеръ и пріобрѣла большое вліяніе при дворѣ. При ея содѣйствіи большинство новыхъ депутатовъ очень скоро объединилось въ политическую партію, которая нашла энергичную поддержку въ придворныхъ кругахъ и, прежде всего, въ личности наслѣдника престола, графа д' Артуа, сдѣлавшагося фактическимъ главой партіи. Это дало ультра-роялистической партіи возможность стать требовательнѣе и заговорить болѣе смѣлымъ языкомъ съ парламентской трибуны. Совершенно своеобразное политическое положеніе, въ которомъ она очутилась, наложило на ея дѣятельность двойственный характеръ: съ одной стороны она выступила проповѣдницей политической и соціальной реакціи, съ другой—борцомъ за принципы парламентаризма.

Ультра-роялистическіе депутаты, среди которыхъ на первый планъ выдвинулись Виллель, Корбьеръ, Гидъ де Невилль, Лабурдоннэ и извѣстный идеологъ политической реакціи Бональдъ, не скрывали своихъ реакціонныхъ замысловъ. Репрессивные законопроекты, внесенные министерствомъ, показались имъ слишкомъ умѣренными. Безъ измѣненій былъ принятъ только законопроектъ, предоставлявшій различнымъ представителямъ администраціи право ареста безъ соотвѣтственнаго постановленія суда, но и то во время его обсужденія произошелъ характерный

инцидентъ. Когда одинъ изъ немногочисленныхъ депутатовъ лѣвой, Войе д'Аржансонъ, попробовалъ въ очень робкой формѣ заговорить о погромѣ протестантовъ въ Нимѣ, онъ былъ прерванъ гнѣвными возгласами, лишенъ слова и призванъ къ порядку. Въ законопроектъ о «мятежныхъ возгласахъ» палата внесла поправки, значительно усилившія предложенную министерствомъ схему наказаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ она настояла, чтобы министерство внесло новый законопроектъ о чрезвычайныхъ «превотальныхъ судахъ» для быстрой и суровой расправы съ мятежными элементами. 8 декабря 1815 г. министерство внесло въ палату давно уже ожидавшійся законопроектъ объ амнистіи. Оно предлагало палатамъ утвердить главныя положенія ордонанса 24 іюля о 57 лицахъ, исключенныхъ изъ амнистіи, и въ угоду ультра-роялистамъ распространяло это исключеніе на всѣхъ тѣхъ, которые будутъ привлечены къ отвѣтственности до опубликованія закона. Несмотря на эту уступку, открывавшую возможность новыхъ, многочисленныхъ преслѣдованій, законопроектъ объ амнистіи вызвалъ среди ультра-роялистовъ взрывъ негодованія. Намѣченные министерствомъ предѣлы преслѣдованій показались имъ слишкомъ узкими. Они были убѣждены, что возвращеніе Наполеона было результатомъ не стихійнаго народнаго движенія, а обширнаго заговора, и требовали кровавой расправы со всѣми его предполагаемыми участниками. Когда одному изъ осужденныхъ на смертную казнь приверженцевъ Наполеона, Лавалетту, удалось спастись бѣгствомъ, то въ первую минуту ультра-роялистское большинство палаты готово было обвинить министерство въ сообщничествѣ съ Лавалеттомъ и собиралось назначить съ этой цѣлью спеціальную слѣдственную комиссію. По отношенію къ участникамъ революціи и сторонникамъ Наполеона ультра-роялисты, устами Лабурдоннэ, требовали «оковъ, палачей, казней» и объявляли, что только «одна смерть можетъ напугать ихъ и положить конецъ ихъ заговорамъ». Въ комиссіи, избранной палатой для разсмотрѣнія законопроекта, онъ подвергся коренной передѣлкѣ: исключеніе изъ амнистіи было распространено на всѣхъ лицъ, занимавшихъ во время ста дней должности министровъ или членовъ государственнаго совѣта, и на перешедшихъ на сторону Наполеона префектовъ, маршаловъ и генераловъ. Въ случаѣ признанія ихъ виновными, ихъ имущества конфисковались для вознагражденія государства за вредъ, причиненный ему возвращеніемъ Наполеона. Кромѣ того исключались изъ амнистіи и осуждались на изгнаніе изъ Франціи всѣ тѣ члены конвента-

«цареубійцы», которые согласились принять отъ Наполеона какія-либо должности или просто подавали голосъ за его новую конституцію. Министерство не могло допустить такой массовой проскрипціи и всѣми силами пыталось противодѣйствовать плану комиссіи. Ему не удалось, однако, добиться полнаго успѣха, и оно принуждено было допустить исключеніе изъ амнистіи «цареубійцъ».

Въ другихъ своихъ постановленіяхъ и пожеланіяхъ «безподобная» палата намѣтила цѣлый обширный планъ контръ-революціи, которая должна была наказать «виновныхъ», наградить «вѣрныхъ» и свести на нѣтъ все то, что сдѣлано было во Франціи за двадцатипятилѣтній періодъ революціи и имперіи. Она требовала удаленія съ государственной службы всѣхъ приверженцевъ предшествовавшихъ порядковъ и предоставленія должностей только однимъ роялистамъ. Съ этой цѣлью она приняла резолюцію, пріостанавливавшую дѣйствіе закона о несмѣняемости судей, и настаивала, чтобы правительство не спѣшило утверждать ихъ въ должностяхъ, пока они не дадутъ достаточныхъ залоговъ своей вѣрности роялизму. Она предлагала выразить благодарность всѣмъ тѣмъ, кто остался вѣренъ королевской династіи во время ста дней, и назначить особыя пенсіи солдатамъ, принимавшимъ участіе въ роялистическихъ возстаніяхъ временъ революціи и имперіи. Для возвращенія аристократіи утраченнаго ею соціальнаго значенія палата проектировала возстановить майораты и субституціи и вознаградить эмигрантовъ за конфискованныя у нихъ и распроданныя имущества. По отношенію къ бывшему третьему сословію она говорила о необходимости возстановить цехи и другія корпораціи среднихъ вѣковъ. Особенное вниманіе она посвятила католическому духовенству, какъ главной силѣ, на которую реакція возлагала свои упованія. Она уничтожила разводъ и потребовала передачи метрическихъ книгъ изъ рукъ свѣтской власти въ руки духовенства. Она настойчиво требовала предоставленія въ руки архіепископовъ и епископовъ непосредственнаго надзора за учебными заведеніями. Она наотрѣзъ отказалась согласиться на распродажу части лѣсовъ, принадлежавшихъ до революціи духовенству и считавшихся теперь собственностью государства, провозглашала необходимость вернуть духовенству всѣ нераспроданныя еще его прежнія имущества и признать опять за нимъ право получать даренія въ видѣ земельной собственности

Въ первое время казалось, что правительство всѣми силами старалось удовлетворить контръ-революціонныя стремленія «безподобной» палаты. Во всей Франціи торжествовала полная

реакція. Производилась суровая расправа, какъ съ лицами, исключенными изъ амнистіи ордоннансами 24 іюля, такъ и вообще съ лицами, скомпрометтировавшими себя во время ста дней. Одинъ за другимъ произносились смертные приговоры братьямъ Фоше, маршалу Нею, генераламъ Шартрану и Мутону-Дюверне, Лавалетту и т. д. Въ департаментахъ кое-гдѣ снова разыгрывались сцены бѣлаго террора; въ Нимѣ былъ опасно раненъ генералъ Лагардъ. Префекты широко пользовались предоставленными имъ полномочіями и массами высылали изъ своихъ департаментовъ лицъ, извѣстныхъ оппозиціонными убѣжденіями. Характеренъ въ этомъ отношеніи случай въ департаментѣ Шера, гдѣ, по поводу вспыхнувшаго хлѣбнаго бунта, префектъ поспѣшилъ выслать изъ департамента 13 человѣкъ, участвовавшихъ въ федераціи ста дней, хотя самъ при этомъ сообщалъ министру, что у него нѣтъ никакихъ основаній считать ихъ причастными къ движенію. Преслѣдовались не только имѣвшія опредѣленную оппозиціонную физіономію федераціи: преслѣдовались даже совершенно невинныя въ политическомъ отношеніи масонскія ложи, массами закрывавшіяся теперь по распоряженію правительства. Сверху до низу производилась радикальная «очистка» состава администраціи. Въ военномъ министерствѣ была образована спеціальная комиссія, разсматривавшая степень благонадежности находившихся на службѣ офицеровъ и раздѣлившая ихъ съ этой цѣлью на 14 категорій. Національная гвардія была цѣликомъ подчинена графу д'Артуа, поспѣшившему, конечно, придать всей ея организаціи ультра-роялистическій характеръ. Въ средѣ гражданской администраціи число лицъ, уволенныхъ со службы, по расчетамъ представителей оппозиціи, достигало 100.000. Если даже эта цифра и была преувеличена, то во всякомъ случаѣ число уволенныхъ чиновниковъ было громадно. Въ департаментѣ Жиронды, напримѣръ, за зиму 1815—1816 гг. было уволено 69 мэровъ, 77 помощниковъ мэра и 269 членовъ муниципальныхъ совѣтовъ. Въ департаментѣ Соны и Луары въ *одномъ* округѣ было уволено свыше 75 должностныхъ лицъ. Въ департаментѣ Сарты были удалены 622 чиновника, въ департаментѣ Изеры однихъ уволенныхъ мэровъ было 264. Въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія было удалено больше трети однихъ ректоровъ академій (т. е. попечителей учебныхъ округовъ), не считая массы директоровъ учебныхъ заведеній, профессоровъ и преподавателей; освободившіяся мѣста были предоставлены представителямъ духовенства. Изъ Института было исключено 17 членовъ. Политехническая школа была закрыта до коренной реорганиза-

ціи. Духовенство, поощряемое успѣхами конгрегаціи и сочувствіемъ палаты депутатовъ, смѣло громило революцію и ея приверженцевъ, выступало съ своими клерикальными притязаніями и организовало по всей Франціи, для поднятія въ населеніи религіозности, внутреннія миссіи, при чемъ появленіе въ томъ или иномъ городѣ миссіонеровъ часто сопровождалось сценами настоящаго фанатизма. Такимъ образомъ лозунгъ, данный «безподобной» палатой, нашелъ, повидимому, полную реализацію, и, казалось, Франція вступала въ эпоху контръ-революціи.

Всѣхъ этихъ мѣръ, примѣнявшихся одинаково во всѣхъ отрасляхъ администраціи, оказалось мало для того, чтобы удовлетворить контръ-революціонный пылъ «безподобной» палаты. По ея мнѣнію, министерство Ришелье дѣйствовало недостаточно рѣшительно и дѣлало постоянныя уступки духу революціи. Палата была вполнѣ довольна только тремя членами кабинета Ришелье: Вобланомъ, Дюбушажемъ и Кларкомъ. Она готова была даже примириться съ Ришелье, несмотря на его склонность къ умѣренности. Зато она негодовала противъ министра юстиціи Барбе-Марбуа, министра финансовъ Корветто и, въ особенности, министра полиціи Деказа, постепенно выдвинувшагося въ кабинетѣ на первый планъ, благодаря исключительному расположенію къ нему Людовика XVIII. На этой почвѣ между палатой и министерствомъ не замедлилъ разыграться острый конфликтъ.

Уже послѣ бѣгства Лавалетта, какъ мы видѣли, палата готова была обвинять въ сообщничествѣ съ нимъ Барбе-Марбуа и Деказа. Отношенія ея къ министерству сдѣлались еще болѣе натянутыми во время преній объ амнистіи, когда она сумѣла настоять на внесеніи поправки о «цареубійцахъ», и во время обсужденія бюджета, когда она добилась передѣлки его въ духѣ своихъ стремленій и воспротивилась распродажѣ лѣсовъ, прежде принадлежавшихъ духовенству. Натянутыя отношенія перешли въ открытую вражду, когда на очередь былъ поставленъ вопросъ о новомъ избирательномъ законѣ. Пока не отмѣненъ былъ соотвѣтственный параграфъ хартіи, палатѣ могло грозить частичное обновленіе на $^1/_5$ осенью 1816 г. Она рѣшила ни за что не допускать новыхъ выборовъ и добиваться на этой почвѣ отставки министерства и перехода власти къ представителямъ ультра-роялистическаго большинства.

Выборы въ палату въ августѣ 1815 г. произошли, какъ мы видѣли, при помощи избирательныхъ коллегій Наполеона; но этотъ временный порядокъ противорѣчилъ условіямъ избирательнаго ценза, установленнаго хартіей 1814 г., и во исполненіе

обѣщаній, хартіи министръ внутреннихъ дѣлъ, Вобланъ внесъ новый законопроектъ объ избирательномъ правѣ. Вобланъ простодушно заявлялъ, что «избирательная власть», какъ онъ называлъ совокупность избирателей, должна быть въ полной зависимости отъ правительства, и потому составлялъ избирательныя коллегіи на одну половину изъ правительственныхъ чиновниковъ, на другую—изъ лицъ, платившихъ наивысшую сумму налоговъ (les plus imposés). Выборы устанавливались двухстепенные: окружныя коллегіи выбирали кандидатовъ, департаментскія—депутатовъ изъ числа намѣченныхъ окружными коллегіями кандидатовъ. Такимъ образомъ законопроектъ Воблана совершенно игнорировалъ установленный хартіей избирательный цензъ въ 300 франковъ и, въ сущности, еще ухудшалъ избирательные порядки имперіи. Палата поспѣшила воспользоваться недостатками законопроекта, чтобы подвергнуть его коренной передѣлкѣ въ комиссіи, гдѣ главную роль игралъ признанный лидеръ ультра-роялистической партіи, Виллель. Комиссія исходила при этомъ изъ убѣжденія, что наиболѣе враждебнымъ для ультра-роялистическихъ стремленій общественнымъ элементомъ являются «средніе классы», т. е. обезпеченная буржуазія, и что, наоборотъ, низшіе классы всецѣло находятся подъ вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ средѣ которыхъ ультра-роялисты черпали свою главную силу. Поэтому она предлагала сохранить двухстепенные выборы, но предоставить участіе въ первичныхъ собраніяхъ всѣмъ гражданамъ, платящимъ 50 франковъ прямыхъ налоговъ. Первичныя собранія должны избирать выборщиковъ изъ числа гражданъ, платящихъ 300 франковъ прямыхъ налоговъ; послѣдніе составятъ департаментскую коллегію, избирающую депутатовъ. Законопроектъ Воблана предполагалъ ежегодное частичное обновленіе палаты на $^1/_5$ ея состава. Комиссія, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что ордоннансъ 13 іюля разрѣшалъ пересмотръ цѣлаго ряда параграфовъ хартіи и въ томъ числѣ параграфа о частичномъ обновленіи палаты, предлагала, наоборотъ, полное обновленіе палаты чрезъ каждыя 5 лѣтъ. При этомъ подразумѣвалось, что существующая палата сохранитъ свои полномочія до истеченія пятилѣтняго срока, и новые выборы произойдутъ только въ 1820 году.

Проектъ комиссіи отличался несомнѣннымъ демократизмомъ сравнительно съ проектомъ Воблана, вовсе упразднявшимъ свободные выборы. Но онъ былъ такъ же откровененъ, какъ проектъ Воблана, и клонился, въ сущности, къ обезпеченію существующей палаты отъ всякихъ измѣненій въ теченіе пяти ближайшихъ

лѣтъ. Поэтому министерство предприняло противъ него борьбу, но, несмотря на всѣ его старанія, комиссія одержала побѣду, и ея проектъ былъ принятъ съ незначительными измѣненіями. Къ своему счастью министерство располагало большинствомъ въ верхней палатѣ и добилось отклоненія законопроекта пэрами.

Поведеніе министерства раздражило до крайности ультра-роялистовъ. Между тѣмъ приближался конецъ сессіи, и надо было такъ или иначе рѣшить вопросъ объ избирательныхъ порядкахъ. Съ этой цѣлью министерство предложило палатѣ, въ видѣ временной мѣры, просто утвердить избирательный порядокъ, установленный ордоннансомъ 13 іюля, и сохранить до новаго закона избирательныя коллегіи имперіи. При этомъ вопросъ о полномъ или частичномъ обновленіи палаты былъ оставленъ открытымъ; предполагалось, что частичные выборы $^1/_5$ палаты могутъ произойти осенью 1816 года. Новое предложеніе министерства вызвало страстную оппозицію. Ультра-роялисты были твердо убѣждены, что король никогда не дерзнетъ распустить ее и поэтому рѣшили во что бы то ни стало предохранить ее отъ обновленія на $^1/_5$. Предложеніе министерства было быстро разсмотрѣно въ комиссіи, и Виллель отъ ея имени предложилъ палатѣ принять проектъ министерства, но съ добавленіемъ, что новые выборы могутъ произойти только въ случаѣ роспуска всей палаты. Вопросъ о томъ или иномъ избирательномъ порядкѣ сводился, такимъ образомъ, просто къ вопросу о борьбѣ за власть между палатой и министерствомъ. И палата такъ спѣшила съ своимъ торжествомъ, что не постѣснилась выразить публичное неодобреніе своему президенту Лэне, когда онъ отказался поставить на обсужденіе предложеніе Виллеля, такъ какъ послѣдній не предупредилъ о немъ, согласно регламенту, за 24 часа. Лэне, раньше избранный въ президенты почти единогласно, теперь оказывался слишкомъ умѣреннымъ для настроенія палаты и подозрѣвался въ сообщничествѣ съ министерствомъ. Палата принудила его своимъ неодобреніемъ покинуть предсѣдательское кресло и поспѣшно приняла значительнымъ большинствомъ предложеніе Виллеля. Министерство отвѣтило на это закрытіемъ законодательной сессіи, не передало законопроекта въ верхнюю палату и предпочло вопросъ объ избирательныхъ порядкахъ оставить нерѣшеннымъ.

Такъ кончилась первая сессія «безподобной» палаты. Этой сессіи суждено было вмѣстѣ съ тѣмъ быть и послѣдней. Дѣятельность палаты началась полной солидарностью съ мини-

стерствомъ, но по мѣрѣ того, какъ разоблачались ея контръ-революціонные планы, между министерствомъ и палатой возникалъ конфликтъ, и послѣ прекращенія сессіи сдѣлалась совершенно невозможной всякая ихъ совмѣстная дѣятельность. Ультра-роялисты, недовольные тѣмъ, что имъ не удалось свергнуть министерство, при возобновленіи сессіи, очевидно, взялись бы за борьбу съ новой энергіей и не остановились бы для этого ни передъ какими средствами, вплоть до отказа правительству въ налогахъ, о чемъ они поговаривали уже во время первой сессіи.

Изъ очерка дѣятельности «безподобной» палаты мы могли убѣдиться, что она была полнымъ воплощеніемъ духа контръ-революціи. Но въ то же время она была законно избраннымъ народнымъ представительствомъ. И этимъ объясняется то любопытное обстоятельство, что въ борьбѣ своей съ правительствомъ она вкладывала контръ-революціонное *содержаніе* въ либеральную *форму*, заимствованную у англійскаго парламентаризма.

Оказываясь не случайнымъ собраніемъ реакціонеровъ, а народнымъ представительствомъ, палата получала въ глазахъ правительства двойной моральный авторитетъ: она была «роялистична болѣе, чѣмъ самъ король», и въ то же время какъ бы являлась выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Этотъ двойной авторитетъ давалъ ей возможность выступать по отношенію къ правительству съ большою требовательностью. Мы видѣли, что ордоннансъ 13 іюля предрѣшалъ расширеніе правъ палаты сравнительно съ тѣмъ, какъ они были формулированы въ хартіи. Палата спѣшила использовать эти уступки. А когда оказалось, что министерство не раздѣляетъ цѣликомъ программы ультра-роялистовъ, и между палатой и министерствомъ начался конфликтъ, палата стала держать себя по отношенію къ королевской власти съ гораздо большей смѣлостью, чѣмъ всѣ остальныя палаты эпохи реставраціи, не исключая даже палаты 1830 г., принявшей знаменитый адресъ 221. Сначала палата ограничивалась только широкимъ использованіямъ права поправокъ и передѣлывала представленные министерствомъ законопроекты. Одновременно она широко примѣняла право косвенной иниціативы, пользуясь тѣмъ, что ордоннансъ 13 іюля обѣщалъ въ этомъ вопросѣ расширеніе полномочій законодательныхъ учрежденій. Но затѣмъ, когда расколъ между нею и нѣкоторыми членами министерства сдѣлался яснѣе, палата пошла дальше. Она принимала поправки къ законопроектамъ даже въ томъ случаѣ, когда правительство отказывалось дать на нихъ свое согласіе, и

продолжала обсужденіе законопроектовъ даже тогда, когда правительство брало ихъ назадъ посредствомъ ордоннансовъ.

Отстаивая такимъ образомъ за собой всю полноту законодательной власти, палата стремилась къ захватамъ и въ области исполнительной власти. Не довѣряя особенно министру юстиціи Барбе-Марбуа, палата отклоняетъ предложенный имъ законопректъ о преобразованіи счетной палаты, съ спеціальной цѣлью принудить его къ отставкѣ. Послѣ бѣгства Лавалетта она собирается поднести королю адресъ съ заявленіемъ, что министры юстиціи и полиціи «лишились довѣрія націи», и отказывается отъ своего проекта только подъ угрозой роспуска палаты. Обстановка парламентской дѣятельности придаетъ всей ея борьбѣ временами характеръ борьбы за свободу. Она предлагаетъ, какъ мы видѣли, демократическій проектъ избирательнаго закона, понижающій цензъ съ 300 до 50 франковъ прямыхъ налоговъ. Одинъ изъ лидеровъ партіи ультра-роялистовъ, Корбьеръ, предлагаетъ даже понизить цензъ до 25 франковъ. Устами своего обычнаго оратора, Лабурдоннэ, ультра-роялисты высказываются за полноту правъ палаты, за публичность ея засѣданій, за неприкосновенность права петицій. Для поддержки своего моральнаго авторитета партія создаетъ въ департаментахъ цѣлую сѣть ассоціацій и комитетовъ, держащихъ подъ своей опекой префектовъ и всю мѣстную администрацію, организуетъ подачу петицій, устраиваетъ торжественные пріемы депутатамъ, возвращающимся въ департаменты послѣ закрытія сессіи, однимъ словомъ—прибѣгаетъ ко всѣмъ тѣмъ пріемамъ организаціи общественнаго мнѣнія, которымъ впослѣдствіи широко станутъ пользоваться представители либерализма. Благодаря такому характеру своей борьбы съ министерствомъ, «безподобная» палата создала цѣлый рядъ парламентскихъ прецедентовъ, которые впослѣдствіи широко были использованы ея болѣе либеральными преемницами. И въ этомъ отношеніи нельзя не сказать, что «безподобная» палата сыграла большую роль въ дѣлѣ конституціоннаго воспитанія французскаго общества въ духѣ англійскаго парламентаризма.

Свою борьбу съ министерствомъ ультра-роялисты не прекратили и послѣ окончанія законодательной сессіи. Съ парламентской трибуны они перенесли ее теперь въ прессу и усиленно пропагандировали идею образованія министерства изъ большинства палаты. Съ этой цѣлью еще до закрытія сессіи Витролль выпустилъ брошюру, въ которой подробно анализировалъ механизмъ англійскаго парламентскаго кабинета и доказывалъ

полную необходимость при представительномъ правленіи выбирать министровъ изъ среды парламентскаго большинства. Послѣ закрытія сессіи наиболѣе ярко и опредѣленно формулировалъ политическую и соціальную программу ультра-роялистовъ Шатобріанъ, въ своей знаменитой брошюрѣ «De la monarchie selon la Charte». Брошюра Шатобріана вышла въ свѣтъ уже послѣ роспуска «безподобной» палаты, но тѣмъ не менѣе она такъ характерна, что заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Шатобріанъ, при всей своей ненависти къ революціи, отказывался отъ мысли возстановить старый порядокъ. Онъ признавалъ хартію, но старался принципы, ею освященные, обратить на службу реакціонныхъ интересовъ. Онъ различалъ *матеріальные* интересы революціи (обладаніе національными имуществами и политическими правами, которыя признавала хартія) отъ *моральныхъ* ея интересовъ («антирелигіозныхъ» и «противообщественныхъ» ученій) и стоялъ за признаніе первыхъ и безпощадную войну со вторыми. Съ этой точки зрѣнія онъ требовалъ массовой и послѣдовательной очистки всѣхъ вѣдомствъ отъ чиновниковъ, занимавшихъ мѣста во время революціи и имперіи, замѣщенія всѣхъ должностей убѣжденными роялистами, возвращенія духовенству еще не распроданныхъ имуществъ, передачи въ его руки народнаго просвѣщенія, широкаго призыва представителей стараго дворянства на военную и гражданскую службу. Онъ былъ убѣжденъ, что для окончательной расправы съ язвами революціи достаточно въ каждомъ департаментѣ предоставить въ руки убѣжденныхъ роялистовъ семь главныхъ должностей—префекта, епископа, прокурора, предсѣдателя превотальнаго суда и командующихъ войсками, національной гвардіей и жандармеріей (одинъ изъ либеральныхъ публицистовъ этого времени, Дюнойе, зло и остроумно замѣтилъ по этому поводу, что Шатобріанъ въ своемъ перечисленіи забылъ восьмую необходимую должность— палача).

Система управленія, которой держались до сихъ поръ всѣ министерства со времени первой реставраціи, Шатобріана глубоко не удовлетворяла. Онъ видѣлъ въ ихъ политикѣ только различные оттѣнки защиты дѣла революціи, особенно обрушивался при этомъ на Деказа и министерство полиціи, и требовалъ отъ министерства радикальной перемѣны политики. Убѣжденный въ томъ, что роялисты на самомъ дѣлѣ составляютъ громадное большинство французскаго народа и что палата депутатовъ есть подлинное выраженіе общественнаго мнѣнія, Шатобріанъ смѣло развивалъ ученіе либеральнаго конституціонализма. Онъ требо-

валъ свободы печати и гласности засѣданій обѣихъ палатъ, предоставленія палатамъ настоящей законодательной иниціативы и неограниченнаго права поправокъ, отстаивалъ во всей полнотѣ право интерпелляціи и устанавливалъ, какъ основной принципъ представительнаго правленія, необходимость для министерства опираться на большинство палаты. Въ своемъ ученіи о взаимоотношеніи между министерствомъ и палатами Шатобріанъ идетъ дальше Бенжамена Констана и находитъ необходимымъ, чтобы «министерство создавалось изъ большинства палаты депутатовъ». Онъ знаетъ, что палата не можетъ «физически» отставить министровъ, но, въ случаѣ ихъ нежеланія подчиниться воли большинства, онъ угрожаетъ имъ всевозможными «униженіями». Если бы даже министерство и согласилось на измѣненіе своей политики, Шатобріанъ отъ имени большинства палаты отказывается отъ такого компромисса и прямо требуетъ его отставки и призыва къ власти представителей этого большинства.

Такимъ образомъ, если Витролль только намѣчалъ вопросъ, то Шатобріанъ его поставилъ вполнѣ опредѣленно. Передъ обществомъ была теперь полная программа контръ-революціи, опирающаяся, по странной ироніи судьбы, на принципъ парламентскаго министерства. Министерству Ришелье-Деказа предстояла на выборъ альтернатива: или уступить власть ультраройлистамъ, или порвать съ палатой депутатовъ окончательно.

Каково же было въ этотъ моментъ состояніе общественнаго мнѣнія во Франціи? Было ли оно хоть въ нѣкоторой степени на сторонѣ притязаній «безподобной» палаты или, наоборотъ, осуждало ея контръ-революціонные планы? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы располагаемъ обильнымъ матеріаломъ, содержащимся въ административной перепискѣ 1815—1816 гг. И этотъ матеріалъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что громадное большинство префектовъ и полицейскихъ комиссаровъ послѣ «очистки» администраціи само принадлежало къ числу убѣжденныхъ ройлистовъ и, слѣдовательно, было склонно къ преувеличеніямъ въ эту, а не въ противоположную сторону.

Въ первые мѣсяцы дѣятельности «безподобной» палаты вниманіе мѣстной администраціи сосредоточивается преимущественно на представителяхъ оппозиціи. Они сообщаютъ въ своихъ докладахъ о волненіяхъ и опасеніяхъ владѣльцевъ національныхъ имуществъ, о враждебномъ правительству настроеніи многочисленнаго класса отставныхъ военныхъ, о «ложномъ» національномъ духѣ восточныхъ департаментовъ, не могущихъ примириться съ послѣдними пораженіями. Они внимательно слѣдятъ

за поведеніемъ всѣхъ элементовъ оппозиціи, особенно федератовъ эпохи ста дней, и въ случаѣ малѣйшей опасности принимаютъ рѣшительныя мѣры. Къ началу 1816 г. характеръ докладовъ мѣняется. Въ нихъ теперь гораздо меньше свѣдѣній объ оппозиціи и ея проявленіяхъ. Очевидно, суровая расправа съ оппозиціей къ этому времени дала уже свои главные результаты и совершенно придавила общественное мнѣніе.

Съ середины апрѣля, сколько можно судить по этимъ даннымъ, духъ недовольства вспыхиваетъ съ новой силой. Административная переписка отмѣчаетъ вызывающее поведеніе роялистовъ, какъ главную причину недовольства. Почти въ каждомъ департаментѣ есть роялистическая ассоціація, занимающаяся доносами и часто интригующая противъ мѣстной администраціи. Направленіе дѣятельности «безподобной» палаты возбуждаетъ повсюду неодобреніе, и о созывѣ ея на новую сессію говорятъ съ большими опасеніями. «Демагогическій» проектъ понизить избирательный цензъ до 50 франковъ безпокоитъ «всѣхъ друзей монархіи и мира». Въ своей ненависти къ якобинцамъ,—говорятъ префекты,—господствующая партія зачисляетъ въ ихъ категорію и подвергаетъ преслѣдованіямъ всѣхъ, несогласно съ ней мыслящихъ. Якобинцами оказываются всѣ дѣятели революціи или имперіи, отставные военные, федераты, чиновники времени ста дней, всѣ подписавшіе «послѣдній конституціонный винигретъ Бонапарта», меньшинство палаты депутатовъ, большинство палаты пэровъ, всѣ должностныя лица, сочувствующія хартіи, не говоря уже о владѣльцахъ національныхъ имѣній и о такъ называемыхъ «философахъ» (т. е. либералахъ). Въ результатѣ всѣ пострадавшіе увеличиваютъ собой ряды оппозиціи, озлобляются и негодуютъ, и странѣ неизбѣжно грозитъ гражданская война, если правительство не приметъ рѣшительныхъ мѣръ противъ ультра-роялистовъ. Иногда негодованіе ограничивается глухимъ недовольствомъ на палату и ультра-роялистовъ. Префекты свидѣтельствуютъ даже, что населеніе кое-гдѣ охотно примкнуло бы къ правительству, если бы не поведеніе роялистовъ.

Въ нѣкоторыхъ департаментахъ недовольство принимаетъ болѣе серьезный оборотъ и носитъ прямо антидинастическій характеръ. Ужасы роялистической реакціи приводятъ къ мысли о полной несовмѣстимости династіи Бурбоновъ съ интересами Франціи и заставляютъ искать исхода въ смѣнѣ династіи. Среди отставныхъ военныхъ по-прежнему сильны бонапартистскія тенденціи, и они не прочь возвести на престолъ сына Наполеона или принца Евгенія Богарнэ. Въ болѣе широкихъ

кругахъ общества пользуется популярностью имя герцога Орлеанскаго и усиленно вербуются сторонники его кандидатуры. Уже въ началѣ августа 1815-го года полицейскій бюллетень отмѣчаетъ, что въ парижской національной гвардіи раздавались возгласы въ его честь. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ движеніе становится уже болѣе опаснымъ. Въ Муленѣ, напримѣръ, по свѣдѣніямъ администраціи, возникаетъ даже тайная орлеанистская ассоціація, члены которой носятъ кольцо съ надписью «malgré toi, sans toi et pour toi». Въ Шалонѣ «якобинцы» открыто говорятъ о необходимости низверженія Бурбоновъ и передачи престола герцогу Орлеанскому. Въ Маконѣ представители оппозиціи, несмотря на всѣ свои разногласія, сходятся на кандидатурѣ герцога Орлеанскаго, такъ какъ онъ будетъ поддерживать революціонеровъ и освятитъ «великій принципъ *иллегитимитета*». Въ Гренобле такая агитація приводитъ къ настоящему заговору и возстанію. Душой заговора дѣлается Дидье, бывшій роялистъ, находящійся теперь въ сношеніяхъ съ герцогомъ Орлеанскимъ. Возстаніе вспыхиваетъ 5 мая и подавляется съ безпощадной жестокостью.

Одновременно съ планомъ замѣны старшей линіи Бурбоновъ герцогомъ Орлеанскимъ существовало еще другое политическое движеніе — въ пользу принца Оранскаго, наслѣдника вновь образованнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ королевства Нидерландовъ. Иниціатива его кандидатуры принадлежала кружку французскихъ эмигрантовъ, сгруппировавшихся вокругъ издававшагося въ Брюсселѣ французскаго журнала «Nain Jaune refugié». Планы французскихъ эмигрантовъ опирались на тайную поддержку самого принца Оранскаго, женатаго на сестрѣ всесильнаго въ ту минуту императора Александра I и разсчитывавшаго на его помощь. За отсутствіемъ источниковъ, крайне трудно сказать, насколько серьезна была эта политическая интрига, долженствовавшая, вмѣстѣ съ возведеніемъ на французскій престолъ принца Оранскаго, принести Франціи Бельгію. Во всякомъ случаѣ она нашла сочувствіе среди нѣкоторыхъ представителей оппозиціи и внутри Франціи; Манюэль, напр., принималъ активное участіе въ ведшихся переговорахъ. Несочувствіе Александра скоро положило конецъ всей интригѣ.

Пока союзныя арміи занимали значительную часть Франціи, всѣ планы въ пользу герцога Орлеанскаго или принца Оранскаго не могли имѣть опасныхъ результатовъ, но тонъ докладовъ администраціи и успѣхъ антидинастическихъ интригъ наглядно показывалъ, что роялистская реакція зашла слиш-

комъ далеко. Деказъ, сдѣлавшійся къ срединѣ 1816 г. душой правительства, понялъ, что необходимо перемѣнить политику.

Радикальный разрывъ съ ультра-роялистами и переходъ на сторону либеральной программы былъ невозможенъ. Причиной этому была какъ крайняя слабость либеральной партіи, такъ и пропасть, которая образовалась между ея представителями и королевской фамиліей вслѣдствіе враждебнаго Бурбонамъ образа дѣйствій палаты представителей во время ста дней. Личныя антипатіи самого Людовика XVIII и членовъ его правительства не допускали сближенія съ такими лицами, какъ Лафайеттъ или Бенжаменъ Констанъ. Поэтому министерство, разрывая съ ультра-роялистами, не могло пойти налѣво дальше группы умѣренныхъ роялистовъ типа Пакье или Ройе-Коллара.

Во-вторыхъ, неизбѣжный для измѣненія политики роспускъ «безподобной» палаты могъ произойти только въ формѣ *усиленія королевской власти за счетъ правъ палаты*. Людовикъ XVIII всегда оставался въ глубинѣ души вѣренъ своимъ симпатіямъ къ ультра-роялистамъ и представителямъ стараго порядка. Но попытки «безподобной» палаты вторгаться въ область, которую онъ считалъ исключительнымъ достояніемъ королевской прерогативы, оскорбляли его. Поэтому уговорить его на роспускъ палаты можно было только на почвѣ защиты правъ короля отъ покушеній палаты. И въ этомъ вопросѣ министерство неизбѣжно должно было прибѣгнуть къ содѣйствію умѣренныхъ роялистовъ, такъ какъ защита королевской прерогативы составляла сущность ихъ тактики въ теченіе всей сессіи 1815—1816 гг.

Среди группы умѣренныхъ роялистовъ пока совершенно не чувствовалось различія политическихъ оттѣнковъ, которое впослѣдствіи привело къ отдаленію праваго центра отъ лѣваго центра и кружка такъ называемыхъ «доктринеровъ» [1]). Общая опасность со стороны ультра-роялистовъ ихъ тѣсно сближала, и между образомъ дѣйствій Пакье и Ройе-Коллара, напримѣръ, трудно было уловить какую-нибудь разницу. Доктринеры сначала особенно подчеркивали свой роялизмъ и готовность къ уступкамъ духу реакціи. Ройе-Колларъ, въ качествѣ «директора книгоиздательства», держалъ печать подъ строгой цензурой, а въ качествѣ «президента комиссіи народнаго просвѣщенія» производилъ очистку служебнаго персонала. Гизо, начавшій

[1]) Въ кружокъ доктринеровъ въ 1815—1820 гг. входили Ройе-Колларъ, Камиллъ Жорданъ, Бёньо, де-Серръ, Барантъ, Гизо, герцогъ Броль и Ремюза.

очистку служебнаго вѣдомства еще въ министерство Таллейрана, продолжалъ ее въ министерство Ришелье при содѣйствіи Барбе-Марбуа. Вильменъ согласился принять должность цензора. Точно также и въ палатѣ въ первое время поведеніе доктринеровъ не выдѣлялось среди общаго реакціоннаго паѳоса. Репрессивные законы принимались почти единогласно, и Ройе-Колларъ согласился даже принять роль офиціальнаго защитника законопроекта о превотальныхъ судахъ.

Только когда расколъ между министерствомъ и ультрароялистами вполнѣ опредѣлялся, доктринеры вмѣстѣ съ другими представителями умѣреннаго меньшинства переходятъ въ оппозицію и вступаютъ въ борьбу съ большинствомъ. И главный аргументъ, на которомъ строятъ свои возраженія ультра-роялисты и представители будущаго кружка доктринеровъ,—Ройе-Колларъ и де-Серръ—защита королевской власти. Въ противоположность правилу парламентаризма не упоминать имени короля во время преній, они постоянно говорятъ о личной волѣ Людовика XVIII и призываютъ депутатовъ къ подчиненію ей. Они не считаются съ тѣми уступками духу парламентаризма, которыя сдѣлалъ ордоннансъ 13 іюля 1815 г. Наоборотъ, они категорически отрицаютъ право законодательной иниціативы у палаты и съуживаютъ право поправокъ необходимостью согласія правительства. По мнѣнію де-Серра, лишить королевскую власть права исключительной иниціативы значитъ лишить ее вообще возможности управлять, такъ какъ «предлагать законъ—значитъ царствовать». По мнѣнію Ройе-Коллара, признать за палатой право полной свободы поправокъ значитъ «дать ей чудовищную власть становиться выше законовъ». Въ своей борьбѣ съ тенденціей ультра-роялистовъ подчинить себѣ министерство, Ройе-Колларъ доходитъ до полнаго отрицанія самой идеи *народнаго представительства*, такъ какъ оно подразумѣваетъ идею *народнаго суверенитета*, а де-Серръ видитъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ только «совѣтъ монарха, цѣль котораго только освѣдомлять (éclairer) правительство, безъ всякой претензіи на руководство имъ». Самая идея парламентскаго министерства встрѣчаетъ съ ихъ стороны суровый отпоръ; Ройе-Колларъ утверждаетъ, что въ тотъ день, когда палата получитъ возможность навязывать королю своихъ министровъ, королевской власти наступитъ конецъ, и Франція превратится въ республику.

Такой характеръ парламентской тактики доктринеровъ сильно облегчалъ Деказу его задачу—склонить крайне щепетильнаго къ

размѣрамъ своей власти Людовика XVIII на сторону умѣренныхъ роялистовъ. Въ началѣ сессіи министерство вовсе игнорировало представителей меньшинства палаты, и, когда робкая попытка партійной организаціи, которую они сдѣлали въ началѣ сессіи, встрѣтила со стороны двора неудовольствіе, министерство и не подумало ее поддержать. Организація распалась, и только небольшой кружокъ единомышленниковъ, въ которомъ главную роль играли Ройе-Колларъ, Пакье, де-Серръ и Барантъ, продолжалъ регулярно собираться и сговариваться о своей тактикѣ въ палатѣ. До самаго конца сессіи министерство продолжало сторониться оппозиціоннаго меньшинства, хотя и пользовалось его поддержкой во время преній. Послѣ закрытія сессіи министръ внутреннихъ дѣлъ Вобланъ вынужденъ былъ уступить свое мѣсто президенту палаты Лэне, но министерство такъ далеко было отъ разрыва съ ультра-роялистами, что поспѣшило сдѣлать имъ уступку, замѣнивъ непріятнаго имъ министра юстиціи Барбе-Марбуа канцлеромъ Дамбрэ. Мысль о роспускѣ палаты давно уже мелькала у Деказа, но только къ самому концу парламентскихъ каникулъ она приняла у него форму опредѣленнаго проекта, и только тогда онъ сталъ сближаться съ кружкомъ Пакье и Ройе-Коллара. Не безъ труда онъ склонилъ на свою сторону Ришелье и Лэне, долго не рѣшавшихся на полный разрывъ съ ультра-роялистами, и съ начала августа сталъ искусно подготовлять къ роспуску самого Людовика XVIII. Помимо своихъ докладовъ о состояніи департаментовъ, онъ представилъ ему четыре докладныхъ записки въ пользу роспуска палаты; первая изъ нихъ была составлена имъ самимъ, а остальныя принадлежали Пакье, Гизо и Баранту. Всѣ четыре автора приводили разныя соображенія политическаго и экономическаго характера въ пользу необходимости распустить палату и назначить новые выборы, но основнымъ аргументомъ всѣхъ докладовъ была защита королевской власти отъ захватныхъ стремленій палаты и всѣ они приглашали короля выбрать между сохраненіемъ своей самостоятельности и подчиненіемъ волѣ большинства палаты. Трудно сказать, при скудости существующихъ источниковъ, кто при этомъ былъ иниціаторомъ идеи «возвращенія къ хартіи» и слѣдовательно, взятія обратно всѣхъ уступокъ правамъ палаты, которыя сдѣлалъ ордоннансъ 13 іюля 1815 г. Повидимому, иниціатива принадлежала Лэне, но во всякомъ случаѣ за нее охотно ухватились и Деказъ, и его единомышленники, и именно на почвѣ «возвращенія къ хартіи» и усиленія королевскаго авторитета уда-

соль уговорить Людовика XVIII подписать ордоннансъ о роспускѣ «безподобной» палаты.

Сообразно съ этимъ, самый текстъ ордоннанса 5 сентября получилъ консервативный характеръ. Король заявлялъ, что «на ряду съ преимуществомъ улучшенія существуетъ опасность нововведеній», и что поэтому онъ рѣшился вернуться къ «сохраненію въ неприкосновенности конституціонной хартіи». Онъ бралъ назадъ всѣ уступки, обѣщанныя ордоннансомъ 13 іюля 1815 г., и объявлялъ, что на будущее время запрещаетъ подвергать пересмотру какой бы то ни было параграфъ хартіи. Одновременно палата объявлялась распущенной, и избирательныя коллегіи приглашались, согласно правиламъ, установленнымъ для выборовъ 1815 г., произвести новые выборы.

Значеніе ордоннанса 5 сентября было чрезвычайно велико. Онъ давалъ совершенно новое направленіе политикѣ Людовика XVIII и ставилъ преграду контръ-революціоннымъ планамъ ультра-роялистской партіи. Онъ разрывалъ связь между королевской властью и роялистской реакціей, осуждалъ направленіе послѣдней и бралъ тѣмъ самымъ подъ свою защиту интересы новой Франціи. Безъ преувеличенія можно сказать, что ордоннансъ 5 сентября—самый крупный правительственный актъ эпохи реставраціи, актъ, который, при всей непопулярности реставраціи, далъ династіи Бурбоновъ возможность удержаться на престолѣ довольно продолжительный промежутокъ времени. Если онъ не могъ предотвратить катастрофы 1830 г., то только потому, что въ такой же критическій моментъ королевская власть, въ лицѣ Карла X, поступила діаметрально противоположнымъ способомъ. Ордоннансъ 5 сентября спасалъ страну отъ ужасовъ бѣлаго террора, устранялъ угрозу неизбѣжной революціи, задерживаемой только присутствіемъ иностранныхъ войскъ, полагалъ конецъ мечтамъ реакціонеровъ о возстановленіи прежняго аристократическаго соціальнаго уклада, признавалъ дѣло революціи и обѣщалъ Франціи спокойное развитіе на основаніи принциповъ политической свободы и гражданскаго равенства. Понятно, поэтому, какую популярность создалъ себѣ во французскомъ обществѣ главный виновникъ ордоннанса, Деказъ; понятенъ и тотъ восторгъ, съ которымъ Ройе-Колларъ въ первую минуту предложилъ поставить ему памятникъ, какъ спасителю Франціи.

Въ оцѣнкѣ значенія ордоннанса 5 сентября сходятся въ общемъ всѣ историки эпохи реставраціи, къ какимъ бы они политическимъ направленіямъ ни принадлежали. Но очень любопытно, что какъ современники, такъ и историки этой эпохи взглянули на

ордоннансъ исключительно съ *соціальной* точки зрѣнія, съ точки зрѣнія гарантіи интересовъ новой Франціи отъ контръ-революціи, и никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на *политическую, конституціонную* сторону дѣла. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія *политической* ордоннансъ 5 сентября представлялъ собой несомнѣнный шагъ назадъ, освященный единодушнымъ сочувствіемъ и доктринеровъ, и либераловъ. Въ ордоннансѣ 5 сентября король въ *третій* разъ пользовался *учредительной* властью, отъ которой онъ разъ навсегда отказался въ хартіи 4 іюня 1814 г., и вдобавокъ пользовался ею для того, чтобы взять назадъ свои уступки. Этимъ создавался новый прецедентъ для ученія о сохраненіи за королемъ учредительной власти и послѣ изданія хартіи и подготовлялась почва для іюльскихъ ордоннансовъ 1830 г. Ордоннансъ 13 іюля 1815 г. расширялъ права палатъ, и «безподобная» палата на этомъ основаніи потребовала законодательной иниціативы и неограниченнаго права поправокъ, а затѣмъ поставила вопросъ о пониженіи избирательнаго ценза и о парламентскомъ министерствѣ. Ордоннансъ 5 сентября 1816 г., возстановляя въ неприкосновенности принципы хартіи, успокаивалъ общество, напуганное замыслами ультра-роялистовъ, но одновременно съ этимъ однимъ почеркомъ пера устранялъ съ арены борьбы поднятые вопросы конституціоннаго права и закрывалъ будущимъ палатамъ выходъ изъ узкихъ предѣловъ намѣченныхъ для ихъ дѣятельности въ хартіи. Поэтому, даже въ наиболѣе либеральные моменты дальнѣйшей исторіи реставраціи — во время министерствъ Дессоля-Деказа и Мартиньяка — правительство не признавало за палатами ни законодательной иниціативы, ни неограниченнаго права поправокъ, а о парламентскомъ министерствѣ палата депутатовъ рѣшилась прямо заговорить только во время кризиса 1830 г.

В. Бутенко.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЯ ОБЩИНЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Въ предшествовавшемъ очеркѣ я постарался показать на фактическихъ примѣрахъ, что обычное мнѣніе о полной безуспѣшности попытокъ созданія соціалистическихъ общинъ не подтверждается фактами. Среди фурьеристскихъ общинъ были и такія, которыя съ чисто хозяйственной стороны не были безуспѣшны. Онѣ удачно функціонировали втеченіе ряда лѣтъ и если, въ концѣ концовъ, распадались, то лишь потому, что конечныя цѣли, которыя онѣ преслѣдовали, не имѣли ничего общаго съ хозяйственнымъ благополучіемъ ихъ членовъ.

Но мы знаемъ примѣры соціалистическихъ общинъ, хозяйственная устойчивость которыхъ была еще гораздо значительнѣе, которыя существовали не нѣсколько лѣтъ, а многія десятилѣтія. Въ сороковые годы прошлаго столѣтія, когда въ Америкѣ возникло сильное фурьеристское движеніе, въ Америкѣ же была основана и самая устойчивая изъ соціалистическихъ общинъ, связанныхъ съ пропагандой такъ называемаго утопическаго соціализма первой половины прошлаго вѣка.

Община эта была обязана своимъ существованіемъ иниціативѣ Кабэ. Кабэ былъ, безспорно, наименѣе выдающимся изъ блестящей плеяды соціалистовъ-утопистовъ. По смѣлости фантазіи его нельзя и сравнивать съ Фурье—однимъ изъ самыхъ удивительныхъ мыслителей, которыхъ только знаетъ исторія. Точно также Кабэ былъ совершенно чуждъ того геніальнаго историческаго пониманія, которое сдѣлало Сенъ Симона создателемъ новой исторической школы. Наконецъ, Кабэ ничѣмъ не доказалъ и организаторскихъ талантовъ, составлявшихъ исключительную

силу Оуэна. Тѣмъ не менѣе, именно Кабэ было суждено создать наиболѣе устойчивую соціалистическую общину, которая просуществовало дольше, чѣмъ всѣ аналогичныя организаціи новаго времени.

Исторія этой общины такова. Кабэ былъ представителемъ централистическаго коммунизма и, въ качествѣ такового, ожидалъ водворенія коммунистическаго строя не отъ отдѣльныхъ общинъ, а отъ преобразованія всего государства на коммунистическихъ началахъ. Онъ неоднократно предостерегалъ своихъ послѣдователей отъ отдѣльныхъ попытокъ устройства коммунистическихъ обществъ въ небольшихъ размѣрахъ. Однако, такія попытки лежали до такой степени въ духѣ соціализма тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ, что Кабэ не долго устоялъ на этой скептической позиціи. Ободренный успѣхомъ своей проповѣди коммунизма (по его утвержденію число его сторонниковъ во Франціи наканунѣ февральской революціи превышало 400 тысячъ душъ; это, конечно, преувеличеніе, но не подлежитъ сомнѣнію, что число сторонниковъ Кабэ считалось во Франціи многими тысячами и, притомъ, — а это въ данномъ случаѣ особенно важно— преимущественно среди рабочихъ массъ), Кабэ обнародовалъ въ 1847 г. воззваніе къ своимъ послѣдователямъ, призывая ихъ къ переселенію въ Техасъ, для устройства коммунистическаго общества. «Идемъ въ Икарію!»—провозглашалъ онъ въ горячихъ, воодушевленныхъ словахъ (Икаріей называлось коммунистическое государство въ его знаменитомъ романѣ: «Voyage en Icarie»).

Первый авангардъ икарійцевъ отплылъ въ Америку за три недѣли до февральской революціи. Хотя взрывъ революціи отвлекъ вниманіе соціалистически настроенныхъ рабочихъ Франціи отъ предпріятія Кабэ, тѣмъ не менѣе нѣсколько сотъ энтузіастовъ коммунизма переплыло океанъ и основало, несмотря на всевозможныя препятствія и затрудненія, коммунистическую общину. Самъ Кабэ былъ въ ихъ числѣ.

Первое время икарійцы испытывали большія лишенія и, конечно, ихъ прежняя жизнь въ покинутой родинѣ была обставлена бо́льшимъ комфортомъ и удобствомъ. Но, мало по малу, благодаря упорному труду и настойчивости, имъ удалось достигнуть извѣстнаго благосостоянія.

Черезъ нѣсколько лѣтъ община распалась въ силу внутреннихъ раздоровъ, при чемъ Кабэ и вѣрное ему меньшинство были исключены изъ общины. Вскорѣ послѣ этого Кабэ умеръ, но основанная имъ община продолжала жить. Меньшинство, выдѣлившееся изъ общины, попыталось основать новую,

которая вначалѣ имѣла успѣхъ, но вскорѣ распалась. Первоначальная же община послѣ раскола переселилась на новое мѣсто въ штатѣ. Айова и устроилась среди дѣвственныхъ лѣсовъ, вдали отъ всякихъ населенныхъ пунктовъ. Какъ хозяйственная организація, община имѣла несомнѣнный успѣхъ. Въ 1875 г., въ составѣ 75 человѣкъ, она располагала движимымъ и недвижимымъ имуществомъ цѣнностью около 1 милліона фр. Вотъ какъ описываетъ эту общину одинъ изъ ея посѣтителей:

«Передъ мной была дюжина уютныхъ домиковъ, расположенныхъ въ видѣ квадрата; посрединѣ большое центральное зданіе съ общей кухней и общей столовой, служащей также заломъ для собраній, увеселеній и театральныхъ представленій; неподалеку пекарня, прачешная, и многочисленные бревенчатые домики, напоминавшіе о прежней скудной жизни общины... Какъ только раздается ударъ колокола, всѣ спѣшатъ въ столовую, въ которой собираются всѣ 75 членовъ общины, размѣщающіеся вокругъ круглыхъ столиковъ съ чисто французскимъ весельемъ. Надъ дверьми написано большими буквами: «равенство», на противоположной стѣнѣ: «свобода». Пища сытная и здоровая, но крайне простая. Вечеромъ большинство семействъ собирается опять въ томъ же помѣщеніи, гдѣ болтаютъ, поютъ и играютъ на разныхъ инструментахъ. Всего интереснѣе побывать тамъ въ воскресенье вечеромъ. Тогда читаютъ избранныя мѣста изъ сочиненій великаго икарійскаго апостола, Этьенна Кабэ, поютъ пѣсни и молодые люди говорятъ рѣчи, полныя энтузіазма къ соціализму».

Въ 1877 г. распалась и эта община, вслѣдствіе несогласій ея членовъ по принципіальному вопросу относительно допустимости частной собственности въ предѣлахъ общины. Одна часть общины высказалась въ пользу такой допустимости и основала на новомъ мѣстѣ «Новую Икарію», число членовъ которой достигало въ 1886 г. тридцати четырехъ человѣкъ. Другая, болѣе радикально настроенная часть общины, за которой остался прежній кусокъ земли, продала его, переселилась въ Калифорнію и также вначалѣ достигла большого хозяйственнаго успѣха. Въ 1884 г. въ ней числилось 52 члена, а имущество общины оцѣнивалось въ 60 тысячъ долларовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ она распалась.

«Новая Икарія» просуществовала до 1895 г., когда, по единогласному рѣшенію ея членовъ, община была объявлена прекратившейся. Вотъ что сообщаетъ о прекращеніи ея, послѣдній президентъ ея, Маршанъ, въ письмѣ къ извѣстному изслѣ-

дователю американскаго соціализма, Гайднсу. Привожу это письмо текстуально.

«Милостивый Государь.

Получилъ Ваше письмо. Со времени Вашего послѣдняго посѣщенія Икаріи наша община испытала большія перемѣны. Сепаратисты остались на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ Вы были, а мы были принуждены переселиться на новый участокъ земли, въ одной милѣ разстоянія, и должны были все начать заново. Тѣмъ не менѣе, матеріально мы имѣли полный успѣхъ и привели все въ хорошее положеніе. Къ намъ вступила часть новыхъ членовъ, но часть членовъ ушла. Въ 1895 г., при выборѣ членовъ правленія, Бетанніеръ, выбранный нами въ президенты, отказался отъ этой должности. Рѣшено было назначить новые выборы и намѣтили въ президенты меня. Я отказался отъ этого, въ виду моего возраста — мнѣ уже 81 годъ; никто другой не предлагался въ президенты и выборы, такимъ образомъ, состояться не могли. Затѣмъ было нѣсколько собраній, въ которыхъ положеніе было обсуждено со всѣхъ сторонъ и, въ концѣ концовъ, было единодушно рѣшено, что Новоикарійская община должна быть распущена, и все ея имущество раздѣлено между членами согласно договору. По рѣшенію суда раздѣлъ былъ порученъ Бетанніеру. Я уѣхалъ изъ общины въ мартѣ 1895 г. и надѣюсь провести оставшіеся годы въ мирѣ и покоѣ среди членовъ моей семьи и близкихъ друзей. Весь Вашъ А. А. Маршанъ».

Маршанъ былъ много разъ президентомъ общины и состоялъ секретаремъ икарійскаго авангарда, отплывшаго изъ Франціи въ 1848 г.

Такимъ образомъ, икарійская община просуществовала, несмотря на многочисленные расколы, почти полстолѣтія. Это лучше всего доказываетъ, что икарійцы, вышедшіе изъ Франціи, обладали дѣйствительно выдающимися моральными качествами и отнюдь не были людьми, ищущими только новизны, не боялись лишеній и сумѣли безъ значительной поддержки со стороны, завоевать трудомъ своихъ рукъ извѣстный хозяйственный достатокъ.

Но какъ скромны были, въ сущности, достигнутые ими хозяйственные результаты! Въ концѣ концовъ, они добились не бо̀льшаго, чѣмъ то, чего достигаетъ всякій здоровый заурядный американскій фермеръ.

Въ своемъ коммунистическомъ романѣ Кабэ рисовалъ яркія картины пышности и великолѣпія жизни въ будущемъ коммуническомъ государствѣ, какъ оно представлялось его воображенію. Реальная «Икарія», въ лучшіе годы своего существованія, была иной: нѣсколько скромныхъ домиковъ, простая одежда, грубая пища, умѣренный достатокъ и полное отсутствіе какого бы то ни было блеска и какой бы то ни было раскоши. Сосѣди могли относиться къ икарійцамъ съ большимъ уваженіемъ, какъ къ людямъ честнымъ и преданнымъ своему идеалу, но зависти икарійцы внушать не могли и учиться у нихъ было нечему.

Экономическія выгоды соціалистической организаціи труда и потребленія въ предѣлахъ небольшой общины далеко не такъ велики, какъ это представляли себѣ ранніе соціалисты. Въ такой общинѣ невозможно ни значительное раздѣленіе труда, ни крупное производство въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ. Отдѣльная соціалистическая община не можетъ, далѣе, быть самоудовлетворяющимся замкнутымъ хозяйственнымъ міромъ: она неизбѣжно должна находиться въ мѣновыхъ отношеніяхъ съ окружающимъ ее капиталистическимъ міромъ, составлять клѣточку капиталистическаго организма. Соціалистическая община находится въ такой же зависимости отъ рынка, какъ и всякое другое хозяйственное предпріятіе. Всѣ случайности рынка, колебанія цѣнъ товаровъ, разстройства торговаго оборота, промышленные кризисы и другія разрушительныя силы капитализма должны такъ же тяжело поражать коммунистическую общину, какъ и любую акціонерную компанію. Оставаясь коммунистической въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ, такая община въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ является товарохозяйственнымъ предпріятіемъ, какъ и всѣ остальныя. Соціалистическая организація можетъ развить всѣ присущія ей громадныя производительныя силы только въ томъ случаѣ, если она возникнетъ въ крупныхъ рамкахъ современнаго государства. Этого не понимали ранніе соціалисты и въ этомъ была ихъ основная ошибка.

Небольшая соціалистическая община вполнѣ осуществима, какъ хозяйственная организація, даже въ предѣлахъ современной капиталистической системы. Но такъ какъ значительнаго повышенія производительности труда, сравнительно съ обычнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ, она не обѣщаетъ, то, съ чисто хозяйственной стороны, она не имѣетъ достаточно крупныхъ преимуществъ сравнительно съ существующими обычными формами предпріятій и потому не обладаетъ силой вытѣснять эти

послѣднія и, замѣщая ихъ, преобразовывать современный капиталистическій строй.

Но если икарійскія общины просуществовали около полустолѣтія, то мы знаемъ примѣры еще гораздо болѣе успѣшныхъ соціалистическихъ организацій. Правда, эти болѣе успѣшныя организаціи возникли на совершенно иной основѣ, чѣмъ икарійскія общины, или вообще какія бы то ни было общины, связанныя съ современнымъ соціалистическимъ движеніемъ.

Уже много разъ указывалось въ литературѣ, что всѣ вполнѣ успѣшныя соціалистическія общины неизмѣнно были основаны на религіозной связи ихъ членовъ. Въ этомъ указаніи есть доля вѣрнаго и доля невѣрнаго. Совершенно вѣрно, что во всѣхъ случаяхъ, когда соціалистическая организація хозяйства вполнѣ упрочивалась въ извѣстной общественной средѣ, эта среда всегда оказывалась связанной не только хозяйственными, но и морально-религіозными узами. Невѣрно, будто во всѣхъ этихъ случаяхъ религіозные интересы стояли на первомъ планѣ, а хозяйственные только сопутствовали имъ, не играя самостоятельно роли, какъ это мы видимъ, напр., въ коммунистическомъ хозяйствѣ монастыря. Монастыри представляютъ собой уже издавна хорошо извѣстный типъ коммунистической организаціи, которая, однако, никакого мѣста въ исторіи соціализма играть не можетъ по той причинѣ, что основная цѣль монастырской организаціи ничего общаго съ хозяйствомъ не имѣетъ.

Религіозный интересъ объединяетъ людей въ монастырѣ, и если монастырь является въ то же время извѣстной хозяйственной организаціей, то это потому, что внѣ хозяйства вообще жизнь невозможна. Каковъ бы ни былъ строй хозяйства въ монастырѣ, этотъ строй опредѣляется не хозяйственными интересами членовъ данной организаціи, а соображеніями иного порядка. Успѣхъ коммунистической организаціи хозяйства въ такой средѣ не даетъ никакихъ указаній относительно жизнеспособности ея въ средѣ, для которой религіозные интересы отнюдь не являются преобладающими.

Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы правильно оцѣнить значеніе хозяйственныхъ успѣховъ соціалистическихъ общинъ, возникшихъ на религіозной почвѣ, но отнюдь не имѣвшихъ и не имѣющихъ монастырскаго характера. Въ монастырѣ мы видимъ подборъ людей съ особенно сильными религіозными интересами, настолько сильными, что цѣли личнаго благополучія отступаютъ на задній планъ. Религіозныя же общины, о которыхъ будетъ идти рѣчь, представляютъ собой собранія

людей, у которыхъ религіозные интересы хотя и сильнѣе, чѣмъ у обычнаго средняго человѣка (что доказывается самымъ фактомъ выдѣленія данной группы людей въ особую религіозную общину), но все-же не настолько сильны, чтобы уничтожить обычные мотивы человѣческаго поведенія. При возникновеніи этихъ общинъ происходитъ извѣстный подборъ людей опредѣленныхъ (и сильныхъ) религіозныхъ интересовъ. Но въ дальнѣйшемъ существованіи общины этотъ подборъ долженъ, по необходимости, прекратиться, если только въ ней существуетъ бракъ и семья и общины пополняется новыми, родившимися въ ея средѣ членами. Эти новыя поколѣнія являются членами общины по рожденію, а не по искусственному подбору—и въ этомъ существенное различіе такихъ общинъ отъ религіозныхъ организацій, слагающихся изъ людей, сблизившихся между собой на почвѣ религіознаго интереса.

Самымъ выдающимся примѣромъ коммунистической организаціи, объединяющей людей опредѣленной религіозной секты, но существующей уже много десятилѣтій въ составѣ тѣхъ же семей и ихъ потомства, является знаменитая американская коммунистическая община Амана. Исторія ея такова.

Еще въ началѣ XVIII вѣка въ Германіи возникла секта, къ числу вѣрованій которой принадлежало и то, что Богъ посылаетъ отъ времени до времени особыхъ пророковъ, являющихся носителями божественнаго вдохновенія и обладающихъ, поэтому, божественнымъ авторитетомъ. Основатели секты признавались ихъ послѣдователями именно такими пророками. Секта вызвала много гоненій вслѣдствіе столкновеній ея съ мѣстными религіозными властями, а также и вслѣдствіе ея стремленія привести весь строй своей жизни въ соотвѣтствіе съ евангельскимъ идеаломъ. Тѣмъ не менѣе, ни къ какой коммунистической организаціи секта первоначально не стремилась, хотя и признавала необходимость широкой благотворительности и взаимопомощи. Преслѣдованія привели къ болѣе тѣсному сплоченію между собой членовъ секты. Необходимость переселенія нѣкоторыхъ ея членовъ изъ ихъ родныхъ мѣстъ привела къ тому, что въ сектѣ возникла первая коммунистическая организація—общее веденіе хозяйства на арендованномъ земельномъ участкѣ и устройство за общій счетъ нѣсколькихъ ткацкихъ мастерскихъ, съ цѣлью обезпеченія существованіе тѣмъ членамъ секты, которые не имѣли иного заработка.

Однако, на своей родинѣ секта не могла создать для себя сносныхъ условій существованія. Сама собой возникла мысль

о переселеніи въ Новый Свѣтъ, которая и получила осуществленіе въ 1842 г.

Всего изъ Германіи переселилось около тысячи членовъ секты. Въ Америкѣ хозяйство всей общины было съ самаго начала организовано на коммунистическихъ началахъ: община пріобрѣла за общій счетъ обширный участокъ земли, на которомъ и организовала общее производство и потребленіе. Первоначально купленный участокъ земли пришлось перепродать, и въ концѣ концовъ община прочно устроилась въ штатѣ Айова, гдѣ она существуетъ и въ настоящее время.

Община Амана владѣетъ теперь земельной площадью свыше 26 тысячъ акровъ. Число членовъ ея правильно увеличивается, хотя не быстро. Вотъ соотвѣтствующія данныя:

1871 г.	1466	членовъ.
1881 »	1521	»
1891 »	1688	»
1901 »	1767	»

Увеличеніе числа членовъ происходитъ путемъ естественнаго прироста. Бросается въ глаза медленный темпъ этого прироста: за послѣднее десятилѣтіе приростъ не достигъ и пяти процентовъ. Повидимому, это объясняется очень большимъ процентомъ въ составѣ населенія лицъ преклоннаго возраста. По этому поводу извѣстный экономистъ Лифманъ, лично посѣтившій Аману, равно какъ и другія религіозныя общины коммунистическаго характера въ Америкѣ, замѣчаетъ, что ему бросились въ глаза долговѣчность членовъ коммунистическихъ колоній. Въ Аманѣ онъ нашелъ 27 стариковъ свыше восьмидесяти лѣтъ.

Община состоитъ изъ 7 деревень, изъ которыхъ каждая имѣетъ особый отель для посѣтителей со стороны. Отели эти далеко не пустуютъ, такъ какъ община играетъ для окружающаго населенія роль курорта, куда въ лѣтнее время стекается множество гостей, привлекаемыхъ красивымъ мѣстоположеніемъ, а также дешевизной и добросовѣстностью содержанія.

Все имущество общины оцѣнено властями для налоговыхъ сборовъ въ 1901 г. въ 1.645 тысячъ долларовъ (въ 1891 г.— въ 1.320 тыс.; приростъ цѣнности зависѣлъ отъ роста цѣнности земли).

Каждая семья живетъ въ особомъ домѣ. Какъ общее правило, браки совершаются между членами общины; случаи браковъ между членами общины и посторонними являются исклю-

ченіемъ. Столуются члены общины не дома, но въ общественныхъ столовыхъ, которыхъ въ каждой деревнѣ имѣется отъ 4 до 16. Въ этихъ столовыхъ, равно какъ и во время богослуженія и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, мужчины и женщины занимаютъ особыя мѣста. Пища, по словамъ Лифмана, не изысканная, но превосходнаго качества.

Другіе предметы потребленія (кромѣ пищи) члены общины получаютъ изъ общественныхъ магазиновъ, которыхъ имѣется по одному въ каждой деревнѣ. Никакой платы за эти предметы не производится (въ денежной формѣ), но цѣна купленнаго предмета записывается на счетъ покупателя, причемъ каждому члену открывается опредѣленный кредитъ, не совершенно одинаковый, но измѣняющійся въ узкихъ предѣлахъ, въ соотвѣтствіи съ потребностями даннаго члена. Размѣръ кредита на одного члена колеблется между 25 и 40 долларовъ въ годъ. Въ предѣлахъ этого кредита каждый выбираетъ предметы потребленія совершенно свободно. Допускается и превышеніе, въ небольшихъ размѣрахъ, назначеннаго кредита. Но община разрѣшаетъ своимъ членамъ и значительно большіе расходы, когда это необходимо—напр. при жизни на сторонѣ для полученія образованія (нѣкоторые члены общины учились въ Нью-Іоркскомъ университетѣ).

Одежду женщины шьютъ для себя и своихъ дѣтей сами; для мужчинъ одежду шьютъ особые портные. Одежда мужчинъ имѣетъ обычный характеръ, но одежда женщинъ довольно своеобразна: онѣ носятъ на головѣ большой черный платокъ, который совершенно покрываетъ волосы. Вообще одежда и женщинъ, и мужчинъ отличается крайней простотой и отсутствіемъ какихъ бы то ни было украшеній.

Лифманъ отмѣчаетъ, что общій строй жизни аманитовъ носитъ на себѣ отпечатокъ аскетическаго духа; въ общинѣ совершенно отсутствуетъ элементъ развлеченій (употребленіе музыкальныхъ инструментовъ запрещено). Однако, въ настоящее время не замѣтно особенно сильнаго религіознаго чувства и воодушевленія, которыя характеризовали секту при ея возникновеніи. Главнымъ (но далеко не единственнымъ) занятіемъ жителей является земледѣліе. Часть земли сдается въ аренду, такъ какъ многіе изъ членовъ общины предпочитаютъ работу въ мастерскихъ. Большая часть наемныхъ рабочихъ общины (число ихъ доходитъ до 200) также занята въ земледѣліи.

Живой инвентарь общины довольно великъ: она имѣетъ 950 быковъ, 700 коровъ, 3000 овецъ, 2000 свиней и очень много птицъ. Община воздѣлываетъ виноградъ и приготовляетъ

изъ него для своихъ надобностей вино, въ то время какъ въ окружающей мѣстности культура винограда неизвѣстна.

Однако, несмотря на то, что сельское хозяйство поглощаетъ большую часть рабочихъ силъ общины, бо́льшую часть своихъ доходовъ община получаетъ не изъ сельскаго хозяйства, а отъ промышленности. Община имѣетъ свои мельницы, кузницы, мыловаренные заводы, суконную и ситцепечатную фабрики. На суконной фабрикѣ работаетъ около 125 человѣкъ, въ томъ числѣ 16—18 не членовъ общины, на ситцепечатной 26—35 членовъ общины.

Техническое снаряженіе фабрикъ нѣсколько старомодно, но имѣются и машины самой новѣйшей конструкціи, а также машины изобрѣтенныя членами общины, на которыя община не беретъ патентовъ, потому что не стремится извлекать изъ нихъ нетрудовой доходъ. Движущей силой всѣхъ этихъ машинъ является частью вода, частью паръ.

Лифмана поразилъ характеръ работы на этихъ фабрикахъ. Здѣсь не было ничего похожаго на типъ обычной американской фабричной работы. Работаютъ не спѣша, съ продолжительными отдыхами и со всевозможными удобствами; вблизи мѣста работы у каждаго рабочаго имѣется удобный стулъ, чтобы посидѣть и отдохнуть. Все это производитъ на человѣка, привыкшаго къ условіямъ работы на капиталистической фабрикѣ, впечатлѣніе чего-то очень страннаго. Въ такой хозяйственной организаціи, какъ Амана, подобный характеръ работы, однако, вполнѣ естественъ и понятенъ; вѣдь аманиты работаютъ не для обогащенія капиталиста, а ради собственной пользы—для чего же имъ надрывать свои силы утомительнымъ трудомъ? Несмотря на медленность работы (или именно вслѣдствіе ея), продукты аманитскихъ фабрикъ пользуются высокой репутаціей во всей странѣ и сбываются безъ малѣйшаго затрудненія. Лифманъ считаетъ, что фабричное производство Аманы могло бы быть легко расширено въ огромныхъ размѣрахъ, если бы только община этого пожелала; но она не стремится къ богатству и не пользуется благопріятными условіями сбыта своихъ продуктовъ для расширенія ихъ производства.

Согласно утвержденному уставу Аманы, она является «религіозной общиной, преслѣдующей не земныя цѣли, а приближеніе къ божественной любви и выполненіе Божескихъ завѣтовъ». Община управляется 13-ью ежегодно переизбираемыми старѣйшинами. Каждый членъ общины обязанъ при вступленіи въ нее передать ей все свое имущество, какъ движимое, такъ и недви-

жимое. При уходѣ изъ общины онъ имѣетъ право требовать возвращенія внесеннаго имущества.

Число вновь поступающихъ въ общину членовъ невелико; почти всегда это нѣмцы изъ Германіи, а не окружающіе жители. Большинство молодежи, родившейся въ общинѣ, остается въ ней навсегда.

Хотя Амана является самой крупной изъ существующихъ коммунистическихъ общинъ, она практикуетъ коммунизмъ отнюдь не какъ средство разрѣшенія современнаго соціальнаго вопроса, а только какъ форму хозяйства, всего болѣе соотвѣтствующую духу христіанской любви. Поэтому ни къ какой пропагандѣ коммунизма Амана не стремится.

Вообще въ Аманѣ бросается въ глаза слабость интеллектуальной жизни: для всѣхъ семи деревень Аманы имѣется всего одна общественная библіотека, и община не издаетъ ни одного періодическаго органа. Она живетъ своей собственной, замкнутой, уединенной жизнью, отнюдь не вліяя на формы быта окружающаго населенія и не стремясь къ такому вліянію. Пропагаторское вліяніе этой крупнѣйшей коммунистической организаціи міра совершенно ничтожно. Лифманъ говоритъ, что когда онъ распрашивалъ, подъѣзжая къ Аманѣ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и случайныхъ сосѣдей по вагону объ общинѣ съ такимъ своеобразнымъ хозяйственнымъ строемъ, то никто не могъ о ней ему сообщить рѣшительно ничего. Очень характерно, что хотя аманиты живутъ въ Америкѣ уже болѣе семидесяти лѣтъ, разговорнымъ языкомъ ихъ остается нѣмецкій; характерно также и то, что аманитскія женщины носятъ и теперь еще ту самую одежду, того самого покроя, который ихъ бабушки вывезли въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка изъ ихъ старой родины.

Тѣмъ не менѣе, хотя Амана и не является такой формой хозяйственной организаціи, которая могла бы въ какомъ бы то ни было отношеніи угрожать прочности существующаго хозяйственнаго строя, она несомнѣнно, на опытѣ, доказала свою устойчивость и жизнеспособность. Можно думать, что коммунизмъ Аманы есть окончательная форма хозяйственной жизни данной общественной группы. Въ этомъ смыслѣ опытъ Аманы весьма поучителенъ. Хозяйственный успѣхъ Аманы несомнѣненъ. Около трехсотъ семействъ Аманы располагаютъ общимъ имуществомъ цѣнностью около шести тысячъ долларовъ на семью и около 85 акровъ земли на семью. Если бы это имущество и эта земля были раздѣлены между отдѣльными семьями въ частную соб-

ственность, то, вѣроятно, хозяйственное положеніе членовъ данной общины испытало бы ухудшеніе.

Но, съ другой стороны, преимущества коммунистической организаціи въ рамкахъ Аманы не могутъ считаться и особенно значительными. Амана обезпечила своимъ сочленамъ хозяйственной достатокъ — не болѣе. Возможно, что скромность достигнутыхъ хозяйственныхъ результатовъ объясняется тѣмъ, что данная община и не стремится ни къ чему большему. Ставя на первый планъ въ своемъ уставѣ религіозно-нравственныя цѣли, община не ищетъ богатства; не удивительно, что она этого богатства и не имѣетъ.

Мы знаемъ примѣры коммунистическихъ организацій, просуществовавшихъ еще гораздо болѣе продолжительное время, чѣмъ Амана. Въ коллективномъ трудѣ германскихъ соціалистовъ—«Исторіи соціализма», подъ редакціей Каутскаго,—имѣется обширная статья самого Каутскаго, посвященная исторіи самой крупной коммунистической организаціи, которую знала исторія: такъ называемымъ моравскимъ или гутеровскимъ братствамъ перекрещенцевъ. Каждое изъ такихъ братствъ представляло собой коммунистическую общину крупныхъ размѣровъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, занимавшуюся преимущественно промышленной дѣятельностью. Общее число членовъ этихъ общинъ достигало въ періодъ ихъ наибольшаго расцвѣта шестидесяти тысячъ и болѣе. Общины эти производили въ большихъ размѣрахъ разнаго рода промышленныя издѣлія для сбыта на широкомъ рынкѣ, и издѣлія ихъ славились во всей Германіи. Въ такомъ видѣ общины эти просуществовали около полутораста лѣтъ и только въ половинѣ XVIII вѣка распались, подъ вліяніемъ причинъ чисто внѣшняго характера; перекрещенцы были изгнаны изъ предѣловъ Австріи, переселились въ Турцію и слѣдъ ихъ затерялся. Дальнѣйшая судьба ихъ до послѣдняго времени была неизвѣстна и Каутскій заканчиваетъ свой очеркъ выраженіемъ сожалѣнія, что онъ ничего не можетъ сообщить о дальнѣйшей судьбѣ этой любопытной коммунистической организаціи.

Лифману удалось отыскать во время своей поѣздки по Америкѣ слѣды этихъ перекрещенскихъ братствъ. Оказалось, что исторія ихъ послѣ изгнанія изъ Австріи была такова. Когда они, спасаясь отъ религіозныхъ преслѣдованій, поселились въ Валахіи, то селенія ихъ оказались на пути слѣдованія русскихъ войскъ во время русско-турецкой войны восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка. Перекрещенцы обратились къ графу Румянцеву съ прось-

бой о переселеніи ихъ въ Россію, и онъ поселилъ ихъ въ концѣ вѣка въ Черниговской губерніи, въ своемъ селѣ Вишенкѣ.

Въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка гутеровская община изъ Черниговской губ. переселилась въ Таврическую губернію, и основала недалеко отъ Мелитополя колонію Гутерсталь. Вслѣдъ затѣмъ возникло еще нѣсколько гутеровскихъ общинъ въ Таврической и Екатеринославской губерніяхъ. Когда въ 1874 г. въ Россіи была введена всеобщая воинская повинность, гутеровцы не пожелали подчиниться новому закону, несогласному съ ихъ религіозными убѣжденіями, и предприняли новое переселеніе—на этотъ разъ въ Америку, гдѣ ихъ Лифманъ и нашелъ, въ 1908 г., въ Южной Дакотѣ.

Первоначально въ Америкѣ возникло три гутеровскихъ общины. Число членовъ въ этихъ общинахъ быстро увеличилось и въ 1908 г. въ Южной Дакотѣ было уже 12 гутеровскихъ общинъ, съ 1300 членами.

По словамъ Лифмана, посѣщенныя имъ гутеровскія общины живутъ въ настоящее время совершенно также, какъ жили перекрещенцы въ Моравіи въ началѣ XVII вѣка. Коммунизмъ гутеровскихъ общинъ является значительно болѣе полнымъ, чѣмъ въ общинѣ Амана: всѣ семьи гутеровцевъ живутъ въ общихъ домахъ и всѣ предметы потребленія у нихъ общіе. Когда ребенокъ достигаетъ двухъ съ половиной лѣтъ, онъ поступаетъ въ «малую школу»—дѣтскій садъ особаго образца, типъ котораго гутеровцы ввели у себя впервые 300 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ сохранили въ неизмѣнномъ видѣ. Дѣти въ этой школѣ остаются втеченіе цѣлаго дня, подъ присмотромъ особыхъ «школьныхъ матерей» и «школьныхъ сестеръ». По достиженіи шестилѣтняго возраста дѣти поступаютъ въ «большую школу», гдѣ воспитаніе и образованіе ихъ проходитъ подъ руководствомъ особаго учителя.

Руководство дѣлами общины принадлежитъ въ религіозной области—«служителю слова», въ хозяйственной области—«служителю земныхъ нуждъ». И тотъ, и другой избираются всѣми членами общины. Кромѣ того, община имѣетъ свой совѣтъ старѣйшинъ. Все это сохранилось въ неизмѣнномъ видѣ современи средневѣковья.

Религіозная книга гутеровцевъ обосновываетъ ихъ коммунизмъ ученіемъ евангелія и доказываетъ это цѣлымъ рядомъ евангельскихъ текстовъ.

Гутеровскія общины, въ противность своимъ прототипамъ XVII вѣка въ Моравіи, совершенно не занимаются промышленной дѣятельностью, а только сельскимъ хозяйствомъ. Члены общины

не имѣютъ никакого частнаго денежнаго дохода (который имѣется, какъ мы видѣли, въ Аманѣ).

При вступленіи въ члены общины каждый долженъ передать ей все свое имущество, и община не возвращаетъ этого имущества при выходѣ даннаго члена изъ общины.

Въ жизни общины царитъ рѣзко выраженный аскетическій духъ. Въ ней не допускаются никакія развлеченія, даже самыя невинныя, какъ танцы. Не допускается куреніе (не говоря уже объ употребленіи спиртныхъ напитковъ). Община представляетъ замкнутый въ себѣ міръ, чуждающійся всякаго общенія съ остальнымъ міромъ. Этимъ и объясняется, что гутеровскія общины такъ долго оставались никому неизвѣстными и никѣмъ не были описаны до Лифмана, хотя литература о коммунистическихъ общинахъ Америки громадна.

Хотя гутеровцы покинули свою родину уже въ началѣ XVII вѣка, когда они переселились изъ Тироля въ Моравію, и жили нѣсколько столѣтій среди народовъ, не говорящихъ по нѣмецки (чеховъ, русскихъ и американцевъ), разговорнымъ языкомъ ихъ остался нѣмецкій, что является лучшимъ доказательствомъ изолированности ихъ отъ окружающаго населенія.

Коммунистическій строй хозяйства до такой степени вошелъ въ ихъ нравы, что они остались ему вѣрны при всѣхъ превратностяхъ ихъ судьбы. Правда, въ Россіи на продолжительное время они были вынуждены отказаться отъ коммунизма и съ 1818 до 1857 г. жили въ условіяхъ частнаго хозяйства. Но лучшимъ доказательствомъ ихъ преданности коммунизму является то, что, при первой возможности, они опять вернулись къ этому строю хозяйства и въ Америкѣ устроили свою жизнь на коммунистической основѣ. По ихъ собственнымъ словамъ, отказъ отъ коммунизма былъ для нихъ равносиленъ общему упадку, а возвращеніе къ коммунизму возстановило ихъ прежнюю силу.

Итакъ, передъ нами примѣръ коммунистической организаціи, которая продержалась уже нѣсколько вѣковъ и настолько вошла въ нравы соотвѣтствующей общественной группы, что послѣдняя оказалась въ силахъ возстановить коммунистическій строй хозяйства послѣ того, какъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій его не практиковала.

Въ виду того, что гутеровскія общины существуютъ въ формѣ коммунистической организаціи уже нѣсколько вѣковъ, нельзя думать, чтобы основой ихъ коммунизма была исключительная религіозность членовъ этихъ общинъ. Религіозное воодушевленіе не могло бы держаться въ теченіе столь продолжительнаго времени,

въ особенности съ тѣхъ поръ какъ всякія религіозныя преслѣдованія этихъ общинъ прекратились. Скорѣе наоборотъ, именно коммунистическая организація и вытекающія изъ нея выгоды общаго веденія хозяйства поддерживаютъ въ настоящее время религіозную обособленность гутеровцевъ и изолируютъ ихъ до такой степени отъ всего окружающаго міра.

Гутеровскія общины представляютъ собой примѣръ самой продолжительной коммунистической организаціи. Гораздо менѣе удачны были другія попытки создать на религіозной основѣ коммунистическія общины, хотя такихъ попытокъ въ Америкѣ было не мало.

Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ организацій этого рода связана съ сектой шекеровъ. Религіозныя вѣрованія этой секты имѣютъ мистическій характеръ: ея сторонники впадаютъ отъ времени до времени въ религіозный экстазъ, сопровождаемый конвульсіями всего тѣла; у нихъ происходятъ или происходили нѣчто вродѣ нашихъ хлыстовскихъ радѣній. Секта эта появилась въ Америкѣ въ концѣ XVIII вѣка и по религіознымъ соображеніямъ ввела коммунистическій строй хозяйства.

Шекеры отрицаютъ бракъ и берутъ на воспитаніе дѣтей со стороны, въ разсчетѣ, что воспитанныя ими дѣти примкнутъ къ ихъ общинѣ. Въ половинѣ прошлаго вѣка шекеровъ въ Америкѣ было свыше пяти тысячъ. Въ настоящее время число ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ падаетъ, и теперь ихъ насчитывается только около 700 человѣкъ, образующихъ 15 общинъ.

Благодаря сокращенію числа шекеровъ, оставшіеся члены располагаютъ очень крупнымъ имуществомъ; по словамъ Гайднса, они владѣютъ, въ совокупности, не менѣе чѣмъ 100 тысячами акровъ земли. При такомъ значительномъ земельномъ имуществѣ они не имѣютъ возможности сами воздѣлывать землю и сдаютъ ее преимущественно въ аренду, или же обрабатываютъ ее наемнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ, шекеровскія общины утратили въ настоящее время коммунистическій характеръ и, безъ сомнѣнія, по мѣрѣ дальнѣйшаго сокращенія числа шекеровъ, все болѣе и болѣе будутъ удаляться отъ своего первоначальнаго коммунистическаго идеала. Но и въ эпоху своего наибольшаго расцвѣта общины эти не представляли бы для насъ интереса, такъ какъ у шекеровъ, благодаря отсутствію брака, религіозныя задачи выступали на первый планъ и опредѣляли собой все остальное.

Изъ другихъ соціалистическихъ общинъ Америки, существующихъ въ настоящее время или существовавшихъ еще не-

давно, я остановлюсь только на двухъ—общинѣ Онейида и общинѣ Пойнтъ-Лома.

Первая община особенно интересна въ томъ отношеніи, что она сдѣлала попытку создать совершенно новыя формы семьи и брака. Онейида отказалась отъ современной моногамной семьи, но не для безбрачія, а для свободныхъ соединеній мужчины и женщины по соображеніямъ улучшенія расы. Въ этихъ видахъ въ общинѣ Онейида (подобно тому, какъ это предлагалъ въ своемъ «государствѣ разума» Платонъ) каждый мужчина могъ имѣть много женъ, равно какъ каждая женщина могла имѣть много мужей, причемъ признавались особенно желательными соединенія мужчинъ и женщинъ разныхъ возрастовъ.

Число членовъ этой общины (вмѣстѣ съ ея отдѣленіями), возникшей въ 1848 г., достигало нѣсколькихъ сотъ (въ началѣ пятидесятыхъ годовъ — около двухсотъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ—около трехсотъ). Среди общины были представители разныхъ профессій и немало людей съ высшимъ образованіемъ. Дѣти разсматривались въ ней какъ дѣти всей общины, и мать не обладала никакими исключительными правами на своего ребенка; всѣ дѣти воспитывались сообща.

За нѣсколько десятковъ лѣтъ своего существованія община, достигла значительнаго хозяйственнаго успѣха. Главное зданіе общины имѣло видъ роскошной виллы или дворца, въ три этажа. Въ этомъ зданіи помѣщалась и библіотека, состоявшая больше чѣмъ изъ пяти тысячъ томовъ. Община имѣла типографію, которая выпустила рядъ цѣнныхъ изданій (между прочимъ, «Исторію американскаго соціализма», главы общины Нойеса) и въ теченіе почти всего времени существованія общины печатала ея періодическій органъ.

Молодежь, выросшая въ общинѣ, получала хорошее образованіе, которое заканчивалось нерѣдко въ одномъ изъ американскихъ университетовъ. Хотя въ основѣ общины и лежали религіозныя цѣли, тѣмъ не менѣе аскетическій духъ былъ ей совершенно чуждъ. Культурныя развлеченія всячески поощрялись: были особыя помѣщенія для фотографіи. Община имѣла участокъ земли на берегу близлежащаго большого озера, куда лѣтомъ переселялись члены «Онейиды» для рыбной ловли, охоты и вообще разнаго рода спорта.

Главнымъ занятіемъ общины было садоводство, тканье шелковыхъ матерій и разнаго рода слесарная работа. Внутренняя духовная жизнь «Онейиды» была очень своеобразна. Большое значеніе придавалось полной откровенности во взаимныхъ сно-

шеніяхъ и такъ называемой «взаимной критикѣ», для чего былъ особый постоянный «комитетъ критики», выбранный всѣми членами и ставившій себѣ задачей открытое обсужденіе личности и поведенія членовъ общины. Кромѣ того, каждый членъ общины могъ подвергать критикѣ каждаго другого члена и по собственной иниціативѣ. Этой открытой и широкой критикѣ члены общины придавали особое значеніе. «Нельзя преувеличивать значеніе взаимной критики при общинной жизни»—писали они. «Она играетъ при коммунизмѣ такую же роль, какую въ обычномъ обществѣ играетъ судъ. Общество не можетъ существовать безъ управленія, безъ извѣстныхъ судебныхъ и полицейскихъ функцій; коммунизмъ же требуетъ для своего наилучшаго развитія системы свободной критики. Наша задача заключается въ самоусовершенствованіи, и мы пришли долгимъ опытомъ къ убѣжденію, что свободная критика—добросовѣстное, честное и строгое высказываніе правды—есть лучшее средство для достиженія этой цѣли».

При исполненіи разнаго рода хозяйственнаго труда «Онейида» выработала особые пріемы. Такъ, для увеличенія энергіи и производительности труда община прибѣгала къ труду «роемъ»—сколенію большихъ группъ рабочихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чтобы общими силами и при наибольшемъ напряженіи силъ выполнить ту или иную трудную работу. При этомъ иногда играла музыка и пѣлись пѣсни. Одежда членовъ общины имѣла свои особенности: женщины, между прочимъ, не носили длинныхъ волосъ.

Хозяйственныя дѣла общины шли хорошо, и она имѣла бы всѣ шансы на дальнѣйшее благополучное существованіе, еслибы не причины внѣшняго характера. Отношенія половъ въ Онейидѣ навлекли на нее гоненія пресвитеріанскаго духовенства. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія община отказалась отъ практиковавшейся въ ней формы брака. При этомъ первоначально имѣлось въ виду сохранить безъ всякихъ перемѣнъ общность имущества и труда. Но вскорѣ среди членовъ общины обнаружилось стремленіе вмѣстѣ съ возстановленіемъ обычной семьи перейти и къ обычнымъ формамъ собственности. Въ 1881 г. «Онейида», просуществовавшая въ формѣ коммунистической общины 33 года, была преобразована въ акціонерную компанію.

Эта компанія въ финансовомъ отношеніи имѣла полный успѣхъ. Капиталъ ея, при ея возникновеніи, былъ опредѣленъ въ 600 тысячъ долларовъ. Въ настоящее время во главѣ ея стоитъ Гайндсъ, авторъ лучшаго труда по исторіи американскихъ коммунистическихъ общинъ.

Кое-что изъ прежняго духа сохранилось и въ преобразованной «Онейидѣ», которая является въ настоящее время сложной организаціей, отчасти капиталистической, отчасти кооперативной. Въ 1907 г. капиталъ ея достигалъ уже 1.312 тыс. долларовъ, т. е. съ 1881 г. увеличился болѣе, чѣмъ вдвое. Компанія имѣетъ до двухъ тысячъ наемныхъ рабочихъ, работающихъ въ разнообразныхъ предпріятіяхъ, начатыхъ прежней общиной и продолжающихся съ полнымъ финансовымъ успѣхомъ. Достаточно сказать, что общая стоимость проданныхъ компаніей продуктовъ достигла въ 1906 г. почти двухъ съ половиной милліоновъ долларовъ. Но, конечно, въ современномъ видѣ «Онейида» уже не является коммунистической общиной, и успѣхъ ея интересенъ лишь въ томъ отношеніи, что онъ свидѣтельствуетъ о здоровыхъ хозяйственныхъ основахъ прежней общины, передавшей новой компаніи свои хозяйственныя постройки, имущество и начатыя предпріятія.

Община Пойнтъ-Лома является центромъ всемірной теософической организаціи. Возникла она въ 1900 г. въ самомъ живописномъ мѣстѣ Калифорніи, на полуостровѣ, вдающемся далеко въ океанъ и возвышающемся надъ нимъ на 400 футовъ. Со стороны материка горизонтъ заканчивается снѣжными горами. По словамъ основателей общины, ничего болѣе прекраснаго, въ смыслѣ мѣстоположенія, нельзя найти на земномъ шарѣ.

При помощи обширныхъ денежныхъ средствъ, которыми располагаетъ теософическое братство, было воздвигнуто громадное зданіе, представляющее собой, судя по фотографіямъ, настоящій дворецъ причудливой архитектуры, къ которому примыкаетъ цѣлый рядъ другихъ построекъ въ томъ же родѣ. Въ этихъ зданіяхъ живутъ около 200 взрослыхъ членовъ общины и около 300 воспитываемыхъ ими дѣтей. Къ общинѣ принадлежитъ много образованныхъ людей; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большое личное состояніе. Никто не получаетъ въ общинѣ никакого вознагражденія за свой трудъ, а только участвуетъ въ общемъ потребленіи.

По словамъ Лифмана, во время его посѣщенія этой общины привратникомъ главнаго зданія былъ извѣстный скрипачъ; въ общинной работѣ принимали участіе одинъ милліонеръ изъ Питсбурга, вмѣстѣ со своей дочерью, одинъ генералъ со всей своей семьей, нѣсколько писателей и живописцевъ.

Постройки Пойнтъ-Ломы, обошедшіяся болѣе чѣмъ въ милліонъ долларовъ, были возведены при помощи наемныхъ рабо-

чихъ, но въ настоящее время всѣ работы въ общинѣ исполняются самими ея членами.

Цѣли общины, которая, какъ сказано, располагаетъ крупными капиталами, имѣютъ всецѣло религіозно-этическій характеръ. Община отнюдь не требуетъ отъ своихъ членовъ, чтобы они передавали ей свое имущество, но многіе изъ нихъ добровольно жертвуютъ ей значительныя денежныя средства или щедро оплачиваютъ свою жизнь въ общинѣ. Съ другой стороны, многіе живутъ въ Пойнтъ-Ломѣ на средства общины. Такимъ образомъ, Пойнтъ-Лома является не столько коммунистической общиной, сколько культурнымъ и просвѣтительнымъ филантропическимъ учрежденіемъ, въ задачи котораго входитъ нравственное воспитаніе человѣка путемъ пріученія его къ физическому труду.

За послѣднее время стремленіе къ устройству разнаго рода общинъ, вполнѣ или отчасти соціалистическаго характера, очень возросло, и въ Америкѣ возникло такихъ общинъ не мало. Быть можетъ, среди русскихъ духоборовъ въ Канадѣ съ теченіемъ времени образуется самая крупная коммунистическая организація новаго времени. Гайндсъ сообщаетъ о многихъ подобныхъ общинахъ, существующихъ въ настоящее время—напр. объ общинѣ въ Колорадо, капиталъ которой въ 1906 г. опредѣлялся въ 300 тысячъ долларовъ, при 400 членахъ, о соціалистической фермѣ въ окрестностяхъ Бостона, съ 40 членами, о колоніи Эстеро секты «корешанцевъ», съ нѣсколькими сотнями членовъ.

Изъ соціалистическихъ колоній внѣ Америки я остановлюсь только на одной—извѣстной колоніи «Криница» на Черноморскомъ побережьѣ.

Колонія эта праздновала въ маѣ прошлаго года двадцатипятилѣтіе своего существованія. Исторія ея, описанная въ только что вышедшей книгѣ: «Четверть вѣка Криницы», такова.

Иниціаторами этой колоніи были три лица, различнаго общественнаго положенія и характера. Душой всего дѣла слѣдуетъ считать выдающуюся женщину Н. Н. Коганъ, урожденную княжну Друцкую-Соколинскую. Она была захвачена интеллигентскимъ движеніемъ 60—70 годовъ, но, въ противность большинству, не увлекалась революціонной идеей. «Я почувствовала—пишетъ она,—что политика мнѣ совсѣмъ не по душѣ. Хотѣлось что-то дѣлать, творить, созидать, а не разрушать». Скоро она совершенно отошла отъ революціонныхъ кружковъ и стала подыскивать единомышленниковъ для устройства коммуны, въ которой можно было бы наладить жизнь согласно идеаламъ тогдашней интеллигенціи.

Такая коммуна въ скоромъ времени и возникла въ Петербургѣ: группа молодежи наняла въ отдаленной части Петербурга общую квартиру, въ которой поселилась и стала обучаться ремесленному труду. Женщины учились сапожному ремеслу, мужчины—столярному. При этомъ отнюдь не имѣлось въ виду воспользоваться полученными знаніями для послѣдующей пропаганды въ народѣ (какъ это было обычно въ подобныхъ кружкахъ того времени); цѣлью была производительная артель изъ среды самихъ членовъ коммуны.

Коммуна, какъ это и слѣдовало ожидать, очень скоро распалась вслѣдствіи несогласій въ средѣ ея членовъ, и отколовшаяся группа, съ Н. Н. Коганъ во главѣ, поѣхала въ деревню, въ родовое имѣніе г-жи Коганъ.

Однако и въ деревнѣ община не наладилась, и Н. Н. черезъ нѣсколько лѣтъ опять вернулась въ городъ—на этотъ разъ въ Москву. Здѣсь она встрѣтилась съ В. В. Еропкинымъ, изъ богатаго дворянскаго рода Тверской губерніи, человѣкомъ очень образованнымъ и блестящихъ умственныхъ способностей, кончившимъ два факультета Московскаго университета—математическій и естественный. Еропкинъ также увлекался артельной идеей и организовалъ въ Москвѣ мастерскую учебныхъ пособій на артельныхъ началахъ, въ которой изготовлялись разнообразные инструменты и учебныя пособія; многія изъ послѣднихъ были изобрѣтены имъ самимъ.

Дѣла этой артели подъ руководствомъ Еропкина шли настолько хорошо, что члены артели стали зарабатывать значительно больше, чѣмъ прежде. Тѣмъ не менѣе, создатель ея скоро разочаровался въ своемъ дѣтищѣ, потому что увеличеніе заработка нисколько не подняло артельщиковъ морально. «Вмѣсто саморазвитія и сознанія своихъ обязанностей передъ семьей, обществомъ и народомъ, мастеровые заказали себѣ хорошій костюмъ, золоченые часы съ цѣпочкой, котелокъ на голову и галоши на ноги; стали усиленно посѣщать цирки, загородныя гулянья, а семьи ихъ оказались безъ ухода, дѣти—безъ образованія. Мастера увеличили срокъ выучки учениковъ и неохотно ихъ принимали, опасаясь конкуренціи на рынкѣ труда».

Это разочарованіе въ обычной артели было у Еропкина такъ глубоко, что при встрѣчѣ его съ Н. Н. Коганъ онъ поразилъ ее своимъ мрачнымъ видомъ. Его все больше и больше стала привлекать мысль бросить городскія условія жизни и попытаться создать такую общину, которая, по самой своей организаціи, бу-

детъ поддерживать людей на извѣстной моральной высотѣ, не допуская ихъ до моральнаго паденія.

Еропкинъ и Коганъ скоро столкнулись съ сыномъ сельскаго священника З. С. Сычуговымъ, готовившимся въ земскіе учителя, но арестованнымъ и вслѣдствіе этого лишившимся возможности работать на педагогическомъ поприщѣ. Сычуговъ побывалъ въ Батищевѣ у Энгельгардта и научился тамъ сельскому хозяйству. Идеаломъ его было «никого не эксплоатировать, потреблять лишь то, что заработаешь своимъ физическимъ трудомъ». Онъ неоднократно пытался «сѣсть на землю», но неудачно. Встрѣтившись съ Еропкинымъ и Н. Н. Коганъ, онъ быстро съ ними сблизился. Въ скоромъ времени эти трое, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими товарищами, основали небольшую общину въ Уфимской губ. Уфимская община просуществовала менѣе двухъ лѣтъ лѣтъ: ее выжили преслѣдованія администраціи. Была сдѣлана попытка основать общину въ Полтавской губерніи, но дѣло опять разстроилось по той же причинѣ. Въ концѣ концовъ община возникла на Кавказѣ, на берегу Чернаго моря.

«На Кавказъ, на Кавказъ, — писалъ въ своемъ дневникѣ Сычуговъ, которому было поручено пріискать мѣсто для устройства общины.—Въ страну полуденнаго солнца и сѣдой старины, куда ходилъ легендарный Язонъ со своими аргонавтами за золотымъ руномъ. Не за золотомъ иду я—я гонюсь за счастьемъ. Много ли нужно для моего счастья? Небольшой клочекъ земли, на которомъ я могъ бы, въ союзѣ съ симпатичными мнѣ людьми, воспитать и вскормить юное поколѣніе въ понятіяхъ абсолютной чести и человѣческаго достоинства».

Такъ возникла на Черноморскомъ побережьи колонія «Криница». Много разъ она была на краю гибели, но, въ концѣ концовъ, уцѣлѣла. Въ періодъ своего наибольшаго расцвѣта—около 1900 г.—община включала въ себя около 75 человѣкъ, изъ которыхъ, правда, только меньшинство были полноправными членами общины. Наемнымъ трудомъ община пользовалась почти всегда, но лишь по необходимости—въ виду невозможности наличному персоналу общины выполнить ту или иную работу. Большую роль въ хозяйствѣ «Криницы» играли также и «практиканты»—молодые люди, пріѣзжавшіе въ «Криницу» изъ разныхъ концовъ Россіи изъ идейнаго интереса къ общинѣ и работавшіе въ ней наряду съ ея полноправными членами.

Между послѣдними и практикантами нерѣдко возникали неудовольствія и многіе изъ практикантовъ были склонны обвинять общинниковъ въ томъ, что община эксплоатируетъ ихъ

трудъ. Но такъ какъ условія жизни и труда общинниковъ ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ условій жизни и труда практикантовъ, то обвиненія эти никакъ нельзя признать основательными. Что же касается до нежеланія членовъ общины принимать въ свою среду, безъ предварительнаго искуса, каждаго желающаго, то въ этомъ отношеніи общинники были безусловно правы, такъ какъ успѣхъ организацій подобнаго рода зависитъ, прежде всего, отъ тщательнаго подбора людей.

Духовнымъ руководителемъ всего дѣла была, повидимому, Н. Н. Коганъ — женщина несомнѣнно исключительная и по уму, и по характеру. Но именно ея духовное превосходство вызывало неудовольствіе многихъ членовъ общины и упреки въ томъ, что Н. Н. своимъ авторитетомъ подавляетъ всѣхъ другихъ и не даетъ возможности проявленію индивидуальныхъ различій.

Главной цѣлью общины было нравственное совершенствованіе ея членовъ, причемъ большое значеніе въ этомъ отношеніи придавалось развитію религіознаго чувства. Хотя общинники не примыкали ни къ какому опредѣленному религіозному культу и отнюдь не были религіозной сектой, тѣмъ не менѣе религіозные интересы играли въ ихъ жизни очень большую роль; они собирались въ опредѣленные дни для молитвъ и чтенія священныхъ книгъ, и никакіе вопросы не вызывали въ ихъ средѣ такихъ страстныхъ споровъ, какъ вопросы религіозные.

На жизнь окружающаго населенія община большого вліянія не имѣла и даже нѣкоторое время сознательно сторонилась отъ такого вліянія, замыкаясь въ своей собственной средѣ.

Въ хозяйственномъ отношеніи успѣхи ея были очень невелики и она не могла бы просуществовать такъ долго, еслибы не находила помощи со стороны, именно изъ личнаго заработка одного изъ ея основателей, Еропкина, который послѣднее время не жилъ въ общинѣ, а стоялъ во главѣ крупной фабрики и тратилъ значительную часть своего заработка на поддержаніе «Криницы»; безъ этой помощи община, несомнѣнно, не могла бы покрывать свои расходы.

Когда денежныя дѣла Еропкина пошатнулись, община очутилась на краю гибели, но, благодаря выгодной продажѣ части земли, устояла и въ настоящее время существуетъ на основаніи особаго договора, какъ земледѣльческая артель. Въ 1911 г. число полноправныхъ членовъ ея равнялось 16, при 20 дѣтяхъ и несовершеннолѣтнихъ.

Въ своемъ современномъ видѣ «Криница» очень напоминаетъ нѣкоторыя американскія соціалистическія общины; трудъ

оплачивается особыми марками, причемъ каждый имѣетъ право по своему усмотрѣнію расходовать свой заработокъ. Изъ этого заработка оплачивается стоимость помѣщенія и столъ.

Будущее «Криницы» рисуется ея руководителямъ въ настоящее время въ благопріятномъ видѣ. Весьма возможно, что «Криница» выработается, въ концѣ концовъ, въ устойчивую хозяйственную организацію, способную существовать собственными силами. Но для этого требуется, прежде всего, самый тщательный подборъ ея членовъ.

Руководители новой «Криницы» усматриваютъ смыслъ происшедшей въ ней перемѣны въ томъ, что прежняя коммуническая община превратилась въ кооперативную организацію современнаго типа. Съ этимъ я никакъ не могу согласиться. И въ преобразованномъ видѣ «Криница» не можетъ считаться кооперативомъ.

Разница между кооперативами и организаціями, подобными современной «Криницѣ» (которая, въ моихъ глазахъ, эволюціонировала не отъ коммунистической общины къ кооперативу, а отъ коммунистической общины къ соціалистической общинѣ) заключается въ слѣдующемъ.

Кооперативы являются хозяйственными организаціями, разсчитанными на средняго человѣка. Они отнюдь не требуютъ для своего успѣха исключительныхъ нравственныхъ свойствъ человѣка и апеллируютъ, прежде всего, къ хозяйственному интересу каждаго. Именно потому кооперативы и достигли такого огромнаго развитія въ системѣ современнаго хозяйства.

Напротивъ, соціалистическія общины являются организаціями для немногихъ избранныхъ—для людей совершенно необычнаго душевнаго склада. Отнюдь не хозяйственный интересъ побуждаетъ людей создавать общины такого рода, а высшіе моральные или общественные интересы. Въ настоящее время врядъ ли кто думаетъ, что соціалистическія общины могутъ разрушить капиталистическую систему хозяйства и замѣнить собой капиталистическія предпріятія. Тѣмъ не менѣе, такія общины возникаютъ и въ наше время и даже, повидимому, въ большемъ числѣ, чѣмъ раньше. Объясняется это тѣмъ, что растущее сознаніе несправедливости капиталистической системы хозяйства дѣлаетъ все болѣе и болѣе невыносимымъ для людей съ чуткой совѣстью жизнь въ условіяхъ этого хозяйства. Вотъ почему отдѣльныя лица съ сильными моральными интересами обнаруживаютъ все больше и больше стремленіе создать для себя такую обстановку жизни, при которой собственное благополучіе не основывалось бы на эксплоатаціи другого человѣка.

Организаціи, подобныя «Криницѣ», могутъ существовать только при наличности у членовъ сильныхъ нравственныхъ интересовъ. Онѣ отнюдь не могутъ считаться хозяйственными предпріятіями, т. е. организаціями, созданными частнохозяйственнымъ интересомъ. Поэтому я и не могу признать современную «Криницу» кооперативомъ, хотя она юридически и является таковымъ, будучи, въ глазахъ закона, просто земледѣльческой артелью.

Соціалистическія общины, какія бы юридическія формы онѣ ни принимали, должны быть принципіально отличаемы отъ кооперативовъ. Это—организаціи для немногихъ. Въ хозяйственной жизни современности они никакой существенной роли не играютъ и, безъ сомнѣнія, еще долгое время не будутъ играть.

Но отсюда я отнюдь не дѣлаю вывода, что организаціи такого рода вообще никакого общественнаго значенія не имѣютъ. Напротивъ, я не могу считать ошибкой общественнаго мнѣнія тотъ пристальный интересъ, съ которымъ общество относится къ надобнымъ попыткамъ построить свою жизнь на совершенно новыхъ хозяйственныхъ основахъ.

Для меня эти попытки образуютъ собой важную и многозначительную страницу, но не въ экономической исторіи человѣчества, а въ исторіи его моральныхъ исканій. Люди высокаго моральнаго уровня не могутъ не стремиться къ созданію такихъ условій жизни, при которыхъ имъ не приходилось бы жертвовать своими моральными идеалами въ борьбѣ за существованіе. Колонія, основанная на общности труда и общемъ владѣніи средствами производства, даетъ возможность жить трудами своихъ рукъ и въ то же время удовлетворять своимъ культурнымъ потребностямъ. Вотъ почему, несмотря на огромныя трудности осуществленія такой колоніи (трудности заключаются преимущественно въ рѣдкости людей того душевнаго склада, который требуется для успѣха колоніи), такія колоніи отъ времени до времени возникаютъ. Ихъ немного, но значеніе ихъ измѣряется не ихъ хозяйственными результатами. Примѣръ небольшой кучки участниковъ такихъ общинъ дѣйствуетъ ободряюще и освѣжающе на остальное человѣчество, доказывая, что есть люди, способные къ смѣлому соціальному творчеству во имя высокаго моральнаго идеала. Какъ ни мало такихъ общинъ, но онѣ свѣтятъ—и даже, чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ ярче лучи, которые отъ нихъ исходятъ.

М. Туганъ-Барановскій.

УГОЛОВНОЕ РАБСТВО ВЪ ЮЖНЫХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

Американская жизнь представляетъ собою прихотливую комбинацію, съ одной стороны, такихъ мѣръ, которыя свидѣтельствуютъ о высокомъ общественномъ развитіи, а съ другой стороны—мѣръ, являющихся скорѣе остатками примитивнаго варварства. Достаточно указать въ первомъ отношеніи на реформаторіи, попечительный надзоръ, учрежденія для заброшенныхъ и испорченныхъ дѣтей, и въ другомъ—на право Линча, систему остроговъ и кастрацію. Къ числу мѣръ послѣдней категоріи принадлежитъ и та система эксплоатаціи труда преступниковъ, которую мы встрѣчаемъ въ южныхъ штатахъ Сѣверо-Американской Республики. Она донынѣ носитъ на себѣ яркую печать примитивнаго рабства, со всѣми его жестокостями и полнымъ угнетеніемъ человѣческой личности. Невѣроятныя истязанія, подкупы и злоупотребленія въ этой области обратили на себя въ послѣднее время серьезное вниманіе американской печати и послужили поводомъ къ энергической агитаціи противъ пережитковъ эпохи рабства, донынѣ открыто терпѣвшагося въ XX столѣтіи.

Въ южныхъ штатахъ [1]), насчитывающихъ значительное количество негрскаго населенія, еще отъ эпохи гражданской войны сохранилась система отдачи государствомъ преступниковъ на работу частнымъ лицамъ. Эта система была впервые примѣнена въ Георгіи генераломъ Ruger'омъ въ

) Къ числу ихъ относятся штаты, расположенные къ югу отъ рѣки Огайо: Арканзасъ, Оклахома, Техасъ, Миссисипи, Виргинія, Южная и Сѣверная Каролины, Георгія и Флорида.

60-хъ годахъ вслѣдствіе недостатка въ тюрьмахъ и значительнаго увеличенія тяжкой преступности послѣ освобожденія негровъ. Онъ сдалъ частнымъ предпринимателямъ 100 преступниковъ за плату въ 2500 долларовъ въ годъ. Въ 1869 г. преемникъ Ruger'a, губернаторъ Bulloch, отдалъ въ наемъ одной частной фирмѣ 500 осужденныхъ. Практика эта была закрѣплена законодательствомъ штата въ 1871 и 1876 гг., и отсюда была заимствована рядомъ другихъ южныхъ штатовъ.

Многія обстоятельства благопріятствовали развитію и укрѣпленію этой системы. При жаркомъ климатѣ и значительной распространенности инфекціонныхъ болѣзней, скучиваніе осужденныхъ въ большихъ тюрьмахъ представлялось небезопаснымъ. Усиливающаяся индустріализація тюремъ встрѣчала на югѣ рѣзкій отпоръ со стороны свободнаго населенія, не желающаго допускать конкурренцію болѣе дешеваго арестантскаго труда съ трудомъ свободныхъ гражданъ. Устройство новыхъ или расширеніе существующихъ тюремъ, при значительномъ ростѣ преступности, потребовало бы крупныхъ затратъ со стороны государства.

Съ другой стороны, многое говорило въ пользу внѣ-тюремныхъ работъ. Громадныя невоздѣланныя пространства земли предоставляли широкую возможность организаціи земледѣльческаго труда. При значительномъ преобладаніи на югѣ негрскаго населенія (въ особенности въ средѣ осужденныхъ [1]), полевыя и иныя земледѣльческія работы являлись естественной формой труда, къ которому были приспособлены негры и по своей предшествующей подготовкѣ. На нихъ они чувствуютъ себя пріятнѣе и здоровѣе; свѣжій воздухъ укрѣпляетъ ихъ силы, тогда какъ спертая атмосфера тюремъ и мастерскихъ часто приводитъ ихъ къ чахоткѣ. Благодаря широкой потребности въ сельскохозяйственныхъ продуктахъ, конкурренція труда арестантовъ въ этой области не чувствовалась такъ остро, какъ въ области ремесленнаго труда. Наконецъ—и это важнѣе всего,—при дороговизнѣ рабочихъ рукъ на югѣ, пользованіе подневольнымъ трудомъ арестантовъ могли доставлять государству крупную выгоду, не только покрывая всѣ расходы на ихъ содержаніе, но и принося значительный чистый доходъ.

Несомнѣнныя преимущества земледѣльческаго труда привели къ тому, что государство стало обращать систематически

---

1) Въ отдѣльныхъ штатахъ процентъ негровъ въ средѣ тюремнаго населенія весьма значителенъ. Онъ доходитъ въ Техасѣ до 91%, въ Георгіи до 80%, въ Миссисипи до 90%, Флоридѣ до 70%.

всѣхъ или всѣхъ здоровыхъ осужденныхъ на работы на полѣ, въ лѣсу, въ рудникахъ, по осушенію болотъ, постройкѣ дорогъ и т. п. Однако оно само не организовывало эти работы, а за извѣстную плату въ пользу государства сдавало арестантовъ въ наймы частнымъ предпринимателямъ. Государство вступало въ договоры на извѣстный срокъ съ двумя-тремя крупными фирмами, которыя, въ свою очередь, перепродавали арестантовъ, какъ рабочій скотъ, третьимъ лицамъ, послѣдніе отдавали ихъ мелкимъ фермерамъ и т. д. Развилась въ полномъ смыслѣ торговля государственными невольниками. При этомъ, конечно, предприниматель, порою не стоявшій ни подъ какимъ надзоромъ государственной инспекціи, стремился извлечь всю возможную пользу изъ купленнаго невольника, совершенно не заботясь ни о его здоровьи, ни о моральномъ его воспитаніи. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ этими невольниками являлись негры, то здѣсь воскресалъ еще неисчезнувшій на югѣ инстинктъ господина-рабовладѣльца, имѣющаго надъ своимъ рабомъ право жизни и смерти. Изъ формальнаго права удерживать работающихъ у него арестантовъ отъ побѣга развилось ничѣмъ не ограниченное право предпринимателя примѣнять всѣ мѣры дисциплинарнаго воздѣйствія, вплоть до убійства. Жесточайшія тѣлесныя наказанія стали обычнымъ явленіемъ. Самая работа на плантаціяхъ воскресила старую картину трудящихся рабовъ, и рядомъ съ ними надсмотрщика съ бичемъ въ рукахъ; къ этому изобрѣтательная практика новаго времени присоединила еще свору сторожевыхъ собакъ, готовыхъ при малѣйшемъ науськиваньи броситься на человѣка. Невыносимыя условія работы, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и даже мѣсяцевъ совершенно истощавшія организмъ человѣка, свирѣпая жестокость, открытая торговля преступниками только за послѣдніе годы стали служить предметомъ общественнаго возмущенія. Правительства и политическіе руководители отдѣльныхъ штатовъ оказывали рѣзкое противодѣйствіе попыткамъ смягчить эту систему, такъ какъ она доставляла имъ доходъ, выражавшійся въ сотняхъ тысячъ и милліонахъ рублей, и считалась вмѣстѣ съ тѣмъ хорошимъ средствомъ предупрежденія преступленій. Только теперь вмѣшательство федеральнаго правительства и тюремныхъ ассоціацій, а также ростъ общественнаго мнѣнія въ отдѣльныхъ штатахъ заставляютъ понемногу видоизмѣнять систему частнаго рабства и вводить вмѣсто нея иныя формы, напр. публичныя работы по прокладкѣ дорогъ и государственныя земледѣльческія тюрьмы. Учрежденіемъ послѣднихъ южные штаты приближаются къ новымъ теченіямъ въ европейской

жизни, гдѣ организація тюремъ-колоній является одной изъ наиболѣе занимающихъ тюрьмовѣдовъ проблемъ.

Приводимыя ниже свѣдѣнія о постановкѣ современнаго «уголовнаго рабства» и о возмутительныхъ жестокостяхъ, творящихся въ южныхъ штатахъ, заимствуются нами не только изъ періодической печати, но и изъ офиціальныхъ документовъ Они въ обиліи были также собраны Miss Clarissa Old Keeler въ ея. книгѣ «American Bastilles» (Вашингтонъ, 1910), разосланной авторомъ всѣмъ членамъ международнаго тюремнаго конгресса [1]).

Мы остановимся прежде всего на фактическомъ положеніи такъ называемой convict lease system, т. е. системы отдачи преступниковъ въ наемъ частнымъ лицамъ.

Во время международнаго Вашингтонскаго конгресса я имѣлъ случай познакомиться съ губернаторомъ штата Флорида, М-г Chilcrist. Этотъ добродушный простякъ, съ образованіемъ едва ли выше начальнаго, искренне удивлявшійся тому, что въ различныхъ «штатахъ» Европы люди говорятъ на различныхъ языкахъ, а не на одномъ «европейскомъ», являлся типичнымъ ставленниковъ партіи крупныхъ плантаторовъ. Онъ съ необычайной наивностью пропагандировалъ среди членовъ конгресса практичность принятой въ его штатѣ тюремной системы, во главѣ которой стоитъ онъ. Вся сложная проблема борьбы съ преступностью являлась для него совершенно непонятной. «Мы въ нашемъ штатѣ,—говорилъ онъ,—очень довольны существующей преступностью; рецидивъ является рѣдкимъ исключеніемъ. Преступники не только не доставляютъ сложныхъ хлопотъ государству, но приносятъ ему большую выгоду». Когда ему было указано, что Россія тратитъ десятки милліоновъ на тюремное дѣло, онъ замѣтилъ, что Флорида считаетъ преступность одною изъ главныхъ статей государственнаго дохода. Государствомъ приняты здѣсь до крайности простые способы борьбы съ

---

1) Въ предисловіи къ своей книгѣ г-жа Keeler указываетъ, что черты крайней жестокости по отношенію къ преступникамъ свойственны не только южнымъ, но вообще всѣмъ штатамъ, смотрящимъ на преступника какъ на предметъ эксплоатаціи. Достовѣрность изложенныхъ въ этой книгѣ фактовъ подтверждается не только отсутствіемъ опроверженія ихъ, но и рядомъ отзывовъ авторитетныхъ американцевъ. «Книга г-жи Keeler—пишетъ редакторъ вліятельнаго журнала «Survey», I. Barrones—есть ужасный обвинительный актъ о жестокостяхъ, творящихся въ Соединенныхъ Штатахъ, но, къ несчастью, актъ вполнѣ истинный. Всѣ факты сопровождаются ссылками на авторитетные источники. Чтеніе ихъ весьма тягостно, но все же эти факты должны стать извѣстными, чтобы можно было провести реформу».

преступностью. «Наихудшихъ преступниковъ мы вѣшаемъ, а остальныхъ раздаемъ въ работу по расчисткѣ лѣса и добыванію смолы частнымъ предпринимателямъ, извлекая изъ этого ежегодно до полумилліона рублей чистой прибыли». Когда ему было указано, что такая система пахнетъ рабствомъ, онъ, нисколько не смутившись, указалъ, что сами преступники виноваты въ этомъ. Они нарушили законы государства и государство вправѣ пользоваться ихъ трудомъ, какъ пожелаетъ.

Я заинтересовался этой своеобразной системой «уголовнаго рабства» и несмотря на то, что американцы тщательно скрывали отъ членовъ конгресса эту тѣневую сторону своей жизни, смогъ все же собрать довольно значительное количество матеріаловъ, характеризующихъ эту систему [1]). Въ дальнѣйшемъ я остановлюсь на обрисовкѣ ея только въ нѣкоторыхъ штатахъ, гдѣ она нашла наиболѣе яркое выраженіе.

Въ штатѣ Флорида, о которомъ такъ краснорѣчиво повѣствовалъ губернаторъ его, система торговли осужденными, напоминающая старую «peonage system» (какъ она существовала въ XVII и XVIII вѣкахъ, когда Англія направляла на американскія плантаціи своихъ бродягъ и ссыльныхъ), держится еще во всей своей первобытной силѣ. Здѣсь государство отдаетъ всѣхъ преступниковъ (кромѣ больныхъ и престарѣлыхъ) въ работу частнымъ предпринимателямъ, получая за каждаго преступника по 207 долларовъ (400 руб.) въ годъ. Въ 1908 г., напримѣръ, изъ 1756 осужденныхъ преступниковъ оно извлекло чистой прибыли болѣе 500.000 рублей.

Осужденные (большею частью негры) или размѣщаются предпринимателями по различнымъ фермамъ, или употребляются для добыванія фосфатовъ и скипидарныхъ маслъ [2]). Въ виду дороговизны рабочихъ рукъ, агенты различныхъ фирмъ, въ особенности такъ называемые turpentine agents, на перебой стремятся заполучить преступниковъ. Въ качествѣ особой профессіи здѣсь развилась «оптовая и розничная скупка осужденныхъ»; на послѣднихъ существуетъ особая биржевая цѣна. Въ случаѣ если не хватаетъ настоящихъ преступниковъ, прибѣгаютъ къ искусственнымъ способамъ производства ихъ. Государство издало

1) Отдѣльныя свѣдѣнія о ней разбросаны въ отчетахъ Американской тюремной ассоціаціи. Суммарный обзоръ существующаго положенія даютъ двѣ статьи въ изданіи «Prevention and correction» (1910): *A. J. McKelway*, «Three prison systems in the Southern States of America и *J. P. Byers*, «Prison Labour».

2) Поэтому часто во Флоридѣ говорятъ вмѣсто «to be sentenced» (быть осужденнымъ)—«to be turpentined».

рядъ чрезвычайно гибкихъ уголовныхъ законовъ, при нажимѣ на которые можно число преступниковъ по желанію увеличивать или уменьшать. Такъ имѣется законъ, по которому каждое лицо, *повидимому* находящееся безъ опредѣленной работы и постоянныхъ средствъ къ жизни, можетъ быть арестовано и приведено въ судъ, который въ правѣ приговорить его къ принудительнымъ работамъ на срокъ до одного года. По установившейся практикѣ, каждый полицейскій, арестовавшій «бродягу», получаетъ отъ агента по пяти долларовъ. Государственная казна обогащается. Въ результатѣ, въ случаѣ нужды каждый негръ можетъ быть легко захваченъ и чрезъ нѣсколько часовъ обратиться въ невольника, отданнаго въ распоряженіе эксплоататора-предпринимателя. Корреспондентъ одной южной американской газеты пишетъ, въ 1907 г.: «Почти въ каждомъ полицейскомъ и уголовномъ судѣ Флориды бродятъ въ ожиданіи добычи агенты лѣсныхъ и скипидарныхъ фирмъ. Лишь только судья приговоритъ нѣсколькихъ негровъ или бѣлыхъ къ тюрьмѣ за бродяжничество—агентъ уже имѣетъ своихъ жертвъ. Когда судья назначаетъ штрафъ, агентъ подходитъ къ осужденному и предлагаетъ ему уплатить штрафъ, если тотъ подпишетъ контрактъ на опредѣленный срокъ. Въ 99 случаяхъ изъ 100 осужденный соглашается, и его тутъ же направляютъ на работы въ лѣса. Судья смотритъ на это сквозь пальцы, такъ какъ онъ получаетъ свой процентъ за каждое осужденіе. Въ особенности пріятную добычу составляютъ осужденные за бродяжничество. Во Флоридѣ хватаютъ людей при малѣйшемъ подозрѣніи въ томъ, что они не имѣютъ работы, и тутъ же постановляютъ объ отдачѣ ихъ на тяжкія работы частнымъ предпринимателямъ, въ нездоровой мѣстности, безъ всякаго вознагражденія, часто подъ угрозой розги. Въ особенности регулярная охота ведется на негровъ. Свидѣтели, подкупленные агентами, готовы приписать задержаннымъ всякія преступленія. Порою агентъ не стремится даже къ осужденію: ему достаточно, чтобы судья постановилъ о взятіи обвиняемаго подъ стражу—агентъ является къ арестованному и предлагаетъ внести за него залогъ, если тотъ подпишетъ контрактъ о работѣ. Когда заключенный соглашается, его немедленно направляютъ въ глухую мѣстность, гдѣ онъ остается до тѣхъ поръ, пока ему не удастся убѣжать чрезъ болота или пока смерть не освободитъ его. Съ судьею агентъ всегда окончитъ дѣло полюбовно».

Номинально всѣ осужденные находятся подъ наблюденіемъ министра земледѣлія, который входитъ въ договоры съ различными

предпринимателями. Но заботы государства ограничиваются только помѣщеніемъ въ договоры нѣкоторыхъ условій относительно дисциплины и режима, а въ остальномъ частнымъ предпринимателямъ дается полная свобода распоряженія осужденными. Въ виду отсутствія инспекціи, предприниматели не выполняютъ и тѣхъ немногихъ условій, которыя на нихъ наложило государство. Арестанты работаютъ подъ охраной особыхъ вооруженныхъ стражей и дрессированныхъ сторожевыхъ собакъ, которыя бросаются на арестанта при малѣйшей попыткѣ бѣжать или выслѣживаютъ его въ случаѣ побѣга. За поимку каждаго бѣглеца назначена награда въ 100 долларовъ. Нерѣдки случаи убійства арестантовъ при попыткѣ побѣга (въ 1908 г. было пять такихъ случаевъ). На ночь арестанты помѣщаются въ на-скоро разбитой палаткѣ или въ деревянномъ баракѣ, у входа въ который стоитъ стража съ заряженными револьверами. Условія работы являются весьма тягостными. Цѣлый день приходится проводить въ лѣсу, среди миріадъ москитовъ, проходить чрезъ болотистыя мѣстности, гдѣ весьма распространены лихорадки. Въ печать нерѣдко проникаютъ извѣстія о смерти арестантовъ отъ изнуренія или засѣченія, о настоящемъ торгѣ, который предприниматели ведутъ государственными невольниками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мало надежды на то, что система эта скоро исчезнетъ въ штатѣ. Въ своемъ откровенномъ отчетѣ за 1907—1908 г. commissioner of agriculture во Флоридѣ высказываетъ опасеніе, что законодатели штата еще не скоро откажутся отъ своихъ коммерческихъ мотивовъ по отношенію къ преступникамъ и что эта система, несмотря на отрицательное отношеніе къ ней ряда гражданъ, продержится еще долго. Онъ предлагаетъ лишь, чтобы въ будущіе контракты съ предпринимателями вводились слѣдующіе пункты: 1) полное обособленіе бѣлыхъ и негровъ въ баракахъ и во время работъ; 2) ограниченіе часовъ (не болѣе 10) для работы на предпринимателя; 3) возможность сверхурочныхъ работъ за особую плату по соглашенію, поступающую въ пользу осужденнаго; 4) подробныя указанія относительно устройства помѣщенія для сна, характера одежды, постели и пр.; 5) устройство больницъ; 6) ограниченіе права перепродажи контрактовъ на отдѣльныхъ осужденныхъ. Несмотря на это, 1 января 1910 г. государствомъ заключенъ новый контрактъ на 1,200 преступниковъ, мужчинъ и женщинъ, съ правомъ дальнѣйшей перепродажи отдѣльныхъ контрактовъ. Государство запродаетъ такимъ образомъ не только имѣющихся преступниковъ, но и будущихъ.

Свѣдѣнія объ условіяхъ жизни такихъ невольниковъ даютъ недавно произведенныя офиціальныя разслѣдованія въ двухъ штатахъ—Техасѣ и Георгіи, которые въ теченіе 1909 г., послѣ произведенныхъ разоблаченій, отказались отъ старой системы отдачи своихъ преступниковъ частнымъ предпринимателямъ (convict lease system), и перешли къ инымъ формамъ эксплоатаціи труда осужденныхъ.

Техасъ, занимающій весьма обширную территорію, до послѣдняго времени примѣнялъ по отношенію къ преступникамъ различныя системы, но съ преимущественнымъ преобладаніемъ convict lease system. Такъ, въ 1897 г. изъ общаго тюремнаго населенія штата только 1300 человѣкъ содержались въ тюрьмахъ, гдѣ были заняты ремесленными работами, 400 человѣкъ работали на государственныхъ фермахъ, а 2300 были отданы частнымъ предпринимателямъ для работъ на фермахъ, плантаціяхъ, желѣзныхъ дорогахъ и пр. за плату отъ 15 до 20 долларовъ въ мѣсяцъ, поступавшую въ казну штата. Условія жизни арестантовъ у частныхъ предпринимателей были крайне суровы. Днемъ люди должны были работать группами подъ наблюденіемъ коннаго стражника, вооруженнаго винтовкой и плетью, которую онъ пускалъ въ обращеніе при малѣйшемъ ослушаніи или лѣности. Хотя по закону тѣлесныя наказанія не могутъ быть назначаемы иначе, какъ по письменному постановленію начальника или инспектора, однако разслѣдованіе показываетъ, что это правило нарушалось на каждомъ шагу. Съ ранняго утра и до поздняго вечера, съ перерывомъ въ нѣсколько минутъ для ѣды, осужденные должны были работать на частныхъ лицъ. Результатомъ этого весьма часто была смерть отъ изнуренія или отъ солнечнаго удара. На ночь арестанты размѣщались въ длинномъ досчатомъ баракѣ, у одного конца котораго находилась дверь, а у другого—рѣшетчатое окно; у дверей и окна стояли вооруженные часовые. Внутри барака устроены въ два ряда низкія нары. Спали заключенные въ грязномъ дневномъ бѣльѣ. При такой системѣ организмъ человѣка быстро истощался. Совершенно изможденными, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, арестанты отсылались въ пенитенціаріи, чтобы умирать тамъ. Процентъ смертности среди арестантовъ, работавшихъ на частныхъ фермахъ, былъ значительно выше процента смертности содержащихся въ тюрьмахъ; кромѣ того, къ нему должны быть присоединены по крайней мѣрѣ 50% смертей въ тюрьмахъ, ибо здѣсь умирали тѣ, здоровье которыхъ было совершенно разстроено на работахъ.

Несмотря на то, что надзиратели надъ арестантами, работавшими у частныхъ предпринимателей, назначались государствомъ и состояли на государственной службѣ, они всѣ, какъ показали отчеты, получали жалованье отъ откупщиковъ арестантскаго труда, платившихъ имъ тѣмъ больше, чѣмъ энергичнѣе они эксплоатировали арестантовъ. Тюремныя власти въ своемъ отчетѣ за 1902-ый годъ прямо заявляли, что «большая часть злоупотребленій въ тюремномъ управленіи прямое и логическое послѣдствіе системы отдачи осужденныхъ въ наймы частнымъ лицамъ». Комитетъ, назначенный въ 1908 г. палатами для разслѣдованія этой системы, въ своемъ отчетѣ пишетъ: «Convict lease system является позоромъ для штата и должна быть отмѣнена. По общему правилу, жизнь осужденнаго нисколько не цѣнится надсмотрщиками, стражей и нанимателями (contractors), и осужденные, за немногими исключеніями, ведутъ жизнь хуже собачьей; доказательствомъ этому служитъ хотя бы то, что средняя продолжительность жизни осужденнаго—семь лѣтъ. Осужденные подвергаются разстрѣлу при обстоятельствахъ, которыя безусловно не оправдываютъ этой мѣры. Ихъ принуждаютъ работать несмотря на болѣзнь и слабость; нѣкоторые умирали отъ переутомленія тутъ же на мѣстѣ. По истинѣ, система отдачи въ наемъ есть не болѣе и не менѣе, какъ форма человѣческаго рабства».

Одна изъ вліятельныхъ газетъ Техаса писала по поводу этой системы: «Разслѣдованіе условій среди заключенныхъ пенитенціарія въ Техасѣ со стороны соединеннаго комитета палатъ показываетъ, что одна цѣль господствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ надъ системой. Въ тюрьмахъ, на государственныхъ и частныхъ фермахъ всѣ усилія направляются къ тому, чтобы извлечь послѣднюю каплю труда осужденныхъ, чтобы получить всю возможную пользу отъ ихъ работы. Здѣсь нѣтъ и мысли объ исправленіи, нѣтъ никакого вниманія къ умственному и нравственному благосостоянію осужденныхъ... Выгода является лозунгомъ всякаго тюремнаго чиновника, всякаго смотрителя... Если осужденный слабъ или старъ то помилованіе его болѣе вѣроятно ибо отъ него, повидимому, нельзя уже извлечь выгоды для государства... Единственной вещью, которая всегда находится подъ рукою для воздѣйствія на арестанта является пятихвостая плеть или увѣсистый кулакъ надсмотрщика. Жестокость можетъ ослабить рабочую силу не только человѣка, но и лошади. Единственное различіе заключается въ томъ, что лошадь представляетъ собою извѣстную первоначальную затрату

на ея пріобрѣтеніе, а человѣкъ—ничего, кромѣ труда, который онъ можетъ дать въ настоящій моментъ».

Сохраненіе всѣхъ этихъ злоупотребленій и жестокостей въ теченіе долгаго времени объяснялось тѣмъ простымъ фактомъ, что при существованіи данной системы правительство снимало съ себя всѣ заботы о содержаніи преступниковъ и получало, въ среднемъ, чистаго дохода 134.000 долларовъ ежегодно. Трудно было ожидать, что оно легко откажется отъ этого прибыльнаго источника и затратитъ крупныя суммы на организацію государственныхъ фермъ. Нужны были рѣшительные протесты печати и яркіе факты, собранные палатами и большими жюри, чтобы эта система могла пошатнуться. Въ 1897 г. судья апелляціоннаго суда I. N. Henderson выступилъ противъ нея съ горячею рѣчью на годовомъ собраніи американской тюремной ассоціаціи. Въ 1903 г. Ch. S. Potts посвятилъ ей большую статью въ «Annals of American Academy of Political Science». Но только въ 1908 г. вопросъ этотъ сталъ предъ законодательными палатами штата. Данныя, собранныя комиссіей палатъ, показали картину во всей ея полнотѣ. «Фактъ, что обширнѣйшій изъ штатовъ союза—говорилъ по этому поводу сенаторъ T. W. Perkins—отдаетъ въ наймы человѣческія существа частнымъ обществамъ и лицамъ и позволяетъ послѣднимъ обращаться съ ними хуже, чѣмъ съ собаками, вызываетъ жгучій стыдъ. Отчетъ комиссіи, поскольку онъ обнародованъ, рисуетъ прямо потрясающія условія. Трудно повѣрить, чтобы такое положеніе вещей могло существовать въ одномъ изъ просвѣщенныхъ государствъ въ XX столѣтіи. Человѣкъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ будетъ отбывать наказаніе въ этомъ земномъ аду, подъ розгой и палкой, долженъ найти оправданіе, если онъ всячески станетъ мстить обществу, которое допустило это. Африканское рабство по сравненію съ этимъ было пустякомъ; тогда рабъ цѣнился, ибо онъ стоилъ большихъ денегъ, въ этомъ же рабствѣ XX столѣтія самъ рабъ не стоитъ ничего, а цѣнится только его трудъ. Онъ долженъ работать, несмотря на погоду, до полнаго физическаго изнуренія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что одни умираютъ на работахъ, а другіе—отъ руки вооруженныхъ надзирателей... Разсказы о мучительствахъ вполнѣ напоминаютъ жестокости въ Конго и Турціи».

Въ 1909 г. Техасъ порѣшилъ наконецъ порвать съ позорной системой. Въ теченіе 1908 г. тюремнымъ управленіемъ было куплено нѣсколько участковъ земли, въ общей сложности до 13.000 акровъ, и сюда направлены для воздѣлыва-

нія сахара и пшеницы до 1.800 осужденныхъ (изъ нихъ 80%—негры), что составляло почти половину тюремнаго населенія штата. Осужденные въ теченіе 4 мѣсяцевъ (октябрь—январь) заняты полевыми работами, а остальную часть года работаютъ надъ сооруженіемъ зданій и на сахарномъ заводѣ, подъ руководствомъ опытныхъ рабочихъ, взятыхъ съ воли. За два года удалось возвести хорошія постройки для жилья. Санитарное состояніе колоніи въ общемъ хорошо; процентъ смертности сильно упалъ по сравненію съ общетюремнымъ. Съ финансовой точки зрѣнія этотъ опытъ оказался удачнымъ. Кромѣ того была устроена еще сельско-хозяйственная ферма-тюрьма въ Huntsville, разсчитанная на 400 человѣкъ, при которой организовано большое молочное хозяйство. Однако пережитки старой системы даютъ еще себя знать и здѣсь [1]).

Другимъ штатомъ, въ которомъ система «уголовнаго рабства» подверглась недавно тщательному обслѣдованію, является *Георгія*. Здѣсь эта система примѣнялась съ 70-хъ годовъ). Въ 1907 г. правительственная комиссія установила рядъ фактовъ засѣченія бѣлыхъ и негровъ до смерти надсмотрщиками, невѣроятную грязь помѣщеній, въ которыхъ содержались заключенные, отталкивающую пищу, выдаваемую имъ, эксплоатацію труда до послѣднихъ предѣловъ, произволъ и небрежность со стороны

---

[1]) Система отдачи въ наймы частнымъ лицамъ и понынѣ существуетъ въ Техасѣ по отношенію къ преступникамъ, отбывающимъ наказаніе по приговорамъ *мѣстныхъ* судовъ. Здѣсь отсутствуетъ даже минимальный контроль со стороны мѣстныхъ властей. Въ началѣ 1910 г. былъ опубликованъ отъ имени правительства слѣдующій обвинительный актъ противъ этой варварской системы: «1) люди, посылаемые въ мѣстныя фермы (county convict camps) подвергаются безпощаднымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, 2) они задерживаются значительно дольше срока, опредѣленнаго въ приговорѣ, 3) условія содержанія ихъ являются губительными для здоровья и нравственности, 4) здѣсь наблюдается отдача въ частную кабалу въ наихудшей формѣ, 5) на эти фермы посылаются порою люди ни въ чемъ неповинные, 6) женщины здѣсь часто помѣщаются вмѣстѣ съ мужчинами, 7) негритянки часто становятся предметомъ потѣхи для праздной толпы». Данныя, собранныя четырьмя чиновниками федеральнаго департамента юстиціи, и разслѣдованія большого жюри показали, что отъ 1500 до 2000 человѣкъ ежегодно задерживаются на этихъ фермахъ дольше срока, что мѣстные суды готовы посылать сюда людей за малѣйшія провинности, въ видахъ пользованія безплатнымъ трудомъ, что продолжительность труда неограничена и санитарныя условія вызываютъ большую тревогу. По разсказамъ отдѣльныхъ свидѣтелей, здѣсь творятся порою невѣроятныя жестокости: людей ударами плетей гонятъ на работу, и когда съ избитыхъ течетъ ручьями кровь, то для развлеченія на нихъ напускаютъ голодныхъ собакъ, которыя лижутъ эту кровь; и въ такомъ видѣ ихъ заставляютъ пробѣгать 2—3 мили; ихъ одѣваютъ въ тонкія шерстяныя одежды въ зимнюю стужу, не давая бѣлья; порою до 50 человѣкъ помѣщается въ одной смрадной комнатѣ; тѣло ихъ покрыто болячками, глаза воспалены; за послѣднее время было два случая смерти отъ жестокихъ наказаній.

тюремнаго начальства, которому было ввѣрено общее наблюденіе надъ положеніемъ осужденныхъ у частныхъ предпринимателей. Интересныя замѣчанія мы находимъ въ отчетѣ комиссіи по этому послѣднему вопросу. «Неизбѣжнымъ недостаткомъ этой системы,—пишутъ авторы отчета,—является делегація государствомъ отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ власти наказывать преступника каторжнымъ трудомъ. Система, какъ она организована въ Георгіи, повидимому предоставляетъ преступникамъ нѣкоторую защиту противъ произвола предпринимателей, въ интересахъ которыхъ, конечно, добыть наибольшее количество труда отъ осужденныхъ. Отвѣтственность за положеніе дѣла лежитъ на особомъ департаментѣ (state commission), состоящемъ изъ трехъ лицъ. Для каждой плантаціи назначается государствомъ смотритель (state warden); для той же цѣли имѣются инспекторъ и его помощникъ, и наконецъ, на каждой плантаціи состоятъ кромѣ того, врачъ и достаточное количество надзирателей, оплачиваемыхъ изъ казны. И тѣмъ не менѣе весь этотъ механизмъ оказывается совершенно непригоднымъ. Члены департамента объяснили, что они предоставили просмотръ мѣсячныхъ отчетовъ по плантаціямъ секретарю; секретарь заявилъ, что онъ не имѣлъ времени читать ихъ и что онъ вѣрилъ донесеніямъ инспекторовъ; инспекторъ оказался человѣкомъ 75-ти лѣтъ, совершенно неспособнымъ выполнять опредѣленную ему работу; онъ указалъ, что всецѣло полагался на свѣдѣнія, доставляемыя смотрителями плантацій, а тѣ ссылались на своихъ подчиненныхъ. Весь штатъ плантацій, включая даже врача, состоялъ на постоянномъ жалованіи у предпринимателей. На высшія должности были назначены люди неспособные, подъ вліяніемъ политическихъ вліяній. Всѣ злоупотребленія, констатированныя въ Георгіи присяжными показаніями свидѣтелей и признаніемъ ряда авторитетныхъ лицъ, присущи въ большей или меньшей степени всякому государству, въ которомъ сохраняется convict lease system».

Тѣлесныя истязанія, наряду съ подкупностью и произволомъ, являются также неизбѣжнымъ спутникомъ этой системы. Помимо ударовъ плети, которые каждый арестантъ можетъ получить при недостаточно радивой работѣ, для наказанія за проступки примѣняется особое орудіе истязанія. Корреспондентъ газеты Atlanta Georgian описываетъ его такъ: «оно сдѣлано изъ двойной полосы кожи, длиной въ два фута, шириною въ два вершка и толщиной въ полвершка и вѣситъ отъ трехъ до шести фунтовъ. Въ концѣ этой ременной палки сдѣлана

рукоятка. Послѣ перваго удара имъ на тѣлѣ образуется кровавый синякъ, а ощущеніе боли можетъ быть сравнено только съ уколами тысячи булавокъ при каждомъ ударѣ. Удары наносятся по мягкимъ частямъ тѣла во время работы или по возвращеніи въ бараки. Свидѣтели показывали предъ комитетомъ, что этимъ орудіемъ наносилось иногда до 100 ударовъ и жертва послѣ экзекуціи часто уносилась прямо въ покойницкую. Экзекуціей распоряжается особый надзиратель, носящій названіе whipping boss'a».

Многіе изъ этихъ фактовъ были извѣстны уже давно, и тѣмъ не менѣе законодательная власть не отказывалась отъ системы, изъ финансовыхъ соображеній. Въ 1898 г. была устроена только государственная ферма въ Milledgeville для подростковъ, больныхъ, слабосильныхъ и умственно-отсталыхъ, но и здѣсь констатирована была крайняя жестокость. Относительно всѣхъ пригодныхъ къ труду былъ заключенъ пятилѣтній контрактъ съ платою по 100 долларовъ въ годъ за каждаго въ пользу казны (всего отдается въ наймы до 2000 чел.). Въ 1904 г., съ истеченіемъ срока контракта, былъ заключенъ новый, на пять лѣтъ; на этотъ разъ цѣну удалось поднять до 225 долларовъ въ годъ за каждаго осужденнаго. Незадолго до истеченія срока контракта, появились многочисленныя разоблаченія о злоупотребленіяхъ, но и они не въ состояніи были заставить законодательные органы отказаться отъ столь доходной статьи. Только въ чрезвычайную сессію 1908 г., благодаря энергіи губернатора штата, Hoke Smith, и американской тюремной ассоціаціи, удалось провести актъ, воспрещающій дальнѣйшую отдачу осужденныхъ въ наймы частнымъ предпринимателямъ. Не мало труда стоило побѣдить сопротивленіе палатъ. Депутатъ Wright говорилъ въ 1908 г. въ нижней палатѣ Георгіи: «въ этой безумной, жестокой и преступной погонѣ за долларами государство является лидеромъ, и за спиною его стоятъ богатые, безсовѣстные откупщики, съ закупленными адвокатами и политическими агентами, и, наконецъ, палачи (whipping boss) съ кровавой плетью — и всѣ они въ награду требуютъ долларовъ, долларовъ, долларовъ! Господа народные представители, разрушьте же эту систему, тяготѣющую надъ нами, какъ проклятіе!.. Каждый разъ, когда осуждается негръ, казна графства обогащается на 450 долларовъ. Если графству нужно 10.000 долларовъ для постройки новаго зданія суда, то откуда достать ихъ?—Нужно только осудить двадцать негровъ». Судья Covington говорилъ предъ палатой: «Народъ не желаетъ извлекать выгоды отъ мучительствъ, учиненныхъ надъ нервами и

мускулами людей; онъ не имѣетъ желанія ѣхать по дорогамъ, которыя являются безвѣстными могилами негровъ, умершихъ отъ «болѣзни сердца»; онъ не желаетъ учить своихъ дѣтей азбукѣ въ школахъ, которыя поддерживаются на деньги, добываемыя, съ помощью плети надсмотрщика, отъ осужденныхъ». «Величайшимъ бѣдствіемъ для нашего штата,—писалъ издатель Atlanta Georgian,—является convict lease system. Каждую недѣлю два человѣка, въ среднемъ, умираютъ на плантаціяхъ отъ истязаній. И никто до сихъ поръ не имѣлъ мужества возстать противъ этого. Теперь мы должны освободиться отъ этого величайшаго позора, тяготѣющаго надъ нашимъ штатомъ».

Вмѣсто этой системы въ 1908 г. были введены въ Георгіи публичныя работы и государственныя фермы, которыя страдаютъ, однако, также многими недостатками.

Convict lease system частью сохранилась еще въ штатѣ *Алабама*. Здѣсь имѣются три земледѣльческихъ тюрьмы (prison farms), на которыхъ арестанты работаютъ по обработкѣ хлопка. Но большинство осужденныхъ сдаются въ наймы частнымъ лицамъ. Около 100 осужденныхъ сдаются на работы на фермы, около 150—въ угольныя копи, около 100—на каменоломни. Частные предприниматели обязаны построить для рабочихъ-арестантовъ надлежащія тюремныя помѣщенія и содержать на свой счетъ опредѣленное число надсмотрщиковъ. Каждый рабочій, въ зависимости отъ своей силы и способностей, помѣщается въ опредѣленный классъ и опредѣляется то количество работы, которое онъ долженъ выполнить. Заработная плата предпринимателями вносится въ казну. Государство осуществляетъ контроль въ лицѣ нѣсколькихъ инспекторовъ (въ томъ числѣ инспектора по санитарной части); вѣдѣнію этихъ инспекторовъ подчинены и заключенные, находящіеся въ распоряженіи мѣстныхъ властей (county convicts). Въ общемъ государство извлекаетъ изъ своихъ 2500 заключенныхъ около полумилліона чистаго дохода. Государственная регламентація оказывается, однако, безсильной бороться съ надзирателями, стоящими въ зависимости отъ предпринимателей и безнаказанно нарушающими установленныя правила. Корреспондентъ «Kentucky Post» изъ Алабамы даетъ, въ 1908 г., слѣдующее описаніе фактическаго положенія. «Чтобы увидѣть рабство со всѣми его жестокостями, достаточно посѣтить одну изъ угольныхъ копей, на которыхъ работаютъ осужденные. Pratt-city mine является одной изъ такихъ копей. Ее мнѣ показывали съ нѣкоторой гордостью. За послѣднее время были произведены измѣненія въ системѣ, и я долженъ былъ убѣдиться, какъ хорошо

она работаетъ. Я видѣлъ людей и отведенныя для нихъ помѣщенія, видѣлъ, что они ѣдятъ, гдѣ работаютъ и спятъ, видѣлъ четырехвостую ременную плеть, которою ихъ наказываютъ, когда ихъ зоркіе и вооруженные надсмотрщики заявятъ, что они не выполнили работы; видѣлъ цѣпь вооруженныхъ стражей съ сворами борзыхъ собакъ, всегда готовыхъ броситься на человѣка... Кожаная палка съ набалдашникомъ обратила на себя мое особенное вниманіе. Она неизмѣнно обрушивается на спину того, кто не выполнилъ своей дневной задачи. Но законъ,—замѣтилъ мой проводникъ—ограничилъ число ударовъ этой палкой до 21.—Скажите, можно убить человѣка такимъ количествомъ ударовъ?—спросилъ я.—Мнѣ думается, что нѣтъ, но ему во всякомъ случаѣ будетъ не сладко—таковъ былъ отвѣтъ. Отъ каждато здороваго человѣка требуется ежедневно добываніе четырехъ тоннъ угля, отъ менѣе сильныхъ—трехъ, отъ слабыхъ—двухъ. Тѣ, которые могутъ добыть болѣе четырехъ тоннъ въ день, получаютъ за каждую прибавочную тонну 25 центовъ въ день. На копяхъ въ Pratt-city работаетъ около 1000 человѣкъ. Изъ нихъ около половины осуждены на долгіе сроки общими судами, остальные—за проступки, мѣстными судами. Послѣдніе отдаются въ работу предпринимателямъ за 18 долларовъ въ мѣсяцъ. Государству предприниматели платятъ по 47 центовъ за каждую тонну добытаго угля. Пожалуй, худшей чертой въ этомъ трудѣ арестантовъ является его конкурренція со свободнымъ трудомъ». За послѣдніе годы и въ Алабамѣ общественное мнѣніе рѣзко высказывается противъ этой системы, хотя практическихъ мѣръ противъ нея еще не предпринято.

Аналогичная система существуетъ и въ штатѣ *Виргинія*. Законъ постановляетъ здѣсь: «Осужденные должны быть подвергаемы самому суровому труду, въ соотвѣтствіи съ ихъ поломъ и способностями, а тѣ изъ нихъ, которые въ томъ нуждаются, должны быть обучаемы какому-либо ремеслу. Завѣдующій тюремной частью, по указанію губернатора, долженъ направлять ихъ или на работы по улучшенію и проведенію дорогъ, на постройку общественныхъ зданій, или отдавать въ наемъ отдѣльнымъ лицамъ или товариществамъ, или обрабатывать ихъ трудомъ землю вокругъ пенитенціарія». На практикѣ здѣсь наблюдаются всѣ тѣ злоупотребленія, о которыхъ мы говорили выше. Эксплоатація труда преступниковъ даетъ государству чистаго дохода, въ среднемъ, около 100.000 долларовъ.

Въ Сѣверной Каролинѣ юридически convict lease system отмѣнена, но на практикѣ она примѣняется и донынѣ. Такъ въ

отчетѣ за 1909-ый годъ начальникъ тюремнаго управленія пишетъ; «До 31 декабря мы имѣли договоръ съ Wade and Morrison на 150 человѣкъ, которые должны были быть заняты на постройкѣ Атлантической побережной желѣзной дороги; съ истеченіемъ срока договора онъ не былъ возобновленъ, а вмѣсто того я заключилъ два новыхъ договора, по 75 человѣкъ каждый съ Atlantic Improvement Company и съ Navasso Guano Company. Съ сентября 1906 г. договорная цѣна за день труда арестанта составляетъ $1^1/_2$ доллара». Государство сохранило здѣсь въ своихъ рукахъ только заботу о дисциплинѣ осужденныхъ и о пищѣ ихъ.

Можно думать, что и въ этихъ штатахъ примѣненіе системы откупа арестантскаго труда совровождается всѣми тѣми недостатками, которые указаны выше по отношенію къ Флоридѣ, Техасу, Георгіи и Алабамѣ. Возмутительность этой системы съ нравственной точки зрѣнія станетъ еще болѣе наглядной, если мы примемъ во вниманіе, что хищническій инстинктъ плантатора-рабовладѣльца, соединенный съ крайнимъ презрѣніемъ къ личности негровъ, еще живъ въ южныхъ штатахъ и даетъ себя знать въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ общественной жизни[1]).

---

1) Отношеніе къ неграмъ на югѣ проникнуто еще открытымъ пренебреженіемъ къ ихъ личности. Негры должны селиться въ особыхъ кварталахъ города, и если домовладѣлецъ сдастъ домъ негру въ иной части, то всѣ жильцы немедленно выѣзжаютъ изъ этого дома; негры должны ѣздить въ особыхъ вагонахъ, ожидать поѣзда въ особыхъ залахъ; для нихъ существуютъ особыя школы, особыя парикмахерскія, особые театры. Многіе университеты совершенно не допускаютъ негровъ, другіе—создаютъ всяческія препятствія къ ихъ вступленію. Бѣлый или бѣлая, вступившіе въ бракъ съ негритянкой или негромъ, подвергаются самому рѣшительному бойкоту и вычеркиваются изъ общества бѣлыхъ; пригласить негра къ столу, за которымъ находятся бѣлые, считается прямымъ оскорбленіемъ гостей. Въ политической области придумываются самые хитроумные способы, чтобы лишить негровъ возможности участвовать въ выборахъ. Для терроризированія ихъ заботливо поддерживается право Линча. Въ частности, особыя заботы прилагаются къ тому, чтобы ограничить дѣятельность негровъ только опредѣленными профессіями. Такъ, въ городахъ они принимаются почти исключительно на мѣста домашней и ресторанной прислуги, а въ сельскихъ мѣстностяхъ—въ качествѣ батраковъ. Впрочемъ, на югѣ встрѣчается довольно много негровъ-самостоятельныхъ фермеровъ. По цензу 1900 г. было 860.000 негровъ-фермеровъ, которымъ принадлежало на правѣ собственности 5% всей находящейся подъ обработкой земли. Въ сельскомъ хозяйствѣ, по исчисленіямъ американскихъ статистиковъ, негры заработали за послѣднія 40 лѣтъ до 600 милліоновъ долларовъ. Общее число негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ исчисляется въ 9 милліоновъ, что составляетъ почти 12% всего населенія. Они обнаруживаютъ тенденцію къ быстрому размноженію. За періодъ 1890—1900 г.г. приростъ бѣлыхъ выразился въ 54%, негровъ—въ 34%; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что бѣлое населеніе растетъ, между прочимъ, благодаря громадной иммиграціи, а негрское — исключительно путемъ естественнаго роста. Въ качествѣ основаній для ограниченій по отношенію къ неграмъ приводятъ обыкновенно ихъ малую культурность (48% неграмотныхъ), а также чувственность и импульсивность, побуждающія негровъ предаваться безудержно своимъ страстямъ и представляющія опасность для развитія правового

Въ качествѣ переходной системы отъ отдачи заключенныхъ въ частный наемъ къ системѣ организаціи государственныхъ тюремныхъ фермъ, въ рядѣ штатовъ практикуется система публичныхъ работъ, по преимуществу въ формѣ прокладыванія новыхъ дорогъ (public road system).

Такъ какъ забота о поддержаніи и развитіи дорогъ находится въ рукахъ графствъ, то государство, собственно говоря, отдаетъ заключенныхъ въ распоряженіе мѣстныхъ совѣтовъ за опредѣленную сумму, уплачиваемую въ казну, ибо осужденные разсматриваются, какъ собственность государства, а не мѣстныхъ властей.

«По особымъ законамъ, около 40 графствъ въ Сѣверной Каролинѣ,—пишетъ начальникъ тюремнаго вѣдомства въ этомъ штатѣ въ отчетѣ за 1907-1908 г.г.,—организовали рабочія партіи арестантовъ (chain-gangs) и употребляютъ ихъ на сооруженіе и улучшеніе своихъ публичныхъ дорогъ. Изъ отчета совѣта публичной благотворительности видно, что около 1200 арестантовъ отбываютъ наказаніе въ этихъ партіяхъ. Государство предоставило графствамъ абсолютно и безконтрольно полное управленіе и контроль по отношенію къ этимъ арестантамъ и сняло съ себя всякую отвѣтственность, не назначивъ даже инспекторовъ для наблюденія. Каждое графство осуществляетъ контроль надъ своей рабочей партіей, издаетъ правила о дисциплинѣ, одеждѣ, пищѣ, стражѣ, размѣщеніи и работѣ арестантовъ. Такимъ образомъ, въ дополненіе къ государственной тюрьмѣ, Сѣверная Каролина имѣетъ 40 маленькихъ тюремъ, находящихся подъ совершенно обособленнымъ управленіемъ съ особыми правилами и режимомъ, надъ которыми нѣтъ абсолютно никакого наблюденія. Больничная помощь для арестантовъ въ графствахъ совершенно недостаточна; въ случаѣ болѣзни ихъ можно помѣстить только въ участокъ или въ работный домъ. Меня увѣряли, что средняя продолжительность жизни арестанта, работающаго по прокладкѣ дорогъ, не болѣе пяти лѣтъ. Среди заключенныхъ встрѣчаются люди интеллигентные, а порою и весьма чувствительные. Значительное число ихъ, несомнѣнно, по отбытіи наказанія могло бы стать полезными гражданами; государство не должно приговаривать ихъ къ тяжкому труду, видя въ нихъ только рабочую машину, и посредствомъ невыносимыхъ суровостей, доводить ихъ до полнаго изнуренія и

строя. На самомъ дѣлѣ, большую роль играютъ укоренившіеся предразсудки, извѣстная физическая брезгливость, а также опасеніе возможной конкурренціи со стороны негровъ, физически болѣе сильныхъ, чѣмъ бѣлые.

смерти въ нѣсколько мѣсяцевъ, или, въ лучшемъ случаѣ, въ нѣсколько лѣтъ. Наказаніе должно быть соразмѣрено съ тяжестью преступленія, а между тѣмъ при существующихъ условіяхъ наказаніе, налагаемое за мелкій проступокъ, значительно болѣе сурово и тяжко, чѣмъ кара виновныхъ въ серьезныхъ преступленіяхъ, которые помѣщаются въ пенитенціарій на долгій срокъ. Современная политика рабочихъ партій нашего штата во имя цивилизаціи должна быть прекращена».

Г-жа Sennison, занимающая должность секретаря вѣдомства публичной благотворительности въ штатѣ, пишетъ о положеніи арестантовъ, работающихъ въ графствахъ Сѣверной Каролины: «Эта система распространена въ 40 графствахъ, но нѣкоторыя графства одолжаютъ сосѣднимъ своихъ заключенныхъ. Система содержанія ихъ въ общемъ однородна. Въ наиболѣе обширномъ графствѣ Buncombe для арестантовъ введена форма. Въ одномъ-двухъ графствахъ предусматривается сокращеніе срока при хорошемъ поведеніи. Женщины не направляются на работы по прокладкѣ дорогъ, но около дюжины ихъ отправлено туда въ качествѣ поварихъ. Въ однихъ графствахъ на дорожныя работы направляются только приговоренные на срокъ не свыше 10 лѣтъ, въ другихъ—не свыше 5 лѣтъ. Хорошей стороной этого является устраненіе потребности въ арестныхъ домахъ (jails), гдѣ арестанты проводятъ время въ праздности. Во многихъ графствахъ эти дома стоятъ часто пустыми. Въ однихъ графствахъ тѣлесныя наказанія не примѣняются или примѣняются рѣдко, въ другихъ распространены широко. Во время работъ арестанты охраняются вооруженной стражей, которая стрѣляетъ при попыткѣ побѣга; ночью арестанты сковываются такимъ образомъ, что короткая цѣпь, надѣтая на каждаго, прикрѣпляется къ длинной цѣпи, идущей вокругъ всей палатки. Въ случаѣ пожара или несчастья всѣ арестанты не могутъ бѣжать, ибо скованы другъ съ другомъ. Благодаря этому мы имѣемъ на югѣ хорошія дороги, мы заставляемъ каждаго заключеннаго оплачивать свое содержаніе, и еслибы кто-либо указалъ намъ, какъ при такой бродячей жизни, когда приходится каждый день переходить съ мѣста на мѣсто, примѣнить моральное и религіозное воспитаніе къ арестантамъ,—то проблема была бы разрѣшена на многіе годы».

Не менѣе радужно рисуетъ положеніе системы дорожныхъ работъ одинъ изъ корреспондентовъ Mc-Kelway въ Виргиніи. «Мы широко пользуемся, начиная съ 1906 г., трудомъ арестантовъ для проведенія дорогъ, и результаты этой системы превосходятъ

всѣ наши ожиданія. На эти работы направляются тяжкіе преступники, осужденные на срокъ отъ одного до пяти лѣтъ тюрьмы, и краткосрочные арестанты, которые должны отбывать наказаніе въ мѣстныхъ тюрьмахъ. Въ настоящее время на нашихъ дорогахъ работаетъ ежедневно до 800 арестантовъ; въ прошломъ году эта цифра равнялась 450. 313, въ среднемъ, являются краткосрочными арестантами, 415—преступниками, переданными изъ различныхъ тюремъ штата. Всѣ они заняты постройкой дорогъ. По моему мнѣнію, этотъ видъ работы является удовлетворительнымъ и благотворнымъ; онъ значительно здоровѣе, чѣмъ работа въ заключеніи, и приноситъ больше пользы штату. При этомъ способѣ возможно обособленіе лицъ впервые впавшихъ въ преступленіе, и краткосрочныхъ арестантовъ отъ закоренѣлыхъ и профессіональныхъ преступниковъ. Я полагаю, что арестантъ, работающій на открытомъ воздухѣ, въ надлежащей одеждѣ, подъ надлежащей дисциплиной, можетъ быть легче исправленъ, чѣмъ въ стѣнахъ тюрьмы. Конечно, онъ не будетъ вполнѣ доволенъ, но онъ будетъ менѣе несчастливъ, чѣмъ въ тюрьмѣ, и шансовъ нравственнаго его возрожденія будетъ больше. Здѣсь меньше почвы для развитія порочныхъ привычекъ, чѣмъ въ праздной атмосферѣ тюрьмы, при крайней близости преступниковъ другъ къ другу. Каждый, притомъ чувствуетъ себя лучше, сознавая пользу, которую онъ приноситъ государству. Я не рекомендую этой системы для долгосрочныхъ, ибо здѣсь шансы побѣга больше. Нашъ годовой отчетъ показываетъ, что мы платили государству по 70 центовъ въ день, включая всѣ расходы на это дѣло».

Въ Виргиніи наблюденіе надъ работами арестантовъ въ графствахъ передано государственной дорожной комиссіи (State Highway commission), которая входитъ въ договоры съ графствами и осуществляетъ постоянный надзоръ. Система обращенія арестантовъ на постройку дорогъ практикуется, кромѣ того, въ штатахъ Южной Каролинѣ, Калифорніи, Георгіи (съ 1908 г. [1]), Луизіанѣ и Вашингтонѣ.

Попытки примѣнить трудъ арестантовъ на постройку дорогъ,— пишетъ A. Butler [2]),—«были сдѣланы и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ штатахъ. Здѣсь, однако, онѣ всѣ оказались неудовлетворительными. Этотъ способъ рекомендовался обыкновенно лицами, недостаточно практически знакомыми съ серьезными труд-

1) Здѣсь изъ общаго числа 2.267 осужденныхъ 2.000 были заняты на постройкѣ дорогъ въ 108 графствахъ. Изъ нихъ 91% составляютъ негры.
2) „Convicts and conservation", стр. 19.

ностями, съ какими онъ сопряженъ. Долгая суровая зима, крупные расходы по перевозкѣ, размѣщенію и окарауливанію арестантовъ, выставленіе ихъ, какъ бы на показъ, въ арестантскихъ одеждахъ, протесты, раздающіеся изъ среды общества,—все это дѣлаетъ такое пользованіе трудомъ осужденныхъ непрактичнымъ. Въ Нью-Іоркѣ этотъ способъ труда былъ въ видѣ опыта примѣненъ почти въ каждой тюрьмѣ, но оказался непрактичнымъ, и не экономнымъ, кромѣ развѣ дорогъ, идущихъ вокругъ тюрьмы, такъ что имѣлась возможность помѣщать арестантовъ на ночь въ тюрьму. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, однако, осужденные могутъ быть употребляемы на сѣверѣ на заготовку матеріаловъ для дорожныхъ работъ».

Эта система публичныхъ работъ можетъ казаться удовлетворительной только съ крайне оптимистической точки зрѣнія. Условія, въ которыхъ живутъ арестанты, большею частью весьма печальны. Видъ охраняемыхъ стражей арестантовъ, работающихъ подъ угрозой бича, не можетъ являться для гражданъ, въ особенности для дѣтей, зрѣлищемъ, имѣющимъ хорошее воспитательное значеніе. Для самихъ осужденныхъ данная система служитъ источникомъ тяжкихъ нравственныхъ страданій. Она практикуется большею частью тамъ, гдѣ страна находится еще въ дѣвственномъ состояніи и гдѣ прокладка общественныхъ дорогъ является одной изъ первыхъ необходимостей. Для болѣе культурныхъ штатовъ она уже непригодна.

Наилучшее рѣшеніе вопроса о томъ, какъ поступать съ осужденными на югѣ, даетъ, быть можетъ, устройство государственныхъ земледѣльческихъ тюремъ или, какъ онѣ называются въ Америкѣ, государственныхъ тюремныхъ фермъ (state prison farms). Эта система постепенно вытѣсняетъ всѣ другія, такъ какъ она не даетъ возможности вмѣшательства въ судьбу арестантовъ частнымъ предпринимателямъ или мѣстнымъ совѣтамъ. Она является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе гуманной. Моментъ наживы не такъ преобладаетъ; онъ умѣряется сознаніемъ лежащихъ на государствѣ обязанностей. Земледѣльческій трудъ является почти исключительной профессіей негровъ на югѣ. Благодаря этому государственныя фермы становятся школами раціональнаго земледѣлія. Здѣсь представляется возможнымъ устроить для осужденныхъ удобныя условія жилья, обезпечить имъ постоянную врачебную помощь, давать имъ здоровую растительную пищу. Благодаря мягкости климата и зимою, земледѣльческія работы могутъ служить средствомъ

занятія заключенныхъ въ теченіе большей части года. Трудъ на фермахъ государства является менѣе изнурительнымъ; это доказывается хотя бы тѣмъ, что туда предпочтительно направляются слабосильные. Общія условія жизни значительно лучше, чѣмъ у частныхъ лицъ. Впрочемъ, печальные эксцессы наблюдаются и здѣсь въ тѣхъ случаяхъ, когда государство стремится слишкомъ эксплоатировать трудъ арестантовъ.,

Наибольшаго развитія эта система государственныхъ фермъ достигла въ штатѣ Миссисипи, гдѣ convict lease system была отмѣнена конституціей 1890 г. [1]).

Все тюремное населеніе штата Миссисипи въ настоящее время занимается сельскими работами на государственныхъ фермахъ. Помѣщающійся въ столицѣ штата старый пенитенціарій пришлось срыть, распредѣлить все его населеніе на четырехъ большихъ фермахъ, занимающихъ въ общемъ площадь въ 24,000 акровъ. Число осужденныхъ въ 1910 г. было 1,768: изъ нихъ 163 (10%) бѣлыхъ и 1,605 (90%) негровъ. Процентъ женщинъ среди осужденныхъ ничтоженъ (1719 мужчинъ и 49 женщинъ). Всѣ бѣлые занимаютъ одну ферму. Такъ какъ сюда попадаютъ худшіе элементы бѣлаго населенія, то особой доходности и доброкачественности работы трудно ожидать; приходится поддерживать суровую дисциплину и содержать значительную стражу. Особую ферму (Oakley) занимаютъ женщины. Онѣ не принуждаются къ работѣ на полѣ, а изготовляютъ бѣлье и одежду для арестантовъ, постельныя принадлежности, мѣшки и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ поручается уходъ за больными, для которыхъ здѣсь устроено спеціальное отдѣленіе. Двѣ другія фермы отведены спеціально для негровъ-мужчинъ. Для примѣра разсмотримъ организацію работъ на одной изъ нихъ, Sunflower prison farm. Она состоитъ изъ 15,789 акровъ пахотной земли, на которой работаютъ 1,215 осужденныхъ. Съ этихъ полей ежегодно

[1]) Штатъ Миссисипи примѣнялъ старую lease system до 1890 г. Разслѣдованіе этой системы въ 1876 г. показало, что отданные въ частную работу осужденные въ большинствѣ случаевъ подвергались крайне жестокому обращенію, имѣли столь плохую одежду, что въ холода руки ихъ замерзали совершенно; ихъ заставляли работать свыше силъ, съ постояннымъ примѣненіемъ безъ всякаго разбора розогъ и плетей. Въ 1890 г. Конституціонное Собраніе штата въ торжественной формѣ провозгласило уничтоженіе «навсегда» lease system, и въ слѣдующую легислатуру былъ принятъ законъ, разрѣшившій покупку земли для организаціи государственной колоніи, въ которой осужденные работали бы подъ наблюденіемъ государственныхъ чиновниковъ на пользу и за счетъ казны. Законъ 1906 г. сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ впередъ, постановивъ, что никакая работа на земляхъ, непринадлежащихъ государству, не допускается. Подробное изложеніе существующаго порядка дано въ статьѣ д-ра *A. M. Callam*: «Mississippi and his convicts» (Proceeidings of American Prison Association, 1910).

собирается отъ 4,000 до 5,000 кипъ хлопка, который тутъ же прессуется и подготовляется къ вывозу. Кромѣ того, здѣсь сѣются для потребностей самой фермы: пшеница, кукуруза, овощи, трава. Въ обиліи здѣсь разводятся рогатый скотъ, лошади, мулы, свиньи, мясо которыхъ сбывается и на внѣшніе рынки.

Содержаніе осужденныхъ, въ общемъ, поставлено хорошо. Каждый заключенный помѣщается на ночь въ особую камеру, въ которой находится кровать, съ рядомъ мягкихъ подстилокъ и одѣялъ; утромъ онъ получаетъ ванну; его пища состоитъ изъ кофе, пшеничнаго и кукурузнаго хлѣба, свинины, риса, простокваши и овощей. Тѣлесныя наказанія примѣняются умѣренно. Надзиратели не вправѣ наказывать во время работы; возможно лишь назначеніе въ дисциплинарномъ порядкѣ 15 ударовъ ременною плетью. Большое вниманіе обращено на санитарныя условія. При каждой фермѣ имѣется госпиталь и врачъ. Изъ 1483 осужденныхъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ умерло 52; изъ нихъ 16 отъ туберкулеза, бывшаго еще до поступленія на ферму, и 5 были убиты при попыткѣ побѣга. Ферма оказывается весьма прибыльной для государства. Помимо улучшенія земли и роста цѣнности инвентаря (что исчисляется приблизительно въ 1 милліонъ долларовъ), она ежегодно приноситъ чистой прибыли государству около 180,000 долларовъ (350,000 руб.). Число побѣговъ, благодаря тщательной охранѣ и разумно поставленной системѣ довѣрія, очень невелико. Осужденный, въ теченіе извѣстнаго періода времени оправдывавшій довѣріе, представляется къ досрочному освобожденію. Стража вербуется изъ самихъ же заключенныхъ, которымъ за правильное выполненіе этихъ обязанностей наказаніе можетъ быть сокращаемо въ еще большей мѣрѣ.

Въ Сѣверной Каролинѣ, параллельно съ другими формами труда, практикуется и устройство государственныхъ фермъ. Государству здѣсь принадлежитъ нѣсколько участковъ земли, гдѣ на Roonoke River, заняты работами около 300 осужденныхъ, среди которыхъ 28 женщинъ. Система эта примѣняется къ осужденнымъ за убійство, поджогъ и изнасилованіе, которыхъ воспрещено помѣщать въ частныя руки. Болѣе сильные заключенные употребляются здѣсь на работы по расчисткѣ земель. Слабые и престарѣлые занимаются второстепенными земледѣльческими работами; женщины, помѣщающіяся въ особомъ зданіи, занимаются щипаніемъ хлопка, сборомъ продуктовъ и пр. Порою болѣе сильные отсылаются лѣтомъ на помощь при государствен-

ныхъ постройкахъ. За послѣднія 8 лѣтъ эта ферма дала государству чистый доходъ почти въ 325,000 долларовъ.

Въ Южной Каролинѣ большинство осужденныхъ (540 изъ 902) заняты чулочнымъ мастерствомъ въ предѣлахъ тюрьмы, 175 работаютъ на двухъ государственныхъ фермахъ. Обѣ фермы поставлены очень хорошо, и заключенные всегда предпочитаютъ жить здѣсь. Въ одной изъ фермъ расположена санаторія для чахоточныхъ.

Въ Луизіанѣ все тюремное населеніе раздѣляется на 4 класса. Въ первый классъ помѣщаются лица, достигшія 18 лѣтъ, вѣсящія болѣе 140 фунтовъ, физически здоровые и привыкшіе къ грубому труду; они направляются на работы по сооруженію насыпей и плотинъ. Во второй классъ включаются лица, направляемыя на государственныя фермы, въ третій — лица слабосильныя и больныя, которыя выполняютъ болѣе легкіе виды работъ. Государство владѣетъ тремя фермами, занимающими пространство болѣе 12,000 акровъ.

Въ Георгіи, гдѣ система отдачи осужденныхъ въ наемъ отмѣнена въ 1908 г., сдѣланъ первый опытъ устройства небольшой государственной фермы, разсчитанной на 270 человѣкъ. Сюда направляются слабосильные и женщины. Въ 1909 г. подъ обработкой было 2,392 акра земли, изъ которыхъ 980 обрабатывались женщинами. Государственныя фермы для слабыхъ встрѣчаются и въ Техасѣ (5 000 акровъ), въ Виргиніи (1,300 акровъ), въ Арканзасѣ. На фермахъ и плантаціяхъ воздѣлываются хлопокъ, табакъ, пшеница, овощи.

Изъ сѣверныхъ штатовъ опытъ учрежденія сельско-хозяйственныхъ карательныхъ учрежденій предпринятъ въ Массачузетсѣ. Здѣсь въ 1883 г., въ прежде пустынной мѣстности Bridgewater, была организована государственная ферма, гдѣ всѣ работы должны были производиться осужденными. Сюда было послано до 300 преступниковъ, которые, безъ особыхъ затратъ на окарауливаніе ихъ, въ нѣсколько лѣтъ устроили здѣсь прекрасную колонію, дающую хорошую прибыль государству. Въ 1908 г. была открыта новая колонія въ Rutland, для чахоточныхъ. Опубликованныя за 1909 годъ свѣдѣнія даютъ картину постепеннаго роста производительныхъ силъ ея.

Родъ-Айлэндъ также имѣетъ особую колонію, въ которой расположены его карательныя учрежденія: тюрьма, работный домъ и арестный домъ; заключенные занимаются здѣсь обработкой земли, очисткой ея отъ камней, улучшеніемъ орошенія постройкой зданій.

Интересный примѣръ организаціи новой земледѣльческой тюрьмы-колоніи привелъ I. T. Gilmour, начальникъ центральной тюрьмы въ Торонто (Канада), на съѣздѣ американской тюремной ассоціаціи [1]). «Мы имѣли ферму въ 800 акровъ, расположенную въ 50 миляхъ отъ города. 200 акровъ были покрыты лѣсами и болотами, такъ что для преступниковъ имѣлась полная возможность побѣговъ. Мы начали работу въ апрѣлѣ 1910-го года, отрядивъ для этой цѣли 14 заключенныхъ, которые были размѣщены въ небольшомъ фермерскомъ домикѣ; постепенно число работающихъ осужденныхъ было доведено до 50, и ихъ усиліями удалось создать временную постройку, разсчитанную на 170 человѣкъ. Это вовсе не одни «избранные»; тюремное населеніе штата невелико (до 400 человѣкъ), и трудно избрать 170 изъ 400. Тѣмъ не менѣе не произошло за все время ни одного побѣга. Мы имѣемъ всего трехъ надзирателей на 170 человѣкъ, а ночью одинъ надзиратель приходится на 80 человѣкъ. Въ чемъ же кроется причина отсутствія побѣговъ? Искренне и честно я долженъ отвѣтить: не знаю. На мои разспросы заключенные отвѣчали, что величайшей перемѣной для нихъ является отсутствіе рѣшетокъ и одиночныхъ келій. У насъ примѣняется система общихъ спаленъ, причемъ въ каждой помѣщается до 40 заключенныхъ. На каждыя двѣ спальни имѣется одинъ надзиратель. Но я не спѣшу дѣлать выводовъ, такъ какъ дѣло идетъ всего въ теченіе пяти мѣсяцевъ» [2]).

Опытъ земледѣльческихъ тюремъ въ южныхъ штатахъ Америки, въ общемъ, является еще недавнимъ, но онъ интересенъ и для Европы, такъ какъ онъ совпадаетъ съ аналогичными стремленіями европейскихъ тюрьмовѣдовъ. Въ настоящее время можно указать на нѣкоторыя попытки въ этой области. Англійскимъ тюремнымъ вѣдомствомъ организованы земледѣльческія тюрьмы въ Паркрустѣ и Дартмурѣ, въ которыхъ, однако, земледѣліе разсматривается, какъ подсобное занятіе. Въ Швейцаріи образцовой земледѣльческой тюрьмой является колонія въ Вицвилѣ, зани-

1) «Proceedings of the Annual Congress of the American Prison Association», 1910.

2) Утилизація труда заключенныхъ на пользу государства въ формѣ внѣшнихъ работъ практикуется во многихъ штатахъ. Почти во всѣхъ штатахъ они заняты сооруженіемъ новыхъ строеній въ предѣлахъ тюремъ. Въ Колорадо и Новой Мексикѣ осужденные заняты добываніемъ извести, въ Идаго, Айовѣ, Миннезотѣ и Оклахомѣ—ломкой камня, въ Иллинойсѣ, Калифорніи, Невадѣ, Утахѣ—разбиваніемъ щебня для дорогъ, въ Иллинойсѣ, Канзасѣ, Новой Мексикѣ, Пенсильваніи, Орегонѣ и Висконсинѣ—выдѣлкой кирпича, въ Канзасѣ—добычей каменнаго угля, а въ Техасѣ—желѣза. На югѣ значительны работы по расчисткѣ лѣсовъ, выкорчевыванію пней, орошенію земли, устройству плотинъ и пр.

мающая болѣе 2000 акровъ. Въ Венгріи мы встрѣчаемъ попытки ввести земледѣльческій трудъ въ тюрьмы, начиная съ 1884 г. Въ остальныхъ государствахъ для арестантовъ кое-гдѣ имѣются внѣшнія работы, поставленныя крайне неудовлетворительно.

Американская система, нынѣ вводимая на югѣ взамѣнъ уголовнаго рабства въ рукахъ частныхъ лицъ, еще находится подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ злоупотребленій прошлаго, чтобы быть образцомъ для подражанія. Однако тотъ фактъ, что устройство государственныхъ тюремъ-фермъ явилось здѣсь единственно возможнымъ и наиболѣе удовлетворительнымъ рѣшеніемъ сложнаго вопроса о содержаніи и работахъ арестантовъ, долженъ обратить на себя вниманіе тѣхъ странъ, которыя, подобно нашему отечеству, имѣютъ обширныя пространства невоздѣланной земли, и въ которыхъ земледѣльческій трудъ является преобладающей профессіей населенія.

П. И. Люблинскій.

КЛЯТВА СТЕФАНА ГУЛЛЕРА.

Романъ Феликса Голлендера.

(Продолженіе) [1]).

— Нѣтъ, нѣтъ, барышня, онъ уже не придетъ—я же вамъ говорила, онъ уѣхалъ въ Англію. Я думала, со мной родимчикъ приключится, какъ онъ рано утромъ кликнулъ меня и прехладнокровно говоритъ: я, молъ, уѣзжаю—а чемоданы-то у него и сундуки, гляжу, ужъ всѣ уложены. Въ первую минуту я даже подумала: ужъ не спятилъ ли онъ, бѣдненькій—вѣдь онъ не такой какъ всѣ, барышня,—не такой, какъ мужчины—чтобы тамъ пьянствовать, или за бабами бѣгать—ни-ни, ни Боже мой! Придетъ домой, съѣстъ бутербродъ, яйцо въ смятку, стаканъ молока выпьетъ,—и конченъ балъ. И засѣлъ на всю ночь за чтеніе, за работу. Я ужъ и то разъ набралась храбрости и говорю ему: вы что же это, молъ, сударь, въ профессора мѣтите? Такъ и то—что слишкомъ, то ужъ нездорово—ночь человѣку дана для отдыха, для сна.—Куда тамъ! онъ даже и не отвѣтилъ—только зажегъ лампу и опять уткнулся въ книгу. Совсѣмъ онъ не такой, какъ другіе.—Вы не повѣрите, барышня, какъ я привязалась къ нему—вѣдь онъ одинъ-одинешенекъ на свѣтѣ; никогда у него никто не бывалъ—и даже письма онъ получалъ очень рѣдко.

Хозяйка остановилась, чтобы передохнуть.

«Барышня» слушала съ мрачнымъ лицомъ.

— Благодарю васъ,—выговорила она поспѣшно и, не прибавивъ ни одного слова, побѣжала наверхъ, по лѣстницѣ.

Такъ вотъ что, значитъ, онъ хотѣлъ сказать своимъ: «Я не

---

[1]) См. Февраль, стр. 220.

хочу больше васъ видѣть—не хочу васъ слышать»... Гаиза крѣпко прижала къ губамъ платочекъ, чтобъ не заплакать громко... Такъ вотъ что онъ хотѣлъ сказать этимъ!..

Куда же онъ уѣхалъ?—Она должна найти его. Пусть онъ въ глаза ей скажетъ, что онъ не хочетъ знать ея, что онъ ее отталкиваетъ.

А тамъ—что будетъ дальше, это уже ея дѣло. Можно войти въ воду и идти, пока она безшумно не сомкнется надъ головою—можно случайно позабыть завернуть кранъ отъ газа, и, когда на другое утро, другіе замѣтятъ это, все уже будетъ кончено... Мало ли есть возможностей навсегда избавиться отъ тоски...

А папочка—бѣдный папочка?—когда въ душѣ Гаизы просыпалась особенная нѣжность къ отцу, она всегда такъ называла его—что будетъ съ нимъ... Она знала, что насильно вырвала у Стефана признаніе въ его любви и, быть можетъ, даже перешла при этомъ границы дѣвичьей стыдливости—но она не могла поступить иначе. Никто не знаетъ, чего ей это стоило—какъ она страдала изъ-за этого.

Ей такъ трудно было сказать!.. А его это, можетъ быть, оттолкнуло; ея поведеніе показалось ему неженственнымъ, вызывающимъ, экзальтированнымъ... Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!—Она беззвучно застонала, впиваясь ногтями въ нѣжную ладонь... Этого не можетъ быть. Онъ долженъ былъ понять, что она любитъ его съ такою страстью, передъ которой стушевываются всѣ внѣшнія приличія... Что за нелѣпость—играть въ прятки, когда дѣло идетъ о счастьѣ—о самой жизни!.. Нѣтъ, это не по ней—для этого чувство ея слишкомъ глубоко и чисто, для этого у нея слишкомъ артистическая натура...

Она думала-думала, ломала себѣ голову—и не находила отвѣта.

Онъ любилъ ее—вѣдь онъ самъ сказалъ это, честно и прямо, и въ его словахъ она не можетъ сомнѣваться—въ немъ нѣтъ ни іоты фальши и онъ скорѣе далъ бы отрѣзать себѣ языкъ, чѣмъ сказать неправду въ такомъ важномъ дѣлѣ.

Очевидно, въ его жизни есть какая-то тайна, что-то страшное, что сковываетъ его, парализуетъ его волю, дѣлаетъ его несвободнымъ.

И вдругъ,—она остановилась посреди улицы. Ужасная мысль блеснула въ ея головѣ—ей показалось, что она нашла разгадку. Онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ—у него есть гдѣ-нибудь жена и ребенокъ... У нея потемнѣло въ глазахъ... Такъ вотъ что... такъ вотъ почему...

— Дѣтка, что съ тобой? — спрашивалъ камервиртуозъ, съ огорченіемъ и испугомъ вглядываясь въ лицо дочери.—Ты не ѣшь, не спишь, даже пѣть перестала. Куда дѣвался...

Она съ мольбой подняла руки.

— Папочка, не мучь меня!— прошу, прошу тебя: не мучь—это пройдетъ.

Онъ энергично затрясъ головой.

— А если не пройдетъ? Мнѣ это знакомо—когда съ человѣкомъ такое приключится...—Онъ не договорилъ и закрылъ руками лицо.

Гаиза подошла къ нему.

— Не тревожься, папочка—не огорчайся,—выговорила она, давясь каждымъ словомъ.

— Не огорчай ты меня, малютка! Ужъ я вижу: съ тобой что-то не ладно—ты совсѣмъ такъ говоришь, какъ когда-то твоя мать—а потомъ—потомъ она лежала передо мной, холодная и блѣдная—а я держалъ ея руку и не могъ повѣрить, что ея уже нѣтъ... Такія вещи переживаютъ только разъ въ жизни—и, если послѣ этого, сердце не разобьется въ куски, это ужъ Божье чудо, которое выше нашего пониманія. Да, дѣточка моя, еслибъ не ты, я бы тогда изломалъ въ куски свою скрипку, а смычекъ бросилъ въ печь, а самъ—ну, для меня веревка бы всегда нашлась...

Она обвила руками его шею.

— Папочка, я все это знаю—мой милый, родной мой папочка!

— Дѣтка, я пошлю за докторомъ. Пусть изслѣдуетъ тебя хорошенько. И не за простымъ докторомъ, а за профессоромъ—первымъ мастеромъ своего дѣла. И, если моя дѣвочка больна, онъ вылѣчитъ ее—есть же и среди врачей умныя головы, знатоки своего дѣла.

Дѣвушка отшатнулась отъ него.

— Повѣрь мнѣ, я вовсе не больна. Тѣло мое здорово.

— Да ты погляди на себя въ зеркало—развѣ у тебя здоровый видъ?

— Нѣтъ, папа, зеркало лжетъ—тѣло мое совсѣмъ здорово.

Старикъ вдругъ вспыхнулъ—сердце подсказало ему, въ чемъ тутъ дѣло.

— Ну, такъ пусть же онъ остережется!—вскричалъ онъ, уже совсѣмъ другимъ, сердитымъ голосомъ.—Ты думаешь, я не замѣтилъ? Ты думаешь: я слѣпъ? Развѣ это по джентльменски.—

Исчезъ—испарился—даже не счелъ нужнымъ проститься. Что онъ себѣ воображаетъ, этотъ господинъ?

Онъ всталъ въ позу и принялъ величественный видъ.

— Передъ нимъ распахнули дверь нашего дома, приняли его, какъ родного сына, а онъ—извольте видѣть—скрылся, улизнулъ украдкою, какъ воръ...

— Отецъ!—гнѣвно вскрикнула Гаиза.

Но маленькій старичекъ на этотъ разъ не далъ запугать себя.

— Вотъ что выходитъ, когда начинаешь якшаться съ первымъ встрѣчнымъ. У этихъ людей нѣтъ никакого чувства чести. Ну, такъ пусть остережется—я сумѣю разыскать его—и тогда—помоги ему Боже!

Гаиза улыбалась сквозь слезы. Папочка былъ такъ трогательно комиченъ въ этой позѣ мстителя за обиду дочери. Онъ вдругъ представился ей со шпагой въ рукѣ, напротивъ высокаго, рослаго Стефана—и, даже въ такую минуту, въ этой картинѣ было что-то такое веселящее, забавное, что она не могла не улыбнуться.

— О!—возразилъ онъ, словно читая ея мысли:—Ты думаешь, я не догадываюсь, о чемъ ты думаешь?—ошибаешься, дитя мое, жестоко ошибаешься—ужъ я убью его, хотя бы для этого мнѣ пришлось предварительно цѣлый мѣсяцъ упражняться въ стрѣльбѣ.

Она не выдержала.

— Перестань! Будетъ тебѣ говорить пустяки.

Голосъ ея звучалъ властнымъ приказомъ—но тотчасъ же ей сдѣлалось такъ жаль отца, который смотрѣлъ на нее уныло и смиренно, что она готова была громко заплакать отъ жалости.

Она усадила его въ кресло и сама сѣла на скамеечку у ногъ его.

— Папа, я тебѣ скажу правду—ты угадалъ вѣрно: я люблю этого человѣка—и онъ любитъ меня. Я знаю, что любитъ. Но не можетъ жениться—между имъ и мною стоитъ нѣчто такое, черезъ что нельзя перешагнуть.

Старикъ широко раскрылъ глаза—какъ это умѣютъ дѣлать только старики; во взглядѣ его было недоумѣніе—безграничное недоумѣніе.

— Что же бы это могло быть?—выговорилъ онъ послѣ долгой паузы. Да вѣдь такихъ вещей и не бываетъ, черезъ которыя нельзя перешагнуть.

— А, если онъ женатъ?—если у него жена и ребенокъ?—едва слышно откликнулась Гаиза.

— Велика бѣда! Можно развестись. Не велика мудрость. Кой чортъ!—Вагнеръ же развелся, и Бюловъ тоже—ужъ не знаю, самъ ли онъ этого хотѣлъ, или его жена—да вѣдь это теперь пустякъ—это совсѣмъ не трудно... Къ тому же... позволь. Кто тебѣ сказалъ, что онъ женатъ?

— Никто, папа, я чувствую...

— Ну, такъ я тебѣ заявляю, что онъ *не* женатъ—заявляю тебѣ это категорически.

Дѣвушка засмѣялась, но все же категоричность утвержденія импонировала ей.

— Откуда ты это знаешь, отецъ?

— Женатый человѣкъ совсѣмъ иначе выглядитъ, совсѣмъ иначе держитъ себя—ужъ ты повѣрь мнѣ: это я сумѣю различить.

Онъ на минуту задумался.

— Положимъ, какая-нибудь загвоздка тутъ должна быть. И въ душѣ я какъ-то не могу считать его негодяемъ. Не та порода.

Онъ всталъ и мелкими шажками прошелся по комнатѣ; потомъ остановился передъ дочерью и проворчалъ:

— Что же дѣлать-то? Отчего это все вышло такъ неожиданно? Вѣдь экая досада!.. Послушай, да неправда это—не уѣхалъ онъ. Я разыщу его и поговорю съ нимъ по своему.

— Папа, теперь я тебя спрошу: ты любишь меня?

— Дитя, что за вопросъ? Люблю ли я тебя?

— Папа, я знаю, что ты любишь меня—и потому именно требую, чтобы ты никогда не становился между мною и этимъ человѣкомъ. Слышишь, папка, требую—и ты долженъ обѣщать мнѣ это.

Солистъ его высочества, Алоизъ Мессенджеръ, колебался. Не по душѣ ему было давать такія клятвы.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ,—попробовалъ онъ уклониться отъ отвѣта.—Время—лучшій совѣтчикъ.

— Папа, если ты не поклянешься мнѣ всѣмъ святымъ, я глазъ не сомкну отъ волненія; я и такъ почти не сплю по ночамъ, а теперь и вовсе не буду спать, если ты не пообѣщаешь мнѣ. Слышишь, папа?

— Да ужъ обѣщаю, обѣщаю—все, что угодно, обѣщаю тебѣ, моя маленькая Гаиза, только ты выздоравливай поскорѣе. Не круши себя, моя дѣвочка; вотъ увидишь, вся эта дурацкая исторія кончится благополучно. Вѣдь нѣтъ, это не шарлатанъ, не проходимецъ какой-нибудь. Настолько-то я знаю людей. И потомъ—онъ вдругъ звонко расхохотался—да онъ и самъ при-

детъ къ намъ. Пусть-ка поищетъ—гдѣ онъ найдетъ другую такую Гаизу Шарлотту Мессенджеръ. Видѣть тебя—и забыть тебя—нѣтъ, маленькая Гаиза, такихъ вещей не бываетъ. Онъ опять постучится къ намъ,—и тогда мы его немножко проманежимъ въ передней, прежде чѣмъ впустить. И, знаешь, дѣтка, тогда я устрою маленькую комедію. Не даромъ же я столько лѣтъ служилъ въ театрѣ и каждый вечеръ сидѣлъ за пультомъ концертмейстера—чему-нибудь да научишься отъ актеровъ. Я накину на себя плащъ, нахлобучу на голову шляпу, отворю—и прикинусь удивленнымъ, словно съ неба упавшимъ.—Глядите-ка, кто пришелъ.—Какъ—это вы, г. Стефанъ Гуллеръ? Какъ это удачно вышло, что вы не забыли номера нашего дома. Чѣмъ могу служить, почтеннѣйшій? Можетъ быть, зайдете на минутку? Положимъ, я тороплюсь... дѣла, знаете—важныя дѣла—и пр. и пр. Ахъ вотъ что—вы по поводу моей дочери. Такъ, такъ. Это—большая честь для насъ, сударь, но боюсь, что у меня уже на этотъ счетъ сложились свои планы, что вы немножко опоздали, сударь мой. Ахъ, вамъ пришлось уѣхать по неотложному дѣлу. Очень интересно, сударь мой. Но, думается мнѣ, все же можно было какъ-нибудь дать знать. Почта ежедневно доставляетъ милліоны писемъ—телеграфы есть повсюду—не говоря уже о безпроволочномъ телеграфѣ. Вы взволнованы, вы принимаете это близко къ сердцу.—Вижу, вижу. Жаль мнѣ васъ, сударь мой. Можетъ быть, вы побесѣдуете съ моей дочерью. Можетъ быть, она окажется иного мнѣнія. У женщинъ, знаете, логика часто работаетъ навыворотъ... я могу и...

— Папа, перестань. Ты мучаешь меня...

И, не давъ ему времени возразить, Гаиза убѣжала въ свою комнату и заперлась на задвижку.

Камервиртуозъ Алоизъ Мессенджеръ схватился руками за свои сѣдые локоны, потомъ скрестилъ руки на груди и сокрушенно уставился въ одну точку...

Было девять часовъ вечера. Стефанъ сидѣлъ, облокотившись на локоть, за своимъ письменнымъ столомъ. Вокругъ него царила глубокая тишина.

И вдругъ ему почудилась какъ будто музыка—заглушенная, далекая нѣжная музыка вальса—влюбленный смѣхъ и болтовня и, сквозь нихъ, будто горькій, сдавленный плачъ, отъ котораго у него сжалось сердце.

Въ дверяхъ тихонько постучали. Онъ не откликнулся. Это, навѣрное, хозяйка несетъ ужинъ.

— Это я.

Онъ быстро обернулся—женская фигура передъ нимъ качалась, расплывалась въ воздухѣ... шаталась, готовая упасть, какъ деревцо въ бурю.

И смотрѣла въ его суровое лицо—измученное, съ глубоко запавшими глазами—такое измученное, что жалко было смотрѣть на него.

Онъ поднялся навстрѣчу гостьѣ — лица обоихъ озарялъ мягкій желтоватый свѣтъ керосиновой лампы.

— Это я,—повторила гостья еще разъ, и уголки губъ ея дрогнули.

— Да, да. Какъ вы нашли дорогу сюда?—машинально отвѣтилъ онъ. Онъ все еще не могъ освоиться съ ея присутствіемъ и какъ будто не зналъ навѣрное, во снѣ онъ видитъ это, или на яву.

— Кто ищетъ—находитъ,—грустно усмѣхнулась она.

— Присядьте, пожалуйста, фрейлейнъ Гаиза.

Неловкимъ движеніемъ онъ придвинулъ ей стулъ.

— Благодарю, я лучше постою.

Онъ покорно кивнулъ головой.

Она оглядѣлась вокругъ.

— Не нравится мнѣ здѣсь у васъ,—энергично заявила она, —здѣсь душно и темно, а въ той, прежней, комнатѣ было свѣтло и воздухъ хорошій.

— Да,—подтвердилъ онъ, и опять кивнулъ головою.

— О Боже! О Боже!—прошептала она,—что же теперь будетъ?

Она, видимо, была страшно смущена.

Но тотчасъ же рѣшительно выпрямилась.

— Знаете, зачѣмъ я пришла сюда, г. Гуллеръ. Вы не отвѣчаете—молчите?—Хорошо, такъ я буду говорить сама.—Она подошла къ нему вплотную.—Я люблю васъ и не позволю себя вышвырнуть за бортъ, какъ мертвеца.—Я люблю васъ, и потому вы должны мнѣ напрямикъ сказать, что́ стоитъ между нами.

Гуллеръ былъ сильный человѣкъ, но онъ поблѣднѣлъ и схватился рукою за столъ. И долго испытующе смотрѣлъ на нее, прежде чѣмъ отвѣтить:

— Хорошо, вы все узнаете. Вы имѣете право на это. Но сначала раздѣньтесь и сядьте, потому что это—печальная исторія, и ея не разсказать въ двухъ словахъ.

Съ бьющимся сердцемъ дѣвушка присѣла на диванъ, передъ которымъ стоялъ овальный столикъ. Стефанъ сѣлъ напротивъ нея. Керосиновая лампа на письменномъ столѣ разливала вокругъ мягкій свѣтъ.

— У того, кто сидитъ передъ вами, былъ отецъ—убійца и самоубійца. У васъ не прошла охота слушить дальше?

— Еслибы тотъ, кто сидитъ передо мною,—возразила она,—самъ былъ убійцей,—я все-таки любила бы его и пошла бы за нимъ, не разсуждая.

— У того, кто сидитъ передъ вами, была мать, которая нарушила вѣрность отцу, разбила его жизнь и толкнула его на убійство. И съ такимъ-то человѣкомъ вы хотите связать свою жизнь, фрейлейнъ Гаиза.—Полноте, уйдите скорѣе—не грязните объ него своихъ рукъ—васъ предостерегаетъ тотъ, кто заклейменъ съ самаго дѣтства.

— Я люблю васъ.

Небесное сіяніе разлилось по бѣлоснѣжному личику.

— И я люблю васъ—и все же не смѣю быть съ вами.

Онъ застоналъ, какъ раненое животное, которое ждетъ и не можетъ дождаться смерти.

И началъ разсказывать. Объ отцѣ, который былъ въ его глазахъ святымъ, который самъ наложилъ на себя руки, потому что усомнился въ справедливости божьей и людской—и презрѣлъ милость короля. Онъ хотѣлъ жить по праву, а не изъ милости.

Передъ нею всплывали образы — скачущіе марокканцы, канатные плясуны, флейтистъ Борелья, мать и Марга Террекъ, маленькая венгерская танцовщица, которая гладила его рукой по своему лицу, Марга Террекъ, съ такими же лучистыми глазами, какъ у маленькой Гаизы.

Потомъ, понизивъ голосъ, онъ разсказалъ о бѣдной маленькой Эльфридѣ—и, уже послѣ всего, едва слышно, почти шепотомъ—о своемъ прощаніи съ отцомъ.

— Вотъ—теперь вы все знаете.

— Да, теперь я все знаю,—повторила она, и глаза ея засвѣтились радостью.

Она подошла къ нему сзади, положила ему руки на плечи и нагнулась къ нему.

— Я не уйду отъ васъ—о, пожалуста, пожалуйста! не перебивайте меня. Вы сдержите клятву, данную отцу. Мнѣ не нужно церковнаго брака, не нужно обрядовъ—вы ничѣмъ не

будете скованы. И какъ только я почувствую, что я уже не дорога вамъ—какъ только мнѣ почудится, что я вамъ въ тягость—я тихохонько, на цыпочкахъ, такъ что вы и не услышите, уйду отъ васъ. Но теперь, не отталкивайте меня отъ себя, другъ мой дорогой!—Богъ видитъ—я не переживу этого.

Она нѣжно обвила руками его шею и робко поцѣловала его.

— Гаиза... маленькая Гаиза!

У него искры сыпались изъ глазъ и, когда она прижалась къ его груди, такая жалкая, измученная и, съ грустной и въ то же время блаженной улыбкой, заглянула ему въ глаза, ему показалось, что у него на ладони сидитъ крохотная раненая птичка съ подбитымъ крыломъ и печально и жалобно смотритъ ему въ глаза, какъ бы прося пощады.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ, глубоко растроганный:

— Нѣтъ, маленькая Гаиза, такъ не должно быть. Этого не суждено. Я бѣдный, простой рабочій, который былъ на волосокъ отъ смерти и спасся чудомъ. Нѣтъ, маленькая барышня, я не хочу сдѣлать васъ несчастной—Богъ свидѣтель, я лучше перерѣжу себѣ горло, чѣмъ...

Она зажала ему рукою ротъ—и снова лицо его приняло то угрюмое, удрученное выраженіе, которое стало такимъ обычнымъ для него и было лишь отраженіемъ его изстрадавшейся, угрюмой души.

— Я день и ночь ломалъ себѣ голову, ища выхода—и не нахожу его.

— Такъ иди за мной,—воскликнула она, сіяя счастьемъ.—Что намъ до свѣта и людей? вѣдь мы любимъ другъ друга, и Богъ за насъ—я чувствую это.

Онъ грустно покачалъ головой.

— Дитя... дитя, молчи—я не могу. Такъ я не могу, хоть на куски меня рвите. Ахъ, либимая, пойми меня! Всякій другой имѣетъ право выйти изъ рамокъ, но только не я. Меня и такъ люди неохотно приняли въ свое общество—они предпочли бы вышвырнуть меня за двери, затравить меня собаками. И теперь только подстерегаютъ удобный предлогъ, чтобы побить меня камнями. Я самъ подставилъ бы имъ грудь—Богъ видитъ—еслибъ на меня не была возложена миссія—оправдать память моего бѣднаго отца, лучшаго и честнѣйшаго изъ людей. Я не хочу, чтобъ они говорили... ахъ, милая моя маленькая Гаиза,

я не имѣю высказать этого, но ты же понимаешь меня. Теперь ты видишь, какъ я скованъ...

Они сидѣли рука объ руку и молчали—а сумерки все сгущались, и у нихъ было такое чувство, какъ будто они одни на свѣтѣ...

— О Боже!—спохватился вдругъ Стефанъ,—уже ночь на дворѣ... какъ будетъ волноваться г. солистъ...

— Позволь мнѣ еще немного побыть у тебя—не гони меня—я такъ тосковала по тебѣ все это время—а о папочкѣ не безпокойся. Онъ будетъ сегодня такъ счастливъ, такъ радъ—какъ уже давно не былъ...

И, помолчавъ, она прибавила:

— Ты долженъ быть очень-очень добръ къ папочкѣ—онъ много выстрадалъ изъ-за тебя.

И снова она цѣловала его безъ конца.

Потомъ, съ глубокимъ вздохомъ, поднялась, натянула на себя жакетъ, надѣла шляпу...

Они шли рука объ руку по темнымъ улицамъ—и счастье ихъ было такъ безгранично, такъ переполняло ихъ сердца, что всѣ желанія угасли, все горе было позабыто. Оба молчали, но отъ этого счастье только чувствовалось еще глубже. И чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ больше они замедляли шаги. Холодный вѣтеръ дулъ имъ въ лицо, но они его не замѣчали. И вдругъ, сквозь вѣтеръ, донесся зовъ:—Гаиза!.. Гаиза!.. Передъ ними стоялъ камервиртуозъ, со шляпою подъ мышкой, и вѣтеръ развѣвалъ его сѣдые локоны.

Но, какъ только онъ увидалъ Стефана Гуллера, глазки его моментально заблестѣли, и все его огорченіе и боязнь словно сдуло вѣтромъ.

— Ахъ, сударь, какъ я радъ васъ видѣть!—воскликнулъ онъ, ни словомъ не попрекнувъ Гаизу за долгое отсутствіе. Съ чуткостью истаго артиста онъ уже все сообразилъ и понялъ.

— Вотъ видите, какой я догадливый! Я такъ и думалъ, что сегодняшній вечеръ—необыкновенный вечеръ и сулитъ что-то неожиданное. И не могъ усидѣть дома, въ четырехъ стѣнахъ—долженъ былъ—*долженъ былъ* пойти навстрѣчу дѣткѣ. Вы знаете, сударь мой, старые люди любопытны.—Онъ лгалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, такъ какъ изъ дома его выгнало безпокойство о дочери, но при этомъ хитро и лукаво улыбался, довольный своей находчивостью, которая помогла ему скрыть отъ нихъ обоихъ свои страхи и тревогу.—Но, сударь мой, что сегодняшній вечеръ преподнесетъ мнѣ васъ—нѣтъ, это мнѣ и во снѣ

не снилось. Я очень счастливъ, сударь мой. Мы часто вспоминали васъ. Я говорилъ дѣткѣ: онъ придетъ—онъ придетъ—онъ вѣжливый кавалеръ—вы спросите у нея—я, сударь мой, ни одной минуточки не сомнѣвался въ васъ—я былъ заранѣе увѣренъ.

Маленькая Гаиза не вѣрила своимъ ушамъ—это было такое безсовѣстное вранье, что она уже готова была побранить «папочку»; но внутренній голосъ ласково шепталъ ей: «Ну и пусть, и не мѣшай ему—вѣдь для него это не только шутка—это онъ отъ радости»...

А старикъ уже сѣлъ на своего конька и болталъ безъ умолку.

— Сударь, это—одинъ изъ счастливѣйшихъ часовъ моей жизни. Еще рано—не можемъ же такъ разойтись. Надо хоть выпить стаканчикъ за возобновленіе нашего знакомства.

Стефанъ и Гаиза посмотрѣли другъ на друга—и Стефанъ кивнулъ головой.

Камервиртуозъ отперъ своимъ ключемъ ворота, и всѣ трое стали подниматься по лѣстницѣ.

— Останься съ нашимъ гостемъ—сегодня я буду хозяйничать.

И старикъ мгновенно исчезъ.

— Я ничего не разскажу отцу,—поспѣшно молвила она,—зачѣмъ огорчать бѣднаго ста....

Она не договорила—Мессенджеръ уже снова стоялъ въ дверяхъ.

— Эта бутылочка, сударь мой, стоитъ вниманія—правда, у меня въ погребѣ найдется парочка бутылокъ съ еще лучшимъ, еще болѣе тонкимъ виномъ, но тѣ, сударь мой, предназначены для другого случая.

И онъ опять лукаво усмѣхнулся, не безъ труда откупоривая бутылки. Лицо его налилось кровью, но взоръ сверкалъ весельемъ.

— Сила-то у меня еще сохранилась—я еще за себя постою; меня еще не вышвырнешь за бортъ, какъ старый хламъ.

Послѣднія слова онъ почти выкрикнулъ, какъ-то даже угрожающе, и при этомъ украдкой покосился на дочь, которая ужъ испугалась, какъ бы отецъ, выпивши, не сказалъ какой-нибудь глупости. Мессенджеръ, повидимому, догадался, чего она боится и успокоительно махнулъ рукой въ ея сторону, какъ бы говоря:—Малютка, ты еще совсѣмъ птенецъ, желтоносикъ, а я ужъ старый воробей, котораго на мякинѣ не поймаешь—такъ нечего тебѣ бояться. Но вслухъ онъ только выговорилъ:

— Итакъ, господа, чокнемся.—За все, что намъ дорого,—каждый можетъ думать о своемъ.

Стаканы звенѣли... сердца пѣли...

— Видите ли, сударь мой, это винцо имѣетъ свою исторію—это доброе винцо, сударь мой, которое ласкаетъ языкъ и грѣетъ душу. Вы думали я хвастунъ, рекламистъ.—Можетъ быть, вы и правы—а все таки, у меня еще есть штукъ двадцать бутылочекъ, и среди нихъ пара такихъ... ну, да объ этомъ послѣ—можетъ статься. Итакъ, прохожу я однажды утромъ мимо лавки, въ которой народу набилось столько, что яблоку—да что яблоку—иголкѣ негдѣ упасть. На столѣ стоитъ здоровенный верзила, стучитъ молоткомъ и кричитъ: Тридцать семь бутылокъ изъ погреба покойнаго доктора Тренквица—сорокъ марокъ разъ—сорокъ марокъ два...—Тутъ меня лукавый и толкни. Я кричу: «Сорокъ пять»! А онъ ужъ опять стучитъ молоткомъ.—Сорокъ пять—три.—Гляжу: вино-то ужъ мое, а сорока-то пяти марокъ нѣтъ. Что же вы думаете, сударь мой, я, вѣдь, ни на минуту не смутился. Вынимаю кошелекъ, вязаный, шелковый.—«Вотъ вамъ двадцать марокъ—больше у меня сейчасъ при себѣ нѣтъ; но вотъ мой адресъ, вотъ моя визитная карточка. Желаете залогъ?—Вотъ вамъ золотые часы, вотъ брильянтовая булавка для галстуха, пожалованная мнѣ великимъ герцогомъ»...—Посмотрѣли бы вы, какъ они всѣ тамъ любезили передо мною. Въ тотъ же день къ вечеру вино было принесено къ намъ на домъ—и Гаиза такъ отчитала меня, что у меня до сихъ поръ въ ушахъ звенитъ.

Онъ отъ души расхохотался, и слушатели его тоже.

— Но самое лучшее еще впереди. Какъ вскорѣ выяснилось, покупка моя оказалась очень выгодной. Докторъ фонъ-Тренквицъ былъ, должно быть, знатокъ въ винахъ — одна бутылка лучше другой. Мнѣ потомъ разсказали, что д-ръ Тренквицъ для коллекціи собиралъ лучшіе сорта—ну, да объ этомъ въ другой разъ. А тотъ, аукціонеръ, ничего въ этомъ не смыслилъ—вино-то и досталось мнѣ.

Онъ поднялся со стула, подошелъ къ портретамъ своихъ любимыхъ пяти Б. и отвѣсилъ имъ низкій поклонъ.

Г. фонъ-Бюловъ, этотъ глотокъ — за васъ, а остальное за васъ, дорогіе учителя, произведенія которыхъ будутъ жить вѣчно.

Стефанъ былъ тронутъ. Въ эту минуту старикъ, съ его неудержимымъ краснорѣчіемъ, съ его искреннимъ воодушевленіемъ, показался ему сродни Іоганнесу фонъ-деръ-Эвигкейтъ. Онъ смотрѣлъ на красное, какъ кровь, вино, смотрѣлъ въ тем-

ные глаза Гаизы, отвѣчавшіе ему страстнымъ взоромъ, и чувствовалъ, какъ въ немъ закипаетъ кровь...

— Г. камервиртуозъ, ваше здоровье—это чудесный вечеръ и чудесное вино.

— Г. Гуллеръ, если вы больше не забудете дороги къ нашему дому, это будетъ для меня лучшей благодарностью. Обѣщайте мнѣ, что не забудете. Давайте руку. Ну вотъ такъ—теперь все въ порядкѣ. Спокойной ночи, сударь мой. Я извиняюсь. Дѣвочка проводитъ васъ до воротъ.

— Поцѣлуй меня еще разъ, любимый мой.

Они обнялись, и она цѣловала его съ такой неудержимой страстью, что у него вылетѣло изъ головы все остальное и онъ забылъ обо всемъ на свѣтѣ.

— Я не пущу тебя,—шептала она.—Не пущу.

Понуривъ голову, возвращался онъ домой. Теперь онъ зналъ, что такое любовь—только теперь онъ понялъ, что было отнято у отца—теперь, когда передъ нимъ самимъ раскрылась тайна жизни.

Печально раздѣлся онъ и легъ, но тотчасъ же блаженная улыбка озарила его серьезное лицо — рядомъ съ нимъ стояла Гаиза и шептала ему: «Я не пущу тебя!» И во снѣ онъ все время видѣлъ ее; и, когда начиналъ метаться и бредить, она клала ему на лобъ свою прохладную бѣлую ручку—и больныя грезы разсѣивались, и онъ спалъ спокойно.

Но Гаиза Шарлотта въ эту ночь не спала вовсе. Темные глаза ея въ темнотѣ сіяли, какъ звѣзды, а сердце такъ колотилось въ груди, подъ кружевною сорочкой, что казалось, худенькая бѣлая грудка не выдержитъ и разорвется. И вдругъ, она привстала на постели, сложила ручки и начала молиться—молиться Дѣвѣ Маріи, которой вѣдомы и сердечная боль дѣвичьяго сердца, и страданія материнства.

И ей чудилось, словно ласковый теплый весенній дождикъ льется ей на голову.—Дѣва Марія склонилась надъ темнокудрой головкой и возложила на нее руки, благословляя. Воздухъ наполнился благоуханіемъ ладона и небесной музыкой... Марія просвѣтила ея душу, указала ей выходъ. И, заливаясь счастливыми слезами, дѣвушка сомкнула усталыя вѣжды...

Что же подсказала Дѣва Марія, утѣшеніе женщинъ, малюткѣ Гаизѣ?..

«Мой дорогой, любимый. Мнѣ надо поговорить съ тобой сегодня же. Есть путь, по которому, если только ты меня любишь, ты долженъ пойти.

Твоя Гаиза Шарлотта Мессенджеръ».

Она сіяла, сверкала, блистала. Темные глаза ея, бѣлоснѣжное личико, алыя губки, прозрачныя ручки, блѣдный лобъ, волосы черные, какъ ночь и блестящіе, какъ шелкъ, — все въ ней искрилось и сверкало. Сверкалъ и красноватый отблескъ заката на тощихъ стволахъ убогой сосновой рощицы. Они шли рука объ руку. Онъ ни о чемъ не спрашивалъ. Она привела его къ одинокой скамьѣ и только тутъ совсѣмъ тихонько, почти шепотомъ, но такимъ голосомъ, который звучалъ въ его ушахъ нѣжнѣе музыки, сказала ему, что онъ долженъ пойти посовѣтоваться съ проповѣдникомъ церкви Святой Гедвиги—какъ онъ рѣшитъ, такъ и будетъ; потому что этотъ проповѣдникъ—необыкновенный человѣкъ, глубоко вѣрующій, смиренный, посвятившій себя служенію Богу и людямъ... Больше она ничего не скажетъ — пусть Стефанъ судитъ самъ, когда познакомится съ нимъ лично...

Она умолкла и заглянула ему въ глаза, съ выраженіемъ такой глубокой и набожной вѣры, отъ которой все ея лицо озарилось, словно сіяніемъ.

И когда онъ, глубоко взволнованный, отвѣтилъ: «Пусть будетъ такъ,—я пойду къ нему», она наклонила головку, чтобы онъ не видѣлъ ея лица, но не была изумлена — именно такъ онъ долженъ былъ отвѣтить. Марія не обманываетъ ожиданій тѣхъ, кто надѣется на нее.

Стефана встрѣтилъ высокаго роста мужчина съ крутымъ, умнымъ лбомъ, надъ которымъ были гладко зачесаны совсѣмъ сѣдые волосы. Посереди комнаты стоялъ большой письменный столъ, съ котораго скорбно глядѣлъ на Стефана ликъ Распятаго.

Священникъ пригласилъ его сѣсть, но Стефанъ не трогался съ мѣста. Онъ испытующе вглядывался въ это задумчивое, доброе лицо мыслителя, въ этотъ высокій лобъ, подъ которымъ не было мѣста низменнымъ мыслямъ, и въ сѣрые большіе глаза, и чувствовалъ, что съ такимъ человѣкомъ можно говорить откровенно.

И онъ сталъ разсказывать сдавленнымъ голосомъ, порою проводя рукою по лбу и откидывая волосы назадъ—внутренно глубоко взволнованный, но по внѣшности спокойный и твердый.

— Вотъ какія у меня дѣла, г. докторъ,—заключилъ онъ свой разсказъ,—я пришелъ къ вамъ, потому-что на меня разомъ свалилось и счастье, и бѣда, и я запутался и, какъ слѣпой, не могу найти дороги...

Священникъ смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ высокаго, красиваго человѣка. Онъ хорошо помнилъ процессъ Чарльза Тиллера, хотя съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ.

— Въ нашей жизни,—медленно выговорилъ онъ,—бываютъ такія исключительныя положенія, въ которыхъ обычныя нормы и однѣ только внѣшнія положенія нашей религіи не являются рѣшающими. Я могъ бы легко рѣшить вашъ душевный конфликтъ, г. Стефанъ Гуллеръ, отвѣтивъ вамъ: «Вы можете съ легкимъ сердцемъ заключить этотъ союзъ; онъ не можетъ быть неугоднымъ Богу, ибо клятва, взятая съ васъ человѣкомъ, который загубилъ и свою жизнь, и чужую, предъ лицомъ Бога и церкви не имѣетъ значенія». Но этого я не сдѣлаю. Кто не чтитъ отца земного, не чтитъ и Отца небеснаго. И я далекъ отъ желанія чернить въ вашихъ глазахъ память дорогого вамъ человѣка. Я помню этотъ процессъ, и помню, какъ судили вашего отца земные судьи.

Онъ остановился и посмотрѣлъ на Стефана такими искренними, правдивыми глазами—и улыбнулся ласковой, мечтательной улыбкой, необычайно красившей его серьезное лицо.

— Помню,—продолжалъ онъ, понизивъ голосъ,—я тогда же подумалъ про себя: «Этого человѣка Богъ не осудитъ; Богъ проститъ его. Ибо есть дѣла людскія, которыя не подлежатъ земному суду». Итакъ, вотъ какъ я отношусь къ вашему покойному отцу. А теперь, перехожу къ вамъ, къ вопросу, который тяготитъ вашу совѣсть. И думаю, что, въ качествѣ священника, я имѣю право сказать вамъ: «Не проходите мимо жизни—это не нарушитъ покоя усопшихъ». Каждый человѣкъ,—продолжалъ онъ съ торжественной серьезностью,—посланъ Создателемъ своимъ въ этотъ міръ для того, чтобы онъ самъ сталъ творцомъ и почувствовалъ и понялъ въ глубинѣ души своей Творца своего. Ибо, другъ мой, завѣтъ: «плодитесь и размножайтесь» данъ былъ не только для того, чтобы родъ человѣческій не угасъ, но и потому, что завѣтъ этотъ ведетъ къ познанію Бога. И, потому, ни одинъ человѣкъ не въ правѣ удер-

живать другого отъ исполненія долга своего передъ Господомъ. Ибо въ этомъ цѣль и смыслъ нашего существованія».

И съ грустной задумчивостью онъ прибавилъ:

— Сынъ человѣческій свидѣтельствуетъ о Господѣ и самъ становится Богомъ для братьевъ и сестеръ своихъ. Ибо каждый изъ насъ носитъ въ себѣ возможность сдѣлаться Богомъ и, если не онъ, такъ внукъ его осуществитъ эту возможность. Если не онъ такъ внукъ его, кровь отъ крови его, будетъ причисленъ къ избраннымъ, приметъ Божье наслѣдіе и пойдетъ тѣмъ путемъ, какимъ шелъ Господь и Спаситель нашъ—останется одинокимъ и не познавшимъ жены, для того, чтобы быть общимъ достояніемъ братьевъ и сестеръ.

Онъ заглянулъ въ лицо Стефану, и ему показалось, что онъ прочелъ въ этомъ лицѣ сомнѣніе.

И, понизивъ голосъ, онъ докончилъ:

— Мы, бѣдные пастыри, служащіе Господу и только Господу—мы несемъ искупленіе за братьевъ и сестеръ нашихъ.

И такая глубокая тоска была въ его взорѣ, что душа Стефана дрогнула. Быть можетъ, человѣкъ, стоявшій передъ нимъ, самъ принужденъ былъ задушить въ себѣ всѣ желанія своего сердца, ради того, чтобы служить Богу, дѣлать Божье дѣло—да, несомнѣнно, это такъ—онъ угадалъ это чутьемъ.

И благоговѣйно склонилъ голову — и почувствовалъ себя освобожденнымъ, и сердце его исполнилось признательности.

— Идите съ Богомъ! — сказалъ священникъ. — Благословляю васъ.

Стефанъ почтительно склонился передъ нимъ.

Священникъ проводилъ его до двери.

— Поклонитесь отъ меня маленькой барышнѣ и господину камервиртуозу, съ которымъ мы, по части Баха и Бетховена, единомышленники.

На прощаніе онъ протянулъ руку гостю—послѣдній взглядъ Стефана Гуллера упалъ на лицо Распятаго.

Медленно, словно боясь пролить хоть единую каплю изъ той чаши счастья, которую онъ несъ въ своей груди, шелъ Стефанъ Гуллеръ по улицѣ, и въ душѣ его былъ Богъ и звонъ колоколовъ, музыка и весна.

— Папочка, милый, родной мой папочка! Вотъ этотъ большой человѣкъ, который стоитъ тутъ...

Она не въ состояніи была договорить и кинулась на шею старику отцу, плача и смѣясь и прижимаясь къ нему и душа

его въ своихъ объятіяхъ, такъ что бѣдный старикъ чуть не задохся и лишь съ трудомъ освободился отъ нея.

— Дѣточка моя родная—моя маленькая Гаиза—душенька ты моя райская!.. У него самого слезы катились по щекамъ и онъ не стыдился ихъ.

Онъ вначалѣ даже и не замѣтилъ Стефана, и, только теперь, обернулся къ нему съ трогательной, застѣнчивой, скользящей улыбкой.

— Вы счастливчикъ, сударь мой, поздравляю васъ отъ души. Помоги вамъ Боже быть достойнымъ этого счастья. И я полюбилъ васъ, сударь мой, за то, что вы любите мое дитя; нагнитесь ко мнѣ—дайте обнять васъ.

Прямо отъ Мессенджеровъ онъ повезъ Гаизу къ мейстеру Трейману, которому уже сообщилъ о своей женитьбѣ.

Тотъ долго смотрѣлъ на нее серьезно и пытливо, потомъ взялъ ея головку въ свои огромныя мозолистыя руки и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Стефанъ оставилъ ихъ однихъ.

— Вы удачно попали,—сказалъ мастеръ.—Вамъ достался въ мужья настоящій человѣкъ—хорошій человѣкъ. Благодарите Бога и сдѣлайте его счастливымъ.

— Я постараюсь, если только Богъ поможетъ мнѣ.

Она нагнулась къ старику и поцѣловала его руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, не такъ,—въ губы.

И вошедшій Стефанъ видѣлъ, какъ его невѣста поцѣловала въ губы стараго мастера.

Ему самому Трейманъ только крѣпко пожалъ руку.

Поглядѣлъ, взвѣсилъ, примѣрилъ—ничего, мѣра полная, вѣсъ настоящій.—Поздравляю, мой мальчикъ.

Стефанъ сіялъ, ему пріятно было слышать отъ мастера такія слова. Мастеръ былъ не изъ говорливыхъ и скорѣй откусилъ бы себѣ языкъ, чѣмъ сказалъ бы лишнее... И вдругъ изъ устъ Стефана Гуллера вырвался тотъ самый басистый, тихій, захлебывающійся смѣхъ, какимъ всегда смѣялся въ счастливыя минуты его отецъ, Чарльзъ Тиллеръ.

Старикъ невольно удивился—онъ никогда не слышалъ какъ Стефанъ смѣется—и самъ Стефанъ испугался своего смѣха, который прозвучалъ для него, какъ чужой. Но испугъ его скоро прошелъ.

— О Гаиза!—выговорилъ онъ съ глубокой радостью,—ты научила меня смѣяться. Никогда я прежде не смѣялся—спроси мастера.

Трейманъ серьезно кивнулъ головою, досталъ изъ шкафчика начатую бутылку вина, наполнилъ стаканы и всѣ чокнулись...

Отсюда они поѣхали прямо въ Братскую улицу, но Стефанъ сказалъ кучеру, чтобъ онъ уѣхалъ кружнымъ путемъ—торопиться было некуда, а ему тяжело было даже минуту дѣлиться своимъ сокровищемъ съ другими.

Этотъ большой, сильный человѣкъ сбросилъ наконецъ, съ себя тяжкое бремя, которое всю жизнь давило его и пригибало къ землѣ, и вся душа его была черезъ край переполнена счастьемъ. Веселье, радость били изъ него ключемъ, какъ будто онъ, изголодавшись, хотѣлъ въ нѣсколько часовъ наверстать то, въ чемъ отказывалъ себѣ долгіе годы.

— Дѣвочка моя,—смѣясь говорилъ онъ Гаизѣ,—я точно надѣлъ сапоги-скороходы и гоняюсь за смѣхомъ и радостью, которыхъ до сихъ поръ не было въ моей жизни.

И опять услыхала Гаиза этотъ счастливый, захлебывающійся смѣхъ, вырывающійся изъ глубины души, который Стефанъ унаслѣдовалъ отъ отца.

Но экипажъ уже остановился передъ знакомымъ домомъ на Братской улицѣ—ничего не подѣлаешь, надо выходить, надо покинуть замокъ, гдѣ они прятали свое счастье отъ завистливыхъ взоровъ людей...

Поэтъ держалъ молодую дѣвушку за одну руку, философъ за другую и каждый гладилъ нѣжную ручку, которую онъ держалъ въ своихъ, и Гаиза, стоя между двумя чудаками, улыбалась обоимъ. Поэтъ въ честь ея облекся въ черный блестящій сюртукъ; философъ—въ красивый желто-коричневый плащъ—красивый, хотя шерсть на немъ выцвѣла и на взглядъ обыкновеннаго смертнаго онъ могъ показаться протертымъ до нитки. Пусть говорятъ, что этому плащу ужъ тридцать лѣтъ—развѣ властны годы надъ волшебнымъ плащемъ Іоганнеса фонъ-деръ-Эвиггейтъ?

— О!—говорилъ поэтъ, въ рыжую бороду и гриву котораго время уже вплело серебряныя нити,—она не отъ міра сего—она спустилась съ небесъ или же всплыла изъ морской глубины. Ну да, изъ морской глубины, потому что глаза ея—жемчуга, а уши—перламутровыя раковины; и въ то же время она—небесная, потому что она легче воздуха и руки ея, какъ бѣлыя крылья; и душа ея была у Бога, потому что голосъ ея звучитъ, какъ музыка сферъ.

А тонкій, стройный философъ съ бѣлыми волосами и узень-

кимъ бѣлымъ галстучкомъ на тонкой шеѣ, противъ своего обыкновенія, медленно и мечтательно выговорилъ:

— Она такъ прекрасна, что при ней перестаешь мыслить и начинаешь мечтать.

Маленькая Гаиза блѣднѣла и краснѣла отъ удовольствія, и ей казалось, будто она дѣйствительно очутилась на волшебномъ островѣ, и сюртукъ поэта и плащъ философа — драгоцѣнныя одѣянія, но видѣть ихъ не могутъ простые смертные, а только она и Стефанъ. Ее подвели къ окну и показали ей рѣку, по которой медленно тащились буксирные пароходы.

— Вы видите, маленькая барышня,—говорилъ Іоганнесъ фонъ-деръ-Эвигкейтъ,—передъ вами раскинулось широкое безпредѣльное море, и этотъ гордый корабль, этотъ плавучій замокъ, везетъ индійскія ткани, везетъ всѣ сокровища міра.

— Да,—отвѣчала она своимъ серебристымъ голоскомъ,— да, я все это вижу.

Она смотрѣла на старые дома съ цвѣточными ящиками у оконъ; поэтъ поймалъ ея взглядъ и сказалъ:

— А это висячіе сады, о которыхъ вы навѣрное уже читали въ Священномъ Писаніи.

Она тихонько пожала его руку и другой рукой руку философа, который отъ удовольствія склонилъ на бокъ свою красивую голову.

— Ну, теперь за столъ,—прервалъ молчаніе Іоганнесъ фонъ-деръ-Эвигкейтъ.

Философъ сдвинулъ ящики и съ изумительной быстротой превратилъ письменный столъ въ роскошно убранный столъ для пиршества.

— Черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ въ Китаѣ,—объявилъ поэтъ, и угостимъ васъ всѣми лакомствами, которыя можетъ дать эта страна.

Еще нѣсколько минутъ и философъ разлилъ въ стаканы золотистый чай; Стефанъ съ Гаизой сѣли на стулья; хозяева пріютились на ящикахъ.

Ахъ, здѣсь было, дѣйствительно, точно въ заколдованномъ замкѣ—ни одинъ вульгарный звукъ не нарушалъ таинственной тишины и маленькая Гаиза всей душой отдавалась чарамъ этой необычной обстановки.

Когда они вернулись домой, она на минуту остановилась въ дверяхъ.

— Стефанъ, скажи мнѣ, во снѣ я все это вижу или на яву?

— Ты со мной, маленькая Гаиза.

— Такъ это правда, Стефанъ, это не сонъ?—ты мой навсегда?

— Да, маленькая Гаиза, твой и только твой.

— Такъ поцѣлуй же меня милый, поцѣлуй, чтобы я повѣрила!

Она закрыла глаза, и онъ поцѣловалъ ее такъ бережно, такъ легко, словно боялся разбить ее неосторожнымъ прикосновеніемъ.

И ему вспомнились слова Іоганнеса: «Она сошла съ небесъ—или всплыла наверхъ изъ глубины морской.»

. . . . . .

Господинъ Мессенджеръ былъ въ страшныхъ хлопотахъ. Легкое-ли дѣло выдавать дочку замужъ! Правда, малютка была очаровательнѣе, чѣмъ когда либо, и такъ сіяла счастьемъ, что частица этого счастья передавалась и ему. Однако, между отцомъ и дочерью все же произошло маленькое сраженіе, въ которомъ отецъ остался побѣдителемъ—на половину.

«Дѣти» не хотѣли ни разсылать извѣщеній о помолвкѣ, ни опубликовать это въ газетахъ. Но господинъ Мессенджеръ все-таки настоялъ на разсылкѣ бланковъ, на которыхъ изящнымъ литографскимъ шрифтомъ было написано: «Симъ честь имѣю извѣстить о помолвкѣ дочери моей Гаизы Шарлотты съ господиномъ инженеромъ Стефаномъ Гуллеромъ. Алоизъ Мессенджеръ, камервиртуозъ и солистъ Его Высочества Герцога Мейнингенскаго».

Ужъ этого-то онъ не позволитъ отнять у себя.

А въ воскресеніе утромъ передъ домомъ остановился нарядный автомобиль и изо всѣхъ оконъ высунулись головы жильцовъ поглядѣть на знатнаго гостя.

Изъ автомобиля вышелъ никто иной, какъ начальникъ Стефана Гуллера и нѣсколько минутъ спустя онъ уже звонилъ у дверей квартиры камервиртуоза.

Старикъ ждалъ его въ подобающей позѣ.

О, онъ ни мало не смутился—чего же тутъ смущаться. Вѣдь онъ бывалъ и въ высшемъ свѣтѣ, онъ игралъ при князьяхъ и герцогахъ—Листъ и Бюловъ хлопали его по плечу и Бюловъ говорилъ ему: «Мессенджеръ, вы настоящій музыкантъ. У васъ врожденное чувство такта и темпа».

Что ему послѣ этого всѣ князья и владыки земли?

Онъ стоялъ чопорный, напыщенный и важный и вся его поза какъ бы говорила: «Вотъ я, Алоизъ Мессенджеръ, стою

здѣсь передъ вами и чувствую себя ничуть не ниже васъ, ни на одинъ дюймъ не ниже, хоть, можетъ быть, у васъ и лежатъ милліоны въ Нѣмецкомъ Банкѣ.»

Но фабрикантъ, у котораго значительно порѣдѣлъ за эти годы проборъ, сразу заговорилъ съ нимъ такъ любезно, такъ привѣтливо, что музыкантъ чуть-чуть на первыхъ же словахъ не сбился съ тона.

Онъ началъ съ увѣренія, что имя Мессенджеръ ему знакомо: если память не обманываетъ его, лѣтъ двадцать назадъ онъ былъ на симфоническомъ концертѣ Мейнингенской придворной Капеллы подъ управленіемъ Бюлова и въ этомъ концертѣ господинъ Мессенджеръ игралъ соло на скрипкѣ.

Господинъ камервиртуозъ былъ въ восторгѣ.

— Сразу видно, сударь мой, что вы любите музыку. Это радуетъ меня необычайно. Чѣмъ былъ бы свѣтъ безъ музыки— безъ музыки и безъ любви? Вы, конечно, согласитесь, сударь мой, что музыка и любовь нераздѣльны.

Когда докторъ, очарованный нѣжной красотой маленькой Гаизы, наговоривъ ей изящныхъ комплиментовъ, простился и ушелъ, Мессенджеръ наполеоновской походкой или, вѣрнѣе, подражая походкѣ своего любимца Бюлова, нѣсколько разъ бурно пронесся по комнатѣ.

— Прелесть, что за человѣкъ!—чрезвычайно мнѣ понравился. Цѣнитъ искусство—держится скромно, съ достоинствомъ— не заурядный денежный мѣшокъ, а свѣтскій человѣкъ—и, вѣдь, помнитъ мое соло—это мнѣ нравится—не даромъ, значитъ, я пиликалъ. Это, милый мой Стефанъ, для нашего брата музыканта все равно, что орденъ получить. Ты читалъ когда нибудь Жанъ Поля? Жанъ Поль говоритъ, что единственный рай, куда мы можемъ укрыться отъ земныхъ невзгодъ, это воспоминанія... Ты обрати на него вниманіе—знатоки очень цѣнятъ этого писателя—онъ...

Раздался звонокъ—пришелъ настройщикъ. Господинъ солистъ прежде всего рѣшилъ настроить рояль по случаю торжественнаго дня. «Дѣтямъ» онъ предложилъ идти въ Тиргартенъ—они только мѣшать будутъ, онъ одинъ присмотритъ за настройщикомъ. Да и вообще, пусть они ни во что не мѣшаются—даже Гаиза—ему ни чьей помощи не нужно, онъ все одинъ сдѣлаетъ.

Увидавъ ихъ идущими подъ руку по двору, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, распахнулъ кухонное окно и крикнулъ громко,

не заботясь о томъ, что его могутъ услышать другіе жильцы: «Фрау Мертенсъ, пожалуйте—путь свободенъ».

Фрау Мертенсъ, прежняя квартирная хозяйка Стефана, охотно взялась помочь господину солисту въ приготовленіяхъ къ свадебному обѣду.

Она явилась нагруженная, выложила изъ передника на столъ всѣ свои покупки и усѣлась на табуретъ напротивъ хозяина. А тотъ, съ книжкой въ рукѣ, записывалъ.

— Итакъ, первое блюдо—бульонъ съ фрикадельками. Великолѣпно, такъ и запишемъ: *бульонъ á la Бюловъ*;—потомъ гусиная печенка, нарѣзанная тонкими ломтиками и къ ней красная капуста—повидимому у насъ будутъ обѣдать два чудака, которые больше приналягутъ на капусту, чѣмъ на печенку. На третье—жареный гусь—но помните, надо такъ зажарить, чтобы кожа хрустѣла.

— Ужъ вы не безпокойтесь, господинъ камервиртуозъ; я двадцать лѣтъ служила въ еврейскомъ семействѣ—а евреи мастера жарить гусей.

— Чудесно. А на сладкое, фрау Мертенсъ,—мороженое, настоящее сливочное мороженое. Я ужъ заказалъ его у Шиллинга на Кохъ-штрассе; по моему, въ Шарлоттенбургѣ не умѣютъ приготовлять его такъ вкусно.

— Да,—подтвердила фрау Мертенсъ.—У Шиллинга, что и говорить, хорошая кондитерская—послѣ Кранцлера первая.

— А мнѣ она даже больше нравится,—сухо возразилъ господинъ Мессенджеръ, котораго раздражало коварство сосѣдки и ея скрытое критическое отношеніе къ его заказу. Но онъ не показалъ и виду, что обиженъ.

— Можетъ быть, еще прибавить гусиные потроха? освѣдомилась фрау Мертенсъ.—У моихъ господъ всегда подавались гусиные потроха на отдѣльное блюдо.

— Нѣтъ,—рѣшительно объявилъ господинъ Мессенджеръ.—Вѣдь это не обѣдъ, почтеннѣйшая,—это ужинъ, легкій ужинъ—souper.—Не слѣдуетъ перегружать желудокъ гостей. Притомъ, самаго лучшаго угощенія вы еще не видали.

Онъ прошелъ въ другую комнату и притащилъ оттуда три большихъ оплетенныхъ бутылки, любовно прижимая ихъ къ своей груди.

— Этимъ виномъ, почтеннѣйшая, можно угостить хоть короля испанскаго. А теперь за работу, голубушка; ужъ я полагаюсь на васъ. И, главное, не забудьте сходить за льдомъ. За

полчаса до ужина эти бутылки слѣдуетъ поставить въ ледъ—съ такимъ винцомъ нужно умѣть обращаться, прелесть моя.

Затѣмъ онъ пошелъ въ свою спальню и досталъ изъ шкафа старую фрачную пару, которой не вынималъ оттуда уже, по крайней мѣрѣ, лѣтъ десять. И долго, растерянно и нѣжно, смотрѣлъ на нее. Затѣмъ, собственноручно вычистилъ ее—до этого фрака онъ никому не позволялъ дотрагиваться—съ нимъ было связано слишкомъ много воспоминаній. Затѣмъ, вынулъ чистый воротничекъ и манжеты,—разложилъ все это на кровати—и не удержался—наскоро одѣлся, чтобы устроить маленькую репетицію до возвращенія «дѣтей».

Подошелъ къ зеркалу—глядите-ка—фракъ сидитъ еще чудесно—и шапо-клякъ въ полной сохранности... Превосходно! Онъ взялъ подъ мышку скрипку и снова подошелъ съ нею къ зеркалу—онъ не могъ наглядѣться на себя—и вдругъ загрустилъ—столько воспоминаній всплыло разомъ!—рядомъ съ собою онъ видѣлъ мать Гаизы, которая покорила бы своимъ голосомъ весь міръ—еслибъ Богу не угодно было...

Зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Ахъ какъ глупо!—и надо же было ему попасться—вѣдь онъ готовилъ «дѣтямъ» сюрпризъ.

Но Гаиза была уже возлѣ него.

— Что это, папочка?—воскликнула она съ изумленіемъ и всплеснула руками.

— Удивительно ты не кстати пришла,—сердито огрызнулся онъ.

— Куда же ты дѣвала своего Стефана? Вѣдь я же вамъ готовилъ сюрпризъ.

— Стефанъ придетъ черезъ полъ-часа, ему еще надо было куда-то зайти.

Она ласково взяла его подъ руку и прижавшись къ нему, почти умоляющимъ тономъ, сказала:

— Папочка, на твомъ мѣстѣ я сегодня не надѣла бы фрака.

Онъ широко раскрылъ глаза и все лицо его пошло пятнами.

— А когда же еще ты прикажешь мнѣ надѣть его, если не сегодня вечеромъ? Въ этомъ фракѣ никому не стыдно показаться на глаза. Въ этомъ фракѣ я игралъ въ присутствіи Его Высочества Великаго Герцога Мейнингенскаго скрипичный концертъ Бетховена—т. е. не могу сказать: игралъ, потому что по настоящему играть этотъ концертъ могъ только Іоахимъ—но пробовалъ играть—и довольно удачно—самъ Бюловъ подошелъ ко мнѣ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Дорогой мой Мессенджеръ, Іоахимъ

играетъ это лучше васъ, но и вы недурно—вы все-таки схватили духъ произведенія». И концертъ этотъ я игралъ вотъ въ этомъ самомъ фракѣ, а ты говоришь...

— Папочка, ты меня не понялъ—я боюсь, что ты напугаешь своимъ великолѣпіемъ нашихъ гостей—вѣдь это было бы имъ больно, папочка, и признаться откровенно, въ своемъ коричневомъ бархатномъ пиджакѣ ты мнѣ гораздо больше нравишься; ну что же мнѣ дѣлать, когда это правда!

Старикъ прищурилъ глазки и лукаво покосился на нее.

— Да, если ты такъ думаешь и если я дѣйствительно больше нравлюсь тебѣ въ пиджакѣ—чтожъ, я могу надѣть и пиджакъ.

Голосъ его звучалъ печально, но онъ поцѣловалъ бѣлый лобикъ, погладилъ шелковистые волосы и опять развеселился.

— Ничего не подѣлаешь—сегодня твой день, моя маленькая, любимая Гаиза.

Насталъ вечеръ.

Явился мейстеръ Трейманъ въ черномъ парадномъ сюртукѣ, въ старомодномъ цилиндрѣ и коричневыхъ лайковыхъ перчаткахъ, вѣрой и правдой служившихъ ему уже нѣсколько лѣтъ. Поэтъ на этотъ разъ, въ видѣ исключенія, явился въ сюртукѣ, уступивъ блестящій, лоснящійся плащъ своему другу философу. Камервиртуозъ встрѣчалъ гостей въ коричневомъ бархатномъ пиджакѣ, поблескивая глазами и сѣдиной пышныхъ кудрей.

Мастеръ вначалѣ сидѣлъ чопорный и чинный, но Іоганнесъ сумѣлъ расшевелить его и черезъ какихъ нибудь четверть часа всѣ уже подружились и чувствовали себя превосходно.

— Ничего удивительнаго, мой юный другъ, — говорилъ Стефану поэтъ,—гдѣ сходятся братья, тамъ всегда бываетъ согласіе и взаимное пониманіе.

Мессенджеръ оживленно бесѣдовалъ съ философомъ, доказывая ему, что въ современной музыкѣ гораздо больше ума и математики, чѣмъ чувства. А затѣмъ, фрау Мертенсъ подала ужинъ—и Гаиза сѣла между Стефаномъ и мастеромъ. И тутъ господинъ камервиртуозъ устроилъ гостямъ сюрпризъ: собственноручно притащилъ три завѣтныхъ бутыли и, сверкая глазами, произнесъ тостъ: «Уважаемые гости! Этому вину 47 лѣтъ; оно—изъ погреба стараго доктора Тренквица. 47 лѣтъ оно дожидалось этого радостнаго дня. И такъ, друзья мои, за ваше здоровье!»

А затѣмъ поднялся поэтъ и заговорилъ о золотѣ, которое сверкаетъ въ винѣ, о золотѣ вѣчной юности, о любви, которая

дороже золота—о Стефанѣ и Гаизѣ, на которыхъ льется потокомъ золото молодости и любви.

— Поднимаю бокалъ съ золотистымъ виномъ, и пью за здоровье жениха и невѣсты.

Послѣднимъ поднялся съ мѣста Стефанъ.

Лицо его было очень серьезное и даже слегка поблѣднѣло. Онъ былъ плохой ораторъ, съ трудомъ подыскивалъ слова, говорилъ тихо, отрывисто—онъ былъ слишкомъ полонъ своимъ счастьемъ, слишкомъ глубоко взволнованъ имъ.

Онъ благодарилъ мастера, который не только былъ его учителемъ, но и съ отеческой добротой руководилъ имъ въ тяжелые дни его дѣтства, мастера, который сильной рукой, можно сказать, оттащилъ его отъ пропасти и спасъ его отъ погибели—благодарилъ друзей, которые ввели его въ таинственные сады бытія и, прежде всего—Бога, который умилосердился надъ нимъ.

— Этотъ стаканъ я пью за васъ, друзья мои, и въ память покойнаго отца моего, Фридриха Гуллера, и маленькой Эльфриды.

Послѣ этихъ словъ въ комнатѣ стало совсѣмъ тихо—и довольно много времени прошло, прежде чѣмъ мастеръ тяжело поднялся съ мѣста, подошелъ къ Стефану и молча положилъ руку ему на плечо. Старикъ и юноша молча смотрѣли одинъ на другого—они безъ словъ понимали другъ друга.

Фрау Мертенсъ убрала со стола; гости усѣлись полукругомъ и, подъ аккомпаниментъ отца, Гаиза спѣла весь циклъ любовныхъ пѣсенъ Шумана. И каждая пѣсня была молитвой ея души, широко раскрывшейся для любви. А гости слушали.

Поэтъ закрылъ глаза, мастеръ сложилъ руки, какъ на молитву, философъ совсѣмъ закинулъ голову назадъ... А Стефанъ не отрывалъ глазъ отъ Гаизы, словно отъ небеснаго видѣнія.

Такъ отпраздновалъ Стефанъ Гуллеръ свою помолвку.

Гуллеры наняли домикъ въ саду изъ пяти комнатъ, а старикъ Мессенджеръ, поселившійся съ ними, взялъ съ собою всю свою старую мебель, такъ что, съ внѣшней стороны, происшедшей перемѣны почти не было замѣтно для него.

Пять комнатъ съ верандой, съ ванной, съ отдѣльной комнатой для прислуги—квартира, за которую надо платить 1200

марокъ въ годъ—да вѣдь это разореніе! И отецъ и дочь пришли въ ужасъ, когда Стефанъ показалъ имъ эту квартиру. Что за непростительное легкомысліе!

Но Стефанъ весело возражалъ, что заботливый хозяинъ долженъ все предвидѣть, а на квартиру полагается тратить до одной шестой части своего годоваго дохода, онъ же истратилъ немногимъ больше, чѣмъ одну десятую.

Старикъ, по обыкновенію, широко раскрылъ глаза.

— Да не можетъ быть, голубчикъ мой. Сколько же ты это, значитъ, получаешь? Больше...

— Не больше, а ровно 12.000 марокъ,—смѣясь прервалъ его Стефанъ.

— Однако! Столько, кажется, и Бюловъ не получалъ въ Мейнингенѣ. Это ужасъ какіе гонорары вы получаете, господа спеціалисты.

— Нашъ завѣдующій дѣломъ зарабатываетъ по меньшей мѣрѣ 40.000 марокъ.

— Гмъ, гмъ. Какіе же мы-то бѣдняки въ сравненіи съ этимъ!.. Что же, и ты, въ концѣ концовъ, можешь дослужиться до этого?—Старикъ даже оробѣлъ отъ удивленія.

— Во всякомъ случаѣ, это не невозможно.

— Ты слышишь, Гаиза, онъ можетъ быть, будетъ зарабатывать 40.000 марокъ—каково!—вѣдь это же великолѣпно! Твой начальникъ—джентльменъ—это сразу видно—большой баринъ: живетъ и жить даетъ другимъ—онъ мнѣ нравится; такихъ людей нельзя не уважать...

— Ахъ, папаша, тутъ дѣло не въ однихъ только деньгахъ,—перебилъ его Стефанъ.

— А все-таки хорошо имѣть ихъ. Ты помнишь, что я тебѣ сказалъ, когда ты пришелъ просить у меня благословенія? Я тебя назвалъ счастливчикомъ—развѣ это не правда?

— Да, папаша, но, все-таки, я утверждаю, что счастье не зависитъ отъ денегъ. Ты только посмотри на моего пріятеля Іоганнеса или хоть на самого себя.

— Нда, артисты, вообще, особая статья. Богъ экономенъ въ своихъ дарахъ; онъ никогда не дастъ человѣку всего. Одному деньги, другому искусство—должно же быть какое-нибудь равновѣсіе и въ этой скорбной юдоли.

— Мнѣ кажется, каждый долженъ быть до извѣстной степени артистомъ.

— До извѣстной степени,—да. Но только, милый мой—онъ усмѣхнулся горделивой и надменной усмѣшкой,—въ искус-

ствѣ это твое «до извѣстной степени» значитъ: ни рыба, ни мясо. Кто только *до извѣстной степени* художникъ, тотъ всю жизнь останется сапожникомъ.

— Конечно, милый отецъ. Съ твоей точки зрѣнія, ты совершенно правъ—и избави Боже меня отъ самонадѣянности и самомнѣнія; я только хотѣлъ сказать, что нужно быть хоть немного въ душѣ артистомъ, чтобы справляться съ жизнью, чтобъ не погрязнуть, какъ въ болотѣ, въ тинѣ повседневности.

— Правильно, голубчикъ. Это ты вѣрно говоришь. Да и въ сущности, что было бы съ нами, артистами, еслибъ у насъ не было публики.

— Ахъ, Стефанъ,—вмѣшалась Гаиза, папочка опять сѣлъ на своего конька. Еще пять минутъ и онъ начнетъ утверждать, что земля вертится не вокругъ солнца, а вокругъ искусства.

— Дитя мое, это я всегда буду утверждать и вполнѣ искренно. Солнце и искусство, въ данномъ случаѣ,—одно и то же. Солнце даритъ людямъ свѣтъ и тепло, и искусство тоже. И, значитъ, солнце есть символъ искусства—или наоборотъ, какъ тебѣ больше нравится.

— Гаиза громко и задорно разсмѣялась, но Стефанъ объявилъ, что папаша совершенно правъ и логика его неотразима.

Гаиза вздохнула.

— Вотъ такъ попалась я! Прежде мнѣ приходилось спорить только съ однимъ, а теперь васъ цѣлыхъ двое противъ меня—ужъ и не знаю, что только со мною будетъ. Но меня гораздо больше вашихъ споровъ интересуетъ кое-что другое. Скажи пожалуйста—послѣднія слова она произнесла такъ тихо, что слышать ихъ могъ только Стефанъ—зачѣмъ намъ пятая комната? Я ломаю себѣ голову и не нахожу разгадки. Ну, гостинная, столовая, комната для папаши, наша спальня—это я понимаю, но № 5 для кого же.

Онъ протянулъ ее къ себѣ и шепнулъ ей на ушко:

— № 5 предназначается для № 3-го.

Она вся зардѣлась румянцемъ и тихонько высвободилась изъ его рукъ, украдкой оглянувшись на отца, не услыхалъ ли тотъ ихъ разговора...

Свадьба была тихая, и сейчасъ же послѣ свадьбы молодые переселились на новую квартиру. Съ веранды были видны поля и луга, и широко раскинувшаяся равнина, и высокій сводъ небесный.

Стояла дивная осень, которой нельзя было не наслаждаться; весь этотъ годъ былъ какой-то необыкновенный и въ ноябрѣ выпадали такіе теплые и солнечные дни, что можно было подумать: на дворѣ весна; даже природа далась въ обманъ и деревья и кусты пустили новые побѣги и выкинули почки, какъ весной.

Алоизъ Мессенджеръ клялся и божился, что Господь Богъ для маленькой Гаизы перетасовалъ всю свою программу и вмѣсто зимы поставилъ на очередь весну.

А когда въ гости явились поэтъ, философъ и мейстеръ Трейманъ, пошелъ пиръ безъ конца.

Стефанъ совсѣмъ преобразился; онъ то и дѣло смѣялся своимъ тихимъ, захлебывающимся смѣхомъ. Кажется, еще не было на свѣтѣ человѣка, который былъ такъ весь полонъ своимъ счастьемъ и смиренно принималъ это счастье, какъ драгоцѣнный даръ.

— Это дано мнѣ незаслуженно,—твердилъ онъ,—и всей своей жизнью я долженъ показать передъ Богомъ и людьми, что я достоинъ такого счастья.

И объ одномъ онъ только молилъ Бога — чтобы Онъ покрылъ своимъ покровомъ созданный имъ домашній очагъ и оберегъ его отъ всякаго зла...

И когда въ одно прекрасное утро Гаиза сказала ему, что въ ней растетъ новая жизнь, этотъ высокій, сильный человѣкъ пошатнулся отъ волненія и долженъ былъ ухватиться за край стола, чтобы не упасть.

— Милый, что съ тобой? — испуганно вскрикнула она, нѣжная, хрупкая и кинулась къ нему, чтобъ поддержать его.

— Ничего, маленькая Гаиза. Успокойся и дай мнѣ поцѣловать тебя.

И его большіе, свѣтлые отцовскіе глаза заволокло туманомъ умиленія и радости.

Застѣнчиво, ревниво охраняя свое счастье, они условились какъ можно дольше держать его въ тайнѣ ото всѣхъ.

— Если это будетъ мальчикъ,—говорилъ Стефанъ,—мы назовемъ его прежде всего Фридрихомъ—въ память моего отца; затѣмъ Вильгельмомъ — въ честь мастера и, наконецъ, Іоганнесомъ—въ честь нашего поэта; а если дѣвочка — она будетъ Гаиза-Шарлотта, какъ ты; никакого другого имени я не хочу. И я даже предпочелъ бы, что это была дѣвочка.

Это было въ послѣднихъ числахъ ноября; затѣмъ погода

сразу измѣнилась: подулъ холодный, декабрьскій вѣтеръ, щипавшій щеки и заставлявшій дрогнуть бѣдняковъ.

Воробьи, спасаясь отъ холода, прилетали на террасу, и Гаиза съ отцомъ прикармливали ихъ хлѣбными крошками.

Стефанъ вынулъ изъ банка двѣсти марокъ и пожертвовалъ ихъ на бѣдняковъ. И самъ себѣ далъ слово помогать не только, когда у него просятъ помощи, а по собственному почину. И на другой же день купилъ цѣлую телѣжку угля и велѣлъ угольщику свалить ее въ подвалѣ на Братской улицѣ.

Рождество было уже на носу, и Стефанъ придумывалъ, что подарить женѣ на елку. Сперва онъ хотѣлъ купить хорошенькую серебряную колыбельку, которая могла служить рабочимъ ящикомъ или просто украшеніемъ, но тотчасъ же отогналъ эту мысль и даже разсердился на себя, что онъ хотя и мыслью искушаетъ Бога.

Вся его заботливость сосредоточилась теперь на Гаизѣ: онъ не позволялъ ей засиживаться въ кухнѣ, не позволялъ ничего поднимать, требовалъ, чтобы она больше была на воздухѣ и, главное, береглась.

Гаиза только усмѣхалась его страхамъ — она чувствовала себя такой сильной...

Стефанъ уходилъ изъ дому рано утромъ и возвращался только въ шесть часовъ, къ обѣду. Вечеръ уходилъ на музыку, на болтовню, на мечты о будущемъ.

Иной разъ на пути домой его вдругъ охватывалъ страхъ: не случилось ли чего-нибудь дома, и онъ ускорялъ шаги, въ нѣсколько прыжковъ взбѣгалъ на лѣстницу и былъ внѣ себя отъ радости, когда Гаиза, живая и невредимая, бросалась въ его объятія. И невольно у него вырывался тогда его тихій, захлебывающійся, радостный смѣхъ — словно бульканіе подъ землею источника, давнымъ давно засыпаннаго. Гаиза любила этотъ смѣхъ...

Однажды, около половины пятаго, когда зимніе сумерки окутали уютныя комнаты Гуллеровскаго домика, въ передней раздался рѣзкій звонокъ. Гаиза была одна дома съ прислугой, такъ какъ старикъ Мессенджеръ ушелъ за рождественскими покупками.

Служанка пошла отворять, и такъ долго не возвращалась, что молодая женщина уже начала безпокоится.

Наконецъ, она вернулась.

— Фрау Гуллеръ, тамъ какая-то дама хочетъ непремѣнно

видѣть барина, я ей сказала, что барина до 6 часовъ никогда не бываетъ дома, такъ она хочетъ видѣть васъ.

— Вы спросили, какъ зовутъ эту даму?

— Конечно, фрау Гуллеръ; она говоритъ, что имя тутъ не причемъ; а, можетъ быть, я и не поняла; эта дама, должно быть, иностранка—она говоритъ какъ-то не по нашему.

— Попросите ее въ гостиную; я сейчасъ приду.

Гаиза сняла съ себя передникъ, посмотрѣлась въ зеркало и, не спѣша, прошла черезъ корридоръ въ гостиную, гдѣ ее ждала гостья.

Передъ дверьми она остановилась, тяжело дыша. Что это съ ней такое?.. Чего она боится?

— Господи помоги!—прошептала она—и отворила дверь.

Дама встала; она была на пол-головы выше Гаизы и лицо ея было закрыто коричневой вуалью съ крупными черными мушками.

Въ сумеркахъ и сквозь вуаль Гаиза совершенно не могла разглядѣть ея лица.

— Я—Гаиза Гуллеръ,—сказала она.—Моего мужа, къ сожалѣнію, нѣтъ дома—позвольте мнѣ сначала зажечь лампу.

— О, пожалуйста, не зажигайте, милое дитя—мнѣ больно смотрѣть на свѣтъ—или нѣтъ, лучше зажгите,—мнѣ хотѣлось бы взглянуть на васъ.

Слова эти такъ изумили Гаизу, что она даже ничего не отвѣтила и съ минуту стояла молча, совершенно растерянная; потомъ овладѣла собой, взяла спички со стола и влѣзла на стулъ, чтобъ зажечь лампу.

И, какъ разъ въ то время, когда она стояла на стулѣ, пытаясь отвернуть кранъ отъ газа, ей пришло въ голову, что это не можетъ быть никто иной, кромѣ матери Стефана. И она вдругъ такъ испугалась, что сдѣлала неосторожное движеніе, оступилась, стулъ опрокинулся—и она упала.

Дама тихонько вскрикнула, прибѣжала служанка, но Гаиза была уже на ногахъ и черезъ силу улыбалась.

— Со мной ничего не случилось,—тихонько выговорила она, но губы ея дрожали.—Позвольте мнѣ все-таки узнать, съ кѣмъ имѣю честь...

При этихъ словахъ, что-то сдавило ей грудь, навалилось на сердце...—ей такъ хотѣлось, чтобы ея догадка обманула ее.

Незнакомка сняла вуаль и Гаиза увидала расплывшееся, увядшее лицо съ бѣгающими глазами—лицо сильно пожившей женщины. Даже больно какъ-то было смотрѣть на это лицо, съ

котораго ни пудра, ни румяна не могли стереть слѣдовъ безпутной жизни.

— Я—мать Стефана Гуллера.

Ледяная дрожь пробѣжала по спинѣ молодой женщины; она не могла тронуться съ мѣста, все тѣло ея ныло, въ вискахъ стучало, точно молотками.

— А вы—жена его? О, да какая же вы прелестная—такая хорошенькая, такая нѣжная!

И прежде чѣмъ Гаиза успѣла опомниться, дама уже цѣловала ее, гладила ея руки, восклицая:—на меня, ради Бога, не смотрите. Я цѣлую ночь провела въ вагонѣ и страшно устала.

— Господи, что скажетъ Стефанъ,—подумала Гаиза и слезы брызнули у нея изъ глазъ.

Дама какъ будто угадала ея мысли.

— Я 14 лѣтъ не видала его—онъ даже ни разу не писалъ мнѣ—о! онъ былъ очень, очень жестокъ ко мнѣ. И не будь я теперь всѣми покинута и опасно больна—да, да милочка, я боюсь, что мнѣ придется дѣлать операцію—я бы не поѣхала въ такую даль, чтобы только увидать его. Нѣтъ, я пріѣхала сюда къ вамъ прямо изъ Москвы.

Она въ изнеможеніи откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

— Хотите чего нибудь выпить, освѣжиться?

Гаиза хотѣла встать, но госпожа Тиллеръ удержала ее.

— Нѣтъ нѣтъ, не уходите,—жалобно сказала она.—Я не хочу ни ѣсть, ни пить, и я такъ боюсь, что, какъ вы выйдете, онъ какъ разъ въ это время и войдетъ. Подумайте—я боюсь собственнаго сына.

Она вдругъ заплакала, вынула носовой платочекъ и горько зарыдала.

Гаиза пыталась утѣшить ее, но мадамъ Ортансъ только покачала головой.

— Вы не знаете Тиллеровъ; онъ совсѣмъ такой же, какъ его отецъ. О Боже мой, чего только мнѣ не пришлось пережить.

И она стала разсказывать, что послѣ Тиллера она еще два раза была замужемъ и всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ похоронила своего третьяго мужа.

Она не нищей возвращается на родину—вотъ уже годъ, какъ она больше не работаетъ; у нея скоплено достаточно, чтобъ прожить скромно, но безбѣдно. Стефану она въ тягость не будетъ—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Номеръ, придуманный Чарльзомъ Тиллеромъ, не только кормилъ ее всѣ эти

годы, но и давалъ возможность сдѣлать сбереженія—о! она человѣкъ осторожный, она не дастъ ограбить себя. Второй ея супругъ былъ порядочный таки негодяй, игрокъ, пьяница и сверхъ того—нѣтъ, объ этомъ лучше даже не говорить, это слишкомъ волнуетъ ее, а докторъ строго-настрого запретилъ ей волноваться. Ну да, впрочемъ, она сумѣла во время сплавить его.

— Съ третьимъ жизнь тоже была не сладкая—вѣдь это былъ бракъ не по любви, куда тамъ!—пришлось повѣнчаться, чтобъ было съ кѣмъ поѣхать въ Америку, показать тамъ номеръ Чарльза Тиллера, пока кто-нибудь не перехватилъ его. Богъ мой, конечно ни второй, ни третій не могли сравниться съ Чарльзомъ Тиллеромъ; но что же дѣлать?—на безрыбьѣ и ракъ рыба.

Въ самый разгаръ этой болтовни она вдругъ запнулась и испуганно стала прислушиваться, ей показалось, что ключъ повернулся въ замкѣ—вотъ-вотъ войдетъ Стефанъ... И она въ страхѣ уцѣпилась за Гаизу.

— Вы поможете мнѣ, милое дитя, не правда ли, вы мнѣ поможете,

— Это не Стефанъ, это мой отецъ,—усталымъ голосомъ отвѣтила Гаиза.

Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ вошелъ Мессенджеръ. Онъ ни мало не смутился, такъ какъ ни Стефанъ, ни Гаиза не посвятили его въ прошлое Стефана, и былъ очень любезенъ.

— Какой пріятный сюрпризъ,—воскликналъ онъ.—Я очень радъ—очень, очень радъ познакомиться съ матерью Стефана. Вы прямо изъ Москвы—цѣлую ночь въ вагонѣ?—я бывалъ въ Москвѣ—Мейнингенская Придворная Капелла играла тамъ одинъ сезонъ подъ управленіемъ Бюлова—и я, сударыня, игралъ первую скрипку. Это былъ чудесный сезонъ. Избранная публика; принимали насъ восторженно—онъ повернулся къ дочери—въ Германіи и понятія не имѣютъ о такихъ пріемахъ. Публика прямо сумасшествовала; Бюловъ безъ конца выходилъ на вызовы—ну, понятно, такого исполненія имъ еще не доводилось слышать.

Мадамъ Ортансъ была въ восторгѣ отъ этого маленькаго, живого старичка, хоть на половину и не понимала того, что онъ говорилъ. Когда же пришелъ, дѣйствительно, Стефанъ, Гаиза побѣжала ему настрѣчу и перехватила его въ сѣняхъ.

— Не правда ли, ты будешь спокоенъ? Дорогой мой, обѣщай мнѣ, что ты не будешь волноваться!—испуганно взмолилась она, хватая его за руку.

— Что съ тобой, дитя? Скажи мнѣ, что съ тобой такое.

Онъ изумленно посмотрѣлъ въ бѣлое личико и хотѣлъ увлечь ее съ собою въ комнаты.

— Нѣтъ, нѣтъ, постой, не входи!

— Ради Бога, да говори же, наконецъ, что такое случилось.

— Тамъ мама!

— Кто?—выговорилъ онъ съ трудомъ.

— Мама,—беззвучно повторила она.

Вся краска сбѣжала съ его лица.

— Стефанъ, будь добръ къ ней!—жалобно просила молодая женщина. Она очень больна; ей будутъ дѣлась операцію, очень опасную. Она пріѣхала прямо изъ Москвы. Всю ночь ѣхала, еле на ногахъ держится отъ усталости. Она хотѣла еще разъ повидать тебя. Вѣдь въ такихъ вещахъ—тихо прибавила она—никогда не знаешь, чѣмъ это кончится, никто не можетъ знать.

Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ также тихо.—Чѣмъ это кончится, никто не можетъ знать.

— Такъ пойди и скажи ей хоть одно ласковое слово.

— Не могу—при всемъ желаніи, не могу.

Лицо его приняло выраженіе суровое, непримиримое.

— Стефанъ, не огорчай меня такъ!—да послушай же, Стефанъ!—въ отчаяніи вскрикнула она.

Въ дверь высунулась голова камервиртуоза.

— Дѣти, входите-же наконецъ. Мамаша уже волнуется—что это за манера?

— Сейчасъ, сейчасъ, папочка—одну минутку подожди!—отвѣтила Гаиза и такъ настойчиво замахала руками, что старикъ поспѣшилъ стушеваться.

Но тутъ и она утратила всякое самообладаніе и ни съ того ни съ сего горько разрыдалась.

Стефанъ не могъ вынести ея слезъ.

— Дѣточка, родная моя, успокойся,—я сдѣлаю все, что ты хочешь. Вызови подъ какимъ нибудь предлогомъ отца и дай мнѣ сначала переговорить съ ней нѣсколько минутъ наединѣ.

— Хорошо,—всхлипывая, отвѣтила она.

Она пошла было въ гостиную, но на порогѣ остановилась и снова обернулась къ мужу.

— Ты долженъ отнестись къ ней очень бережно. Она не помощи у тебя проситъ—помощи ей не надо: у нея отложено достаточно, чтобы прожить до старости—ей нужны только любовь и доброта.

Молодая женщина убѣжала. Стефанъ еще съ минуту постоялъ въ корридорѣ, заслоняя рукой глаза—ему больно было смотрѣть на свѣтъ.

— Она не знаетъ, чего она отъ меня требуетъ,—простоналъ онъ.

Весь ужасъ, пережитый имъ въ дѣтствѣ, всталъ передъ его глазами—исчезновеніе отца, судъ надъ нимъ, послѣднее прощаніе... Ни словомъ не упомянулъ отецъ въ этотъ послѣдній часъ о матери, ни слова привѣта не поручилъ ей передать. Отецъ передъ смертью не простилъ ей—онъ вычеркнулъ мать изъ своей жизни, прежде чѣмъ онъ самъ обрекъ себя на смерть, и въ послѣднюю минуту разлучилъ сына съ матерью для того, чтобы онъ могъ вырости въ болѣе чистой атмосферѣ. И ту страшную клятву отецъ взялъ съ него только потому, что былъ тяжко обиженъ матерью и не могъ простить своей обиды. Горькимъ опытомъ отецъ дошелъ до убѣжденія, что, для того, чтобы не быть несчастнымъ, человѣкъ долженъ быть одинокимъ—вотъ до какого отчаянія дошелъ этотъ простой и чистый сердцемъ человѣкъ. И кто же былъ виной этому?.. Все прошлое сразу ожило въ памяти Стефана; онъ робко оглядѣлся вокругъ, плюнулъ, какъ будто ему стало тошно, и—отворилъ дверь.

Мадамъ Ортансъ протянула обѣ руки ему навстрѣчу—но Стефанъ отвѣтилъ ей такимъ ледянымъ взоромъ, что она сейчасъ же опустила ихъ—это былъ совершенно отцовскій взглядъ.

— Стефанъ,—боязливо выговорила она,—не смотри на меня такъ!

При звукѣ ея голоса, онъ слегка отвернулся.

Въ лицѣ матери, какъ въ раскрытой книгѣ, онъ читалъ о ея безпутной жизни—ахъ, онъ помнилъ это лицо совсѣмъ другимъ!

— Матушка, не будемъ говорить о прошломъ,—выговорилъ онъ и правой рукой заслонилъ глаза, словно ему больно было смотрѣть на свѣтъ.

— Я тоже думаю, что это лучше,—поспѣшно отвѣтила она.—Я должна избѣгать всякихъ волненій.

— Ты хочешь дѣлать операцію здѣсь, въ Берлинѣ?

— Кто говоритъ объ операціи?—что за вздоръ! Мнѣ и въ голову не приходило—въ общемъ, вѣдь, я совсѣмъ здорова—твой тесть не понялъ меня.

— Мнѣ сказала объ этомъ моя жена.

— Ахъ, она такая милая, прелестная!—она такъ ухажи-

вала за мной,—я немножко устала—съ дороги—вѣдь я же пріѣхала прямо изъ Амстердама.

— Вѣдь ты, кажется говорила, что ты пріѣхала прямо изъ Москвы.

— Боже сохрани!—изъ Амстердама—я цѣлую вѣчность не была въ Москвѣ.

— Гмъ, это странно. Гдѣ же ты собственно живешь?

— Я остановилась въ Централь-отелѣ. Т. е., пока, я сдала свой багажъ портье, комнаты я еще не взяла; я хотѣла сперва...—ахъ, я только сейчасъ вспомнила, кого напоминаетъ мнѣ твоя прелестная жена—а я то все ломаю себѣ голову—ну разумѣется Террекъ, вылитая Марга Террекъ, какой она была тогда. Посмотрѣлъ бы ты на нее теперь!—и тѣни не осталось прежняго—и какая пройдоха стала—ужасающая дрянь!

Глаза ея злобно сверкнули.

Стефану стало жутко при мысли, что мать, такая чуждая ему, можетъ поселиться навсегда въ Берлинѣ, чего добраго еще подружится съ Гаизой... Нѣтъ, нѣтъ, этого онъ не допуститъ.

Надо сразу выяснить положеніе.

— Итакъ, матушка,—началъ онъ опять, сухимъ, дѣловымъ тономъ, заранѣе исключавшимъ всякія проявленія чувствительности,—такъ какъ же ты думаешь устроиться?

Она растерянно, въ недоумѣніи, смотрѣла на него.

— Какъ я думаю устроиться?—машинально повторила она.—Ты, вѣдь, знаешь я больше не работаю—не въ состояніи работать... Кости не гнутся, отяжелѣла... Не нахожу ангажемента... Эти подлецы агенты и разговаривать со мной не хотятъ... Я конченный человѣкъ—ты слышишь,—конченный человѣкъ... А мужъ мой сбѣжалъ съ любовницей... этотъ мерзавецъ удралъ въ Москву... и оставилъ меня безъ копейки... Мнѣ пришлось заложить всѣ свои кольца, чтобы доѣхать до Берлина... Неужели же ты меня оттолкнешь? Стефанъ! Сынъ мой!.. Вѣдь, у меня же никого на свѣтѣ нѣтъ, кромѣ тебя.

И она истерически разрыдалась.

Онъ отошелъ къ окну, тяжело дыша, и прижался головой къ замерзшему стеклу.

Мадамъ Ортансъ, сравнительно, довольно скоро успокоилась, такъ какъ, противъ ожиданія, ея слезы не вызвали со стороны Стефана никакихъ попытокъ къ примиренію.

— Итакъ, матушка,—началъ онъ,—теперь положеніе для меня, до извѣстной степени, выяснилось.

Онъ сдѣлалъ маленькую паузу, въ теченіе которой она настороженно и испуганно смотрѣла на него, и продолжалъ:

— И я хочу выяснить свои намѣренія и тебѣ. Если ты думала поселиться у меня, то это совершенно невозможно — не только потому, что у насъ нѣтъ лишней комнаты, но и по другимъ причинамъ, о которыхъ я предпочитаю умолчать. Но свой долгъ въ отношеніи тебя я выполнить готовъ, и нужды, ты, матушка, терпѣть не будешь. Я только желалъ бы—онъ съ трудомъ выговаривалъ слова,—чтобы ты поселилась не въ томъ городѣ, гдѣ я живу...

Гаиза тихонько пріотворила дверь.

— Не пора ли намъ сѣсть за столъ? Супъ совсѣмъ простылъ—жаркое пережарилось—и папочка умираетъ съ голоду.

Стефанъ кивнулъ головой; она взяла подъ руку мадамъ Ортансъ и прошла впередъ.

Старикъ уже нервничалъ.

— Наконецъ-то!—нетерпѣливо воскликнулъ онъ.—Я умираю съ голоду, сударыня. Позвольте предложить вамъ руку. Мнѣ бы хотѣлось продолжить нашъ разговоръ о Москвѣ. Но, только, если разрѣшите, послѣ супу. Сейчасъ я, положительно, не въ состояніи.

Мадамъ Ортансъ величественно взяла подъ руку стараго музыканта. Все ея огорченіе точно вѣтромъ сдуло. Она пила и ѣла съ прекраснымъ аппетитомъ, причемъ языкъ ея не умолкалъ ни на минуту—прерывая болтовню лишь однозвучнымъ смѣхомъ, который за эти годы сталъ много рѣзче и непріятнѣй прежняго.

Стефану стыдно было за нее, и каждый кусокъ застревалъ у него въ горлѣ.

И когда она послѣ обѣда вдругъ засуетилась, стала поглядывать на часы и съ совершенно излишней настойчивостью и категоричностью объявила, что ей непременно нужно сегодня же побывать въ Винтергартенѣ,—Стефанъ не сталъ удерживать ея.

Онъ потихоньку отъ другихъ сунулъ ей въ руку бумажку и шепнулъ:

— Это тебѣ пока, чтобъ ты не безпокоилась. Объ остальномъ поговоримъ потомъ.

И послалъ горничную проводить ее до станціи городской желѣзной дороги, несмотря на протесты старика Мессенджера, который непремѣнно хотѣлъ самъ проводить гостью.

Когда шаги ея затихли на лѣстницѣ, Стефанъ обѣими руками описалъ въ воздухѣ кругъ, словно хотѣлъ набрать больше

воздуха въ легкія и вздохнуть поглубже. Потомъ обнялъ рукою шею Гаизы и скорбно молвилъ:

— Дѣтка моя милая, мнѣ хочется распахнуть окна настежь и впустить сюда холодный, зимній воздухъ—мнѣ душно, трудно дышать.

— Полно, Стефанъ, вотъ я спою тебѣ что-нибудь и разгоню твои дурныя мысли.

Камервиртуозъ уже сидѣлъ за роялемъ; мигъ—и комната наполнилась звуками ея нѣжнаго, мягкаго голоса.

Но посреди романса молодая женщина вдругъ остановилась, и лицо ея искривилось болѣзненной гримасой.

— Ничего, папочка; сыграй это еще разъ.

Она допѣла пѣсню до конца, но больше пѣть ужъ не могла: она ощущала усталость, тяжесть во всемъ тѣлѣ и попросила мужа и отца пить чай безъ нея, такъ какъ она хочетъ пораньше лечь.

Служанка подала чай; Мессенджеръ закурилъ сигару и принялся занимать зятя разговоромъ.

— Да, да,—говорилъ онъ,—курьезная штука жизнь! Какъ она иной разъ бросаетъ человѣка! Вотъ, хоть бы твоя маменька. Развѣ легка такая жизнь? Другія женщины стоятъ себѣ у плиты, варятъ кашку—и даже не подозрѣваютъ, что значитъ каждый вечеръ, такъ сказать, плавать въ воздухѣ и рисковать жизнью, на потѣху публикѣ.

Старичекъ былъ въ отличномъ настроеніи; онъ расхаживалъ по комнатѣ, попыхивая сигарой, пуская голубой дымокъ, и даже не замѣчая, что Стефанъ не отвѣчаетъ ему.

— Вотъ она артистка съ ногъ до головы. Такая ужъ не усидитъ на мѣстѣ—только что изъ Москвы пріѣхала—устала, измучилась съ дороги—гдѣ бы отдохнуть, а она въ первый же вечеръ летитъ въ Винтергартенъ. Курьезно! Вамъ, бюргерамъ, этого не понять.

— Папа,—прервалъ его Стефанъ,—не обижайся на меня, если и я пойду къ себѣ. У меня голова болитъ, и, вообще, я сегодня не въ своей тарелкѣ.

Старикъ весело разсмѣялся.

— Экіе вы хлипкіе всѣ, какъ я посмотрю. То ли дѣло мы!—вечеръ въ концертѣ за пультомъ, ночь напролетъ кутишь, а утромъ—какъ ни въ чемъ не бывало, въ десять часовъ уже на репетиціи. И никто не просыпалъ назначеннаго часа, и никакихъ катцен-яммеровъ мы не вѣдали. Бюловъ хорошо насъ выдрессировалъ. Ну-съ, милый другъ, даю вамъ отпускъ—а я еще

докурю сигару и пофланирую тутъ немножко, прежде чѣмъ залѣзть подъ одѣяло.

Войдя въ спальню, Стефанъ не зажегъ свѣчи. Онъ слышалъ глубокое и ровное дыханіе Гаизы и не хотѣлъ будить ее. Сонъ человѣческій—думалъ онъ про себя—нѣчто священное—во снѣ человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать дурного—во снѣ забывается всякое горе—и, если смерть дѣйствительно, родная сестра сна...—ему не хотѣлось больше думать на эту тему.

Медленно раздѣлся онъ и легъ, стараясь не задѣть жены...

Только бы мать поскорѣе уѣхала изъ Берлина—и ушла изъ его жизни. Онъ ужъ зналъ, что, пока она здѣсь, онъ неуспокоится и мрачныя тѣни прошлаго не выпустятъ его изъ своихъ цѣпкихъ лапъ. Онъ мысленно бранилъ себя за жестокосердіе—и тутъ же спрашивалъ себя съ тоской: не материнское ли это въ немъ наслѣдство? Не ея ли пороки притаились и дремлютъ въ тайникахъ его души?.. Путаной и загадочной казалась ему жизнь...

Какъ могъ его отецъ влюбиться въ эту женщину, не способную, какъ ему казалось, ни на какое нѣжное движеніе души, ни на какое серьезное и глубокое чувство? Какъ ни напрягалъ Стефанъ свою память, онъ не могъ припомнить ни одного случая, когда она выказала бы ему, своему сыну, даже въ раннемъ дѣтствѣ, любовь и заботу. Всегда всѣ интересы ея были сосредоточены на внѣшнемъ—всегда манилъ ее блескъ мишуры... Только отецъ въ своей нелѣпой влюбленности могъ не замѣчать этого.

Когда отецъ бралъ его на руки, мальчикъ чувствовалъ, какъ льется на него и грѣетъ его всего отцовская любовь; когда же мать цѣловала его, это всегда была для нея игра, забава суетной души, равнодушной къ тайнамъ жизни.

Нѣтъ, мать онъ навсегда выключилъ изъ своего сердца и изъ своей жизни—послѣ смерти отца. И онъ не дастъ ей подойти ближе къ Гаизѣ—къ его нѣжной, доброй маленькой Гаизѣ.

Онъ силился въ темнотѣ отчетливо представить себѣ лицо жены, но это ему не удавалось. Ему хотѣлось отыскать подъ одѣяломъ ея крохотную ручку и погладить ее—но нѣтъ, онъ не хочетъ потревожить ея сна... И онъ съ глубокой нѣжностью думалъ объ этомъ хрупкомъ тѣлѣ, въ которомъ росла новая жизнь.

Ихъ ребенокъ будетъ расти въ чистой атмосферѣ, въ атмосферѣ любви и красоты... Ихъ ребенокъ...—что это?—почудилось ему, или на самомъ дѣлѣ онъ слышитъ будто легкій стонъ...—

Нѣтъ, это дѣйствительно Гаиза стонетъ... Вотъ она приподнялась на подушкахъ и жалобно зоветъ:—Стефанъ!.. Стефанъ!.. мнѣ такъ худо—такъ страшно худо!..

Мгновенно онъ зажегъ свѣчу, и съ ужасомъ глядѣлъ на блѣдное лицо, покрытое холоднымъ потомъ.

Молодая женщина попробовала улыбнуться, при видѣ его испуганнаго лица—но улыбка не вышла.

— Ради Бога, Гаиза!—что съ тобой!

Она уцѣпилась за него обѣими руками.

— О Боже! о Боже!—простонала она.—У меня такія жестокія боли въ спинѣ и въ бокахъ...—И вдругъ пронзительно вскрикнула—глаза ея широко раскрылись—потъ градомъ бѣжалъ по лицу...

— Стефанъ!—ради Бога, я—мнѣ кажется, я... мнѣ кажется, что это...

Онъ уже соскочилъ съ постели и звонилъ горничную.

— Бѣгите скорѣй за докторомъ! Да торопитесь же!

И снова кинулся къ ней, обнялъ ее, согрѣвая ее въ своихъ объятіяхъ, отирая ей потъ со лба, шепча ей нѣжныя слова, хотя въ немъ самомъ страхъ съ минуты на минуту возрасталъ и онъ прислушивался къ каждому шороху—не идетъ ли докторъ.

Лицо Гаизы стало вдругъ изсѣра блѣднымъ, и она прошептала побѣлѣвшими губами:

— Стефанъ, ради самого Бога, я—я думаю, что это дитя—наше дитя...

Отъ боли она не могла договорить...

Въ эту минуту повернулся ключъ въ замкѣ... Наконецъ то—докторъ!

Онъ скинулъ съ себя сюртукъ и нагнулся надъ больной.

Стефанъ отвернулся и крѣпко стиснулъ свои могучія—теперь безполезныя—руки—онъ едва осмѣливался дышать.

Разбуженный старикъ тоже прибѣжалъ и растерянно стоялъ посерединѣ спальни, съ растрепанными сѣдыми кудрями.

Докторъ нетерпѣливо оглянулся на него.—Стефанъ поспѣшилъ увести его въ сосѣднюю комнату и усадить въ кресло; старикъ, совсѣмъ пріунывшій, растерянно и безпомощно озирался вокругъ.

Тѣмъ временемъ, докторъ дѣлалъ свое дѣло. Онъ уже успѣлъ выяснить, что Гаиза днемъ упала со стула, зажигая лампу и, кромѣ того, у нея были сильныя душевныя волненія.

Молодая женщина умоляла его ни слова объ этомъ не говорить Стефану.

Но, когда докторъ сказалъ ей, что у нея начались преждевременные роды, и ребенка не спасти, она была страшно потрясена—зарылась въ подушки и заломила руки, беззвучно рыдая.

Докторъ вышелъ въ столовую. Стефанъ выслушалъ его, не поднимая головы—съ нимъ творилось что-то странное—ему вдругъ показалось, что передъ нимъ стоитъ отецъ, положилъ руки ему на плечи и заглядываетъ ему въ глаза.

— Ей нуженъ покой—полный покой—денька два пусть полежитъ въ постели—опасности нѣтъ,—молвилъ докторъ.

При послѣднихъ словахъ, старичекъ нѣсколько ободрился.

— Слава Богу!—пробормоталъ онъ.—Только бы малютка не пострадала, а это горе мы постараемся перенести смиренно.

— Стефанъ, поди же ко мнѣ!—жалобно позвала Гаиза.

Онъ нашелъ ее сидящей на постели, съ руками, сложенными, какъ на молитву.

— Нѣтъ больше нашего ребеночка —выговорила она тихо—нѣту, Стефанъ!..—И пристально смотрѣла на него, но въ глазахъ ея не было слезъ—они были погасшіе, мертвые.

— Нѣтъ нашего ребеночка,—повторила она еще разъ, и какая-то странная, растерянная улыбка скользнула по ея губамъ.

Съ Стефаномъ Гуллеромъ произошла какая-то странная перемѣна, которую, впрочемъ, его домашніе замѣтили только, когда Гаиза поднялась съ одра болѣзни. Пока она лежала въ постели, никто не замѣчалъ въ немъ ничего особеннаго. Онъ не отходилъ отъ больной, завтракалъ и обѣдалъ съ нею, такъ какъ ему невыносимо было сидѣть за столомъ, противъ ея пустого стула.

Папашѣ приходилось обѣдать вдвоемъ съ мадамъ Ортансъ и, когда смѣхъ матери доносился въ спальню, Стефанъ всякій разъ стыдливо опускалъ глаза. Ему больно становилось отъ этого смѣха. А мать все время трещала безъ умолку. Старикъ Мессенджеръ совсѣмъ пріунылъ. Онъ не привыкъ слушать и только слушать. А мадамъ Ортансъ была неистощима въ своихъ разсказахъ—красочный и пестрый международный варьете, во всемъ своемъ разнообразіи, какъ живой, вставалъ передъ г. камервиртуозомъ—и даже ночью не давалъ ему уснуть. Экви-

либристы, жонглеры, канатные плясуны, импровизаторы, негры, фокусники, прыгуны и эксцентрики изъ Аравіи, Японіи, Китая, изъ Италіи, Франціи и Англіи пестрой толпой вертѣлись передъ его глазами и, не переставая, продѣлывали свои штуки, отъ которыхъ у него духъ захватывало.

Стефанъ затыкалъ уши, чтобъ не слышать этой нескончаемой болтовни, но и это мало помогало. Нелѣпыя фигуры забытаго мірка, который, казалось ему, давно ужъ умеръ для него, воскресали подъ звуки трубъ и барабановъ и обступали его, строя ему уродливыя гримасы.

Еще до того, какъ Гаиза встала съ постели, онъ имѣлъ съ матерью разговоръ наединѣ, и потребовалъ отъ нея окончательнаго рѣшенія относительно ея будущей жизни.

Мадамъ Ортансъ охотнѣе всего осталась бы въ Берлинѣ—этотъ городъ ей пришелся по душѣ. Она находила, что теперь Берлинъ можетъ конкурировать даже съ Лондономъ и Парижомъ. Но Стефанъ оборвалъ ее съ первыхъ же словъ, сурово заявивъ категорически, что Берлинъ нечего и принимать въ разсчетъ—онъ не желаетъ, чтобъ она жила въ одномъ съ нимъ городѣ. Она пыталась было возражать: Берлинъ такъ великъ, что...

— Матушка, не будетъ напрасно терять словъ. О Берлинѣ не можетъ быть и рѣчи—я сказалъ, и не возьму назадъ своего слова.

— Ну хорошо, хорошо,—поспѣшила она согласиться, испуганная его суровымъ тономъ и взглядомъ,—не надо Берлина—я такъ же охотно поселилась бы и въ Гамбургѣ—Ганза-театръ давно перещеголялъ Винтергартенъ—къ тому же, теперешній директоръ его—мой колегга, и я его...

— Итакъ, значитъ, Гамбургъ,—нетерпѣливо прервалъ сынъ потокъ ея рѣчей.—Хорошо, я согласенъ—завтра утромъ идетъ прекрасный поѣздъ—я заѣду за тобой въ отель и провожу тебя—заплачу по счету и усажу тебя въ вагонъ.

— Ты хочешь завтра же... Какъ ты спѣшишь прогнать меня...

Она нервно закусила губу и провела рукою по глазамъ.

— Да, матушка, завтра же утромъ—такъ лучше будетъ для тебя,—и для меня—и для всѣхъ.

Мессенджеръ перебилъ ихъ разговоръ.—Гаиза зоветъ тебя.

Какъ только Стефанъ вышелъ изъ комнаты, мадамъ Ортансъ защебетала:

— Ахъ, дорогой мой г. Мессенджеръ, какъ мнѣ грустно, что я такъ скоро должна покинуть васъ!..—И, такъ какъ ста-

рикъ не сразу понялъ ее, и въ недоумѣніи смотрѣлъ на нее, она пояснила:

— Я только что сказала сыну, что должна немедленно же ѣхать въ Гамбургъ, по дѣламъ. Надо привести въ порядокъ разныя бумаги, выяснить размѣры наслѣдства моего покойнаго мужа... И притомъ, дорогой мой г. Мессенджеръ, надоѣлъ мнѣ вашъ Берлинъ. Я переношу свое мѣстопребываніе въ Гамбургъ. Между нами, г. Мессенджеръ, Винтергартенъ страшно отсталъ отъ другихъ варьете—какое же сравненіе съ Ганза-театръ въ Гамбургѣ! Ужъ вы повѣрьте мнѣ, Ганза-театръ—одно изъ лучшихъ увеселительныхъ заведеній на всемъ континентѣ. Да и жизнь въ Гамбургѣ куда веселѣй и занятнѣй, чѣмъ въ Берлинѣ.—Само собой, разлука съ дѣтьми мнѣ не легка, но, милый мой г. Мессенджеръ, отъ Гамбурга до Берлина рукой подать. Я такъ и Стефану говорю, хоть онъ и не хочетъ, чтобъ я далеко уѣзжала...

Она уже способна была говорить на эту тему безъ конца.

Когда она остановилась, чтобы перевести духъ, камервиртуозъ, который за эти дни разучился не только говорить, но даже спать послѣ обѣда, съ облегченнымъ сердцемъ подтвердилъ:

— Да, милая моя, Гамбургъ, должно быть, чудесный городъ. Вы, навѣрное, знаете старинную пѣсенку, которая начинается словами: «Гамбургъ, Гамбургъ, чудный городъ...» Музеи... гавань... Ганза-театръ...— А теперь еще, говорятъ, тамъ ставятъ памятникъ Бисмарку чуть не до небесъ. Вамъ можно позавидовать, почтеннѣйшая,—заключилъ онъ съ коварной улыбкой.

А про себя онъ думалъ:—«Скорѣй бы ужъ она убралась!—она страшно дѣйствуетъ на нервы». Онъ уже успѣлъ на опытѣ убѣдиться, что за тяжелый человѣкъ мадамъ Ортансъ.

И, когда «мадамъ», дѣйствительно, на слѣдующій день уѣхала, въ домѣ Стефана Гуллера постепенно водворились прежній порядокъ и спокойствіе.

Маленькая Гаиза встала, наконецъ, съ постели, и докторъ утѣшалъ супруговъ, которые, по его мнѣнію, приняли случившееся черезчуръ трагически.

— Такія вещи случаются ежедневно. Тутъ еще не изъ-за чего вѣшать головы: вы—люди молодые; у васъ еще будетъ куча дѣтей. Главное, чтобъ барынька оправилась, набралась силъ и повеселѣла, потому что безъ хорошаго настроенія не можетъ быть здоровья.

Хорошо было ему говорить! А въ сердце молодой женщины впилась заноза, которую она все время чувствовала. Ибо,

какъ ни старался Стефанъ скрывать отъ нея свое горе,—отъ ея зоркихъ глазъ не укрылась перемѣна, происшедшая въ ея мужѣ.

Онъ теперь позже приходилъ къ обѣду, сидѣлъ иной разъ за столомъ, задумавшись, забывъ объ ѣдѣ, и испуганно вздрагивалъ, когда его о чемъ-нибудь спрашивали. Послѣ этого онъ обыкновенно старался загладить эту невнимательность усиленнымъ вниманіемъ и добротой, но это ему плохо удавалось. Гаиза инстинктивно чувствовала, что, хоть онъ и нѣженъ съ нею, на душѣ у него тяжело, и, когда она осторожно пыталась подойти къ нему ближе, онъ замыкался отъ нея, и ея вопросы и нѣмые взгляды оставались безъ отвѣта...

Что же за горе грызло душу Стефана, и отравляло его, съ такимъ трудомъ добытый покой?

Ахъ, милый читатель, въ бѣдное человѣческое сердце такъ трудно заглянуть, и кто мнитъ, что знаетъ всѣ его тревоги, тайники и глубины, тотъ—самонадѣянный и глупый человѣкъ.

Послѣ краткаго періода счастья, въ теченіе котораго Стефанъ Гуллеръ научился смѣяться счастливымъ, захлебывающимся отцовскимъ смѣхомъ, ему пришлось пережить тяжелый душевный кризисъ. Онъ сталъ застѣнчивъ, неувѣренъ въ себѣ, полюбилъ уединенныя прогулки, во время которыхъ онъ раздумывалъ о своей судьбѣ.

Послѣ того, какъ несчастный случай отнялъ у него ребенка, котораго онъ успѣлъ полюбить, Стефанъ не могъ ужъ отогнать отъ себя мысли, что Богъ покаралъ его за то, что онъ согрѣшилъ передъ отцомъ и Богомъ. Ему казалось, что это проснулась въ немъ искусственно усыпленная совѣсть. Ему вспомнились слова священника: «кто не чтитъ на землѣ отца земного, тотъ не чтитъ и въ небѣ Отца небеснаго». Онъ далъ отцу передъ смертью клятву, послѣ которой тотъ съ легкимъ сердцемъ сошелъ въ могилу,—и не сдержалъ ея. И вотъ,—Богъ покаралъ его.

А бѣдная маленькая Гаиза принуждена тащить его бремя, нести вмѣстѣ съ нимъ кару за его вину.

Онъ все это зналъ съ первой же минуты, какъ на порогѣ его дома появилась его мать. Его ребенокъ, который могъ бы стать человѣкомъ, погибъ во чревѣ матери—будущее было темно и загадочно, но впереди его могло ждать только страданіе.

Онъ—обреченный на несчастье человѣкъ; горе навалилось на него и давитъ горло, не даетъ вздохнуть. Значитъ—надо вер-

нуться къ одиночеству и вернуть свободу женщинѣ, которую онъ приковалъ къ себѣ.—Вотъ до какого отчаянія доходилъ онъ въ своихъ горькихъ думахъ.

Ибо онъ тяжко виноватъ не только передъ покойнымъ отцомъ, но и передъ женой, Гаизой. Онъ не совладалъ съ собой, поддался страсти, какъ человѣкъ, у котораго нѣтъ задерживающихъ центровъ,—и это новая его вина.

— Ты не должна связывать свою судьбу съ человѣкомъ, заклейменнымъ отъ рожденія,—вотъ что онъ долженъ былъ отвѣтить ей, и остаться непреклоннымъ — а онъ, вмѣсто того, далъ сердцу своему и чувствамъ соблазнить себя.

Можетъ быть, этотъ первый ударъ, поразившій его и встряхнувшій его душу,—указаніе свыше, перстъ Божій. Можетъ быть, этотъ ребенокъ—ему страшно было даже подумать это—сталъ бы для него бичемъ Божіимъ—быть можетъ, всѣ зародыши зла, которые дремали въ немъ самомъ, ожили бы и развились въ его сынѣ—такіе люди, какъ онъ, не имѣютъ права рождать на свѣтъ дѣтей. Да, именно такъ, а не иначе долженъ онъ смотрѣть на это.

Когда онъ украдкой глядѣлъ въ лицо Гаизы и видѣлъ, что горе уже оставило на немъ свой слѣдъ, мука его еще возрастала. Онъ виновенъ передъ нею—и не находитъ въ себѣ мужества поправить это, загладить свою вину.

Вначалѣ Гаиза приписывала перемѣну въ мужѣ горю объ утратѣ ребенка, но скоро она убѣдилась, что у него на душѣ есть еще что-то, что подтачиваетъ и грызетъ ее.

— Стефанъ,—начала она однажды, когда они вдвоемъ сидѣли за послѣобѣденнымъ кофе.—Ты что же—окончательно рѣшилъ погубить и себя, и меня?

Онъ огорченно посмотрѣлъ на нее, и ничего не отвѣтилъ:

— Ты думаешь, я могу это вынести, что ты уже не имѣешь ко мнѣ прежняго довѣрія, что ты прячешь отъ меня свою душу? Да развѣ ты не видишь—вскричала она съ отчаяніемъ, вскакивая со стула,—что такъ не можетъ дольше продолжаться, что, если ты себя уморишь, такъ вѣдь и я погибну? Да говори же, облегчи ты свое сердце, не мучь себя дольше, если ты хоть немножко любишь меня!

Она, рыдая, упала на стулъ и закрыла лицо руками, думая, что онъ подойдетъ къ ней, погладитъ ее по головкѣ, привлечетъ къ себѣ,—какъ это бывало раньше, когда она чѣмъ-нибудь огорчалась, хотя бы пустяками.

Но Стефанъ всталъ, постоялъ минутку, глядя растерянно въ пространство, и хотѣлъ молча выйти изъ комнаты.

Тогда Гаиза заступила ему дорогу, взяла его за руки и, проглотивъ слезы, выговорила, сама пугаясь своего спокойствія:

— Я все надѣялась, что ты еще придешь ко мнѣ и выплачешь у меня на груди свое горе. Я вижу, что это былъ самообманъ. Хорошо, такъ теперь я скажу. Я тебѣ обѣщала, что, какъ только я почувствую, что надоѣла тебѣ, я моментально верну тебѣ свободу. Я хочу доказать, что это была не шутка.— Сегодня же я уложу свои вещи—и уйду. Ты только позаботься немного о папочкѣ,—шепотомъ добавила она.

— Милая, милая Гаиза, будь милосерда, пожалѣй меня! Сердце мое исходитъ кровью.

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она заставила себя вырваться изъ его рукъ.

— Этотъ свѣтъ слишкомъ малъ — намъ двоимъ тѣсно въ немъ—а я не могу дышать безъ тебя—я должна уйти. Нѣтъ, не перебивай меня—я не упрекаю и не жалуюсь. Ахъ, другъ мой милый!—тихо выговорила она, и лицо ея стало глубоко печальнымъ,—еслибъ твоя любовь была сильнѣе, ты бы могъ побороть всѣ твои сомнѣнія.

Онъ возразилъ съ глубокой искренностью, которую она сердцемъ почувствовала: — Я люблю тебя больше всего на свѣтѣ.

— Я знаю это, дорогой мой, — отвѣтила она, и вдругъ, словно просвѣтленная, наученная свыше, прибавила.

— Для тебя весь міръ распался на части, и я—одинъ изъ осколковъ этого міра, который ты поднялъ на минутку, чтобы потомъ опять бросить его въ кучу мусора. Твоя любовь не отъ міра сего, она принадлежитъ мертвецу.

Онъ широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на нее.

— Смерти нѣтъ, маленькая Гаиза. Никто не умираетъ; мертвые встаютъ изъ могилъ и свидѣтельствуютъ о себѣ.

Онъ пугливо оглянулся, не слышитъ ли кто посторонній его словъ, и потомъ, чуть слышно, продолжалъ:

— Мы связаны нашими поступками до окончанія вѣка и никто не можетъ вычеркнуть изъ своей жизни вчерашняго дня. Я попробовалъ это сдѣлать, и теперь казнюсь за это: потому-то, родная моя, ты все угадала. Я чувствую, что Богу не угодно было, чтобъ нашъ ребенокъ жилъ, потому что я не сдержалъ слова...

— Не говори такъ! — перебила она его, — я не вынесу этого.—Ты приписываешь Богу что-то такое постыдное, такое несовмѣстимое съ самымъ существомъ его—нѣтъ, нѣтъ... нѣтъ, молчи—ничего больше не говори... пусти меня—дай мнѣ уйти... я не могу такъ... я уйду!..

Вся дрожа, обезсиленная, совершенно утративъ власть надъ собой, въ такомъ состояніи, когда человѣкъ на все способенъ, она вырвалась отъ него и хотѣла выбѣжать изъ комнаты.

Этотъ бунтъ ея души, этотъ порывъ боли доведеннаго до отчаянія сердца исцѣлилъ его.

Онъ выпрямился, положилъ руку на ея мягкіе, шелковистые волосы—и ему показалось, какъ будто съ него вдругъ свалилась вся его тоска, все безутѣшное уныніе, и снова жизнь стала свѣтлой и радостной.

— Гаиза, моя Гаиза!—выговорилъ онъ тихо, но такимъ тономъ, что она вдругъ чуть не вскрикнула отъ радости, хоть и не смѣла взглянуть на него отъ страха, что онъ скажетъ что-нибудь ужасное, что опять убьетъ въ ней только что воскресшую надежду.

— Я... я былъ боленъ,—пролепеталъ онъ,—на ногахъ у меня висятъ свинцовыя гири и тянутъ меня внизъ въ прошлое. Держи меня крѣпче, чтобъ я не ушелъ туда.

— Я буду держать тебя, сколько у меня хватитъ силъ,— отвѣтила она вся дрожа, и ея лучистые глаза, устремленные на него, сіяли и сверкали.

Пер. съ нѣм. З. Журавская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СРЕДИ КАТОРЖАНЪ.

Послѣ бурнаго натиска 1905 г. революціонная волна стала постепенно падать. Одновременно съ убылью ея все шумнѣе и разнузданнѣе становились проявленія реакціи.

Какими гигантскими шагами совершался ростъ тюремнаго населенія—это показываютъ цифры, приведенныя въ «Объяснительной запискѣ къ смѣтамъ министерства юстиціи по тюремной части на 1912 г.». Въ 1905 г. среднее ежедневное число заключенныхъ въ русскихъ тюрьмахъ составляло 85.184; въ 1906 г. цифра эта поднимается до 111.403. Въ слѣдующіе затѣмъ годы число погребенныхъ въ тюрьмахъ продолжаетъ расти, и въ 1911 г. общее число заключенныхъ значительно превысило 200.000 человѣкъ. Въ частности наличный составъ каторжанъ, по тѣмъ же даннымъ, въ 1911 г. достигъ 30.000.

Колоссальныя цифры! Между тѣмъ русское общество имѣетъ очень и очень смутное представленіе о многихъ сторонахъ жизни этой массы тюремнаго населенія. Это обстоятельство побуждаетъ насъ привести результаты анкеты, произведенной въ началѣ лѣта 1912 г. въ одной большой каторжной тюрьмѣ.

Въ населеніи каторги, состоявшемъ раньше въ подавляющемъ большинствѣ изъ уголовныхъ преступниковъ, послѣ 1905-го года рѣзко повышается число осужденныхъ за такъ называемыя «государственныя», или политическія преступленія. Это положеніе нуждается, однако, въ нѣкоторомъ коррективѣ: суды часто сваливали въ одну кучу дѣйствительныхъ революціонеровъ и лицъ, въ лучшемъ случаѣ никакого отношенія къ революціонному движенію не имѣвшихъ. Съ другой стороны, необходимо отмѣтить, что довольно значительная группа каторжанъ оффиціальной статистикой показана въ рубрикѣ уголовныхъ (террористы, экспропріаторы и т. д.), тогда какъ лица этой категоріи принимали участіе въ революціонномъ

движеніи и были связаны съ нимъ не только идейно, но и организаціонно.

Изученіе политической каторги могло бы дать много чрезвычайно интереснаго и цѣннаго матеріала для историка освободительнаго движенія. Но, къ сожалѣнію, въ современныхъ условіяхъ тюремной жизни такая задача трудно, а то и совершенно не осуществима. По крайней мѣрѣ объ обслѣдованіи всей каторги думать не приходится.

Нашъ матеріалъ ограничивается одной лишь каторжной тюрьмой. Наиболѣе существенной особенностью политической части ея населенія является малое число аграрниковъ и осужденныхъ за такъ называемые «военные бунты». Эту особенность долженъ имѣть въ виду всякій, кто пожелалъ бы въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ воспользоваться приводимыми ниже данными. Но эта оговорка не исключаетъ возможности общихъ выводовъ. Нѣкоторыя таблицы такъ ярки, такъ выразительны, что не оставляютъ мѣста для двухъ мнѣній объ ихъ значеніи. Многіе выводы представляютъ интересъ, выходящій за предѣлы узкихъ рамокъ ограниченной группы каторжанъ, и могутъ быть приложимы ко всей русской каторгѣ, ко всему русскому революціонному движенію. Насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ въ печати подобнаго рода работы не появлялись, и наша попытка представляетъ первый опытъ въ этомъ направленіи.

Изъ 240 политическихъ каторжанъ на поставленные анкетой вопросы откликнулись 194 человѣка. Если принять во вниманіе тѣ условія, въ которыхъ приходилось производить опросъ, то анкету можно признать удавшейся.

Приступая къ опросу, иниціаторы анкеты прежде всего старались уяснить соціально-политическую физіономію опрашиваемыхъ. Распредѣляя откликнувшихся на анкету по сословіямъ, мы получаемъ такую картину:

СОСЛОВІЕ.	Число.	%
Крестьянъ	93	48,0
Мѣщанъ	60	30,9
Ссыльно-поселенцевъ	11	5,7
Дворянъ	6	3,1
Дѣтей офицеровъ, чиновниковъ, священниковъ	5	2,6
Бродягъ	5	2,6
Казаковъ	4	2,0
Почетныхъ гражданъ	3	1,5
Купцовъ	2	1,0
Не указано	5	2,6
Всего	194	100

Изъ этой таблички мы видимъ, что въ результатѣ ликвидаціи смуты на каторгѣ оказались представители всѣхъ сословій, но подавляющее большинство каторжанъ вышло изъ крестьянской и мѣщанской среды. Да это и вполнѣ понятно: изъ этихъ сословій вербуется «рабочая сила», въ періодъ 1905—1906 гг. бывшая самымъ активнымъ элементомъ революціоннаго движенія. Сюда должны быть также отнесены показанные въ отдѣльной рубрикѣ ссыльно-поселенцы, въ большинствѣ вышедшіе изъ рядовъ того же крестьянства или мѣщанства, и тогда мы увидимъ, что около 85% населенія каторги дали два такъ называемыхъ «низшихъ сословія».

Такъ какъ дѣленіе по сословному признаку не можетъ дать точнаго продставленія о той соціальной средѣ, которая выдѣляетъ наибольшій процентъ населяющаго каторжныя тюрьмы количества политическихъ «преступниковъ», то мы остановимся на другомъ, болѣе реальномъ признакѣ—профессіи. Относящіяся сюда данныя могутъ быть сгруппированы слѣдующимъ образомъ:

ПРОФЕССІЯ.	Число.	%
Рабочіе	98	50,2
Торговые служащіе	20	10,3
Техники	3	1,6
Земледѣльцы	21	10,8
Агенты разныхъ спеціальностей	3	1,6
Госуд. и обществ. служба	13	6,7
Либеральныя профессіи	2	1,0
Учащіеся	15	7,9
Безъ опредѣлен. занятій	12	6,2
Не указано	7	3,7
Всего	194	100

При сопоставленіи этой таблицы съ приведенной выше особенно ярко обнаруживается недостаточность офиціально-сословной группировки: такъ напримѣръ, крестьянское сословіе, представленное, какъ таковое 48-ю процентами, какъ общественно-хозяйственная категорія представлена всего 10,8%. Больше половины (60,5%) опрошеннаго состава каторжанъ далъ промышленный (50,2%) и торговый (10,3%) пролетаріатъ. Слѣдующую сравнительно значительную группу (10,8%) составляютъ лица, объединенные нами подъ рубрикой «земледѣльцы»; но самостоятельное крестьянство дало всего лишь 3,1% общаго состава политическихъ каторжанъ, сыновья, работающіе при отцѣ—5,1%, батраки—1,6%, садовники и огородники—1,0%. Приведенныя данныя опредѣленно свидѣтельствуютъ о городскомъ характерѣ движенія, представителями котораго являются каторжане даннаго состава.

Дальше идутъ свѣдѣнія объ экономической самостоятельности опрошенныхъ каторжанъ:

ИСТОЧНИКИ ЖИЗНИ.	Число.	%
Собствен. заработкомъ жило	135	69,2
На капиталъ	2	1,1
» средства родныхъ	15	7,8
» » партіи	10	5,3
» стипендіи	1	0,5
» смѣшан. средства	18	9,3
Не указано	13	6,8
Всего	194	100

Не безынтересны свѣдѣнія о величинѣ заработной платы, служившей для большинства единственнымъ источникомъ существованія. Изъ 135 человѣкъ, жившихъ собственнымъ заработкомъ, свѣдѣнія о его размѣрѣ дали 103 человѣка.

ВЪ МѢСЯЦЪ ЗАРАБАТЫВАЛИ.	Число.	%
До 15 рублей	8	7,5
Отъ 15 „ 20 „	10	9,3
„ 20 „ 30 „	24	23,5
„ 30 „ 40 „	18	17,8
„ 40 „ 50 „	16	15,6
„ 50 „ 75 „	17	16,3
„ 75 „ 100 „	6	6,0
„ 100 „ 150 „	3	3,0
Свыше 150 „	1	0,9
Всего	103	100

Самую многочисленную группу составляютъ лица, получавшія 40 руб. въ мѣсяцъ (58,1%). Обычный уровень ежемѣсячной заработной платы—отъ 20 до 40 рублей. Надъ послѣдними тремя таблицами очень не мѣшаетъ подумать всѣмъ продолжающимъ вѣрить баснѣ, что «революцію дѣлаютъ» лежебоки и дармоѣды.

Констатированное только что преобладаніе «низшихъ» соціальныхъ группъ, преимущественно промышленныхъ рабочихъ, въ свою очередь обусловливаетъ демократизмъ образованія.

УЧИЛИСЬ.	Число.	%	Всего.	% общ. числа
Въ низшей школѣ:				
а) не кончили	42	21,7	100	51,5
б) кончили	58	29,8		
Въ технич. школѣ:				
а) не кончили	7	3,6	12	6,2
б) кончили	5	2,6		
Въ средней школѣ:				
а) не окончили	17	8,8	30	15,5
б) кончили	13	6,7		
Въ высшей школѣ:				
а) не кончили	5	2,6	6	3,1
б) кончили	1	0,5		
Нигдѣ не учились	—	—	36	18,6
Нѣтъ свѣдѣній	—	—	10	5,1
Всего	—	—	194	100

Посѣщавшихъ школу—76,3%. Въ сравненіи съ крайне низкимъ уровнемъ народнаго образованія въ Россіи, такая огромная цифра учившихся среди каторжанъ довольно знаменательна. Въ нашихъ данныхъ бросается въ глаза еще одна характерная черта: довести до конца свое ученіе успѣли только 39,6% опрошенныхъ лицъ, а 36,7% вынуждены были покинуть училище, не окончивъ его.

По національностямъ населеніе той тюрьмы, о которой идетъ рѣчь въ нашей статьѣ, представлено въ такомъ видѣ:

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ.	Число.	%
Великоруссовъ	85	44,5
Поляковъ	26	13,4
Евреевъ	22	11,3
Малороссовъ	22	11,3
Латышей	14	7,0
Эстонцевъ	6	3,0
Кавказцевъ	4	2,0
Бѣлоруссовъ	3	1,5
Литовцевъ	3	1,5
Чувашей и мордвиновъ	2	1,0
Болгаръ	1	0,5
Не указано	6	3,0
Всего	194	100

Нѣтъ ни одной болѣе или менѣе значительной народности, которая не участвовала бы въ движеніи, всколыхнувшемъ даже самые отдаленные медвѣжьи углы.

Было бы ошибочно думать, что разнообразіе участвовавшихъ въ движеніи національныхъ элементовъ окрашивало это движеніе національными красками, что каждая нація боролась за свои *особые* національные интересы. Добытыя анкетой данныя свидѣтельствуютъ какъ разъ объ обратномъ: за весьма рѣдкими исключеніями, опро-

шенныя лица шли подъ знаменами соціалистическихъ партій, сражались за *общее* дѣло. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ обслѣдованный анкетой составъ каторжанъ до тюрьмы распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

ПАРТІЙНОСТЬ.	Число.	%
Соц.-дем. меньшевики	16	8,3
„ большевики	19	9,7
„ Польши и Литвы	4	2,1
Латышск. соц.-дем.	9	4,6
«Бундъ»	3	1,6
Соц.-рев. минималисты	65	33,6
„ максималисты	2	1,0
Р. Р. S.—фракція	12	6,2
Р. Р. S.—лѣвица	2	1,0
«Пролетаріатъ»	1	0,5
Соц.-сіонисты	2	1,0
Анархисты-коммунисты	10	5,1
„ индивидисты	1	0,5
Безпартійные	38	19,6
Латышск. соц.-дем. Союзъ	1	0,5
Дашнакцутюнъ	2	1,0
Не указано	7	3,7
Всего	194	100

Наиболѣе многочисленную группу составляютъ соціалисты-революціонеры, далѣе идутъ безпартійные и уже за ними соціалъ-демократы (объ фракціи—18%). Найдутся, быть можетъ, люди, готовые заключить изъ только-что приведенныхъ данныхъ о преобладающей роли соціалистовъ-революціонеровъ въ революціонномъ движеніи. Такіе выводы будутъ не только не точны, но прямо ложны. Не дальше, какъ годъ назадъ, въ тюрьмѣ, служащей предметомъ нашей

статьи, преобладаніе было на сторонѣ соціалъ-демократовъ. Преобладаніе въ настоящій моментъ соціалистовъ-революціонеровъ объясняется весьма просто. Населеніе тюрьмы нельзя разсматривать какъ нѣчто разъ навсегда данное; оно находится въ постоянномъ движеніи, подвергаясь приливамъ и отливамъ. Соціалъ-демократы въ большинствѣ случаевъ попадаютъ на каторгу за одинъ лишь фактъ принадлежности къ партіи и на сравнительно небольшіе сроки, тогда какъ соціалисты-революціонеры, помимо принадлежности къ партіи, часто навлекаютъ на себя еще другія обвиненія и присуждаются къ долгосрочной или даже безсрочной каторгѣ. А такъ какъ осужденные 1906—1908 гг. за простую принадлежность къ партіи успѣли уже окончить свой срокъ, то отмѣченное анкетой преобладаніе соц.-рев. надъ соц.-дем. легко объяснимо.

Еще ярче отсутствіе специфически національнаго элемент обнаружится, если прослѣдить, какъ представители разныхъ національностей распредѣляются между различными партіями.

Партіи. / Націи.	Р. С. Д. Р. П.	Бундъ.	С.-Д. Польши и Литвы.	Соц.-Рев.	Лат. С.-Д.	Р. Р. S.	Продет.	Соц.-сіон.	Ан.-ком.	Ан.-инд.	Латыш. с.-д. Союзъ.	Дашнак.	Безпарт.	Не извѣстно.	ИТОГО.
Великоруссы	17	—	—	43	—	—	—	—	5	1	—	—	19	—	85
Евреи	1	3	—	8	—	1	—	2	3	—	—	—	4	—	22
Поляки	4	—	4	2	—	13	1	—	—	—	—	—	2	—	26
Малороссы	4	—	—	8	—	—	—	—	2	—	—	—	8	—	22
Латыши	3	—	—	—	8	—	—	—	—	—	1	—	—	2	14
Эстонцы	2	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	2	—	6
Бѣлоруссы	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	3
Кавказцы	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	4
Литовцы	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3
Болгары	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Чуваши и мордва	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2
Не извѣстно	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	6
Итого	35	3	4	67	9	14	1	2	10	1	1	2	38	7	194

Задачи, которыми обычно руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ представители націй, лежатъ внѣ плоскости націоналистическихъ вожделѣній. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 22-хъ евреевъ только 2 состоятъ въ *націоналистической* организаціи сіонистовъ; половина поляковъ (13 изъ 26-ти) примыкаетъ къ P. P. S.; только 1 человѣкъ состоялъ въ *польской* организаціи «Пролетаріатъ». Въ общемъ представители націоналистическихъ организацій дали только 2,5% всего состава политическихъ каторжанъ въ обслѣдованной анкетой тюрьмѣ.

Не безполезно прослѣдить изъ какихъ слоевъ общества вышли представители той или другой партіи. Слѣдующая таблица представляетъ картину распредѣленія каторжанъ согласно ихъ соціальному положенію и тяготѣнію къ политическимъ партіямъ:

Партіи. / Профессіи.	Р. С.-Д. Р. П.	«Бундъ».	С.-Д. П. и Л.	Лат. С.-Д.	Соц.-Рев.	P. P. S.	Ан.-Ком.	Ан.-Инд.	«Пролетарій».	Соц.-сіон.	Безпарт.	Латышск. С.-Д. Союзъ.	Дашнакц.	Не извѣстн.	ВСЕГО.
Рабочіе по металлу, дереву и фабричные	16	1	3	5	20	9	5	—	—	—	13	—	1	—	73
Рабочіе разныхъ спеціальностей.	2	1	1	1	10	3	2	1	1	—	2	—	1	—	25
Торговые служащіе	3	—	—	1	11	1	1	—	—	—	3	—	—	—	20
Техники	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Агенты разныхъ спеціальностей.	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	3
Самостоятельные земледѣльцы	1	—	—	—	4	—	1	—	—	—	10	—	—	—	16
Батраки	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Садовники и огородники	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2
Офицеры	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Чиновники	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	1	1	—	—	4
Учителя	5	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Либеральныя профессіи	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
Безъ опредѣлен. занятій	2	—	—	—	2	1	—	—	—	—	3	—	—	4	12
Учащіеся въ средн. и высш. уч. заведеніяхъ	1	—	—	—	10	—	—	—	—	1	1	—	—	2	15
Не извѣстно	3	—	—	—	—	—	1	—	—	—	3	—	—	—	7
Всего	35	3	4	9	6	71	4	10	1	1	2	38	1	2	7	194

Анализъ этихъ данныхъ приводитъ насъ къ заключенію, что въ соціалъ-демократической группѣ рабочій элементъ представленъ значительно сильнѣе, чѣмъ въ группѣ соціалистовъ-революціонеровъ; въ то время какъ въ первой группѣ промышленный пролетаріатъ даетъ 60% во второй группѣ онъ выраженъ всего лишь 44,8%. Что касается торговыхъ служащихъ, самостоятельныхъ земледѣльцевъ и представителей интеллигентскихъ профессій, то они, наоборотъ, почти вдвое сильнѣе представлены въ группѣ соц.-революціонеровъ, нежели среди членовъ соц.-дем. организацій.

По возрастамъ во время ареста зарегистрированные 194 человѣка распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

ВОЗРАСТЪ.	Число лицъ.	%
До 20 лѣтъ	52	26,7
Отъ 20 „ 25 „	89	45,3
„ 25 „ 30 „	32	16,6
„ 30 „ 35 „	6	3,1
„ 35 „ 40 „	2	1,0
„ 40 „ 45 „	5	2,6
„ 45 „ 50 „	2	1,0
„ 50 „ 60 „	1	0,5
Не указанъ	5	2,6
Всего	194	100

Больше всего дали первыя три возрастныя группы, особенно вторая (отъ 20 до 25 лѣтъ), на долю которой приходится почти половина (45,9%) даннаго состава политическихъ каторжанъ.

Не менѣе типичны данныя о семейномъ положеніи. Относящіяся сюда цифры распредѣляются такъ:

Холостыхъ	145 чел.	74,8%
Женатыхъ:		
а) церковн. бракомъ	31 »	22,1%
б) гражд. »	12 »	
Нѣтъ свѣдѣній	6 »	3,1%
Всего	194 чел.	100%

Холостые составляютъ $^3/_4$ общаго числа. Преобладаніе числа церковныхъ браковъ надъ гражданскими объясняется отчасти общими условіями, отчасти чисто тюремными (неразрѣшеніе свиданій и переписки съ гражданскими женами), о чемъ свидѣтельствуютъ нерѣдкіе «тюремные браки».

Дѣтей имѣютъ 28 человѣкъ (14,9%), изъ нихъ одного ребенка — 11 чел., двухъ — 8 чел., трехъ — 1, четырехъ — 3, пятерыхъ — 3 и свыше пяти — 2 человѣка.

Теперь мы перейдемъ къ анализу данныхъ, освѣщающихъ тѣ этапы «революціонной карьеры», которые въ жизни обслѣдованныхъ анкетой лицъ предшествовали отбываемой нынѣ каторгѣ.

Здѣсь прежде всего необходимо выяснить вопросъ о времени выступленія на революціонное поприще нынѣшнихъ каторжанъ. Чтобы получить возможно полную и точную картину анкета отличаетъ два момента: 1) когда революціонеръ примкнулъ къ *движенію* и 2) когда онъ вступилъ въ революціонную *организацію*. Вотъ цифры:

ГОДЫ.	Примкнули къ революціон. движенію.		Вступили въ революціон. организаціи.	
	Число лицъ.	%	Число лицъ.	%
Въ 80-хъ годахъ	2	1,0	—	—
„ 90 „ „	11	5,8	6	3,1
„ 1900-мъ году	3	1,5	2	1,0
„ 1901 „ „	8	4,2	3	1,5
„ 1902 „ „	12	6,5	7	3,6
„ 1903 „ „	22	11,3	15	7,8
„ 1904 „ „	61	31,2	35	17,8
„ 1905 „ „	37	18,9	47	24,3
„ 1906 „ „	21	10,8	27	14,2
„ 1907 „ „	8	4,2	9	4,6
„ 1908 „ „	—	—	—	—
Нѣтъ свѣдѣній	9	4,6	43	22,1
Всего	194	100	194	100

Достаточно бѣглаго взгляда на эту таблицу, чтобы убѣдиться, что огромное большинство обслѣдованныхъ анкетой лицъ—продуктъ общественнаго подъема начала девятисотыхъ годовъ. Число примкнувшихъ къ движенію съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается, ряды революціонныхъ организацій пополняются новыми членами. Въ 1905 г. число «примкнувшихъ» падаетъ; число вступившихъ въ революціонныя организаціи, наоборотъ, значительно увеличилось. До 1905 года совершался процессъ *собиранія* революціонныхъ элементовъ и лишь медленно намѣчался путь къ организованности; съ 1905 г., начинается *оформливаніе* этихъ элементовъ въ революціонныхъ организаціяхъ. 1901—1904 гг. могутъ быть названы годами революціоннаго настроенія по преимуществу, слѣдующіе два года—періодомъ строительства партій, союзовъ. Особенно рельефно это скажется, если мы приведенныя въ предыдущей таблицѣ данныя сгруппируемъ нѣсколько иначе по годамъ.

ГОДЫ.	Примкнули къ рев. движенію.		Вступили въ рев. организац.	
	Число лицъ.	%	Число лицъ.	%
80-ые годы	2	1,0	—	—
90-ые „	11	5,8	6	3,1
1900—1904 „	106	54,7	62	31,7
1905—1906 „	58	29,8	74	38,5
1907—1908 „	8	4,1	9	4,6
Нѣтъ свѣдѣній	9	4,6	43	22,1
	194	100	194	100

Можно съ увѣренностью сказать, что цифры эти, въ особенности въ третьемъ и четвертомъ столбцахъ, были бы еще болѣе выразительны, если бы поднятые революціоннымъ водоворотомъ не были очень рано выхвачены изъ строя. 22,1% не давшихъ свѣдѣній имѣетъ въ этомъ отношеніи симптоматическое значеніе; многіе изъ нихъ уже работали на революціонномъ поприщѣ, и имъ оставалось только вступить въ ряды той или другой партіи.

Активное участіе въ революціонномъ движеніи изъ опрошенныхъ 194 чел. принимало 85,6%.

Въ нѣсколькихъ организаціяхъ участвовало . .	103 чел.	53,1%
Въ одной организаціи	63 »	32,5%
Ни въ одной не участвовало	23 »	11,8%
Нѣтъ свѣдѣній	5 »	2,6%
Всего	194 чел.	100%

Представленіе о томъ, въ какихъ областяхъ и въ какой степени сосредоточивались силы революціонеровъ, даетъ слѣдующая таблица:

Въ пролетарскихъ организаціяхъ участвовало .	112 ч. или	33,5%
» крестьянскихъ » » . .	43 » »	12,9%
» военныхъ » » . .	58 » »	17,4%
» боевыхъ » » . .	60 » »	18,0%
» техническихъ » » . .	43 » »	12,9%
» интеллигентскихъ » » . .	18 » »	5,3%
Всего	334 ч.	100%

Цифра 334 получилась вслѣдствіе того, что многія лица участвовали въ нѣсколькихъ организаціяхъ. Преобладающая часть силъ уходила на пролетарскія организаціи, затѣмъ на боевыя, военныя и техническія.

Посмотримъ еще, сколько какая партія въ лицѣ своихъ представителей на каторгѣ удѣляла вниманія и силъ разнымъ областямъ революціоннаго дѣла. Эта сторона вопроса выступаетъ въ такомъ свѣтѣ:

Партіи. / Организаціи.	Р. С.-Д. Р. П.	«Бундъ».	С.-Д. П. и Л.	Лат. С.-Д.	Соц.-Рев.	Р. Р. S.	Пролет.	Соц.-Сіон.	Ан.-Ком.	Ан.-Инд.	Безпарт.	Латышск. С.-Д. Союзъ.	Дашнакц.	ВСЕГО.
Пролетарскія	30	2	5	5	42	13	1	2	4	1	5	1	1	112
Крестьянскія	5	1	2	6	20	1	1	1	—	—	5	1	—	43
Военныя	14	—	1	—	29	0	1	—	1	1	11	—	—	58
Боевыя	10	1	4	4	23	10	1	—	3	—	—	1	2	60
Техническія	11	2	2	1	17	6	—	—	3	—	1	—	—	43
Интеллигентскія	4	—	1	—	8	4	—	—	1	—	—	—	—	18
Всего	74	6	15	16	139	35	4	3	12	2	22	3	3	334

У всѣхъ на первомъ планѣ стояло участіе въ пролетарскихъ организаціяхъ только дѣятельность латышскихъ соціалъ-демократовъ протекала преимущественно въ крестьянскихъ организаціяхъ.

Весьма многіе и многіе, прежде чѣмъ попасть на каторгу, подвергались цѣлому ряду другихъ репрессій, которыми такъ богата, наша русская дѣйствительность.

Такъ, *до послѣдняго ареста* подвергались задержанію:

1 разъ	58 чел.	или	29,8%
2 »	32 »	»	16,4%
3 »	10 »	»	5,0%
4 »	3 »	»	1,5%
Свыше 4 »	5 »	»	2,5%
Ни разу . .	80 »	»	41,7%
Нѣтъ свѣдѣній .	6 »	»	3,1%
Всего	194 чел.	или	100%

Итакъ, 55,2% каторжанъ еще ранѣе по нѣскольку разъ побывали въ рукахъ охранителей государственнаго «порядка и спокойствія». Пребываніе въ тюрьмѣ влекло обыкновенно за собой новыя кары, хотя бы вся вина человѣка состояла въ томъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ. Изъ 108 человѣкъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ до послѣдняго суда, подверглись:

Административной ссылкѣ	8 чел.
» высылкѣ	5 »
Надзору полиціи . . .	10 »
Ссылкѣ на поселеніе . .	9 »
» въ каторгу . . .	5 »
Всего	37 чел.

До суда дошло только 14 «дѣлъ»; въ остальныхъ 23 случаяхъ имѣло мѣсто расправа въ административномъ порядкѣ. 2,6% обслѣдованнаго анкетой состава каторжанъ находятся въ каторгѣ уже вторично.

Роль военныхъ судовъ въ дѣлѣ ликвидаціи революціоннаго движенія весьма наглядно выступаетъ при сравненіи числа осужденій, падающихъ на долю военныхъ и гражданскихъ судовъ.

Осуждено военными судами:

а) военно-окружными	143 ч.	или	73,8%
б) » морскими	5 »	»	2,6%
в) » полевыми	2 »	»	1%

Осуждено гражданскими судами:

а) судебными палатами	22 ч.	или	11,3%
б) окружными судами	16 »	»	8,2%
Нѣтъ свѣдѣній . .	6 »	»	3,1%
Всего . .	194 чел.	или	100%.

Иными словами, 77,4% обслѣдованнаго состава каторжанъ попали на каторгу по приговорамъ военныхъ судовъ; на долю гражданскихъ судовъ приходится около $^1/_5$ (19,5%) всѣхъ приговоровъ.

Методы и средства, которыми революціонеры пользовались для достиженія своихъ цѣлей — многочисленны и разнообразны. Представленіе о способахъ революціоннаго дѣйствованія мы получимъ, если распредѣлимъ участниковъ анкеты по роду преступленій, за которыя они осуждены. Но прежде чѣмъ приступать къ анализу относящихся сюда данныхъ, считаемъ необходимымъ отмѣтить, что больше половины (59,3%) имѣло по нѣскольку пунктовъ обвиненія, а именно:

Одно обвиненіе имѣло	70 чел.	или	36,1%
Нѣсколько обвиненій имѣло . . .	115 »	»	59,3%
Нѣтъ свѣдѣній	9 »	»	4,6%
Всего. . . .	194 чел.	или	100%

Группируя данныя о родѣ преступленій, получимъ такіе результаты: (См. таблицу на стр. 280).

Располагая эти данныя въ убывающемъ порядкѣ, мы находимъ, что на первомъ мѣстѣ стоятъ привлеченные за принадлежность къ партіи (117 чел. или 25,2%); далѣе идутъ судившіеся за участіе въ военныхъ и боевыхъ организаціяхъ; слѣдующее затѣмъ мѣсто занимаютъ террористы, причемъ на центральный терроръ приходится около $^1/_5$ части всѣхъ актовъ (7 изъ 37), а около $^4/_5$—на терроръ мѣстный. Сравнительно много случаевъ судимости за храненіе и распространеніе литературы, за экспропріаціи и побѣги изъ ссылки; декабрьскія возстанія 1905 г. тоже выражены довольно замѣтно.

РОДЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.	Число.	%	Общее число.	%
Принадлежность къ партіи	—	—	117	25,2
Литература:				
а) храненіе	23	4,9	45	9,6
б) распространеніе	22	4,7		
Техника:				
а) типографія	8	1,7	13	2,8
б) паспортн. бюро	5	1,1		
Принадлежн. къ боевой организац	—	—	31	6,8
„ къ военной „	—	—	24	5,2
Храненіе взрывчат. веществъ	—	—	24	5,2
Терроръ (центральн.):				
а) покушеніе	2	0,4	7	1,5
б) совершеніе	5	1,1		
Терроръ (мѣстный):				
а) покушеніе	10	2,1	30	6,5
б) совершеніе	20	4,4		
Экспропріація:				
а) казен. имущества	23	4,9	33	7,0
б) частн. „	10	2,1		
Укрывательство:				
а) нелегальныхъ	2	0,4	9	1,9
б) экспропріаторовъ	1	0,2		
в) террористовъ	6	1,3		
Декабрьскія возстанія 1905 г.	—	—	24	5,2
Военныя „	—	—	24	5,2
Захватъ оружія	—	—	15	3,2
„ типографій	—	—	4	0,9
Побѣги:				
а) изъ тюрьмы	7	1,5	18	3,9
б) „ ссылки	11	2,4		
Сопротивленіе при арестѣ	—	—	10	2,1
Освобожденіе арестован.	—	—	5	1,1
Оскорбленіе:				
а) Величества	8	1,7	12	2,6
б) начальств. лицъ	4	0,9		
Аграрные безпорядки	—	—	12	2,6
Участіе въ самооборонѣ	—	—	7	1,5
Всего пунктовъ обвиненія	—	—	464	100

Терроръ примѣнялся почти всѣми представленными на каторгѣ партіями; исключеніе представляютъ лишь соц.-демократы меньшевики и соціалисты-сіонисты. Нѣтъ въ этой рубрикѣ и соц.-революц. максималистовъ, представителей Латышскаго Соціалъ-демократическаго Союза и Дашнакцутюна, но такъ какъ эти организаціи представлены въ нашей тюрьмѣ крайне слабо, то отсутствіе ихъ вполнѣ понятно. Въ экспропріаціяхъ участвовали члены почти всѣхъ партій, даже с.-д. меньшевики. Всего знаменательнѣе тотъ фактъ, что за принадлежность къ партіи осуждены люди *безпартійные* (13 изъ 38). Удивительнаго въ этомъ нѣтъ, правда, ничего: въ теченіе послѣднихъ лѣтъ намъ неоднократно внушали, что «когда тушатъ пожаръ, стеколъ не жалѣютъ». При такомъ пониманіи задачъ правосудія и управленія вполнѣ возмона посылка на каторгу лицъ, никогда и не грезившихъ о принадлежности къ партіи.

Переходимъ къ даннымъ о срокахъ каторги. 34 человѣка изъ 194-хъ были приговорены къ смертной казни, замѣненной потомъ каторгой на разные сроки. Въ отношеніи къ общему количеству взятаго нами состава каторжанъ число лицъ, испытавшихъ надъ собой вѣяніе смерти, составляетъ 17,5%.

«Одной изъ характерныхъ особенностей послѣднихъ пяти лѣтъ, — читаемъ мы въ «Ежегодникѣ Рѣчи» за 1911 годъ [1]), — является, невѣроятный ростъ *долгосрочныхъ арестантовъ*» Постараемся провѣрить это на данныхъ нашей анкеты и сдѣлаемъ сводку цифръ относительно продолжительности сроковъ наказанія каторгой опрошенныхъ анкетой лицъ. Осуждены на срокъ:

До 4 лѣтъ	27 чел. или	13,9%
Отъ 4 до 8 лѣтъ . . .	70 » »	36,1%
» 8 » 12 » . . .	28 » »	14,6%
» 12 » 15 » . . .	21 » »	10,8%
» 15 » 20 » . . .	15 » »	7,8%
Безъ срока	*25* » »	*12,8%*
Не указано	8 » »	4,0%
Всего . . .	194 чел.	100%

Итакъ, только 50% всего состава осуждено на срокъ до 8 лѣтъ; остальные 50% распредѣляются между каторгой свыше 8-ми лѣтъ и каторгой безъ срока. Сравнительная средняя продолжительность срока въ данной каторжной тюрьмѣ, нѣсколько повышена, но уклоненіе это настолько незначительно, что наши данныя могутъ служить для уясненія относительной тяжести нака-

[1]) Статья «Въ тюрьмахъ и ссылкахъ», стр. 534.

занія каторгой. Въ этомъ убѣжденіи насъ еще болѣе утверждаетъ «Объяснительная записка къ смѣтѣ министерства юстиціи на 1912 г.», изъ которой мы узнаемъ, что «долгосрочные арестанты составляютъ у насъ по отношенію къ общему числу арестантовъ до 40%». А вѣдь главная масса долгосрочныхъ падаетъ именно на каторжанъ.

Условія, въ которыхъ протекаетъ жизнь каторжанина, въ нашей печати пока мало освѣщены: крѣпкіе замки, желѣзныя рѣшетки, высокія пали, которыми обнесены остроги, тюремщики и цензура строго блюдутъ, чтобы совершающееся въ стѣнахъ тюрьмы мало было слышно «на волѣ». Лишь изрѣдка прорывается оттуда стонъ заключенныхъ.

Какова та атмосфера, въ которой годами вынуждены влачить существованіе каторжане, можно судить по тѣмъ «тюремнымъ кампаніямъ», которыя съ опасностью для здоровья, а подчасъ и для жизни, имъ приходится вести, чтобы окончательно не потерять свой человѣческій обликъ. «Кампаніи» велись:

Противъ общаго режима . .	129	или 34,1%
» грубаго обращенія .	81	» 21,8%
» дурной пищи . . .	87	» 23,0%
Изъ-за переписки и свиданій	42	» 11,1%
» размѣщенія по камерамъ	38	» 10,0%
Всего случаевъ борьбы .	377	или 100%

Борьба выражалась:

Въ голодовкахъ	112	или 29,7%
» обструкціяхъ	80	» 21,2%
» отказахъ отъ подчиненія .	95	» 25,2%
Способы борьбы не указаны .	90	» 23,9%
Всего	377	или 100%

За всякимъ протестомъ неизбѣжно слѣдовали соотвѣтствующія мѣры воздѣйствія со стороны администраціи. Выражались они въ слѣдующемъ:

Карцеръ	97	или 41,4%
Избіеніе	28	» 11,9%
Тѣлесное наказаніе (розги) . .	6	» 2,6%
Изоляція	55	» 23,5%
Наложеніе кандаловъ	25	» 10,7%

Продолженіе срока	21 или	9,0%
Отдача подъ судъ	2 »	0,9%
Всего случаевъ наказанія .	234 или	100%

Само собой разумѣется, что тюремная атмосфера съ одной стороны и недоѣданіе — съ другой, не могутъ не оказать вліянія на организмъ и здоровье каторжанъ. Предоставляемъ и здѣсь говорить цифрамъ.

Болѣли:	На волѣ.	Въ тюрьмѣ.
Туберкулезомъ легкихъ .	3 чел.	33 чел.
Другими легочн. болѣзн. .	14 »	35 »
Ревматизмомъ	16 »	49 »
Неврастеніей	6 »	33 »
Глазными болѣзнями . .	13 »	30 »
Геморроемъ	3 »	19 »
Воспаленіемъ почекъ . .	— »	5 »
Катарромъ желудка . . .	2 »	28 »
Порокомъ сердца	2 »	15 »
Острымъ малокровіемъ .	3 »	41 »
Прочими болѣзнями . . .	39 »	50 »
Всего болѣли	101 чел.	338 чел.

Излишне прибавлять что-нибудь къ этимъ цифрамъ: общая заболѣваемость повысилась болѣе чѣмъ въ 3 раза, туберкулезъ—въ 11 разъ, малокровіе—въ 14 разъ, катарръ желудка также въ 14 разъ!

Улучшеніе питанія могло бы, конечно, до нѣкоторой степени поддержать организмъ въ борьбѣ съ разлагающими вліяніями, но для большинства, къ сожалѣнію, это совершенно недостижимо. Мы знаемъ уже, что около 70% обслѣдованнаго состава каторжанъ на волѣ существовали своимъ собственнымъ заработкомъ, который съ арестомъ прекратился. И вотъ сейчасъ, въ тюрьмѣ, мы видимъ такую картину. Поддержку съ воли получаютъ *ежемѣсячно*:

Отъ 1 до 3 руб.	21 чел.
» 3 » 5 »	12 »
» 5 » 10 »	7 »
Всего . . .	40 чел.

Нерегулярно, *въ теченіе года*, поддержку имѣютъ:

Отъ	3	до	5	руб.	7	чел.
»	5	»	10	»	22	»
»	10	»	15	»	20	»
»	15	»	25	»	14	»
»	25	»	50	»	17	»
»	50	»	75	»	5	»
Свыше			75	»	6	»
				Всего . . .	91	чел.

Такимъ образомъ, только 20,6% общаго числа пользовались регулярно помощью съ воли; 47% хотя и получали время отъ времени кое-какія суммы, но такъ какъ помощь эта носила случайный характеръ, то о постоянномъ улучшеніи питанія не могло быть и рѣчи; 32,4% не имѣли никакой помощи и должны были довольствоваться одной лишь тюремной пищей, состоящей изъ $2^1/_2$ фунтовъ чернаго хлѣба и вонючей баланды. Явленіе это имѣетъ общій характеръ и типично для всей политической каторги. Вотъ какъ, напримѣръ, изображаетъ условія жизни на нерчинской каторгѣ (состоящей изъ 7-ми тюремъ: зерентуйской, алгачинской, кутомарской, акатуевской, кадаинской, мальцевской и александровской) корреспондентъ «Рѣчи»: «Во всѣхъ тюрьмахъ отвратительное питаніе. Каторжные поражаютъ малокровіемъ. Многіе изъ заключенныхъ — съ пораженными легкими. При долгихъ срокахъ — это приговоренные къ смерти [1]).

Бросимъ взглядъ еще на одну сторону тюремной жизни—удовлетвореніе умственныхъ запросовъ каторжанъ. Книги въ значительной мѣрѣ скрашиваютъ мрачную тюремную обстановку, поддерживаютъ вѣру въ возможность и необходимость лучшаго будущаго, дѣлаетъ жизнь болѣе осмысленной. Тотъ, кто будетъ знакомиться съ этимъ вопросомъ по «Уставу о содерж. подъ стражей», «Уставу о ссыльныхъ» или даже по временнымъ «Правиламъ для каторжныхъ тюремъ», изданнымъ уже въ разгаръ тюремной реакціи, въ 1908 г., можетъ придти въ умиленіе: каторжанину разрѣшается получать и читать всѣ книги, допущенныя къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ. На практикѣ дѣло обстоитъ совершенно иначе. Вопросъ о томъ, какія книги можетъ читать каторжанинъ и какія—нѣтъ, рѣшается въ разныхъ тюрьмахъ различно. Право заключенныхъ имѣть у себя допущенныя къ обращенію въ Россіи книги находится въ

[1]) «Рѣчь», май 1911 г.

прямой зависимости отъ усмотрѣнія начальства. Это обстоятельство дѣлаетъ наши данныя о занятіяхъ каторжанъ особенно интересными: люди жадно стремятся къ книгѣ, къ знанію, имъ хочется пополнить за время вынужденнаго ничегонедѣланія свое недоконченное образованіе, но имъ на каждомъ шагу приходится слышать, въ отвѣтъ на просьбу о разрѣшеніи выписать ту или другую книгу: «не полагается», «не разрѣшаю» и т. д.

Изъ 194 человѣкъ, откликнувшихся на анкету, систематически занималось 118 чел., которые изучали:

Общеобразоват. начальн. курсы	94 чел.
Элементарную математику	79 »
Высшую »	8 »
Астрономію, механику, физику, химію	25 »
Естественныя науки	38 »
Антропологію, исторію, исторію культуры . . .	66 »
Соціологію, право, общественное движеніе . . .	44 »
Политич. экономію, аграрн. и рабоч. вопр.. . .	63 »
Философію, логику и психологію	48 »
Литературу и исторію литературы	11 »
Прикладн. механику и технологію	11 »
Новые языки	43 »
Бухгалтерію, коммерч. ариѳметику	3 »

А такъ какъ дѣйствительное число систематически занимавшихся равно 118 чел., то раздѣливъ 533 на это число, мы найдемъ, что каждый человѣкъ изучалъ въ среднемъ 4,5 предмета. На первомъ мѣстѣ стоятъ предметы общеобразовательные, въ объемѣ начальнаго курса, а также элементарная математика; второе мѣсто занимаетъ циклъ историческихъ наукъ, третье — политическая экономія, аграрный и рабочій вопросы, четвертое—философія, логика и психологія, пятое—соціологія, право и общественное движеніе; довольно высокъ интересъ также къ новымъ языкамъ, сравнительно меньше—къ естественнымъ наукамъ, астрономіи и химіи. Если считать занимавшихся несистематически или ограничивавшихся одной лишь беллетристикой, то общее число занимающихся поднимется до 183 человѣкъ или 95% даннаго состава каторжанъ.

Имѣющійся въ нашемъ распоряженіи цифровый матеріалъ исчерпанъ. На сколько желательно дополненіе его дальнѣйшими изслѣдованіями—это не требуетъ поясненія.

П. Ю. П.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Отдѣльныя части русскаго народнаго хозяйства не живутъ въ настоящее время независимой жизнью; но все же каждая изъ нихъ имѣетъ и свою собственную судьбу. Если спросить, какова была *промышленная* коньюнктура 1912-го года, возросло ли производство въ обрабатывающей промышленности, притекли ли въ нее новые капиталы и увеличилось ли въ ней число рабочихъ, то на такой вопросъ, думается намъ, придется отвѣтить, что коньюнктура была повышающейся. Нетрудно показать, что для значительнаго числа отраслей промышленности, въ томъ числѣ и для многихъ основныхъ, 1912-ый годъ былъ годомъ продолжавшагося оживленія. Но если поставить вопросъ шире и спросить, каковъ былъ вообще минувшій годъ въ экономическомъ отношеніи,—отвѣтъ чрезвычайно усложнится. Окажется, что симптомы оживленія чередовались съ признаками упадка, благопріятныя обстоятельства—съ безотрадными явленіями; картина представляется крайне пестрой, и охарактеризовать ея главнѣйшія черты краткой формулой нельзя.

То, что происходило въ области хозяйственной жизни въ 1912-мъ году, зависѣло, прежде всего, отъ наслѣдія, полученнаго минувшимъ годомъ отъ его предшественниковъ. Наслѣдіе было въ одно и то же время богатымъ и бѣднымъ. О немъ прежде всего и необходимо сказать нѣсколько словъ.

Въ концѣ 90-хъ годовъ прошедшаго вѣка въ движеніи цѣнъ на міровомъ рынкѣ, какъ извѣстно, произошелъ переломъ. Съ тѣхъ поръ цѣны огромнаго числа товаровъ росли, при чемъ всего быстрѣе дорожали продукты сельскаго хозяйства и главнымъ образомъ хлѣба. То, что совершилось въ этотъ краткій періодъ, можно назвать революціей цѣнъ—настолько значительно было разсматриваемое явленіе и настолько глубоки были послѣдствія его. Въ условіяхъ международной торговли произошла огромная перемѣна: распредѣленіе выгодъ отъ нея въ ближайшее къ намъ пятилѣтіе было совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ теченіе 90-хъ годовъ. «Мануфактурныя» государства

теряли, «агрикультурныя» страны были въ барышахъ. Въ высшей степени любопытныя цифры по этому вопросу сообщилъ недавно въ «Вѣстникѣ финансовъ» (№ 50) А. Брейтерманъ.

Для Россіи, въ международномъ обмѣнѣ предлагающей почти одно только сырье, переломъ міровыхъ цѣнъ, въ общемъ, былъ благопріятенъ. Въ области распредѣленія народнаго дохода онъ сопровождался, правда, довольно жестокими послѣдствіями: достаточно вспомнить о паденіи реальной заработной платы, въ связи съ дороговизной. Но въ рукахъ землевладѣльческаго и земледѣльческаго населенія въ 1909 — 1911 г.г. оказались такія средства, на которыя въ иныхъ условіяхъ мірового рынка оно конечно разсчитывать не могло. Въ пятилѣтіе 1896—1900 средній сборъ всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ составлялъ 3,287 милл. пудовъ; въ пятилѣтіе 1906—1910 онъ достигъ 4,032 милл. пуд. Увеличеніе отъ перваго періода къ послѣднему было не слишкомъ велико: 22% за десятилѣтіе или 2,2% въ годъ—это немногимъ лишь больше прироста населенія. Если же по среднимъ мѣстнымъ цѣнамъ опредѣлить цѣнность всего урожая и принять ее для 1896—1900 г.г. равной 100, то для пятилѣтія 1906—1910 мы получимъ цифру 164. Здѣсь и сравнительно съ увеличеніемъ населенія имѣлся значительный приростъ. Если мы возьмемъ не цѣлыя пятилѣтія, а лишь отдѣльные годы, то числа представятся еще болѣе показательными. Самыя комбинаціи высоты урожаевъ и цѣнъ были иной разъ очень благопріятны для насъ. 1907 и 1908 г.г. дали, правда, лишь близкіе къ среднимъ урожаи, при очень высокихъ міровыхъ цѣнахъ; зато 1909 и 1910 г.г. дали блестящіе сборы зерна, при цѣнахъ тоже далеко не низкихъ. И если вѣрны разсчеты министерства финансовъ приведенные въ послѣдней объяснительной запискѣ къ проекту росписи, то сумма производительности сельскаго хозяйства съ 4 милліардовъ рублей въ 1895 г. поднялась до 9 милліардовъ въ 1910-мъ.

Не весь продуктъ нашего сельскаго хозяйства поступаетъ, конечно, на рынокъ. Часть своего урожая сельскій хозяинъ потребляетъ самъ, и на этой части онъ отъ высокихъ цѣнъ ничего не выигрываетъ. Указать, поэтому, въ точной цифрѣ, что получило сельское хозяйство отъ высокихъ цѣнъ, мы не въ состояніи. Мы можемъ только отмѣтить вліяніе, которое высокіе урожаи и высокія цѣны оказали на нашу экспортную торговлю. Въ 1907/8 сельско-хозяйственномъ году мы вывезли 411 милл. пудовъ хлѣба, въ 1908/9—553 милл. п., а въ слѣдующіе два года—837 милл. и 960 милл., т. е. рекордныя количества. По своей цѣнности хлѣбный экспортъ за три года 1906—1908 составилъ 1,269 милл. р., а за три года

1909—1911 онъ достигъ 2,230 милл. руб. Въ послѣднее трехлѣтіе Россія продала Европѣ на 1 милліардъ рублей больше зерна, чѣмъ въ предшествующіе три года. Для всей нашей отпускной торговли итоги получаются еще болѣе значительные. Цѣнность всего вывоза составила за 1906—1908 г.г. 3,146 милл. руб., а за слѣдующее трехлѣтіе—4,468 милл. Это лишнихъ 1 милліардъ и 300 милл. рублей.

Одинъ милліардъ и триста милліоновъ рублей: очень ли это много? Достаточно вспомнить, чтобы оцѣнить эту цифру, что контрибуція, уплоченная Франціей Пруссіи въ 1871 г. составляла около 2 милліардовъ рублей—а эта контрибуція на торгово-промышленную жизнь Германіи оказала сильнѣйшее вліяніе. Тотъ лишній милліардъ, который мы выручили въ нашей отпускной торговлѣ за 1909—1911 г., не былъ вознагражденіемъ за лишнюю затрату труда, Онъ достался намъ благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ. Высокіе урожаи и высокія цѣны пока одинаково внѣ нашей воли. Ихъ сочетаніе дало намъ тотъ милліардъ, который прежде всего былъ замѣченъ въ Россіи въ видѣ довольно внезапно появившагося на денежномъ рынкѣ свободнаго капитала.

Связь колебаній нашей хозяйственной жизни съ колебаніями, происходящими въ міровомъ хозяйствѣ и, въ частности, на міровомъ денежномъ рынкѣ, намъ кажется несомнѣнной. И мы допускаемъ поэтому, что не одно только стеченіе тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, о которыхъ только что шла рѣчь, прекратило промышленный застой въ Россіи. Застой и внѣ Россіи смѣнился въ 1909 г. ростомъ производства. Капиталы, образовавшіеся на Западѣ, искали въ послѣдніе годы помѣщенія у насъ, и искали бы его вѣроятно еще усерднѣй, если бы въ Россіи не нашлось капиталовъ своихъ. Во всякомъ случаѣ переходъ отъ застоя къ оживленію произошелъ бы медленнѣе, и самая «высокая коньюнктура» была бы, должно быть, гораздо менѣе высока.

При современной хозяйственной организаціи деньги, прежде чѣмъ получить то или другое назначеніе, попадаютъ обычно въ банкъ. Выгодное положеніе, занятое нами въ международной торговлѣ должно было, поэтому, отразиться на пассивныхъ счетахъ нашихъ банковыхъ учрежденій. Въ нашихъ акціонерныхъ коммерческихъ банкахъ и обществахъ взаимнаго кредита къ 1 января 1908 г. находилось приблизительно столько же вкладовъ, какъ и къ 1 января 1905 г.: 1,047 милл. руб. Это было время застоя. На 1 янв. 1909 г. сумма вкладовъ уже повысилась и достигла 1,247 милл.: процессъ накопленія въ 1908 г. уже возобновился. Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ вклады растутъ стремительно, и на 1 янв.

1912 г. ихъ оказывается 2,304 милл. руб. За тѣ три года, въ которые благопріятно складывался нашъ вывозъ, сумма вкладовъ возросла на милліардъ съ лишнимъ рублей. Мы не отожествляемъ, разумѣется, этого милліарда съ тѣмъ, который мы «перевыручили» въ экспортной торговлѣ. Съ того момента, какъ свободные капиталы и спросъ оправившагося населенія вызвали оживленіе въ обрабатывающейся промышленности, появились и новые источники для пополненія капиталовъ въ самой странѣ. Но связь между милліардомъ, вырученнымъ во внѣшней торговлѣ, и милліардомъ, положеннымъ въ банки, намъ кажется тѣмъ не менѣе тѣснѣйшей.

Итакъ, 1912-ый годъ получилъ отъ своихъ предшественниковъ довольно значительные свободные капиталы. Въ связи съ обиліемъ капиталовъ и возросшимъ спросомъ, другую часть наслѣдія, доставшагося ему, составляло промышленное оживленіе, о которомъ намъ придется еще говорить. Но третью часть наслѣдія, принятаго имъ, составлялъ неурожай 1911 г., поразившій Россію какъ разъ тогда, когда иллюзія нашего незыблемаго благополучія стала крѣпнуть въ офиціальныхъ сферахъ. Голодъ въ широкой полосѣ восточной Россіи, распродажа скота и падежи его, мобилизація крестьянскаго землевладѣнія и ростъ крестьянской задолженности были послѣдствіями неурожая, захватившими всю первую половину 1912 г. Объ этихъ явленіяхъ писалось такъ много, что мы не будемъ останавливаться на нихъ.

Гражданскій годъ стоитъ у насъ подъ знакомъ двухъ урожаевъ. Сборъ 1911 г., былъ на 8% ниже средняго урожая за предшествующее пятилѣтіе и на 20% ниже сбора 1910 г. Естественно, что упалъ вывозъ, и крайне сократилось потребленіе въ странѣ. Послѣднее опустилось ниже уровня 1907—1908 г.г., а экспортъ, если и достигъ еще за 1911/12 сельско-хозяйственный годъ 546 милл. пуд. противъ 960 милл. въ предшествовавшемъ году, то лишь потому, что въ эту цифру вывоза вошли съ запозданіемъ проданные запасы отъ прежняго урожая.

Наступила вторая половина 1912-го года. На первыхъ порахъ она давала основаніе ожидать, что земледѣльческая Россія снова войдетъ въ полосу большаго благополучія. По предварительнымъ даннымъ Центральнаго Статистическаго Комитета, въ 1912 г. собрано было 1.600 милл. пудовъ ржи (въ 1911 г.—1.182 милл.), 1.208 милл. пуд. пшеницы (въ 1911 г.—847 милл.), 617 милл. пуд. ячменя (въ 1911 г. — 551 милл.) и 946 милл. пуд. овса (въ 1911 г. — 760 милл.). Это составляетъ для четырехъ хлѣбовъ 4.371 милл. пуд. противъ 3.324 милл. въ 1911 г.: разница громадная. Исчисленія «Торгово-Промышленной Газеты» были скромнѣе;

она подводила итогъ въ 4.033 милл. пуд. Но и это давало еще цифру очень большую, и урожай казался почти равнымъ тому, который былъ собранъ въ 1910 г. Можно было ожидать значительнаго экспорта, прилива въ Россію новыхъ средствъ и роста покупательныхъ силъ населенія. Однако до сихъ поръ это не произошло. Прежде всего вывозъ остался чрезвычайно низкимъ, низшимъ даже, чѣмъ въ неурожайный годъ. Для нашего народнаго хозяйства это обстоятельство имѣло столь рѣшающее значеніе, что на немъ необходимо остановиться подробнѣе. За вторую половину 1910-го урожайнаго года мы вывезли 461 милл. пяти главныхъ хлѣбовъ, за вторую половину 1911-го неурожайнаго года—299 милл. пуд., а за вторую половину 1912-го года (по предварительнымъ даннымъ «Торгово-Промышленной Газеты», только 279 милл. пудовъ. Отчасти это объясняется тѣмъ, что къ началу послѣдней экспортной кампаніи запасы зерна въ портахъ и на станціяхъ были исчерпаны, а къ началу кампаніи 1911 г. они напротивъ были еще довольно велики. Но, повидимому, не только въ этомъ причина незначительнаго вывоза. Должно быть самый сборъ былъ не такъ уже великъ, какъ это еще недавно предполагалось.

У насъ ведется краткая статистика ввоза грузовъ на желѣзнодорожныя станціи. Она даетъ картину реализаціи урожая, и въ ней можно найти нѣкоторыя точки опоры, чтобы подкрѣпить послѣднее предположеніе. На желѣзнодорожныя станціи ввезено было хлѣбныхъ грузовъ.

	1912 г.	1911 г.	1910 г.
во вторую половину іюля	27,7 тыс. ваг.	41,6 тыс. ваг.	53,3 тыс. ваг.
въ августѣ	138,2 » »	152,1 » »	193,7 » »
» сентябрѣ	198,1 » »	141,2 » »	182,4 » »
» октябрѣ	146,0 » »	122,0 » »	132,5 » »
» ноябрѣ	117,6 » »	90,0 » »	132,0 » »
» декабрѣ	89,3 » «	88,0 » »	115,5 » »

Въ сентябрѣ и октябрѣ привозъ зерна на станціи дѣйствительно былъ большой. Но уже въ ноябрѣ—если сравнивать 1912-ый годъ съ 1910-мъ,—происходитъ значительное паденіе. А въ декабрѣ вывозъ опускается до уровня 1911-го неурожайнаго года. Недаромъ съ разныхъ сторонъ высказывается мнѣніе, что большихъ запасовъ зерна въ Россіи должно быть вовсе и не существуетъ.

Но если бы эти запасы и были, если бы—какъ это ни невѣроятно—они обнаружились на хлѣбномъ рынкѣ весною, то все же для второй половины 1912 г. остается характернымъ, что вывозъ зерна стоялъ на уровнѣ неурожайныхъ лѣтъ. Къ тому же онъ не только былъ количественно малъ: онъ былъ еще и менѣе цѣненъ.

чѣмъ въ предшествовавшемъ году, вслѣдствіе обильнаго снабженія Европы американскимъ хлѣбомъ. Наличная (аккерманская) пшеница стоила въ Одессѣ; въ среднемъ, за августъ-декабрь 114 коп. въ 1911-мъ году и 109 коп. въ 1912-мъ. И къ этому надо прибавить, что въ послѣднюю хлѣбную кампанію у насъ на рынкѣ преобладали низкіе сорта. Данныя статистики внѣшней торговли не позволяютъ еще подвести окончательные итоги цѣнности нашего вывоза. Но безъ большой ошибки можно сказать, что въ 1912 г. мы вывезли хлѣба на сумму немногимъ превышающую 500 милл. рублей, между тѣмъ какъ въ 1911, 1910 и 1909 гг. цѣнность хлѣбнаго вывоза держалась около 750 милл. руб. въ годъ.—И не только съ хлѣбомъ дѣло обстояло плохо въ русской деревнѣ во вторую половину 1912 г. Изъ-за неблагопріятныхъ условій уборки погибла значительная часть посѣвовъ свеклы и картофеля. По вліянію на благосостояніе сельскаго населенія весь минувшій годъ приходится считать неурожайнымъ.

Это прежде всего почувствовали, конечно, сельскіе хозяева, но непосредственно вслѣдъ за ними—и представители тѣхъ отраслей промышленности и торговли, состояніе которыхъ зависитъ въ первую очередь отъ благополучія деревни: главнымъ образомъ представители текстильной промышленности и мануфактурной торговли. Крещенская ярмарка въ Харьковѣ прошла очень тихо. Изъ общаго количества товаровъ на 21,6 милл. руб. было продано на 13,2 милл. И на ирбитской ярмаркѣ, обслуживающей Сѣверъ и Сибирь, по словамъ «Торгово-Промышленной Газеты» «вялыя сдѣлки съ крестьянскими товарами не нарушали общаго тона сложившейся внутренней торговой коньюнктуры». Цѣны на пряжу, объявленныя въ апрѣлѣ торговымъ домомъ Кнопа, были чрезвычайно низки. Хотя онѣ черезъ двѣ недѣли уже нѣсколько поднялись, но все же въ дѣлахъ наблюдался застой. «Фабрики,—писалъ обозрѣватель «Русскихъ Вѣдомостей»,—работали замедленнымъ темпомъ, нѣкоторыя только пять дней въ недѣлю. Особенно плохія извѣстія получались изъ лодзинскаго района».

Фабричные инспектора доносили, что въ московскомъ районѣ работы послѣ пасхальнаго перерыва возобновились, въ виду слабаго спроса, съ опозданіемъ противъ обычнаго срока. Было и нѣкоторое сокращеніе числа рабочихъ въ губерніяхъ, Московской, Владимірской и Костромской. Въ Царствѣ Польскомъ «число рабочихъ, работающихъ неполную недѣлю, за апрѣль замѣтно увеличилось. «Начавшійся въ мѣстной промышленности съ ранней осени 1911 г.

кризисъ отразился весьма рѣзко на мелкихъ и, отчасти, на среднихъ фабрикахъ» (Цит. по «Вѣстнику Мануфактурной Промышленности» № 37,1). Такъ же рисовалъ положеніе дѣлъ весною 1912 г. очередной бюллетень фирмы Э. Цинделя: «значительные остатки готоваго товара у набойщиковъ, большія партіи не размѣщеннаго лѣтняго миткаля у ткачей и полная неопредѣленность относительно предстоящаго урожая создавали невеселое настроеніе, при которомъ и прошла вся майская торговля, давшая оборотъ ниже нормы предыдущихъ лѣтъ». Лѣтомъ появились было надежды на благопріятный урожай и на рынкѣ вялость уступила мѣсто оживленію. Въ то же время шло повышеніе цѣнъ на хлопокъ въ Америкѣ, и «все это вмѣстѣ взятое вызвало повышательное движеніе, въ концѣ концовъ такъ взвинтившее торговлю, что іюль прошелъ при рекордныхъ оборотахъ». Отразилось это настроеніе и на дѣлахъ Нижегородской ярмарки, въ особенности въ первые дни. Но уже въ послѣднихъ числахъ іюля почувствовалась реакція противъ лѣтняго оживленія. Въ августѣ оцѣнка вѣроятнаго урожая яровыхъ хлѣбовъ значительно понизилась. Въ сентябрѣ стало ясно, что сборъ запоздалъ. Потомъ стало очевидно, что онъ мѣстами погибъ. Хлѣбная торговля шла вяло. Всюду жаловались на непогоду, на бездорожье; въ крупныхъ экономіяхъ на югѣ часто не находили рабочихъ рукъ. Экспортъ былъ крайне невеликъ. На мануфактурномъ рынкѣ оживленіе исчезло.

Въ особенно тяжеломъ положеніи находился лодзинскій районъ, гдѣ многія фабрики сократили производство. На совѣщаніи фабрикантовъ, происходившемъ здѣсь въ теченіе Рождества, предположено было сдѣлать весьма рѣшительные шаги въ этомъ направленіи и работать только три дня въ недѣлю. Очень жаловались въ ивановознесенскомъ районѣ. Упадокъ чувствовался и въ ткацкомъ производствѣ Владимірской губерніи. «Многія мелкія фабрики, выстроенныя въ разсчетѣ на работу по заказу изъ чужой пряжи и не имѣющія оборотнаго капитала, принуждены были закрываться. Затишье было и въ Москвѣ» («Русскія Вѣдомости» 1913, № 15). И въ то же время эпидемія неплатежей разразилась съ такой силой, какую приходится наблюдать только въ моменты острыхъ кризисовъ и въ непосредственно слѣдующіе за ними годы. Спеціальныя коммерческія газеты, которыхъ появилось въ послѣднее время въ столицахъ довольно значительное число, пестрятъ сообщеніями о банкротствахъ и неплатежахъ. Крупные торговые дома, пользовавшіеся солидной репутаціей и большимъ кредитомъ, не исполняли своихъ обязательствъ. Мелкіе торговцы массами слѣдовали тому же примѣру. Въ одномъ только лѣтнемъ своемъ бюллетенѣ Э. Циндель сообщалъ о восьми большихъ мануфактурныхъ фирмахъ, прекратившихъ пла-

тежи. А жалобы фабрикантовъ и владѣльцевъ амбаровъ на плохое поступленіе денегъ не прекращались въ теченіе всего года. Несовершенство законодательства и судопроизводства по дѣламъ о неплатежахъ и низкій уровень торговыхъ нравовъ могли, конечно, способствовать обострѣнію этого бѣдствія нашей хозяйственной жизни. Но были у него и другія, чисто хозяйственныя причины. Онѣ лежали въ тѣхъ условіяхъ производства и реализаціи хлѣбовъ двухъ послѣднихъ урожаевъ, на которыхъ мы останавливались выше.

Въ русской народно-хозяйственной жизни единства нѣтъ. Его во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ почти въ любомъ другомъ капиталистически развивающемся государствѣ. На Западѣ Европы прежде всего такихъ неурожаевъ, какъ въ Россіи, въ настоящее время не бываетъ. Но и неурожай не могъ бы такъ подѣйствовать на состояніе промышленности въ странахъ преобладающей индустріи, какъ онъ дѣйствуетъ у насъ.—Соединенные Штаты Сѣверной Америки гораздо ближе намъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ Великобританія и Германія: для нихъ земледѣліе имѣетъ огромное значеніе. Однако и ихъ положеніе существенно отличается отъ нашего. Соединенные Штаты экспортируютъ не одно только сырье, но и готовыя издѣлія. Въ годъ высокой міровой коньюнктуры они могутъ не только позаимствовать за границей капиталы въ случаѣ нужды: они могутъ также размѣщать на міровомъ рынкѣ въ возростающемъ количествѣ продукты своего фабричнаго производства. И въ Соединенныхъ Штатахъ неурожай хлѣбовъ является общей хозяйственной катастрофой, но, не ограниченная въ сбытѣ товаровъ однимъ лишь внутреннимъ рынкомъ, сѣверо-американская промышленность не такъ страдаетъ отъ болѣзненнаго сокращенія покупательныхъ силъ сельскаго населенія, какъ русская индустрія. Соединенные Штаты въ двухъ точкахъ соприкасаются съ міровымъ хозяйствомъ: для нихъ открыты двери, ведущія на международный денежный рынокъ, и двери, выходящія на международный товарный рынокъ, рынокъ фабричныхъ издѣлій. Для насъ послѣднія закрыты, ибо мы не умѣемъ еще ихъ открывать. Условія мірового хозяйства и для Россіи являются важнымъ, опредѣляющимъ факторомъ и весьма многаго у насъ помимо него не объяснить. И мы участвуемъ теперь въ тѣхъ смѣнахъ хозяйственнаго подъема и упадка, которыя происходятъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ—но участвуемъ далеко не въ той мѣрѣ, какъ опередившія насъ государства. И поэтому-то въ годъ, который и у насъ слѣдуетъ назвать годомъ высокой коньюнктуры, значительной части населенія Россіи иной разъ живется довольно-таки тяжело.

Часть народно-хозяйственнаго организма въ 1912 г. имѣла, однако, болѣе счастливую судьбу. Есть отрасли хозяйства, въ которыхъ спросъ слагается подъ вліяніемъ совсѣмъ иныхъ обстоятельствъ, чѣмъ тѣ, которыя имѣютъ рѣшающее значеніе на рынкѣ предметовъ потребленія. Возьмемъ желѣзныя дороги. Всякій знаетъ, насколько наша рельсовая сѣть недостаточна. Можно отыскать районы, въ которыхъ новый путь окажется очень доходнымъ предпріятіемъ. Можно найти другіе, гдѣ новое желѣзнодорожное общество дѣлало бы только посредственныя дѣла. Но во всякомъ случаѣ возможность проведенія желѣзныхъ дорогъ, приносящихъ чистый доходъ, у насъ еще далеко не исчерпана: были бы только капиталы. А постройка желѣзныхъ дорогъ вызываетъ спросъ на уголь, желѣзо, сталь и пр. и пр. Другой примѣръ—городское строительство. И здѣсь не только существуетъ огромный спросъ на новыя зданія, но трудно даже предвидѣть, когда прекратится квартирный голодъ въ большихъ городахъ. Спросъ вызывается не только тѣмъ, что ростетъ населеніе, ветшаютъ дома, но и измѣненіемъ характера потребностей. Естественно, что выгоднѣе всего обстраивать пустопорожніе или едва застроенные участки. Но выгоднымъ помѣщеніемъ капитала можетъ быть и возведеніе новыхъ зданій на мѣстѣ устарѣвшихъ, хотя все еще и пригодныхъ домовъ. Здѣсь все зависитъ отъ количества свободныхъ капиталовъ и отъ процента, который за нихъ нужно платить. А домостроительство требуетъ желѣза, цемента, кирпича, и въ свою очередь является толчкомъ къ промышленному оживленію. Желѣзнодорожное строительство и строительство въ городахъ—это главные, но не единственные примѣры спроса, довольно независимаго отъ высоты урожая. Наши ассигновки на военный флотъ были тоже факторомъ, содѣйствовавшимъ оживленію нѣкоторыхъ отраслей промышленности. И переоборудованіе тѣхъ предпріятій съ устарѣвшей техникой, которыя воспользовались для этой цѣли обиліемъ свободныхъ капиталовъ на денежномъ рынкѣ, могло, при мало возросшемъ спросѣ на предметы потребленія, создавать на орудія производства новый, дополнительный спросъ.

Много ли было капиталовъ на русскомъ денежномъ рынкѣ въ 1912-мъ году? Та же статистика нашихъ банковыхъ учрежденій, на которой мы останавливались выше, даетъ на это отвѣтъ. Вклады и текущіе счета составляли въ 10 главныхъ акціонерныхъ банкахъ (въ милл. рублей).

	1 окт. 1912	1 янв. 1912
Азовско - Донской банкъ . . .	184,1	167,0
Волжско-Камскій » . . .	236,9	214,0
Русскій для вн. торг. » . . .	193,6	166,2

	1 окт. 1912	1 янв. 1912
Русскій торг.-пром. » . . .	176,8	125,9
Русско-азіатскій » . . .	341,4	256,0
Спб. Международный » . . .	252,2	197,6
Спб. Учетн. и Ссудный » . . .	63,6	51,8
Спб. Частн. коммерч. » . . .	133,6	104,4
Московскій купеческій » . . .	152,3	135,8
Соединенный » . . .	105,3	101,9
Всего . . .	1,839,8	1,520,6

Сумма вкладовъ въ этихъ 10 банкахъ достигала 1 янв. 1912 $^3/_5$ всѣхъ вкладовъ въ акціонерныхъ коммерческихъ банкахъ и обществахъ взаимнаго кредита. Увеличеніе за 9 мѣсяцевъ на 319 милліоновъ является, поэтому, весьма значительнымъ. Если въ томъ же темпѣ вклады притекали до конца года, то ихъ увеличеніе къ 1 янв. 1913 превысило во всѣхъ банкахъ 600 милл. р. Движеніе учетнаго процента показываетъ въ тоже время, что хотя русскій денежный рынокъ и испытывалъ въ 1912 г. напряженіе гораздо бо́льшее, чѣмъ въ 1911-омъ, но по сравненію съ западными денежными рынками находился въ весьма благополучномъ состояніи. Нашъ Государственный Банкъ взималъ $4^1/_2$—$5^1/_2$ %, въ то время какъ Германскій Имперскій Банкъ дошелъ до 6%. Значительно ниже официальный учетный процентъ былъ лишь въ Парижѣ, гдѣ онъ колебался между 3 и 4. Въ Лондонѣ онъ отъ 3 поднимался по временамъ до 5.

Въ настоящее время еще трудно сказать, гдѣ источникъ тѣхъ капиталовъ, которые вновь появились въ Россіи въ 1912 г. Ясно, что на долю сельскаго хозяйства въ этомъ случаѣ приходится немного. Весьма интересно было бы установить, въ какой мѣрѣ эти капиталы были «отечественнаго», въ какой—иностраннаго происхожденія. Пока же приходится ограничиться констатированіемъ факта, что въ 1912 г. они были на лицо.

И такъ какъ капиталы были, то цѣлый рядъ отраслей промышленности могъ работать весьма интенсивно. «Возникали новыя предпріятія, расширялись старыя—такъ подводила итоги промышленному развитію прошлаго года «Торгово-Промышленная Газета»—при чемъ доходность дѣйствовавшихъ предпріятій оказалась во многихъ случаяхъ выше той, которая была отмѣчена за рядъ предыдущихъ лѣтъ».

Добыча нефти, по условіямъ, со спросомъ ничего общаго не имѣющимъ, въ 1912 г. не возросла. Судя по предварительнымъ даннымъ, она осталась на уровнѣ 1911 г.—около 560 милл. пудовъ. Но добыча угля — этотъ показатель дѣятельности большей части

промышленныхъ предпріятій—увеличилась. За 11 мѣсяцевъ 1912 г. въ Донецкомъ бассейнѣ добыто было 1,182 милл. угля противъ 1,158 милл. за то же время 1911-го года. А израсходовано было еще больше, такъ что запасы къ началу декабря сократились въ два раза. Кокса въ Донецкомъ бассейнѣ изготовлено было за тотъ же періодъ въ 1912-мъ году—151 милл. п., а въ 1911-омъ—132 милл. Въ Домбровскомъ бассейнѣ добыто было въ 1912 г. 349 милл. пуд. угля—на 34 милл. больше, чѣмъ въ предшествующемъ году. Но самое показательное — не увеличеніе добычи ископаемаго топлива, не ростъ привоза изъ-заграницы, который наблюдался въ 1912 г., а «угольный голодъ», и непрекращающіяся жалобы многихъ предпріятій на обусловливаемое имъ безвыходное положеніе. Спросъ на уголь со стороны желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ допускалъ, очевидно, гораздо болѣе значительное увеличеніе добычи.

Выплавка чугуна за 1912 г. значительно превысила прошлогодніе итоги. За первые восемь мѣсяцевъ она дала въ нынѣшнемъ году 167 милл., на 25 милл. больше, чѣмъ въ прошломъ. Общее количество заказовъ, поступившихъ въ общество «Продамета», составляло въ 1912 г. 117,6 милл. пудовъ, а въ 1911 г.—106,9 милл. Увеличились, правда, заказы не на всѣ сорта, но незначительному пониженію спроса на сортовое желѣзо соотвѣтствовалъ тѣмъ большій ростъ заказовъ на рельсы, балки, швеллера, листовое желѣзо и проч. Многія другія производства—кирпича, цемента, химическихъ товаровъ, кожаныхъ издѣлій — въ 1912 г. работали при высокихъ цѣнахъ и большихъ барышахъ.

Въ нашей ввозной торговлѣ трудно было бы ожидать дальнѣйшаго роста при пониженіи экспорта. Но ввозъ во всякомъ случаѣ, въ общемъ, не упалъ. За 11 мѣс. онъ оцѣнивался въ 937,9 милл. руб. противъ 938,1 милл. въ 1911-мъ году. А количество ввезенныхъ къ намъ машинъ и металлическихъ издѣлій отчасти даже возросло.—Наконецъ, наши желѣзныя дороги продолжали хорошо работать. За 8 мѣс. перевезено было товаровъ малой скоростью въ 1912 г. 8,87 милліардовъ пудовъ, а въ 1911 г.—8,7 милліардовъ. Валового дохода получено было въ минувшемъ году 650 милл. руб., а въ предшествовавшемъ ему—639 милл.

И если далеко не всюду въ 1912 г. приходилось наблюдать оживленіе, то все же признаковъ его въ обрабатывающей промышленности и зависящихъ отъ нея отрасляхъ хозяйства въ минувшемъ году было чрезвычайно много.

Какъ резюмировать все сказанное? Такія основныя отрасли производства, какъ каменноугольная и металлургическая промышленность, находились въ очень благопріятномъ состояніи. Разрастались кирпичные и цементные заводы и основывались новыя предпріятія въ отвѣтъ на спросъ городскихъ строителей. Химическая промышленность пережила вполнѣ удачный годъ. Въ довольно широкомъ масштабѣ производилась постройка желѣзныхъ дорогъ, и погоня за концессіями со стороны частныхъ обществъ не прекращалась. Росли вклады въ банкахъ. Росъ также ввозъ многихъ металлическихъ издѣлій и машинъ. Но въ тоже время мануфактурная промышленность и торговля находились въ состояніи депрессіи, и въ прядильномъ производствѣ, судя по предварительнымъ даннымъ, даже сократилось число веретенъ.

Какъ подвести итогъ? Очевидно, что въ опредѣленную формулу его отлить нельзя. Промышленная коньюнктура была высокой въ томъ смыслѣ, въ какомъ о промышленной коньюнктурѣ цѣлесообразно говорить. Поскольку мы участвовали въ движеніи по волнообразной кривой хозяйственнаго развитія, мы въ 1912 г. несомнѣнно поднимались, а не падали. Но участіе въ этомъ движеніи для насъ имѣетъ совсѣмъ не то значеніе, что для главныхъ капиталистическихъ странъ, такъ какъ довольно значительная доля нашего народнаго хозяйства въ немъ почти и не участвуетъ.

Л. Юровскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О В. Е. ЯКУШКИНѢ.

Съ Вячеславомъ Евгеньевичемъ Якушкинымъ меня соединяютъ десятки лѣтъ близкаго знакомства и постоянныхъ, дружескихъ сношеній, которыя, начавшись въ половинѣ 80-хъ годовъ, продолжались вплоть до послѣдней роковой болѣзни В. Е., столь преждевременно унесшей его въ могилу.

Съ В. Е. впервые мнѣ пришлось встрѣтиться, а затѣмъ и сблизиться, въ Москвѣ, въ «Обществѣ любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ», въ которое мы вступили съ нимъ почти одновременно: онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены этого Общества 12 декабря 1884-го года, а я—въ слѣдующее засѣданіе, 19 января 1885 года.

Въ это время въ дѣятельности Общества л. р. словесности наблюдалось замѣтное оживленіе. Прежде всего оно выразилось въ устройствѣ цѣлаго рода торжественныхъ публичныхъ засѣданій и литературныхъ выставокъ, посвященныхъ памяти первоклассныхъ писателей, русскихъ и иностранныхъ. Наиболѣе активными дѣятелями Общества въ это время являлись профессора Московскаго университета Николай Ильичъ Стороженко, Алексѣй Николаевичъ Веселовскій и Николай Саввичъ Тихонравовъ, состоявшій предсѣдателемъ Общества.

Живой и энергичный, съ солидной литературно-научной подготовкой, Якушкинъ внесъ пылъ молодого воодушевленія въ дѣятельность старѣйшаго русскаго литературнаго общества. Почти тотчасъ же по вступленіе въ Общество онъ былъ избранъ временнымъ его секретаремъ.

Въ январѣ 1887-го года В. Е. Якушкинъ отказался отъ должности временнаго секретаря, и на его мѣсто былъ избранъ пишущій эти строки. Затѣмъ, спустя годъ съ небольшимъ, въ засѣданіи 12 марта 1888 года, я былъ избранъ секретаремъ Общества, а В. Е. Якушкинъ—временнымъ секретаремъ.

Въ январѣ 1889-го года, уѣзжая изъ Москвы въ провинцію, я долженъ былъ отказаться отъ должности секретаря Общества; на мое мѣсто избранъ былъ опять таки В. Е. Якушкинъ, которому мнѣ и пришлось сдавать всѣ дѣла Общества. Все это, конечно, не могло не способствовать нашему сближенію.

Съ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы наши сношенія не прекратились, тѣмъ болѣе, что мнѣ часто приходилось бывать въ Москвѣ,—гдѣ онъ жилъ большую часть года,—а также въ Ярославлѣ, гдѣ я обыкновенно видѣлся съ его отцемъ, Евгеніемъ Ивановичемъ Якушкинымъ, и куда нерѣдко наѣзжалъ и Вячеславъ Евгеньевичъ.

Въ моемъ литературномъ архивѣ хранится много писемъ отца и сына Якушкиныхъ. Со временемъ, пользуясь ими, я постараюсь дать болѣе подробныя воспоминанія объ этихъ замѣчательныхъ людяхъ, свѣтлая память о которыхъ должна быть бережно сохранена русскимъ обществомъ и народомъ.

На этотъ разъ я хочу разсказать лишь одинъ эпизодъ изъ моего знакомства съ В. Е. Якушкинымъ,—эпизодъ, относящійся къ концу 90-хъ годовъ, когда я жилъ въ Самарѣ, принимая участіе въ борьбѣ съ голодовкой, поразившей среднее Поволжье въ 1898—99 г. Эпизодъ этотъ является весьма характернымъ не только для личности Вячеслава Евгеньевича, но и для общественныхъ условій того (а можетъ быть и текущаго?) момента. Къ тому-же однимъ

изъ дѣйствующихъ лицъ этого эпизода является сынъ Вячеслава Евгеньевича—*правнукъ* декабриста Якушкина.

Въ апрѣлѣ 1899-го года В. Е. Якушкинъ обратился ко мнѣ изъ Москвы съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «сынъ мой, гимназистъ VII класса, съ однимъ товарищемъ, желали-бы въ началѣ мая ѣхать куда нибудь поработать въ столовыхъ. «Конечно, по своему возрасту и малоопытности, они могли бы быть только помощниками,—но очень усердными. Не будете-ли вы такъ добры написать мнѣ въ двухъ словахъ, допускаются-ли у васъ по мѣстнымъ условіямъ гимназисты къ работѣ въ столовыхъ, есть ли нужда въ такого рода помощникахъ, можно-ли мнѣ моихъ гимназистовъ направить къ вамъ»?

На это письмо я немедленно-же отвѣтилъ В. Е. Якушкину, что съ нашей стороны было бы слишкомъ жестоко отклонить симпатичное предложеніе молодыхъ людей только въ силу ихъ неопытности. Тѣмъ не менѣе я счелъ необходимымъ предупредить его, что о всѣхъ лицахъ, которыя работаютъ на голодѣ отъ нашего кружка, мѣстная администрація собираетъ свѣдѣнія, и полиція тщательно переписываетъ всѣхъ пріѣзжающихъ сюда на голодъ.

«Если это не смущаетъ васъ и вашихъ юношей,—писалъ я В. Е. Якушкину,—то пусть они пріѣзжаютъ къ намъ въ Самару; мы немедленно-же направимъ ихъ въ помощь къ тому или другому лицу изъ числа завѣдующихъ нашими столовыми. Пусть они обратятся прямо ко мнѣ, и я постараюсь поставить ихъ въ условія, наиболѣе благопріятныя для ихъ дѣятельности».

Мои предупрежденія не испугали Якушкина и его юношей. 6 іюня Вячеславъ Евгеньевичъ писалъ мнѣ: «Сегодня сынъ мой Николай и товарищъ его, Иванъ Анатоліевичъ Бончъ-Осмоловскій, выѣзжаютъ къ вамъ въ Самару; заранѣе извиняюсь, что они вызовутъ своимъ появленіемъ хлопоты,—благодарю васъ за ваше къ нимъ вниманіе.Сынъ мой везетъ небольшую сумму денегъ, пожертвованныхъ для помощи нуждающимся. Пожалуйста, дайте ему указанія, какъ лучше распорядиться, оставить-ли часть денегъ для пособія въ экстренныхъ случаяхъ, а остальныя употребить, напримѣръ, на открытіе новыхъ столовыхъ въ той мѣстности, куда вы его пошлете—если тамъ окажутся нужными новыя столовыя,—или-же передать деньги въ общую кассу и проч. Сейчасъ съ нимъ пожертвованныхъ съ чѣмъ-то 200 рублей, да еще онъ будетъ имѣть для пособій нѣсколько сотенъ».

Пріѣхавшіе молодые люди оказались очень милыми и симпатичными юношами, горѣвшими желаніемъ по мѣрѣ силъ помочь голодающему населенію; они такъ и рвались въ деревню. Съ особен-

нымъ интересомъ и удовольствіемъ я наблюдалъ молодого Якушкина, какъ представителя четвертаго поколѣнія исторической фамиліи.

Я направилъ ихъ въ ближайшій къ Самарѣ Ставропольскій уѣздъ, къ завѣдывавшему нашими столовыми, удѣльному чиновнику Ив. Ак. Га—ко, прося его назначить молодыхъ людей помощниками къ тѣмъ лицамъ, которыя работали въ столовыхъ въ его районѣ.

Вскорѣ послѣ этого я получилъ отъ Николая Вячеславовича Якушкина письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что ему удалось устроиться съ его товарищемъ очень близко другъ отъ друга: Осмоловскій былъ назначенъ помощникомъ въ деревню Пискалы, къ Елизаветѣ Васильевнѣ Мигулиной (кіевская курсистка), а Николай Вячеславовичъ—въ Новое-Ерёмкино, къ Ольгѣ Николаевнѣ Лебединской, московской учительницѣ, работавшей на средства извѣстной меценатки Варвары Алексѣевны Морозовой. Въ началѣ г. Га—ко повидимому нѣсколько затруднился, куда помѣстить молодыхъ людей, и заявилъ имъ, что если откроются пункты, гдѣ они будутъ болѣе нужны, то онъ тотчасъ-же дастъ знать имъ объ этомъ.

Судя по письму Н. В., на первыхъ-же порахъ работы оказалось болѣе чѣмъ достаточно. Столовыя, находившіяся въ завѣдываніи г-жъ Лебединской и Мигулиной, по его словамъ, «дѣйствовали образцово». Въ этихъ столовыхъ можно многому научиться,—писалъ Н. В. Далѣе онъ сообщалъ, что, уѣзжая изъ Москвы, онъ захватилъ съ собой нѣсколько народныхъ книжекъ, «главнымъ образомъ изданія Петербургскаго комитета грамотности и Поповой, предполагая въ свободное время читать ихъ и раздавать мальчикамъ». Но оказалось, что многіе разсказы Гаршина, Станюковича, Вовчка, которые охотно читаются въ Московской губерніи, были не по силамъ ребятамъ села Еремкина. Между тѣмъ мальчуганы постоянно приставали съ просьбами о книжкахъ. Въ деревнѣ Пискалы, съ русскимъ населеніемъ, дѣло шло еще сравнительно недурно; въ Ерёмкинѣ-же, какъ мордовскомъ селѣ, даже такія вещи, какъ извѣстный разсказъ Толстого: «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» оказался не вполнѣ понятнымъ школьникамъ.

Въ виду этого Николай Вячеславовичъ просилъ меня прислать при случаѣ «книжекъ для дѣтей младшаго и средняго возраста»,—какія найдутся въ Самарѣ.

«Такъ какъ вы спеціально занимаетесь этимъ—писалъ онъ,—то мнѣ совѣстно вамъ указывать болѣе опредѣленно, но все-таки для своихъ ребятъ просилъ бы прислать Сытинскую серію книжекъ: «Малымъ ребятамъ». На всякій случай, чтобы не было недоразумѣній и столкновеній съ батюшкой (по мѣстнымъ условіямъ, а

также по ограниченности круга читателей, этого ожидать трудно) пришлите пожалуйста нѣсколько житій Святыхъ».

Въ заключеніе Н. В. писалъ: «Дожди тутъ были сильные 9, 10 іюня; рожь сравнительно очень хороша; нѣсколько хуже овесъ и пшеница, но для нихъ влага еще не опоздала. Цынготныхъ въ Ерёмкинѣ очень мало и тѣ поправляются... Положеніе здѣшнихъ крестьянъ плохо тѣмъ, что они не заплатили еще аренды удѣльному вѣдомству и получатъ новый хлѣбъ много позднѣе 15 іюля».

Письмо это еще болѣе подтвердило то впечатлѣніе, какое произвелъ на меня молодой Якушкинъ, и убѣдило меня въ томъ, что онъ внимательно и вдумчиво относится къ положенію крестьянъ и къ ихъ нуждамъ.

Послѣ этого прошло нѣсколько недѣль, какъ вдругъ я получаю письмо изъ Ярославля отъ Вячеслава Евгеньевича Якушкина, слѣдующаго содержанія:

«Сейчасъ сынъ мой Николай заѣхалъ ко мнѣ сюда повидаться и сегодня-же уѣзжаетъ къ своимъ въ Курскую губернію. Онъ передалъ мнѣ, что передъ самымъ отъѣздомъ узналъ, что отъ священника села Новаго Ерёмкина на него поданъ какой-то доносъ, содержаніе котораго онъ не знаетъ. За собою онъ знаетъ два «проступка»: 1) онъ не былъ въ Новомъ Ерёмкинѣ у обѣдни въ единственное воскресенье, которое онъ провелъ тамъ,—собирался, но не успѣлъ изъ-за работы въ столовой, по новости дѣла, и 2) въ Новомъ-же Ерёмкинѣ онъ одинъ разъ читалъ (точнѣе—началъ читать) «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ». Больше ровно ничего не знаетъ. Не будете-ли Вы такъ добры узнать, что это за доносъ, данъ-ли ему ходъ, требуется-ли употребить какія ходатайства и проч.

«Если можно, узнайте и напишите мнѣ въ *Ярославль*, гдѣ я съ 20 іюня подневольнымъ жителемъ *) и, вѣроятно, на нѣсколько мѣсяцевъ; не въ ладахъ я собственно съ Московскими властями, а не съ Петербургскими.

«Благодарю васъ за ваши заботы о моемъ сынѣ, извиняюсь, что еще васъ безпокою. Буду ждать вашего отвѣта».

Получивъ это письмо, я, признаться, крайне обезпокоился за ближайшую судьбу юноши Якушкина: въ то время подобныя «дѣла» очень охотно раздувались властями, въ результатѣ чего нерѣдко молодые люди на долгое время лишались возможности продолжать образованіе.

Къ тому-же исторія высылки В. Е. изъ Москвы какъ разъ

*) В. Е. Якушкинъ, какъ извѣстно, былъ высланъ изъ Москвы въ Ярославль за рѣчь, произнесенную имъ на Пушкинскомъ юбилеѣ 1899-го года.

въ это время получила большую огласку въ обществѣ. Слухи объ этой высылкѣ легко могли дойти до губернатора и такимъ образомъ, въ силу извѣстной психологіи русскихъ бюрократовъ, еще болѣе вооружить его противъ молодого Якушкина.

Я немедленно-же отправился къ губернатору, чтобы лично узнать отъ него о содержаніи доноса священника, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснить всю эфемерность «преступленія», взводимаго на молодого Якушкина. Губернаторъ, А. С. Брянчаниновъ, считался вообще добродушнымъ помпадуромъ, но къ дѣламъ, касавшимся «политической неблагонадежности», относился съ суровой подозрительностью. Особенно онъ не терпѣлъ и не выносилъ общенія интеллигенціи съ народной массой.

Губернаторъ подтвердилъ, что доносъ священника на Якушкина полученъ и что онъ предписалъ уѣздному исправнику произвести по этому поводу «строжайшее дознаніе». Воспользовавшись этимъ случаемъ, губернаторъ немало распространялся на тему о томъ, что молодые люди, пріѣзжающіе на голодъ, въ сущности задаются только цѣлями пропаганды въ народѣ, «мутятъ крестьянъ», читаютъ имъ «нелегальныя книжки» и т. д.

Къ счастію, дознаніе исправника оказалось въ пользу молодого Якушкина: доносъ священника-жандарма не подтвердился. Рѣшено было «дѣло производствомъ прекратить». Въ февралѣ мѣсяцѣ 1900-го года я получилъ изъ Ярославля письмо Вячеслава Евгеньевича, который писалъ мнѣ:

«Спѣшу сообщить вамъ, что въ настоящее время съ меня сняты всѣ ограниченія, и сегодня я уѣзжаю отсюда въ Москву.

«Сынъ мой,—онъ долженъ былъ самъ писать вамъ,—благополучно учится въ Москвѣ; весною онъ перейдетъ въ VIII классъ».

Только послѣ этого письма я успокоился за юношу Якушкина, а кстати и за судьбу его отца.

А. Пругавинъ.

ДАРГОМЫЖСКІЙ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ О ТВОРЧЕСТВѢ.

Къ столѣтію со дня его рожденія (3 февраля, 1913 г.).

Говорить о Даргомыжскомъ — значитъ говорить о весеннемъ расцвѣтѣ русской музыки. Младшій современникъ Глинки, онъ вмѣстѣ съ нимъ создалъ оригинальный русскій художественный музыкальный стиль. Правда, «Жизнь за Царя» была уже написана, когда Даргомыжскій только начиналъ свое музыкальное поприще, и какъ «Русалка» (1856 г.), такъ и «Каменный Гость» (1868 г.) были созданы уже послѣ «Руслана»; но у Даргомыжскаго выступили ярко такіе элементы русскаго стиля, которые Глинкой или были только намѣчены, или составляли его слабую сторону. Элементы эти—драматическій, комическій и декламаціонный. Если въ «Жизнь за Царя» драматическій элементъ и имѣется, то больше въ либретто, чѣмъ въ музыкѣ, сильной и характерной главнымъ образомъ чисто лирическими страницами, то въ «Русланѣ», высшемъ созданіи Глинки, съ его геніальной эпической картиной въ прологѣ, этотъ элементъ вовсе отсутствуетъ. Единственная комическая фигура у Глинки—рыцарь Фарлафъ—мало удачна; притомъ она выходитъ изъ рамокъ русскаго стиля. Знатокъ пѣнія и много пѣвшій самъ, Глинка культивировалъ, главнымъ образомъ, кантилену; характерные, выразительные речитативы, какъ напр. речитативное вступленіе къ аріи Руслана («О поле, поле, кто тебя усѣялъ»), встрѣчаются у него только въ видѣ исключенія. Между тѣмъ эти элементы, столь важные для опернаго стиля, составляютъ отличительную особенность творчества Даргомыжскаго, развитіе ихъ—его заслугу въ исторіи русской музыки и оперы вообще. Даргомыжскій шелъ по этому пути вполнѣ сознательно. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ: «Глинка, который одинъ до сихъ поръ далъ русской музыкѣ широкій размахъ, по моему, затронулъ еще только одну ея сторону—сторону лирическую. Драма у него слишкомъ заунывная, комическая сторона теряетъ національность. Говорю о характерѣ его музыки, потому что фактура у него вездѣ превосходная. По силѣ и возможности я въ «Русалкѣ» своей работаю надъ развитіемъ нашихъ элементовъ».

Самъ Глинка не менѣе ясно видѣлъ преимущество таланта Даргомыжскаго въ томъ, что касалось области комизма. По свидѣтельству близко знавшаго обоихъ композиторовъ, извѣстнаго карикатуриста П. А. Степанова, женатаго на сестрѣ Даргомыжскаго, Глинка замѣтилъ по поводу пѣсни Даргомыжскаго: «Каюсь, дядя», что «если бы Даргомыжскій рѣшился написать оперу buffa, то разомъ сталъ бы выше всѣхъ композиторовъ, писавшихъ въ этомъ родѣ».

Что стремленія Даргомыжскаго къ развитію музыкально-драматическаго элемента не были только словами, что какъ композиторъ-драматургъ онъ дѣйствительно пошелъ дальше Глинки,— это онъ доказалъ уже многими сценами «Русалки». Достаточно вспомнить хотя бы сцену Наташи съ отцомъ, оканчивающуюся тѣмъ, что она бросается въ Днѣпръ, и сцену сумасшедшаго мельника, захватывающую своимъ трагизмомъ. Послѣдняя сцена показываетъ, какой силы и правды выраженія можетъ достигнуть драма въ союзѣ съ музыкой. Въ той же «Русалкѣ» Даргомыжскій обнаружилъ уже ярко и комическую сторону своего таланта въ сценѣ свата на свадебномъ пиру князя. Еще болѣе разнообразное проявленіе юморъ и комизмъ нашли у него въ нѣкоторыхъ романсахъ и оркестровыхъ сочиненіяхъ. Неподдѣльный комизмъ осуществленъ въ романсахъ «Возвратился ночью мельникъ», «Титулярный Совѣтникъ»; образчикомъ юмора можетъ служить романсъ «Охъ, тихъ, тихъ». Тонкой ироніей проникнутъ романсъ «Червякъ», на слова Беранже, гдѣ мужъ, обманываемый женой съ княземъ, иронизируетъ надъ собой: «вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ». Другого рода комизмъ нашелъ оригинальное выраженіе въ оркестровыхъ пьесахъ Даргомыжскаго «Баба-Яга», «Съ Волги nach Riga», «Чухонская фантазія». Упомянутыя вокальныя пьесы создали въ русской музыкѣ, особый жанръ, получившій дальнѣйшее, въ высшей степени яркое развитіе въ вокальныхъ пьесахъ Мусоргскаго. Странно, что оркестровый юморъ Даргомыжскаго не получилъ самостоятельнаго развитія у русскихъ композиторовъ. Исключеніемъ является развѣ только «Danse baroque» («Дикая пляска») во второй оркестровой сюитѣ Чайковскаго. Эта часть сюиты сознательно написана въ стилѣ Даргомыжскаго; она даже имѣетъ помѣтку «Стиль Даргомыжскаго».

Главная историческая заслуга Даргомыжскаго, дающая ему право называться реформаторомъ оперы — созданіе имъ русскаго декламаціонного вокальнаго стиля. Въ этой области онъ оказалъ сильнѣйшее вліяніе на послѣдующихъ композиторовъ. Любопытно, что первая опера Даргомыжскаго «Эсмеральда», толчекъ къ сочиненію которой дала только что появившаяся тогда «Жизнь за Царя»

Глинки, была написана на французское либретто, выкроенное Викторомъ Гюго изъ своего романа «Notre Dame de Paris», и уже послѣ окончанія сочиненія оперы (1839 г.) текстъ былъ переведенъ на русскій языкъ. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе на французскій ладъ, знакомый съ французской литературой, можетъ быть, лучше чѣмъ съ русской, Даргомыжскій предпочелъ взять для своей первой оперы французскій сюжетъ. Гораздо болѣе странно то, что знакомство Даргомыжскаго съ Глинкой и съ «Жизнью за Царя» вовсе, повидимому, не раскрыло ему глаза на значеніе Глинки для русской музыки. Странно и то, что самый стиль «Эсмеральды», довольно безличный, хотя и съ проблесками драматизма, такъ сильно отставалъ отъ творчества Глинки. Трагедія Даргомыжскаго заключалась, однако, не въ этомъ, а въ томъ, что представленная въ дирекцію Императорскихъ театровъ «Эсмеральда» пролежала безъ движенія цѣлыхъ восемь лѣтъ. Это подсѣкало въ корнѣ самое творчество Даргомыжскаго. Въ своей автобіографіи онъ прямо говоритъ: «вотъ эти-то *восемь лѣтъ* напраснаго ожиданія, и въ самые кипучіе годы жизни, легли тяжелымъ бременемъ на всю мою артистическую дѣятельность». Само собою разумѣется, что будь у Даргомыжскаго другой характеръ, болѣе настойчивый, болѣе способный къ борьбѣ,—дѣло обстояло бы иначе. Хорошо обезпеченный матеріально доходами съ имѣнія отца, жившаго вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургѣ (ум. въ 1864 г.), онъ не нуждался, а презрѣніе къ дѣйствительно невѣжественной дирекціи не побуждало его къ дальнѣйшему творчеству. Еще болѣе огорчило Даргомыжскаго подобное же отношеніе дирекціи къ слѣдующій его одноактной «лирической» оперѣ, «Торжество Вакха», написанной на текстъ Пушкина и оконченной послѣ того какъ «Эсмеральда» была, наконецъ, съ успѣхомъ поставлена въ Москвѣ (5 декабря 1847 г.). Постановкѣ ея, по мнѣнію самого Даргомыжскаго, содѣйствовали отзывы о немъ иностранныхъ газетъ во время его заграничнаго путешествія въ 1844—45 г. Категорическій отказъ въ постановкѣ «Торжества Вакха», даже безъ объясненія причинъ, повергъ Даргомыжскаго въ настоящее уныніе. Онъ отдался сочиненію множества мелкихъ вокальныхъ пьесъ, и только въ 1854 г., ободренный неожиданнымъ успѣхомъ концерта изъ его сочиненій, принялся, наконецъ, за свою «Русалку», въ сущности—первую его оперу съ ярко выраженной индивидуальностью. Здѣсь, наряду съ широко льющейся кантиленой въ итальянизированномъ русскомъ характерѣ, имѣется уже и тотъ декламаціонный стиль, который впослѣдствіе получилъ вполнѣ законченное развитіе въ «Каменномъ Гостѣ». Речитативъ Даргомыжскаго—не сухой речитативъ, построенный на нотахъ, входящихъ въ составъ гармоніи сопровожденія. Его рѣчи-

тативъ имѣетъ вполнѣ самостоятельное мелодическое значеніе, откуда и его названіе: *мелодическій речитативъ*. Ритмическое построеніе и мелодическія особенности вокальной фразы Даргомыжскаго уже въ «Русалкѣ» очень часто настолько вытекаютъ изъ самаго текста, что вполнѣ съ нимъ сливаются; вспоминая текстъ, невольно вспоминаешь и мелодическое его воплощеніе—и наоборотъ. Какъ, напр., характерна фраза мельника, встрѣчающаго князя: «Добро пожаловать, сіятельнѣйшій князь», съ ея мелодическимъ ходомъ внизъ! И такихъ фразъ въ «Русалкѣ», особенно въ партіи мельника, характернѣйшей фигуры во всемъ оперномъ репертуарѣ, не мало. Но и «Русалка», поставленная впервые (4 Мая 1856 г.) очень мизерно, неряшливо и даже недобросовѣстно (были допущены, напр., такіе купюры, какъ пропускъ знаменитаго прощальнаго дуэта Наташи съ княземъ), влачила, до 1862 г., жалкое существованіе на казенной сценѣ, давалась рѣдко, случайно, съ перерывами, и въ такомъ видѣ не пользовалась успѣхомъ у публики. Она была возобновлена только въ 1865 г., лишь за четыре года до смерти композитора, и съ тѣхъ поръ сдѣлалась популярной, прославивъ имя Даргомыжскаго.

Неудачи сильно разстраивали Даргомыжскаго. Въ своихъ «Замѣткахъ» онъ вспоминаетъ слова Глинки, прослушавшаго «Русалку» въ исполненіи автора и талантливой любительницы, пѣвицы Л. И. Кармалиной (урожд. Бѣлениціной): «У тебя много правды, какъ у Обера, но публика ее не пойметъ и ты эфекта не произведешь». И тутъ же прибавляетъ: «онъ не ошибся. Впрочемъ, на что мнѣ эфектъ, когда есть мысль и правда. Христово ученіе вѣдь тоже правда; но оно проникаетъ въ сердца какихъ-нибудь только сотенъ людей. А цари, великіе міра сего и массы народа предпочитаютъ церковь, потому что она эфектна». И вотъ, Даргомыжскій снова обращается къ сочиненію мелкихъ вокальныхъ пьесъ, не добиваясь благосклонности казенной дирекціи.

Некультурность, недоброжелательство и недобросовѣстность казенныхъ театральныхъ заправилъ оказались, такимъ образомъ, роковыми въ судьбѣ творчества Даргомыжскаго. Они отняли у искусства, можетъ быть, не одну замѣчательную оперу. Душевное состояніе, въ которомъ тогда находился Даргомыжскій, хорошо видно изъ его письма къ А. Н. Сѣрову, въ отвѣтъ на письменные упреки о неприсылкѣ ему билета на возобновленную въ 1859 г. «Эсмеральду». Это возобновленіе мало радовало Даргомыжскаго, да онъ уже и охладѣлъ къ этому «произведенію юношескихъ лѣтъ». «Я до такой степени усталъ отъ нелѣпыхъ сужденій и приговоровъ публики, недоброжелательныхъ журнальныхъ статей, косыхъ взглядовъ и кри-

выхъ толковъ полу-композиторовъ и самозванныхъ знатоковъ,—что счастливъ, когда могу въ тихомъ и преданномъ искусству кружкѣ забыть этотъ мишурный и враждебный для меня міръ» [1]).

Для пробужденія творчества Даргомыжскаго въ широкихъ оперныхъ формахъ нуженъ былъ новый толчекъ. Этотъ толчекъ дало ему знакомство съ кружкомъ молодыхъ композиторовъ, сгруппировавшихся тогда вокругъ Балакирева. Изъ нихъ особенно часто стали бывать у него съ 1856-1857 гг. Ц. А. Кюи и М. П. Мусоргскій. Рѣже бывали Балакиревъ и, познакомившіеся съ Даргомыжскимъ нѣсколькими годами позже Римскій-Корсаковъ и Бородинъ. Эти композиторы, горячіе приверженцы Глинки, хорошо были знакомы и съ творчествомъ Даргомыжскаго и сумѣли оцѣнить художественныя достоинства его новаго декламаціоннаго вокальнаго стиля въ «Русалкѣ» и въ романсахъ. Они много разсуждали объ оперныхъ формахъ, вопросъ о которыхъ, можно сказать, носился въ воздухѣ. А. Н. Сѣровъ увлекался тогда музыкой и идеями Вагнера. Даргомыжскаго Вагнеръ не увлекалъ, но что онъ былъ близко знакомъ по крайней мѣрѣ съ одной изъ музыкальныхъ драмъ Вагнера и относился къ нему безъ малѣйшаго предубѣжденія,—это явствуетъ изъ письма его къ Сѣрову, писаннаго лѣтомъ 1856 г.: «Вагнера вамъ еще не возвращаю. Просмотрѣлъ только полъ-оперы. Вы правы—поэзіи въ сценическомъ распредѣленіи либретто много. Въ музыкѣ—указуетъ онъ дорогу новую и дѣльную; но въ неестественномъ пѣніи его и пряныхъ, хотя мѣстами очень занимательныхъ гармонизаціяхъ, выглядываетъ какое-то страданіе: Will und Kann nicht! Правда правдой, а вѣдь надобенъ и вкусъ».

Здѣсь рѣчь идетъ о «Тангейзерѣ», произведеніи ранняго періода творчества Вагнера, въ которомъ его принципы еще не нашли полнаго, послѣдовательнаго осуществленія. Но изъ отзыва Даргомыжскаго уже видно, какъ онъ отнесся бы къ музыкальнымъ драмамъ послѣдняго періода Вагнера. Отправная точка была у него та же, что и у Вагнера: отказъ отъ устарѣлыхъ условныхъ оперныхъ формъ и стремленіе къ правдѣ въ единствѣ музыки и драмы. Но пути для осуществленія реформы оперы у нихъ были совершенно различные. Уже въ «Русалкѣ» и въ такихъ романсахъ, какъ «Паладинъ», «Капралъ», «Мнѣ все равно» Даргомыжскій далъ образцы совсѣмъ новаго декламаціоннаго вокальнаго стиля. Его молодые друзья поняли художественныя достоинства этого стиля, и наиболѣе близкіе къ нему по роду талантовъ Кюи и Мусоргскій тотчасъ же рѣшили примѣнить этотъ стиль

[1]) Черновикъ этого письма сохранился у Ц. А. Кюи, любезно сообщившаго его мнѣ.

на практикѣ. Первымъ принялся за дѣло Кюи. Все сочиненное имъ, начиная съ 1862 г., изъ «Вильяма Ратклифа» показывалось Даргомыжскому, исполнялось имъ самимъ и почти ежедневно бывавшими у него Кюи и Мусоргскимъ и вызывало его удивленіе и сочувствіе. Не доживъ до представленія «Ратклифа», и тѣмъ болѣе до «Бориса Годунова» Мусоргскаго, Даргомыжскій тѣмъ не менѣе такъ сильно было охваченъ новыми идеями своихъ молодыхъ товарищей по искусству, что самъ принялся за сочиненіе «Каменнаго Гостя», рѣшивъ осуществить давнишнюю свою мысль написать оперу на этотъ сюжетъ Пушкина. Работа шла очень быстро. По мѣрѣ сочиненія отдѣльныхъ частей оперы онѣ исполнялись у автора, уже прикованнаго болѣзнью къ постели. Восторженное отношеніе балакиревскаго кружка и всѣхъ друзей угасавшаго композитора вдохновляло его къ дальнѣйшему творчеству, давъ ему возможность почти окончить оперу. Недописанной осталась музыка лишь къ послѣднимъ одиннадцати стихамъ. Она была сочинена, по желанію, выраженному самимъ авторомъ, Кюи, а оркестрована Римскимъ-Корсаковымъ, удивительный даръ котораго къ инструментальному колориту Даргомыжскій уже успѣлъ оцѣнить.

Такъ же же, какъ и у Вагнера, оперныя формы «Каменнаго Гостя» несимметричны, т. е. лишены закругленныхъ номеровъ (арій, дуэтовъ), за нѣкоторыми исключеніями, вызванными текстомъ. Либретто служитъ подлинная драма Пушкина, оставшаяся неизмѣнною. Естественное, свободное теченіе музыкальной рѣчи, безъ какихъ бы то ни было возвращеній и повтореній, вполнѣ соотвѣтствуетъ такому же теченію словесной рѣчи дѣйствующихъ лицъ. Опорными пунктами въ такой текущей все впередъ и впередъ музыкѣ у Вагнера являются лейтъ-мотивы—музыкальные символы опредѣленныхъ лицъ, предметовъ, дѣйствій. Мотивы эти неизбѣжно появляются, возвращаются вновь и вновь, хотя и въ измѣненномъ видѣ, когда, напр., появляется данное лицо или даже если о немъ говорится. Стиль Даргомыжскаго еще свободнѣе. Онъ вовсе не знаетъ никакихъ лейтъ-мотивовъ. Тѣмъ не менѣе характеристики дѣйствующихъ лицъ «Каменнаго Гостя» вполнѣ опредѣленны, законченны и выдержанны каждая въ своемъ родѣ, такъ какъ вокальныя партіи ихъ проникнуты внутреннимъ единствомъ характера, выражающагося въ зависимости отъ хода драмы.

Центръ тяжести музыки «Каменнаго Гостя» лежитъ именно въ вокальныхъ партіяхъ, въ противуположность Вагнеру у котораго музыкальный интересъ сосредоточивается главнымъ образомъ въ богатѣйшемъ оркестровомъ сопровожденіи. Даргомыжскій считалъ болѣе цѣлесообразнымъ и правдивымъ поручить са-

мимъ дѣйствующимъ лицамъ выражать свои психологическія переживанія. Но онъ отвергъ широкій стиль кантилены, какъ недостаточно гибкій для быстро смѣняющихся оттѣнковъ рѣчи, отвергъ и обыкновенный речитативъ, мало выразительный со стороны музыкальной. Онъ создалъ вокальный стиль, лежащій между кантиленой и речитативомъ, особый пѣвучій или мелодическій речитативъ, достаточно эластичный, чтобы находиться въ постоянномъ соотвѣтствіи съ рѣчью и въ то же время имѣющій самостоятельное мелодическое значеніе, освѣщающее, одухотворяющее эту рѣчь, привносящее въ нее новый, недостающій ей эмоціональный элементъ. Въ этомъ вокальномъ стилѣ Даргомыжскій осуществилъ чудесное сліяніе слова и музыки. До чего его вокальный стиль характеренъ и ярокъ въ мелодическомъ отношеніи, до чего онъ близко и правдиво передаетъ слово — это можно понять только слушая музыку «Каменнаго Гостя». Вокальный стиль Даргомыжскаго имѣетъ еще одну особенность: это русскій національный вокальный стиль, т. е. стиль естественно обусловленный свойствами русскаго языка. И какъ не забудется въ исторіи языкъ Крылова и Пушкина, такъ не забудется и оригинальный русскій музыкальный языкъ Даргомыжскаго.

Сопровожденіе вокальныхъ партій, написанное Даргомыжскимъ для фортепіано, имѣло цѣлью иной разъ подчеркнуть то или другое сценическое положеніе или ввести элементъ описательный или изобразительный. Эти задачи еще болѣе расширилъ своей замѣчательной оркестровкой Римскій-Корсаковъ. Вполнѣ удачно выполнилъ свою задачу и Кюи: онъ такъ проникся стилемъ Даргомыжскаго, что невозможно опредѣлить, гдѣ начинается его работа, небольшая по объему, но важная по значенію. Только въ партитурѣ точно обозначена сочиненная имъ музыка.

Въ «Каменномъ Гостѣ» почти нѣтъ хоровъ, какъ нѣтъ и вокальныхъ ансамблей. Это обусловливалось самой драмой Пушкина. Но Даргомыжскій вовсе не отрицалъ хора и ансамблей въ музыкальной драмѣ. Такой прямой его продолжатель, какъ Мусоргскій, широко культивировалъ хоры и ансамбли въ своихъ «Борисѣ Годуновѣ» и «Хованщинѣ».

Вокальный стиль Даргомыжскаго не остался безъ вліянія и на иностранныхъ композиторовъ. Клодъ Дебюсси создалъ своей оперой «Пеллеасъ и Мелисанда» для французской музыкальной драмы такой же образецъ, какимъ для русской является «Каменный Гость» Даргомыжскаго.

Григорій Тимофеевъ.

ПЕРВОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЛОПЕ-ДЕ-ВЕГА НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ. Т. I-й.

Книгоиздательство «Просвѣщеніе» задалось очень похвальной цѣлью: оно намѣрено подарить русскую читающую публику собраніемъ сочиненій Лопе-де-Вега. Эти сочиненія издаются въ переводѣ Сергѣя Андреевича Юрьева.

Въ людяхъ моего поколѣнія они вызываютъ память объ одномъ изъ самыхъ сильныхъ эстетическихъ наслажденій, испытанныхъ ими въ молодости. Въ пьесѣ Лопе-де-Вега «Овечій источникъ» впервые выступила Марія Николаевна Ермолова и сразу завоевала себѣ всѣ симпатіи. Я не помню, чтобы о ней послѣ этого говорили, какъ о подымающемся свѣтилѣ: она стала великой русской артисткой. «Овечій источникъ» — пьеса, которой нѣтъ равной въ театральномъ репертуарѣ. Въ ней дѣйствующимъ лицомъ является весь народъ, а совѣстью этого народа надо признать оскорбленную въ своей чести крестьянку Лауренцію, роль которой и приняла на себя Ермолова. Я увидѣлъ ту же пьесу въ прошломъ году въ Петербургѣ, исполненную любителями, въ обстановкѣ, можетъ быть, ближе отвѣчавшей требованіямъ современной театральной техники и испанскому быту. И тѣмъ не менѣе прежнее впечатлѣніе не вернулось—такъ много можетъ сдѣлать одна геніальная исполнительница, вполнѣ вошедшая въ свою роль.

Для Юрьева Лопе имѣлъ равнымъ одного только Шекспира, «творившаго, какъ Богъ, цѣлый міръ изъ ничего». Изъ всѣхъ пьесъ Лопе-де-Вега Юрьевъ цѣнилъ всего болѣе «Овечій источникъ». Въ немъ онъ видѣлъ торжество того самаго «соборнаго начала», своего рода народно-вѣчевого, которое нѣкогда присуще было и Западно-Европейскому средневѣковью, и нынѣ продолжаетъ жить въ славянствѣ—и, въ частности, въ русскомъ «мірскомъ сходѣ».

Для меня также «Овечій источникъ»—драма совершенно исключительная своимъ положительнымъ отношеніемъ къ народной самодѣятельности. Угнетаемое крестьянство сбрасываетъ съ себя иго феодализма, производитъ жестокую расправу съ своими угнетате-

лями и прибѣгаетъ къ покровительству наслѣдственнаго вождя націи—короля. «Хотимъ мы, государь, твоими быть; другихъ господъ себѣ мы не желаемъ». Мятежный по отношенію къ сеньорамъ, народъ не намѣренъ противиться своему законному монарху. Онъ водружаетъ его щитъ на зданіи ратуши и спѣшитъ довести до свѣдѣнія престола о своей готовности жить въ мирѣ подъ защитой королевской власти. Народъ пытается оправдать свое поведеніе въ глазахъ короля невыносимостью помѣщичьяго гнета и собственнымъ неумѣніемъ выйти изъ созданнаго ему положенія иначе, какъ путемъ насилія.

«Пусть оправдаютъ насъ передъ тобой
Безмѣрно тяжкія страданья наши,
Желанье страстное себѣ добыть
Возможность жить счастливо, безмятежно.
А къ этому и наше неумѣнье
Спокойно, мирно справиться со зломъ».

Король снисходитъ къ просьбамъ народа и принимаетъ его подъ свою высокую руку. Въ этомъ общеніи народа съ монархомъ, при отсутствіи всякихъ средостѣній, Юрьевъ видѣлъ осуществленіе своего идеала, довольно близкаго къ идеалу старыхъ славянофиловъ, къ идеалу сочетанія самодержавія съ соборнымъ началомъ. Онъ не въ состояніи былъ открыть во всемъ творчествѣ Шекспира ни одной пьесы, которая бы столь же положительно относилась къ народному почину въ дѣлѣ устройства собственныхъ судебъ. И дѣйствительно, у Шекспира передъ глазами былъ образъ толпы мятежной, обольщаемой самозванными вожаками, льстившими народу и въ то же время подчинявшими его себѣ: образъ Уотта Тейлора, Кедда и болѣе близкаго по времени предводителя возстанія въ Норфолькѣ—Кэтта. Въ 4-мъ актѣ II-й части «Генриха VI-го» Шекспиръ выставляетъ вождя народнаго мятежа въ смѣшномъ и гнусномъ видѣ, заставляетъ его казнить людей за знаніе французскаго и латинскаго языковъ, за открытіе школъ грамотности, за постройку фабрикъ для выдѣлки бумаги. Предводителю возстанія, въ его изображеніи, недостаточно одной общности имуществъ,—подобно Іоанну Лейденскому онъ озабоченъ также созданіемъ такихъ порядковъ, при которыхъ «жены получили бы ту свободу располагать собою, какую можетъ пожелать сердце и передать языкъ».

Лопе-де Вега, какъ вѣрный изобразитель взаимныхъ отношеній различныхъ слоевъ испанскаго общества, какъ нельзя лучше передаетъ и то презрительное отношеніе, съ какимъ къ простонародью относятся командующіе классы, начиная отъ ѳедальныхъ

владѣльцевъ и оканчивая нерѣдко высшимъ правителемъ государства. Командоръ ордена Калатравы говоритъ о сельскомъ населеніи:

«Простые пахари—народъ ничтожный,—
Имъ только бъ землю бороздить сохою,
А не смыкаться грозно въ эскадроны».

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же командоръ, по адресу управляемаго имъ крестьянства, дѣлаетъ слѣдующее заявленіе:

«О мужичье противное! Какъ лучше,
Какъ несравненно лучше въ городахъ;
Тамъ именитый человѣкъ не встрѣтитъ
Въ своихъ желаньяхъ, вкусахъ никогда
Сопротивленья никакого!»

Пренебрежительнымъ отношеніемъ къ общественному мнѣнію не однихъ только низшихъ классовъ, но и всего гражданства, отличается и выводимый Лопе-де-Вега въ пьесѣ «Наказаніе не мщеніе» глава государства, его герцогъ.

«Тому и худо, кто мечтаетъ ложно,
Что истину въ рѣчахъ толпы услышитъ...
Толкуютъ обо всемъ наперекоръ
Разсудку здравому они и правдѣ.
Какой-нибудь изъ обойденныхъ счастьемъ,
Въ припадкѣ желчной злобы, ради мести,
Въ толпу бросаетъ клевету объ насъ
И жадная до всякой новизны
Толпа хватаетъ эту ложь съ восторгомъ
И съ нею носится и клевета
Растетъ. Для черни заперты дворцы,
Провѣрить ложный слухъ она не можетъ,
И ропотъ ежечасно возрастаетъ
И вотъ вамъ мнѣнье правое народа!»

Испанское крестьянство, дравшееся бокъ о бокъ съ боярами (ricos hombres) и рыцарями (caballieros) за освобожденіе родины отъ невѣрныхъ, сохранившее и въ XIV в., по крайней мѣрѣ, въ Кастиліи, право свободнаго отхода изъ помѣстій, продолжавшее выбирать свое мѣстное начальство, далеко не такъ принижено, какъ виланы во Франціи въ годы, слѣдовавшіе за подавленіемъ извѣстнаго возстанія «жаковъ».

Народный судья, отвѣчая командору на дерзкій вопросъ:—«есть ли у крестьянъ честь»—говоритъ:

«Пусть
Вашъ крестъ, сеньоръ, хвастливо носитъ тотъ,
Кому на грудь случайно онъ попалъ,
А все же ваша кровь не чище нашей».

Сдѣланныхъ выдержекъ, можетъ быть, достаточно для того, чтобы понять причину, по которой трагедіи Лопе-де-Вега способны интересовать въ наши дни не однихъ историковъ драматическаго искусства и не однихъ эстетовъ, а также всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ въ литературныхъ памятникахъ вѣрнаго изображенія нравовъ и воззрѣній той эпохи, къ которой они относятся. Древній Испанскій театръ, вызвавшій восторженное отношеніе къ себѣ въ такомъ поэтѣ, какъ Бальмонтъ, привлекшій къ себѣ вниманіе учениковъ и послѣдователей незабвеннаго Александра Николаевича Веселовскаго, издавна интересовалъ и меня, какъ историка. Я посвятилъ ему въ сборникѣ въ память Сергѣя Андреевича Юрьева небольшой очеркъ подъ заглавіемъ: «Народъ въ драмѣ Лопе-де-Вега». Онъ недавно былъ воспроизведенъ въ одномъ изъ литературныхъ альманаховъ «Вѣстника Знанія». Мое знакомство съ испанскимъ языкомъ и пребываніе на Иберійскомъ полуостровѣ въ теченіе ряда мѣсяцевъ позволили мнѣ видѣть постановку нѣкоторыхъ пьесъ Лопе-де-Вега на Мадридской сценѣ. Я видѣлъ «Звѣзду Севиліи» въ безподобномъ исполненіи Валеро, котораго трудно не поставить рядомъ съ величайшими актерами нашего времени, не исключая Сальвини.

Пьесы Лопе не потеряли притягательной силы и въ наши дни. «Дивомъ природы» считалъ его Сервантесъ, творцомъ Европейской драмы приходится признать его и историку.

Но этого мало: мало сказать, что отъ Лопе пошелъ и Кальдеронъ, и Корнель; надо прибавить еще, что Лопе испанскій театръ обязанъ тѣмъ, что сдѣлался вполнѣ народнымъ, а, будучи таковымъ, онъ и сталъ тѣмъ судилищемъ надъ власть имѣющими, какимъ признаетъ его одно изъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи «Наказаніе не мщеніе». «А ты не знаешь развѣ», говоритъ въ этой пьесѣ герцогъ Феррарскій Людовикъ, «что теперь

Комедія взялася насъ учить,
Намъ объяснять добро, и честь, и правду.
Съ такою цѣлію она предъ нами
Въ живомъ изображеньи развиваетъ
Всю нашу жизнь въ картинѣ вѣрной,
Все то, что мы въ дѣйствительности видимъ,
Всю эту смѣсь и ужасовъ и смѣха,
Печали, радости, добра и зла!»

Нельзя не порадоваться тому, что благодаря извѣстной переводчицѣ Донъ-Кихота на русскій языкъ—Марьѣ Валентиновнѣ Ватсонъ--мы получимъ теперь и собраніе сочиненій Лопе-де-Вега.

Написанный г-жей Ватсонъ біографическій очеркъ великаго драматурга, при составленіи котораго были приняты во вниманіе и новѣйшія сочиненія, какъ на испанскомъ языкѣ, такъ и на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и русскомъ обогощаетъ насъ необходимыми свѣдѣніями о его научной и литературной подготовкѣ. Епископъ Авила--Херонимо-Манрике, впослѣдствіи ставшій главнымъ инквизиторомъ Испаніи, озаботился тѣмъ, чтобы молодой Лопе, получилъ высшее образованіе въ университетѣ Алькала Хенаресъ и пріобрѣлъ степень баккалавра послѣ 4-хъ годичнаго курса, проведеннаго въ занятіяхъ литературой, философіей и математикой.

Такой подготовки, можно сказать, не имѣли ни Корнель, ни Расинъ, ни Мольеръ. Обстоятельства жизни сложились для Лопе такимъ образомъ, что онъ побывалъ почти во всѣхъ частяхъ Испаніи, живя долгіе годы не въ одной столицѣ, но одинаково и на сѣверѣ, и на югѣ.

Какъ секретарь Манрике, Лопе пользовался покровительствомъ знатныхъ. Онъ вступилъ самъ въ духовное званіе, имѣлъ обширныя знакомства и прожилъ долгую жизнь, работая надъ своими драмами съ 15-ти лѣтняго возраста.

Лопе пришлось быть свидѣтелемъ зарожденія направленной противъ его реализма напыщенной трагедіи. Образецъ или точнѣе каррикатуру такихъ піитовъ—даетъ намъ самъ Лопе въ первомъ же дѣйствіи своей драмы «Наказаніе не мщеніе». Одинъ изъ приближенныхъ герцога, Рикардо, увлеченъ напыщенностью слога, образецъ котораго во времена Лопе-де-Вега давалъ поэтъ Гóнгора. Говоря о небѣ и покрывающей его ночи, онъ сравниваетъ послѣднюю съ широкимъ, длиннымъ, чернымъ плащемъ; луна для него золотая застежка на этомъ плащѣ, а звѣзды—серебрянныя пуговицы. Герцогъ останавливаетъ своего собесѣдника словами: «Опять взялся за сумасбродное вранье», на что одинъ изъ приближенныхъ замѣчаетъ: «Рикардо одинъ изъ касты тѣхъ піитовъ,

Что свыше вдохновенными себя зовутъ
И въ это вѣруютъ вполнѣ.
Поистинѣ такіе господа
Такъ мало милосердны,
Что и словъ связать не ищутъ».

Лопе посвятилъ этому новому направленію въ испанской поэзіи, нашедшему, къ сожалѣнію, подражателей и во Франціи, на-

сколько можно судить по насмѣшкамъ Буало [1]), слѣдующую характеристику въ своемъ трактатѣ «О новой поэзіи». «Если бы они стали писать простымъ стихомъ, никогда бы имъ не сдѣлаться поэтами, а съ ихъ моднымъ языкомъ—это дѣло одного дня. По милости страннаго и дикаго сочетанія словъ, четырехъ или пяти сентенцій и такого же числа напыщенныхъ до нелѣпости выраженій, раздутыхъ до чепухи сравненій, они возносятся такъ высоко, что въ концѣ концовъ не понимаютъ даже другъ друга».

Очевидно, во всѣ вѣка бывали и бываютъ писатели, о которыхъ со скорбью Левъ Толстой говорилъ: «И чего они кривляются».

Съ прошлаго года возобновились попытки ставить на русской сценѣ пьесы Лопе,въ исполненіи любителей. Починъ не былъ особенно удачнымъ, но все же позволяетъ надѣяться, что увлеченіе испанскимъ театромъ не отвѣчаетъ у насъ одному лишь мимолетному настроенію. Когда мы снова увидимъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ и «Звѣзду Севильи», и «Овечій источникъ», и «Наказаніе—не мщеніе» (этой пьесы почему то еще не играли), исполнители и публика равно набросятся на издаваемое «Просвѣщеніемъ» собраніе сочиненій «Испанскаго феникса». Они найдутъ въ томикѣ, вышедшемъ подъ редакціей госпожи Ватсонъ,—все необходимое: и біографическій очеркъ, и попытку приспособить къ русской сценѣ драмы Лопе. Съ этой цѣлью исправлены нѣкоторые устарѣлые обороты рѣчи въ весьма близкомъ въ подлиннику переводѣ Юрьева и сдѣланы немногія измѣненія въ текстѣ (стр. 163 и 167-я).

Вся работа выполнена какъ нельзя болѣе удачно; тѣ, кто вздумалъ бы попрекнуть издательницу тѣмъ, что она не написала главы о временахъ Лопе-де-Вега, обнаружили бы тѣмъ самымъ значительную наивность. Лопе прожилъ съ лишнимъ 70 лѣтъ и при томъ въ эпоху поворотную, ознаменованную и Возрожденіемъ, и ростомъ Реформаціи, и открытіемъ новыхъ материковъ, и неудачными попытками къ созданію чего-то похожаго на всемірную монархію, и неистовствами инквизиціи, и ростомъ единодержавія,—при самомъ сжатомъ изложеніи пришлось-бы посвятить всему этому не меньше одного тома, да и то получилась-бы не болѣе, какъ компиляція.

Госпожа Ватсонъ даетъ въ своемъ скромномъ, но обстоятельномъ біографическомъ очеркѣ, все существенно-необходимое для правильнаго пониманія условій, въ которыхъ могла зародиться народная драма въ Испаніи, именно въ лицѣ Лопе.

«Насъ поражаетъ, пишетъ она, въ Лопе мощь и широта

---

[1]) См. сатирич. поэму Epitre à l'esprit

взгляда, разнообразіе и свѣжесть дарованій, реализмъ, психологическая правда въ изображеніи характеровъ, великое мастерство въ изображеніи женской души. До Лопе женщина играла второстепенную роль въ Испанской драмѣ. Лопе поставилъ ее въ самый центръ драматическаго мотива. Одна черта выдѣляетъ Лопе изъ ряда другихъ представителей драмы: его любовь къ простому народу, его умѣнье какъ нельзя ближе къ дѣйствительности изобразить его. Въ своихъ драмахъ онъ раскрываетъ душевную красоту, внутреннюю силу и благородство испанскихъ крестьянъ. Многія пѣсни, сочиненныя поэтомъ и вставленныя въ его пьесы, поются народомъ и по настоящій день».

Будемъ надѣяться, что предпринятое изданіе не остановится на первомъ томѣ и, что благодаря счастливому почину, сдѣланному одновременно и книгоиздательствомъ «Просвѣщеніе», и нашей извѣстной переводчицей съ романскихъ языковъ, мы обогатимся недостающимъ намъ собраніемъ произведеній по-истинѣ геніальнаго драматурга. Я самъ пораженъ тѣмъ, что въ одну ночь и безъ малѣйшаго усилія я перечелъ снова и съ истиннымъ наслажденіемъ драму въ 140 страницъ. Я разумѣю «Наказаніе не мщеніе». Удивляешься тому, какъ въ переводѣ не теряется вполнѣ прелесть и необыкновенно смѣлыхъ сопоставленій къ какимъ такъ часто обращается Лопе. Менѣе всего теряютъ, разумѣется, на чужомъ языкѣ благородныя мысли, имъ высказываемыя. Онѣ отличались новизною въ первой половинѣ XVII в. и, несмотря на отдѣляющія насъ столѣтія, все еще не нашли полнаго осуществленія въ нашей средѣ.

Приведу одинъ—два образца его сопоставленій.

«Конечно, самый буйный, самый гордый,
Предъ женщиной прекрасной тихъ и кротокъ;
Предъ этимъ львомъ, въ его безсиліи мощномъ,
И тотъ, кого не укротитъ изъ насъ
Никто, смиряется лишь нѣжной лаской,
Безсвязнымъ, милымъ лепетомъ ребенка,
Его лелѣя на своихъ рукахъ».

Еще удачнѣй кажется мнѣ слѣдующее сравненіе:

«Соперника не терпитъ даже лебедь
И улетаетъ съ самкою своей
На берега чужіе дальнихъ водъ.
Пѣтухъ въ своемъ курятникѣ, увидя
Чужого пѣтуха, расправивъ крылья,
Кидается стремглавъ на пришлеца
И злобно рветъ его зубчатый гребень.
Потомъ, до самой ночи, потрясая

Своею красной бородой и феской,
Воинственно, ревниво громкимъ крикомъ
Онъ знать даетъ, что тутъ, на стражѣ онъ».

Чтобы покончить съ этой чрезмѣрно распространенной замѣткой, позволю привести себѣ одну сентенцію, которая стоитъ Декартовскаго: «мыслю, слѣдовательно существую». Она гласитъ:

Фредерикъ. «Скажу ли мысли я:—не мысли,
Нѣтъ! Она рождается сама собой, она свободна».
Батинъ. «Да, и такъ свободна,
Что только лишь въ одной свободѣ мысли,
Въ ея полетѣ вольномъ сознаетъ
И осязаетъ духъ свое безсмертье!»

Такъ думалъ въ серединѣ XVII вѣка секретарь великаго инквизитора въ Испаніи. Одобрятъ ли его сужденія пастыри народные въ началѣ XX столѣтія, ну хотя бы тѣ, которые въ Государственномъ Совѣтѣ говорятъ «о злоупотребленіи свободой совѣсти», и думаютъ, что она совпадаетъ съ одной свободой внутренняго сужденія?

Максимъ Ковалевскій.

ИЗЪ НАУЧНОЙ ЛѢТОПИСИ 1912 ГОДА.

(Отповѣдь виталистамъ и отбой мендельянцевъ).

Читатели «Вѣстника Европы» можетъ быть припомнятъ, что въ прошлогоднемъ своемъ обзорѣ—«Сезонъ научныхъ съѣздовъ»—я указалъ на то, что собранія эти являются лучшими источниками, по которымъ читатель вообще (the general reader, какъ выражаются англичане), т. е. въ сущности всякій человѣкъ за предѣлами своей спеціальности, можетъ слѣдить за тѣмъ, какія крупныя новыя завоеванія дѣлаетъ наука, какіе общіе вопросы вызываютъ въ ней оживленную, порою рѣзкую полемику. Къ сожалѣнію, отчеты объ этихъ съѣздахъ, проникающіе въ періодическія изданія, все болѣе и болѣе затягиваются, не заканчиваясь даже въ предѣлахъ года, лишая такимъ образомъ возможности своевременно подводить итоги.

И на этотъ разъ, какъ обыкновенно, всего интереснѣе были рѣчи, произнесенныя на засѣданіяхъ «Британской ассоціаціи». Въ прошломъ году я указывалъ на контрастъ между рѣчью знаменитаго химика Рамзи, знакомившаго съ блестящими завоеваніями науки въ новой области радіоктивныхъ явленій, и іереміадами зоолога, привѣтствовавшаго наступившій будто бы возвратъ къ витализму и метафизикѣ, и самохвальствомъ главы англійскихъ менделіанцевъ, Бэтсона, отрицавшаго значеніе химіи и физіологіи въ раціональной агрономіи и сводившаго все къ безчисленнымъ повтореніямъ опытовъ Брюнскаго монаха. Я указалъ, при этомъ, что за объясненіемъ того, что они дѣлаютъ, мендельянцы въ концѣ концовъ все же должны будутъобратиться къ физіологамъ и химикамъ.

Эти выпады виталиста-метафизика и зарвавшагося въ своей узкой односторонности мендельянца не могли, конечно, остаться безъ послѣдствій. Отвѣтить первому, хотя не прямо, т. е. не упоминая о немъ, выпало на долю предсѣдателя съѣзда, на этотъ разъ эдинбургскаго профессора (но не шотландца) физіолога Шеффера [1]). Мендельянцы же сами озаботились сгладить отступленіе для своего слишкомъ зарвавшагося главы; эту щекотливую роль принялъ на себя ботаникъ-бэтсоніанецъ, профессоръ Кибль. Эти два выдающихся эпизода съѣзда мы можетъ озаглавить такъ: I. *Отповѣдь виталистамъ* и II. *Отбой мендельянцевъ*.

I. Отповѣдь виталистамъ.

Прежде, чѣмъ ознакомиться съ содержаніемъ интересной рѣчи, полезно ознакомиться съ обстановкой, при которой она была произнесена. Засѣданія Ассоціаціи происходили на этотъ разъ въ небольшомъ шотландскомъ городкѣ Донди. Прошлогодній защитникъ витализма и метафизики, Томсонъ, былъ шотландецъ—и это обстоятельство, повидимому, не случайность. Между шотландскими учеными до сихъ поръ можно встрѣтить ревностныхъ сторонниковъ вторженія въ науку метафизики и даже теологіи. Въ появившейся на дняхъ біографіи знаменитаго ботаника Гукера встрѣчается очень характерная фраза, относящаяся къ его школьнымъ годамъ: «Какъ питомецъ шотландскаго университета (Гласго), я потратилъ немало времени

---

[1]) Какъ всегда, президентская рѣчь—безъ заглавія. Въ отдѣльномъ изданіи она появилась подъ заголовкомъ: «*Жизнь, ея природа, происхожденіе и сохраненіе*».

на изученіе метафизики, для того только, чтобы убѣдиться, что она ни на что негодна». Что не всѣ шотландскіе ученые покинули старую точку зрѣнія, можно увидать изъ слѣдующаго факта. Съ прошлаго года на англійскомъ языкѣ стала выходить очень хорошая библіотека дешевыхъ популярныхъ книгъ по разнымъ областямъ знанія, въ томъ числѣ и по естествознанію [1]). Но на ряду съ прекрасными отдѣльными монографіями извѣстныхъ спеціалистовъ, въ ней появились и книжки очень опредѣленнаго тенденціознаго содержанія. Такъ профессоръ Томсонъ (не прошлогодній защитникъ метафизики, а другой, но также зоологъ и также шотландецъ, профессоръ въ Абердинѣ) помѣстилъ въ ней томикъ озаглавленный *Введеніе въ науку* (Introduction to science). Въ началѣ книги проводится мысль (на основаніи извѣстныхъ словъ Кирхгофа, вкривь истолкованныхъ біологами), что никакая наука ничего не объясняетъ, а только даетъ описаніе фактовъ. Утвердивъ читателя въ этомъ будто бы ультра-научномъ скептицизмѣ, Томсонъ дѣлаетъ неожиданный [2]) скачекъ: а такъ какъ человѣческій умъ уже такъ устроенъ, что не можетъ обойтись безъ объясненій, то остается только одно—искать ихъ въ метафизикѣ. И вотъ, она появляется въ основѣ всей системы наукъ, при чемъ авторъ предупреждаетъ читателя чтобы онъ не подумалъ, что это простая опечатка. Въ слѣдующей главѣ онъ объясняетъ, что гдѣ не поможетъ метафизика—остается прибѣгнуть къ теологіи.

Не менѣе знаменательна другая книга этого изданія, посвященная *эволюціи*. Въ конечномъ ея выводѣ оказывается, что самымъ вѣрнымъ современнымъ воззрѣніемъ на этотъ вопросъ слѣдуетъ считать не теорію Дарвина, а мнѣніе о ней его извѣстнаго противника Майворта, католическаго патера. Одинъ изъ авторовъ этой книжки—шотландскій ботаникъ и также католикъ [3]). Повидимому, многое въ Шотландіи ушло не далеко отъ того, что человѣка тому назадъ такъ ярко изображалъ Бокль [4]).

---

1) Подъ заглавіемъ Home University. Library of Modern Knowledge—Домашній Университетъ. Библіотека современнаго знанія.

2) Т. е. неожиданный для неопытнаго читателя, но впередъ предвидимый для людей знающихъ, какъ я это имѣлъ случай разъяснить еще въ 1900 г. въ моей актовой университетской рѣчи: «*Столѣтніе итоги физіологіи растеній*» (*Насущныя задачи Естествознанія*, 1908 г.).

3) Въ англійскихъ изданіяхъ появились публикаціи о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ «*Теоріи эволюціи*» двухъ отцовъ іезуитовъ, изъ которыхъ одинъ, *Вазманъ*, уже составилъ себѣ извѣстнаго рода знаменитость.

4) Вспомнимъ его разсказъ о шотландской петиціи, требовавшей, въ 1853-мъ году, чтобы правительство для борьбы съ холерой ввело обязательный постъ и общественыя молитвы, на что Пальмерстонъ отвѣтилъ совѣтомъ позаботиться лучше о гигіенѣ и улучшеніи положенія рабочихъ.

Рѣчь профессора Шеффера, общее содержаніе и направленіе которой было впередъ извѣстно, собрала давно небывалую, многочисленную аудиторію, а по словамъ очевидцевъ, впечатлѣніе ею произведенное напоминало развѣ только знаменитыя рѣчи Тиндаля. Не заключая ничего абсолютно новаго, она представила очень умѣлую сводку, яркую картину тѣхъ успѣховъ, которые физіологія уже осуществила и продолжаетъ осуществлять чуть не до настоящаго дня. Этимъ рѣчь отнимала почву у тѣхъ, кто лицемѣрно сѣтуетъ о безпомощномъ будто бы состояніи физіологіи, о какомъ-то безнадежномъ ея будущемъ, о чемъ распространялся прошлогодній ораторъ-зоологъ, приглашавшій обратиться за помощью къ метафизикамъ вродѣ Дриша [1]) или Бергсона. Удачнымъ и оригинальнымъ слѣдуетъ признать распредѣленіе богатаго содержанія рѣчи въ порядкѣ вѣроятной эволюціи физіологическихъ функцій, мѣстами подтверждаемой несомнѣнной исторіей ихъ развитія. Послѣдующее, понятно, представляетъ только очень сжатое изложеніе рѣчи Шеффера, и лишь кое-гдѣ приводятся собственныя выраженія оратора.

Профессоръ Шефферъ началъ свою рѣчь съ обычнаго указанія на безплодность старыхъ философскихъ опредѣленій жизни, такъ какъ ни одно изъ нихъ не охватываетъ всей совокупности предметовъ включаемыхъ, равно какъ и всѣхъ исключаемыхъ, и на становящуюся все менѣе и менѣе рѣзкою границу между живымъ и неживымъ, что еще увеличиваетъ затрудненія новыхъ попытокъ этого рода. Ошибочность ходячихъ понятій увеличивается еще тѣмъ, что, думая опредѣлять жизнь вообще, нерѣдко имѣютъ въ виду главнымъ образомъ человѣка.

Жизнь, въ ея всеохватывающемъ, широкомъ смыслѣ, сводится на явленія превращенія матеріи и энергіи; она изслѣдуется и можетъ изслѣдоваться только методами, примѣняемыми къ изученію и всѣхъ остальныхъ матеріальныхъ явленій. Общіе результаты изслѣдованій въ этомъ направленіи свидѣтельствуютъ, что живыя тѣла подчиняются тѣмъ же законамъ, какъ и неживыя, и что, чѣмъ болѣе мы изучаемъ проявленія жизни, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ ненужности прибѣгать для ихъ объясненія къ содѣйствію какой-нибудь особой, неизвѣстной формы энергіи.

Самое разительное проявленіе жизни мы усматриваемъ въ такъ называемыхъ «произвольныхъ» движеніяхъ. Оно не ограничивается человѣкомъ или крупными животными. Каждая капля прудовой воды, какъ мы часто выражаемся, «кишитъ жизнью». Простѣйшимъ случаемъ является такъ называемое «амебоидное» движеніе.

---

[1]) Не такъ давно гастролировавшаго въ Шотландіи.

А физикамъ удалось воспроизвести движенія, по виду ничѣмъ не отличающіяся отъ этихъ «амебоидныхъ», и вполнѣ объясняющіяся явленіями поверхностнаго натяженія жидкостей. Но амебоидныя движенія могутъ быть въ свою очередь связаны съ цѣлой цѣпью явленій движенія, совершающихся въ сложныхъ организмахъ—вплоть до движенія нашихъ мышцъ, подъ вліяніемъ воли, или сердца, подъ вліяніемъ эмоцій.

Скажутъ: явленія движенія въ живыхъ тѣлахъ идутъ объ руку съ явленіями другого порядка, съ явленіями обмѣна, ассимиляціи и дезассимиляціи веществъ и съ явленіями роста. Но въ основѣ и эти процессы имѣютъ аналогію въ химическихъ и физическихъ явленіяхъ, воспроизводимыхъ внѣ организмовъ. Химическіе процессы, долго считавшіеся исключительнымъ удѣломъ организмовъ, все болѣе и болѣе переходятъ въ руки химиковъ. То состояніе вещества, которое Грэамъ назвалъ коллоидальнымъ, и которое все болѣе и болѣе считается основной особенностью живыхъ тѣлъ, свойственно и тѣламъ не организованнымъ. Ферменты, или энзимы — эти удивительныя вещества, вызывающія, смотря по условіямъ, и явленія дезассимиляціи, и явленія ассимиляціи—имѣютъ аналоговъ и въ неорганическомъ мірѣ. Процессы роста, казалось, представляли нѣчто совершенно отличное отъ роста тѣлъ неорганическихъ—кристалловъ; но уже извѣстны искусственныя образованія, воспроизводящія основныя черты роста клѣточекъ [1]); удается воспроизвести и явленія, подобныя дробленію ядра. Съ другой стороны, Лебъ показалъ, что первыя стадіи процесса полового воспроизведенія могутъ быть вызваны искусственно, безъ участія мужского оплодотворяющаго элемента.

«Kurz und gut, какъ говорятъ нѣмцы»—закончилъ эту часть своей рѣчи Шефферъ,—у витализма, какъ рабочей гипотезы, подорваны всѣ основы, разрушены и всѣ ея надстройки, и если въ нашихъ объясненіяхъ встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія, то причину этого должно искать въ неполнотѣ нашихъ свѣдѣній о строеніи и дѣйствіи живого вещества. При самой снисходительной оцѣнкѣ, выраженіе «жизненная сила»—только заявленіе своего невѣжества, нисколько впередъ не подвигающее. И дѣлу не помочь замѣной «витализма» «неовитализмомъ» или «біотической энергіей» [2]). «Неопресбитеръ»—

[1]) Шефферъ ссылается на недавніе опыты Ледюка; но они ничто иное, какъ повтореніе искусственныхъ клѣточекъ Траубе, значеніе которыхъ было въ свое время оцѣнено такимъ ученымъ, какъ Гельмгольцъ. Съ 1870 г. я неизмѣнно показывалъ ихъ на своихъ лекціяхъ.

[2]) Точь въ точь, что двадцать лѣтъ тому назадъ мнѣ приходилось возражать академику Коржинскому, полагавшему, что онъ очень подвинулъ дѣло виталистовъ, замѣнивъ слово «жизненная сила» словомъ «жизненная энергія».

то же, что старый попъ; только съ виду слово будто поважнѣе («Newpresbiter is old priest writ large» [1]).

Послѣ этого введенія, проф. Шеффер переходитъ къ обстоятельному разсмотрѣнію современныхъ задачъ и успѣховъ физіологіи.

Во первыхъ, говоритъ онъ, мы не имѣемъ повода предполагать, что составъ живого вещества такъ безконечно сложенъ, какъ это прежде представлялось. Изслѣдованія Мишера и Косселя, и его школы показали, что тѣла, входящія въ составъ органа, играющаго такую важную роль въ процессахъ роста и воспроизведенія, каково ядро, представляютъ не особенно сложный составъ, такъ что мы можемъ надѣяться когда-нибудь получить ихъ синтетически. То же, на основаніи изслѣдованій Эмиля Фишера, мы можемъ предположить и о бѣлковыхъ веществахъ протоплазмы.

Это приводитъ къ разсмотрѣнію вопроса о началѣ жизни и о возможности въ будущемъ созиданія живой матеріи. Шеффер, понятно, относится скептически ко всѣмъ до сихъ поръ произведеннымъ попыткамъ осуществить явленіе такъ называемаго произвольнаго зарожденія, но напоминаетъ, что всѣ намъ извѣстные простѣйшіе организмы еще очень сложны въ сравненіи съ предполагаемыми начальными стадіями организованнаго вещества, и совершенно основательно предостерегаетъ, что ничто не оправдывало бы заключенія, будто самый фактъ превращенія неживого вещества въ живое невозможенъ.

Устраняя, какъ совершенно ненаучную, идею о непосредственномъ сверхъестественномъ вмѣшательствѣ исключительно на этой границѣ между живымъ и неживымъ, мы вынуждены допустить, что живая матерія осуществлялась такъ же, какъ и всѣ остальные матеріальные процессы—путемъ эволюціи. Объясненіе нисколько не подвигается впередъ предположеніемъ о занесеніи зачатковъ жизни изъ другихъ міровъ [2]).

Эволюціонная гипотеза, обнимающая теперь не одну только біологію, но и всѣ другія науки о природѣ—астрономію, геологію, химію, физику—убѣждаетъ насъ, что процессъ этотъ, вѣроятно, имѣлъ мѣсто и при переходѣ изъ неорганическаго міра въ органическій. Но столь же очевидно, что слѣды такого процесса не могли сохраниться въ формѣ извѣстной намъ геологической лѣтописи.

---

1) Мнѣ неизвѣстно, откуда взята эта цитата, но несомнѣнно проф. Шеффер хотѣлъ мимоходомъ намекнуть на старую клерикальную подкладку новаго похода шотландскихъ ученыхъ противъ современной науки.

2) Та новѣйшая форма этой гипотезы, которая прибѣгаетъ къ свѣтовому давленію, повидимому не считается съ смертоноснымъ дѣйствіемъ ультра фіолетовыхъ лучей въ космическихъ пространствахъ.

Миріады лѣтъ должны были пройти отъ начала этого процесса и до появленія тѣхъ известковыхъ или кремневыхъ иголъ и панцырей, которые мы встрѣчаемъ у нашихъ простѣйшихъ организмовъ. Да еслибы намъ и удалось увидать непосредственный переходъ отъ безформенно коллоидальнаго вещества къ организованному, мы врядъ ли получили бы возможность опредѣлить, гдѣ начинается или кончается жизнь (Пирсонъ). Иной вопросъ—совершался ли этотъ переходъ не разъ въ теченіе геологическихъ временъ. На это мы можемъ отвѣтить, что это едва ли допустимо, такъ какъ вынудило бы насъ къ предположенію, что каждый разъ развитіе органическихъ формъ шло по одинаковымъ путямъ—а это въ высшей степени невѣроятно [1])—или что уже существовавшіе организмы безъ слѣда пожирали вновь появляющіеся зачатки новыхъ организмовъ.

Допустивъ, что такой процессъ (однократно или неоднократно) осуществлялся въ формѣ коллоидальной слизи, на основаніи сказаннаго появились бы и функціи ассимиляціи, и роста, а вслѣдъ затѣмъ, какъ только размѣры этихъ жидкихъ или полужидкихъ капель стали превосходить извѣстные предѣлы, появилось бы и дѣленіе, т. е. распадъ на отдѣльности подобныя той, изъ которой они произошли, и воспроизводящія всѣ ея химическія и физическія свойства. Такъ же, какъ формы родителей, будутъ повторяться и процессы ассимиляціи роста и размноженія: получается omne vivum e vivo. Такая первобытная организація могла бы заполонить весь земной шаръ. Разъ осуществилась такая элементарная форма жизни, остальное осложненіе будетъ дѣломъ уже извѣстныхъ намъ неизбѣжныхъ законовъ эволюціи. Ce n'est que le premier pas qui coute.

Далѣе въ нашей воображаемой живой матеріи мы можемъ себѣ представить распаденіе ея однородной массы, съ выдѣленіемъ вещества болѣе богатаго содержаніемъ фосфора—будущаго ядернаго вещества. Въ числѣ его составныхъ началъ выдающаяся роль будетъ принадлежать ферментамъ, этимъ веществамъ, вызывающимъ цѣлый рядъ глубокихъ превращеній вещества [2])—къ тому же при сравнительно низкихъ температурахъ.

Еще шагъ—и эти разсѣянныя въ плазмѣ вещества соберутся въ форму ядра: получится то, что мы привыкли называть клѣточкой. Отнынѣ жизнь будетъ воплощена въ клѣточку; все живое будетъ клѣточка или аггрегатъ клѣточки—omnis cellula e cellula.

---

1) Этотъ аргументъ былъ выдвинутъ мною сорокъ лѣтъ тому назадъ.

2) Аналитическихъ и синтетическихъ. Эти послѣднія, открытыя молодымъ англійскимъ химикомъ Крафтъ-Гилемъ, все болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе химиковъ и физіологовъ.

За этой стадіей, но на разстояніи какого промежутка времени, мы не въ состояніи и гадать, на сцену выступаетъ новое явленіе отъ времени до времени будетъ происходить сліяніе ядеръ между отдѣльными клѣтками. У одноклѣтныхъ организмовъ этотъ процессъ происходитъ между любыми клѣтками, представляющими изъ себя ихъ особей. Но у многоклѣтныхъ организмовъ эти функціи, какъ и многія другія, выпадаютъ на долю обособившихся клѣтокъ. Результатомъ этого процесса является обновленіе (rejuvinescence) жизни, сопровождающееся обыкновенно и увеличеніемъ числа недѣлимыхъ. Этотъ процессъ выражается введеніемъ въ обновленную клѣтку особаго вещества, обыкновенно имѣющаго опредѣленную форму сперматозоида; но вспомнимъ опыты Лёба — и мы придемъ къ заключенію, что наличность какого-нибудь морфологическаго элемента не является необходимымъ условіемъ процесса. «Мы не должны закрывать глаза на возможность того, что передающіяся потомству свойства окажутся связанными съ специфически химическими свойствами этихъ веществъ, другими словами, что и наслѣдственность можетъ также оказаться однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, за разрѣшеніемъ которыхъ придется обратиться къ химику» 1).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ проявленіемъ жизни въ той ея формѣ, въ какой она проявляется въ простыхъ, одноклѣтныхъ организмахъ. Но люди, не имѣющіе дѣла съ микроскопомъ, произнося слово «жизнь», почти неизмѣнно имѣютъ въ виду себя самихъ или близко знакомыхъ животныхъ и растенія.

«Никакая интуиція безъ помощи микроскопа не научила бы насъ, что наша жизнь не какое-нибудь недѣлимое явленіе, которое можно задуть, какъ пламя свѣчи, а слагается изъ милліоновъ жизней отдѣльныхъ клѣточекъ. Это представленіе о клѣточномъ строеніи сложилось сравнительно очень недавно—на глазахъ живущихъ теперь людей. Но какіе изумительные успѣхи сдѣлала эта юная наука о живыхъ существахъ! Всѣ успѣхи механическихъ наукъ, которые принято считать наиболѣе характеристической чертой девятнадцатаго столѣтія, ничто въ сравненіи съ успѣхами біологіи, и возбуждаемый ими интересъ отступаетъ на второй планъ въ сравненіи съ интересомъ фактовъ, открытыхъ въ области жизненныхъ явленій. А въ ряду этихъ фактовъ выдающееся мѣсто занимаетъ, конечно, открытіе клѣточнаго строенія всего живого».

Посмотримъ же, какъ происходитъ образованіе многоклѣтнаго тѣла: путемъ подраздѣленія единичной клѣтки, причемъ происхо-

1) Какъ быстро оправдалось это пророчество Шеффера,—къ слову сказать, высказанное и мною въ прошлогодней статьѣ, и еще ранѣе («Чарльзъ Дарвинъ». В. Е. 1909 г.),—увидимъ въ слѣдующемъ параграфѣ этой статьи.

дящія клѣтки сохраняются во взаимной связи. Такъ происходитъ развитіе недѣлимыхъ, которое, какъ мы знаемъ, представляетъ сокращенную картину историческаго процесса образованія данной формы. Эти клѣточные аггрегаты образуютъ сначала сплошныя массы. Далѣе образуется внутренняя полость, и вся форма переходитъ въ полый шаръ. До этой стадіи всѣ клѣточки сходны между собой, всѣ получаютъ одинаковое воздѣйствіе извнѣ, одинаково воспринимаютъ и ассимилируютъ пищу извнѣ, одинаково участвуютъ въ общихъ движеніяхъ. Это простѣйшая форма многоклѣтныхъ. На слѣдующей ступени часть стѣнки полой формы вдавливается внутрь, причемъ измѣняется и форма внутренней полости. Въ этотъ моментъ наступаетъ дифференцировка, обособленіе въ строеніи и отправленіи наружнаго и внутренняго слоя клѣточекъ этой уже чашевидной формы. Клѣточки наружнаго слоя воспринимаютъ внѣшнія воздѣйствія, физическія и химическія, и передаютъ ихъ остальнымъ клѣткамъ, а также исполняютъ и двигательныя отправленія. Клѣточки внутренняго слоя, освободившись отъ этихъ отправленій, спеціализируются на воспріятіи и переработкѣ пищевыхъ веществъ, выдѣляя которыя во внутреннюю полость, дѣлаютъ ихъ доступными всѣмъ клѣткамъ организма. Нѣкоторые представители животныхъ, сохраняющіе эту стадію, утрачиваютъ подвижность, превращаясь въ организмы, напоминающіе своимъ видомъ и образомъ жизни растенія: таковы губки. Эта ступень дифференціаціи, за отсутствіемъ нервной системы, не обнаруживаетъ общей координаціи, но за то и отдѣльныя клѣтки сохраняютъ значительную степень самостоятельности и независимости.

Наша собственная жизнь, какъ и жизнь высшихъ животныхъ—жизнь сложная, совокупная жизнь индивидуальныхъ клѣточекъ. Жизнь отдѣльныхъ клѣточекъ можетъ прекращаться, не нарушая жизни остальныхъ. Этотъ фактъ совершается непрерывно, въ каждый моментъ нашего существованія. Таковы клѣточки на поверхности нашего тѣла, отмирающія, стирающіяся и замѣняющіяся новыми безъ всякаго ущерба для организма. Наоборотъ, уничтоженіе клѣточекъ нервнаго центра, управляющаго дыханіемъ, вызываетъ черезъ нѣсколько минутъ смерть всего живого организма. Призванный врачъ признаетъ смерть, но только въ извѣстномъ смыслѣ—прекращенія доставки тканямъ необходимаго имъ кислорода. И дѣйствительно, стоитъ вовремя искусственно возстановить этотъ доступъ—и всѣ проявленія жизни возвратятся. Въ моментъ такъ называемой общей смерти только нѣкоторыя клѣтки утрачиваютъ свою живучесть, другія еще долго сохраняютъ ее. Особенно отличается этимъ мышечная клѣтка. Мышечныя клѣтки кровенос-

ныхъ сосудовъ сохраняютъ признаки жизни въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ смерти. Извѣстны случаи, когда мышечныя клѣточки сердца оживаютъ и начинаютъ вновь биться сильно и правильно—у человѣка черезъ восемнадцать часовъ, у животныхъ—черезъ нѣсколько дней послѣ смерти. Бѣлыя кровяныя тѣльца крови могутъ сохранять свою обычную форму и отправленія даже въ теченіи года. Опыты Карреля и Борроуза въ послѣднее время познакомили насъ съ возможностью сохраненія тканями, вырѣзанными изъ организма, ихъ жизненныхъ отправленій, роста и размноженія клѣточекъ въ теченіи долгихъ промежутковъ времени [1]). Исходя изъ этого, Каррель доказалъ возможность вырѣзать органы изъ умершихъ животныхъ и привить ихъ другимъ животнымъ того же вида, открывая этимъ такіе новые горизонты для хирургіи, все значеніе которыхъ едва ли еще возможно вполнѣ оцѣнить.

Какъ уже сказано, жизнь нѣкоторыхъ клѣточекъ (дыхательныхъ центровъ или сердца) необходима для поддержанія жизни всѣхъ остальныхъ. Зато существуютъ ткани и цѣлые органы безполезные и даже вредные. Видерсгеймъ у человѣка насчитываетъ ихъ до сотни. Стоитъ только вспомнить получившій такую печальную извѣстность червеобразный отростокъ слѣпой кишки. Природа, конечно, со временемъ сдѣлаетъ успѣхи по пути ихъ уничтоженія, а пока человѣку самому приходится защищаться отъ нихъ при помощи хирургіи.

Въ многоклѣточномъ организмѣ жизнь цѣлаго, очевидно, зависитъ не отъ одного обезпеченія условій существованія отдѣльныхъ клѣтокъ: необходимо еще обезпечить согласное взаимодѣйствіе (координацію) различныхъ клѣточекъ, обособившихся въ своихъ отправленіяхъ. Такъ клѣтки желудочныхъ железъ выдѣляютъ желудочный сокъ. Клѣточки кишечныхъ ворсинокъ всасываютъ питательныя вещества. Клѣтки почки выдѣляютъ излишнюю воду съ растворенными въ ней отбросами. Клѣтки сердца образуютъ насосъ, прогоняющій кровь черезъ сосуды. Жизнь каждой клѣтки приспособлена къ ея отправленіямъ, но безъ ихъ кооперації, безъ подчиненія всѣхъ потребностяхъ цѣлаго, онѣ могли бы вырабатывать или слишкомъ много, или слишкомъ мало, качать или слишкомъ, или недостаточно скоро, при чемъ жизнь цѣлаго не была бы обезпечена, ей грозила бы опасность.

Еще недавно мы знали только одинъ механизмъ, поддерживающій эту координацію,—это была нервная система.

Новѣйшему времени принадлежитъ открытіе второго—это «гормоны» или «возбудители». Такъ названны Старлингомъ [1])—

[1]) Такъ, напримѣръ, сердце, вырѣзанное изъ зародыша цыпленка, могло жить и биться въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

особыя химическія вещества, вырабатываемыя железами, поступающія въ кровь, разносимыя ею по всему тѣлу и пробуждающія дѣятельность другихъ клѣточекъ иногда на значительныхъ разстояніяхъ. Значеніе этихъ веществъ уступаетъ развѣ только значенію нервной системы; дѣйствіе ихъ очень разнообразно, а иногда въ ихъ отсутствіи жизнь становятся невозможной.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть, какимъ образомъ нервная система способствуетъ объединенію жизни сложныхъ организмовъ, посмотримъ, какъ она появилась. Первый шагъ на этомъ пути осуществился тогда, когда нѣкоторыя клѣточки наружнаго слоя обнаружили особую воспріимчивость къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ механическимъ (осязательнымъ и звуковымъ), физическимъ (свѣтовымъ) или химическимъ. Эти вліянія первоначально, вѣроятно, просто передавались отъ клѣточки къ клѣточкѣ. Значительный успѣхъ былъ осуществленъ тогда, когда эти воспріимчивыя клѣточки образовали щупальцы, развѣтвленія, которыя проникали въ промежутки между другими клѣтками. Такія щупальцы устанавливали болѣе быстрыя и непосредственныя сообщенія съ отдаленными частями. На первыхъ порахъ они могли быть сократимыми, напоминая ложныя ножки (псевдоподіи) простѣйшихъ одноклѣтныхъ организмовъ. Получивъ постоянное положеніе, они превращались въ зачаточныя нервныя волокна—начало нервной системы. Даже въ настоящее время (какъ это показалъ Россъ. Гаррисонъ) въ развитіи нервныхъ волоконъ наблюдается ранняя стадія, напоминающая амебоидныя отростки, сначала сократимые, и позднѣе принимающіе постоянное положеніе, въ которомъ они оказываются закрѣпленными. Затѣмъ часть этихъ поверхностныхъ элементовъ, въ силу ли болѣе защищеннаго положенія или лучшаго питанія, удалилась съ поверхности, и погрузилась въ глубь ткани—это будущія нервныя клѣтки. Онѣ остались своими вытянутыми частями въ сообщеніи съ поверхностью: это будущія *приводящія*, чувствующія волокна, поддерживающія сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. Другими такими же *отводящими* отвѣтвленіями онѣ продолжаютъ передавать воспринятыя вліянія глубже лежащимъ клѣточкамъ. Дальнѣйшее развитіе утвердило эту дифференцировку на *приводящую*, *отводящую* и *промежуточную* сферы нервной системы. Уже и такой простой механизмъ обезпечивалъ къ ихъ взаимной выгодѣ взаимодѣйствіе отдѣльныхъ клѣточекъ сложнаго организма.

Именно развитіе нервной системы, хотя не во всѣхъ классахъ шедшее по одинаковымъ путямъ, оказалось выдающейся чертой эволю-

---

1) Шеффферъ и самъ работалъ въ этомъ направленіи.

ціи высшихъ животныхъ формъ. Черезъ ея посредство, воздѣйствія внѣшняго міра превращались въ сокращенія или какія иныя проявленія клѣточной дѣятельности. Ея появленіе положило основаніе и коренному различію между міромъ животныхъ и міромъ растеній, ни одинъ изъ представителей котораго не обладаетъ никакими слѣдами нервной системы. «Растенія, правда, реагируютъ на внѣшнія воздѣйствія, и эти воздѣйствія оказываютъ болѣе или менѣе глубокія вліянія, вызываютъ сравнительно рѣзкія и быстрыя движенія даже отдаленныхъ частей; достаточно вспомнить мимозу. Но эти воздѣйствія всегда передаются отъ клѣточки къ клѣточкѣ, никогда—черезъ нервныя волокна. А при отсутствіи чего-либо соотвѣтствующаго нервной системѣ невозможно допустить, чтобы растеніе могло обладать хоть какимъ-нибудь проблескомъ «разумности.» Наоборотъ, въ животномъ, изъ первоначально незначительнаго измѣненія извѣстныхъ клѣточекъ, путемъ эволюціи создалась сложная нервная система, съ ея разнообразными и сложными отправленіями, завершившимися дѣятельностью человѣческаго разума. «Какое великое произведеніе человѣкъ! Какъ благороденъ его разумъ! Какъ безпредѣльны его способности! Какъ изумительны его формы и движенія! Какъ подобенъ ангеламъ онъ въ своихъ поступкахъ! Какъ богоподобенъ въ своемъ постиженіи! Но еслибъ онъ вздумалъ не въ мѣру возгордиться своими психическими подвигами, то пусть не забываетъ, что все это—только результатъ пріобрѣтенія нѣкоторыми клѣтками его далекихъ предковъ способности реагировать въ нѣсколько повышенной степени на внѣшнія воздѣйствія, благодаря чему эти клѣтки, съ одной стороны, пришли въ болѣе тѣсное общеніе съ внѣшнимъ міромъ, а съ другой стороны, разросшись далеко за предѣлы ограниченной сферы, къ которой остались прикованы ихъ сосѣдки, мало по малу пріобрѣли господство надъ остальными. Эти господствующія клѣтки, превратясь въ нервныя клѣтки, теперь не только служатъ для передачи воздѣйствій отъ одной части организма къ другой, но, съ теченіемъ времени, стали центрами ощущеній и сознательныхъ воспріятій, образованія и ассоціаціи идей, памяти, волевыхъ движеній и всѣхъ проявленій разума!»

Самыми выдающимися проявленіями дѣятельности нервной системы являются вызываемыя и регулируемыя ею общія движенія такъ называемыхъ произвольныхъ мышцъ. На дѣлѣ они являются результатомъ внѣшнихъ воздѣйствій, выносимыхъ чувствующими или проводящими нервами на поверхности, т. е. посредствомъ кожи или органовъ чувствъ, хотя эти воздѣйствія могутъ и не быть непосредственными, а будутъ слагаться на неопредѣленное время въ

нѣкоторыхъ клѣткахъ нервной системы. Регулированіе движеній,—непосредственно ли за раздраженіемъ или черезъ промежутки времени, притомъ сознательнаго или чисто рефлекторнаго, безсознательнаго характера—процессъ громадной сложности, обнимающій какъ вызываніе движеній, такъ и ихъ торможеніе. Изслѣдованіе его условій составляетъ въ настоящее время предметъ трудовъ Шеррингтона.

Менѣе бросается въ глаза, но не менѣе важна роль нервной системы въ движеніяхъ непроизвольно сокращающихся мышцъ. При нормальныхъ условіяхъ они совершаются вполнѣ независимо отъ сознанія, но ихъ регулированіе происходитъ также, какъ и при сокращеніи произвольныхъ мышцъ—именно, какъ результатъ воздѣйствій, получаемыхъ съ периферіи. Эти воздѣйствія сообщаются проводящими путями центральной нервной системѣ, а оттуда, преимущественно при посредствѣ симпатической нервной системы, оказываютъ или усиливающее, или задерживающее дѣйствіе на сокращеніе непроизвольныхъ мышцъ. Многія непроизвольныя мышцы имѣютъ естественную наклонность къ постоянному ритмическому сокращенію, совершенно независимому отъ центральной нервной системы; въ такихъ случаяхъ значеніе толчковъ, полученныхъ отъ послѣдней, ограничивается увеличеніемъ или уменьшеніемъ размѣровъ этой дѣятельности. Примѣръ такого двойного дѣйствія мы видимъ въ сердцѣ. Хотя этотъ органъ и продолжаетъ совершать правильныя ритмическія сокращенія даже тогда, когда прервано его сообщеніе съ нервной системой или когда оно совершенно вырѣзано изъ тѣла, но при нормальныхъ условіяхъ оно побуждается нервной системой къ повышенной дѣятельности при посредствѣ симпатической, а къ пониженой—черезъ посредство блуждающаго нерва. Благодаря своей готовности подчиняться вліянію тѣхъ нервныхъ потрясеній, которыя мы называемъ «эмоціональными», слово *сердце* на языкѣ поэтовъ, да и въ обычной рѣчи, стало синонимомъ этихъ эмоціональныхъ движеній [1]).

Подобнымъ же образомъ регулируется и дѣйствіе непроизвольныхъ мышцъ артерій, вызывая блѣдность или румянецъ лица. Румянецъ стыда и блѣдность испуга—простыя измѣненія физіологической дѣятельности артерій. Совершенно сходныя явленія могутъ быть вызваны и въ безсознательномъ состояніи организма, во снѣ или при анестезіи.

---

1) Невольно вспоминаются блестящія страницы Клода-Бернара о „Сердцѣ въ представленіяхъ поэтовъ и физіологовъ". Послѣдующіе полу-вѣковые успѣхи науки могли только подтвердить воззрѣнія великаго физіолога.

Регулирующее дѣйствіе нервной системы обнаруживается и въ ея вліяніи на выдѣленіе железами ихъ соковъ. И здѣсь химическая дѣятельность железъ можетъ быть ею усилена или ослаблена, вызвана или пріостановлена; таково, напримѣръ, дѣйствіе на железы, опредѣляющія процессъ пищеваренія и выдѣляющія кожный потъ. Совмѣстное дѣйствіе на сосуды и на потовыя железы регулируетъ температуру крови, поддерживая ее на уровнѣ наиболѣе благопріятномъ для жизни и дѣятельности тканей.

Какъ и въ дѣятельности сердца, и въ выдѣленіи железъ важную роль играетъ элементъ эмоціональный. Отъ впечатлѣній одного рода «слюнки текутъ»—отъ другихъ «языкъ прилипаетъ къ гортани» [1]). Эта задержка дѣятельности слюнной железы давно использована на востокѣ такъ называемой «пыткой рисомъ» для изобличенія, будто бы, преступниковъ.

До недавняго времени регулирующее дѣйствіе нервной системы было единственнымъ извѣстнымъ. Открытія послѣднихъ лѣтъ познакомили насъ съ другимъ, несравненно болѣе простымъ механизмомъ—чисто химическимъ. Эти вещества, какъ мы видѣли, получили названіе «гормоновъ». Обыкновенная железа выдѣляетъ свои соки на поверхность тѣла или его полостей. Но существуютъ такъ называемыя железы внутренняго выдѣленія. Онѣ выдѣляютъ прямо въ кровь, разсылающую эти «гормоны» во всѣ концы тѣла, такъ что ихъ дѣйствіе можетъ обнаружиться въ отдаленнѣйшихъ органахъ. Ихъ дѣйствіе на эти органы можетъ быть существеннымъ или только дополнительнымъ. Въ первомъ случаѣ удаленіе этой железы или ея пораженіе можетъ оказаться роковымъ для существованія всего организма. Таковы такъ называемыя надпочечныя железы. Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія англійскій медикъ Аддисонъ открылъ болѣзнь, названную его именемъ, почти всегда роковую и находящуюся въ связи съ надпочечной железой. Браунъ-Секаръ показалъ, что удаленіе этой железы у животныхъ сопровождается уже черезъ нѣсколько дней смертью. Цѣлый рядъ изслѣдованій показалъ, что гормонъ этой железы (адреналинъ) возбуждаетъ дѣятельность сердца и артерій и содѣйствуетъ дѣятельности симпатической системы (Ланглей).

Другой примѣръ представляетъ щитовидная железа, отправленіе которой необходимо для нормальнаго теченія жизни. При неудовлетворительномъ ея отправленіи проявляется форма идіотизма, называемая *кретинизмомъ*, и другая болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ

---

[1]) Извѣстны опыты въ этомъ направленіи нашего знаменитаго физіолога Н. П. Павлова.

тухадета. Сходныя явленія обнаруживаются и при хирургическомъ удаленіи железы. Пріемъ сока железы излѣчиваетъ болѣзнь. Съ другой стороны, ненормальное развитіе или неумѣренные пріемы сока сопровождаются сходными болѣзненными приступами. Здѣсь мы, слѣдовательно, имѣемъ дѣло съ химическимъ веществомъ, отъ присутствія котораго зависитъ отправленіе важныхъ человѣческихъ функцій. Профессоръ Глей, самъ работавшій въ этой области, замѣчаетъ: «Происхожденіе и правильное отправленіе высшихъ человѣческихъ способностей обусловливается чисто химическимъ дѣйствіемъ извѣстнаго продукта выдѣленія. Психологи, подумайте объ этомъ!» Еще изумительнѣе, можетъ быть, дѣйствіе сопровождающей щитовидную железу «паратироидной» железы. Она величиною съ булавочную головку—и тѣмъ не менѣе ея удаленіе сопровождается явленіями подобными тетаносу, всегда опасными, порою роковыми.

Другая железа внутренняго выдѣленія, въ послѣдніе годы обратившая на себя большое вниманіе (glandula pituitaria), помѣщается при основаніи головного мозга. Ея удаленіе смертельно. Ея ненормальное увеличеніе въ періодъ роста организма сопровождается ненормальнымъ увеличеніемъ скелета, принимающаго гигантскіе размѣры. Если общій ростъ уже законченъ, ненормально разрастаются ноги, руки и личныя кости (такъ называемая *акромегалія*). Очевидно, эти железы или часть ихъ выдѣляютъ гормонъ, ускоряющій ростъ скелета. У великановъ и у «акромегалистовъ» они всегда сильно развиты [1]).

Въ перечисленныхъ случаяхъ железы вырабатываютъ исключительно гормоны, но существуютъ железы со смѣшанными функціями. Такова панкреатическая железа—одна изъ главнѣйшихъ въ процессѣ пищеваренія. Ея наружное выдѣленіе въ кишки давно извѣстно, но сравнительно недавно стало извѣстнымъ, что сверхъ того она вырабатываетъ и внутреннее выдѣленіе—гормонъ, поступающій въ кровь, проникающій въ печень и разносимый во всѣ части орга-

1) Невольно напрашивается мысль: какую важную роль могъ сыграть подобный механизмъ въ эволюціи позвоночныхъ. Не усиленной ли дѣятельности подобной железы можно приписать всѣ тѣ чудовищные скелеты, которые насъ поражаютъ въ палеонтологическихъ музеяхъ? Такое физіологическое объясненіе, во всякомъ случаѣ, имѣло-бы болѣе реальную подъ собою почву, чѣмъ утвержденіе современнаго нѣмецкаго палеонтолога-неоламаркиста, что скелеты ихтіозавровъ и плезіозавровъ образовались подъ вліяніемъ *волевыхъ* импульсовъ ихъ обладателей (см. мой очеркъ: «*Основныя черты исторіи развитія біологіи въ XIX столѣтіи*», Москва, 1908, стр. 79). И не сокращенію ли этихъ железъ можно было бы приписать обратное превращеніе безобразныхъ конечностей и личныхъ костей предка какой-нибудь гориллы въ стройный скелетъ человѣка?

низма. Этотъ гормонъ играетъ весьма важную роль въ утилизаціи углеводовъ организма. Углеводы пищи превращаются въ виноградный сахаръ, который разносится кровью во всѣ ткани и сжигается въ нихъ какъ топливо. При заболѣваніяхъ панкреатической железы или ея хирургическомъ удаленіи, вслѣдствіе отсутствія гормона, сахаръ не утилизируется тканями и накопляется въ крови, откуда избытокъ его поступаетъ въ почки, обусловливая извѣстную болѣзнь—діабетъ.

Въ двѣнадцатиперстной кишкѣ подъ вліяніемъ желудочнаго сока образуется гормонъ «секретинъ», который въ свою очередь дѣйствуетъ на выдѣленіе панкреатическаго сока. Этотъ интересный гормонъ открытъ Старлингомъ и Бэлиссомъ.

Наконецъ, железы органовъ воспроизведенія, кромѣ спеціальныхъ своихъ продуктовъ-яичекъ и сперматозоидовъ, выдѣляютъ и гормоны, которые, опять таки поступая въ кровь, оказываютъ вліяніе на ткани отдаленныхъ органовъ. Черезъ посредство этихъ гормоновъ образуется гребень и хвостъ пѣтуха, грива льва, рога оленя, борода и увеличеніе гортани мужчины—всѣ такъ называемые вторичные половые признаки. Существованіе этой зависимости, извѣстной съ незапамятныхъ временъ, приписывалось дѣятельности нервной системы, и только въ недавнее время стала извѣстна зависимость ихъ отъ гормоновъ, поступающихъ въ кровь. Удалось выяснить и химическій составъ нѣкоторыхъ гормоновъ; они оказались гораздо проще бѣлковъ и даже энзимовъ. Одинъ изъ нихъ удалось даже получить синтетически.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что координація, необходимая для поддержанія жизни, опредѣляется не одной нервной системой, но что рядомъ съ нею существуетъ другая, не менѣе важная, чисто химическаго характера [1]). Оба эти механизма могутъ дѣйствовать или независимо или во взаимной связи.

---

[1]) А между тѣмъ для объясненія этой таинственной координаціи виталисты и придумывали свои фантастическія существа, отъ spiritus rector'а старыхъ виталистовъ и до энтелехіи, которую одинъ изъ современныхъ виталистовъ, Дришъ, взялъ на прокатъ у Аристотеля (см. слово Витализмъ въ Энц. Гранатъ, т. 10, изд. 7, 1911 г.).

Странно, что Шеффферъ не приводитъ еще одного замѣчательнаго примѣра изъ дѣятельности Старлинга. Едва ли не самой поразительной органической цѣлесообразностью представляется появленіе молока у матери какъ разъ къ тому времени, когда въ немъ нуждается новорожденный. Оказывается, что и это координація химическая, регулируемая гормономъ, поступающимъ изъ организма ребенка въ организмъ матери. Впрыскивая такой гормонъ въ организмъ самки кролика, даже не беременной, можно вызвать развитіе молочныхъ железъ.

Далѣе Шефферъ, замѣчая, что только недостатокъ времени заставляетъ его лишь вкратцѣ упомянуть о нихъ, указываетъ на защитные механизмы, которыми высшій организмъ защищается отъ самыхъ страшныхъ своихъ враговъ—организмовъ одноклѣтныхъ. На нихъ основаны тѣ изумительные успѣхи, которые сдѣлала современная медицина въ борьбѣ съ самыми ужасными бичами человѣчества, благодаря Пастеру, превратившему ее изъ эмпирическаго искусства въ основанную на экспериментѣ науку. Всѣ эти изумительныя завоеванія въ области излеченія, а можетъ быть еще болѣе въ области предупрежденія болѣзней, совершились на нашихъ глазахъ. Вспомнимъ хотя бы одного Листера, кончину котораго мы такъ недавно оплакивали, спасшаго болѣе человѣческихъ жизней, чѣмъ удалось ихъ истребить всѣми кровавыми войнами девятнадцатаго столѣтія.

Остается коснуться вопроса: еслибы были устранены всѣ внѣшнія причины, грозящія жизни, могла ли бы она быть продолжена на неопредѣленное время? Другими словами, являются ли старость и смерть необходимыми послѣдствіями жизни? Многимъ это представляется лежащимъ внѣ сомнѣнія. Но нѣкоторые физіологи, какъ Мечниковъ, думаютъ, что сама старость—только форма и результатъ болѣзни. Жизнь одноклѣтныхъ существъ можетъ дѣйствительно быть продолжена надолго, безъ видимыхъ указаній на начинающееся разрушеніе; но это еще не доказываетъ возможности безпредѣльной жизни. Большая часть клѣточекъ сложныхъ организмовъ представляетъ, какъ и весь онъ въ совокупности, какъ бы циклъ развитія; исключеніе представляютъ клѣточки воспроизводительной системы: оплодотворенное яичко, съ его явленіемъ обновленія (rejuvenescence), вноситъ какъ будто новый запасъ жизни для будущаго поколѣнія. Только въ смѣнѣ поколѣній можемъ мы видѣть непрерывность жизни. Наше безсмертіе—въ нашемъ потомствѣ.

Другой вопросъ—средній предѣлъ продолжительности жизни. Мы знаемъ, что различные виды животныхъ имѣютъ различную продолжительность жизни—отъ нѣсколькихъ часовъ до сотенъ лѣтъ. Маѳусаиловъ вѣкъ вѣроятно долженъ занять свое мѣсто въ ряду сказаній о всемірномъ потопѣ и семи дняхъ творенія. Уже во времена патріарховъ можно было разсчитывать на значительно менѣе продолжительный вѣкъ. Царь Давидъ упоминаетъ о семидесяти годахъ. Во времена царей жизнь была очень непродолжительна; правда, она не была и примѣрной. У Грековъ и Римлянъ, а также и въ средней и новой исторіи, мы встрѣчаемъ вообще мало примѣровъ значительнаго долголѣтія. Но во всякомъ случаѣ, человѣкъ обладаетъ въ этомъ смыслѣ несомнѣннымъ преимуществомъ передъ большинствомъ млекопитающихъ, и достойно удивленія, почему крат-

кость его «земного странствія» является такой излюбленной темой у нашихъ проповѣдниковъ и поэтовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что съ успѣхами предупредительной медицины и гигіены явится возможность значительно увеличить среднюю продолжительность жизни; все же однако смерть остается закономъ. Но смерть естественная, не ускоренная, не отягченная болѣзнями, можетъ быть, превратится въ спокойное, безболѣзненное явленіе. Дастръ говоритъ: «Потребность смерти на предѣлѣ жизни можетъ стать такою же естественною, какъ сонъ въ концѣ долгаго дня». Она будетъ послѣдней, естественной фазой жизни. Тогда и приближеніе роковыхъ ножницъ, перерѣзающихъ ея нить, перестанетъ вызывать тотъ ужасъ, который оно вселяютъ нынѣ. «Будемъ же надѣяться, что меланхолическія мысли, которыя теперь, несмотря даже на предвкушеніе будущаго блаженнаго состоянія, омрачаютъ конецъ нашего существованія, разсѣются передъ свѣтомъ науки, подобно тому, какъ на извѣстной гравюрѣ Дюрера, лучи восходящаго солнца разгоняютъ совъ и нетопырей, ютящихся во мракѣ ночи».

К. Тимирязевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НОВАЯ КНИГА О ТЕОРІИ ЦѢННОСТИ.

— Н. Н. Шапошниковъ. Теорія цѣнности и распредѣленія. Критическое изслѣдованіе о новѣйшихъ теченіяхъ въ экономической теоріи. Москва, 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Чтеніе книги Н. Н. Шапошникова оставляетъ въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе. Авторъ сумѣлъ, соотвѣтственно поставленному имъ себѣ заданію, удержаться на почвѣ чисто-теоретической работы, не осложняя ее уклоненіями въ сторону соціальной политики, до недавняго времени обычными не въ одной русской экономической литературѣ. Книга Н. Н. Шапошникова служитъ какъ бы показателемъ зрѣлости, достигнутой нашей экономической мыслью, и позволяетъ надѣяться, что направленія въ экономической

теоріи будутъ и у насъ дифференцироваться по теоретическимъ разногласіямъ, а не по тому или иному отношенію къ соціальнымъ идеаламъ или текущимъ запросамъ переустройства хозяйственной жизни. Такое обособленіе теоретическаго изслѣдованія не можетъ не сказаться благотворно и на разработкѣ самыхъ вопросовъ соціальной политики, поскольку для построенія соціально-политическихъ перспективъ необходимо предварительное выясненіе закономѣрности человѣческаго хозяйства. Къ достоинствамъ разбираемой книги необходимо отнести и сжатое, точное, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясное и доступное изложеніе. Примыкая по своимъ взглядамъ къ математической школѣ экономистовъ, и даже излагая выводы этой школы, авторъ избѣгаетъ пользоваться математическимъ способомъ выраженія, ограничиваясь немногими графическими иллюстраціями. И это вполнѣ правильно: математическій методъ изслѣдованія экономическихъ явленій оказываетъ главную услугу точной постановкой проблемъ и отчетливостью процесса разсужденія, указывая, въ каждомъ отдѣльномъ моментѣ работы, какія именно данныя приняты, и что остается еще неизвѣстнымъ. Поэтому экономисту, математически образованному, полезно вести для себя разсужденіе съ помощью математическихъ пріемовъ; къ читателю же слѣдуетъ обращаться на языкѣ, ему понятномъ, ибо математика есть въ сущности тоже только особый языкъ, удобный для тѣхъ, кому онъ извѣстенъ, и затрудняющій читателей, мало въ этомъ отношеніи подготовленныхъ. Въ заслугу автору можно поставить, далѣе, большую разборчивость и сдержанность въ пользованіи литературнымъ матеріаломъ. Авторъ легко могъ бы значительно увеличить объемъ своей книги и придать ей болѣе внушительный видъ, привлекая къ разсмотрѣнію бо́льшее количество мнѣній, высказанныхъ по изслѣдуемымъ имъ вопросамъ; но онъ не поддался этому соблазну, ограничившись выборомъ только выдающихся авторовъ и ученій, дѣйствительно заслуживающихъ вниманія. Въ этомъ онъ проявилъ крупный изслѣдовательскій тактъ и эстетическое чувство мѣры. Нельзя не отмѣтить, при этомъ, что, сокращая историко-литературную часть своей работы, авторъ не поколебался отвести довольно значительное мѣсто системѣ Тюнена, анализъ которой—кстати сказать, превосходно выполненный авторомъ—бросаетъ яркій свѣтъ на постановку и рѣшеніе проблемъ, волнующихъ современную экономическую мысль. Если прибавить, наконецъ, что характеристики, даваемыя авторомъ разбираемымъ имъ ученіямъ, отличаются мѣткостью, а критика всегда серьезно продумана и часто блеститъ оригинальностью и глубиной, то нельзя не видѣть въ трудѣ Н. Н. Шапошникова выдающагося явленія въ нашей экономической литературѣ. Конечно, не всѣ со-

ображенія Н. Н. Шапошникова одинаково обоснованы, многое въ нихъ представляется весьма спорнымъ. Въ особенности вызываютъ возраженія принимаемые авторомъ методологическіе исходные пункты.

Задачей своего изслѣдованія Н. Н. Шапошниковъ ставитъ выясненіе проблемы распредѣленія, и главнымъ образомъ анализъ не трудовыхъ доходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ включаетъ въ кругъ своего разсмотрѣнія и теорію цѣнности, излагая ее въ духѣ математической школы. Сопоставленіе этихъ двухъ проблемъ — распредѣленія и цѣнности—носитъ въ книгѣ Н. Н. Шапошникова своеобразный характеръ. Прослѣживая въ томъ и другомъ случаѣ примѣненіе гипотезы совершенной конкуренціи, дающей въ теоріи цѣнности «плодотворные рэзультаты» и оказывающейся «почти совершенно безплодной» въ теоріи распредѣленія, авторъ приходитъ къ пессимистическому выводу, признавая, вмѣстѣ съ П. Б. Струве, что абстрактно-дедуктивное разрѣшеніе проблемы распредѣленія стоитъ подъ очень большимъ сомнѣніемъ».

Этотъ взглядъ, что абстрактное экономическое изслѣдованіе мыслимо лишь при примѣненіи гипотезы совершенной конкуренціи, наталкивается на противорѣчіе въ самой разсматриваемой книгѣ. При изложеніи теоріи цѣнности авторъ не ограничивается одной гипотезой совершенной конкуренціи, а изслѣдуетъ и вліяніе на установленіе товарныхъ цѣнъ *монопольныхъ* условій предложенія (стр. 26—28). Нѣтъ основанія считать гипотезу совершенной конкуренціи и исключительнымъ орудіемъ изслѣдованія проблемы распредѣленія. Изученіе вліянія соціальныхъ факторовъ, столь существенныхъ въ этомъ вопросѣ, не выводитъ изслѣдованіе за предѣлы теоретической экономики, и самой важной задачей теоретической работы является именно оцѣнка экономическаго дѣйствія этихъ факторовъ, въ особенности въ мѣновомъ хозяйствѣ, гдѣ они могутъ проявить свою силу только черезъ установленіе цѣнъ. Съ другой стороны, если приложеніе гипотезы совершенной конкуренціи къ изслѣдованію проблемы распредѣленія даетъ мало (самъ авторъ говоритъ только, что здѣсь она *почти* безплодна), то и это немногое можетъ имѣть—съ извѣстной точки зрѣнія—очень высокую цѣну. Дѣло не въ томъ, много или мало даетъ извѣстный пріемъ изслѣдованія, а въ томъ, *что именно* онъ даетъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

Что касается выводовъ автора по вопросу о цѣнности, то они заслуживаютъ упрека въ нѣкоторой расплывчатости. Авторъ сводитъ ихъ къ цѣлому ряду факторовъ (три на сторонѣ спроса и три на сторонѣ предложеній), дѣлая попутно замѣчаніе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ число ихъ можетъ быть сокращено, напр. до однѣхъ

издержекъ производства (при постоянныхъ издержкахъ) и даже до однѣхъ трудовыхъ затратъ (при условіяхъ, указываемыхъ Рикардо), что нѣкоторые элементы цѣнности важнѣе другихъ, и что и трудъ, внѣ всякаго сомнѣнія, является важнѣйшимъ элементомъ цѣнности (стр. 48-49). Все это въ извѣстномъ смыслѣ правильно, и читатель въ правѣ потребовать отъ автора отчетливой абрисовки контуровъ проблемы въ каждомъ случаѣ. Вѣдь различные факторы цѣнности пріобрѣтаютъ различное значеніе именно въ связи съ тѣми допущеніями, какія были приняты. Что трудъ есть важнѣйшій элементъ цѣнности, это, конечно, вѣрно, но только при извѣстныхъ условіяхъ; мы можемъ мыслить такую соціальную обстановку, при которой трудъ будетъ играть ничтожную роль въ опредѣленіи цѣнности, или даже не будетъ никакой роли, и не только важнѣйшимъ, но единственнымъ элементомъ цѣнности останется одна полезность. Если мы возьмемъ для изслѣдованія группу благъ хозяйственно цѣнныхъ, не воспроизводимыхъ трудомъ и даже не имѣющихъ трудового происхожденія (предметы «абсолютно рѣдкіе», данные въ готовомъ видѣ природой), то единственнымъ факторомъ опредѣленія ихъ цѣнности мы должны будемъ признать ихъ предѣльную полезность. Въ исторіи экономической мысли мы знаемъ яркій примѣръ цѣлаго экономическаго міровоззрѣнія, построеннаго на такомъ одностороннемъ представленіи. Древніе греки въ періодъ расцвѣта ихъ философской дѣятельности, разсматривали міръ хозяйственныхъ благъ, съ которымъ имъ приходилось имѣть дѣло, внѣ трудовой перспективы. Трудъ рабовъ оставался въ ихъ глазахъ такимъ же проявленіемъ силъ природы, какъ и трудъ животныхъ, захватъ и раздѣлъ военной добычи казался вполнѣ естественнымъ способомъ пріобрѣтенія,—и единственной твердой точкой опоры при опредѣленіи цѣнности такихъ полученныхъ внѣ-хозяйственнымъ путемъ матеріальныхъ благъ представлялось имъ сравненіе ихъ полезности. И поскольку экономическая теорія имѣетъ дѣло съ благами, не имѣющими трудового происхожденія (въ оцѣнкѣ хозяйственнаго труда мы не можемъ уже, конечно, оставаться на точкѣ зрѣнія древнихъ, и потому блага указываемой категоріи должны быть дѣйствительно простымъ даромъ природы), а попадающими въ сферу человѣческаго хозяйства исключительно въ силу ограниченности ихъ запаса,—она не можетъ не считать не только важнѣйшимъ, но единственнымъ факторомъ ихъ цѣнности ихъ предѣльную полезность. Поэтому общее пессимистическое заключеніе Н. Н. Шапошникова въ вопросѣ о цѣнности нуждается въ большихъ оговоркахъ. «Если бы удалось,—говоритъ онъ,—свести цѣнность къ одному какому-либо фактору, къ полезности или къ труду, то мы могли бы такое объясненіе считать рѣшеніемъ этой

проблемы, но намъ не удалось это»(стр.49). При извѣстныхъ условіяхъ, какъ мы видѣли, такое сведеніе вполнѣ удается: при постоянныхъ издержкахъ—къ труду, при отсутствіи издержекъ или при абсолютной рѣдкости—къ полезности. Въ этихъ простѣйшихъ рѣшеніяхъ мы можемъ видѣть какъ бы два крайніе полюса, между которыми должны лечь болѣе сложныя (при допущеніи большей сложности отношеній) объясненія цѣнности. Если бы и эти сложныя явленія удалось свести къ какому-нибудь одному фактору, тогда рѣшеніе проблемы цѣнности можно было бы считать вполнѣ завершеннымъ. При современномъ положеніи научной разработки вопроса такихъ простѣйшихъ элементовъ остается два (трудъ и полезность), и дальнѣйшія теоретическія изысканія должны привести, повидимому, не къ исключенію одного изъ этихъ элементовъ за счетъ другого, а или къ открытію какого-либо новаго, общаго имъ основного элемента, или къ опредѣленію превращаемости одного изъ этихъ элементовъ въ другой. Пока болѣе близкой задачей научной работы ставится синтезъ этихъ двухъ элементовъ, и заслуга математической школы заключается по преимуществу въ удачныхъ попыткахъ такого синтеза. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что именно тамъ, гдѣ синтезъ этотъ наиболѣе приложимъ, т. е. въ сложныхъ условіяхъ хозяйственной жизни, въ которыхъ сталкиваются оба указанныхъ простѣйшихъ элемента, на пути его лежатъ серьезныя препятствія въ привхожденіи новыхъ элементовъ, не сводимыхъ пока ни къ труду, ни къ полезности. Изслѣдованіе этихъ сложныхъ условій хозяйства, гдѣ причудливо переплетаются разнообразные факторы опредѣленія цѣнности, и составляетъ текущую злобу дня экономической теоріи. И такъ какъ здѣсь вопросы хозяйственнаго снабженія (черезъ издержки производства) играютъ громадную роль, то легко понять, почему въ послѣднее время въ самомъ лагерѣ субъективной экономической школы замѣчается рѣзкое передвиженіе отъ субъективнаго рѣшенія проблемы цѣнности къ изслѣдованію объективныхъ условій—трудовыхъ затратъ и организаціи производства (см., напр., чрезвычайно характерныя заявленія Тауссига въ введеніи и первой главѣ его новаго труда: «Principles of economics», New-Jork, 1911). Эта перестройка фронта весьма знаменательна для нашего времени. Намъ кажется, что въ изученіи связи между организаціей хозяйственнаго снабженія людей матеріальными благами и установленіемъ товарныхъ цѣнъ лежатъ важнѣйшія очередныя проблемы теоретической экономіи. Именно здѣсь мы должны ожидать крупныхъ научныхъ завоеваній. И становится досадно, когда въ трудѣ, подобномъ разбираемому, авторъ относится какъ бы съ нѣкоторой робостью къ высказыванію собственныхъ мыслей, предпочитая изло-

женіе и критику результатовъ, полученныхъ прежними изслѣдованіями. Правда, главной задачей своей книги авторъ ставилъ именно критическій разборъ существующихъ теоретическихъ теченій; но и самая критика, и подведеніе итоговъ тому, что уже сдѣлано, только выиграли бы отъ болѣе смѣлаго отношенія автора къ собственной теоретической работѣ.

Въ отдѣлѣ о распредѣленіи, наиболѣе обстоятельно разработанномъ авторомъ, мы не можемъ не отмѣтить прежде всего, помимо указанной уже методологической неправильности въ постановкѣ проблемы, нѣкоторое суженіе круга вопросовъ, взятыхъ для изслѣдованія. Изъ отдѣльныхъ доходовъ авторъ удѣляетъ больше всего вниманія прибыли, оставляя въ тѣни вопросы о заработной платѣ и въ особенности о рентѣ. Болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ помогло бы провѣрить и общіе выводы о распредѣленіи и рѣшеніи самой проблемы прибыли. Изъ новѣйшихъ ученій авторъ останавливается здѣсь всего болѣе на теоріи предѣльной производительности извѣстнаго американскаго экономиста Кларка. Быть можетъ, не безъ вліянія этой теоріи, построенной на гипотезѣ совершенной конкуренціи, у Н. Н. Шапошникова и сложилось преувеличенное представленіе о значеніи этой гипотезы для абстрактнаго изученія проблемы распредѣленія. Н. Н. Шапошниковъ вообще склоненъ нѣсколько переоцѣнивать логическую силу построенія названнаго ученаго, считая, напр., для него неопаснымъ даже весьма существенное, по нашему мнѣнію, возраженіе Бемъ-Баверка, что на одной производительности капитала нельзя построить теорію прибыли и, что необходимо показать, почему же существуетъ постоянное различіе *въ цѣнности* между затраченнымъ капиталомъ и его выручкой. Правда, Н. Н. Шапошниковъ предпочелъ бы иное обоснованіе этой теоріи, чѣмъ какое даетъ самъ Кларкъ. По его мнѣнію, здѣсь необходимо стать вмѣсто индивидуалистической на общественную точку зрѣнія, и представить себѣ прибыль, какъ долю капиталистовъ въ продуктѣ общественнаго производства. Доказавъ, что на долю капиталистовъ приходится часть общественнаго продукта, мы тѣмъ самымъ признаемъ и необходимость прибавочной цѣнности, такъ какъ эта прибавочная цѣнность—ничто иное, какъ право на полученіе означенной доли. Эта вторая задача, т. е. выясненіе специфической формы, въ которую при современныхъ условіяхъ выливается доходъ капиталистовъ, по мнѣнію Н. Н. Шапошникова, несравненно легче первой. Съ этимъ едва ли можно согласиться. Переводъ вопроса отъ дѣлежа продукта въ натурѣ въ область отношеній обмѣна, гдѣ устанавливаются размѣры цѣнности получаемыхъ долей, составляетъ весьма сложную самостоятельную теоретическую задачу, и съ ней

необходимо было серьезно посчитаться. Н. Н. Шапошниковъ согласенъ и съ весьма спорнымъ допущеніемъ Кларка, что въ данномъ для изслѣдованія гипотетическомъ обществѣ всѣ рабочіе должны найти себѣ работу. Такое допущеніе никакъ нельзя считать логически необходимымъ при абстрактномъ изслѣдованіи проблемы распредѣленія. Не входя въ разсмотрѣніе вопроса, въ какой мѣрѣ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ имѣется на лицо резервная армія рабочихъ, такъ какъ авторъ разбираемой книги беретъ лишь гипотетическія, абстрактно-идеальныя условія капиталистическаго общества, нельзя не видѣть, что для полноты построенія такой гипотезы необходимо было бы принять, что поскольку капиталисты дѣйствуютъ внѣ какого-либо принужденія и руководятся въ своей дѣятельности единственно соображеніями выгодности примѣненія рабочихъ рукъ въ ихъ предпріятіяхъ, они должны были бы отказывать въ занятіи тому числу рабочихъ, трудъ которыхъ былъ бы для нихъ убыточенъ. Значитъ и для статическаго состоянія хозяйства (которое здѣсь единственно имѣетъ въ виду Кларкъ) необходимо слѣдовало бы допустить наличность извѣстной арміи рабочихъ, стоящей въ сторонѣ отъ производства. А разъ мы примемъ существованіе такой резервной рабочей арміи, то падаетъ и основное положеніе Кларка объ опредѣленіи заработной платы продуктомъ труда предѣльнаго рабочаго, ибо резервная армія, стоя въ сторонѣ отъ производства, не можетъ не оказывать давленія на его организацію, понижая уровень заработной платы до минимума средствъ существованія. И тогда вся система Кларка необходимо должна поколебаться, и на очередь выдвигается тотъ вопросъ о вліяніи на распредѣленіе факторовъ соціальнаго порядка, который былъ, казалось, такъ счастливо обойденъ въ системѣ Кларка. Конечно, и Н. Н. Шапошниковъ считаетъ, что распредѣленіе находится въ зависимости отъ соціальныхъ факторовъ; онъ не видитъ только, какимъ образомъ они могли бы найти себѣ мѣсто въ *экономическомъ* изслѣдованіи. Мы уже упоминали что считаемъ такое ограниченіе работы экономиста методологически необоснованнымъ. Мы хотѣли бы отмѣтить еще, что, указывая на необходимость продвинуть изслѣдованіе проблемы распредѣленія въ область соціальныхъ факторовъ, мы далеки отъ признанія, что гипотеза совершенной конкуренціи не даетъ ничего при разработкѣ теоріи распредѣленія. Намъ думается, что при извѣстныхъ допущеніяхъ, при опредѣленномъ ограниченіи круга изслѣдованія и, слѣдовательно, значенія получаемыхъ при этомъ выводовъ, можно было бы доказать, что при совершенной конкуренціи заработная плата образуетъ единственный статическій доходъ, и что въ статическомъ со-

стояніи общества не остается мѣста не только для предпринимательской прибыли, но и для процента. Но подробно говорить объ этомъ—значило бы выйти изъ рамокъ и такъ уже растянувшейся рецензіи.

В. Желѣзновъ.

ПРЕЗИДЕНТСКІЙ ВОПРОСЪ ВО ФРАНЦІИ.

— Henry Leyret. Le Président de la République, son rôle, ses droits, ses devoirs. (Парижъ, 1913).

Въ политической литературѣ принято считать ненормальнымъ или, по меньшей мѣрѣ, двусмысленнымъ положеніе президента французской республики, снабженнаго широкими законными полномочіями, но лишеннаго средствъ самостоятельнаго примѣненія ихъ на практикѣ.

«Старые короли—писалъ въ восьмидесятыхъ годахъ извѣстный сэръ Генри Мэнъ,—царствовали и управляли. Конституціонный монархъ, по Тьеру, царствуетъ, но не управляетъ. Президентъ Соединенныхъ штатовъ управляетъ, но не царствуетъ. На долю президента французской республики выпало—не царствовать и не управлять». Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ современнаго государственнаго права Франціи, Дюпріѣ, утверждаетъ, что обыкновенно у президента нѣтъ даже того авторитета, какой должны придавать ему безспорныя личныя заслуги. Не имѣя вліянія на своихъ министровъ, президентъ—по словамъ Дюпріѣ,—«одинаково безсиленъ, какъ поддержать ихъ, такъ и препятствовать имъ въ ихъ политикѣ. Онъ ничего не можетъ сдѣлать для нихъ, потому что, несмотря на свою конституціонную независимость, онъ—простая игрушка, которую палата депутатовъ можетъ сломать по собственному усмотрѣнію. Власть президента такъ непрочна, такъ незначительна по сравненію съ законодательными собраніями, что ни одинъ изъ президентовъ не пытался пользоваться даже такимъ безобиднымъ правомъ, какъ требованіе отъ палатъ вторичнаго разсмотрѣнія принятаго ими законопроекта. Если президенты иногда и обращались къ нимъ съ какими-нибудь торжественными посланіями, то это были—за исключеніемъ тѣхъ, которыя содержали ихъ отреченіе—простые акты вѣжливости, въ ко-

торыхъ тщательно избѣгалась всякая оцѣнка политическихъ вопросовъ. Президенты совершенно стушевались передъ парламентомъ; они не проявляли своего личнаго мнѣнія, не желая ни способствовать, ни тормозить дѣятельности палатъ»[1]). Авторъ новѣйшаго изслѣдованія о парламентаризмѣ, К. Н. Соколовъ, оспариваетъ справедливость такого взгляда. Онъ находитъ, что президентъ республики, какъ и конституціонный монархъ, имѣетъ возможность оказывать широкое и благотворное вліяніе на управленіе государствомъ, благодаря принадлежащему ему праву участія въ большинствѣ правительственныхъ актовъ, хотя бы въ порядкѣ ихъ формальнаго завершенія. Это послѣднее право — говоритъ К. Н. Соколовъ, — «лучше всего опровергаетъ ходячее мнѣніе, будто монарху или президенту республики нечего дѣлать въ условіяхъ парламентарнаго строя, будто парламентаризмъ низводитъ ихъ на степень безсловесныхъ фигурантовъ». Главѣ парламентарнаго государства часто приходится въ моменты министерскихъ кризисовъ проявлять бо́льшую или меньшую степень иниціативы, но и въ текущихъ дѣлахъ управленія онъ «отнюдь не уподобляется манекену» («Парламентаризмъ», стр. 303). Однако, съ точки зрѣнія французскихъ политическихъ традицій представляется недостаточно утѣшительнымъ сознаніе, что глава государства не находится въ положеніи безсловеснаго фигуранта или манекена.

Вышедшая недавно книга Лейрѣ, написанная горячо, безъ всякихъ претензій на научность, ставитъ вопросъ на почву чисто практическихъ соображеній и комбинацій. Во Франціи нарушено равновѣсіе властей: парламентъ, самъ по себѣ неустойчивый и перемѣнчивый, безраздѣльно господствуетъ надъ страною, подчинивъ себѣ исполнительную власть, и народъ не видитъ въ государствѣ твердой руководящей воли. Между тѣмъ, по мнѣнію Лейрѣ, «даже самыя демократическія націи нуждаются въ руководствѣ, и отъ этой необходимости не можетъ уклониться и французская республика. Она легко удовлетворитъ эту потребность, если президентъ перестанетъ быть непроизводительной силой и согласится поднять авторитетъ исполнительной власти». Французы не могутъ мириться съ слабостью и безцвѣтностью правителей; они хотятъ, чтобы президентъ республики былъ истиннымъ главою государства и пользовался всѣми своими правами и полномочіями для общей пользы, не останавливаясь передъ притязаніями и требованіями отдѣльныхъ парламентскихъ группъ. Лейрѣ увѣренъ, что удовлетвореніе этой жажды твердой

[1]) «Государство и роль министровъ во Франціи», Л. Дюпріѣ (Спб., 1906, стр. 77).

республиканской власти вполнѣ зависитъ отъ личныхъ качествъ и доброй воли президента. Конституціонные законы 25 февраля и 16 іюля 1875-го года даютъ президенту такія права, какія прежде принадлежали только монархамъ; онъ распоряжается вооруженными силами государства, назначаетъ на всѣ гражданскія и военныя должности, заключаетъ договоры съ иностранными державами, предсѣдательствуетъ на національныхъ торжествахъ, обладаетъ правомъ помилованія, имѣетъ право созывать палаты на чрезвычайную сессію, распускать палату депутатовъ, съ согласія сената, ранѣе истеченія срока ея полномочій, предлагать палатамъ пересмотръ конституціонныхъ законовъ, отсрочивать засѣданія палатъ на одинъ мѣсяцъ два раза въ теченіе одной законодательной сессіи, вносить проекты законовъ по своей иниціативѣ, требовать вторичнаго разсмотрѣнія принятаго уже обѣими палатами закона, сноситься съ палатами путемъ посланій, опубликовывать новые законы и наблюдать за ихъ исполненіемъ.

Казалось бы, ничего не остается добавить къ этому списку для полноты картины президентскаго авторитета: тутъ имѣются на лицо всѣ прерогативы настоящаго главы государства при республикѣ. «Мы согласились,—говорилъ Гамбетта въ національномъ собраніи,—дать вамъ болѣе сильную исполнительную власть, чѣмъ когда какая-либо создавалась демократіей». Другіе республиканцы, съ Луи Бланомъ во главѣ, находили эту власть болѣе чѣмъ королевскою. Хотя президентъ выбирается только на семь лѣтъ, но по закону онъ можетъ быть избранъ на вторичный срокъ, и ничто не мѣшаетъ выдающемуся государственному человѣку, въ родѣ Гамбетты, сдѣлаться правителемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ, черезъ десять лѣтъ послѣ установленія республики господствовало уже мнѣніе, что президентъ обреченъ на безсиліе, что ему приходится лишь присутствовать при извѣстныхъ церемоніяхъ и охотиться за зайцами, а не управлять. Всего восемь президентовъ имѣла до сихъ поръ Франція, и изъ нихъ только двое послѣднихъ, Лубѣ и Фальеръ, довели свое президентство до нормальнаго конца. Тьеръ долженъ былъ выйти въ отставку въ маѣ 1873-го года; Макъ-Магонъ удалился въ частную жизнь почти за полтора года до срока; Жюль Греви, выбранный вторично въ декабрѣ 1885-го года, покинулъ власть годъ спустя; Карно былъ убитъ за пять мѣсяцевъ до срока, въ іюнѣ 1894-го года; Казиміръ Перье ушелъ черезъ полгода послѣ избранія, въ январѣ 1895-го года; Феликсъ Форъ скончался за три года до срока, въ февралѣ 1899-го года. Если не считать случаевъ преждевременной смерти, то получается все-таки четыре отставки па восемь избранниковъ, — ровно половина общаго числа. Впрочемъ, Тьеръ и

Макъ-Магонъ были избраны на особыхъ основаніяхъ и фактически могли пользоваться большею свободою дѣйствій, чѣмъ ихъ преемники: національное собраніе въ Бордо назначило Тьера «*главою исполнительной власти*, призваннымъ исполнять свои функціи подъ наблюденіемъ палаты, при помощи избранныхъ имъ министровъ, въ засѣданіяхъ которыхъ онъ будетъ предсѣдательствовать»; на тѣхъ-же началахъ состоялось назначеніе Макъ-Магона, и только начиная съ Греви, президенты избираются согласно конституціоннымъ законамъ 1875-го года. А въ этихъ законахъ президентъ уже не называется главою исполнительной власти, и министры получаютъ самостоятельное значеніе: они «солидарно отвѣтственны предъ палатами за общую политику правительства» и слѣдовательно должны руководить этой политикою, тогда какъ президентъ отвѣчаетъ только въ невѣроятномъ случаѣ государственной измѣны и, будучи безотвѣтственнымъ за общій ходъ управленія, не можетъ навязывать министрамъ свои личные взгляды и рѣшенія. Кромѣ того, въ тѣхъ-же законахъ сдѣлана маленькая оговорка, отнимающая у президента возможность дѣйствовать независимо, по собственному своему убѣжденію: «всякій актъ президента республики долженъ быть скрѣпленъ подписью министра». Президентъ сохраняетъ право выбора министровъ или, вѣрнѣе, право поручить опредѣленному лицу образованіе министерства; но онъ долженъ выбрать только такое министерство, которое можетъ разсчитывать на довѣріе парламентскаго большинства, и потому право выбора является въ сущности весьма ограниченнымъ и нерѣдко даже фиктивнымъ. Маршалъ Макъ-Магонъ сдѣлалъ въ свое время опытъ избранія министровъ по своему личному вкусу, вопреки мнѣніямъ и желаніямъ палаты депутатовъ—и результатъ этой попытки наглядно показалъ практическую безнадежность подобныхъ препріятій, если не имѣется въ виду прибѣгнуть къ насильственному государственному перевороту. На другой-же день послѣ произвольнаго удаленія кабинета Жюля Симона, 17-го мая 1877 года, палата депутатовъ, по предложенію Гамбетты, приняла слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ: «Принимая въ соображеніе, что преобладаніе парламентской власти, проявляющееся черезъ посредство министерской отвѣтственности, есть первое условіе того управленія страны самимъ народомъ, которое имѣли въ виду установить конституціонные законы, палата заявляетъ, что довѣріе большинства можетъ принадлежать только кабинету, свободному въ своей дѣятельности». Макъ-Магону оставалось только, заручившись согласіемъ сената, распустить палату и назначить новые выборы. Огромное большинство избирателей, какъ

можно было предвидѣть заранѣе, высказалось противъ президента и поставило его этимъ въ крайне затруднительное и щекотливое положеніе. Съ тѣхъ поръ не повторялись уже конфликты такого рода, ибо президенты отреклись отъ притязаній на личную политику, общественное мнѣніе не имѣло уже повода интересоваться политическими планами и настроеніями обитателей Елисейскаго дворца.

При Жюлѣ Греви президентскій кризисъ, какъ извѣстно, возникъ изъ-за продажности его зятя, депутата Вильсона, котораго онъ упорно оставлялъ при себѣ, несмотря на всѣ разоблаченія въ печати и въ парламентѣ. Въ этомъ случаѣ Греви показалъ себя болѣе отцомъ семейства, чѣмъ гражданиномъ и отвѣтственнымъ государственнымъ дѣятелемъ; узко понятые интересы семьи и, въ частности, дочери были поставлены имъ впереди и выше чувства долга, которое настойчиво и единодушно подсказывалось ему общественнымъ мнѣніемъ. Въ посланіи къ палатамъ отъ 1 декабря 1887-го года, которымъ онъ возвѣщалъ свою отставку, вовсе не упоминается объ этой печальной семейной исторіи, но указывается на обстоятельства, лишающія президента возможности исполнять свои обязанности. Встрѣчая на своемъ пути «нападенія печати, отказы людей, призываемыхъ голосомъ республики къ участію въ совѣтахъ правительства, и возростающую невозможность образованія министерства», Жюль Греви «боролся и оставался на посту, къ которому его привязывалъ долгъ»; но когда сенатъ и палата депутатовъ одновременно приняли двойную резолюцію объ отсрочкѣ засѣданій до полученія отъ него обѣщаннаго посланія, онъ понялъ, что отъ него ждутъ отставки. «Моя обязанность и мое право—заявлялъ онъ далѣе—побуждали бы меня сопротивляться; но, при данныхъ обстоятельствахъ, конфликтъ между исполнительною властью и парламентомъ могъ бы привести къ послѣдствіямъ, которыя меня останавливаютъ. Благоразуміе и патріотизмъ повелѣваютъ мнѣ уступить». На дѣлѣ исполнительная власть не находилась уже въ его рукахъ съ того момента, когда онъ потерялъ возможность имѣть при себѣ министровъ, а о привлеченіи министровъ нельзя было и думать послѣ неблагопріятнаго рѣшенія, принятаго обѣими палатами. Для сопротивленія и борьбы не было ни почвы, ни матеріала, ни точки опоры.

Эти мотивы президентскаго безсилія при конфликтахъ съ парламентомъ выяснились съ полною отчетливостью въ инцидентахъ, которыми сопровождалась отставка Казимира-Перье въ январѣ 1895-го года. Казимиръ-Перье прямо ссылался на то, что «президентъ республики лишенъ способовъ дѣйствія и контроля», что «только въ довѣріи націи онъ почерпаетъ нравственную силу, безъ которой онъ — ничто», что онъ остается совершенно безо-

ружнымъ предъ «систематической кампаніею клеветъ и оскорбленій, направленныхъ противъ арміи, магистратуры и безотвѣтственнаго главы государства», когда министры не раздѣляютъ его взглядовъ. Сопоставляя «тяжесть своей нравственной отвѣтственности» съ безсиліемъ, на которое онъ обреченъ, Казиміръ-Перье утверждалъ, что «конституціонныя фикціи не могутъ заставить молчать требованія политической совѣсти»; «быть можетъ,—добавляетъ онъ,—слагая съ себя свои полномочія, я напомню о предстоящей обязанности тѣмъ, которые заботятся о достоинствѣ власти и о добромъ имени Франціи въ мірѣ». Дѣло было именно въ томъ, что между умѣренно-либеральнымъ президентомъ и передовыми партіями республиканскаго большинства существовалъ непримиримый разладъ, который рѣзко выражался и въ нападкахъ печати, и въ несогласіяхъ среди министровъ и кандидатовъ въ министры; это было начало возбужденія, вызваннаго знаменитымъ дѣломъ Дрейфуса. Впослѣдствіи, въ письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ «Temps» (въ февралѣ 1905 года), Казиміръ-Перье высказалъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о положеніи президента по конституціи 1875-го года. Въ одномъ изъ засѣданій сената генералъ Бильо указалъ на параграфъ конституціоннаго закона, предоставляющій президенту республики право требовать новаго обсужденія принятаго уже парламентомъ закона; президентъ сената, Фальеръ, тотчасъ остановилъ оратора напоминаніемъ, что не слѣдуетъ примѣшивать главу государства къ парламентскимъ преніямъ и тѣмъ болѣе апеллировать къ нему противъ воли палатъ. Казиміръ-Перье отмѣчаетъ странность этого недопущенія простой ссылки на конституцію. Неужели—спрашиваетъ онъ—сенаторамъ запрещено читать параграфъ конституціонныхъ законовъ? «Несомнѣнно, это очень дурное чтеніе», ибо въ цѣломъ рядѣ параграфовъ говорится о полномочіяхъ и обязанностяхъ президента республики, и на него ссылались бы по поводу каждаго вопроса внутренней и внѣшней политики. Конституція не даетъ основанія выдвигать министровъ на первый планъ; она даже вовсе не опредѣляетъ ихъ функцій. «Правда, они отвѣтственны, но не за то, что они сдѣлали, а за то, что сдѣлалъ президентъ республики». Еслибы глава государства пожелалъ осуществить право пересмотра военнаго закона, о которомъ говорилъ генералъ Бильо, то, конечно, онъ не могъ бы для этого прибѣгнуть къ содѣйствію министровъ, проводившихъ и отстаивавшихъ этотъ законъ въ парламентѣ; онъ не могъ бы также обратиться къ палатамъ съ мотивированнымъ посланіемъ по этому предмету, такъ какъ потребовалась бы подпись министра, и взгляды, изложенные въ посланіи, могли бы быть защищаемы только министерствомъ. «Президентъ—по сло-

вамъ Казимира-Перье—не можетъ ничего сдѣлать самъ по себѣ; его подпись имѣетъ значеніе только рядомъ съ другою, и кромѣ заявленія объ отставкѣ, все, что онъ подписываетъ одинъ, составляетъ лишь автографъ для коллекціи. Поэтому безполезно было говорить о немъ и примѣшивать его къ преніямъ; это значило только подчеркивать его безсиліе... Единственное полномочіе, которое президентъ можетъ исполнять свободно и индивидуально,—это предсѣдательство на національныхъ торжествахъ». Всѣ права и функціи, приписанныя конституціею президенту,—замѣчаетъ авторъ письма—относятся на дѣлѣ къ исполнительной власти, а исполнительная власть воплощается не безотвѣтственнымъ президентомъ, а отвѣтственными министрами.

Трудно возразить что-нибудь противъ этихъ доводовъ бывшаго президента, не сумѣвшаго привлечь къ себѣ симпатіи общественнаго мнѣнія во время своего президентства. Съ формальной стороны онъ совершенно правъ, какъ правъ былъ и Жюль Греви въ своемъ строго юридическомъ толкованіи конституціонныхъ законовъ; но при республиканскомъ режимѣ рѣшающая сила принадлежитъ общественному мнѣнію, противъ котораго не помогутъ никакія искусственныя формулы. Анри Лейре въ сущности ломится въ открытую дверь, доказывая въ своей книжкѣ, что нужно выбирать въ президенты людей выдающихся и энергическихъ, способныхъ активно примѣнять свои законныя права; съ этимъ всѣ согласны, и споры касаются лишь вопроса о томъ, почему люди несомнѣнно авторитетные и выдающіеся, какъ, напр., Казиміръ-Перье, терпѣли неудачу въ должности президента республики. Авторъ почти совсѣмъ обходитъ эту существенную сторону вопроса; онъ не идетъ далѣе чисто формальной аргументаціи, подкрѣпляя ее патріотическими возгласами и призывами, мало убѣдительными въ глазахъ безпристрастныхъ читателей. Лейре приводитъ нѣкоторые факты въ подтвержденіе того, что даже при существующемъ пониманіи президентскихъ функцій глава государства во Франціи можетъ оказывать сильное вліяніе на политику; такъ, Карно, Феликсъ Форъ и Лубе весьма значительно содѣйствовали заключенію и упроченію франко-русскаго союза; выборъ министровъ часто опредѣлялся личной иниціативою и даже личными чувствами президента, такъ что напр., при Лубе не могъ сдѣлаться министромъ Клемансо, неоднократно выдвигавшійся парламентскими комбинаціями на постъ премьера, и онъ получилъ власть только при Фальерѣ. По этому поводу нельзя не замѣтить, что, быть можетъ, устраняя Клемансо отъ отвѣтственной министерской дѣятельности и призывая къ власти его второстепенныхъ единомышленниковъ, Лубе скорѣе ослаблялъ, чѣмъ уси-

ливалъ свое положеніе предъ палатами и страною; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лишалъ себя возможности непосредственно вліять на одного изъ крупнѣйшихъ руководителей господствующихъ парламентскихъ партій. Точно также Жюль Греви, по мнѣнію многихъ компетентныхъ лицъ, сдѣлалъ ошибку, устранивъ Гамбетту отъ министерскихъ комбинацій въ первые годы своего президентства. Въ этихъ случаяхъ подчиненіе указаніямъ общественнаго мнѣнія было бы для президента условіемъ успѣха и силы, а не слабости. Изъ матеріала, собраннаго въ книжкѣ Лейрѣ, можно сдѣлать только одинъ правильный выводъ: президентъ республики безсиленъ, когда онъ дѣйствуетъ несогласно съ общественнымъ мнѣніемъ, выражаемымъ въ парламентѣ и въ печати—и онъ имѣетъ шансы стать вершителемъ судебъ своей страны, когда является выразителемъ ея лучшихъ чувствъ и стремленій.

Л. Слонимскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ростъ провинціальной печати.—Газеты, какъ политическая школа для воспитанія массъ.—Репрессіи, осыпающія провинціальную печать.—Борьба противъ незаконно воскресшей цензуры.—Безаконныя дѣйствія администраціи въ борьбѣ съ печатью.—Упованіе начальства на правую печать и разочарованіе въ ней земцевъ и дворянъ въ Саратовѣ.—Преслѣдованіе обществъ, лекцій и рефератовъ.—Усмотрѣніе внѣ логики и закона.—Тщетность борьбы съ общественнымъ духомъ.

Едва ли не самымъ значительнымъ явленіемъ въ провинціи слѣдуетъ признать ростъ мѣстной печати. Несмотря на всѣ невзгоды, препятствія, кары и запугиванія, несмотря на всѣ россійскія вьюги, заморозки и остужающіе вѣтры, провинціальная печать растетъ, органически крѣпнетъ и развѣтляется, какъ мощное дерево, которое послушно одному лишь голосу жизни. Такіе большіе города, какъ Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Екатеринославъ, Саратовъ, Нижній Новгородъ имѣютъ уже по двѣ, по три крупныхъ газеты, которыя по солидности и разнообразію матеріала нерѣдко могутъ поспорить съ главными столичными газетами. Вокругъ этихъ органовъ въ каждомъ почти городѣ, какъ мелкая поросль, размножаются дешевыя

изданія: копеечныя газеты, сатирическіе листки, крохотные журнальчики. И въ тоже время Москва, какъ мощный центральный пунктъ, засыпаетъ своими изданіями по радіусамъ желѣзныхъ дорогъ всѣ города средней Россіи. Это соперничество столицы съ губернскими городами создало уже кое-гдѣ своеобразную конкуренцію. Въ Саратовѣ, напримѣръ, куда московское «Русское Слово» приходитъ на слѣдующее утро со всѣмъ богатствомъ столичныхъ свѣдѣній и гдѣ оно продается по 5 коп., мѣстныя газеты, несмотря на свою солидную величину и улучшающееся качество, должны были серьезно задуматься надъ своимъ положеніемъ. Съ одной стороны бьетъ ихъ «Русское Слово», съ другой—мѣстныя копеечныя газеты. Розничная продажа «Саратовскаго Листка» и «Саратовскаго Вѣстника» чрезвычайно упала. Выходъ пока найденъ въ томъ, что эти газеты понизили свою розничную цѣну съ 5 до 3 коп. Пришлось вмѣстѣ съ тѣмъ думать о ротаціонныхъ машинахъ, объ улучшеніи качества газетъ и т. д. Отъ всего этого, конечно, выигрываетъ населеніе, которое, развивая вкусъ къ печатному слову, видитъ въ то же время, что газеты подходятъ къ нему все ближе, удешевляясь и улучшаясь.

Нѣтъ, кажется, надобности говорить, что громадная, подавляющая часть провинціальной печати—прогрессивная. Въ сущности, одного этого факта достаточно, чтобы признать, что дѣло стараго государственнаго режима проиграно безповоротно. Во-первыхъ, газеты больше, чѣмъ что-либо, прямое порожденіе вкусовъ и требованій общества. И если возникли, прочно укрѣпились и пользуются повсемѣстной популярностью именно прогрессивныя газеты, то безъ ошибки и безъ всякихъ преувеличенныхъ иллюзій можно сказать, что громадная часть думающаго и читающаго населенія въ Россіи примыкаетъ къ прогрессивному настроенію. Во-вторыхъ,—и это еще важнѣе,—черезъ газеты идетъ сейчасъ политическое и общественное воспитаніе массъ. Послѣ потрясенія, испытаннаго семь лѣтъ назадъ, вся Россія въ сущности заново (мѣстами прямо изъ вѣкового сырья) граждански перевоспитывается. Неслышное, неуслѣдимое въ полномъ размѣрѣ, но несомнѣнно, громадное и мощное по будущимъ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ дѣло политическаго воспитанія массъ совершается сейчасъ разными средствами и путями, но, кажется; на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить газеты. Разборъ государственныхъ вопросовъ, — до крайности затрудненный при прежнемъ цензурномъ гнетѣ,—составляетъ сейчасъ главную тему всѣхъ газетъ, а Государственная Дума дѣлаетъ обсужденіе этихъ вопросовъ не только возможнымъ, но и обязательнымъ. Неудержимый и все увеличивающійся потокъ прогрессивныхъ газетъ заливаетъ

теперь не только губернскіе и уѣздные города, но проникъ уже въ села и деревни, и просачивается все глубже въ толщу народной жизни. Эти летучіе листки, которыхъ не удержать и не поймать, какъ не удержать, не сосчитать и не переловить листья деревьевъ, когда лѣсъ при вѣтрѣ отряхиваетъ ихъ милліонами, могутъ, по истинѣ, быть названы сейчасъ главной политической школой народа. И хотя, конечно, много у провинціальной прессы ошибокъ, промаховъ, большихъ и малыхъ грѣховъ, хотя она далеко не свята и не можетъ претендовать на совершенство, но, взятая вся въ цѣломъ, она совершаетъ сознательно и безсознательно большое государственное дѣло, на которое можно смотрѣть съ основательными надеждами и серьезнымъ упованіемъ.

Администрація, не сознающая, повидимому, всей глубины положенія и безнадежности своей политики, чувствуетъ, однако, серьезную опасность для себя отъ газетъ и старается, по мѣрѣ возможности, приглушить голосъ прессы. Въ столичныхъ газетахъ почти ежедневно мы читаемъ о репрессіяхъ, которыя сыплются на провинціальную печать: штрафы, привлеченіе къ суду, арестъ редакторовъ, конфискація нумеровъ. Чувствуя, очевидно, свое органическое здоровье, провинціальная печать переноситъ эти кары въ общемъ мужественно и даже съ сарказмами по адресу властей. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все же приходится газетамъ отъ этихъ давленій тяжко. Изъ Кіева, напримѣръ, сообщаютъ «Русскимъ Вѣдомостямъ»: «Первый мѣсяцъ новаго года ознаменовался въ Кіевѣ обиліемъ административныхъ репрессій. Особенно пострадала кіевская прогрессивная печать, подвергнутая въ общемъ шести административнымъ взысканіямъ на сумму 650 руб., съ замѣной $9^1/_2$ мѣс. ареста. «Кіевская Мысль» оштрафована дважды, на сумму 250 руб., за обзоръ польской жизни и за статью о почаевскихъ союзникахъ. «Спутникъ Чиновника» оштрафованъ на 100 р. за статьи о положеніи низшихъ чиновниковъ. Кооперативный журналъ «Наше Дѣло» оштрафованъ на 100 р. за статью о текущихъ политическихъ вопросахъ. Украинскій еженедѣльникъ «Маякъ» оштрафованъ на 200 р. за статью объ амнистіи. Наконецъ, редакторъ новой рабочей газеты «Голосъ Труда» подвергнутъ въ административномъ порядкѣ трехмѣсячному аресту, безъ замѣны штрафомъ, «по совокупности» за всѣ статьи, помѣщенныя въ первомъ нумерѣ газеты». Конечно, при такихъ условіяхъ существовать газетамъ тяжело, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—непосильно. Въ особенности плохо тамъ, гдѣ исчезаютъ послѣднія крохи законности и господствуетъ полное усмотрѣніе начальства. Какъ быть, напримѣръ, если, вопреки закону, возстановляется прежняя драконовская цензура? Въ Бахмутѣ, по сообщенію

харьковскаго «Утра», произошелъ именно такой случай. «Редакторъ издававшейся въ 1912-мъ году газеты «Донецкое Слово»,—говоритъ корреспондентъ «Утра»,—находился въ соглашеніи съ бахмутскимъ исправникомъ (онъ же цензоръ), коимъ для этой газеты полюбовно устанавливалась предварительная цензура, за что редакторъ получалъ гарантію неприкосновенности (отъ штрафовъ, конфискацій, привлеченій и проч. подлежащихъ непріятностей). Цензоръ-исправникъ настолько привыкъ за шесть мѣсяцевъ изданія «Донецкаго Слова» къ такому порядку, что никакъ не могъ понять смѣлости издателя, выпустившаго безъ предварительнаго просмотра имъ, цензоромъ, № 1-ый новой газеты «Донецкій Курьеръ». Исправникъ запротестовалъ. Редакторъ сталъ отстаивать свои права, въ концѣ-концовъ обратившись къ екатеринославскому губернатору. Въ ожиданіи же разъясненій, существуетъ ли у насъ предварительная цензура, или же таковая и въ самомъ дѣлѣ упразднена, выходъ газеты пріостановленъ.»

Надо полагать, что упраздненная закономъ цензура во многихъ мѣстахъ провинціи контрабаднымъ путемъ, черезъ полицію, вернулась на прежнее мѣсто и дѣлаетъ свое деморализующее дѣло (въ Казани цензура уже нѣсколько времени тому назадъ возстановлена). Говоря по справедливости, винить въ этомъ приходится не только администрацію, весьма склонную къ преувеличенію своей власти, но и провинціальную печать. Можетъ быть, даже слѣдуетъ ее за это и винить, и стыдить. Хотя и тяжко ея существованіе, хотя и запугиваютъ ее штрафами и всяческими репрессіями, но все-же подставлять самимъ покорную голову подъ ярмо цензуры и самимъ просить о беззаконіи, — весьма не похвально для прогрессивныхъ газетъ. Какъ-же проповѣдывать тогда о насажденіи законности и о борьбѣ за право, если собственный примѣръ такъ малодушенъ? Поэтому мужественный поступокъ редактора маленькой бахмутской газеты, дерзнувшаго заявить протестъ противъ незаконныхъ требованій исправника, производитъ бодрое и пріятное впечатлѣніе.

Администрація и полиція, впрочемъ, не очень стѣсняются незаконностью своихъ требованій. Газета «Сибирь», напримѣръ, отмѣчаетъ слѣдующій фактъ: «Томскій полицеймейстеръ потребовалъ отъ редактора «Сибирской Жизни» представить ему списокъ сотрудниковъ. Требованіе это до такой степени незаконное, что можно было бы ему удивляться, если бы дѣйствительность не пріучила насъ ничему не удивляться».

А изъ Егорьевска, Рязанской губерніи, сообщаютъ «Русскому Слову» о такомъ мелкомъ, но характерномъ фактѣ: „На дняхъ околоточный надзиратель Солдатовъ явился въ трактиръ Васильева,

находящійся въ его участкѣ, и приказалъ буфетчику не выдавать посѣтителямъ газету «Русское Слово». На вопросъ, какія же газеты разрѣшается выдавать для чтенія, представитель полиціи отвѣтилъ: «Московскія Вѣдомости» и «Московскій Листокъ», но предупреждаю, что если вы не исполните моего приказанія, я вынужденъ буду дѣйствовать по своему усмотрѣнію».

Случай этотъ былъ бы только забавенъ, если-бы онъ представлялъ единичное исключеніе. Но мелкій чинъ, очевидно, явился послушнымъ исполнителемъ высшихъ предначертаній. Въ газетахъ неоднократно появлялись сообщенія, какъ въ той или иной губерніи, по распоряженію губернатора, воздвигались различныя препятствія для преграждения прогрессивнымъ газетамъ доступа къ читателю.

Все явственнѣе выступаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ административной психологіи новая и, такъ сказать, современная черта: желаніе бороться съ печатью ея-же оружіемъ. Свѣдѣнія объ этомъ идутъ чуть ли не со всѣхъ мѣстъ Россіи. Администрація энергично взялась за пропаганду правой прессы. Екатеринославскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», напримѣръ, сообщаетъ: «Почти ежедневно и въ Екатеринославѣ, и въ уѣздахъ полицейскія власти то перетряхиваютъ сумки газетчиковъ, то вызываютъ ихъ для этого въ полицію. Дѣлается это для контроля, нѣтъ ли въ сумкахъ конфискованныхъ изданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ внушается: газетчики обязаны продавать черносотенную мѣстную газету «Русскую Правду», Указывается и количество «обязательныхъ» нумеровъ».

Изъ Минска пишутъ: «Новый губернаторъ А. Ф. Гирсъ взялъ подъ свое покровительство органъ борисовскихъ націоналистовъ: «Минское Русское Слово». Приняты мѣры къ распространенію «патріотическаго» органа. На-дняхъ по губерніи разосланъ офиціальный циркуляръ (19-го декабря 1912 г., № 7431) ко всѣмъ предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ земскихъ управъ, непремѣннымъ членамъ землеустроительныхъ комиссій, полицеймейстерамъ, исправникамъ и земскимъ начальникамъ, коимъ предлагается оказать «всякое возможное содѣйствіе» къ распространенію этой «полезной» газеты, «въ противовѣсъ многочисленнымъ тенденціознымъ листкамъ лѣвой и кадетской прессы».

Старательно организовано это дѣло въ Ярославлѣ. «Очень характерны,—сообщаетъ корреспондентъ «Русской Молвы»,—данныя о расходахъ, сдѣланныхъ ярославскимъ губернскимъ комитетомъ попечительства о народной трезвости на выписку періодическихъ изданій для учрежденій попечительства. Ярославская губернія, безъ сомнѣнія, не стоитъ особнякомъ въ этомъ отношеніи. Данныя эти

ярко подчеркиваютъ лишній разъ то, что значительныя средства, отпускаемыя въ распоряженіе попечительствъ о народной трезвости, идутъ на поддержку черносотенной литературы, а не на борьбу съ пьянствомъ, такъ какъ эту литературу никто не читаетъ. Оказывается, что въ 1912 г. Ярославскій губернскій комитетъ о народной трезвости выписывалъ слѣдующія изданія: «Земщина» (405 р.), «Русское Чтеніе» (225 р.), «Дружескія Рѣчи» (146 р.), «Троицкое Слово» (150 р.), «Сельскій Вѣстникъ» (150 р.), «Нева» (75 р.), «Хуторъ» (150 р.), «Воскресный Благовѣстъ» (25 р.), «Отдыхъ Христіанина» (300 р.), «Вѣстникъ Трезвости» (75 р.), «Трезвая Жизнь« (150 р.). Такимъ образомъ, общая сумма, затраченная въ прошломъ году на поддержку указанныхъ изданій, составляла свыше 2000 руб. Кромѣ того, мѣстная черносотенная газета «Ярославецъ», только за декабрь 1912 г., выписывалась для 77 учрежденій попечительства».

Харьковское «Утро» сообщаетъ: «Павлоградскій исправникъ, подъ угрозой запрещенія продажи газетъ, приказалъ газетчикамъ выписывать черносотенную екатеринославскую «Русскую Правду» въ количествѣ 60-ти экземпляровъ каждому».

Словомъ, усердіе въ насажденіи и распространеніи черносотенной печати проявляется значительное и повсемѣстное. И нужно признать, что, несмотря на дикія и неуклюжія средства этой пропаганды, все же попытки бороться съ прогрессивной печатью печатнымъ-же словомъ, — хотя и союзническаго аромата,—болѣе культурный методъ борьбы, чѣмъ классическое зауженіе прогрессивныхъ органовъ штрафами, арестами, конфискаціями и прочими административными скорпіонами. Къ тому-же печатное слово, хотя-бы и черносотенное, довольно коварно по своимъ разнороднымъ и неожиданнымъ послѣдствіямъ. Какъ ни какъ, черносотеннымъ газетамъ приходится, полемизируя съ прогрессивными органами, затрагивать тѣ-же государственные, общественные и экономическіе вопросы. Ихъ читатель также вводится и втягивается въ новый кругъ мышленія, раздумья и колебанія. А такъ какъ арсеналъ доказательствъ у правыхъ публицистовъ довольно убогъ, то черносотенному читателю нерѣдко, вѣроятно, приходится дѣлать естественный шагъ къ прогрессивной печати, гдѣ его разбуженный союзническими воплями разсудокъ находитъ болѣе солидный матеріалъ для размышленія, и первоначальный темный туманъ въ его головѣ въ иныхъ случаяхъ, вѣроятно, до нѣкоторой степени проясняется.

Положеніе черносотенныхъ газетъ вездѣ въ провинціи, какъ общее правило, жалкое. Вездѣ онѣ выходятъ въ свѣтъ, опираясь,

словно на костыли, на разныя субсидіи, пособія, содѣйствія. Влачатъ инвалидную жизнь, хирѣютъ и безславно гаснутъ, чтобы дать мѣсто новымъ, такимъ же золотушнымъ мракосѣятелямъ. Довольно типичную въ этомъ смыслѣ картину представляетъ печальное и унылое существованіе саратовской правой газеты «Волга», одного изъ болѣе живучихъ органовъ черносотеннаго направленія въ провинціи. «Первые годы своего существованія, — разсказываетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—мѣстная правая газета «Волга» питалась субсидіей отъ губернскаго земства. Но расположеніе земства къ ней было недолгимъ. Боевое настроеніе, вызванное бурнымъ 1905-мъ годомъ, въ земствѣ быстро спало, и земство субсидію «Волгѣ» прекратило. Тогда «Волга» перешла на содержаніе къ саратовскому дворянству, въ массѣ котораго порожденное испугомъ 1905 г. настроеніе оказалось болѣе живуче, чѣмъ въ земствѣ. Дворянское собраніе 19-го февраля 1908 г. постановило: «Ассигновать на изданіе газеты, объединяющей всѣ партіи праваго направленія, 18.000 р. ежегодно на трехлѣтіе съ 1909 г., каковую сумму внести въ смѣту, при чемъ, если издаваемая газета не будетъ удовлетворять своему назначенію, предоставить собранію предводителей и депутатовъ прекратить выдачу денегъ на это изданіе». На основаніи этого постановленія, сборъ на субсидію «Волгѣ» вносился въ окладные дворянскіе листы, какъ обязательный налогъ. Истекло это трехлѣтіе. Настроенія стали измѣняться и въ средѣ дворянства. Правда, отказать правой газетѣ въ субсидіи еще не рѣшаются, но «заслуги» ея разцѣниваются уже гораздо ниже. На трехлѣтіе 1912—1914 гг. «Волгѣ» ассигнуется всего 24,000 р., по 8,000 р. въ годъ. «Волга» постаралась получить съ дворянъ ассигнованную сумму полностью въ первый же годъ. И она имѣла основаніе спѣшить. Мы уже сообщали о протестѣ гр. А. А. Уварова противъ обложенія его въ пользу «Волги». За протестомъ гр. Уварова послѣдовалъ протестъ аткарскаго дворянина г. Бартенева. Протесты гр. Уварова и г. Бартенева, оказалось, были только первой ласточкой. На состоявшемся недавно дворянскомъ депутатскомъ собраніи, гдѣ вопросъ о «Волгѣ» былъ поднятъ по иниціативѣ членовъ Государственной Думы М. Х. Готовицкаго и М. Л. Киндякова, обнаружилось уже широкое недовольство. Иниціаторы указывали, что руководимая Э. А. Исѣевымъ «Волга», получающая дворянскую субсидію, совершенно не считается съ настроеніемъ дворянства, и является яркой выразительницей исключительно крайнихъ правыхъ теченій. Послѣ горячихъ преній, продолжавшихся два засѣданія, депутатское собраніе постановило въ дальнѣйшемъ выдачу субсидіи «Волгѣ» прекратить. «Волга» старается сохранить бодрость, поле-

мизируетъ съ «лѣвыми» газетами, полемизируетъ съ депутатскимъ собраніемъ, доказываетъ, что депутатское собраніе не имѣло права выносить постановленіе о прекращеніи субсидіи».

Нужно къ этому прибавить, что «Волгу» въ Саратовской губерніи почти никто не читаетъ, тиражъ ея ничтожный, вліянія на общество она не имѣетъ и не можетъ имѣть. Подъ смѣхъ и сарказмы мѣстной прогрессивной печати «Волга» потихоньку съѣдала земскую и дворянскую субсидіи, а теперь, очевидно, скоро должна будетъ прекратить свою хилую жизнь.

А рядомъ двѣ большихъ прогрессивныхъ газеты, безъ копейки какихъ-либо вспоможеній, подъ угрозами репрессій и подъ охлаждающимъ давленіемъ администраціи, расширяются, процвѣтаютъ, захватываютъ въ краѣ все большее и большее вліяніе.

Если бы администрація и правое дворянство хоть разъ серьезно задумались надъ этой органической связью населенія съ разростающейся прогрессивной печатью, то имъ неминуемо пришлось-бы придти къ выводу, что съ мощнымъ вѣяніемъ времени бороться тщетно и что изъ чувства собственнаго самосохраненія, нужно идти на разумныя уступки новымъ грядущимъ порядкамъ. Нѣкоторые намеки на подобное просвѣтлѣніе сознанія даетъ отказъ саратовскихъ земцевъ въ субсидіи правой «Волги» и колебаніе саратовскаго дворянства при видѣ дармоѣднаго безсилія этого жалкаго органа печати.

Въ общемъ, несмотря на всѣ невзгоды, наиболѣе, кажется, крѣпкое, жизненное и бодрое явленіе въ жизни внутренней Россіи представляетъ прогрессивная провинціальная печать.

Если съ трудомъ и въ достаточной мѣрѣ безуспѣшно борется администрація съ печатнымъ словомъ, то гораздо, какъ будто, побѣдоноснѣе результаты ея борьбы съ попытками общества устраивать на законномъ основаніи собранія, лекціи и рефераты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провинціи дѣйствія администраціи носятъ характеръ почти разгрома. «Въ теченіе января,—пишутъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» изъ Кіева,—запрещенъ рядъ собраній и рефератовъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ запрещеніе носило очень своеобразный характеръ. Такъ, докладъ члена Государственной Думы, проф. С. А. Иванова, «Объ организаціи и дѣятельности партій въ 4-й Государственной Думѣ» первоначально былъ разрѣшенъ администраціей. Однако наканунѣ доклада, когда всѣ приготовленія уже были сдѣланы, полицеймейстеръ около полуночи затребовалъ отъ одного изъ устроителей подробную программу объявленнаго доклада. Программа на слѣдующій день была представлена, но признана была

недостаточной, и устроителямъ предложено было представить другую, болѣе подробную. Устроители собранія, находя, что по закону 4-го марта представленіе программъ не требуется, на этотъ разъ ее не представили. Докладъ былъ запрещенъ, но объявленіе о томъ послѣдовало лишь вечеромъ, когда часть публики уже явилась въ народную аудиторію. Такъ было и въ другихъ случаяхъ. Назначенный на 31-е января рефератъ И. М. Каманина: «О строѣ русскаго православнаго духовенства» не могъ состояться, такъ какъ за часъ до открытія засѣданія предсѣдателемъ религіозно-философскаго общества получено было извѣщеніе отъ администраціи о запрещеніи реферата. Общее собраніе членовъ союза рабочихъ по металлу отмѣнено при такихъ же обстоятельствахъ; о запрещеніи собранія члены союза узнали лишь тогда, когда вечеромъ явились на собраніе и нашли на дверяхъ соотвѣтствующее объявленіе. Обществу борьбы съ бугорчаткой запрещено устроить въ Кіевѣ день «бѣлаго цвѣтка» въ апрѣлѣ; разрѣшеніе дано лишь подъ тѣмъ условіемъ, что день «бѣлаго цвѣтка» будетъ устроенъ не ранѣе 2-го мая (?). Нѣкоему П. Кутыркину запрещено созвать собраніе фотографовъ для обсужденія вопроса объ учрежденіи въ Кіевѣ «всероссійскаго Общества фотографовъ-профессіоналовъ».

Въ Ригѣ для расправы съ непріятными обществами воспользовались первымъ попавшимся предлогомъ. «4-го февраля,—сообщаетъ «Рижскій Вѣстникъ»,—состоялось подъ предсѣдательствомъ губернатора засѣданіе губернскаго объ обществахъ и союзахъ присутствія. Обсужденію засѣданія подлежало закрытіе цѣлаго ряда обществъ и клубовъ за нарушеніе устава и допущеніе азартной игры въ карты. Постановлено закрыть слѣдующіе клубы и общества рижское благородное собр аніе, общественное собраніе «Прогрессъ» общедоступное собраніе «Скала» и русскій кружокъ—музыкально-драматическое общество «Лира», общество владѣльцевъ мясныхъ предпріятій г. Риги, общество рабочей культуры, профессіональное общество подъ названіемъ «Союзъ пекарей», просвѣтительное общество «Аусма», профессіональное общество подъ названіемъ «Союзъ рабочихъ текстильной промышленности», лифляндскій профессіональный союзъ рабочихъ по дереву, латышское общество содѣйствія библіотечному дѣлу, общество трезвости «Колосъ», просвѣтительное общество «Сѣмя», профессіональное Общество рижскихъ рабочихъ-строителей...»

Ясное дѣло, что многія изъ перечисленныхъ обществъ, какъ напримѣръ просвѣтительныя и профессіональныя, не могли быть повинны въ азартной игрѣ въ карты, но—рука администраціи широко размахнулась, и услужливая полиція, можетъ быть, съ бо́льшимъ

усердіемъ закрывала именно эти общества, «безполезныя» съ ея специфической точки зрѣнія.

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» даетъ обобщающую картину административнаго утѣсненія въ Прибалтійскомъ краѣ. «Населеніе,—съ горечью начинаетъ корреспонденцію авторъ,—стремится къ самодѣятельности. Законъ 4-го марта объ обществахъ и союзахъ даетъ населенію кое-какія права, правда, весьма недостаточныя. Но, къ сожалѣнію, у насъ нельзя дѣлать даже всего того, что разрѣшаетъ законъ. Законъ разрѣшаетъ, администрація запрещаетъ. Все это имѣетъ мѣсто въ Курляндской губерніи. Законъ 4 марта разрѣшаетъ рабочимъ организовываться въ профессіональныя общества. Вносимые для регистраціи уставы всегда возвращаются не регистрированными, несмотря на то, что всѣ требованія закона соблюдаются и указанія, какія дѣлаются присутствіемъ, выполняются. Часто для регистраціи подавались уставы, буквально списанные съ уставовъ, уже зарегистрированныхъ въ сосѣдней Лифляндской губерніи обществъ. Но, оказывается, что въ Лифляндской губ. разрѣшается, то въ Курляндской запрещается. Немногимъ лучше положеніе другихъ обществъ, какъ сельскохозяйственныхъ, просвѣтительныхъ, пѣвческихъ, общественныхъ собраній. Они хотя и регистрируются, но очень скоро закрываются. Интересны мотивы закрытія обществъ. Въ Полангенѣ и Тальсенѣ закрыты два общества вслѣдствіе «бездѣятельности». Въ Виндавскомъ уѣздѣ ликвидацію мотивируютъ тѣмъ, что членами общества состояли, по мнѣнію администраціи, неблагонадежныя лица; въ Либавѣ (первое общество взаимной помощи)—потому, что въ общество записалось нѣсколько лицъ, бывшихъ раньше членами одного закрытаго общества. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности придраться, дѣятельность обществъ тормозится другими средствами. Въ Курляндской губерніи уже давно существуетъ и плодотворно работаетъ «Латышское экономическое общество сельскихъ хозяевъ». Цѣли этого общества чисто экономическія: доставленіе сельскимъ хозяевамъ средствъ искусственнаго удобренія и сельскохозяйственныхъ машинъ, устройство курсовъ по веденію молочнаго хозяйства, птицеводства, садоводства, пчеловодства и т. п. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ общество это объединило около себя въ качествѣ членовъ около сотни такихъ же, но болѣе мелкихъ и раскинутыхъ по всей губерніи, сельскохозяйственныхъ обществъ. Работа спорилась. Никто никакой незаконности въ этомъ не усматривалъ. Но вдругъ, распоряженіе администраціи: «Латышское экономическое о-во сельскаго хозяйства» не имѣетъ права объединять около себя другія сельскохозяйственныя общества, и потому эти послѣднія должны выйти изъ состава

общества. Сельское хозяйство несказанно отъ этого страдаетъ, но распоряженіе приводится въ исполненіе. Члены этихъ обществъ—все крупные хозяева, элементъ болѣе чѣмъ лояльный, политическимъ и экономическимъ укладомъ совершенно довольный; однако и они не изъяты отъ подозрѣнія. Кстати объ одномъ администраторѣ, удачно дѣйствующемъ по части «ликвидаціи». Инспекторъ народныхъ училищъ виндавскаго района, Толайко, уволилъ отъ должности учителей Пузенской волости только за то, что они были членами закрытаго администраціей просвѣтительнаго общества. Мало того: тотъ же Толайко разослалъ всѣмъ учителямъ своего района циркуляръ, запрещающій имъ состоять членами какихъ бы то ни было обществъ. Вслѣдствіе этого учителя вынуждены покинуть даже такое невинное общество, какъ общество пчеловодства».

Что для прекращенія разнаго рода обществъ и воспрещенія лекцій не имѣется у мѣстныхъ администраторовъ опредѣленной законной почвы, это явствуетъ уже изъ того, что совершенно однородныя общественныя проявленія въ одномъ мѣстѣ разрѣшаются, а въ другомъ запрещаются. Особенно наглядно это наблюдается на лекціяхъ столичныхъ лекторовъ, приглашать которыхъ на краткія гастроли укрѣпляется въ провинціи похвальная мода. Въ телеграммахъ обычно читаешь, что гг. Родичевъ, Гредескулъ или Гр. Петровъ прочитали съ успѣхомъ лекціи, положимъ, въ Тифлисѣ или Ростовѣ на Дону, а во Владикавказѣ, Харьковѣ или Курскѣ—тѣ-же самыя лекціи воспрещены мѣстной администраціей.

Конечно, администрація имѣетъ основаніе недолюбливать прогрессивныхъ лекторовъ, съ ихъ просвѣтительными лекціями. Но такъ какъ въ обществѣ все сильнѣе растетъ жажда порядка и законности, то газеты не утомляются выражать удивленіе, подмѣчая въ администраторахъ (по идеѣ—главныхъ охранителяхъ законности) упорное игнорированіе закона и логики. Одинъ изъ такихъ многочисленныхъ фактовъ отмѣчаетъ саратовскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей». «2-го декабря прошлаго года,—пишетъ онъ,—съ цѣлью ознакомленія рабочихъ съ новыми страховыми законами помощникомъ прис. повѣр. В. М. Потоцкимъ была прочитана въ народной аудиторіи лекція: «Страхованіе рабочихъ на Западѣ и у насъ по новымъ законамъ». Ранѣе эта лекція была прочитана въ мѣстномъ юридическомъ обществѣ, въ видѣ доклада. По просьбѣ рабочихъ лекцію предполагалось повторить по той же самой программѣ 2-го февраля. Но то, что было возможно 2-го декабря, оказалось недопустимымъ 2-го февраля. 1-го февраля, вечеромъ, было получено увѣдомленіе, что лекція не можетъ быть разрѣшена, какъ угрожающая общественному спокойствію».

Ограждаетъ администрація, конечно, не общественное спокойствіе, а собственное, и тѣмъ самымъ бросаетъ въ населеніе сѣмена недовольства и раздраженія, которыя рано или поздно должны дать безпокойные всходы. Да и достигаются-ли администраціей какіе-либо крупные результаты всѣми этими воспрещеніями и пресѣченіями лекцій и собраній? Въ этомъ можно сильно усомниться. Если въ населеніи проснулся интересъ къ политикѣ, къ наукѣ, къ общественнымъ вопросамъ, то онъ найдетъ себѣ удовлетвореніе въ сотняхъ прямыхъ и окольныхъ путей: въ книгѣ, въ газетѣ, въ разговорахъ за рабочимъ станкомъ или за чайнымъ столомъ, въ спорахъ на улицѣ, въ театрѣ, въ вагонѣ. Какъ уловить и заковать въ старыя цѣпи всю эту бурливую, сложную, забродившую на новыхъ дрожжахъ народную жизнь?

И. Жилкинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Р. Григорьевъ. „На ущербѣ". Романъ. СПБ. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Романъ г. Григорьева посвященъ интересной темѣ—характеристикѣ современной революціонной среды и ея настроеній. Онъ написанъ свѣжо, съ большой искренностью и захватываетъ своимъ предметомъ. Но законченнымъ художественнымъ произведеніемъ его назвать нельзя. Въ немъ нѣтъ творческихъ обобщеній, нѣтъ цѣльности. Въ авторѣ не чувствуется умѣнія разобраться въ своемъ богатомъ матеріалѣ и справиться съ нимъ, матеріалъ этотъ остался совершенно сырымъ. Авторъ заноситъ на свое полотно все, что попало въ его уголъ зрѣнія, очутилось въ извѣстныхъ рамкахъ, не выбирая и не отличая важнаго отъ неважнаго, типичнаго отъ случайнаго. Отъ этого романъ вышелъ растянутымъ и нестройнымъ, безъ художественнаго центра. Однако, несмотря на явную техническую безпомощность автора, въ немъ нельзя не замѣтить его своеобразной личности и дарованія. Онъ чрезвычайно живо рисуетъ заинтересовавшія его фигуры; отдѣльные психологическіе штрихи удачны; есть красивые образы. Богатая эмоціональность носитъ сдержанный характеръ, она особенно цѣнна потому, что это произведеніе—не лирическое, а бытовое. Авторъ увлеченъ своимъ пред-

метомъ, но его увлеченіе не ослѣпляетъ его и не мѣшаетъ правдиво передавать свои впечатлѣнія. Романъ, несмотря на техническіе недостатки, все время читается съ большимъ интересомъ. Несомнѣнно у г. Григорьева есть литературныя данныя, но надъ ними ему придется немало поработать.

Въ романѣ изображенъ упадокъ или, вѣрное, убыль—«ущербъ» революціонной дѣятельности. Дѣйствіе его происходитъ въ недавніе дни—между 2-ой и 3-ей Думой. Въ участникахъ революціонной работы не столько нѣтъ вѣры въ нее, сколько нѣтъ нужнаго подъема. Интеллигенты «уходятъ», среди рабочихъ ощущается подавленность: на «массовки» вмѣсто 100 человѣкъ является по десяти... «Вслухъ почти еще никто не говорилъ объ упадкѣ общественнаго настроенія, но про себя каждый томился тяжелыми опасеніями. Результатамъ выборовъ можно было радоваться, и на Думу возлагались большія надежды, и, сходясь вмѣстѣ, партійные работники проимущественно объ этомъ говорили, но на душѣ ни у кого не было радости. Многіе уходили изъ партійной работы, ссылаясь не переутомленіе»... Авторъ никакихъ общихъ пессимистическихъ выводовъ изъ этого упадка (очень можетъ быть, *временнаго*) не дѣлаетъ; его интересуютъ только картины измѣнившихся, болѣе трудныхъ словій партійной работы и новыя, болѣе сложныя отношенія внутри партіи. Значительнѣе всего затронутый авторомъ вопросъ объ отношеніяхъ интеллигентныхъ работниковъ къ «пролетаріямъ». Они очень сложны и далеко не отличаются гармоничностью. Чувствуется, что это не естественный, «законный» союзъ, а скорѣе временный и насильственный для обѣихъ сторонъ—по крайней мѣрѣ въ той формѣ, какъ теперь. Даетъ себя знать «бездна»—не та роковая, непреодолимая, какой любятъ пугать пессимисты, а вполнѣ устранимая, обусловленная разницей жизни и культуры. Рабочіе относятся къ людямъ «бѣлой кости» съ затаеннымъ недовѣріемъ, съ «вѣчнымъ глухимъ раздраженіемъ», иногда съ завистью, а интеллигенты къ просвѣщаемымъ «товарищамъ»—свысока, нерѣдко съ оттѣнкомъ брезгливости. Но подобная схема отношеній была бы слишкомъ проста. На самомъ дѣлѣ они часто осложняются другими чувствами. «Вѣчное раздраженіе» перемѣшивается съ преданностью и обожаніемъ, а брезгливость, случается, уступаетъ мѣсто настоящей товарищеской симпатіи и даже любви, какъ между совершенно равными людьми. Всѣ эти оттѣнки и переливы, доказывающіе, что «бездна» не носитъ рокового характера, хорошо оттѣнены г. Григорьевымъ. Рабочіе вышли у него интереснѣе интеллигентовъ, но это произошло, вѣроятно, безъ всякаго умысла съ его стороны: просто, такихъ пришлось ему видѣть. Почти всѣ интеллигенты изображены неврастеничными

и истеричными, хилыми, нежизнеспособными, какъ и въ романѣ Винниченко: «На вѣсахъ жизни», но безъ ненужнаго сгущенія красокъ. Отмѣчены и новые штрихи въ интеллигентской психологіи. Интересна Мирра, съ ея безупречною преданностью революціонному дѣлу, даже героизмомъ и глубокою неудовлетворенностью жизнью. «Я не потому одинока, что одна. Я какъ-то такъ изнутри одинока и среди близкихъ, любимыхъ. Будто съ кѣмъ-то, тамъ гдѣ-то, когда-то я была связана и оторвалась и потеряла свое и своихъ навсегда... Этого забытаго, моего изначальнаго всегда ищу въ себѣ, иногда кажется, вотъ-вотъ вспомню и удержу его, и опять теряю и томлюсь разорванной душой, одинокая и чужая здѣсь»... Такъ говоритъ Мирра, стойко до конца оставшаяся вѣрной дѣлу, избитая казаками во время «массовки» и умершая въ тюрьмѣ. Еще интереснѣе другая революціонерка, Нелли, съ ея здоровымъ самосознаніемъ интеллигентки и устойчивой жизнерадостью. «Работа»... «любовь къ людямъ»... совмѣщались въ ней съ нетерпѣливой мечтой о лѣтнемъ лугѣ, оставленномъ въ деревнѣ. Онъ всегда ей мерещится: «Ярко зеленый, весь колыхающійся, съ большими синими пятнами колокольчиковъ, а надъ ними какъ бы звенящій воздухъ и синее легкое небо въ вышинѣ»... Эта живая, солнечная дѣвушка не похожа на обычныхъ теоретиковъ-интеллигентовъ. Но эта ея непохожесть—бодрость и энергія вмѣсто унынія и отвлеченности—авторомъ художественно оправдана, и потому не вызываетъ никакихъ возраженій, а, напротивъ, воспринимается, какъ общая типичная черта новой жизни, новой интеллигентской психологіи. Другіе интеллигенты очерчены слишкомъ бѣгло, и мелькаютъ въ романѣ, какъ въ калейдоскопѣ. Рабочіе всѣ очень живы. Основное настроеніе романа довольно бодрое, вопреки пессимистическому заглавію.

Е. Колтоновская.

— Кн. В. В. Барятинскій. Царственный мистикъ. (Императоръ Александръ I—Ѳедоръ Кузьмичъ). Кн—во „Прометей" П. Н. Михайлова. СПБ., 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Легенда о томъ, будто бы Александръ I оставилъ престолъ и жилъ частнымъ человѣкомъ въ Сибири подъ именемъ старца Ѳедора Кузьмича, интересна сама по себѣ, независимо отъ своей исторической достовѣрности. Не даромъ она привлекла къ себѣ вниманіе Толстого. Она глубоко народна: въ ней ярко отразились народное міросозерцаніе и народная мораль, превыше всего ставящая заботу о душѣ и подвигъ искупленія грѣха. Душевное утомленіе

Александра I въ послѣдніе годы царствованія, и связаное съ этимъ стремленіе его оставить свой отвѣтственный, безпокойный постъ—можетъ быть, единственная крупица исторической истины въ этомъ любопытномъ сказаніи о превращеніи русскаго царя въ частнаго человѣка. Но какой тонкій, сложный узоръ соткало «сказаніе» вокругъ этой крупицы, какой обаятельной красотой овѣяло образъ «царственнаго мистика», который предпочелъ душевный подвигъ царской власти! Легенда возникла въ первые же дни послѣ смерти Александра I и не только продолжаетъ жить до сихъ поръ, но и все время привлекаетъ вниманіе историковъ. Мнѣнія историковъ по этому поводу далеко не отличаются единодушіемъ; нѣкоторые изъ нихъ, напр., Шильдеръ, признаютъ легенду вполнѣ достовѣрной, и вѣрятъ тому, что Александръ I не умеръ въ Таганрогѣ въ 1825-мъ году, а скрылся и прожилъ еще долгую, прекрасную жизнь въ образѣ Ѳедора Кузьмича.

Къ этому взгляду всецѣло примыкаетъ новый изслѣдователь легенды, кн. В. В. Барятинскій. Схема занимающихъ его вопросовъ такова: «1) имѣлъ ли императоръ Александръ I намѣреніе оставить тронъ и удалиться отъ міра 2) если онъ имѣлъ это намѣреніе, то привелъ ли онъ его въ исполненіе въ бытность свою въ Таганрогѣ, или же скончался, не выполнивъ своего намѣренія? 3) если онъ скрылся изъ Таганрога, а не умеръ, то можно ли отождествлять съ его личностью личность сибирскаго старца Ѳедора Кузьмича?» Разсмотрѣвъ разные документы—письма и свидѣтельства очевидцевъ, протоколъ вскрытія тѣла государя и т. п.—авторъ отвѣчаетъ на всѣ поставленные имъ вопросы утвердительно. Книга написана чрезвычайно живо и интересно. Мѣстами она захватываетъ и своимъ матеріаломъ, и все наростающимъ въ авторѣ настроеніемъ—желаніемъ доказать добытый имъ выводъ. Но исторической цѣнности въ ней мало, и хладнокровныхъ изслѣдователей она едва ли убѣдитъ. Главный недостатокъ доводовъ кн. Барятинскаго—ихъ косвенный характеръ. Онъ строитъ свои выводы на томъ, что въ свидѣтельствѣ очевидцевъ встрѣчаются противорѣчія и ошибки, что подпись одного изъ врачей на протоколѣ появилась только впослѣдствіи, что многіе документы, относящіеся къ этому случаю, были уничтожены и т. п. Всѣ эти мелкіе факты могутъ быть объяснены совершенно иначе: прежде всего—россійскою небрежностью и халатностью. Точно также нельзя придавать особеннаго значенія и тогдашней растерянности близкихъ ко двору лицъ; для растерянности достаточный поводъ—уже самая смерть государя и неизвѣстность, ожидающая престолъ. Невозможно *исторически* опираться и на тотъ фактъ, что «черты покойнаго государя измѣни-

лись», а также настаивать на серьезности такого обстоятельства, какъ появленіе, «немедленно послѣ смерти», слуховъ о томъ, что везутъ чужое тѣло. «Вѣдь почему-нибудь такіе слухи возникли же! А вѣдь это слухъ необычный. Кончина монарховъ часто порождаетъ всякіе пересуды и всевозможные комментаріи, но только таганрогская драма породила *такой* слухъ»—говоритъ кн. Барятинскій. А между тѣмъ понятно, что характеръ слуховъ обусловливался личностью Александра I. Весьма вѣроятно, что его намѣреніе оставить престолъ какимъ-нибудь образомъ сдѣлалось извѣстно. Кн. Барятинскій собралъ мнѣнія врачей относительно протокола вскрытія, и придаетъ большое значеніе тому, что этотъ протоколъ не подтверждаетъ предполагавшихся у Александра I болѣзней—и говоритъ о такихъ, которыхъ у него не было. На это можно отвѣтить аналогичнымъ косвеннымъ соображеніемъ: если въ наше время протоколы вскрытій иногда рѣзко противорѣчатъ діагностикѣ и терапіи, то чего же можно ждать отъ тогдашней медицины?.. Наиболѣе любопытный документъ у кн. Барятинскаго—письмо княгини Волконской къ императрицѣ, гдѣ опредѣленно говорится о какой-то тайнѣ императора Александра I, извѣстной ея мужу, кн. Волконскому. Но опять таки: мало ли какая это могла быть тайна? Можетъ быть, она касалась того, что предполагалось, но не осуществилось?

Историческая недоказанность, даже недоказуемость заманчивой легенды нисколько не уменьшаетъ ея красоты. И посвященное ей новое изслѣдованіе—не то трактатъ, не то романъ—кн. Барятинскаго читается съ интересомъ.

Е. Колтоновская.

— *Чернышевскій въ Сибири.* Переписка съ родными. Выпускъ II (1876—1877): Статья Е. А. Ляцкаго. Примѣчанія М. Н. Чернышевскаго. СПБ. 1913 Цѣна 2 руб.

При выходѣ перваго выпуска этой книги, мы говорили уже о ней, какъ о замѣчательномъ явленіи. Личность властителя думъ нѣсколькихъ поколѣній русской интеллигенціи обрисовывается въ этой перепискѣ въ чарующемъ ореолѣ гордо, но вмѣстѣ съ тѣмъ просто несомаго мученичества; вездѣ разсѣяны черты необыкновенной душевной красоты и полной самоотреченія любви къ близкимъ, вдали отъ которыхъ, въ ужасныхъ условіяхъ Вилюйской жизни, томился изгнанникъ. Второй томъ охватываетъ только два года изгнанической жизни Чернышевскаго. Какъ и въ первомъ, въ немъ много характерныхъ для жизни Чернышевскаго подробностей. Онъ, какъ

всѣгда, стремится представить свое положеніе, обстановку, средства жизни, состояніе здоровья въ свѣтѣ возможно лучшемъ, чтобы родные не слишкомъ о немъ безпокоились; онъ увѣряетъ, напр., будто бы онъ живетъ, какъ въ старину живали, вѣроятно, и теперь живутъ, помѣщики средней руки въ своихъ деревняхъ», будто бы онъ имѣетъ «ровно столько же комфорта, сколько когда нибудь имѣлъ его» (стр. 22). Кромѣ подробностей внѣшней жизни, письма содержатъ большіе экскурсы Чернышевскаго въ область то математики, то исторіи, которыми занимались его сыновья, иногда они пересыпаны пространными разсужденіями о наукѣ, о методахъ, о школахъ и ученыхъ. Много попадается въ этихъ разсужденіяхъ рѣзкихъ отзывовъ о болѣе или менѣе видныхъ людяхъ науки. Они объяснены довольно справедливо г. Ляцкимъ, авторомъ обстоятельной вступительной статьи, какъ порожденіе неизбѣжной раздраженности, въ какой пребывала неугомонная и неутомимая мысль Чернышевскаго, работавшая, такъ сказать, въ пустую, какъ мельница безъ помола. Извѣстно, что онъ писалъ въ Сибири много, но все написанное сжигалъ. Въ нѣкоторыхъ письмахъ мы находимъ также воспоминанія Чернышевскаго о своей молодости. Такъ, не безъ насмѣшки надъ собой и своими учеными руководителями, онъ вспоминаетъ свои работы надъ ипатьевской лѣтописью, разсказываетъ, какъ боролся со своей любовью къ театру, чтобы, развившись, она не стала мѣшать его занятіямъ. Чрезвычайно трогателенъ эпизодъ переписки Чернышевскаго съ Пыпинымъ, касающійся обмѣна привѣтствій между Чернышевскимъ и Некрасовымъ, умиравшимъ тогда въ долгихъ мукахъ. До поэта дошелъ и глубоко его растрогалъ полный горячей любви откликъ изгнанника, просившаго передать Некрасову: «скажи ему, что я горячо любилъ его, какъ человѣка, что я благодарю его за его доброе расположеніе ко мнѣ, что я цѣлую его, что я убѣжденъ: его слава будетъ безсмертна, что вѣчна любовь Россіи къ нему, геніальнѣйшему и благороднѣйшему изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ. Я рыдаю о немъ. Онъ, дѣйствительно, былъ человѣкъ очень высокаго благородства души, и человѣкъ великаго ума. И, какъ поэтъ, онъ конечно выше всѣхъ русскихъ поэтовъ».

Можно пожелать, чтобы изданіе переписки Чернышевскаго было скорѣе доведено до конца, и чтобы издатели не забыли приложить хотя именной указатель ко всѣмъ ея выпускамъ, что, къ сожалѣнію, рѣдко дѣлается въ нашихъ книгахъ историко-литературнаго содержанія.

Ч. В—скій.

— E. Duchesne M. I. Lermontov. Sa vie et ses oeuvres. Paris 1910.

За послѣднее время новая русская литература нерѣдко останавливала на себѣ вниманіе иностранныхъ изслѣдователей. Отъ критическихъ статей и общихъ очерковъ, которыми преимущественно ограничивались ученые, когда они говорили о нашей словесности, они стали переходить къ ученымъ изслѣдованіямъ, посвященнымъ жизни и творчеству отдѣльныхъ писателей. Среди такихъ трудовъ одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ работѣ профессора *Дюшена*: «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Его жизнь и творчество». (Парижъ. 1910 г.). Тема, избранная изслѣдователемъ — не изъ легкихъ темъ, въ особенности для иностранца. Автору предстояло побороть одно искушеніе, которое грозило исказить правильность постановки основныхъ положеній работы. Мы, русскіе, знаемъ, насколько Лермонтовъ — русскій человѣкъ и въ какой тѣсной связи его поэзія стоитъ съ русской жизнью. Для иностранца эта связь далеко не очевидна, и первое, что ему должно броситься въ глаза, это — совпаденіе основныхъ мотивовъ творчества Лермонтова съ мотивами западной поэзіи. Такое совпаденіе легко можетъ быть истолковано какъ прямая зависимость, какъ вольное или невольное подражаніе; и при такомъ взглядѣ правильная историческая оцѣнка творчества поэта легко можетъ быть искажена. Это творчество было, какъ извѣстно, по своему тревожному настроенію почти исключительнымъ явленіемъ въ ряду господствовавшихъ теченій современной ему литературы. Въ глазахъ иностранца, недостаточно вооруженнаго знаніемъ интимной жизни поэта и русскаго общества его времени, Лермонтовъ рискуетъ остаться даровитымъ ученикомъ западныхъ учителей. Если принять во вниманіе, какъ охотно наши сосѣди выдавали такіе дипломы на званіе учениковъ нашимъ писателямъ начала и середины XIX вѣка, то Лермонтову грозила, дѣйствительно, большая опасность.

Надо отдать справедливость г. Дюшену — онъ очень добросовѣстно отнесся къ постановкѣ основного вопроса своей книги, вопроса о связи поэзіи Лермонтова съ современнымъ ему художественнымъ творчествомъ и о степени вліянія на него иностранныхъ писателей. Для русскаго читателя все значеніе книги г. Дюшена сводится именно къ тѣмъ страницамъ, на которыхъ этотъ вопросъ разобранъ.

Но, говоря о трудѣ г. Дюшена, нужно прежде всего отмѣтить значеніе этого труда для французскаго читателя. Мы вѣдь заинтересованы также и въ томъ, чтобы наши сосѣди могли имѣть подъ-

руками хорошія, полныя біографіи нашихъ писателей. У насъ самихъ обстоитъ не совсѣмъ благополучно съ этой отраслью историческихъ изслѣдованій, и полныя біографіи нашихъ классиковъ и у насъ—рѣдкость. Лермонтову, однако, до извѣстной степени посчастливилось и біографія его, написанная Вискаватовымъ, при нѣкоторыхъ недочетахъ въ изложеніи, объединила всѣ тѣ разрозненныя и скудныя свѣдѣнія о жизни поэта, которыя до насъ дошли. Г. Дюшенъ воспользовался всѣмъ наличнымъ матеріаломъ (притока новыхъ свѣдѣній не было) и для своихъ соотечественниковъ написалъ вполнѣ научный очеркъ жизни Лермонтова. Мы не замѣтили въ этомъ очеркѣ никакихъ странностей, довольно обычныхъ въ иностранныхъ біографіяхъ русскихъ писателей. Какъ французъ, которыхъ съ дѣтскихъ лѣтъ учатъ говорить и писать литературно и красиво, Г. Дюшенъ приложилъ все свое стараніе къ тому, чтобы его книга представляла для французскаго читателя, помимо интереса ученаго, извѣстную литературную привлекательность. Своей цѣли авторъ достигъ, и заграницей книга съ этой стороны будетъ оцѣнена по достоинству. Отъ этой оцѣнки выиграетъ, конечно, и нашъ Лермонтовъ, который врядъ-ли заграницей пользуется извѣстностью, на какую имѣетъ право. Незатѣйливая и краткая жизнь Лермонтова пересказана г. Дюшеномъ обстоятельно; изъ этого разсказа французскій читатель врядъ-ли удержитъ многое въ памяти, но сложная исторія душевныхъ движеній Лермонтова остановитъ на себѣ его вниманіе. Авторъ книги слѣдитъ за этими движеніями очень внимательно, подбираетъ для ихъ объясненія и всѣ нужныя біографическія данныя, пересказываетъ содержаніе крупныхъ произведеній Лермонтова, въ которыхъ дана психологія излюбленнаго имъ типа и полностью переводитъ (замѣтимъ, красивой и точной прозой) лирическія пьесы поэта. Пусть въ томъ обликѣ поэта, который получается какъ выводъ изъ сопоставленія фактовъ жизни съ творческими образами,—весьма многое окажется для иностраннаго читателя не новымъ, очень близкимъ къ тому, что передумалъ и пережилъ его предокъ въ началѣ XIX вѣка, но важно то, что обстоятельный разсказъ біографа убѣдитъ читатателя въ несомнѣнной оригинальности творчества поэта, который черпалъ мотивы своей поэзіи не изъ книгъ, а изъ самой жизни.

Всѣ эти достоинства книги г. Дюшена имѣютъ, конечно, гораздо большую цѣну на западѣ, чѣмъ у насъ. И будь книга только біографіей или разборомъ произведеній Лермонтова, она не много бы дала русскому изслѣдователю. Но въ книгѣ Г. Дюшена есть глава, которая придаетъ ей особое значеніе въ ряду изслѣдованій о жизни и творчествѣ поэта; это—глава, посвященная «вліяніямъ въ твор-

чествѣ Лермонтова» («Les influences dans l'oeuvre de Lermontov»)

Въ русской наукѣ вопросъ о связи поэзіи Лермонтова съ творчествомъ художниковъ—русскихъ и иностранныхъ—далеко не новый. Всѣ, писавшіе о Лермонтовѣ, такъ или иначе съ этимъ вопросомъ считались, но никто не разбирался въ немъ такъ подробно, какъ нашъ авторъ. Причина такого особаго интереса къ этой сторонѣ дѣла у изслѣдователя-иностранца вполнѣ понятна. Лермонтовъ, какъ одинъ изъ потомковъ широко развѣтвленной семьи европейскихъ романтиковъ, каждому иностранному читателю ближе, чѣмъ тотъ же Лермонтовъ, одинъ изъ типичныхъ сыновъ культуры русской. И въ книгѣ г-на Дюшена обращено несравненно больше вниманія на психологію, романтика вообще чѣмъ на психику русскаго человѣка въ частности. Общечеловѣческое въ Лермонтонѣ было нашему автору ближе, чѣмъ русское; и укорять за это г-на Дюшена мы не будемъ—такъ какъ и мы, русскіе, въ нашихъ изслѣдованіяхъ объ иностранныхъ писателяхъ грѣшимъ въ томъ же направленіи, да и не можемъ не грѣшить. Научиться понимать чуждыхъ намъ людей—можно, но врядъ ли возможно научиться чувствовать по чужому. Нашъ изслѣдователь, сдѣлавъ все, что было въ его силахъ, чтобы бъяснить, какъ въ Россіи могъ появиться пѣвецъ столь необычной душевной тревоги, представивъ рядъ общихъ указаній на условія личной жизни художника и на общественныя условія его времени,—подвергъ тщательному обслѣдованію самый текстъ твореній Лермонтова, надѣясь въ немъ найти разгадку тайны. Автору надлежало отвѣтить, дѣйствительно, на трудный вопросъ—какъ въ условіяхъ русской жизни могла родиться такая тревожная, бурная и страстная пѣсня, и какъ могъ образоваться такой поэтическій темпераментъ. Изслѣдователю казалось, что если онъ установитъ связь между поэзіей Лермонтова и творчествомъ его русскихъ предшественниковъ и современниковъ и если онъ опредѣлитъ степень зависимости творчества Лермонтова отъ иностранныхъ образцовъ,—то онъ подойдетъ близко къ желанному рѣшенію. И г-нъ Дюшенъ продѣлалъ очень кропотливую работу: онъ подобралъ у самыхъ разнообразныхъ русскихъ писателей параллели къ словамъ, оборотамъ и образамъ Лермонтова и произвелъ еще болѣе тщательное сопоставленіе поэтическихъ мотивовъ Лермонтова съ мотивами иностранныхъ писателей. Какъ мы уже замѣтили, эта часть работы г-на Дюшена представляетъ большую цѣнность. До сихъ поръ въ литературѣ о Лермонтовѣ такого сопоставленія разнообразныхъ текстовъ, напоминающаго хорошее изданіе античныхъ классиковъ, не было. Изслѣдователи ограничивались довольно бѣглымъ указаніемъ на сходство

тѣхъ или иныхъ мотивовъ Лермонтова съ мотивами поэзіи русской и иноземной. Теперь эти указанія разрослись до цѣлаго и исчерпывающаго изслѣдованія. Авторъ подобралъ огромное число параллелей къ мотивамъ Лермонтова въ творчествѣ Гете, Шиллера, Гейне, Цейдлица, Байрона, Скотта, Шекспира, Оссіана, Мура, Шатобріана, Гюго, Барбье, Виньи и Мюссе.

Г-нъ Дюшенъ твердо устанавливаетъ одинъ историко-литературный фактъ, до него извѣстный, но мало подтвержденный, а именно, силу вліянія книги на нашего поэта.. Кое-какія свѣдѣнія о литературномъ чтеніи Лермонтова мы имѣли и раньше; но насколько это чтеніе было усидчивымъ и разностороннимъ, стало вполнѣ ясно только теперь, когда мы увидѣли, какъ въ памяти поэта сохранились тѣ или другія драматическія положенія и образы, ходкія въ современной ему литературѣ. Отъ этого указанія на хорошую память поэта нисколько не страдаетъ оригинальный художникъ: Лермонтовъ остается силенъ искренностью своихъ переживаній. Изслѣдованіе г-на Дюшена отнюдь не умаляетъ поэта, а только тѣснѣе устанавливаетъ его связь со всей семьей родныхъ ему по духу художниковъ.

Совсѣмъ новый матеріалъ даетъ та часть изслѣдованія, въ которой говорится о знакомствѣ Лермонтова съ французскими романтиками. Въ изслѣдованіяхъ о творчествѣ поэта этотъ вопросъ былъ до сихъ поръ освѣщенъ очень слабо, почти что обойденъ; предполагали, что поэзія Виктора Гюго и его кружка оставила нѣкоторый слѣдъ на стихахъ Лермонтова, слѣдъ еле уловимый. Г-нъ Дюшенъ подвергъ вопросъ тщательному пересмотру и результатомъ его явилось установленіе несомнѣнныхъ аналогій. О прямой зависимости и въ данномъ случаѣ, конечно, не можетъ быть рѣчи, но для исторіи образовъ и метафоръ лермонтовской поэзіи такія параллели имѣютъ свою цѣнность.

Въ общемъ трудъ г. Дюшена нужно привѣтствовать какъ первую и удачную попытку—найти русскому «романтику» мѣсто среди родственыхъ ему западныхъ учителей и сверстниковъ. Мы давно знакомы съ условіями личной жизни поэта, и знаемъ, въ какой зависимости отъ этихъ условій находилось его творчество; цѣна этого творчества, какъ общественной силы русской, была также опредѣлена задолго до появленія труда г-на Дюшена. Но не вполнѣ яснымъ оставался обликъ поэта, когда мы вспоминали объ его великихъ предшественникахъ и современникахъ на западѣ. Такъ какъ изъ всѣхъ русскихъ писателей онъ больше, чѣмъ кто либо, подавалъ поводъ къ такимъ воспоминаніямъ—намъ его «долги поэта» казались всегда достаточно большими. Теперь, когда въ книгѣ г. Дюшена

эти долги исчислены до мелочей, видно, что многое даже и нельзя назвать долгомъ, такъ какъ оно давно стало общимъ достояніемъ, а въ остальномъ огромный перевѣсъ оригинальнаго надъ заимствованнымъ внѣ всякаго сомнѣнія. Заимствованное оказывается чисто формальнымъ—какой-нибудь образъ, какое-нибудь сравненіе—а тотъ психическій процессъ, который натолкнулъ поэта на сравненіе—вполнѣ самобытнымъ, коренящимся въ воспоминаніяхъ или въ ощущеніи минуты.

Придетъ ли къ этому выводу иностранецъ, читающій книгу г-на Дюшена,—трудно сказать: надо хорошо знать и жизнь Лермонтова, и русскую жизнь, чтобы за сходнымъ увидать оригинальное; но для русскаго читателя этотъ выводъ изъ названной книги вытекаетъ самъ собою.

Такимъ образомъ изслѣдованіе г. Дюшена сохраняетъ свою цѣнность одновременно и для иностранца, и для русскаго. Иностранецъ ознакомится съ жизнью и творчествомъ мало ему извѣстнаго поэта, а мы, въ хорошо намъ извѣстномъ творчествѣ, оцѣнимъ одну его сторону, которая до появленія книги г. Дюшена была намъ мало извѣстна.

Н. Котляревскій.

— Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи. № 49. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи А. И. Маркевича. Симферополь, 1913.

Офиціальное покровительство, подъ которымъ состоятъ наши архивныя комиссіи, приноситъ имъ едва ли не больше вреда, чѣмъ пользы. Правительственная матеріальная поддержка, оказываемая имъ, почти всегда ничтожна; въ ихъ составѣ преобладаетъ мѣстная бюрократія, тонъ ихъ дѣятельности даетъ начальство, мѣстные общественные элементы идутъ въ нихъ неохотно. Все это отзывается на качествѣ и направленіи ихъ работъ, принимающихъ обыкновенно узкоформальный характеръ. Плодотворнѣе и шире труды тѣхъ комиссій, которыя, какъ, напримѣръ, нижегородская или саратовская, сумѣли, что называется, «поставить себя въ обществѣ» и привлечь въ свою среду дѣятелей не бюрократической окраски. Къ числу этихъ немногихъ комиссій, занимающихся не печатаніемъ сырыхъ матеріаловъ да юбилейными засѣданіями, съ неизбѣжнымъ «славословіемъ», а приближающейся къ научности разработкой мѣстной исторіи, принадлежитъ таврическая комиссія, немало сдѣлавшая для исторіи Крыма и вообще юга Россіи. Въ ея трудахъ вѣетъ иногда тотъ духъ независимости и научной правды, который, вообще, такъ рѣдокъ у насъ.

Правда, не во всѣхъ ея трудахъ... Когда предсѣдатель комиссіи

г. Маркевичъ, въ длинной и интересной по матеріаламъ статьѣ: «Таврическая губернія въ связи съ эпохой 1806 — 1814 годовъ», пытается доказать, что пестрое инородческое населеніе, незадолго передъ тѣмъ присоединеннаго къ Россіи, Крыма выказало патріотическія, вполнѣ «истинно-русскія» чувства и «съ честью и самоотверженіемъ исполнило свой гражданскій долгъ и не щадило никакихъ средствъ для спасенія достоинства, свободы и цѣлости государства»,— это вызываетъ только улыбку. Г. Маркевичъ упустилъ изъ виду два не совсѣмъ незначущія обстоятельства: полное безсиліе народа въ рукахъ помѣщиковъ и страшный гнетъ изъ центра. Патріотизмъ загнаннаго татарскаго населенія, которому паденіе крымскаго ханства принесло только новыхъ хозяевъ, не лучшихъ чѣмъ прежніе, и обостреніе аграрныхъ отношеній, былъ бы явленіемъ непонятнымъ, если бы... онъ дѣйствительно существовалъ. Нетрудно, кажется, понять разницу между истиннымъ патріотизмомъ, радостно идущимъ на всякія жертвы, и инертностью стоящихъ на низшей ступени гражданскаго самосознанія, забитыхъ людей, безропотно позволяющихъ дѣлать съ собою все что угодно. А что въ Крыму творилось съ «инородцами», объ этомъ съ документальной правдивостью разсказываетъ А. Сергѣевъ въ напечатанномъ рядомъ изслѣдованіи: «Уходъ таврическихъ ногайцевъ въ Турцію въ 1860-мъ году». Это—краснорѣчивый некрологъ цѣлаго народа, — увы, не единственный въ исторіи русскаго колонизаторства. Вспоминается судьба черкесовъ черноморскаго побережья, тоже отчасти погибшихъ, отчасти ушедшихъ изъ родного края, и нѣкоторыхъ инородцевъ Сибири. Все, что сообщаютъ о ногайцахъ г. Сергѣевъ и немногіе другіе писавшіе о нихъ, рисуетъ ихъ, какъ народъ, способный жить раціональной гражданской жизнью и, вообще, какъ превосходный государственный матеріалъ. Такъ смотрѣлъ на нихъ талантливый и благородный администраторъ, графъ М. С. Воронцовъ, очень о нихъ заботившійся. Но бѣдному народу пришлось имѣть дѣло не столько съ Воронцовымъ, сколько съ должностными лицами, которыя съ наивными полудикарями не церемонились. «Извѣстія современниковъ сообщаютъ намъ много фактовъ безнаказаннаго грабежа чиновниками ногайцевъ, поруганія въ нихъ человѣческаго достоинства». Съ ногайцевъ полиція собирала собственнаго изобрѣтенія налоги, то на трубки, то на лошадей сѣрой масти. До сихъ поръ вспоминаютъ въ Бердянскомъ уѣздѣ о письмоводителѣ станового пристава, носившемъ прозвище «Зуба-нема», т. е. «зуба нѣтъ», такъ какъ ни одна встрѣча этой особы съ ногайцами не обходилась безъ рукоприкладства. Несчастные ногайцы не выдержали, бросили все и ушли въ единовѣрную Турцію. Русское общество ихъ не удерживало, и

«Русскій Вѣстникъ», тогда либеральный, писалъ, что они «ничѣмъ не могли такъ угодить Россіи, такъ услужить интересамъ Новороссскаго края, какъ этимъ рѣшеніемъ». При этомъ переселеніи нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ погибли отъ голода и болѣзней, многіе потонули въ Черномъ морѣ, а остальные прибыли въ Турцію поголовно нищими,—но зато освобожденная ими земля досталась за безцѣнокъ «культуртрегерамъ». Объѣзжавшій Крымъ директоръ перваго департамента министерства государственныхъ имуществъ Гернгроссъ вездѣ открыто говорилъ о «безполезности (!) татарскаго населенія», и въ собраніи дворянства объявилъ: «государъ императоръ полагаетъ счастливой случайностью выселеніе татаръ»... Впослѣдствіи и татарамъ пришлось нѣсколько разъ выдѣлять изъ себя тысячи эмигрантовъ, но съ ними справиться было труднѣе, чѣмъ съ ногайцами, которыхъ буквально «изничтожили». Эту безпристрастно и безстрастно написанную исторію ногайской эмиграціи трудно читать безъ сердечной боли. Вѣдь хищный и корыстный полицейскій націонализмъ съ тѣхъ поръ еще больше возросъ и процвѣлъ.

Н. Л.

— В. Н. Сперанскій. Общественная роль философіи. Введеніе въ исторію политическихъ ученій. Вып. I Спб., 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе настоящей книги заимствовано изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ Спб. университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ. «Я всегда пытался — говоритъ авторъ — показать аудиторіи положительную общественную роль философіи, прослѣдить самостоятельную внутреннюю эволюцію передовыхъ политическихъ идей и привести ихъ въ неразрывную связь съ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ преемственныхъ эпохъ. Философія, какъ высшая функція собирательнаго сознанія, снимаетъ съ человѣка оковы духовнаго рабства и дѣлаетъ человѣка вполнѣ человѣкомъ. Это и стремится доказать предлагаемое историческое повѣствованіе». Вся книга состоитъ изъ «Введенія» и шести главъ: I. Буддизмъ. II. Античный міръ. III. Юдаизмъ. IV. Христіанство. V. Эпоха возрожденія. VI. Реформація. Въ концѣ книги приложена библіографія предмета. Авторъ сознаетъ, что «идеи не правятъ безпредѣльно и самодержавно жизнью человѣчества, что безсознательная сила вѣкового преданія и покорной привычки состязается съ ними не всегда безуспѣшно». Напротивъ, «жизненное безсиліе философіи подтверждается, какъ-будто, цѣлымъ рядомъ яркихъ и удручающихъ историческихъ контрастовъ, и «необходима широкая

историческая перспектива, чтобы наглядно убѣдиться въ неотъемлемыхъ завоеваніяхъ философіи, въ превозмогающихъ энергіяхъ ея неистощимой и свѣтлой природы». Авторъ усердно старается проводить такую «широкую историческую перспективу» въ своей исторіи политическихъ ученій и, напримѣръ, сливаетъ культуры буддизма и эллинизма въ Индіи въ эпоху Александра Македонскаго, когда возникла «своеобразная культура, соединившая эллинскія и индійскія начала». Однако, сомнительно, чтобы буддизмъ игралъ историческую роль въ дѣлѣ развитія эллинской культуры и показывалъ какую-нибудь «историческую преемственность идей. Вообще, ученіе Будды есть завершеніе древней и длинной эволюціи высокой индусско-китайской культуры юго-востока Азіи, отъ которой до насъ дошли лишь смутные намеки, точно также, какъ ученіе Христа есть завершеніе высочайшей культуры «эллинизма» и «юдаизма», распространившейся, главнымъ образомъ, на юго-востокѣ Европы. Кромѣ того, ученіе Будды, будучи исключительно *нравственнымъ* ученіемъ, какъ признаетъ авторъ, «растетъ внѣ государства и проходитъ мимо его сторожевыхъ вѣхъ съ полнымъ равнодушіемъ», а потому его, можетъ быть, и совершенно не слѣдуетъ привлекать въ исторію *политическихъ* ученій.

Наибольшее вниманіе авторъ удѣлилъ античной культурѣ Греціи и Рима, которая является несомнѣннымъ первоисточникомъ современной культуры и историческая идейная преемственность которой находится внѣ сомнѣнія. «Идейное наслѣдіе античнаго міра—говоритъ авторъ—«открывается намъ, какъ неразрывное художественное единство. Историки философіи знаютъ, что это стройное органическое цѣлое есть замкнутый кругъ идей, предвосхищающій всѣ основныя необходимыя ступени въ критическомъ самосознаніи человѣческаго разума. Крѣпкія звенья преемственной цѣпи связываютъ современное міросозерцаніе съ классической древностью. Культурная традиція, начавшаяся за пятнадцать вѣковъ до Р. Хр. на берегахъ и островахъ Средиземнаго моря, не прервалась и теперь». Чтобы перейти отъ греко-римской философіи и культуры къ христіанству, авторъ останавливается на «юдаизмѣ», изъ сѣмени котораго впослѣдствіи возросъ Христосъ и Его ученіе. Христіанство авторъ вполнѣ правильно раздѣляетъ на первоначальную «апостольскую эпоху» и, затѣмъ, средневѣковое христіанство, по скудости мысли вполнѣ отразившее въ себѣ грубую психику нахлынувшихъ на историческую арену варваровъ. «Постепенное искаженіе, огрубѣніе и поддѣлка христіанства, замѣна евангелія любви, возставшей на мірскую неправду, мрачнымъ аскетическимъ ученіемъ, позволяющимъ мириться съ этой неправдой,—таковъ

процессъ развитія господствующей идеи *средневѣковья*». Процессъ этой «поддѣлки» не объясненъ авторомъ: онъ состоялъ въ безсознательномъ приспособленіи высокихъ идей Христа къ низкому уровню варварской психики и въ постепенномъ переведеніи чисто-нравственнаго ученія начальнаго христіанства на правовую почву политической дѣятельности догматической средневѣковой церкви. Отсюда вырастаетъ и знаменитая система «двухъ мечей»—церковнаго и свѣтскаго,—направленная на болѣе надежное управленіе поведеніемъ людей въ то грубое, варварское время.

Эпоху возрожденія авторъ считаетъ «наслѣдникомъ и завершителемъ средневѣковой культуры». Намъ кажется что эпоха возрожденія скорѣе можетъ считаться «наслѣдникомъ» античнаго міра, чѣмъ некультурнаго средневѣковья. Вся эта эпоха есть отрицаніе средневѣковаго гнета жизни и стремленіе впередъ, съ живительною вѣрою въ *человѣка*, какъ въ творческій факторъ исторіи. *Гуманизмъ* опредѣляетъ основное содержаніе новой работы человѣчества въ эпоху стихійнаго возрожденія античной культуры, обусловленнаго доростаніемъ новыхъ народовъ Европы до воспріятія классическихъ твореній древней мысли. Реформацію, какъ процессъ въ цѣломъ, авторъ оцѣниваетъ отрицательно, находя, что онъ «оказался движеніемъ почти реакціоннымъ», задержавъ освободительную работу возрожденія. Къ сожалѣнію, въ концепціи автора историческая перспектива представлена слабѣе всего въ отношеніи ученій Бодэна и Джона Мильтона, которые являются политическими антиподами каждый въ соотвѣтствіи со своимъ временемъ. Вообще книга г. Сперанскаго можетъ быть названа занимательной.

П. Е. Михайловъ.

— Однодневная перепись начальныхъ школъ въ имперіи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. I. С.-Петербургскій Учебный округъ. Редакція В. И. Покровскаго. Спб. 1913.

Только что вышедшій выпускъ этой книги заключаетъ въ себѣ разработку данныхъ, собранныхъ при однодневной переписи всѣхъ начальныхъ школъ имперіи по 6 губерніямъ, входящимъ въ С.-Петербургскій учебный округъ—т. е. сравнительно небольшую часть обширнаго труда В. И. Покровскаго, частью уже печатаемаго, частью подготовляемаго къ печати.

Однодневная перепись начальныхъ школъ имперіи была произведена на основаніи закона 14 іюня 1910 г. и выполнена на мѣстахъ учителями по слѣдующимъ програмамъ или переписнымъ

листамъ: а) общія свѣдѣнія объ училищахъ (37 вопросовъ), б) свѣдѣнія объ учащихъ—отдѣльный листокъ для каждаго учащаго (17 вопросовъ), в) именной списокъ учащихся (9 вопросовъ); разрѣзанный, въ горизонтальномъ направленіи, на полоски, списокъ этотъ далъ возможность разработать собранныя при переписи данныя объ учащихся по карточной системѣ и г) бюджетъ училища за 1910 г. (26 вопросовъ).

Заполненные 18 января 1911 г. отвѣтами, переписные листки были возвращены учителями въ Петербургъ непосредственно въ переписное бюро, работавшее подъ руководствомъ В. И. Покровскаго. Отвѣты эти, по словамъ составителя сборника, «не одинаковы «по качеству», но въ огромномъ большинствѣ составлены добросовѣстно, съ истиннымъ желаніемъ дать вѣрныя свѣдѣнія и тѣмъ послужить дѣлу выясненія положенія начальной школы и ея нуждъ». Большая часть матеріала поступила въ бюро къ апрѣлю 1911 г., и въ маѣ В. И. Покровскій имѣлъ уже возможность опубликовать краткій сводъ «предварительныхъ свѣдѣній» о школахъ всего государства; ихъ оказалось 100.295, съ 203.273 учащими и 6.180.000 учащимися.

Какъ добросовѣстно отнеслись учителя къ дѣлу переписи, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что изъ $8^1/_4$ тысячъ училищъ С.-Петербургскаго округа не получено отвѣтовъ всего изъ 3; недостатки въ отвѣтахъ встрѣчаются въ 21 по вопросу о продолжительности учебнаго курса, въ 53—о числѣ классныхъ комнатъ и въ 115—о школьномъ бюджетѣ. Да и эти отвѣты получены, вѣроятно, изъ школъ только что передъ тѣмъ открытыхъ.

Быстро шла и разработка матеріала: черезъ два года послѣ производства переписи, какъ видно изъ прилагаемаго выпуска, опубликовано начало огромнаго труда, выходъ котораго въ свѣтъ ожидался еще въ теченіи настоящаго года.

Печатный матеріалъ переписи состоитъ изъ 5 основныхъ таблицъ, располагающихъ въ себѣ 150 графъ: 1) о школѣ, 2) объ учащихъ, 3) объ учащихся, 4) о бюджетѣ школы за 1910 г. и 5) о библіотекахъ, преподаваніи, повторныхъ занятіяхъ, воскресныхъ школахъ, чтеніяхъ для народа и т. п. Матеріалъ этихъ таблицъ сгруппированъ для городовъ и уѣздовъ отдѣльно.

Таблицамъ предшествуетъ обширное введеніе, заключающее въ себѣ объяснительный текстъ къ цифровому матеріалу, при чемъ данъ и историческій очеркъ начальнаго образованія въ 6 губерніяхъ, входящихъ въ С.-Петербургскій округъ, за послѣднее столѣтіе. Въ 1853 г. въ начальныхъ школахъ округа обучалось всего 14.625 дѣтей (13.165 мал. и 1.460 дѣв.), т. е. 0,4% населенія; въ

1868—69 г. было уже 2.126 начальныхъ школъ, съ 47.889 учащимися; въ 1894 г. (по извѣстному изслѣдованію Спб. Комитета Грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ) — 4.428 школъ, съ 184.963 учащимися (132 т. мал. и 53 т. дѣв.); наконецъ по переписи 1911 г. въ предѣлахъ округа оказалось 8.304 начальныхъ школы, съ 409.014 учениками (258 т. мал. и 151 т. дѣв.). Такимъ образомъ за послѣднія 17 лѣтъ число школъ увеличилось на 87%, а учащихся—на 121%; особенно сильно увеличилось число учащихся дѣвочекъ—на 185%.

Очень полно охвачена изслѣдованіемъ В. И. Покровскаго жизнь русской начальной школы; ни одна часть ея не упущена. Изслѣдованіе коснулось и отказовъ въ пріемѣ учениковъ, и семейнаго положенія учащихъ и учащихся, и обезпеченія труда учащихъ, и оборудованія школъ, и многаго другого. Во всемъ видна глубокая любовь къ дѣлу, обширная опытность и знанія составителя.

Нельзя не пожелать, чтобы поскорѣе вышли въ свѣтъ и остальные выпуски обширнаго изслѣдованія В. И. Покровскаго, и въ особенности обѣщанный имъ сводный обзоръ школъ по всей Имперіи.

N. N.

— Практическая школьная энциклопедія. Подъ общей редакціей Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. Москва. 1912.

Вопросы народнаго просвѣщенія являются въ настоящее время, быть можетъ, самыми важными и трудными для разрѣшенія. Особенная ихъ важность объясняется тѣмъ, что окружающая атмосфера, вмѣстѣ съ находящимися въ рукахъ капиталистическаго предпринимателя органами періодической печати, имѣетъ тенденціей развивать по преимуществу низшія, чувственныя влеченія человѣческой природы, искажать ея духовные запросы и развивать поверхностное отношеніе къ знанію. Является крайняя необходимость вооружить современнаго человѣка, путемъ школьнаго обученія, средствами для противодѣйствія такому вліянію. Трудность раціональной постановки народнаго образованія, не говоря о соціальныхъ тому препятствіяхъ, обусловливается сложностью самой задачи: научить человѣка понимать внѣшній и внутренній міръ, развить его природныя творческія способности и подготовить къ практической жизни, т. е. къ разумному участію въ дѣлахъ его самого, его близкихъ и общества. Для достиженія этихъ цѣлей,—при многочисленности наукъ и быстромъ накопленіи знаній и новыхъ научныхъ идей—недостаточно, пожалуй, цѣлой чело-

вѣческой жизни. Понятны заботы педагоговъ о наиболѣе производительномъ использованіи того краткаго времени, какое отводится молодому поколѣнію для полученія общаго образованія; понятны непрекращающіяся попытки улучшить постановку низшаго, средняго и высшаго образованія. На пути этого улучшенія, однако, кромѣ педагогическихъ, стоятъ бытовыя и политическія препятствія, въ видѣ регламентаціи преподаванія со стороны правительства. Эти препятствія особенно чувствительны въ нашемъ отечествѣ гдѣ каждый новый министръ народнаго просвѣщенія, по крылатому выраженію кн. Е. Н. Трубецкого, хуже своего предшественника.

Указанный въ заголовкѣ этой замѣтки большой коллективный трудъ по предмету начальнаго образованія имѣетъ цѣлью помочь дѣятелямъ этой области «оріентироваться въ вопросахъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія, въ ихъ желательной постановкѣ, и указать, что и какъ нужно дѣлать, чтобы внести въ постановку школьнаго дѣла тѣ улучшенія, которыя диктуются передовой педагогической мыслью. Книга, имѣющая въ виду, главнымъ образомъ, сельскаго учителя, раздѣляется на отдѣлы, посвященные школьной и возможной внѣшкольной работѣ послѣдняго и вопросамъ его самообразованія; по каждому трактуемому въ ней предмету даны руководящая статья и литературныя указанія. Книга заканчивается справочнымъ отдѣломъ, обнимающимъ законы и правительственныя распоряженія по школьному и внѣшкольному образованію за послѣднія семь лѣтъ. Почтенные редакторы этого изданія смотрятъ довольно широко на просвѣтительную роль сельскаго учителя, полагая, что онъ долженъ не только давать знанія, но и «воспитывать у своихъ учениковъ стремленіе къ общественности, самодѣятельности и взаимопомощи». Они включаютъ, поэтому, въ свой обзоръ такія явленія жизни, которыя, не относясь собственно къ области просвѣщенія, могутъ служить, тѣмъ не менѣе, осуществленію широко понятыхъ задачъ послѣдняго, какъ, напр., кооперація. Разсматриваемый трудъ, поэтому, нельзя не признать весьма важнымъ пособіемъ-руководствомъ, особенно для заброшеннаго въ глуши учителя, а отдѣлъ о самообразованіи полезенъ и не однимъ учителямъ. Быть можетъ, хорошо было бы только послѣдовательнѣе примѣнить концентрическое начало въ литературныхъ указателяхъ.

— Е. Кувшинская. Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи. Спб. 1912.

Въ этой интересно и популярно составленной книгѣ особенное вниманіе обращено на условія развитія фабричнаго законодатель-

ства въ Англіи, главнымъ образомъ—на дѣятельность въ этомъ направленіи рабочихъ союзовъ. Профессіональные союзы содѣйствовали введенію фабричныхъ законовъ частью прямой агитаціей и давленіемъ на законодателей, частью достиженіемъ, при помощи стачекъ, лучшихъ условій труда на крупныхъ фабрикахъ, рабочій персоналъ которыхъ по преимуществу и составлялъ кадры профессіональныхъ союзовъ. Сокращеніе на такихъ фабрикахъ, напр., рабочаго дня ставило ихъ хозяевъ въ худшія условія соперничества и располагало ихъ защищать принудительное ограниченіе длины рабочаго дня во всѣхъ предпріятіяхъ того же рода. Первымъ и главнымъ объектомъ фабричнаго законодательства въ Англіи была именно длина рабочаго дня, и хоть до самыхъ послѣднихъ временъ законодательство стояло въ этомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія свободнаго соглашенія рабочихъ и хозяевъ и опекало лишь несамостоятельныя, подростающія поколѣнія (до 18 лѣтъ) и (съ 1842 г.) женщинъ, какъ слабѣйшую часть человѣческаго рода и какъ источникъ жизни новыхъ поколѣній,—но мужскіе профессіональные союзы боролись за это дѣло, какъ за свое собственное, потому что по тѣсной связи труда женщинъ и подростковъ съ одной стороны и взрослыхъ мужчинъ—съ другой,—сокращеніе рабочаго дня первыхъ приводило и къ ограниченію его для послѣднихъ. Поэтому, несмотря на отсутствіе законодательнаго регулированія, рабочій день взрослыхъ мужчинъ Англіи въ большинствѣ производствъ имѣетъ ту же продолжительность (9—10 часовъ), что и трудъ подростковъ и женщинъ. Принципіальное признаніе законодательнаго регулированія труда взрослыхъ рабочихъ можно видѣть лишь въ законѣ 1893 г. о правѣ министра торговли требовать отъ желѣзнодорожной кампаніи улучшеннаго расписанія часовъ труда; но первымъ прямымъ законодательнымъ актомъ сокращенія рабочаго дня взрослыхъ мужчинъ является законъ 1908 г. о максимальной продолжительности работы въ копяхъ и рудникахъ въ 8 часовъ. Восьмичасовой и даже болѣе короткій день, введенъ, впрочемъ, во многихъ предпріятіяхъ Англіи (для этого нужно соглашеніе рабочихъ и предпринимателей); наканунѣ XX вѣка восемь часовъ въ день работало болѣе полумилліона лицъ. Переживаемое нами время характеризуется борьбой рабочаго класса не только Англіи, но и другихъ цивилизованныхъ государствъ за обязательное распространеніе восьмичасового дня на весь трудящійся людъ.

Въ книгѣ г-жи Кувшинской мы имѣемъ живо и общедоступно изложенную исторію борьбы рабочаго класса Англіи за улучшеніе, при помощи законодательства, условій его труда.—И хотя исторія развитія фабричнаго законодательства представлена въ ней нѣ-

сколько схематично и односторонне, ее можно рекомендовать для первоначальнаго ознакомленіи съ излагаемымъ въ ней важнымъ и интереснымъ предметомъ.

В. В.

Н. О. Лосскій. Введеніе въ философію. ч. I. Введеніе въ теорію знанія. Спб. 1912. Стр. 275. Ц. 1 р. 25 к.

Предлагаемое «Введеніе въ философію» содержитъ въ себѣ во 1-хъ, «общія свѣдѣнія о философіи» и, во 2-хъ, «введеніе къ важнѣйшей въ наше время философской наукѣ—гносеологіи». Цѣль этого «введенія», какъ указываетъ авторъ, заключается въ томъ, чтобы подготовить читателя прямо къ чтенію *современной* гносеологической литературы съ ея спорами о психологизмѣ, генетизмѣ, догматизмѣ и т. п.». Такимъ образомъ, независимо отъ той или иной оцѣнки, книга автора является весьма заманчивой и полезной, въ виду того, что среднему читателю, хотя бы при всемъ его интересѣ къ гносеологическимъ «спорамъ», не всегда легко не только критически разобраться, но даже и просто ознакомиться со всѣми многочисленными современными направленіями въ философской наукѣ. Книга Лосскаго, къ тому же, доступна весьма многимъ, ибо имѣетъ въ виду лицъ со среднимъ образованіемъ, а самое имя автора позволяетъ видѣть въ этомъ сочиненіи не популярную брошюру, но строго научное, самостоятельное философское изслѣдованіе.

Прежде всего, авторъ даетъ «Понятіе философіи» въ трехъ главахъ (стр. 1—24), затѣмъ уже—«Введеніе въ теорію знанія», состоящее изъ трехъ главъ: I. Задачи и методъ теоріи знанія. II. Наивный реализмъ. III. Трансцендентныя теоріи знанія: a) трансцендентный эмпиризмъ и b) трансцендентный раціонализмъ. IV. Имманентныя теоріи знанія: a) критицизмъ Канта, b) интуитивизмъ. V. Скептицизмъ. Наибольшее вниманіе обращено авторомъ «на критицизмъ Канта (стр. 128—230) и «интуитивизмъ», подробное изложеніе котораго дано авторомъ въ другой его работѣ: «Обоснованіе интуитивизма».

Авторъ—противникъ того распространеннаго мнѣнія, согласно которому философія должна исчезнуть, уступивъ мѣсто *частнымъ* наукамъ, т. е. уподобиться, по образному выраженію Виндельбанда, «королю Лиру, который роздалъ своимъ дѣтямъ все свое имущество, и котораго, вслѣдъ затѣмъ, какъ нищаго, выбросили на улицу». Напротивъ, онъ убѣжденъ въ положительной работѣ философіи и опредѣленно говоритъ: «сколько бы не дифференцировалась философія, выдѣляя изъ своихъ нѣдръ частныя науки, на ея мѣстѣ

не обазуется пустота; ибо остается нетронутою еще одна тема, это—«изслѣдованіе *общихъ основъ міра*, образующее самостоятельную науку»—философію (метафизику), которая не столько пользуется услугами частныхъ наукъ, сколько служитъ общею основою для нихъ (стр. 12). Здѣсь авторъ указываетъ на Петражицкаго, который, какъ извѣстно, обосновалъ пониманіе теоретической философіи, какъ особой, самостоятельной науки со спеціальнымъ содержаніемъ и объектомъ изученія, каковымъ является «классъ *реальнаго вообще*», всего сущаго, «какъ единый классъ, высшій нежели классы: матеріальное и духовное» (Введеніе въ изученіе права и нравственности, 1905. стр. 81 и сл.).

«Теорія знанія есть *теорія истины*», говоритъ авторъ. «Она изслѣдуетъ знаніе со стороны его истинности. Она изслѣдуетъ отношеніе между знаніемъ и предметомъ знанія, т. е. между знаніемъ и бытіемъ, о которомъ высказывается знаніе». Короче говоря, «она изучаетъ *объективную* (логическую) сторону знанія» (стр. 27). Логика должна «установить методы обоснованія истины», а «психологія знанія изслѣдуетъ не объективную, а *субъективную* (индивидуально-психическую) сторону знанія» (стр. 28). Отсюда, далѣе, авторъ и указываетъ, что «*теорія знанія и логика не суть науки, основанныя на психологіи*, ибо для нихъ существенны не *психологическіе акты* знанія, а лишь *содержаніе* знанія и его объективное значеніе (стр. 43). Какъ видно, авторъ является здѣсь защитникомъ того новѣйшаго гносеологическаго направленія, которое особенно ясно и убѣдительно недавно развилъ проф. Гуссерль въ книгѣ: «Логическія изслѣдованія» (т. I). Авторъ даже особенно рекомендуетъ чтеніе этого перваго тома сочиненія Гуссерля «вслѣдъ за настоящимъ «Введеніемъ въ теорію знанія» (стр. 275). (Резензію на Логическія изслѣдованія» Гуссерля см. «Вѣстникъ Евр.» 1911. № 7). Отсюда авторъ увѣренно нападаетъ на всякую «генетическую теорію знанія», приводящую къ *релятивизму*, т. е. ученію объ *относительности* истины. И здѣсь, слѣдуетъ указать, авторъ стоитъ на полной высотѣ научной, принципіальной критики, доказывая одновременно *абсолютность* истины и ея объективное и общеобязательное значеніе. Показавъ методъ и сущность теоріи знанія, авторъ, далѣе, останавливается на разсмотрѣніи и критикѣ указанныхъ выше гносеологическихъ направленій, ясно и убѣдительно выясняя всѣ отрицательныя и положительныя стороны этихъ направленій. Особенно подробно представленъ двоякій разборъ «критицизма» Канта: a) съ точки зрѣнія «феноменалистическо-психологистическаго» его истолкованія и b) съ точки зрѣнія «транецендентально-логической». Авторъ, между

прочимъ, характерно указываетъ, какъ ученіе Канта «чрезмѣрно упрощаетъ и обѣдняетъ содержаніе міра». «Вся познаваемая человѣкомъ природа есть, по Канту, только совокупность явленій, т. е. только совокупность *познавательныхъ* процессовъ, именно представленій» (стр. 204). Авторъ возстаетъ противъ такого пониманія и въ заключеніе излагаетъ свою теорію *интуитивизма*, согласно которой весь живой міръ «данъ познающему индивидууму въ *подлинникѣ*, т. е. *не въ видѣ символовъ*, получившихся вслѣдствіе дѣйствія на органы чувствъ, и *не въ видѣ копіи*, созданной мышленіемъ, и *не въ видѣ явленія*, созданнаго чувственностью и разсудкомъ, а такъ, какъ онъ существуетъ, *независимо* отъ познающаго человѣка». (стр. 205—206). Самое же «знаніе есть процессъ дифференцированія дѣйствительности путемъ сравниванія» (стр. 243). Таково содержаніе книги проф. Лосскаго, написанной удивительно ясно и убѣдительно, не смотря на трудность и отвлеченность подлежащихъ проблемъ.

П. Е. Михайловъ.

— W. Zombart, Luxus und Kapitalismus. 1913.

Всѣмъ, вѣроятно, памятенъ шумъ, вызванный книгой В. Зомбарта: «Евреи и хозяйственная жизнь». Совсѣмъ недавно знаменитый экономистъ выпустилъ книгу о «Роскоши и капитализмѣ», являющуюся продолженіемъ вышеупомянутой работы. Вскорѣ долженъ выйти еще томъ, посвященный выясненію роли войнъ въ развитіи капитализма. По образному выраженію Зомбарта, если въ книгѣ о «Евреяхъ и хозяйственной жизни» онъ старался раскрыть роль, сыгранную въ хозяйственной жизни европейскихъ народовъ старымъ Богомъ іудеевъ, Іеговой, то теперь онъ собирается указать на значеніе двухъ другихъ божествъ: Венеры и Марса. Книга о «Роскоши и капитализмѣ» должна была бы собственно называться: «Любовь, роскошь и капитализмъ», ибо ея основная идея сводится къ тому, чтобы показать, какъ измѣненіе, послѣ крестовыхъ походовъ, отношеній между полами повліяло на весь образъ жизни господствующихъ классовъ европейскаго общества и какъ это, въ свою очередь, отразилось на генезисѣ новаго государственнаго строя.

Въ средніе вѣка любовь, какъ и другія проявленія жизни, регулировалась религіей. Бракъ былъ таинствомъ; не освященная церковью любовь считалась грѣхомъ. Но около XI-го вѣка въ обществѣ начинаютъ распространяться иные взгляды на отношеніе между полами. Любовь эмансипируется отъ церковной опеки, люди какъ бы

заново открываютъ всѣ радости полового чувства. Противъ законнаго брака выступаетъ свободная любовь, а съ послѣдней—и носительница ея, куртизанка. Слово «куртизанка»—по итальянски cortegiann—означало первоначально придворную даму. Зомбартъ остроумно показываетъ исторію превращенія значенія этого слова, первоначально зародившагося при дворѣ папъ, прототипѣ всѣхъ княжескихъ дворовъ. Дворъ являлся центромъ культурной жизни той эпохи. Около двора вращалась знать, а къ знати тянулась презираемая ею и все-таки роднившаяся съ нею разбогатѣвшая буржуазія. Тонъ всей жизни задавалъ дворъ. И если при дворѣ царила мэтресса короля, то въ буржуазномъ обществѣ ея функціи исполняла куртизанка. Порядочная женщина изъ общества, подъ страхомъ своего рода деклассированія, вынуждена была вступить въ конкуренцію съ демимонденкой, опредѣлявшей тотъ минимумъ культуры, ниже котораго женщинѣ нельзя опускаться.

Если исключить изъ разсмотрѣнія массовое потребленіе войскъ, то потребности господствующихъ классовъ являются, по мнѣнію Зомбарта, тѣмъ базисомъ, на которомъ воздвигалось зданіе современнаго капитализма. Въ его книгѣ собрана масса цифръ, показывающихъ баснословную расточительность той эпохи. Людовикъ XIV, самый характерный и блестящій представитель ея, беретъ изъ стомилліоннаго бюджета Франціи въ свою пользу почти треть его—29.000.000 ливровъ, которые почти цѣликомъ уходятъ на постройки, празднества, подарки и пр. Постройка Версаля, затѣянная въ угоду фавориткѣ Ла-Вальеръ, обошлась въ сто милліоновъ ливровъ. Въ томъ же духѣ и того же размаха были расходы другихъ французскихъ королей. Образу жизни французскихъ правителей и знати слѣдовали иностранные дворы и аристократія.

Параллельно съ этимъ Зомбартъ, разсматривая господствовавшія тогда въ земледѣліи, торговлѣ и промышленности отношенія, приходитъ къ выводу, что крупныя, носящія капиталистическій характеръ предпріятія связаны были, по преимуществу, съ добываніемъ, производствомъ и обращеніемъ предметовъ роскоши. Словомъ, роскошь—по яркой заключительной фразѣ книги—это «законное дитя незаконной любви», порождена капитализмомъ.

Эта еретическая теорія вызоветъ, разумѣется, протесты экономистовъ. И на ней, несомнѣнно, лежитъ печать той же односторонности, которая отличала книгу о «Евреяхъ и хозяйственной жизни». Возможно, что это—односторонность методологическая, какъ предупреждалъ въ предисловіи къ первой книгѣ В. Зомбартъ, т. е. то научное преувеличеніе и упрощеніе, благодаря которому можно оцѣнить по достоинству значеніе какого-нибудь остававшагося въ тѣни

фактора хозяйственной жизни. Написана новая книга Зомбарта съ его обычнымъ мастерствомъ и блескомъ. Въ ней масса свѣжихъ данныхъ, заимствованныхъ изъ первоисточниковъ, много свидѣтельствъ современниковъ, благодаря которымъ изложеніе Зомбарта пріобрѣтаетъ необыкновенную живость и пластичность.

П. Юшкевичъ.

David Koigen. Die Kultur der Demokratie. (Iena, 1912).

«Это—настоящая философія демократіи», пишетъ Эд. Бернштейнъ въ предисловіи къ названной въ заголовкѣ книгѣ. «Невозможно въ короткомъ очеркѣ дать достаточно полное представленіе о богатствѣ идей, отличающемъ книгу Койгена. Это книга, которую нельзя наскоро пробѣжать глазами: она захватываетъ васъ, на какомъ бы мѣстѣ вы ее ни развернули». Этотъ отзывъ Бернштейна, можетъ быть, страдаетъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, но, несомнѣнно, въ книгѣ Койгена дана замѣчательная оцѣнка соціально-исторической роли демократіи и ея значенія въ культурномъ строительствѣ, въ накопленіи общечеловѣческихъ духовныхъ цѣнностей. Что созданіе этихъ цѣнностей не является исключительнымъ дѣломъ отдѣльныхъ выдающихся личностей, что въ культурномъ творчествѣ часто принимаютъ выдающееся участіе общественные коллективы—этотъ взглядъ можно считать довольно прочно установившимся въ современной наукѣ. «Надо говорить: не геніи *или* среда, а геній *и* среда... Голосъ безъ эхо, безъ отклика долженъ умолкнуть, какъ бы онъ ни былъ силенъ и могучъ... Умственныя теченія характеризуются и цифрами, и нулями; въ нихъ участвуютъ одинаково личности и массы, люди и порядки» (Т. Циглеръ, «Умственныя и общественныя теченія XIX ст.»). Въ этой общей формѣ признаніе роли массъ въ общественномъ развитіи не вызываетъ въ настоящее время серьезныхъ возраженій. Но къ чему сводится эта роль, въ чемъ она выражается, чѣмъ обязана ей современная культура? Мы имѣемъ до сихъ поръ очень мало научныхъ попытокъ освѣтить эти вопросы съ надлежащей полнотой; большею частью онѣ ограничиваются учетомъ тѣхъ общихъ соціальныхъ факторовъ, которые въ той или иной степени оказали вліяніе на дѣятельность отдѣльнаго мыслителя или на культурный характеръ данной эпохи. Койгенъ, въ своемъ ранѣе опубликованномъ капитальномъ трудѣ: «Ideen zur Philosophie der Kultur» и, въ особенности, въ настоящей книгѣ, дѣлаетъ значительный шагъ впередъ: онъ подвергаетъ философско-историческому анализу самые эти соціаль-

ные факторы въ ихъ имманентномъ историческомъ развитіи и даетъ яркую и цѣльную картину созиданія культурныхъ цѣнностей, Kulturact'a, какъ онъ его называетъ. Это созиданіе совершается подъ знакомъ демократіи, и въ поступательномъ ходѣ исторіи становится все болѣе демократическимъ по существу. Авторъ слѣдитъ за развитіемъ гуманизма, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, за стремленіемъ человѣчества взять въ свои руки всѣ тѣ силы, которыми ранѣе распоряжались и которыми ранѣе давили человѣчество всевозможные большіе и маленькіе боги, большіе и маленькіе титаны. Небесныя силы все болѣе и болѣе низводятся на землю и теряютъ свою фатальную власть надъ людьми. «Демократическая воля къ самоцѣнности (Geltungswille) есть конечная предпосылка къ чисто-человѣческому представленію о порядкѣ и законности». Эта «воля къ самоцѣнности», къ самодовлѣющему бытію, въ исторіи демократіи непосредственно связана съ развитіемъ общественнаго правосознанія. Гомеровскія эпопеи даютъ намъ образецъ первобытнаго правосознанія, въ которомъ боги и титаны надѣлены неоспоримыми сверхъ-человѣческими прерогативами. Народныя массы, ихъ желанія и стремленія здѣсь, какъ и въ шекспировскихъ драмахъ, существуютъ только для созданія надлежащаго фона къ картинѣ. Соціальныя отношенія опредѣляетъ зачастую простая, грубая физическая сила. И только постепенно, въ хаотичной и стихійной борьбѣ, выростаетъ новая сила, берущая верхъ надъ остальными и подчиняющая ихъ себѣ—сила права. Право, правовой порядокъ—это по существу демократическій, гуманитарный принципъ. Онъ еще и теперь далеко не получилъ всеобщаго признанія. Но каждая его побѣда есть вмѣстѣ съ тѣмъ побѣда демократіи.

Весьма важный фазисъ этой борьбы за право, уже въ значительной степени пройденный человѣчествомъ, представляетъ собой то, что Койгенъ называетъ «Kampf um die Seele»—борьба за душу, за духовную самоцѣнность личности. Греческій Прометей, принесшій съ небесъ на землю божественный огонь, реформація, поставившая своимъ идеаломъ созданіе царства божія на землѣ, переходъ отъ «вѣры» къ «разуму»—знаменуютъ собой главные этапы по пути «очеловѣченія» внѣ человѣка стоящихъ силъ. Въ двухъ направленіяхъ воздѣйствовалъ процессъ демократизаціи духа на человѣческую культуру: внутреннемъ, нравственномъ и внѣшнемъ, политическомъ (мы бы сказали шире: соціальномъ). Создалась новая духовная личность, создалось новое культурное правосознаніе. Мѣсто религіозной догмы заняла демократическая мораль. «Ученіе Канта о категорическомъ императивѣ есть моральная философія демократіи». Явилась, вмѣстѣ съ тѣмъ, и новая *соціальная* мораль, передъ кото-

рой возникла двойная задача: выяснить права личности въ обществѣ и права общества надъ личностью. Факторомъ соціальной жизни стала сила общественнаго мнѣнія; выработалась партійная моральная дисциплина, ищущая примиренія партійныхъ интересовъ съ высшими интересами общечеловѣческой справедливости, въ противоположность прежнему іезуитскому принципу: цѣль оправдываетъ средства. Образовалась, наконецъ, и могучимъ токомъ пронизала всю современную общественную жизнь спеціфическая рабочая, пролетарская, революціонная мораль, переоцѣнивающая всѣ до сихъ поръ признанныя соціальныя цѣнности и открывающая новые пути и новыя сферы въ области соціально-нравственныхъ отношеній. Характернымъ въ этомъ отношеніе показателемъ является измѣненіе не только въ рабочей средѣ, но и въ высшихъ классахъ взгляда на работу и на самого рабочаго. Психологія раба, покорно несущаго свое ярмо, считающаго рабство естественнымъ своимъ состояніемъ, уступила мѣсто психологіи современнаго рабочаго, сознающаго свое человѣческое достоинство и полнаго вѣры въ свое окончательное освобожденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ настоящее время даже въ аристократическихъ кругахъ сибаритство, безплодное прожиганіе жизни находитъ нерѣдко порицаніе; считается необходимымъ хотя бы для виду заниматься какимъ-нибудь трудомъ.

Въ области политическихъ и соціальныхъ формъ демократизація народныхъ массъ дала наиболѣе осязательные результаты. Идея народнаго суверенитета, идея правъ человѣка и гражданина проникаетъ собой какъ представительныя учрежденія современныхъ государствъ, такъ и весь строй современной соціальной жизни. Для демократіи прежнихъ временъ «власть» была синонимомъ «насилія» и «зла» (первые христіане); въ глазахъ новой демократіи политическая власть является главнымъ средствомъ достиженія культурно-соціальныхъ цѣлей. Возникаетъ проблема «оправданія власти», которую Койгенъ анализируетъ глубоко и подробно. Отношенія между народомъ и государствомъ—это сущность всего историческаго движенія демократіи, всей борьбы демократіи съ аристократіей и абсолютизмомъ. Въ концѣ концовъ эта борьба привела къ своеобразному примиренію демократіи съ государствомъ, выразившемуся въ торжествѣ парламентаризма: борьба идетъ за государство, но государство соотвѣтствующее демократическимъ принципамъ. Отсюда возникаетъ проблема воспитанія демократіи къ власти, создающая опредѣленныя представленія о правѣ и силѣ, о «правѣ на революцію», о коллективной волѣ массъ, объ отношеніи демократіи къ цѣнностямъ, выработаннымъ культурой высшихъ классовъ, о достоинствѣ личности. «Демократія впервые открываетъ *человѣка*»: она исходитъ изъ по-

нятія о человѣкѣ, какъ таковомъ, безотносительно къ его соціальному положенію. Право на полный продуктъ труда, право на полное участіе въ политической жизни государства, право на достиженіе всѣхъ ступеней образованія—вотъ основные ея девизы; ея основное стремленіе—сдѣлать цѣнности культуры общимъ, доступнымъ для всѣхъ достояніемъ.

Любопытны страницы, посвященныя Койгеномъ прессѣ; какъ справедливо отмѣчаетъ Бернштейнъ, онѣ тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что исходятъ отъ «академическаго» ученаго, представителя среды, въ которой распространено неблагопріятное мнѣніе о прессѣ и журналистахъ. Койгенъ видитъ въ прессѣ превосходный, прекрасно оборудованный органъ демократическаго воспитанія широкихъ массъ; для него журналистъ—это «импрессіонистъ», моментально схватывающій измѣнчивые образы лихорадочно бьющейся жизни и съ такимъ же лихорадочнымъ жаромъ бросающій въ массы живое слово и живые лозунги. Несмотря на всѣ недостатки, легко могущіе исчезнуть въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, пресса сдѣлала и дѣлаетъ то, чего не можетъ сдѣлать книга: она создала конкретный «соціальный языкъ», ставшій могучимъ орудіемъ культурнаго и соціальнаго общенія народныхъ массъ.

Направивъ свои стремленія на завоеваніе и дальнѣйшее развитіе положительныхъ цѣнностей культуры, демократія, однако, не убереглась отъ нѣкоторыхъ внутреннихъ противорѣчій. Страницы, посвященныя «добродѣтелямъ и порокамъ пробуждающихся массъ», религіозному «опустѣнію души», «культу наслажденія и сенсаціи», культу индивидуализма и «дерзкаго преступленія», открывающаго путь къ власти или наслажденію, читаются съ большимъ интересомъ, изобилуютъ тонкимъ анализомъ души современнаго человѣка. Поразительны по своей вѣрности психологическія сближенія, какъ, напр., между Наполеономъ I и Раскольниковымъ изъ «Преступленія и Наказанія», которыхъ роднитъ общая имъ идея «дерзкаго преступленія», или картина эволюціи отъ свободной, кипучей страсти Донъ-Жуана и Карменъ къ современному «бунту крови» и такимъ «героямъ нашего времени», какъ Анатоль и Доріанъ Грей (вспомнимъ наше отечественное: «Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ»...). Ярко и картинно характеризуя всѣ эти противорѣчія, Койгенъ находитъ, что хотя «еще не пришло время той духовной и соціальной цѣлостности, къ какой стремится демократическій гуманизмъ», однако все же «наша жизнь in toto располагаетъ большей степенью индивидуальной смѣлости, бо́льшимъ размахомъ героизма, чѣмъ общественная жизнь какой бы то ни было былой эпохи». Это наглядно проявляется во время соціально-полити-

ческихъ кризисовъ и массоваго революціоннаго подъема. Нѣтъ, поэтому, больше мѣста для міровой скорби; ступень разочарованія пройдена человѣчествомъ, хотя, правда, вмѣстѣ съ тѣмъ и многія сладкія грезы уступили мѣсто трезвому пониманію дѣйствительности. Впереди стоятъ новыя проблемы, новыя рѣшенія: личность и общество, «стилизація» индивидуальности и «воля къ бытію» народныхъ массъ—эта злоба текущяго дня.

Идеалистъ нео-кантіанской школы, Койгенъ не отводитъ мѣста въ своей книгѣ учету внѣшнихъ, матеріальныхъ факторовъ демократической эволюціи, даже не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакой оговорки: его анализъ носитъ чисто философско-психологическій характеръ. Но, быть можетъ, именно это даетъ Койгену возможность съ особой рельефностью и яркостью обрисовать психологическую сущность демократической эволюціи человѣчества. Передъ читателемъ проходитъ вся духовная жизнь современнаго человѣчества, со всѣмъ богатствомъ и разносторонностью ея переживаній, со всѣми терзаніями, внесенными въ нее соціальными условіями. Книга Койгена—философскій и психологическій синтезъ того, что́ дано развитіемъ культуры въ настоящемъ, и того, что составляетъ задачу демократіи въ будущемъ.

А. Т.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Общимъ мѣстомъ стали уже жалобы на трагическое положеніе современнаго театра. Въ душахъ дѣятелей сцены народились новыя, большія возможности, которыя жаждутъ воплотиться на соотвѣтственномъ драматургическомъ матеріалѣ, а драматурги такого матеріала не даютъ, и, повидимому, дать не въ силахъ. Техника подмостокъ достигла небывалаго развитія, творческая воля режиссера развернулась въ широкомъ масштабѣ и научилась осуществлять на сценѣ могучія симфоническія заданія, — а приложить эти новыя силы не къ чему. Ростъ драматической литературы ужасающимъ образомъ отсталъ отъ роста театра. Причины этого явленія трудно поддаются анализу, но фактъ на лицо.

Ничего не измѣнили въ этомъ отношеніи и послѣднія драмы

Леонида Андреева, хотя за нихъ ухватились, едва ли не съ голодухи, самыя выдающіеся театры діаметрально противоположныхъ направленій: хранительница традицій, императорская Александринская сцена поставила «Профессора Сторицына», вождь на пути неутолимыхъ исканій, Московскій художественный театръ отдалъ свой вдохновенный трудъ «Екатеринѣ Ивановнѣ». Настоящаго удовлетворенія ни та, ни другая постановка не дали ни публикѣ, ни, повидимому, артистамъ,—да и не могли дать: слишкомъ ужъ слабы эти творенія Андреева и съ литературной, и со сценической точки зрѣнія.

Работа надъ «Профессоромъ Сторицынымъ» двигалась у Андреева почти сплошь, такъ сказать, мятымъ паромъ—давно остывшими, обезсилѣвшими, омертвѣвшими идеями и построеніями. Въ прежнее время авторъ поистинѣ мучился надъ загадками бытія, страстно метался между вѣрой въ человѣка и презрѣніемъ къ нему, между жаждой синтетическаго міропониманія и отчаяніемъ передъ зримымъ хаосомъ жизни. И тогда искренняя боль и напряженность исканій нарождали въ раскаленной атмосферѣ его духа волнующіе образы, заражали читателя, приковывали умъ и чувство его къ страдальческимъ, иногда бредовымъ видѣніямъ художника. Потомъ, мало по малу, вулканы потухли, и Андреевъ занялся декоративными фейерверками на вулканическіе мотивы. Еще шагъ—и пошли фейерверки, повторяющіе мотивы первыхъ фейерверковъ. Такимъ отраженіемъ отраженія оказался и «Профессоръ Сторицынъ».

Въ основу драмы положена давно знакомая намъ по прежнимъ произведеніямъ Андреева актитеза: идалистъ-профессоръ, жрецъ и проповѣдникъ духовной красоты и вѣры въ преображеніе жизни ея всепобѣждающей мощью, и у этого идеалиста семья—воплощеніе непобѣдимой пошлости и примитивной животности. Лишь подъ конецъ жизни Сторицынъ замѣчаетъ это ужасающее противорѣчіе и бездѣйственность своего идеализма и въ тяжкой мукѣ гибнетъ, какъ бы распятый на Голгоѳѣ. Рядомъ со Сторицынымъ его другъ, Телемаховъ, влюбленный въ Сторицына, какъ въ личность, но ненавидящій его идеалистическую вѣру, «біологъ и реалистъ», для котораго люди—отнюдь не «братья милѣйшіе, ангелы безъ крыльевъ, хотя и въ запятнанныхъ, но все же бѣлыхъ одеждахъ», а «волки». Чтобы Сторицынъ позналъ, наконецъ, то, что Телемаховъ считаетъ истиной, онъ не желаетъ оберегать друга отъ неминуемо угрожающей ему чаши страданія, страдальчески торжествуетъ, когда Сторицынъ возведенъ на Голгоѳу, и вмѣстѣ проклинаетъ тотъ міропорядокъ, который дѣлаетъ эту страшную правду—правдой и драгоцѣннѣйшихъ сыновъ человѣческихъ посылаетъ на Голгоѳу. Да вѣдь

это-же перелицовка Андреевскаго «Іуды», который обожаетъ Христа и вмѣстѣ предаетъ его, а затѣмъ самъ вѣшается отъ муки, лепеча влюбленныя рѣчи Распятому. Только идеалистъ Андреева въ новомъ своемъ воплощеніи превратился въ пустого и наивнаго фразера, дѣйствительно слѣпого, дѣйствительно кругомъ виноватаго и передъ женой, которая смахиваетъ на кухарку, и передъ сыномъ—типичнымъ выродкомъ. Здравыя и правдивыя слова слышатся мѣстами изъ устъ этихъ ничтожныхъ людей, и ничего, кромѣ безпомощнаго лепета, не исходитъ отъ Сторицына. Въ концѣ второго акта Андреевъ вплетаетъ мотивъ изъ весьма неудачнаго разсказа своего «Тьма», гдѣ идеалисту революціонеру становится стыдно за свою чистоту и духовность передъ проституткой, и этотъ стыдъ гонитъ идеалиста не къ дѣйственной борьбѣ съ позорными пятнами жизни, а къ тому, чтобы самому погрузиться въ смрадную тину. И профессоръ Сторицынъ, прежде чѣмъ взойти на Голгоѳу, напивается пьянъ и проситъ собственнаго сына-подростка свезти его въ публичный домъ. Такъ смята и принижена, превращена въ скверный и ненужный анекдотъ идея, столь будящая и захватывающая въ «Іудѣ».

Ремесленность, загубившая идейную содержательность пьесы, разлагающимъ образомъ сказалась и на художественности выполненія. Блѣденъ и смутенъ ликъ самого героя драмы, расплывчатымъ, невразумительнымъ пятномъ вышла его послѣдовательница, княжна Людмила Павловна. Другія фигуры, наоборотъ, рѣжутъ глазъ безвкусной яркостью лубка. Любовникъ жены Сторицына, Саввичъ—грубо-аляповатый и прямо неумный шаржъ. Картина смерти Сторицына, — по замыслу автора моментъ наивысшаго трагическаго потрясенія; — превратилась въ такую неуклюжую мелодраму, что, глядя на нее, испытываешь просто чувство неловкости... И этимъ заключительнымъ аккордомъ окончательно закрѣпляется общее впечатлѣніе отъ драмы: «Профессоръ Сторицынъ»—сплошной промахъ въ психологическомъ и художественномъ отношеніи.

Врядъ-ли лучше обстоитъ дѣло и съ «Екатериной Ивановной». Правда, тутъ незамѣтно авторскаго самоограбленія, какъ въ «Сторицынѣ», но зато гораздо больше невразумительности и драматургической безпомощности.

Драма съ мѣста въ карьеръ начинается тѣмъ, что мужъ стрѣляетъ въ жену, движимый, какъ потомъ выясняется изъ разговоровъ, психопатически нелѣпой и грязной фантазіей на тему о невѣрности жены. Въ послѣдующихъ актахъ этотъ господинъ, дебютирующій, какъ субъектъ съ болѣзненно развращеннымъ воображеніемъ, оказывается ангеломъ любви, чуткости и всепрощенія. Какъ

происходитъ такой переворотъ, и даже возможенъ ли онъ,—авторъ ни словомъ не обмолвился, предоставляя читателю или артисту самому раздѣлываться съ этой нелегкой проблемой, какъ угодно. Вѣдь это же азбука, что драматургъ обязанъ былъ показать *на сценѣ, въ живомъ дѣйствіи,* какъ Стибелевъ дошелъ до своего безумнаго поступка, а затѣмъ—какимъ процессомъ побѣдилъ безуміе и поднялся до высшей просвѣтленности духа. Но Андреевъ выбрасываетъ въ данномъ случаѣ все *движеніе*, то есть то, что составляетъ душу драматическаго искусства, за предѣлы своей картины, и сосредоточивается на *статическихъ* моментахъ, то есть на томъ, что всякій истинный драматургъ стремится свести въ драмѣ до самаго ничтожнаго минимума.

Тоже повторяется и съ самой Екатериной Ивановной. Ее нормальную, до припадка мужа, мы совсѣмъ не видимъ. Въ первомъ актѣ данъ только ея почти безсловесный ужасъ передъ дуломъ револьвера, т. е. опять таки только одинъ психологическій моментъ. Разрѣшеніе этого момента авторъ прячетъ отъ зрителя, а между тѣмъ кривая, по которой движется душа Екатерины Ивановны, подъ вліяніемъ полученнаго толчка, чрезвычайно загадочна и своеобразная: безупречно чистая дотолѣ, она послѣ выстрѣла отдается патентованному пошляку Ментикову. Вновь появляется она на сценѣ, уже ликвидировавъ отношенія къ Ментикову и всѣ тяжелыя ихъ послѣдствія, душевно разбитая, «мертвая», какъ она сама себя характеризуетъ. Какъ-то мертвенно примиряется она съ мужемъ, и затѣмъ занавѣсъ падаетъ, и снова подымается только для того, чтобы засвидѣтельствовать, что авторъ убралъ изъ драмы и второй динамическій моментъ въ душевной эволюціи своей героини, когда она превратилась въ женщину, тягостно и откровенно развратничающую.

Тѣмъ же пріемомъ изображены и всѣ остальныя лица, участвующія въ драмѣ. Авторъ, какъ нарочно, обходитъ все, что похоже на драматическое движеніе, все, что давало бы ключъ къ пониманію его героевъ, и задерживаетъ вниманіе зрителя на эпизодахъ почти неподвижныхъ и ничего не раскрывающихъ. Въ результатѣ получается произведеніе, лишенное всякой цѣлостности и внутренней убѣдительности и оставляющее впечатлѣніе не творческаго проникновенія въ таинственную закономѣрность жизни, а безплодной игры авторскаго произвола.

Это уже который годъ Леонидъ Андреевъ, когда то такой яркій и содержательный, приноситъ каждымъ своимъ новымъ произведеніемъ новое разочарованіе всѣмъ, кто не можетъ забыть, что онъ—писатель, одаренный несомнѣннымъ и недюжиннымъ талантомъ, кто не можетъ примириться съ такимъ беззаконнымъ использова-

ніемъ божьяго дара. Вѣдь и теперь, несмотря на столь многія прегрѣшенія противъ себя самого, Андреевъ не убилъ своего творческаго духа окончательно. И теперь, какъ и прежде, посѣщаютъ его истинно художническія минуты, и можетъ же онъ, хоть изрѣдка, писать такъ, какъ написаны нѣкоторыя страницы въ его разсказѣ „Онъ", начало котораго напечатано въ Январьской книжкѣ „Современнаго Міра". Чуется опасность, что Андреевъ не сумѣетъ благополучно завершить и этотъ разсказъ. Недобрымъ знаменіемъ является тотъ фактъ, что февральская книжка журнала не принесла намъ продолженія разсказа. Недобрыя нотки звучатъ и на послѣднихъ страницахъ напечатанной части: замелькалъ деревянный шаблонъ привычныхъ для этого автора пріемовъ, которыми онъ запугиваетъ читателя. Не страшно, а только скучно становится отъ призраковъ, назойливо и бездарно преслѣдующихъ героевъ Андреева, какъ эта „неподвижная темная фигура въ котелкѣ", подстерегающая студента за каждымъ оконнымъ стекломъ. Но съ какимъ мастерствомъ передана тягостная, гнетущая атмосфера, царящая въ домѣ Норденовъ, какъ живо написалъ пейзажъ, окружающій этотъ домъ, сѣрое море и нависшее небо, а особенно зимняя картина замерзшаго моря и мертвенно-бѣлаго берега съ такими четко наблюденными деталями, какъ „мягкія округлости камней", запушенныхъ снѣгомъ. Это—письмо настоящаго художника, которому не можетъ быть никакого оправданія, если онъ расточаетъ свою силу на ничтожную ремесленность...

Необходимо отмѣтить и талантливыя страницы, вышедшія изъ подъ пера другого блуднаго сына нашей современной литературы, котораго опьянилъ слишкомъ шумный успѣхъ и поощрилъ къ самымъ безпардоннымъ и далекимъ зигзагамъ въ сторону отъ истинныхъ путей литературнаго творчества. Я говорю объ Арцыбашевѣ, который такъ часто заставляетъ протестовать съ возмущеніемъ противъ его писаній, и все же способенъ на такія очаровательныя картинки, какъ вся пейзажная часть разсказа „Деревянный чурбанъ" („Земля", сборникъ десятый). Только настоящей художнической натурѣ дано такъ полно и сильно воспринимать жизнь природы съ всѣми ея красками, звуками и запахами, безбрежную синеву неба и крохотнаго жучка съ черными глазками, качающагося на травяномъ стеблѣ. Только художнику дано такъ растворяться духомъ въ необъятномъ мірѣ, и находить такія полноцѣнныя слова для передачи своихъ воспріятій и переживаній. А сколько чуткой наблюдательности въ описаніи зайца, рѣзвившагося на пустынной лѣсной полянѣ. Вся заячья душа, со всѣми свойственными ей перебоями нашла себѣ выраженіе въ движеніяхъ его тѣла, зорко подсмотрѣнныхъ и четко описан-

ныхъ авторомъ. Вотъ нѣсколько деталей изъ этой картины: «Заяцъ сѣлъ и сторожко вытянулся, высоко поднявъ надъ головой длинныя уши и прижавъ къ бѣловатому животику короткія переднія лапки. Съ минуту онъ чутко прислушивался, чуть замѣтно поворачивая уши изъ стороны въ сторону... Часто-часто дрожитъ его нѣжный носикъ, принюхиваясь къ подозрительнымъ запахамъ... Никакая опасность ему не угрожаетъ. На минуту онъ даже какъ-то осѣлъ, комфортабельно выставивъ животикъ и зажмурившись отъ удовольствія, потомъ вытянулся опять, поднявъ переднія лапки и смѣшно замахавъ ими въ воздухѣ, сложилъ точно мусульманинъ на молитвѣ. И вдругъ, неожиданно сорвавшись съ мѣста, прыгнулъ, перекувырнулся, растянулся въ травѣ и завертѣлся колесомъ... Было такъ зелено, такъ свѣтло, такъ радостно кругомъ. Заяцъ, какъ сумасшедшій, прыгалъ, скакалъ, махалъ лапками, кувыркался черезъ голову. Онъ, очевидно, ошалѣлъ отъ радости свѣтлаго утра и полной безопасности»...

Сколько глубокой любовности и неподдѣльной жизнерадостности вскрывается въ душѣ автора, когда онъ отдается такъ и такимъ впечатлѣніямъ, и какими лживыми и ненужными оказываются при обаяніи этого солнцемъ пронизаннаго лѣса и этого заячьяго счастья всѣ тѣ пессимистическія и клеветническія надуманности и грубости, которыми обычно такъ любитъ щеголять Арцыбашевъ и которыхъ немало, напримѣръ, въ его послѣднемъ скучномъ и тягучемъ трактатѣ «О ревности» («Земля», сборникъ одиннадцатый)...

Нѣтъ, положительно, въ нашей художественной (да и въ одной ли только художественной!) культурѣ есть какой-то роковой изъянъ: настоящіе таланты, способность къ истинно-творческимъ прозрѣніямъ и подъемамъ,—и рядомъ легкость, съ которой писатель позволяетъ себѣ разгуливать по стезѣ бездарности, безвкусицы, духовной лѣности и дешеваго оплеванія жизни...

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Программа новаго президента во Франціи. — Новые военные проекты въ Германіи.—Рѣчи Вильгельма II и его канцлера.—Разные виды военнаго спорта.—Сельскохозяйственный докладъ императора и инцидентъ съ арендаторомъ.—Парламентскія пренія по внутреннимъ вопросамъ.—Революція въ Мексикѣ.

Переходъ власти отъ прежняго президента къ новому совершился во Франціи при необычномъ подъемѣ общественнаго настроенія, среди шумныхъ сочувственныхъ манифестацій. Раймондъ Пуанкаре́ пользуется теперь популярностью не только въ своемъ отечествѣ, но и въ Европѣ, и многіе уже сомнѣваются, удастся ли ему оправдать возбужденныя имъ надежды.

Въ интересномъ и обстоятельномъ посланіи, прочитанномъ 20-го февраля въ палатѣ депутатовъ главою кабинета Бріаномъ, а въ сенатѣ—министромъ юстиціи Барту, изложена политическая программа, обѣщающая, какъ-будто, внести новый духъ въ дѣятельность президента французской республики. «Прерогативы парламента—говорится въ посланіи—легко примиряются съ правами и обязанностями правительства, и умаленіе исполнительной власти не представляется желательнымъ ни для палатъ, ни для страны. Безъ твердой и сознательной исполнительной власти могло бы быть нарушеннымъ правильное дѣйствіе административныхъ органовъ, и въ извѣстные моменты подвергалось бы опасности даже общественное спокойствіе». Президентъ заявляетъ, что во все продолженіе своихъ полномочій онъ, въ согласіи съ отвѣтственными министрами, будетъ «наблюдать за тѣмъ, чтобы правительство республики, подъ контролемъ парламента, сохраняло авторитетъ, который долженъ ему принадлежать». Онъ, президентъ, призванъ «быть руководителемъ и совѣтниковъ общественнаго мнѣнія при наступленіи серьезныхъ обстоятельствъ; ему предстоитъ дѣлать разумный выборъ между сталкивающимися интересами, отдѣлять общее отъ частнаго и постоянное отъ случайнаго, стараться отличить въ каждой новой идеѣ то, что она имѣетъ въ себѣ мертворожденнаго, и то, что она можетъ дать жизненнаго и плодотворнаго для будущаго». Перечисливъ тѣ разнородныя блага и усовершенствованія, которыя республика внесла уже въ жизнь націи, Пуанкаре́ ставитъ себѣ и своему правительству въ обязанность «твердо

сохранять порядокъ внутри страны, ревниво слѣдить за равновѣсіемъ бюджета и за соблюденіемъ неприкосновенности французскаго финансоваго могущества, и дѣлать все, что отъ нихъ зависитъ, для обезпеченія благодѣяній внѣшняго мира на основѣ всеобщаго уваженія къ національному достоинству Франціи». Въ заключеніе указывается на необходимость поддержанія военныхъ силъ на высокомъ уровнѣ, соотвѣтствующемъ условіямъ международнаго положенія. «Миръ не декретируется волей одной державы, и изреченіе, унаслѣдованное нами отъ древности, никогда еще не было вѣрнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Народъ можетъ быть дѣйствительно миролюбивымъ только при условіи всегдашней готовности къ войнѣ. Уменьшенная Франція, доступная, по своей винѣ, униженіямъ и придиркамъ, не была бы уже Франціею. Допустить ослабленіе нашей страны среди націй, неустанно развивающихъ свои военныя силы, значило бы совершить преступленіе противъ цивилизаціи. Наша армія и нашъ флотъ ежедневно даютъ доказательства своего мужества и своей преданности долгу. Обратимъ къ нимъ нашу бодрствующую мысль и не отступимъ ни предъ какими усиліями, ни предъ какими жертвами для ихъ укрѣпленія. Въ своемъ спокойномъ трудѣ армія и флотъ являются вѣрнѣйшими помощниками нашей дипломатіи. Наши слова мира и человѣчности будутъ имѣть тѣмъ болѣе шансовъ быть выслушанными, чѣмъ лучше мы будемъ вооружены и чѣмъ большею рѣшимостью мы будемъ проникнуты. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы стараемся вмѣстѣ со всей Европою предупредить опасности страшнаго кризиса. Опираясь на довѣріе парламента и страны, убѣжденное въ вѣрности своихъ союзниковъ и друзей, правительство республики будетъ настойчиво проводить политику прямодушія, благоразумія и твердости».

Принимая на себя роль «руководителя и совѣтника» общественнаго мнѣнія,—роль, которой не брали на себя его предмѣстники,—новый президентъ этимъ самымъ обязывается чутко прислушиваться къ общественному мнѣнію и внимательно слѣдить за всѣми его перемѣнами и порывами; онъ долженъ постоянно заботиться о своей популярности, безъ которой нельзя оказывать руководящее вліяніе на общество въ такой странѣ, какъ Франція. Первые шаги его относятся къ области внѣшней политики, наиболѣе волнующей умы французской публики. Оживленный обмѣнъ любезностей съ союзной Россіею и признаки особеннаго сочувствія петербургскаго двора къ личности Пуанкаре́ произвели несомнѣнно благопріятное впечатлѣніе на большинство французскихъ патріотовъ. Послѣдовавшее затѣмъ назначеніе г. Делькассе́ посломъ въ Петербургъ

есть уже крупный политическій актъ, опредѣляющій путь и направленіе дѣятельности французской дипломатіи въ ближайшемъ будущемъ. Теофиль Делькассé, бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ въ теченіе семи лѣтъ, съ 1898-го до 1905-го года, считается однимъ изъ самыхъ выдающихся и энергическихъ государственныхъ людей современной Франціи. Какъ сторонникъ предпріимчивой и твёрдой національной политики, онъ часто вызывалъ противъ себя недоброжелательные толки въ германской печати и подъ давленіемъ этихъ нападокъ долженъ былъ во время марокканскаго кризиса передать свой министерскій портфель болѣе мягкому и сговорчивому Рувье. Делькассé нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Россію и, между прочимъ, сопровождалъ президента Лубѐ въ его поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1902-мъ году; поэтому онъ имѣлъ возможность пріобрѣсть здѣсь прочныя политическія связи и симпатіи. Такъ какъ онъ принималъ близкое участіе въ устройствѣ тройственнаго соглашенія и всегда былъ приверженцемъ союза съ Англіею, то его назначеніе было повсюду понято какъ симптомъ болѣе послѣдовательнаго и цѣлесообразнаго противодѣйствія притязаніямъ Германіи и ея союзниковъ. Въ связи съ этимъ обращаетъ на себя вниманіе быстрота, съ какою французское правительство откликнулось на новые проекты германскихъ вооруженій: вопросъ объ усиленіи арміи сразу сдѣлался предметомъ спеціальныхъ заботъ и горячихъ обсужденій.

Внѣшніе политическіе успѣхи, ростъ военнаго могущества и финансоваго процвѣтанія, независимый тонъ по отношенію къ державамъ тройственнаго союза, солидарность съ Россіею и Англіею въ охранѣ международнаго мира,—вотъ и все, что намѣчено на первыхъ парахъ президентствомъ Пуанкарѐ и что должно доставить удовлетвореніе патріотическому чувству Франціи. Въ сферѣ внутреннихъ задачъ не ожидается ни смѣлаго почина административныхъ преобразованій, ни серьезныхъ попытокъ соціальнаго законодательства. Только двѣ реформы, предпринятыя единомышленниками Пуанкарѐ и застрявшія пока въ сенатскихъ комиссіяхъ,—законопроекты о подоходномъ налогѣ и о пропорціональномъ представительствѣ,—входятъ въ программу новаго президента, но не могутъ разсчитывать на скорое осуществленіе, такъ какъ служатъ предметомъ разлада и вражды между различными группами республиканскаго большинства. Противъ избирательной реформы возстаютъ радикалы и радикалы-соціалисты, занимающіе господствующее положеніе во многихъ провинціальныхъ комитетахъ; система подоходнаго налога упорно отвергается вліятельными представителями промышленной буржуазіи. При такихъ условіяхъ чрезвычайно

трудно будетъ для Пуанкарѐ поддерживать свою популярность и избѣгать нападеній въ печати и парламентѣ. Очень многіе видные республиканцы высказываются противъ энергичной внѣшней политики и связанныхъ съ нею усиленныхъ вооруженій; они находятъ неумѣстныхъ и то пристрастіе къ офиціальному блеску, которое повидимому обнаруживаетъ Пуанкарѐ. Въ этомъ смыслѣ началась уже оппозиціонная кампанія въ газетахъ, и новому президенту придется, по всей вѣроятности, убѣдиться въ невозможности для главы государства руководить общественнымъ мнѣніемъ при законномъ владычествѣ демократіи.

Новые военные законопроекты, возвѣщенные въ Германіи, должны довести мирный составъ германской арміи до 865 тысячъ человѣкъ и потребуютъ болѣе ста милліоновъ марокъ дополнительныхъ расходовъ въ годъ. Менѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ установлена была на пятилѣтній срокъ норма численности германскихъ войскъ, повышенная сравнительно съ прежнимъ на 10,875 человѣкъ и потребовавшая бюджетной прибавки въ размѣрѣ свыше сотни милліоновъ марокъ въ годъ. Весною прошлаго года эта пятилѣтняя норма опять подверглась радикальному пересмотру и была вновь увеличена настолько, что вмѣстѣ съ новыми затратами на флотъ прибавочные военные расходы составили на ближайшіе годы (по 1915-ый) колоссальную цифру въ 650 милліоновъ марокъ. Теперь предполагается опять увеличить эту цифру на дальнѣйшую сотню милліоновъ въ годъ. Съ весны 1911-го года три раза повышался максимальный составъ арміи въ мирное время на тотъ же пятилѣтній срокъ. Если весною 1911-го года германскій генеральный штабъ сдѣлалъ ошибку и въ недостаточной мѣрѣ увеличилъ численность войскъ, съ постепеннымъ повышеніемъ на пять лѣтъ впередъ, то весною слѣдующаго года онъ эту ошибку исправилъ и принялъ уже во вниманіе всѣ обстоятельства и условія возможныхъ военныхъ конфликтовъ, въ томъ числѣ и угрожавшую тогда опасность прямого столкновенія съ Англіею. Какимъ-же образомъ эти вторичные, усердно исправленные и значительно дополненные прошлогодніе разсчеты опять оказались теперь ошибочными и недостаточными? Даже терпѣливые и сдержанные нѣмецкіе патріоты спрашиваютъ въ недоумѣніи: чѣмъ объяснить эту поразительную неустойчивость и перемѣнчивость взглядовъ высшихъ военныхъ властей? Вѣдь съ прошлаго года международное положеніе не измѣнилось къ худшему, такъ какъ перспектива войны съ Англіею почти исчезла, а балканскія событія только косвенно затрагиваютъ Германію, какъ союзницу

Австро-Венгріи. Всякія военно-политическія комбинаціи, неблагопріятныя для нѣмцевъ, имѣлись уже въ виду и въ прошломъ, и въ позапрошломъ году, и притомъ на нѣсколько лѣтъ впередъ. Что же побудило германское военное министерство вновь измѣнить свои соображенія и публично сознаться, такимъ образомъ, въ своемъ легкомыслiи?

Въ двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ императоромъ Вильгельмомъ II 5-го февраля въ Кенигсбергѣ, мы не находимъ отвѣта на эти вопросы. Вильгельмъ II въ патріотическомъ тонѣ вспоминалъ эпоху освободительной войны 1813 года и по поводу столѣтняго ея юбилея говорилъ о всегдашней готовности пруссаковъ лечь костьми за благо и величіе отечества. Онъ лишній разъ повторилъ знаменитое изреченіе «могучаго перваго канцлера имперіи», признаваемое нѣмцами почему-то замѣчательнымъ и необыкновенно глубокомысленнымъ: «нѣмцы никого на свѣтѣ не боятся, кромѣ Бога». Если они никого на свѣтѣ не боятся, то почему они такъ неустанно усиливаютъ свои вооруженія? Они ссылаются на необходимость обороны отъ возможныхъ враговъ, и слѣдовательно не скрываютъ, что эти враги имъ страшны. Они увѣряютъ всѣхъ въ своемъ миролюбіи и мотивируютъ свои военныя мѣры мнимыми воинственными намѣреніями другихъ державъ; слѣдовательно, они боятся этихъ державъ. Что же касается извѣстныхъ отношеній къ Богу, то они одинаково свойственны всѣмъ религіознымъ людямъ, независимо отъ ихъ національности, и въ этой области нѣмцы не обладаютъ никакимъ преимуществомъ предъ другими народами. Если бы они болѣе другихъ проникнуты были страхомъ Божіимъ, то они укрѣпляли бы себя смиреніемъ и молитвой, а не постоянными, непрерывно возрастающими вооруженіями. Наконецъ, избитая патріотическая фраза Бисмарка вовсе не объясняетъ, почему военныя силы, разсчитанныя въ 1912-мъ году на три года впередъ, признаны уже въ началѣ 1913-го года недостаточными, требующими скорѣйшаго увеличенія.

Германскій канцлеръ фонъ-Бетманнъ-Гольвегъ, въ политической рѣчи, сказанной имъ въ собраніи членовъ германскаго сельскохозяйственнаго совѣта, 12-го февраля, не прибавилъ ничего существеннаго къ доводамъ своего повелителя. Онъ говорилъ о «потребности мира, воодушевляющей всѣ великія державы», о томъ, что эта потребность поможетъ справиться и съ балканскимъ кризисомъ, что она «составляетъ самую здоровую почву для проявляющагося повсюду живого стремленія развивать силы націй въ прогрессивно совершенствующейся работѣ». И послѣ дальнѣйшихъ мирныхъ замѣчаній объ успѣхахъ сельскаго хозяйства онъ вне-

запно перешелъ къ новымъ военнымъ предположеніямъ. Предисловіемъ послужилъ, конечно, юбилей 1813-го года. «Въ настоящемъ году—сказалъ Бетманнъ-Гольвегъ—не будетъ ни одного торжества и ни одного собранія, гдѣ не слышались бы отголоски юбилейныхъ воспоминаній. Намъ слѣдуетъ сохранить лучшее изъ нихъ, а именно самоотверженіе, которое наполняло нашихъ отцовъ 1813-го года. Мы должны будемъ въ этомъ году усилить наши вооруженія на сушѣ. Въ этомъ единодушны всѣ отвѣтственныя въ этомъ дѣлѣ лица, что я особенно считаю долгомъ отмѣтить. А народъ, если я его хорошо понимаю, желаетъ, чтобы всякій, способный носить оружіе, былъ солдатомъ. Имперія, государство, домъ и дворъ со всѣмъ добромъ, которое въ нихъ заключается для души и тѣла, слишкомъ священны для насъ, чтобы мы не стремились употребить крайнія мѣры для обезпеченія и защиты ихъ отъ войны и военной опасности. Въ этомъ, какъ я убѣжденъ, нація едина и останется единой, когда мы въ имперскомъ сеймѣ будемъ, на Пасхѣ, обсуждать эти предложенія. Но жертвъ это потребуетъ. Богъ назначилъ намъ такое мѣсто на земномъ шарѣ, и такъ устроилъ нашу судьбу, что жертвы, великія жертвы, составляютъ нашъ тяжкій удѣлъ. Приносить ихъ охотно—въ этомъ наша гордость. Вы, какъ сельскіе хозяева,—и я могу себя причислить къ вамъ,—особенно тѣсно связаны съ почвой родины. Изъ этой родной почвы не только вырастаетъ зерно, которое насъ кормитъ, но должны постоянно вновь возрождаться упорное трудолюбіе, терпѣніе, выдержка и довѣріе, которыя наши отцы и дѣды въ потѣ лица вкладывали въ землю въ теченіе десятковъ и сотенъ лѣтъ. Берегите и впредь эти блага—и почва, на которой мы стоимъ, никогда не поколеблется».

Эти противорѣчивыя фразы о мирномъ, плодотворномъ трудѣ и объ обязанности каждаго здороваго мужчины быть солдатомъ привѣтствовались обычными знаками сочувствія въ обществѣ сельскихъ хозяевъ. Очевидно, слушатели нашли вполнѣ естественнымъ, что при всеобщей потребности мира, воодушевляющей всѣ великія державы, необходимо употребить крайнія мѣры для защиты «родины, дома, двора» и всего достоянія гражданъ отъ нападеній невѣдомыхъ враговъ, и что опасность этихъ нападеній сильнѣе въ 1913-мъ году, чѣмъ въ 1912-мъ, а въ 1912-мъ была сильнѣе, чѣмъ въ 1911-мъ году. Никто не поинтересовался узнать, съ какой стороны и отъ кого грозитъ опасность мирному нѣмецкому народу и всему его достоянію, и почему эта опасность увеличивается по мѣрѣ укрѣпленія интересовъ миролюбія среди всѣхъ культурныхъ націй. Безполезно было бы обращаться къ канцлеру съ подобными вопросами; онъ могъ бы отвѣтить только тѣми же неопредѣленными указаніями

и намеками, какіе издавна принято повторять при каждомъ новомъ военномъ законѣ. Изъ этихъ указаній и намековъ можно было бы заключить, что, вопреки пресловутому горделивому изреченію, Бисмарка, Германія всегда проникнута неодолимымъ чувствомъ страха, что она легко поддается этому чувству и готова прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ обороны, при полномъ отсутствіи какихъ-либо поводовъ къ опасеніямъ. Этою чувствительностью нѣмецкаго общественнаго мнѣнія весьма успѣшно пользуются любители и спеціалисты военнаго дѣла, для которыхъ ежегодное усиленіе арміи и флота служитъ предметомъ особаго профессіональнаго спорта. Иначе нельзя объяснить мотивы перемѣнъ, производимыхъ изъ года въ годъ и требующихъ колоссальныхъ затратъ, при одномъ и томъ же международномъ положеніи.

Любопытнѣе всего, что эти новыя военныя усилія предпринимаются именно въ тотъ моментъ, когда, по собственному сознанію германскихъ офиціозовъ, политическая атмосфера въ Европѣ прояснилась и самые жгучіе вопросы близятся къ безобидному разрѣшенію. Австро-Венгрія добилась удаленія сербовъ отъ Адріатики и обезпечила достаточно широкія границы для автономной Албаніи; конфликтъ между Болгаріею и Румыніею переданъ на обсужденіе державъ; балканскіе союзники отказались отъ намѣренія добраться до турецкой столицы и готовятся заключить миръ тотчасъ послѣ паденія Адріанополя; судьба Скутари уже мало интересуетъ Турцію, для которой этотъ пунктъ все равно потерянъ; дипломаты и военные командиры спорятъ только о томъ, кому онъ достанется—осаждающимъ его черногорцамъ или вновь создаваемому албанскому государству. Понятно, что Россія въ этомъ случаѣ отстаиваетъ интересы Черногоріи, а Австро-Венгрія защищаетъ этнографическія права будущей Албаніи. Можетъ быть, споръ разрѣшился бы самъ собою, еслибы черногорцамъ удалось взять городъ силою, такъ какъ австрійцы едва ли рѣшились бы вытѣснить оттуда побѣдителей. Какъ бы то ни было, изъ-за Скутари не предвидится серьезнаго разлада или столкновенія между державами. Отношенія между Австро-Венгріею и Россіею, считавшіяся еще недавно крайне натянутыми, смягчились до того, что въ газетахъ появились извѣстія объ отмѣнѣ пограничныхъ военныхъ мѣръ, принятыхъ съ обѣихъ сторонъ. Австрійская офиціозная пресса сочувственно обсуждала возможность удаленія войскъ отъ русской границы, въ виду устраненія поводовъ къ конфликтамъ. И въ это время германское правительство собирается выступить съ новымъ проектомъ усиленія своихъ войскъ, въ назиданіе успокоившимся сосѣдямъ! Такое усиленіе германской арміи представляетъ непосред-

ственную опасность и угрозу для Франціи, которая противъ 865 тысячъ нѣмецкихъ солдатъ можетъ выставить только немногимъ болѣе полумилліона. Эта колоссальная разница въ численности ойскъ обѣихъ странъ должна была заставить французовъ немедленно приступить къ надлежащимъ отвѣтнымъ реформамъ, изъ которыхъ наиболѣе цѣлесообразною признается возстановленіе трехгодичнаго срока обязательной военной службы. Франція ставится въ крайне тяжелое положеніе всякій разъ, когда ей приходится увеличивать свои военныя силы, ибо населеніе въ ней не возрастаетъ, какъ въ Германіи, а остается почти неизмѣннымъ съ годами. Тѣмъ болѣе жестокимъ и безцѣльнымъ является это періодическое издѣвательство надъ сосѣднимъ народомъ, вынужденнымъ не отставать отъ нѣмцевъ въ дѣлѣ вооруженій.

Что для германскихъ правителей и командующихъ генераловъ постоянное усиленіе арміи и флота не зависитъ отъ реальныхъ политическихъ обстоятельствъ и потребностей — это ясно видно изъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ признаковъ настроенія, господствующаго въ данное время въ руководящихъ сферахъ имперіи. Выработка новыхъ военныхъ законовъ не только не вызывается какимъ-либо ожиданіемъ внѣшняго опаснаго конфликта, а часто, наоборотъ, сопровождается спокойною увѣренностью въ прочности международнаго мира. Вильгельмъ II долго и упорно стремился къ скорѣйшему сооруженію возможно бо́льшаго числа броненосцевъ, не имѣя при этомъ въ сущности никакихъ опредѣленныхъ наступательныхъ цѣлей; а когда непомѣрно-быстрый ростъ германскаго военнаго флота возбудилъ тревогу и непріязнь въ Англіи, императоръ очень удивился и выразилъ свое удивленіе въ памятныхъ газетныхъ бесѣдахъ, напечатанныхъ въ лондонскомъ «Daily Telegraph» въ ноябрѣ 1908-го года и поднявшихъ сильное волненіе въ Германіи. Въ этихъ, бесѣдахъ подробно доказывалась всегдашняя дружба его къ британской націи и ея правительству; мысль о какихъ-либо враждебныхъ или воинственныхъ планахъ противъ Англіи казалась ему совершенно произвольною и нелѣпою. Тѣмъ не менѣе относительно сооруженія броненосцевъ онъ не допускалъ никакихъ уступокъ, ибо считалъ эту дѣятельность своимъ безспорнымъ правомъ и смотрѣлъ на британскія ограничительныя попытки, какъ на незаконное вмѣшательство во внутреннія дѣла Германіи. Лихорадочное соперничество въ постройкѣ дредноутовъ продолжалось, вызывая общую тяжелую тревогу; но мало-по-малу пристрастіе къ этому спорту ослабѣло, и морской министръ, адмиралъ Тирпицъ, фаворитъ и вѣрный выразитель настроенія Вильгельма II, неожиданно заявилъ 7-го февраля въ бюджетной комиссіи имперскаго сейма, что соглашеніе съ

Англіею въ цѣляхъ ограниченія обоюдныхъ морскихъ вооруженій было бы вполнѣ возможно и желательно, и что Германія ни чего не имѣла бы противъ нормы, указанной британскимъ морскимъ министромъ Черчиллемъ въ мартѣ прошлаго года. Между тѣмъ, политическія обстоятельства не измѣнились къ лучшему для Германіи со времени болѣе тѣснаго сближенія Англіи съ Франціею и Россіею, и если англо-германское соглашеніе относительно постройки броненосцевъ является теперь возможнымъ и желательнымъ, то тѣмъ болѣе было оно возможно и полезно два или три года тому назадъ, когда оно положило бы конецъ ненужному и разорительному кризису. Но на дѣлѣ политика играетъ тутъ только случайную и страдательную роль, а на первомъ планѣ стоитъ нѣчто совершенно другое.

При разнообразіи интересовъ и личныхъ увлеченій Вильгельма II нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что наканунѣ того дня, когда канцлеръ Бетманнъ-Гольвегъ возвѣстилъ необходимость новыхъ военныхъ жертвъ, императоръ, въ засѣданіи сельско-хозяйственнаго совѣта, прочелъ свой собственный докладъ о работахъ, предпринятыхъ въ его имѣніи Кадины съ цѣлью увеличенія производительность луговъ и полей. Оказалось, что императоръ удѣлялъ свое время и вниманіе не только военному и судостроительному, но и земледѣльческому спорту; онъ говорилъ, какъ настоящій сельскій хозяинъ, объ удачныхъ посѣвахъ ржи, объ увеличеніи корма для скота и т. п., и, чувствуя себя въ симпатичной ему средѣ аграріевъ, высказывался свободно, въ особомъ остроумномъ тонѣ, свойственномъ крупнымъ представителямъ аристократическаго юнкерства. Онъ насадилъ у себя рожь, полученную имъ отъ одного изъ присутствовавшихъ въ собраніи землевладѣльцевъ, фонъ-Лохова, и достигъ превосходныхъ результатовъ, которымъ завидовали сосѣди; стебли ржи стояли у него «прямо, какъ уланскія пики». Когда рожь собрана была въ амбаръ, то «люди толпились передъ его дверьми и форменно дрались между собою ради полученія зерна». «Я сдѣлалъ тогда отличную аферу съ этой рожью» —прибавилъ высокопоставленный докладчикъ, къ великому удовольствію своей аудиторіи. Упомянувъ о фольваркѣ, гдѣ онъ предполагаетъ продолжать опыты улучшенія породы скота, Вильгельмъ II выразился какъ-бы мимоходомъ, что оттуда онъ «вышвырнулъ (hinausgeschmissen) арендатора, который никуда не годился». Это замѣчаніе очень понравилось собранію и вызвало одобрительный смѣхъ. Докладъ имѣлъ вообще большой успѣхъ, и по окончаніи его предсѣдательствовавшій графъ Шверинъ горячо благодарилъ референта, какъ «сочлена по сельскохозяйственной профессіи», за проявляемый имъ интересъ къ

развитію германскаго земледѣлія. Императоръ выслушалъ еще цѣлый рядъ докладовъ и рѣчей, въ томъ числѣ извѣстнаго барона фонъ-Ольденбурга, и большею частью выражалъ имъ свое сочувствіе аплодисментами; затѣмъ онъ удалился, въ сопровожденіи канцлера и министровъ. Но отзывъ его о «выброшенномъ» арендаторѣ не прошелъ безслѣдно; нѣкоторыя газеты позаботились собрать нужныя свѣдѣнія, и благочестивая нѣмецкая публика вскорѣ узнала, что собственникъ имѣнія Кадины былъ введенъ въ заблужденіе и невѣрно передалъ факты. Арендаторъ не могъ быть выброшенъ изъ занимаемаго имъ фольварка, несмотря на желаніе императора, потому что формальный арендный контрактъ, заключенный съ прежнимъ владѣльцемъ, сохраняетъ свою силу еще на пять лѣтъ, а искъ о выселеніи проигранъ Вильгельмомъ II въ двухъ инстанціяхъ; въ маѣ прошлаго года жалоба его окончательно отвергнута имперскимъ судомъ. Нѣмецкія газеты справедливо и не безъ гордости повторяютъ теперь, что «есть еще судьи въ Берлинѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что забракованный, но не отступающій отъ своего права арендаторъ состоитъ членомъ и предсѣдателемъ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ консервативныхъ и сельскохозяйственныхъ обществъ и стоялъ прежде во главѣ одного изъ отдѣловъ извѣстнаго «союза сельскихъ хозяевъ», представляющаго наиболѣе могущественную организацію аграріевъ. Изъ этой исторіи можно видѣть, что односторонніе и упорныя увлеченія сопутствуютъ и такому прозаическому виду спорта, какъ сельскохозяйственный. Легко также замѣтить, что доклады объ улучшеніи луговъ и полей едва ли могли бы занимать императора и его канцлера, если бы въ данный моментъ существовали серьезныя причины для скорѣйшаго усиленія германской арміи и если бы нѣмцамъ дѣйствительно предстояло защищать свое достояніе, свои дома и семьи, о чемъ съ такимъ напускнымъ паѳосомъ говорилъ наканунѣ фонъ-Бетманнъ-Гольвегъ.

Политическая жизнь въ Германіи имѣетъ, впрочемъ, свои особыя черты, позволяющія съ одинаковымъ основаніемъ говорить какъ о господствѣ консервативныхъ и реакціонныхъ элементовъ, такъ и о свободѣ общественнаго мнѣнія и о неприкосновенности личныхъ и гражданскихъ правъ. Въ концѣ января имперскій сеймъ большинствомъ 213 голосовъ противъ 97, при 43 воздержавшихся, выразилъ неодобреніе канцлеру за политику правительства относительно польскаго землевладѣнія въ восточной Пруссіи. Если принять во вниманіе, что и воздержавшіеся отъ голосованія прогрессисты высказывались противъ практикуемыхъ способовъ вытѣсненія поляковъ изъ ихъ владѣній, то въ общемъ оппозиціонное большинство составило крупную цифру 256 голосовъ, противъ 97. Правительство

не отвѣчало на запросъ по существу, такъ какъ дѣло шло о предметѣ, не подлежащемъ обсужденію въ имперскомъ парламентѣ; однако, нельзя было отрицать, что польская политика Пруссіи весьма существенно отражается на общихъ интересахъ имперіи и можетъ въ этомъ смыслѣ интересовать и членовъ имперскаго сейма. Прогрессисты находили, что можно критиковать прусское министерство за его неудачныя дѣйствія, но принимать опредѣленную резолюцію не слѣдуетъ, ибо это значило бы уже прямо вмѣшиваться во внутреннія дѣла Пруссіи и вторгаться въ кругъ законной компетенціи прусскаго сейма. Въ прусской палатѣ депутатовъ, избираемой по устарѣлому избирательному закону, правительство всегда располагаетъ консервативнымъ большинствомъ, и анти-польская политика пользуется тамъ сочувствіемъ и поддержкою. Имперскій парламентъ, имѣющій въ своей основѣ принципъ всеобщей подачи голосовъ, обладаетъ возможностью дѣйствительно выражать преобладающее мнѣніе и настроеніе германской націи, вопреки партійнымъ счетамъ и несогласіямъ.

Во всякомъ случаѣ, принципіальное неодобреніе, выраженное канцлеру имперскимъ сеймомъ по какому бы то ни было поводу, должно было бы повлечь за собою извѣстныя моральныя, если не политическія, послѣдствія; но безотвѣтственность министровъ предъ парламентомъ весьма широко толкуется въ Германіи и Пруссіи, и фонъ-Бетманнъ-Гольвегъ отнесся совершенно равнодушно къ неправильному, по его мнѣнію, голосованію имперскаго сейма. Онъ знаетъ по опыту, что многочисленная католическая партія центра, примкнувшая на этотъ разъ къ оппозиціи, охотно окажетъ ему содѣйствіе при обсужденіи военныхъ и финансовыхъ законовъ, если только правительство съ своей стороны сдѣлаетъ этой партіи соотвѣтственныя уступки въ области спеціально интересующихъ ее вопросовъ. Тѣмъ не менѣе свободное право критики, какъ въ парламентѣ, такъ и въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ, даетъ нѣмецкому обществу твердое сознаніе своихъ правъ, и постепенно подготовляетъ почву для дѣйствительнаго торжества демократическихъ началъ въ общественной и государственной жизни Германіи.

Въ Мексикѣ произошелъ 9 февраля государственный переворотъ. Часть арміи возстала противъ президента Мадеро, освободила изъ заключенія генераловъ Феликса Діаца и Бернардо Рейеса, заняла арсеналъ и подвергла бомбардировкѣ дворецъ, гдѣ оставался президентъ со своими министрами. Освобожденный изъ крѣпости генералъ Рейесъ былъ убитъ на площади передъ дворцомъ, и воз-

ставшія войска признали своимъ вождемъ генерала Феликса Діаца. Вѣрные президенту военные отряды, подъ главнымъ начальствомъ генерала Хуэрты, вступили въ бой съ войсками Діаца и отвѣчали на ихъ орудійную пальбу въ предѣлахъ города. Обѣ стороны дѣйствовали не стѣсняясь, и злосчастное населеніе терпѣло всѣ ужасы междоусобной войны. Многія зданія были разрушены артиллерійскимъ огнемъ; жители скрывались въ домахъ или попадали въ районъ выстрѣловъ при попыткѣ удалиться изъ города. Мадеро не сдавался, и борьба продолжалась десять дней безъ опредѣленнаго результата; наконецъ, 19 (6)-го февраля генералы Хуэрта и Бланкетъ перешли на сторону Діаца и положили конецъ безплодному кровопролитію. Они арестовали Мадеро и его министровъ во дворцѣ; братъ президента, обѣдавшій у генерала Хуэрты, былъ внезапно схваченъ по приказу гостепріимнаго хозяина, отведенъ въ зданіе арсенала и разстрѣлянъ. Нѣсколько дней спустя, въ ночь на 23-е февраля, убиты были конвойными солдатами и президентъ Мадеро, и вице-президентъ Суарецъ, при переводѣ ихъ изъ дворца въ мѣстную тюрьму, когда, будто бы, находившіеся въ засадѣ люди, пытались ихъ освободить. Владычество Мадеро, и его партіи, начатое государственнымъ переворотомъ около двухъ лѣтъ тому назадъ, держалось насиліемъ и окончилось кровавой трагедіей; самъ погибшій президентъ не пользовался симпатіями, и не оставилъ послѣ себя доброй памяти въ народѣ.

По приблизительнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ, за время послѣднихъ военныхъ дѣйствій въ Мексико погибло около двухъ тысячъ человѣкъ и ранено до восьми тысячъ. Если бы правительство Соединенныхъ Штатовъ вмѣшалось въ мексиканскія дѣла и водворило порядокъ и безопасность въ несчастной странѣ, издавна страдающей отъ хроническихъ неурядицъ, то такое вмѣшательство было бы истиннымъ благомъ для Мексики. Въ этомъ смыслѣ высказываются очень многіе не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ, хотя традиціи великой сѣверо-американской республики и противорѣчатъ подобному способу дѣйствій.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Скука въ Таврическомъ дворцѣ.—Гдѣ вершаются законодательныя дѣла?—Что осталось въ компетенціи Думы?—Обязательное постановленіе о борьбѣ съ хулиганствомъ.—Циркулярная экспропріація имущества земства.—Привѣтствіе Л. А. Полонскому.—А. И. Новиковъ и И. И. Глазуновъ †.

Главная парламентская тема дня—о скукѣ, царящей въ Таврическомъ дворцѣ. По единодушному признанію подавляющаго большинства членовъ Думы всѣхъ партій и журналистовъ всѣхъ оттѣнковъ, имѣющихъ входъ въ думскіе кулуары, скука какъ-то вдругъ наложила на Государственную Думу свою давящую и удручающую печать. Скучно въ общихъ собраніяхъ, скучно въ засѣданіяхъ коммиссій и въ совѣщаніяхъ фракцій. Какъ сонные, бродятъ депутаты по кулуарамъ. Даже г. Пуришкевичъ—и онъ присмирѣлъ. Цѣлые дни, случается, проходятъ безъ скандаловъ. А и выйдетъ скандалъ—о немъ не говорятъ и имъ не интересуются.

Между тѣмъ, въ Думѣ, за отсутствіемъ прошедшихъ черезъ коммиссіи законопроектовъ, все послѣднее время обсуждались запросы, и къ тому же по самымъ больнымъ и жгучимъ предметамъ: о средней школѣ и о судьбѣ учениковъ, захваченныхъ «охраной» въ гимназіи Витмеръ—будто-бы, по словамъ г. Кассо, вслѣдствіе доноса нѣкоего миѳическаго родителя,—объ истязаніяхъ въ тюрьмахъ, о «сдѣланныхъ» выборахъ и т. д. Правда, запросы, большею частью, пока обсуждались въ порядкѣ направленія, т. е. о признаніи лишь спѣшности ихъ или срочности, при чемъ, согласно наказу, говорятъ всего по два оратора за и по два противъ. Но запросъ министру народнаго просвѣщенія обсуждался по существу; Дума выслушала г. Кассо. И если предметъ запроса, самъ по себѣ, представлялъ болѣе чѣмъ достаточный поводъ для оживленія и для того, чтобы на дебатахъ надолго сосредоточился интересъ, какъ внутри Думы, такъ и внѣ ея,—то г. Кассо нужно отдать должное: и содержаніемъ своего отвѣта, и его формой, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы высоко поднять настроеніе оппонентовъ. И надлежащее настроеніе у оппонентовъ было. Рѣчи говорились горячо, искренно, слова цѣлаго ряда ораторовъ горѣли страстнымъ огнемъ негодова-

нія. Но Думу они не зажигали. Въ залѣ вѣяло скукой. Подъемъ ораторовъ не передавался аудиторіи. Да и сами ораторы, сходя съ трибуны, сразу теряли настроеніе: таковъ, по крайней мѣрѣ, общій отзывъ.

Своей цѣли, хотя на половину, иниціаторы запроса все-таки, достигли. При вотированіи признанія объясненій министра неудовлетворительными, большинства двухъ третей голосовъ не получилось, а потому «дѣло» не могло имѣть дальнѣйшаго направленія въ порядкѣ ст. 60 Учрежд. Гос. Думы, согласно коей, «если Государственная Дума большинствомъ двухъ третей ея членовъ не признаетъ возможнымъ удовлетвориться объясненіемъ министра или главноуправляющаго отдѣльною частью, то дѣло представляется предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта на Высочайшее благовоззрѣніе». Но законъ этотъ за всю практику «обновленнаго строя», какъ извѣстно, ни разу не получалъ примѣненія. Во второй Думѣ былъ однажды случай, когда онъ долженъ былъ быть примѣненъ, если бы Дума черезъ нѣсколько дней не была распущена. Въ третьей Думѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ объясненія министровъ принимались чуть не съ восторгомъ, а если, въ видѣ рѣдкаго исключенія, и проходила отвергающая объясненія формула, то при самомъ ничтожномъ перевѣсѣ голосовъ. Въ Думѣ четвертаго созыва также, очевидно, никому не могло приходить въ голову, что противъ г. Кассо окажется большинство двухъ третей. Ибо если гг. Харузинъ и Саблеръ и не вполнѣ оправдали выборныя надежды, все же почти половину думскихъ креселъ занимаютъ ставленники ихъ превосходительствъ и ихъ преосвященствъ. Какъ на большее, можно было разсчитывать на вскрытіе во всей глубинѣ разлада между министерствомъ народнаго просвѣщенія и общественнымъ сознаніемъ и на платоническое осужденіе политики г. Кассо. И это осужденіе Дума произнесла. А между тѣмъ именно послѣ окончанія преній по запросу о средней школѣ и наступило то «какъ-то вдругъ», которое заставило заговорить о скукѣ.

Въ думскихъ кругахъ была сдѣлана попытка объяснить скуку въ Думѣ скукою въ странѣ. Наиболѣе яркіе представители теченій, желающихъ во что бы то ни стало закрывать глаза на нашу дѣйствительность, говорятъ: «волны скуки, разлитой въ странѣ, докатились до Таврическаго дворца». Такая попытка явно несостоятельна. Приведенныя слова были бы приложимы къ третьей Думѣ, если бы скука «вдругъ» охватила Таврическій дворецъ года два-три тому назадъ. Тогда страна переживала тяжелый кризисъ. Утомленное неполучившимъ разрѣшенія революціоннымъ взрывомъ и подавленное мѣрами «успокоенія», общественное сознаніе нахо-

дилось въ состояніи апатіи. Но Дума въ то время была, напротивъ, полна энергіи. Не будемъ говорить—какой, т. е. во имя чего и на что направленной: не въ этомъ вопросъ. И энергія думской работы воздѣйствовала на страну. Какъ ни глубока была общественная апатія, страна съ жадностью слѣдила за Думой. Она ею возмущалась, правда, но, возмущаясь, свидѣтельствовала, что все же вѣритъ въ Думу, какъ въ реальную силу государственнаго механизма. Третья Дума, въ лицѣ право-октябристскаго большинства, цѣлыхъ пять лѣтъ напрягала всѣ силы, что бы эту вѣру разрушить. И разрушила. Въ послѣдніе годы жизни третьей Думы тонъ отрицательнаго къ ней отношенія былъ гораздо ниже, нежели въ первые. Октябристы радовались. Они видѣли въ этомъ плоды систематическаго воспитанія населенія въ родственномъ имъ духѣ. Они проглядѣли, что населеніе примирилось не съ ними, а съ фактомъ разбитыхъ надеждъ.

Послѣдній ударъ по этимъ надеждамъ нанесли выборы въ четвертую Думу. Выборы «дѣлались» слишкомъ явно, слишкомъ грубо и откровенно, чтобы возможно было сохраненіе остатковъ былой вѣры. А вѣчно спать страна не можетъ. И не бросать взоровъ на направляющую силу въ государствѣ — тоже. Волны скуки сошли съ русской общественности. Она проснулась. Въ ней возродились желанія, стремленія, запросы. Она ищетъ отвѣтовъ внутри себя. А поскольку отвѣты должны быть даны извнѣ, она слѣдитъ за тою властью, отъ которой дать отвѣты зависитъ. Дума перестала быть центромъ политическаго кругозора нашей общественности. И она сама это сознала. Въ этомъ—источникъ и причина скуки, воцарившейся въ Таврическомъ дворцѣ. Три мѣсяца страна жила жаждой амнистіи. Нашла ли эта жажда реальный откликъ въ стѣнахъ Таврическаго дворца? Могла ли она его тамъ найти? Къ Думѣ ли взывало общество, когда волновалось передъ неизвѣстностью: будетъ амнистія, или нѣтъ? Наиболѣе экспансивные элементы обращались къ земству, къ городамъ. Отъ нихъ требовали просить амнистіи, ходатайствовать о ней. Дума въ общемъ движеніи оставалась забытой. Дума: ничего сдѣлать не можетъ, въ настоящій моментъ, таковъ выводъ, къ которому пришло общественное сознаніе, и къ которому его привела неумолимая логика фактовъ.

Другой примѣръ—вопросъ о хулиганствѣ. О мѣрахъ борьбы съ хулиганствомъ говорятъ вездѣ и всюду. Въ порядкѣ думской иниціативы вопросъ предварительно разрабатывался въ Думѣ, и одновременно—въ совѣщаніи губернаторовъ. Къ чьимъ сужденіямъ чутко прислушивалась печать? Къ сужденіямъ ли членовъ Думы, или къ сужденіямъ губернаторовъ? О мѣрахъ, проектируемыхъ пред-

сѣдателемъ судебной комиссіи Думы, г. Шубинскимъ, однажды было вскользь упомянуто въ газетахъ. Отчеты о совѣщаніи губернаторовъ печатались каждый день, и каждый же день подробнѣйшимъ образомъ комментировались. Мало того: въ газетахъ постоянно комментируются постановленія земскихъ собраній по поводу хулиганства. Къ мыслямъ земцевъ о хулиганствѣ есть живой общественный интересъ, а къ мыслямъ членовъ Думы—его нѣтъ. Его нѣтъ отчасти потому, что всѣ мысли членовъ Думы заранѣе извѣстны — по партійнымъ программамъ. А главное, потому, что по условіямъ русской дѣйствительности ихъ мысли тогда только могутъ получать практическое выраженіе въ законѣ, когда онѣ совпадаютъ съ желаніями и намѣреніями правительства.

Слѣдя за совѣщаніемъ губернаторовъ, можно знать, что готовится въ области законодательнаго творчества, слѣдя за работой Думы, если она ведется самостоятельно, нельзя строить никакихъ выводовъ. Совѣщаніе признало, что единственной радикальной мѣрой борьбы съ хулиганствомъ можетъ служить административная расправа, т. е. новое изъятіе цѣлаго ряда дѣлъ изъ компетенціи суда съ передачей ихъ на разрѣшеніе губернаторской власти. Отсюда можно совершенно опредѣленно предугадывать не только характеръ законопроекта, который будетъ внесенъ въ Думу, но и всю дальнѣйшую судьбу вопроса. Разъ губернаторы нашли, что для искорененія хулиганства нужно расширеніе и усиленіе ихъ власти, и разъ на ту же почву станутъ министры,—то или ничего въ порядкѣ закона не будетъ сдѣлано по вопросу, или будетъ сдѣлано именно такъ. Дума можетъ закона не пропустить. Но развѣ нѣтъ «охраны»? Вторая Дума отвергла законодательныя предположенія правительства объ уголовномъ преслѣдованіи восхваленія преступленій и о наложеніи ручныхъ оковъ на пересылаемыхъ арестантовъ. И въ законодательномъ порядкѣ правительство этихъ вопросовъ вновь не возбуждало. На арестантовъ же ручныя оковы накладываются, и виновные въ восхваленіи преступныхъ дѣяній подвергаются карамъ. Для перваго вопроса оказался достаточнымъ циркуляръ, для второго—обязательныя постановленія, изданныя повсемѣстно въ одинъ и тотъ же день на основаніи положенія объ охранѣ. Гдѣ основаніе думать, что подобнымъ же образомъ не будетъ разрѣшенъ вопросъ о хулиганствѣ, если четвертая Дума откажется санкціонировать то, къ чему пришло губернаторское совѣщаніе?

Представимъ себѣ наоборотъ. Допустимъ, что Дума, разрабатывая свой проектъ, признаетъ, что единственнымъ радикальнымъ средствомъ борьбы съ хулиганствомъ можетъ служить поднятіе

правосознанія и, съ этою цѣлью, возстановленіе судебной компетенціи для всѣхъ дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ. Можно ли будетъ отсюда что-либо предугадать? Очевидно, ничего другого, кромѣ того, что правительство скажетъ: «проектъ не пріемлемъ». И даже конфликта никакого между властью законодательной и исполнительной не произойдетъ. Реальная власть въ государствѣ просто, но повелительно объявитъ: veto, «не позволяю». Что будетъ такъ—это знаетъ населеніе, познала и Дума. Какой, затѣмъ, интересъ населенію слѣдить за столкновеніемъ мнѣній внутри Думы? Какъ было не воцариться скукѣ въ Таврическимъ дворцѣ, если черезъ какихъ-нибудь три мѣсяца послѣ обновленія состава Думы пропали всѣ иллюзіи?

Фракція народной свободы сдѣлала героическое усиліе противостоять скукѣ. Она внесла законодательныя предположенія объ измѣненіи избирательнаго закона, о правѣ союзовъ и собраній, объ исключительныхъ положеніяхъ и о неприкосновенности личности. Фракція прогрессистовъ разработала проекты о реформѣ Государственнаго Совѣта и сената и тоже объ исключительныхъ положеніяхъ. На первое изъ всѣхъ этихъ предположеній—объ измѣненіи избирательнаго закона—со стороны совѣта министровъ уже отвѣтъ послѣдовалъ: «проектъ не пріемлемъ». Какимъ надо обладать запасомъ энергіи и, скажемъ, свободнаго времени, чтобы не въ тиши кабинета, а въ законодательномъ учрежденіи работать надъ труднѣйшими вопросами права, заранѣе зная, что работа не будетъ имѣть никакого практическаго результата! Если бы еще совѣтъ министровъ заявилъ, что внесетъ свой проектъ, т. е. обнаружилъ бы готовность возражать, спорить. Но нѣтъ. Реальная власть въ государствѣ ни спорить, ни возражать не собирается. Ея отвѣтъ на мучительные для членовъ Думы вопросы исчерпывается краткимъ: «проектъ не пріемлемъ». Вотъ, когда націоналисты, по праву законодательной инициативы, заявили, что желаютъ внести предположеніе объ образованіи третьяго департамента въ составѣ министерства народнаго просвѣщенія,—въ этомъ они встрѣтили полное сочувствіе со стороны правительства. И только бы проектъ прошелъ черезъ Думу,—въ дальнѣйшемъ его судьба обезпечена. Или, когда октябристы заговорили о гужевыхъ дорогахъ,—тутъ тоже препятствій не оказалось. Страна стонетъ отъ безправія, отъ произвола. Страна не освободилась отъ выборнаго кошмара. А во власти Думы создавать новые департаменты и говорить о бездорожьѣ...

Лидеръ октябристовъ удивился вопросу журналиста о скукѣ. «Мнѣ некогда скучать—сказалъ онъ:—я занятъ». Да, онъ занятъ: изысканіемъ кредитовъ на увеличеніе содержанія чиновъ полиціи,

сѣтованіемъ на бездорожье, выкупомъ въ казну желѣзной дороги, во главѣ которой стоитъ братъ премьера, ассигнованіемъ тысячи рублей на ремонтъ, по случаю юбилея, гдѣ-то какого-то пришедшаго въ ветхость храма и похоронами въ коммиссіи непріятныхъ министрамъ запросовъ. До скуки ли ему! Но онъ ли—съ его возведеннымъ въ принципъ «послушаніемъ»—былъ тѣмъ законодателемъ «по волѣ народа», о творческой дѣятельности котораго пятьдесятъ лѣтъ таила мечту русская общественность? Онъ ли—съ его «плодотворной» законодательной работой—рисовался въ дни освободительнаго движенія, какъ одинъ изъ «лучшихъ людей», на которыхъ возлагались всѣ упованія?...

Онъ—этотъ собирательный октябристъ—пять лѣтъ оберегалъ Думу, каждый день поступаясь ея достоинствомъ и низводя ее къ положенію присутственнаго мѣста по законодательнымъ дѣламъ. И низвелъ!.. У члена Думы полиція произвела обыскъ и подвергла его личному задержанію. Градоначальникъ наложилъ на него штрафъ, съ угрозою замѣны арестомъ. Слѣва поступилъ запросъ. Ни предсѣдатель совѣта министровъ, ни министръ внутреннихъ дѣлъ не сочли нужнымъ придти, чтобы отвѣтить и дать объясненія. За нихъ отвѣчали гг. Замысловскій и Пуришкевичъ—присяжные защитники полиціи и «идейные» враги представительства. Свѣжій человѣкъ въ Думѣ, г. Александровъ, взывалъ къ чувству чести депутатовъ. «Тутъ нѣтъ Петровскаго, тутъ существуетъ только личность депутата»—говорилъ онъ. Справа ему улыбались и иронически спрашивали: «ну, и что же?» Г. Пуришкевичъ, взойдя на каѳедру, заявилъ, что онъ никакъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, что говорилъ «Гамлетъ изъ Екатеринославской губерніи Александровъ». И подъ бурные аплодисменты правыхъ членовъ Думы дѣйствительный статскій совѣтникъ Пуришкевичъ, бывшій бессарабецъ, нынѣ присланный курскими зубрами, откровенно объяснилъ почему:—«я повторяю: низко поклониться нужно власти за то, что она приняла репрессивныя мѣры по отношенію къ депутату, котораго она заподозрила въ противоправительственныхъ выступленіяхъ». Центръ отмалчивался. «Мы молчимъ, когда дѣло ясно, когда и не надо никакого обсужденія»—объявилъ октябристъ, г. Люцъ... Въ концѣ концовъ однако, за принятіе запроса высказалось значительное большинство Думы.

Выше мы говорили предположительно о томъ практическомъ значеніи, которое, въ условіяхъ русской законодательной дѣйствительности, неминуемо должно получить рѣшеніе совѣщанія губернаторовъ по вопросу о борьбѣ съ хулиганствомъ. Едва мы успѣли

высказать предположеніе, какъ рѣшеніе совѣщанія уже стало фактомъ,—если не нормой закона, то, во всякомъ случаѣ, нормой узаконеннаго усмотрѣнія для власти и, одинаково съ закономъ, обязательной для гражданъ. Не понадобилось ни сложной и долгой работы законодательныхъ учрежденій, ни даже внесенія законопроекта въ Думу. Совѣщаніе губернаторовъ рѣшило—и уже все готово. Въ русскомъ правѣ появилось понятіе наказуемаго хулиганства. Дѣла о безчинствѣ и озорствѣ, о вторженіи въ чужое жилище, о порчѣ чужого имущества, о нарушеніи благопристойности и т. п. уже изъяты изъ вѣдѣнія судовъ и переданы на разрѣшеніе въ административномъ порядкѣ. Дробныя карательныя ставки устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, отмѣнены и на ихъ мѣсто поставлены, безотносительно къ характеру и особенностямъ проступка: штрафъ до 500 р. или арестъ до трехъ мѣсяцевъ. Право апелляціи отъ приговоренныхъ къ карѣ отнято. Приведеніе наказанія въ исполненіе отнынѣ будетъ непосредственно слѣдовать за его назначеніемъ.

Все покрывающія правила «охраны» просто и безъ малѣйшаго затрудненія покрыли слова манифеста 17-го октября о „незыблемомъ“ правилѣ, „чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы“, и слова основныхъ государственныхъ законовъ: «никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора». Но закона и не издано. Изданы лишь обязательныя постановленія. А что оштрафованному или посаженному подъ арестъ обывателю рѣшительно безразлично, наказанъ ли онъ по закону или по обязательному постановленію,—до этого исполнительной власти нѣтъ дѣла. Это не составляетъ ея заботы. Не могло остановить ее и то, что правила охраны составлены и дѣйствуютъ не для борьбы съ уличными безобразниками, а для обезпеченія государственной безопасности, т. е. для борьбы съ посягательствами на государственный строй. Противное уже давно «разъяснено» сенатскимъ правотворчествомъ. Хулиганство есть зло. Бороться съ нимъ нужно. Губернаторы сказали, что успѣшно бороться могутъ только они. Все остальное—юридическія тонкости, напрасно стѣсняющія власть. И попробуйте говорить противъ изданныхъ обязательныхъ постановленій, или доказывать ихъ незакономѣрность. «Россія» и «Новое Время» не замедлятъ васъ обвинить въ сочувствіи хулиганству.

Въ одинъ и тотъ же день, 17-го февраля, въ «Новомъ Времени» были напечатаны: официозное сообщеніе объ окончаніи и итогахъ работъ губернаторскаго совѣщанія, обязательное постано-

вленіе петербургскаго градоначальника и извѣщеніе изъ Москвы, что тамъ тоже издано однородное обязательное постановленіе. Съ такой изумительной быстротой не дѣйствовалъ даже до-конституціонный законодательный аппаратъ. Тогда, все-таки, было нужно, хотя и для временной мѣры, разсмотрѣніе дѣла, если не въ Государственномъ Совѣтѣ, то въ комитетѣ министровъ, положенія котораго обязательно подносились на Высочайшее утвержденіе. Теперь, ничего подобнаго не потребовалось. Совѣщаніе рѣшило — градоначальникъ обязательное постановленіе издалъ. И оно, впрочемъ, не исчерпываетъ отнынѣ узаконенныхъ мѣръ борьбы съ хулиганствомъ. 17-го февраля въ «Новомъ Времени», рядомъ съ текстомъ обязательнаго постановленія и съ угрозою штрафомъ или арестомъ за его нарушеніе, было напечатано, что «16-го февраля, согласно постановленію особаго совѣщанія при градоначальникѣ, за хулиганство выслано изъ столицы срокомъ на два и три года 14 лицъ».

Въ циркулярномъ порядкѣ г. Кассо изъялъ изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій принадлежащія имъ, ими созданныя и ими содержимыя народныя библіотеки, лишилъ земство права распоряженія школьными зданіями и, попутно, отмѣнилъ Высочайшее повелѣніе отъ 2-го декабря 1905 года о безплатныхъ народныхъ читальняхъ. Все это онъ сдѣлалъ путемъ опубликованія 9 іюня 1912 г. «Правилъ о народныхъ библіотекахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія». Въ только что закончившуюся сессію губернскихъ земскихъ собраній новыя «правила» были предметомъ живого, негодующаго обсужденія, и вызвали рядъ однородныхъ жалобъ въ сенатъ.

Въ большинствѣ земскихъ губерній существуетъ весьма сложная система земскихъ библіотекъ. Имѣются библіотеки школьныя—для учащихся, учительскія—для учащихъ и народныя, какъ съ читальнями, такъ и безъ читаленъ, т. е. съ выдачею книгъ на-домъ. Помѣщеніями для народныхъ библіотекъ служатъ преимущественно школьныя зданія. Ибо очевидно, что содержать народныя библіотеки въ особо выстроенныхъ или особо нанятыхъ помѣщеніяхъ, съ порученіемъ завѣдыванія ими особымъ лицамъ, было бы совершенно непосильно для земскихъ кассъ. Съ другой стороны, столь же очевидно, что, независимо отъ близости школьнаго дѣла дѣлу библіотечному, можно для народныхъ библіотекъ пользоваться, безъ всякаго вреда и ущерба для учебныхъ занятій, помѣщеніями школъ, которыя въ праздники и въ неучебные часы будничъ дней пустуютъ.

Кромѣ того, учителя и учительницы—готовый кадръ завѣдующихъ библіотеками, достаточно свободныхъ и нуждающихся въ стороннемъ заработкѣ. Все это настолько несомнѣнно и ясно,—какъ и право земства распоряжаться въ неучебное время школьными зданіями,—что можно съ увѣренностью сказать: если за послѣднее время земское библіотечное дѣло получило значительное развитіе, то только благодаря увеличенію числа школъ и надлежаще оборудованныхъ школьныхъ зданій.

Что касается книгъ, которыя могутъ находиться въ народныхъ библіотекахъ, то до 2-го декабря 1905-го года въ этомъ отношеніи дѣйствовали чрезвычайно стѣснительныя правила 1890-го года. На основаніи ихъ, допускались только тѣ книги, которыя прошли черезъ цензуру особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, и нашли мѣсто въ спеціальномъ каталогѣ. Съ отмѣною этихъ правилъ, земскія народныя библіотеки были подчинены общимъ правиламъ о публичныхъ библіотекахъ. На-ряду съ «рекомендованными» авторами, которыхъ никто не читаетъ, въ библіотекахъ появились русскіе классики, появилась вся та литература, которую каждый свободно могъ читать въ городѣ и на которой для деревни лежалъ запретъ. Земскія народныя библіотеки, естественно, оживились. Земская книга стала бороться съ лубочными изданіями и съ рецидивомъ неграмотности. На помощь земству широко пришелъ капиталъ, завѣщанный Павленковымъ.

Г. Кассо, не сославшись ни на какой законъ, который бы давалъ ему на то право, правилами 9 іюня объявилъ: разъ народная библіотека помѣщается въ школьномъ зданіи, она принадлежитъ школѣ и состоитъ въ исключительномъ вѣдѣніи учебнаго надъ школою начальства, даже не училищнаго совѣта, а инспектора и директора народныхъ училищъ; въ ней могутъ находиться только тѣ книги, которыя «допуститъ» инспекторъ; земство въ отношеніи такой библіотеки—«жертвователь»; какъ жертвователь на постороннее ему учрежденіе, земство можетъ доставлять въ библіотеку книги, но обязано неодобренныя инспекторомъ взять обратно; въ противномъ случаѣ, учебное начальство сложитъ ихъ въ сарай, не отвѣчая за цѣлость и сохранность. За истекшіе полгода правила уже возымѣли свое дѣйствіе. Уфимскому губернскому земскому собранію докладывалось, что въ губерніи изъ прежняго количества книгъ въ народныхъ библіотекахъ осталось только 5%, а 95% — изъяты. Одинъ изъ мѣстныхъ инспекторовъ предложилъ учителямъ «всѣ книги, не указанныя въ ученическомъ каталогѣ, связывать и хранить особо», т.-е. собственною властью «преобразовалъ» народныя библіотеки въ дѣтскія. Въ Лебединскомъ уѣздѣ инспекторъ потребовалъ отъ зем-

ства ассигновать ему 600 руб. въ годъ «на уплату заслуживающимъ довѣрія лицамъ, за труды по предварительному просмотру и знакомству съ книгами», предупредивъ, при этомъ, что иначе онъ будетъ разрѣшать пополненіе библіотекъ «съ большимъ промедленіемъ и затрудненіемъ», такъ какъ, вслѣдствіе многочисленныхъ служебныхъ обязанностей, онъ не имѣетъ свободнаго времени для просмотра и оцѣнки внутренняго содержанія книгъ».

Даже при правомъ составѣ губернскихъ гласныхъ, земскія собранія, естественно, не могли примириться съ такимъ безцеремоннымъ распоряженіемъ земскимъ имуществомъ и съ ограниченіемъ безспорно признанныхъ за земствомъ закономъ правъ. Никто не упрекнетъ въ либерализмѣ петербургское губернское земское собраніе, а и оно единогласно постановило принести жалобу въ сенатъ, дабы въ порядкѣ обжалованія добиться отмѣны циркуляра г. Кассо. Уфимское собраніе, Харьковское, Воронежское и многія другія, не ограничиваясь принесеніемъ жалобъ, рѣшили закрыть народныя библіотеки при школахъ и, по мѣрѣ возможности, вывести ихъ изъ школьныхъ зданій въ особыя помѣщенія. Но въ томъ и бѣда, что мѣра возможности для этого весьма и весьма небольшая. Практически иного исхода изъ создавшагося положенія, кромѣ отмѣны правилъ 9-го іюня, быть не можетъ,—конечно, если считать, что народныя библіотеки необходимы, и если заботиться о ихъ сохраненіи. А для этого единственное средство—жалоба въ сенатъ. Сенатъ имѣетъ право отмѣнить правила. Но, отмѣнитъ ли? Въ лучшемъ случаѣ, земства могутъ разсчитывать на побѣду не ранѣе, чѣмъ г. Кассо оставитъ министерское кресло. Такъ учитъ, богатый жалобами, опытъ земствъ и городовъ. До тѣхъ поръ деревня будетъ безъ библіотекъ,—если не найдется подражателей у того инспектора, который предлагаетъ покупать у него право давать народу книгу для чтенія.

«Россія» менѣе пессимистично, чѣмъ мы, смотритъ на возможность отмѣны сенатомъ правилъ 9-го іюня. Со свойственной «казеннымъ перьямъ» добросовѣстностью, газета, говоря о библіотекахъ, замѣняетъ стоящее въ заголовкѣ правилъ слово «народныхъ» словомъ «школьныхъ» и на этой подтасовкѣ строитъ утвержденіе, что «прекаанія», которыя возбудили «нѣкоторыя земства», не имѣютъ подъ собой «надежной юридической почвы». Но увѣрять другихъ—не значитъ еще увѣрить себя. А потому «Россія» допускаетъ, хотя этого прямо и не пишетъ, что по юридическимъ основаніямъ земства выиграютъ дѣло. «Но, понятно,—заявляетъ офиціозъ,—юридическій мотивъ играетъ тутъ вторую роль... Совершенно ясно, что школьныя библіотеки нуждаются въ послѣдовательномъ и тщательномъ надзорѣ, особенно если принять во вниманіе, какого рода по-

пулярная литература господствуетъ теперь на книжномъ рынкѣ. Одно изъ двухъ: или придавать значеніе книгѣ, или считать ее пустымъ дѣломъ, не заслуживающимъ вниманія. Если же книга имѣетъ значеніе, то было бы огромной ошибкой отказаться отъ надзора за составомъ школьныхъ библіотекъ, во всякомъ случаѣ—при современномъ уровнѣ культурности русской деревни».

Не будемъ возражать по существу этихъ словъ. Но зачѣмъ говорить о «школьныхъ» библіотекахъ, о внесеніи «въ школу» политики, о книгѣ, проникающей въ народъ «черезъ школу»,—когда рѣчь идетъ о библіотекахъ народныхъ? Вѣдь знаетъ же «Россія», что стоитъ вывести народную библіотеку изъ школьнаго зданія, и она станетъ неуязвимой для изданныхъ г-мъ Кассо «правилъ». Вотъ только вывести ее трудно, и этимъ осставитель «правилъ» воспользовался.

Въ минувшемъ февралѣ исполнилось 80 лѣтъ Леониду Александровичу Полонскому. Леонидъ Александровичъ всю долгую жизнь свою отдалъ литературѣ. Одинъ перечень русскихъ, польскихъ и заграничныхъ изданій, гдѣ онъ печатался и порою печатается до сихъ поръ, занялъ бы немало мѣста. Къ «Вѣстнику Европы» онъ былъ особенно близокъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Когда нашъ журналъ сталъ выходить ежемѣсячно, съ января 1868 г., онъ взялъ на себя «внутреннее обозрѣніе», и велъ его непрерывно до января 1880-го года. Въ теченіе этихъ же лѣтъ онъ помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» цѣлый рядъ отдѣльныхъ публицистическихъ и критическихъ статей и двѣ повѣсти: «Надо жить» (1878 г.) и «Сумасшедшій музыкантъ» (1879 г.). Недолго довелось Л. А., вслѣдъ затѣмъ, издавать газету «Страна», но надолго осталось въ памяти то, что онъ въ ней писалъ, и то направленіе, котораго онъ твердо и послѣдовательно держался. Это были 1880 - 1882 гг.—время «диктатуры сердца», смѣнившееся жестокой реакціей. Событіе 1-го марта 1881 года его, убѣжденнаго и стойкаго конституціоналиста, тѣмъ сильнѣе укрѣпило въ мысляхъ о необходимости измѣненія государственнаго строя. Онъ написалъ яркую статью и опредѣленно формулировалъ то, о чемъ тогда нельзя было ни писать, ни говорить. Цензура отмѣтила статью вторымъ предостереженіемъ, но газеты не закрыла. Она закрыла ее спустя съ немногимъ годъ, когда завершился поворотъ политическаго руля.

Исключительно талантливый, отзывчивый и наблюдательный публицистъ, Леонидъ Александровичъ, полякъ по рожденію, символизируетъ, подобно покойному Спасовичу, русско-польское единеніе

и разрѣшеніе рокового русско-польскаго вопроса. Вся его жизнь и вся литературная дѣятельность служатъ живымъ отвѣтомъ на толки объ исторической розни и о незаполнимой пропасти. Одинаково отдавая силы на дѣло культурнаго роста обѣихъ народностей, онъ заполнялъ и заполняетъ донынѣ эту пропасть. Отъ души привѣтствуемъ восьмидесятилѣтняго ветерана русско-польской журналистики и шлемъ ему горячія, искреннія пожеланія.

Скончавшійся, послѣ долгой и тяжелой болѣзни, Александръ Ивановичъ Новиковъ дебютировалъ въ литературѣ «Записками земскаго начальника», печатавшимися въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». «Записки» тогда же обратили на себя вниманіе и содержаніемъ, и искренностью тона. Авторъ откровенно разсказывалъ въ нихъ, какъ онъ, будучи «властной рукой» въ деревнѣ, насаждалъ порядокъ, ссылалъ крестьянъ, «подтягивалъ» ихъ и наказывалъ розгами и какъ, въ итогѣ, разочаровался въ своей культурно-полицейско-судебной миссіи. «Записки земскаго начальника» вышли отдѣльной книгой въ 1899-мъ году. Нѣсколько позже вышли его «Записки о сельской школѣ», «Записки о городскомъ самоуправленіи» и «Записки городского головы». Одновременно А. И. напечаталъ длинный рядъ беллетристическихъ произведеній. Въ «Вѣстникѣ Европы» имъ были помѣщены: романъ «По закону» (іюль-сентябрь 1900 г.), разсказъ «Въ огонь и воду» (сентябрь 1901 г.), «Деревенскія сцены» (январь 1902 г.), романъ «По совѣсти» (февраль-май 1905 г.). Общественная дѣятельность покойнаго была весьма разнообразна. Послѣ должности земскаго начальника, онъ служилъ по министерству земледѣлія, затѣмъ въ 1902—1904 гг. былъ городскимъ головою въ Баку. Вихрь революціоннаго взрыва его круто захватилъ. Въ 1905—1906 гг. онъ былъ неизмѣннымъ ораторомъ на митингахъ въ Петербургѣ и неоднократно подвергался аресту и высылкѣ.

Имя покойнаго петербургскаго городского головы Ильи Ивановича Глазунова намъ не разъ приходилось отмѣчать на страницахъ «Вѣстника Европы». Къ его общественной дѣятельности и къ его политическимъ воззрѣніямъ мы относились отрицательно. Но это не мѣшаетъ намъ отдать должное его личной честности и его безкорыстію. За много лѣтъ, въ теченіе которыхъ И. И. былъ гласнымъ петербургской городской думы и среди правящаго стародумскаго большинства игралъ первую роль, онъ никогда не пріоб-

щался, въ отличіе отъ многихъ и многихъ другихъ, къ городскому пирогу. Какъ типъ, И. И. представлялъ собою человѣка, пережившаго свое время. Въ немъ было чрезвычайно много чертъ, увѣковѣченныхъ Островскимъ. Крайне своевольный, упорный, рѣзкій, онъ на всѣхъ смотрѣлъ подъ своимъ угломъ зрѣнія и все оцѣнивалъ по своему индивидуальному пониманію. Быть городскимъ головой ему пришлось въ тяжелое для него и для его привычекъ время. Стародумское большинство доживало послѣднее трехлѣтіе, и оно это знало. Огромное дѣло городского хозяйства валилось и расползалось. А тутъ еще нагрянула сенаторская ревизія. Болѣзнь сломила И. И. Глазунова въ тотъ самый день, когда на выборахъ по первому разряду ни одинъ изъ поддерживанныхъ имъ кандидатовъ не былъ избранъ. Болѣе онъ уже не вставалъ.

Скончавшійся на дняхъ гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ былъ, много лѣтъ тому назадъ, сотрудникомъ «Вѣстника Европы». Его стихотворенія помѣщены въ №№ 2 и 11—1876-го, 3 и 6—1877-го, 1, 6 и 11—1878-го, 5 и 7—1880-го года. Его крупному дарованію будетъ посвящена нашимъ журналомъ особая замѣтка.

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ 21-го ФЕВРАЛЯ.

Далеко не сбылись надежды, возлагавшіяся на миновавшіе недавно юбилейные дни. Въ той части, которая касается облегченія участи пострадавшихъ, по суду или безъ суда, за такъ называемыя политическія преступленія или за политическую неблагонадежность, Высочайшій указъ 21 февраля не отличается существенно отъ прежнихъ Всемилостивѣйшихъ манифестовъ, пріуроченныхъ къ тѣмъ или другимъ торжественнымъ событіямъ. Онъ не имѣетъ характера амнистіи, какою былъ, въ значительной степени, Высочайшій указъ 21-го октября 1905-го года. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить соотвѣтствующія постановленія обоихъ актовъ. Настоящій указъ освобождаетъ отъ суда и наказанія за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя, ст. 103 (ч. 2 и 3), 104, 106 (ч. 2 и 3) и 107 угол. улож.—безусловно, за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя ст. 128, 129 и 132—только если они совершены путемъ печати. Въ 1905-мъ году кругъ освобождаемыхъ отъ суда и наказанія былъ очерченъ гораздо шире, обнимая собою, съ весьма немногими ограниченіями, осужденныхъ по *девятнадцати* статьямъ уголовнаго уложенія. Подъ дѣйствіе указа 1905-го года подходило, напримѣръ, участіе въ сообществѣ, поставившемъ себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя (ст. 126 ч. 1), допущеніе собранія такого сообщества (ст. 127), распространеніе слуха объ измѣненіи образа правленія (ст. 134), участіе въ публичномъ скопищѣ, хотя бы оно имѣло цѣлью заявить порицаніе основныхъ законовъ или сочувствіе бунту

(ст. 121). Отвѣтственность за оказаніе неуваженія къ верховной власти или за порицаніе установленнаго основными законами образа правленія (ст. 128), за возбужденіе къ совершенію преступныхъ дѣйствій (ст. 129 и 132) погашалась во всякомъ случаѣ, независимо отъ формы, въ которую преступленіе было облечено. Значительно меньше, по сравненію съ 1905-мъ годомъ, и смягченія наказаній, даруемыя указомъ 21-го февраля. Въ 1905-мъ году смертная казнь была замѣнена пятнадцатилѣтней, теперь замѣняется двадцатилѣтней каторгой; въ 1905 г. сроки каторги и другихъ видовъ лишенія свободы были сокращены на половину, теперь сокращаются на одну треть. Въ 1905 г. сокращеніе сроковъ коснулось всѣхъ осужденныхъ за политическія преступленія, которые не были вполнѣ освобождены отъ наказанія; теперь оно не распространяется на осужденныхъ по ст. 100, 101, 102 и 126 ч. 2, угол. уложенія, т. е. не только на обвиненныхъ въ бунтѣ или приготовленіи къ бунту, но и на участниковъ сообщества, составленнаго не для бунта, если оно имѣло въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія. Не менѣе велико различіе между обоими актами и въ тѣхъ статьяхъ, которыя касаются административно сосланныхъ. По указу 1905-го года они всѣ немедленно получили полную свободу; теперь освобождаются безусловно только высланные за участіе въ безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также тѣ, надъ которыми ограниченіе въ правахъ избранія мѣста жительства тяготѣетъ уже свыше трехъ лѣтъ, или которые подвергнуты карѣ на срокъ не свыше одного года. Армія административно сосланныхъ подвергается, такимъ образомъ, не упраздненію, а только сокращенію. Ничего не сказано въ указѣ о возстановленіи политическихъ правъ хотя бы въ тѣхъ случаяхъ, когда они утрачены не вслѣдствіе тяжести наложеннаго судомъ наказанія, а вслѣдствіе недостаточной опредѣленности—или неправильнаго толкованія—нашихъ избирательныхъ законовъ. Не распространяется, наконецъ, дѣйствіе указа на должностныхъ лицъ Финляндіи, обвиненныхъ недавно русскими судами, на основаніи русскихъ законовъ. Нельзя, поэтому, ожидать въ ближайшемъ будущемъ наступленія тѣхъ послѣдствій, которыя обычно влечетъ за собою амнистія: смягченія противорѣчій, торжества прими-

рительныхъ стремленій, перехода въ новый, болѣе радостный и плодотворный періодъ государственной жизни. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ уже много лѣтъ живетъ Россія, для достиженія этой цѣли недостаточно было бы, впрочемъ, и самой широкой амнистіи. Освобожденіе осужденныхъ не служитъ, само по себѣ, ручательствомъ въ томъ, что завтра же не потянется вновь длинный рядъ аналогичныхъ приговоровъ; возвращеніе ссыльныхъ не даетъ увѣренности, что мѣсто ихъ на окраинахъ государства не займутъ, въ самомъ скоромъ времени, новыя вереницы обездоленныхъ людей.

Въ такія минуты, какъ только что пережитая Россіей, ожиданія идутъ дальше сведенія счетовъ съ прошедшимъ; они направляются въ будущее, освѣщая его тѣмъ свѣтомъ, котораго недостаетъ настоящему. Спокойно вступить въ новое столѣтіе русскій народъ могъ бы только тогда, еслибы оно принесло ему обезпеченіе элементарныхъ правъ, осуществленіе обѣщанныхъ ему свободъ, твердость и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрепятственную усовершаемость закона. Суррогатами этихъ благъ не богутъ служить льготы, предоставляемыя отдѣльнымъ сословіямъ и классамъ. Такихъ льготъ въ недавнемъ прошломъ было много—но о какой изъ нихъ можно сказать, что она достигла своей цѣли? Дворянству, напримѣръ, былъ оказанъ, въ теченіе послѣдней четверти вѣка, цѣлый рядъ милостей; существовалъ даже, нѣсколько лѣтъ сряду, особый комитетъ, изыскивавшій и проводившій мѣры направленныя къ поддержанію и развитію дворянскаго землевладѣнія. Предупредили ли, задержали ли онѣ его упадокъ? Есть ли основаніе думать, что больше реальной пользы принесетъ ему десятимилліонный фондъ, предназначаемый, указомъ 21-го февраля, «на усиленіе основныхъ капиталовъ губернскихъ дворянскихъ кассъ взаимопомощи и иныхъ взаимо-вспомогательныхъ дворянскихъ учрежденій»?.. Не лишнимъ, конечно, можетъ оказаться образуемый, въ силу III-го пункта указа, капиталъ, проценты съ котораго будутъ идти на «мѣропріятія по улучшенію условій труда и упроченію хозяйственнаго быта сельскаго населенія»; но несравненно бо́льшую службу крестьянству могла бы сослужить такая организація земскихъ и центральныхъ представительныхъ учрежденій, въ которой ему было бы отведено надлежащее мѣсто. При этомъ условіи едва ли предстояла бы

надобность въ особомъ комитетѣ, предусмотрѣнномъ въ I-мъ пунктѣ указа: призрѣніе сиротъ сельскаго населенія входитъ въ кругъ задачъ земства и государства и лучше всего можетъ быть выполнено ихъ совмѣстною дѣятельностью, цѣлесообразно организованною и не встрѣчающею препятствій, ни въ законодательствѣ, ни въ образѣ дѣйствій правительственной власти. .

Послѣ февральскихъ дней 1913-го года, какъ и до нихъ, Россія стоитъ на распутьѣ. Двинуть ее впередъ можетъ только рѣшительное возвращеніе къ завѣтамъ, намѣченнымъ въ манифестѣ 17-го октября 1905-го года.

К. Арсеньевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

«Старые годы». Ежемѣсячникъ для любителей искусства и старины. 1912 г. январь—декабрь. Цѣна 9 руб.

Этотъ «ежемѣсячникъ для любителей» далеко не любительская затѣя. «Старые годы» всесторонне изучаютъ исторію искусства въ Россіи,—какъ русскаго искусства, такъ и иностраннаго въ его отношеніяхъ къ нашему отечеству. Въ семь лѣтъ своего существованія «Старые годы» много сдѣлали для поднятія въ русскомъ обществѣ интереса къ искусству, популяризовали многое незаслуженно остававшееся въ тѣни, значеніе многаго выяснили и подчеркнули, своими указаніями спасли нѣсколько памятниковъ художественной старины, которымъ грозила гибель. «Историзмъ», которымъ увлеклось въ послѣдніе годы наше общество, въ значительной степени созданъ «Старыми годами» и въ свою очередь создалъ имъ исключительный успѣхъ, въ лѣтописяхъ нашей художественной прессы до сихъ поръ неслыханный. Благодаря «Старымъ Годамъ» русское общество узнало, какъ велики накопленныя въ Россіи сокровища искусства. Предъ нимъ какъ бы раскрылись настежь двери старинныхъ усадебъ и барскихъ домовъ, гдѣ еще сохраняются картины великихъ мастеровъ, рѣдкая и стильная мебель, расписные вѣера и табакерки XVIII вѣка, серебро, фарфоръ. Въ прошлогднихъ книжкахъ журнала мы находимъ два описанія такихъ сокровищницъ. Одна принадлежитъ князьямъ Кочубей, петербургскій домъ которыхъ представляетъ собою настоящій музей старинаго искусства, но безъ музейной мертвенности. Другая, собраніе А. З. Хитрово, находится также въ Петербургѣ; владѣлецъ недавно скончался, и его наслѣдіе должно быть раздроблено; небольшая часть его завѣщана Эрмитажу и, конечно, сохранится навсегда. Лучшее богатство обоихъ этихъ собраній—картины. Въ первомъ находятся работы Перуджино, Бартоломео ди Серафимо, Тенирса, Греза, Гюберъ Робера, флорентійскихъ и голландскихъ мастеровъ. Собраніе Хитрово поражаетъ и богатствомъ, и подборомъ вещей. Особенно хороша коллекція англійскихъ портретистовъ, которой и въ Англіи могутъ позавидовать.—О печальной судьбѣ знаменитаго проекта Витберга разсказываетъ по неизданнымъ документамъ сынъ этого великаго художника. Исторія давно реабилитировала оклеветаннаго Витберга, представляющаго собою чрезвычайно типичную фигуру. Это былъ до послѣдней черточки законченный «вольный каменщикъ» въ искусствѣ, художникъ-жрецъ, для котораго творчество являлось богослуженіемъ. Кто прочиталъ его знаменитый проектъ храма Христа Спасителя, тому ясна душа строителей великихъ европейскихъ соборовъ. Въ иномъ родѣ печально переданная В. Гернгроссомъ исторія ханскаго Бахчисарайскаго дворца, замѣчательнаго архитектурнаго памятника, который страдалъ одинаково и отъ небрежности своихъ охранителей,и отъ ихъ неумѣлыхъ реставраторскихъ опытовъ.—Вообще журналъ внимательно слѣдитъ за всевозможными проявленіями вандализма; весьма вѣсокъ его отрицательный отзывъ о законопроектѣ, касающемся охраненія памятниковъ старины и искусства. По своему откликаются «Старые Годы» на современность. Такъ, по поводу юбилея 12-го года журналъ выпустилъ номеръ съ рядомъ изслѣдованій подъ общимъ заглавіемъ: «Двѣнадцатый годъ и иностранные художники XIX вѣка въ Россіи». Эта книга—одинъ изъ самыхъ существенныхъ плодовъ прошлогодняго юбилея. Издаются «Старые годы», если можно такъ выразиться, «аристократически», несмотря на вовсе не-аристократическую подписную цѣну: множество иллюстрацій, но безъ пестроты, и скромность, которая стоитъ дорого.

Н. Л.

«Русскій Библіофилъ». Журналъ историко-литературный и библіографическій. 1912 г. №№ I—VIII. Цѣна 6 р. 50 к.

«Русскій Библіофилъ» — единственный у насъ журналъ, посвященный спеціально исторіи литературы. Его названіе далеко не исчерпываетъ его содержанія и цѣлей; и интересы «чистаго библіофильства въ немъ не на первомъ планѣ. Онъ даетъ много матеріаловъ и изслѣдованій по исторіи литературы и искусства, поскольку оно соприкасается съ литературой и книгой—преимущественно въ предѣлахъ двухъ послѣднихъ столѣтій. Весьма цѣнными матеріалами для исторіи русской культуры являются обзоры В. Семенникова «Типографіи рас-

кольниковъ въ Клинцахъ», «Библіографическій списокъ книгъ, напечатанныхъ въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ», «Раннее издательское общество Н. И. Новикова» или наброски П. Столпянскаго «Къ исторіи провинціальныхъ публичныхъ библіотекъ въ эпоху императора Николая I»; иныя страницы этихъ статей можно перенести прямо въ мартирологъ отечественной образованности. А. Ѳоминъ извлекъ изъ тургеневскаго архива интересныя данныя для исторіи русской интеллигенціи, которыя изложилъ въ двухъ статьяхъ: «Андрей Ив. Тургеневъ и А. С. Кайсаровъ» и «А. С. Кайсаровъ». Диссертація Кайсарова «de manumittendis per Russiam servis» была одною изъ первыхъ попытокъ теоретической разработки освобожденія крестьянъ. Средній кругъ русской интеллигенціи двадцатыхъ годовъ характеризуется опубликованнымъ А. А. Веселовскимъ журналомъ засѣданій «Сословія друзей просвѣщенія», болѣе извѣстнаго подъ именемъ кружка С. Д. Понамаревой. Съ исторіей замѣчательнаго опыта русскаго правительства оказать вліяніе на европейское общественное мнѣніе знакомитъ статья В. Андерсона о книгѣ Лакруа: «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, empereur de Russie». Поль Лакруа, онъ же «Библіофилъ Жакобъ» сообщилъ въ 1859 г. русскому послу въ Парижѣ, что намѣренъ написать исторію «одного изъ величайшихъ царствованій, отмѣченныхъ въ лѣтописяхъ Россійской имперіи», и очень скоро ему было назначено на три года по десяти тысячъ рублей. Лакруа пріѣхалъ въ Петербургъ и тамъ сталъ собирать матеріалы для своей работы, причемъ въ руководители ему былъ данъ опытный и хитрый М. А. Корфъ, позаботившійся не только объ его информаціи въ желательномъ направленіи, но и о нарочитомъ приспособленіи для него историческихъ источниковъ, изъ которыхъ были, напримѣръ, исключены «происшествія административныя», чтобы они не «повлекли за собою нелѣпое толкованіе». Вообще отъ Лакруа постарались скрыть «нашу подноготную», да онъ и самъ не обнаружилъ на этотъ счетъ лишней любознательности. Съ цѣлью реабилитаціи Николая I, Лакруа написалъ нѣсколько томовъ, въ которыхъ рисовалъ русскаго монарха самыми идеальными красками; но ни въ Россіи, ни на западѣ эта тенденціозная книга, часто переходящая въ панегирикъ, не произвела никакого впечатлѣнія: крымская война и реформы шестидесятыхъ годовъ слишкомъ ярко освѣтили тридцатилѣтіе, которое воспѣвалъ наемный историкъ. Типичнымъ политическимъ консерваторомъ николаевской эпохи является поэтъ Жуковскій въ замѣчательной перепискѣ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, напечатанной въ 7—8 № журнала. Этотъ номеръ весь посвященъ Жуковскому (какъ въ 1911 г. спеціальный номеръ былъ отведенъ Пушкину). Журналъ даетъ возможность слѣдить за русскимъ и иностраннымъ издательскимъ и книжно-антикварнымъ дѣломъ, помѣщая не бѣдную хронику, библіографію и интересныя корреспонденціи изъ-за границы. Иллюстрируется онъ красиво и со вкусомъ, и вообще внѣшность его безукоризненна.

Н. Л.

В. Всеволодскій (Гернгроссъ). Исторія театральнаго образованія въ Россіи. Томъ I (XVII и XVIII вѣка). Изданіе дирекціи Императорскихъ Театровъ. 1913. Цѣна 3 руб. 25 коп.

По исторіи русскаго театра написано немало, сравнительно хорошо обслѣдованы его происхожденіе и бытъ, но всегда оставались темными пути, по которымъ слѣдовала театральная школа, возникшая у насъ одновременно съ театромъ. Уже на первыхъ порахъ своего существованія театръ понималъ, что нельзя довольствоваться талантливыми и вдохновенными самоучками, что необходимо составить школу и учебную традицію, и только при этомъ условіи театръ можетъ стать чѣмъ-то большимъ, чѣмъ праздное развлеченіе. Книга г. Всеволодскаго стремится этотъ пробѣлъ восполнить и дать исторію обученія сценическому искусству въ Россіи. Конечной своей цѣли авторъ не достигъ, отчасти по недостатку критической зоркости и чуткости, отчасти по качественной скудости матеріаловъ, количественно не бѣдныхъ и досконально авторомъ изученныхъ, а отчасти и открытыхъ. Авторъ знакомитъ насъ больше съ историко-бытовыми условіями существованія русскаго театра въ его младенческую эпоху, чѣмъ съ театральной педагогіей, съ ея опытами и практическими пріемами. Императорскому театральному училищу предшествовали въ дѣлѣ театральнаго образованія сухопутный шляхетный корпусъ, московскій университетъ, московскій воспитательный домъ, академія художествъ, Смольный институтъ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ интересовались театромъ, но преимущественно какъ развлеченіемъ. Исторіи русскаго театральнаго образованія авторъ предпослалъ обширное введеніе. Это—работа элементарная, сводящаяся къ повторенію давно извѣстнаго, но въ данномъ случаѣ необходимая. Въ Россіи театръ возникъ не самостоятельно; онъ пришелъ въ нее уже «готовымъ», принеся съ собою и огромный

практическій опытъ, и разработанную теорію сценическаго искусства, и педагогическія традиціи; на этой богатой почвѣ создалась молодая русская сцена. Таковъ основной фактъ, подтвержденный изслѣдованіемъ г. Всеволодскаго. Жаль, что его книга напечатана въ количествѣ только пятисотъ экземпляровъ. Изъ-за недовѣрія къ книжному рынку много капитальныхъ и полезныхъ работъ становятся у насъ библіографическими рѣдкостями и только обогащаютъ букинистовъ.

Н. Л.

Р. Тепферъ. О прекрасномъ въ искусствѣ. Размышленія и замѣтки женевскаго художника. Переводъ съ французскаго М. Д. Г. Спб., 1913. Цѣна 90 коп.

Извѣстный эстетическій трактатъ Тепфера (1799 — 1846 гг.), швейцарскаго живописца и беллетриста, впервые появляется на русскомъ языкѣ, съ сокращеніями, противъ которыхъ ничего нельзя возразить, такъ какъ они произведены весьма умѣло и избавляютъ читателя отъ необходимости блуждать вслѣдъ за авторомъ въ лабиринтѣ всевозможныхъ отступленій по разнымъ поводамъ. Благодаря такой редакціи, съ книги стерта неизбѣжная пыль годовъ, и исчезло впечатлѣніе устарѣлости. Взгляды Тепфера на искусство сложились подъ вліяніемъ современной ему германской философіи. «Прекрасное въ искусствѣ вытекаетъ непосредственно изъ человѣческой мысли... Оно должно раздѣлять и основныя свойства всякой мысли: безпредѣльное могущество, безконечную измѣнчивость и безграничную свободу, — три элемента, которые нельзя ни анализировать, ни заключить въ формулу, ни выразить словами... Я пришелъ къ убѣжденію, что существенные элементы прекраснаго неуловимы; я испытываю увѣренность въ реальномъ существованіи этого прекраснаго; оба эти убѣжденія суть основныя предпосылки, изъ которыхъ вытекаетъ заключеніе, что абсолютная сущность прекраснаго — Богъ». Въ метафизику и философію искусства Тепферъ не внесъ ничего новаго и оригинальнаго, но, основываясь на высказанномъ символѣ вѣры и руководствуясь и превосходнымъ общимъ, и спеціальнымъ образованіемъ, и техническими знаніями, навыками и наблюденіями художника, привыкшаго смотрѣть на міръ не выпуская изъ рукъ кисти или карандаша, онъ, въ немного вялой, но изящной манерѣ, преподалъ рядъ объясненій и совѣтовъ, полезныхъ всѣмъ, кто любитъ искусство и учится ему.

Н. Л.

Louis Broussennard. La Terreur en Macédoine. Recit vrai. Парижъ, 1913. Стр. 395.

Исторія, разсказанная Буссенаромъ, полна кровавыхъ ужасовъ и чудесныхъ приключеній. Въ Македоніи, въ окрестностяхъ Приштины, свирѣпствуетъ албанскій бекъ, жестокій Марко, собирающій въ извѣстные сроки дань съ подвластныхъ ему поселянъ. Онъ врывается съ своею разбойничьей шайкою, въ сопровожденіи вѣрнаго ему ручного леопарда, въ домъ сельскаго старшины Григорія Пертикари, гдѣ происходитъ большое семейное торжество — свадьба дочери, красавицы Никеи, съ красавцемъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, Іоаннесомъ. Влюбленная парочка, слѣдя за танцами гостей, подъ звуки «гузлы» и «тамбурина», сидитъ въ углу и обмѣнивается мыслями о тяжеломъ турецко-албанскомъ игѣ, о суровыхъ налогахъ и т. п., въ тотъ самый моментъ, когда показывается разбойничья ватага. Марко прежде всего выпускаетъ своего леопарда на стадо овецъ старшины, потомъ требуетъ уплаты дани золотомъ, отрѣзываетъ ухо у старика-хозяина, требуетъ, чтобы ему отдали въ жены Никею, и, получивъ отказъ, хватаетъ ее насильно. Женихъ ея, Іоаннесъ, исчезаетъ и вскорѣ является съ толпою молодыхъ крестьянъ, вооруженныхъ косами; Марко вынужденъ съ своей шайкой держаться внутри дома, довольствуясь стрѣльбой изъ оконъ, въ ожиданіи прихода вспомогательнаго отряда, за которымъ посланъ ручной леопардъ. Крестьяне подводятъ подкопъ подъ осажденный домъ, но является свѣжій отрядъ албанцевъ и устраиваетъ бойню. Іоаннеса Марко увозитъ съ собою для болѣе утонченной мести. Плѣнникъ, при переходѣ рѣки въ бродъ, бросается въ воду и прячется у берега, въ кустахъ; тамъ находятъ его товарищи. Никея также, какимъ-то чудомъ, освобождается отъ Марко; Іоаннесъ, наконецъ, одолѣваетъ злодѣя и выкалываетъ ему глаза. «Страшный романъ» кончается возгласами въ честь «свободной Македоніи».

Авторъ увѣряетъ, что излагаемые имъ факты не выдуманы имъ, а списаны съ натуры; но въ его «исторіи» встрѣчается слишкомъ много несообразностей, и вся книга производитъ впечатлѣніе неудачнаго и легковѣснаго сочинительства на модную тему о балканскихъ звѣрствахъ.

Л. С.

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Критика ученія Штирнера. Перев. съ нѣм. подъ редакціей, съ примѣчаніями и вступительною статьею В. Гиммельфарба. Спб., 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Оригинальный трактатъ Макса Штирнера (псевдонимъ Каспара Шмидта),: «Единственный и его собственность», появился у насъ въ русскомъ переводѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ приложеніемъ біографическаго очерка Макая и обширныхъ литературныхъ примѣчаній гг. Гиммельфарба и Гохшиллера. Это изданіе дополняется теперь новою книгою, заключающей въ себѣ критическій этюдъ Маркса и Энгельса о «святомъ Максѣ» и обстоятельную статью г. В. Гиммельфарба о «соціальной философіи Штирнера». Само собою разумѣется, что критика разбираемаго ученія — и тѣмъ болѣе, такая безпощадная и ядовитая, какъ критика Маркса,—можетъ представлять интересъ только для лицъ, хорошо знакомыхъ съ сочиненіемъ Штирнера или имѣющихъ подъ рукою указанное выше его изданіе.

Л. С.

Очерки русской исторіи, составили Е. Вишняковъ и Пичета. Книгоиздательство «Польза» В. Антикъ и К°. Москва. Цѣна 1 р. 25 коп.

Очерки Е. Вишнякова и В. Пичеты должны, по мысли ихъ авторовъ, быть промежуточной ступенью между сухимъ учебникомъ, въ которомъ читатель черпаетъ первоначальные элементы своихъ историческихъ знаній, и спеціальными работами, чтеніе которыхъ требуетъ уже извѣстнаго навыка. Къ сожалѣнію, книга не вполнѣ удовлетворяетъ этой задачѣ. Небольшой ея размѣръ (246 стр.) заставилъ авторовъ придать ей конспективный характеръ, что придаетъ ей болѣе сухой характеръ, чѣмъ это было бы желательно. «Очерки по исторіи русской культуры» Милюкова, «Краткое пособіе» проф. Ключевскаго, которые авторы книги считаютъ трудными для лицъ знакомыхъ только съ учебникомъ нисколько не труднѣе ихъ «Очерковъ». Другой недостатокъ книги, неравномѣрность ея отдѣльныхъ частей. Первая часть книги, написанная Е. И. Вишняковымъ,—доведена до XVIII ст. Въ ней небольшая часть отведена Кіевской Руси и гораздо полнѣе и обстоятельнѣе разработанъ Московскій періодъ Русской исторіи. Въ части, написанной В. И. Пичета, матеріалъ расположенъ не по царствованіямъ, а по отдѣльнымъ вопросамъ. Даются общіе обзоры экономическаго развитія, сословнаго строя, государственнаго строя и т. д.; при этомъ неизбѣжны повторенія. Есть и нѣкоторые недочеты; напримѣръ, не указанъ соціальный составъ городовъ XVIII ст. Наиболѣе полно составлена глава, посвященная царствованію Александра I.

А. Т.

В. И. Чарнолускій. 1) Настольная книга по внѣшкольному образованію. Цѣна 3 р. 50 коп. 2) Справочная книга объ обществахъ и союзахъ. Цѣна 1 р. 50 коп. 3) Справочная книга о школахъ и курсахъ для взрослыхъ, народныхъ университетахъ и народныхъ домахъ. Цѣна 50 коп. 4) Справочная книга о собраніяхъ и съѣздахъ, публичныхъ лекціяхъ и народныхъ чтеніяхъ. Цѣна 50 к. 1913 г.

Настольная книга по внѣшкольному образованію даетъ полный сводъ законоположеній, циркуляровъ различныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, сенатскихъ разъясненій и разнаго рода справочныхъ свѣдѣній. Книга отличается добросовѣстностью обработки. Матеріалъ расположенъ очень удобно; кромѣ свѣдѣній юридическаго характера, сведены итоги организаціонной общественной дѣятельности въ области внѣшкольнаго образованія, даны типы уставовъ библіотекъ, обществъ, школъ для взрослыхъ и т. д. «Справочныя книги» составляютъ оттиски изъ «Настольной книги» по отдѣльнымъ вопросамъ внѣшкольнаго образованія и предназначаются для учрежденій и лицъ, интересующихся одной областью вопросовъ.

А. Т.

Джорджъ Беркли. Опытъ новой теоріи зрѣнія. Пер. съ англійскаго прив.-доцента Казанскаго Ун-та А. О. Маковельскаго. Казань. 1913. Цѣна 1 руб.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ русскомъ переводѣ классической работы Д. Беркли. За два съ лишнимъ вѣка, протекшихъ со времени выхода ея въ свѣтъ («Опытъ» 24 лѣтняго Беркли былъ обнародованъ имъ въ 1709 г.), по вопросу о природѣ зрѣнія накопилась бездна матеріалу, по сравненію съ которой факты, бывшіе въ распоряженіи клоинскаго епископа, являются чѣмъ-то крайне недостаточнымъ. Но и въ настоящее время нельзя не удивляться глубинѣ и проницательности психологическаго анализа Беркли, благодаря которымъ его работа явилась исходнымъ пунктомъ для позднѣйшихъ эмпирическихъ теорій зрѣнія.

Переводу предпослано довольно обстоятельное и содержательное «Введеніе» переводчика, въ которомъ онъ даетъ краткую исторію проблемы зрѣнія до Беркли и разъясняетъ мѣсто, занимаемое «Опытомъ» въ общей философской концепціи великаго идеалиста.

П. Ю.

С. М. Богословскій, санитарный врачъ Московскаго Губернскаго Земства. Система профессіональной классификаціи. Москва, 1913 г. Изданіе Московскаго Губернскаго Земства.

Эта книга, какъ опредѣляетъ ея цѣль самъ авторъ, должна служить справочникомъ, который, давая систематизированную номенклатуру производствъ, промысловъ и не-промысловыхъ дѣятельностей, могъ бы помочь ихъ группировкѣ по санитарнымъ признакамъ. Книга распадается на нѣсколько отдѣловъ, изъ которыхъ самыми обширными являются классификація и номенклатура детальныхъ профессій съ краткой характеристикой техники и санитарныхъ условій производствъ и промысловъ и въ особенности отдѣлъ «алфавитный списокъ детальныхъ профессій, ихъ санитарные признаки». Въ этомъ отдѣлѣ противъ каждаго названія профессіи дается краткая, но исчерпывающая характеристика санитарныхъ, преимущественно отрицательныхъ ея свойствъ. Напр., работа «гранильщика стразъ» характеризуется такъ: «замкнутое помѣщеніе, пыль, содержащая свинецъ, напряженіе зрѣнія, напряженіе вниманія, сидячее согнутое положеніе, соприкосновеніе со свинцомъ, при изготовленіи малахита—соприкосновеніе съ мышьякъ содержащими красящими веществами, пыль стеклянная, напряженіе пальцевъ рукъ и кистей и мелкія движенія ими, напряженіе правой ноги при вращеніи точильнаго колеса, соприкосновеніе съ грязью, промоканіе, влажный воздухъ». Весьма возможно, что спеціалисты, какъ предполагаетъ и авторъ книги, найдутъ въ ней дефекты въ видѣ, напр., пропуска нѣкоторыхъ профессій, недостаточно точной и подробной характеристики въ санитарномъ отношеніи нѣкоторыхъ профессій, устарѣвшихъ, неупотребительныхъ названій и т. п. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что д-ромъ Богословскимъ выполненъ единолично колоссальный трудъ, который явится совершенно незамѣнимымъ пособіемъ для всѣхъ, занимающихся вопросами профессіональной гигіены и статистики. В. В—ъ.

С. А. Первушинъ. Опытъ теоріи массоваго алкоголизма въ связи съ теоріей потребностей. Труды постоянной комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ. Цѣна 40 коп. Спб., 1912 г.

Книжка г. Первушина несомнѣнно заслуживаетъ вниманія всѣхъ, интересующихся борьбой съ алкоголизмомъ, какъ народной болѣзнью. Для изученія тяжелыхъ послѣдствій алкоголизма сдѣлано очень много, и работа въ этомъ направленіи идетъ безостановочно; но изученію причинъ алкоголизма, въ частности статистическому изученію причинъ его удѣлялось и удѣляется слишкомъ мало мѣста, въ силу чего теорія алкоголизма, какъ массоваго явленія, почти не разработана. А пока не изучены причины этого народнаго зла, трудно говорить о надлежащихъ мѣрахъ борьбы съ нимъ. Предлагая заняться въ первую очередь статистическимъ изслѣдованіемъ алкоголизма, авторъ указываетъ и путь, по которому можетъ пойти изслѣдованіе. Не нужно спеціальныхъ алкогольно-статистическихъ институтовъ: требуется соглашеніе со статистическими бюро земскихъ и городскихъ самоуправленій, которыя все равно обстоятельствами жизни побуждаются къ цѣлому ряду бюджетныхъ и иныхъ изслѣдованій. Называя соціальнымъ алкоголизмомъ ту форму его, которая захватываетъ обездоленные классы населенія, не имѣющіе увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, авторъ относитъ ее къ массовому алкоголизму, въ составъ котораго входятъ еще, по его терминологіи, столовой алкоголизмъ и бытовой или обрядовый. Соціальный алкоголизмъ, обусловливаемый матеріальной неудовлетворительностью, помѣщенъ авторомъ въ одномъ отдѣлѣ съ алкоголизмомъ, вызываемымъ моральной неудовлетворенностью. Значительная часть книжки посвящена очень интереснымъ, можетъ быть не всегда безспорнымъ, но наводящимъ на размышленія разсужденіямъ о соціальномъ алкоголизмѣ.

В. Б—ъ.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Авсѣенко, В. І. Лгуны. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Амфитеатровъ, А. В. Собраніе сочиненій. Т. Ш. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Аріянъ, П. Н. Первый женскій календарь на 1913 годъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Бертенсонъ, Сергѣй. Къ библіографіи матеріаловъ о Гоголѣ. Спб., 1912 г.

Брусянинъ, В. В. Указатель книгъ и статей о Гос. Думѣ. Москва, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Быковъ, Алексѣй. Чертополохъ. Книга послѣдняя. Спб., 1913 г.

Бѣдный, Демьянъ. Басни. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Вейле, К. Культура «безкультурныхъ» народовъ. Спб., 1913 г.

Веригo, Б. Ф. Біологія клѣтки, какъ основа ученій о зородышевомъ развитіи и размноженіи. Одесса, 1913 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Волкова, М. М. Нервныя болѣзни, предупрежденіе и лѣченіе ихъ. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Вольфъ, Вальтеръ. Желудочно-кишечныя болѣзни. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Герасимовъ, Н. Пѣвецъ любви. Драматическая повѣсть. Москва, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Дмитріева, В. І. Разсказы, Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Духовская, Варвара. Туркестанскія воспоминанія. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Eckert, д-ръ. Краткій учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Москва, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Златовратскій, Н. Н. Собраніе сочиненій. Т. V., VII и VIII. Спб., 1913 г. Цѣна каждаго тома 1 руб. 50 коп.

Карѣевъ, Н. Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи. Серія первая. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Келлеръ, К. Происхожденіе домашнихъ животныхъ. Спб., 1913 г.

Козлинина, Е. И. За полвѣка 1862 — 1912 гг. Пятьдесятъ лѣтъ въ стѣнахъ суда. Москва, 1913 г. Цѣна 3 руб.

Колоножникова, Г. М. Облигаціи торгово-промышленныхъ Акціонерныхъ Товариществъ. Часть І. Томскъ. 1912 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Cohn-Wiener. Исторія стилей изящныхъ искусствъ. Москва, 1913 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Коробовъ, Иванъ. Далекіе огни. Стихи. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Клюкъ, Константинъ. Собраніе сочиненій. Т. І. Покаяніе. Романъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Кумовъ, Романъ. Въ татычнину ночь. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Лазаревскій, Борисъ. Собраніе сочиненій. Т. V. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Лурье, Е. С. Организація и организаціи торгово-промышленныхъ интересовъ въ Россіи. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Львовъ-Рогачевскій, В. Снова наканунѣ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мелиховъ, В. А. Виргилій и его «Георгики». Харьковъ, 1913 г. Цѣна 20 коп.

Михайловъ, В. А. Великая разруха Государства Московскаго и начало Дома Романовыхъ 1613—1913. Нижній-Новгородъ, 1913 г. Цѣна 6 к.

Муратовъ, П. Образы Италіи. Т. II. 2-ое изданіе. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 85 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Собраніе сочиненій Т. Ш. Спб., 1913 г., Цѣна 1 р. 25 коп..

Никольскій, Вл. Къ вопросу объ индивидуализированномъ лѣченіи и предупрежденіи заболѣваній. Варшава, 1913 г.

Пажитновъ, К. А. Развитіе соціалистическихъ идей въ Россіи. Т. І. Харьковъ, 1913 г. Цѣна 2 руб.

Петровскій, М. П. Отголоски славянской поэзіи. Казань, 1913 г. Цѣна 1 р. 70 коп.

Пустослева, Ю. И. Элементарная теорія музыки. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р.

Рубакинъ, Н. А. Письма къ читателямъ о самообразованіи. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р.

Рывкинъ, М. Д. Навѣтъ. Романъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Серафимовичъ, А. Городъ въ степи. Романъ. Спб., Цѣна 1 р. 25 коп.

Сапѣгинъ, А. А. Законы наслѣдственности, какъ основа селекціи сельско-хозяйственныхъ растеній. Одесса, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Соловьевъ Вл. С. Собраніе сочиненій. Подъ ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Второе изданіе. Т. VIII. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб.

Стернъ, А. В. Сочиненія. Забытая тетрадь. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Сургучевъ, Илья. Томъ II. Разсказы. Спб., 1913 г., Цѣна 1 руб. 25 коп.

Сыромятниковъ, Б. И. Краткій обзоръ и указатель литературы по исторіи государственной власти въ Россіи. Москва, 1913 г. Цѣна 25 к.

Тверской, П. А. Земельный голодъ и борьба съ нимъ. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Тейхмюллеръ, Густавъ. Дѣйствительный и кажущійся міръ. Новое основаніе метафизики. Пер. съ нѣм. Я. Красникова. Казань, 1913 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Тіандеръ, К. Датско-русскія изслѣдованія. Вып. II. Спб., 1913 г., Цѣна 2 руб.

Трёлье-Лундъ. Небо и міровоззрѣніе въ круговоротѣ времени. Одесса, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Флоровскій, В. Г. Изъ прошлаго русской мысли. Одесса. 1912 г.

Фоминъ, А. И. Общая характеристика русскихъ финансовъ. Харьковъ, 1912 г.

Хольщевниковъ, С. Новая крѣпь. Очерки и разсказы. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Цандеръ, Р. Гигіена фивическихъ упражненій. Спб., 1913 г.

Чаяновъ, А. В. Кооперативное страхованіе скота. Харьковъ. 1913 г. Цѣна 30 коп.

Шагинянъ, Маріэта. Orientalia. Москва, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Шершеневичъ, Вадимъ. Carmina. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шукаревъ, А. К. Проблемы теоріи познанія. Одесса, 1913 г. Цѣна 1 р.

Энчъ, Эрнстъ. Музыка и душа. Москва, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Библіотека всемірной литературы. Европейскіе классики. I. В. Гёте въ трехъ томахъ. II. Гете. Фаустъ. III. Гете. Германъ и Доротея. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Москва, 1913 г.

Врачебная хроника Харьковской губ. № 184. Харьковъ, 1912 г.

Вѣстникъ русскаго сокольства № 1. Спб., 1913 г.

Вѣтви. Литературный сборникъ. Петроградъ, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Географія въ школѣ. Сборникъ № 1. Вопросы преподаванія и методики географіи въ средней и народной школѣ. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Государственные доходы по главнымъ источникамъ поступленій въ 1907—1911 гг. Спб., 1912 г.

Государственные расходы по главнымъ предметамъ назначенія въ 1907—1912 гг. Спб., 1912 г.

Ежегодникъ министерства финансовъ. Спб., 1912 г. Цѣна 5 руб.

Ежегодникъ Главн. Упр. Землеустройства и Земледѣлія по департаменту Земледѣлія на 1911 г. Спб., 1912 г. Цѣна 3 руб.

Желѣзорудная промышленность Южной Россіи въ 1911 году. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Естествознаніе въ школѣ. Сборникъ № 2. Преподаваніе начальнаго природовѣдѣнія. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Журналы засѣданій XV очередной сессіи 1912 года. Харьковъ, 1913 г.

Изданія Московскаго губ. земства: I. Условія доступности врачебной помощи для населенія Московской губ. В. С. Лебедева. II. Статистика болѣзненности населенія въ Московской губ. П. И. Куркина. III. Система профессіональной классификаціи С. М. Богословскаго Москва, 1913 г.

Изданія «Посредника»: № 285. Е. И. Попова. Новая геометрія. Книга I. № 274. Смекалка-догадка. Сост. М. Мандрыка. Борьба съ пьянствомъ. Вып. 28-й. Д. М. Лавровъ. Вліяніе алкогольныхъ напитковъ на человѣка. Москва, 1913 г.

Каменноугольная промышленность Россіи въ 1911 г. Вып. I. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 1 р.

Краткій отчетъ о пробной работѣ по установленію основаній оцѣнки земель въ Суражскомъ уѣздѣ. Черниговъ, 1913 г.

Критическое пособіе. Сборникъ выдающихся статей русской критики

за 100 лѣтъ. Кирѣевскій-Айхенвальдъ. Т. I, II и III. Спб., 1913 г. Цѣна за три тома 3 р. 75 коп.

Марганцевая промышленность Южной Россіи въ 1911 году. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Матеріалы къ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ Черниговской губ. Часть I. Города. Черниговъ, 1912 г.

Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII-вѣка. Вып. I. Изд. В. Ѳ. Саводника. Массонскіе труды И. В. Лопухина. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XXI. Купля-продажа земель въ Евр. Россіи въ 1906 г. Спб., 1912 г.

Морской сборникъ № 1. Январь. Спб. 1913 г.

Новыя идеи въ физикѣ. Сборникъ № 6. Природа теплоты. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Общество „Маякъ“. Двѣнадцатый годъ дѣятельности. Спб., 1913 г.

Отчеты о дѣятельности особаго городского присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ въ Москвѣ и Моск. Гор. Дома Трудолюбія и Работнаго Дома за 1911 годъ. Москва, 1912 г.

Первый альманахъ о-ва «Союзъ». Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Пособія при изученіи химіи. Вып. 2-ой. Фр. Содди. Химія радіоэлементовъ. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Обзоры главнѣйшихъ отраслей промышлен. и торговли за 1911 годъ Спб., 1912 г.

Распредѣленіе госуд. доходовъ за 1907—1911 гг. по числу душъ населенія. Спб., 1912 г.

Русско-англійскіе разговоры. Сост. подъ ред. Charles Mago. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Рюрикъ Иневъ и Петръ Эссъ у Пяти угловъ. Діалогъ. Взлетъ I. Спб., 1913 г. Цѣна 10 коп.

Сахалинъ. Сборникъ статей подъ общей ред. губерн. Д. Григорьева. О. Сахалинъ, 1912 г.

Сборникъ т-ва «Знаніе». Книга сороковая. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Свободная наличность гос. казначейства за 1892—1911 гг. Спб., 1912 г.

Сельско-хозяйственный обзоръ Пензенской губ за 1909—1911 гг. Вып. I. Пенза, 1912 г.

Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. Рѣчи и статьи. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за 1900 г. Спб., 1912 г.

Статистическій Ежегодникъ Тверской губ. (1910—1911 гг.). Тверь. 1912 г.

Статистическія свѣдѣнія по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Россійской Имперіи за 1908 годъ. Спб., 1912 г.

Страховые вопросы № 1. Вятка, 1913 г.

Труды перваго всероссійскаго съѣзда по библіотечному дѣлу въ С.-Петербургѣ. Въ двухъ частяхъ. Спб., 1912 г. Цѣна 4 руб. 50 коп.

Труды организаціоннаго бюро областного съѣзда по упорядоченію хлѣбной торговли на Югѣ Россіи. Вып. I. Екатеринославъ, 1912 г.

Украинская жизнь № 1. Москва, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Французско-русскій словарь. Сост. Н. Языковъ подъ ред. проф. Я. Дюменя. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Херсонская губернія. Сводъ цифровыхъ данныхъ. Вып. II. Херсонъ, 1912 г.

Энциклопедическій Словарь т-ва «Бр. А и И. Гранатъ и К°». Т. XVI. Городъ—Грецiя. Спб.,-Москва, 1913 г.

Lirondelle, Andrè. Le poète Alexis Tolstoï. L'homme et l'oeuvre. Paris, 1912. Prix 1912 fr.

Lirondelle, Andrè. Shakespeare en Russie. 1748—1840. Paris, 1912. Prix 5 fr.

Luxenburg, Rosa. Die Akkumulation des Kapitals. Berlin, 1913.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Издатель: М. М. Ковалевскій.
Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.